

№ 5

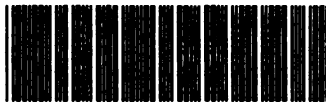
J. A. Egleroky
from P. Koosseff

АНТРОПОЛОГІЯ.

Many people do not know -
How much they must know -
To know -
How little they know...

Так-то!

15/VI/1937.
Paris.

№ 5

J. A. Egleroy
(from P. Ros...)

АНТРОПОЛОГІЯ.

Many people do not know -
How much they must know -
To know -
How little they know...

Так-то!

15/VI/1937.
Paris.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

АНТРОПОЛОГІЯ.

(ВВЕДЕНІЕ КЪ ИЗУЧЕНІЮ ЧЕЛОВѢКА И ЦИВИЛИЗАЦІИ)

ЭД. Б. ТАЙЛОРА

(sir Edward Burnett Tylor)

переводъ съ англійскаго

д-ра И. С. Ивина

съ 78 рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе И. И. Биливина и К°.

1882.

Типографія В. Ѳ. Демакова. Новый пер., д. № 7.

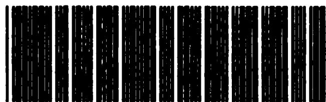

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе къ русскому изданію.

Знаменитый основатель позитивной философіи, Огюстъ Контъ, въ построеніи котораго классификація наукъ играетъ такую важную роль, писалъ въ своемъ „Курсѣ позитивной философіи“ (3 изд. 1869, I, 77) о „раздѣленіяхъ, которыя сами собою входятъ въ систему наукъ“ и которыя бываютъ „обусловлены испытываемымъ въ продолженіи значительнаго времени сознаніемъ истинныхъ потребностей человѣческаго ума“. Едва ли можно подыскать лучшій примѣръ въ подтвержденіе словъ великаго мыслителя XIX вѣка, какъ происхожденіе въ началѣ второй половины этого вѣка того комплекса знаній и научныхъ задачъ, который носитъ названіе *антропологіи*. Ея созданіе и продолжающаяся переработка произошли не подъ вліяніемъ авторитета какого либо первостепеннаго ученаго, не вслѣдствіе логическаго развитія систематизирующей мысли какого либо кабинетнаго философа, но были результатомъ совокупнаго дѣйствія нѣсколькихъ рядовъ ученыхъ работъ, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ отраслямъ научной мысли, при содѣйствіи совершенно независимаго отъ этихъ работъ возбужденія особыхъ философскихъ задачъ и столь же независимаго отъ обоихъ этихъ элементовъ проявленія жизненныхъ потребностей мысли цивилизованнаго общества нашего времени.

Что мы встрѣчаемъ до начала нашего столѣтія на томъ полѣ, которое теперь занимаетъ антропологія? Отрывочныя данныя знанія и еще болѣе отрывочныя попытки понять тѣ научныя задачи, которыя должны были впослѣдствіи составить самое существенное содержаніе будущей науки. Въ самомъ началѣ XVI вѣка, въ эпоху возрожденія свѣтской научной мысли, появляется въ литературѣ *слово* „антропологія“ (*Hundt*: „Antropologeion“ etc. Leipsic 1501). Въ XVII-мъ вѣкѣ, съ котораго начинается наука новаго времени, Уиллисъ (1664) произноситъ слова „сравнительная анатомія“ и въ концѣ вѣка появ-

№ 5

To A. Eglevsky
(from P. Kodossevich)

АНТРОПОЛОГІЯ.

Many people do not know -
How much they must know -
To know -
How little they know...

Tak-mo!

15/VI/1937.
Paris.

[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

АНТРОПОЛОГІЯ.

(ВВЕДЕНІЕ КЪ ИЗУЧЕНІЮ ЧЕЛОВѢКА И ЦИВИЛИЗАЦІИ)

ЭД. Б. ТАЙЛОРА

(sir Edward Burnett Tylor)

переводъ съ англійскаго

д-ра И. С. Ивина

съ 78 рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе И. И. Билибина и К°.
1882.

отъ негра и индуса, но и выработавшееся въ теченіи исторіи различіе англичанина отъ француза и нѣмца, китайца отъ калмыка, и еще болѣе тонкое антропологическое различіе горнорабочаго всѣхъ странъ отъ лавочника, отъ профессора, даже отъ портнаго; а ступени развивающихся въ своемъ разнообразіи общественныхъ формъ, общественныхъ религій, общественной техники и общественныхъ знаній развѣ въ самыхъ низшихъ своихъ элементахъ имѣли нѣкоторыя параллели въ мірѣ другихъ животныхъ. Приходилось старую задачу „сравнительной анатоміи“, поставленную еще въ XVII-мъ столѣтіи, не только обработать въ приложеніи къ человѣку съ помощью самыхъ точныхъ пріемовъ научной техники XIX-го вѣка, не только внести ее въ классификацію группы „человѣкоподобныхъ“ или „приматовъ“, но еще развернуть ее въ задачу новой „морфологіи“, гдѣ органы и отправленія человѣка оказывались членами длиннаго ряда органовъ и отправленій, развивающихся во всемъ органическомъ мірѣ, продолжающаго развиваться въ различныхъ разновидностяхъ человѣка и вырабатывающагося здѣсь въ такія сложныя интеллектуальныя, аффективныя и соціологическія формы и процессы, которые требуютъ совершенно особыхъ пріемовъ изслѣдованія, гораздо болѣе привычныхъ психологу, экономисту, юристу, историку, чѣмъ зоологу и физіологу. Приходилось писать не только „естественную исторію“ расъ или народовъ, „пребывающихъ въ естественномъ состояніи», но и „естественную исторію“ историческихъ національностей, естественную исторію соціологическихъ типовъ, обусловленныхъ раздѣленіемъ труда. Приходилось, наконецъ, установить границы и переходные пункты между формами культуры, которыя по праву могутъ представлять параллель съ государствами муравьевъ и пчелъ, съ семьями голубей и тигровъ, съ техническими пріемами термитовъ и бобровъ, и явленіями цивилизаціи, которыя дали поэму Лукреція, драму Шекспира, Principia Ньютона, The origin of Species Дарвина Das Kapital Маркса. Надлежащимъ образомъ понятая „естественная исторія человѣка“, чтобы быть столь же полною и научною, какъ другія отрасли зоологіи, выходила во имя началъ эволюціи изъ предѣловъ задачи зоологической.

Но рядомъ съ этимъ стояла задача *историческая*.

И какъ продолженіе и какъ реакція мысли XVIII-го вѣка, мысль XIX-го стала преимущественно мыслью историческою, и самая теорія эволюціи въ біологіи была отраженіемъ въ этой области историческаго пріема мышленія точно также, какъ этотъ пріемъ отразился за полвѣка ранѣе въ Werden Гегеля и въ его рядахъ „логическихъ категорій“, изъ которыхъ должны были выработаться „историческія категоріи“ Маркса въ области политической экономіи. Требованіе реальнаго, научнаго пониманія вещей, поставленное XVIII-мъ вѣкомъ, со-

вершенно естественно должно было вызвать стремленіе къ реальному пониманію процесса исторіи, къ переходу ея отъ описанія любопытныхъ раритетовъ разнаго времени къ отличенію въ ея процессѣ характеристическихъ особенностей каждаго періода, каждой эпохи, существенныхъ элементовъ цѣлаго процесса въ ихъ взаимной зависимости и въ ихъ вліяніи на пестрыя частности калейдоскопа событій, наконецъ, той тѣсной связи, въ которой каждая эпоха находится со всѣми другими, сохраняя въ себѣ многія переживанія всѣхъ періодовъ, ее подготовившихъ, и заключая въ себѣ зародыши будущихъ фазисовъ жизни человѣчества, которымъ она служитъ подготовленіемъ. Но къ этому отысканію связи между извѣстными звеньями цѣпи неизбѣжно присоединилось требованіе угадыванія формы звеньевъ, о которыхъ не сохранилось историческихъ свидѣтельствъ. Археологія и лингвистика открыли доисторическій періодъ жизни человѣчества, подготовлявшій цивилизацію историческихъ народовъ. Но памятники археологіи лежали рядомъ съ остатками костей, которыя вызывали изслѣдованія палеонтолога, анатома, тогда какъ самая древность памятниковъ и костей обусловливалась выводами геолога. Слова языка свидѣтельствовали о первобытныхъ психическихъ и біологическихъ процессахъ, которые для своего разъясненія создавали новыя изслѣдованія психо-физиковъ. Для пониманія первыхъ звеньевъ исторіи народовъ, достигшихъ впослѣдствіи высшихъ ступеней цивилизаціи, понадобилась параллель въ жизни эскимосовъ и австралійцевъ. Палеонтологія исторіи и эмбріологія исторіи расширяли задачу историческаго пониманія до того, что для рѣшенія этой задачи нужна была помощь естествоиспытателя, этнографа, лингвиста. Надлежащимъ образомъ понятая исторія первыхъ фазисовъ, чрезъ которые прошелъ человѣкъ, изслѣдованіе его доисторической жизни, чтобы быть столь же полною и научною, какъ исторія другихъ періодовъ, выходила во имя требованія непрерывности историческаго развитія изъ предѣловъ задачи исторіи человѣческихъ цивилизацій.

Такимъ образомъ, научныя задачи зоологіи и исторіи вызывали новый обособленный комплексъ знаній. Въ то же время жизнь ставила XIX-му вѣку свои задачи; онѣ отражались въ новыхъ міросозерцаніяхъ, и эти въ свою очередь содѣйствовали этому обособленію.

Съ давнихъ поръ идетъ въ области теоретической мысли борьба между мыслью критическою и мыслью догматическою. Послѣдняя опиралась на преданіе. Первая противопоставляла ей фактъ наблюденія, логическое разсужденіе о достовѣрности и различной вѣроятности аналогіи между разными родами фактовъ, обобщеній, получаемыхъ изъ наблюдаемаго. Если критическую мысль можно уже частью указать въ цивилизаціяхъ древняго Востока, то ея первою проч-

ною почвою явилась античная Грецiя. Чѣмъ болѣе уяснялась и опредѣлялась въ своихъ прiемахъ и методахъ научная критика, тѣмъ опредѣлительнѣе выставлялось противоположенiе критической и догматической мысли. Новая Европа въ XVII-мъ вѣкѣ поставила основной вопросъ критической мысли совершенно опредѣленно какъ *свободу науки*. Этотъ вопросъ, рѣшенный утвердительно сначала въ предѣлахъ довольно тѣсныхъ, создалъ новую научную мысль. Но онъ неизбѣжно перешелъ въ другой: гдѣ предѣлы научной мысли? Весь XVIII-й вѣкъ бился за то, чтобы отодвинуть эти предѣлы возможно далѣе и передалъ XIX-му вѣку защиту своего рѣшенія въ такомъ видѣ: „*нѣтъ* вопроса, котораго наука не имѣла бы права коснуться, прилагая къ нему свои критическіе методы". Это право критики было ограничено лишь самымъ свойствомъ человѣческаго познаванія: вопросы о сущности вещей, о „вещахъ самихъ въ себѣ", вопросы старинной метафизики были выдѣлены изъ области научной критики, но не потому, чтобы критическая мысль отказалась отъ своего *права* разсматривать ихъ, а потому, что она доказала, что объ этихъ вопросахъ *ничего научно знать нельзя*. Но и тутъ научная критика пошла такъ далеко, какъ могла: она показала, какіе жизненные вопросы наталкиваютъ человѣческую мысль на метафизическія задачи и какъ возникаютъ въ этой мысли метафизическія иллюзіи о возможности знать что либо о мірѣ безусловныхъ сущностей.

Но сторонники догматической мысли не хотятъ допустить основнаго положенія свободной науки. „*Есть* вопросы—говорятъ они—которыхъ научная критика касаться не должна и касаться которыхъ безполезно, потому что они рѣшены разъ навсегда, и притомъ болѣе точно, чѣмъ могла бы наука рѣшить какой бы то ни было вопросъ. Это—всѣ вопросы, на которые даетъ свое рѣшеніе священное преданіе, неоспоримый авторитетъ". Сторонники критики выставляютъ на видъ историческія доказательства погрѣшимости авторитетовъ, заключаются ли они въ папскихъ энцикликахъ или въ Коранѣ или въ Ведахъ; выставляютъ на видъ противорѣчія въ преданіяхъ, ихъ различное пониманіе въ разное время. Но тутъ уже защитники преданія отрицаютъ всякую возможность спора, относя къ запрещеннымъ областямъ именно разборъ основательности освященныхъ авторитетовъ и преданій. Когда споръ дошелъ до этого фазиса сторонники критики и догмата перестаютъ понимать другъ друга. Споръ переходитъ въ область жизни и вызываетъ борьбу аффектовъ. Противники смотрятъ одинъ на другаго, какъ на людей *намѣренно извращающихъ* истину. Теоретическій споръ обращается въ споръ нравственныхъ убѣжденій. На положеніе: „этотъ вопросъ рѣшать *не должно*" возражаютъ столь же категорически заявленіемъ: „этотъ вопросъ рѣшать *слѣдуетъ*". Являются по-

пытки отнять у противника возможность высказывать и распространять свою мысль.

Должно всегда помнить, что здѣсь борьба идетъ не за самые *факты* науки, но за міросозерцанія, которыя объясняютъ и группируютъ эти факты; за міросозерцанія, которыя вызваны жизненными стремленіями поддерживать авторитетъ догмата и общественныя формы съ нимъ связанныя, или отстоять свободное развитіе человѣческой мысли въ ея борьбѣ за истину и справедливость. Фактъ знанія самъ по себѣ никогда не вредитъ преданію и не защищаетъ его. Онъ допускаетъ множество сближеній, истолкованій, перспективъ. Онъ есть лишь элементъ, который можетъ войти въ самыя разнообразныя сочетанія. Онъ есть элементъ *знанія*, которое становится *наукою*, а впослѣдствіи *философскимъ міросозерцаніемъ*, когда данный фактъ былъ сближенъ съ другими фактами, привелъ къ обобщеніямъ, къ выводамъ, къ построеніямъ. Всякій догматъ могъ всегда быть примиренъ такъ или иначе со всякимъ отдѣльнымъ фактомъ. Но когда критическая мысль пріучила развитые умы отличать наиболѣе вѣроятные выводы, обобщенія и построенія отъ менѣе вѣроятныхъ, тогда наука и міросозерцаніе всякаго новаго періода, какъ результатъ болѣе изощренной, болѣе зрѣлой, болѣе развитой мысли объявляли неизбѣжно непримиримую войну догмату, въ формѣ котораго передъ ними стояло окаменѣлое міросозерцаніе ихъ предковъ, и во имя нравственной обязанности утверждать и воплощать истину шла упорная борьба между сторонниками двухъ противоположныхъ направленій.

Въ разные періоды человѣчества эта борьба за право дѣлать новые выводы изъ фактовъ и изъ вѣрованій, строить новыя міросозерцанія, борьба за свободу мысли, шла подъ разными знаменами. Примѣсь критической мысли къ догматическому и метафизическому содержанію была сначала незначительна и возростала лишь постепенно. Спорили между собою сперва чисто догматическія ученія, весьма мало отличавшіяся по своему интеллектуальному значенію одно отъ другаго. Затѣмъ спорили догматическія ученія болѣе или менѣе стройныя и объединенныя, т. е. заключавшія въ себѣ болѣе или менѣе философскаго элемента. Лишь съ ростомъ знанія и критической мысли, борьба стала все болѣе группироваться около завоеваній науки, и при этомъ ходъ развитія знаній опредѣлялъ тотъ пунктъ, который составлялъ тактическій центръ битвы, ту науку, которая въ данную эпоху являлась не только комплексомъ накопляющагося знанія и расширяющагося пониманія, но еще ареной жизненной битвы за право мысли, за ростъ критики, за ея свободу. Въ новой Европѣ, съ XVII-го вѣка устанавливается міросозерцаніе, въ которомъ

первое мѣсто занимаютъ факты реальнаго наблюденія, высшая убѣдительность признается за аналогіями, почерпнутыми отъ сближенія подобныхъ фактовъ, высшая вѣроятность принадлежитъ обобщеніямъ, наименѣе нуждающимся въ вспомогательныхъ представленіяхъ чего либо чуждаго реальному опыту для сближенія реальныхъ фактовъ. Человѣческія свидѣтельства, гипотетическія существа получаютъ въ этомъ міросозерцаніи тѣмъ менѣе довѣрія, чѣмъ менѣе они аналогичны съ выводами реальнаго наблюденія, и совершенно отвергаются, если не подходятъ подъ реальныя аналогіи. Въ этомъ вся развитая часть нашихъ современниковъ видитъ успѣхъ человѣчества; можно доказать исторически, что распространеніе этого міросозерцанія совпадало съ укрѣпленіемъ или даже пробужденіемъ въ людяхъ сознанія своего достоинства, желаніемъ бороться за всестороннее улучшеніе своего положенія, за свое убѣжденіе, за свое развитіе, за свое достоинство; есть полное основаніе надѣяться, что дальнѣйшее распространеніе этого міросозерцанія и его послѣдовательное примѣненіе въ области практическихъ общественныхъ задачъ совпадетъ съ установленіемъ общественныхъ порядковъ, которые обусловятъ и большее общественное благосостояніе и бо́льшую общественную справедливость. Это міросозерцаніе по праву носитъ названіе *реализма* во всѣхъ отрасляхъ философскихъ ученій, на которыя оно распадается (матеріализмъ, эволюціонизмъ, позитивизмъ, антропологизмъ, критицизмъ и т. п.) и ведетъ упорную борьбу съ догматическими и метафизическими ученіями, унаслѣдованными отъ прежнихъ періодовъ мысли и съ которыми ни въ какія сдѣлки оно входить не можетъ и не должно, такъ какъ оно хранитъ въ себѣ, въ убѣжденіи его сторонниковъ, единственный источникъ будущаго прогресса мысли. Съ начала XVII вѣка, когда война реализма съ его противниками получила правильное теченіе и связала свою судьбу съ завоеваніями въ области точнаго знанія, три науки стали послѣдовательно центрами этой борьбы, какъ бы воплощая въ своихъ теоріяхъ право свободы человѣческой мысли. Это была астрономія въ эпоху Галилея; это была геологія въ началѣ нынѣшняго столѣтія; эта же роль принадлежитъ въ наше время антропологіи, и на сколько она сознаетъ эту роль свою, доказываютъ слова двухъ представителей европейскаго знанія, которыхъ никто не можетъ заподозрить въ легкомысліи и въ либеральничаніи [1]). Предсѣдатель британской ассоціаціи въ 1868 году, Гукеръ, говорилъ въ своей рѣчи, которою открывалъ засѣданія этого парламента науки въ такой щепетильной странѣ, какъ Англія:

---

[1]) Не имѣя подъ руками оригиналовъ рѣчей Гукера и Шафгаузена, беремъ цитаты изъ «Отеч. Зп.» 1869 г.

„Доисторическая археологія есть послѣдній изъ свѣточей, разсѣявшихъ мракъ вѣковъ и замѣнившихъ уважаемыя преданія научными истинами. Астрономія.. прежде другихъ вырвала факелъ изъ рукъ догматическихъ учителей, разрушила букву и постигла смыслъ закона. За нею слѣдовала геологія, но лишь послѣ двухъ вѣковъ, хотя она и до сихъ поръ не успѣла очистить догматическое ученіе отъ разныхъ сплетеній научныхъ заблужденій. Она указала, что животная и растительная жизнь предшествовала человѣку не днями, а миріадами годовъ... Наконецъ, новая наука объявляетъ, что самъ человѣкъ жилъ на землѣ, можетъ быть, за многія тысячи лѣтъ до начала историческаго періода". За годъ передъ тѣмъ, въ 41-мъ собраніи нѣмецкихъ естествоиспытателей и медиковъ, Шафгаузенъ говорилъ: „Не сговариваясь между собою, почти всѣ лица, произносившія рѣчи въ этой залѣ, свидѣтельствуютъ о новомъ воззрѣніи на вещи, объ единствѣ природы. Вы скоро замѣтите, что въ моемъ отчетѣ объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ звучитъ тотъ же мотивъ, но иначе варьированный. За нѣсколько дней здѣсь было сказано, что пала преграда между физикою у физіологіею, между неорганической и органической природою. Мы знаемъ, что она также пала между животными и растеніями. Прибавимъ теперь, она пала точно также между настоящимъ и прошедшимъ, между человѣкомъ и животнымъ".

Какъ центръ столкновенія міросозерцаній различныхъ періодовъ, — какъ область жизненной борьбы за право критической мысли, дѣлать свободно выводы изъ фактовъ и подчиняться лишь собственнымъ законамъ о логическихъ выводахъ и наиболѣе вѣроятныхъ заключеніяхъ,—какъ „модная наука", интересующая не только спеціалистовъ, не только людей привычныхъ къ критическому мышленію, но и менѣе подготовленныхъ личностей—антропологія, конечно, должна терпѣть и многочисленныя неудобства своего особеннаго положенія. Въ антропологическія общества приливаютъ силы недостаточно подготовленныя; въ антропологическихъ работахъ участвуютъ многіе диллетанты, для которыхъ научная истина, какъ цѣль, и научный методъ, какъ орудіе, представляютъ не особенно важный интересъ; въ антропологической литературѣ накопляется, рядомъ съ серьезными трудами, огромное количество произведеній, роняющихъ достоинство науки, маскою которой они прикрываются. Потребности борьбы за свободу критики и положеніе, занятое антропологическими вопросами въ этой борьбѣ, имѣютъ слѣдствіемъ, что даже серьезные труды, сюда относящіеся, вводятъ въ область науки гипотетическія построенія, которыя, съ одной стороны, далеко не могутъ претендовать на научную точность, съ другой—вслѣдствіе недостаточнаго развитія авторовъ въ столь же важныхъ отрас-

ляхъ знанія (напр. въ экономической отрасли соціологіи), сближаютъ антропологію и исторію эволюціи, съ нею тѣсно связанную, съ нѣкоторыми реакціонными направленіями нашего времени и отнимаютъ отъ нея то важное философское прогрессивное значеніе, которое ей безспорно принадлежитъ во всѣхъ жизненныхъ вопросахъ настоящей эпохи. Сюда относятся многія работы нѣмецкихъ эволюціонистовъ: Іегера, Оскара Шмидта и другихъ, въ нѣкоторой мѣрѣ даже Гэкеля. Это все—неизбѣжное зло, о которомъ можно жалѣть, противъ котораго слѣдуетъ бороться, но которое само по себѣ не вредитъ ни научному значенію, ни дѣйствительной философской роли антропологіи въ настоящую эпоху.

Кромѣ сближенія трудовъ въ разныхъ областяхъ науки и кромѣ жизненной философской борьбы за свободу мысли, которые одновременно содѣйствовали созданію обособленной области антропологіи, въ томъ же направленіи вліяло и большее распространеніе въ XIX вѣкѣ общественнаго стремленія къ общедоступному научному образованію, стремленіе, которое, по самой своей сущности, было врагомъ спеціализаціи и склонялось къ сближенію разнородныхъ свѣдѣній около одного центральнаго пункта. До антропологіи эту роль централизующаго знанія, интереснаго большинству именно сближеніемъ данныхъ изъ разныхъ сферъ мысли, стала играть до извѣстной степени въ XIX вѣкѣ географія. Но антропологія имѣла въ этомъ отношеніи безспорное преимущество, такъ какъ она охватывала болѣе обширный горизонтъ, затрогивала болѣе интересные вопросы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и была не только комплексомъ знаній, но и источникомъ весьма доступнаго міросозерцанія. По этому всѣ симпатіи общества къ популяризаціи знанія въ формѣ, группирующей ихъ около конкретнаго объекта и вызывающей интересные и не особенно отвлеченные вопросы, поддерживали организацію антропологическихъ работъ въ одно цѣлое.

Такимъ образомъ естественное развитіе зоологическихъ, сравнительно-анатомическихъ, историческихъ и археологическихъ работъ, вело къ образованію комплекса знаній, группированнаго около *понятія о человѣкѣ* и требовавшаго, съ точки зрѣнія естествоиспытателя, пособія археолога, лингвиста, этнографа, психолога, съ точки зрѣнія историка—пособія анатома и геолога. Жизненная борьба за свободу научной критики въ то же самое время поднимала знамя этихъ самыхъ антропологическихъ розысканій, и „наука о человѣкѣ“ собирала около этого знамени не только развитыхъ ученыхъ, но всѣхъ развитыхъ людей. Общественныя симпатіи къ популяризаціи знаній, группированныхъ около интересныхъ вопросовъ, работали въ томъ же направленіи. „Истинныя потребности человѣческаго ума“ проявлялись въ созданіи новаго отдѣла науки, въ созданіи *антропологіи*.

Оставалось опредѣлить содержаніе новой науки, установить ея мѣсто въ систематикѣ наукъ, ея отношеніе къ сосѣднимъ областямъ знанія.

Но прежде всего являлся вопросъ: наука ли это? Не сводятъ ли задачи антропологіи съ ихъ жизненною важностью для современной мысли изслѣдователя этихъ задачъ съ почвы строгой критики въ область тенденціозныхъ угадываній? Еще въ 1862 году Монтегацца говорилъ, что человѣкъ „составляетъ цѣлый міръ, ожидающій своего Гумбольдта“ и что слово „антропологія“ обозначаетъ „скорѣе стремленіе, чѣмъ науку“, а въ началѣ слѣдующаго года Гэнтъ, открывая Лондонское антропологическое общество, высказывалъ, что „наука—антропологія, не только находится въ дѣтствѣ, но какъ наука, едва ли существуетъ“. Однако, достаточно цитировать слова ея знаменитыхъ основателей, чтобы убѣдиться, что она немедленно стала на научную почву. Великій біологъ, которымъ могла гордиться Петербургская академія, Карлъ Эрнстъ фонъ-Бэръ, могъ уже сказать слѣдующее о научныхъ пріобрѣтеніяхъ въ антропологіи: „Всякая великая научная задача подобна укрѣпленію, къ которому можно приблизиться лишь постепенно, подводя траншеи. Вообще полагаютъ сначала, что укрѣпленіе можно взять приступомъ, но скоро становится яснымъ, что мы говорили не о самой вещи, но только о ея призракѣ, о ея изображеніи въ нашемъ умѣ. Поэтому будемъ работать и рыться понемногу впередъ, защищаясь фашинами критики; со временемъ мы постепенно подойдемъ ближе и увидимъ конецъ яснѣе передъ нашими глазами, а между тѣмъ хорошо укрѣпимся на внѣшнихъ веркахъ. Если мы никогда не овладѣемъ всею крѣпостью помощью нашихъ траншей, причину тому, можетъ быть, надо искать въ обстоятельствѣ,—придерживаясь прежней метафоры — что природа — не трусливый комендантъ, сдающійся какъ только взяты внѣшніе верки“. Одинъ изъ замѣчательныхъ представителей современной французской науки, Поль Брока, которому болѣе всѣхъ другихъ, можетъ быть, обязана антропологія своею нынѣшнею организаціею и своимъ положеніемъ,—ставилъ съ самаго начала вполнѣ научно задачу того отдѣла ея, который преимущественно разрабатывался во Франціи, подъ именемъ „Anthropologie generale“, слѣдующимъ образомъ: „Всѣ человѣческія расы, не смотря на ихъ различія, составляютъ одно великое цѣлое, одну гармоническую группу, и важно разсмотрѣть эту группу въ ея *цѣломъ*, опредѣлить ея положеніе въ ряду существъ, ея отношеніе къ другимъ естественнымъ группамъ, ея общіе признаки, какъ анатомическіе и физіологическіе, такъ и психологическіе. Не менѣе необходимо изучить также законы, по которымъ удерживаются или измѣняются эти признаки, оцѣнить дѣйствіе внѣшнихъ условій, измѣненій климата, явленій наслѣдственной

передачи и крайнихъ вліяній единокровія или этническихъ помѣсей. Это — великіе и важные вопросы въ сферѣ естественной исторіи и общей біологіи". Мы видѣли выше, что Гукеръ, занимающій весьма высокое мѣсто въ англійской наукѣ, признавалъ за розысканіями антропологовъ „истинно-научный духъ" и „научность методовъ". Даже основатель лондонскаго антропологическаго общества, Гэнтъ, который проникся болѣе другихъ крупныхъ дѣятелей въ области антропологіи присущею ей потребностью жизненной борьбы за свободу научной критики, и даже сообщилъ лондонскому антропологическому обществу характеръ, можетъ быть, слишкомъ агрессивный, даже Гэнтъ поставилъ ей задачи строго научныя. „Надо основать—говоритъ онъ въ своей первой рѣчи въ обществѣ—науку фактическую. Будущія поколѣнія насъ будутъ болѣе благодарить за установленіе хорошихъ надежныхъ фактовъ, чѣмъ за какія бы то ни было смѣлыя умозрѣнія". И позже онъ писалъ: „Мы должны ставить впереди всего, какъ требованіе нашихъ работъ, что мы не болѣе какъ совѣстливые изслѣдователи и толкователи природы... Наша цѣль—создать науку чисто индуктивную, которая по самой своей природѣ не будетъ никогда закончена и, слѣдовательно, никогда не будетъ совершенна. Антропологія, наука человѣческой природы, должна измѣняться съ измѣненіями этой природы". Конечно, какъ уже было сказано, антропологія заняла слишкомъ видное мѣсто въ современной борьбѣ за свободу критической мысли, чтобы устоять противъ побужденій выйти изъ этихъ, чисто научныхъ, предѣловъ. Она очень часто переходила въ область слишкомъ смѣлыхъ аналогій и черезчуръ широкихъ міросозерцаній. Но эти историческіе наросты, неизбѣжные въ каждомъ живомъ направленіи мысли, не мѣшали тому, что въ ея основаніи лежали чисто научныя данныя, которыя могли разростись въ строго-научный комплексъ.

Какъ продуктъ естественныхъ требованій умственной жизни, какъ результатъ разнообразныхъ вліяній, антропологія и до сихъ поръ не создана, но *создается*, опираясь на свои научныя требованія. Задачи ея далеко-далеко не опредѣлены вполнѣ, но *опредѣляются* въ самомъ процессѣ работъ надъ ними. Ея содержаніе, ея объемъ, ея подраздѣленія составляютъ еще предметъ многочисленныхъ споровъ, но они постепенно *уясняются* для тѣхъ, кто относится къ нимъ серьезно, безъ схоластическаго вжиманія въ заранѣе принятыя схемы вѣчно разнообразныхъ продуктовъ мысли и жизни, беря въ соображеніе и работы ученыхъ въ ихъ насущной группировкѣ, и логическія требованія мысли, сближающей однородное и раздѣляющей разнородное, и условія расширенія знанія путемъ перехода отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ непосредственно даннаго къ тому, что уясняется лишь косвенно. Здѣсь мы не

имѣемъ ни нужды, ни желанія излагать всѣ разнообразные взгляды на содержаніе, объемъ и раздѣленіе антропологіи, имѣя цѣлью лишь ознакомить читателя съ научною постановкою области, общепонятный обзоръ которой предлагаетъ читателямъ Тейлоръ. Мы ограничимся лишь тѣми выводами изъ современныхъ антропологическихъ работъ въ ихъ совокупности, которые, по нашему мнѣнію, наилучше соотвѣтствуютъ настоящему состоянію этихъ работъ, считая весьма вѣроятнымъ, что лѣтъ черезъ 50, какъ содержаніе антропологіи, такъ и ея подраздѣленія и отношеніе къ систематикѣ наукъ вообще, могутъ измѣниться въ большей или меньшей степени. Мы далеки отъ мысли начертить окончательную карту области науки, находящейся въ самомъ живомъ процессѣ развитія. Мы будемъ говорить только объ антропологіи, какъ ее фактически выработала исторія мысли въ началѣ послѣдней четверти XIX столѣтія, и какъ она, по нашему мнѣнію, наилучше группируется въ стройное цѣлое.

Дедуктивнымъ путемъ о содержаніи антропологіи можно заключить весьма немногое. Если въ первой половинѣ XVI вѣка Галеаццо Капелла опредѣлилъ ее какъ „разсужденіе о человѣческой природѣ", а Карлъ Эрнстъ-фонъ-Бэръ, въ „Энциклопедическомъ словарѣ" 1862 года писалъ: „Антропологія—ученіе о человѣкѣ", и много разъ это самое положеніе встрѣчалось въ различныхъ трудахъ и компиляціяхъ,—то это еще вовсе не опредѣляетъ содержаніе антропологіи какъ *особой* области. Понятіе о человѣкѣ и о наукѣ, объектъ которой онъ составляетъ, крайне неопредѣленно, потому что, съ одной стороны, оно можетъ быть расширено до того, что вмѣститъ въ себѣ все что угодно; съ другой — оно можетъ быть ограничено совершенно произвольно. Карлъ Эрнстъ фонъ Бэръ самъ указывалъ, что природа человѣка составляетъ вершину или точку исхода, смотря по принятому направленію, для весьма различныхъ наукъ: зоологіи, сравнительной анатоміи и физіологіи, всемірной исторіи, филологіи, государственныхъ наукъ и философіи права; она заключаетъ всю психологію. Гэнтъ находилъ, что антропологія, какъ „наука всей природы человѣка... заключаетъ въ себѣ почти весь кругъ наукъ". Въ одномъ русскомъ философскомъ трудѣ 1861 года, принадлежавшемъ къ направленію антропологизма, развивалась мысль, что человѣкъ, одновременно и представляется „результатомъ внѣшняго міра, исторіи и собственнаго сознанія", и есть „источникъ внѣшняго міра, источникъ исторіи, источникъ собственнаго сознанія"; съ точки зрѣнія этой философской системы понятіе о человѣкѣ представляется центромъ уже не *почти* всей, а положительно *всей* науки, но для систематики наукъ подобное философское отожествленіе „науки о человѣкѣ" и „науки вообще" было бы совершенно безполезно. Примѣровъ совершенно произвольнаго огра-

ниченія содержанія антропологіи приводить не будемъ, такъ какъ они слишкомъ разнообразны и вовсе не поучительны.

Содержаніе антропологіи приходится опредѣлить прежде всего путемъ эмпирическимъ. Нѣкоторыя области знанія, имѣющія предметомъ человѣка, уже обособились; въ другія организовавшіяся уже науки человѣкъ входитъ наравнѣ съ другими объектами, какъ одинъ изъ послѣднихъ; нѣтъ никакого повода разрушать уже организованные и удобные научные комплексы, чтобы выдѣлить часть изъ нихъ въ новую науку. Должно всегда помнить слова Огюста Конта, что „разграниченія, установленныя нами между нашими науками, искусственны по самой своей сущности. Въ дѣйствительности, предметъ нашихъ изслѣдованій—единъ; мы его подраздѣляемъ лишь съ цѣлью раздѣлить встрѣчающіяся затрудненія, чтобы ихъ удобнѣе разрѣшить" (Cours de phil. pos. I, 37), и потому организовавшіеся уже отдѣлы знанія приходится удерживать, пока не встрѣтится такихъ „неудобствъ" въ распредѣленіи работъ или въ логической связи предметовъ, которыя заставятъ возникнуть новые отдѣлы во имя „истинныхъ потребностей человѣческаго ума".

Съ этой точки зрѣнія надо посмотрѣть, какіе отдѣлы знанія, имѣющаго исключительнымъ или частнымъ предметомъ человѣка, уже обособились и не нуждаются въ настоящую минуту въ перестройкѣ; какіе отдѣлы, безспорно принадлежащіе этой области, составили въ послѣднее время предметъ научной критики, или напрашиваются сами собою на обособленное научное изслѣдованіе; какая сторона понятія о человѣкѣ можетъ имъ служить связующимъ мотивомъ, и разъ сдѣлавшись этимъ мотивомъ, можетъ, съ своей стороны, уяснять и развивать существующіе вопросы антропологіи и ставить новые. Мы примемъ за точку исхода раздѣленіе явленій на *повторяющіяся*, составляющія предметъ *феноменологическихъ* отдѣловъ естествознанія (въ значительной мѣрѣ совпадающихъ съ „абстрактными" науками Ог. Конта), и на неповторяющіяся *явленія развитія*, которыя изучаются въ *наукахъ морфологической эволюціи* (систематическое построеніе которыхъ составляетъ насущную задачу систематики наукъ ближайшаго будущаго и стало возможно лишь вслѣдствіе приложенія въ послѣднія 20 лѣтъ къ огромному числу областей знанія начала эволюціоннаго трансформизма).

Въ каждомъ человѣкѣ, какъ біологической особи, совершаются опредѣленные повторяющіеся процессы, которые входятъ въ область *феноменологической* части *біологіи* или *физіологіи* и *патологіи*. Изъ нихъ, какъ по особой важности для человѣка, такъ и по особому методу, который приходится употреблять для одной доли этихъ процессовъ, выдѣляются явленія

психическія, входящія, вмѣстѣ съ изученіемъ всѣхъ объективныхъ явленій ихъ сопровождающихъ, въ область *психологіи*. Но разсмотрѣніе человѣка, какъ особи, есть лишь частная область его изслѣдованія. Онъ, какъ отдѣльная, самостоятельная особь, собственно вовсе не существуетъ. Подобно многимъ общественнымъ животнымъ, въ немъ ни біологическіе, ни психологическіе процессы не могутъ совершаться внѣ *общежитія*. Явленія *общественной связи*, законы ея усиленія и ослабленія, формы, въ которыхъ она проявляется, даютъ новую группу знаній, которыя организуются въ научную область *соціологіи*, черпающую свой матеріалъ изъ жизни всѣхъ органическихъ существъ, которыя живутъ обществами, проявляютъ общественную связь. Въ настоящую эпоху эти три феноменологическія области стоятъ отдѣльно, но связь, существующая между ними, такъ значительна, что уже теперь вызываетъ самые серьезные споры о ихъ разграниченіи и взаимной зависимости.

Но и въ настоящее время понятно, что человѣкъ можетъ быть предметомъ не только наукъ феноменологическихъ, а точно также и наукъ *морфологической эволюціи*, причемъ одни отдѣлы ихъ могутъ имѣть преимущественно предметомъ самый процессъ эволюцій формъ тѣла и сознанія, наблюдаемыхъ въ человѣкѣ, другіе—преимущественно описаніе этихъ формъ для даннаго періода эволюціи. Такъ, эмбріологія, на сколько она относится къ человѣку, охватываетъ опредѣленный періодъ эволюціи особи, тогда какъ анатомія занимается описаніемъ частей его тѣла, достигшаго зрѣлости, между тѣмъ какъ особаго отдѣла, разсматривающаго эволюцію особи отъ ея рожденія до смерти, не нашли нужнымъ до сихъ поръ образовать въ біологіи.

Тѣмъ не менѣе все предъидущее относится къ изученію человѣка, какъ особи, но не какъ видоваго понятія. Какъ видъ, какъ обобщающее понятіе для ряда особей, человѣка можно, во первыхъ, противуположить другимъ видамъ животныхъ; онъ имѣетъ, во вторыхъ, свои разновидности, которыя надо классифицировать, и которыя могутъ быть продуктами безсознательныхъ процессовъ природы, разнообразія мѣстныхъ и временныхъ историческихъ культуръ, наконецъ общихъ соціологическихъ вліяній; онъ, наконецъ, какъ всякій видъ общественныхъ животныхъ, имѣлъ свой періодъ доисторическаго, зоологическаго развитія, до тѣхъ поръ, когда въ нѣкоторыхъ его группахъ работа мысли получила настолько опредѣленный характеръ, что въ нихъ выработалась историческая жизнь и началась историческая эволюція. *Антропологія*, *наука о человѣкѣ какъ естественной группѣ*, охватываетъ въ настоящее время всѣ научные отдѣлы, занимающіеся только что упомянутыми вопросами.

Общая или *зоологическая антропологія* разсматриваетъ человѣческую

группу въ сравненіи ея съ другими зоологическими группами, по климатическимъ условіямъ ея жизни, по демографическимъ даннымъ ея рождаемости, заболѣванія, плодородія, смертности и т. д., по общимъ измѣненіямъ формъ особей въ нея входящихъ и т. д. При нынѣшнемъ положеніи науки сюда же входитъ и вопросъ о зоологической эволюціи, которая изъ предшествующихъ животныхъ формъ выработала форму человѣка.

Сравнительная антропологія разсматриваетъ въ *теоріи расъ* или *этнологіи* наблюдаемое нами, или возстановляемое на основаніи ископаемыхъ остатковъ, различіе человѣческихъ расъ, какъ продуктовъ безсознательныхъ силъ природы, а также вопросъ объ эволюціи, приведшей къ раздѣленію расъ; она черпаетъ въ *теоріи національностей* изъ исторіи матеріалъ для различенія историческихъ національностей, какъ продуктовъ мѣстнаго образованія и долговременнаго обособленнаго существованія разнообразныхъ культуръ; она изучаетъ наконецъ, въ *теоріи соціологическихъ типовъ* тѣ различія въ формахъ и въ функціяхъ, которыя, при исторической цивилизаціи, охватывающей обширное пространство и разнообразныя національныя группы, вырабатываются въ различныхъ общественныхъ классахъ, независимо отъ расы и національности, какъ продуктъ спеціализаціи занятій, раздѣленія работъ или даже, въ одной и той же отрасли занятій (преимущественно работъ мысли), какъ антропологическія проявленія различія типовъ научной, философской, художественной мысли.

Доисторическая антропологія или изслѣдованіе доисторическаго періода жизни человѣчества изучаетъ эволюцію человѣка съ его обособленія отъ остальнаго зоологическаго міра до начала исторической жизни и распространяетъ свою область на всѣ тѣ формы и проявленія въ человѣчествѣ групповой или личной жизни, которыя не входятъ въ процессъ исторической работы мысли.

Мы здѣсь имѣемъ, очевидно, предъ собою комплексъ вопросовъ, изъ которыхъ иные со временемъ разовьются въ особые отдѣлы науки, другіе войдутъ частными задачами въ болѣе обширныя, научныя цѣлыя. Но въ настоящую минуту всѣ эти вопросы, составляющіе предметъ разнообразныхъ работъ отдѣльныхъ ученыхъ, антропологическихъ обществъ и изданій, связаны однимъ общимъ понятіемъ о *человѣкѣ, какъ естественной группѣ*, и это понятіе, какъ объединяющее и обособляющее антропологію, позволитъ намъ опредѣлить ея мѣсто въ систематикѣ наукъ и установить ея отношенія къ сосѣднимъ областямъ *зоологіи*, *соціологіи* и *исторіи*. Строгіе систематики доходятъ до отрицанія существованія мѣста для антропологіи въ стройной системѣ наукъ

и до утвержденія, что ей необходимо разложиться. Можетъ быть это разложеніе и произойдетъ въ будущемъ, но въ настоящую минуту, въ виду существующихъ рубрикъ знанія, антропологія отвоевала себѣ мѣсто и можетъ отстоять его, пока новая система, „болѣе удобная", по выраженію Ог. Канта, для „разрѣшенія затрудненій" человѣческой мысли, не смѣнитъ существующую группировку наукъ.

Всякая новая наука возникаетъ изъ требованій *жизни*. Опредѣленный кругъ задачъ обособляется *практически*, какъ взаимно-обусловливающія другъ друга данныя. Этими задачами занимаются, потому что онѣ *нужны*, а вовсе не потому, чтобы онѣ лежали въ *идеѣ* предмета. Потомъ эти задачи раздѣляются на группы, для легчайшаго разбора ихъ, но еще вовсе не для болѣе яснаго пониманія ихъ теоретической зависимости. И уже въ послѣдствіи, когда, какъ результатъ ряда работъ, связь между разсматриваемыми задачами установилась сама собою, приступаютъ къ раціональному распредѣленію науки на части, выдѣляя то, что составляетъ лишь вспомогательный элементъ, заимствованный изъ иной области, и то, что относится къ приложенію науки, а не къ ея сущности; приступаютъ въ то же время къ разграниченію обособляющейся науки съ другими уже установившимися и къ установкѣ ея отношеній къ этимъ наукамъ. Но рядомъ съ подобнымъ естественнымъ ростомъ науки идетъ работа логической и систематической мысли, устанавливающая—во имя сходства и различія, подчиненія и зависимости понятій — рубрики отдѣловъ, которые, можетъ быть, никогда не будутъ обособлены практически, сближаетъ въ одну отрасль работы ученыхъ, употребляющихъ совершенно различные методы, и ставитъ будущему задачи, надъ которыми иногда смѣются современники, но въ которыхъ потомки найдутъ, можетъ быть, замѣчательное предугадываніе ихъ работы мысли. Къ этимъ двумъ задачамъ систематики присоединяется болѣе скромная, но имѣющая весьма важное значеніе работа педагоговъ, располагающихъ отдѣлы знанія въ томъ порядкѣ, который наиболѣе доступенъ развивающемуся уму, всего проще ведетъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ элементарныхъ данныхъ къ сферамъ, требующимъ работы мысли, предполагающей въ послѣдней болѣе упражненія и опытности. Задача раціональной систематики наукъ заключается въ группировкѣ, которая беретъ въ соображеніе всѣ эти три отрасли развитія мысли для данной эпохи. Ея дѣло— въ каждую минуту согласить наилучшимъ образомъ для „разрѣшенія затрудненій" мысли, реальное распредѣленіе ученыхъ занятій съ требованіями логическаго и систематическаго мышленія и съ задачами педагогіи. Предположить, что мы можемъ найти безусловно-истинное и разъ на всегда установленное

распредѣленіе всѣхъ отдѣловъ знанія, значитъ допустить, что мы достигли предѣловъ послѣдняго, что работа научной мысли остановилась. Отдѣлы науки и цѣлыя науки измѣняютъ свое значеніе для „единой науки", о которой говорилъ Огюстъ Кантъ, смотря по ихъ различному росту и различной разработкѣ, смотря по энергіи работы философской мысли, смотря по искусству дидактики. Они—то выдѣляются какъ отдѣльныя систематическія особи, то сближаются въ группы; то приближаются къ логическому построенію, то удаляются отъ него; по временамъ располагаются то подъ вліяніемъ педагогическаго, то историческаго, то философскаго принципа. Если ученые различныхъ отраслей не имѣютъ ничего общаго въ своихъ работахъ, то какъ ни были бы близки логически понятія о предметахъ ихъ занятій, изъ этихъ предметовъ можно составить одну науку лишь на бумагѣ, и образованіе подобной науки можетъ развѣ только уяснить философское пониманіе предмета для будущаго, но для настоящаго расширенія и углубленія точныхъ знаній въ данной области никакого значенія имѣть не будетъ. Въ свою очередь совершенное пренебреженіе логическими требованіями различенія разнороднаго и сближенія сходнаго можетъ имѣть вредное вліяніе для данной научной области въ двухъ отношеніяхъ: при отсутствіи строгаго обзора подраздѣленій иные немаловажные вопросы могутъ долго не привлечь вниманія спеціалистовъ, тогда какъ ихъ рѣшеніе можетъ имѣть вліяніе на общее развитіе всей научной области; при отсутствіи философской разработки даннаго отдѣла науки, его мѣсто въ общемъ строѣ человѣческой мысли можетъ быть очень неяснымъ для неспеціалистовъ, вслѣдствіе чего сочувствіе общества къ этого рода занятіямъ должно быть слабымъ, связь науки съ жизнью въ этой области не можетъ усилиться, развитыхъ умовъ будетъ къ ней привлечено меньше, и дѣятели на ней рискуютъ впасть въ мелочную спеціализацію, въ рутину, и выйти изъ общаго движенія современной имъ цивилизаціи.

Антропологія обособилась, какъ наука, вслѣдствіе того, что въ разныхъ отрасляхъ работъ, ею объединяемыхъ, возникла необходимость во взаимномъ содѣйствіи и вслѣдствіе того, что существуетъ логическое понятіе, соединяющее подъ собою всѣ отрасли, на которыхъ работаетъ краніологъ, изслѣдователь акклиматизаціи разныхъ человѣческихъ группъ, анатомъ, сравнивающій строеніе приматовъ между собою и со строеніемъ различныхъ расъ, археологъ и палеонтологъ производящіе раскопки, этнографъ изучающій обычаи дикихъ народовъ. Всѣ они на столько антропологи, на сколько изучаютъ въ предметахъ своихъ розысканій свойства *человѣка, какъ естественной группы*, въ ея отношеніяхъ къ прочимъ животнымъ, въ отношеніяхъ ея разновидностей

между собою, въ коллективныхъ измѣненіяхъ ею претерпѣваемыхъ подъ вліяніемъ внѣшней среды, въ подготовлении въ ней замѣчаемомъ явленій историческаго прогресса, въ которомъ участвуютъ лишь немногія національности, принадлежащія исторіи и тѣмъ самымъ выходящія изъ сферы антропологіи.

Возникновеніе антропологіи, какъ фактъ, представляетъ указаніе на то, что прежняя систематика наукъ, такъ ловко формулированная Огюстомъ Контомъ немного десятилѣтій тому назадъ, не соотвѣтствуетъ требованію настоящаго времени и потому не мудрено, что въ *этой* классификаціи и во всѣхъ другихъ, слѣдующихъ тѣмъ же принципамъ, антропологія, какъ она есть, мѣста не находитъ. Начало трансформизма, съ его обширными завоеваніями, имѣвшими мѣсто въ послѣднія два десятилѣтія, и болѣе внимательное изученіе взаимодѣйствія біологическихъ, психологическихъ и соціологическихъ процессовъ ставитъ задачу новой группировки, какъ различныхъ отдѣловъ послѣднихъ членовъ ряда абстрактныхъ наукъ, установленнаго Контомъ, такъ и конкретныхъ наукъ, соотвѣтствующихъ этимъ членамъ. Но здѣсь вовсе не мѣсто даже останавливаться на обсужденіи способа возможнаго рѣшенія этой задачи. Съ ея разрѣшеніемъ рѣшенъ будетъ и вопросъ, въ какомъ отношеніи къ цѣлому ряду знаній будетъ находиться атропологія въ общей системѣ наукъ. Пока, приходится ограничиться тѣмъ положеніемъ, что она въ настоящее время представляетъ особое цѣлое, какъ фактическій результатъ нѣсколькихъ рядовъ взаимно другъ отъ друга зависящихъ ученыхъ работъ и какъ комплексъ знаній, связанныхъ однимъ понятіемъ какъ ихъ общимъ объектомъ. Это самое понятіе, какъ сказано выше, можетъ служить и для разграниченія антропологіи отъ сосѣднихъ областей.

Наука о *человѣкѣ, какъ естественной группѣ*, отдѣляется отъ *зоологіи*, какъ науки *животныхъ группъ вообще*, не только какъ частный отдѣлъ болѣе общей науки, предметъ котораго представляетъ особый интересъ, но еще и потому, что въ процессахъ и формахъ этой группы приходится искать подготовленія явленій и формъ жизни исторической, до которой дошло развитіе нѣкоторыхъ разновидностей этой группы, и которую мы не наблюдаемъ въ другихъ животныхъ.

Наука о *человѣкѣ, какъ естественной группѣ*, отличается отъ *соціологіи* какъ науки *явленій солидарности между отдѣльными особями*, какъ въ томъ отношеніи, что послѣдняя должна разсматривать и общества другихъ животныхъ, и человѣческія общества, выработавшія рядъ историческихъ цивилизацій, такъ и въ томъ, что антропологія разсматриваетъ группы человѣка, какъ сходныя или различныя, вовсе не придавая значенія степени

ихъ солидарности; соціологія же ставитъ себѣ задачею опредѣлить условія солидарности животныхъ группъ, принадлежащихъ различнымъ ступенямъ зоологическаго, антропологическаго и историческаго развитія, фактическую солидарность, существовавшую въ нихъ, и процессъ роста и ослабленія этой солидарности.

Наука о *человѣкѣ, какъ естественной группѣ* отдѣляется отъ *исторіи*, какъ науки о *прогрессивныхъ группахъ людей и о процессѣ ихъ прогресса*, самимъ понятіемъ прогресса и его условій, составляющимъ характеристическую особенность исторической жизни. Изъ среды расъ и народностей, живущихъ въ подчиненіи обычаю и преданію (видоизмѣненію животнаго инстинкта), и входящихъ въ область антропологіи, послѣ періода такой же антропологической жизни, имѣвшей мѣсто во всѣхъ народахъ, выработались историческія національности, въ которыхъ, въ работѣ мысли надъ природою и надъ обычаемъ, развилась исторія. Въ историческихъ національностяхъ, рядомъ съ классами людей, поглощенныхъ трудомъ для поддержки существующихъ цилизацій и неимѣющихъ возможности участвовать въ историческихъ процессахъ,—рядомъ съ личностями и группами господствующихъ классовъ, пользующимися выгодами исторической культуры, но опять таки не участвующими работою мысли въ историческомъ прогрессѣ—слѣдовательно, стоящими по развитію на ступени животныхъ культурныхъ обществъ,—выработались личности и группы, боровшіяся противъ застоя и регресса, личности и группы, жившія историческою жизнью. Объекты исторіи составляли всегда лишь болѣе или менѣе обширные острова въ океанѣ объектовъ антропологіи. Расширеніе исторической прогрессивной жизни на всѣхъ личностей историческихъ національностей, и тѣмъ болѣе на всѣ народы, составляетъ еще дезидерату соціологіи, весьма далекую отъ осуществленія. Еще долго антропологія будетъ принуждена относить къ своей области проявленія интеллектуальной жизни не только доисторическаго человѣка, не только отдаленныхъ расъ, остававшихся во всѣ времена въ сторонѣ отъ движенія исторіи, не только „пасынковъ цивилизаціи", не имѣющихъ досуга участвовать въ ея выгодахъ, но и тѣхъ, которые, живя среди самой изысканной культуры, наслаждаясь ея самыми тонкими продуктами, имѣя всѣ средства участвовать въ прогрессѣ человѣчества, составляютъ естественную параллель ботокуда или австралійца, даже, можетъ быть, параллель термита. Они входятъ въ различныя „естественныя группы" человѣческаго рода, не участвуя въ жизни „прогрессивныхъ группъ" человѣчества. Антропологіи принадлежитъ разсмотрѣніе доисторическаго періода племенъ, неимѣвшихъ исторіи, а въ историческихъ цивилизаціяхъ изученіе тѣхъ процес-

совъ, которые образовали безсознательно національности и соціологическіе типы, изученіе жизни классовъ, еще неимѣвшихъ возможности участвовать въ исторической жизни, наконецъ, изученіе тѣхъ группъ, которыя, имѣя эту возможность, не имѣли къ тому способности и остались внѣ работы прогрессивной мысли и внѣ исторіи. Послѣдней принадлежатъ явленія прогресса въ историческихъ національностяхъ, работа мысли надъ обычаемъ и преданіемъ, жизнь тѣхъ группъ, которыя участвовали въ историческомъ процессѣ, воздѣйствіе на этотъ прогрессъ неисторической среды, окружающей историческія группы и постепенное расширеніе прогрессивной работы мысли на всѣ классы и группы, которые имѣли возможность и были способны въ ней участвовать.

Есть еще научный отдѣлъ, который приходится отграничить отъ *антропологіи*, но уже вовсе не на какомъ либо логическомъ основаніи, а просто потому, что на дѣлѣ эта рубрика представляетъ обособленную группу ученыхъ трудовъ, которую было бы неудобно подвести подъ какую либо другую, логически болѣе обширную группу. Мы говоримъ о *лингвистикѣ*. По самой сущности предмета она должна бы входить въ составъ антропологіи, такъ какъ звукораздѣльная рѣчь составляетъ особенность человѣка, какъ зоологической группы и измѣняется подъ климатическимъ вліяніемъ; языки представляются продуктами антропологичестаго періода жизни человѣчества и самое ихъ преобразованіе въ историческіе періоды не принадлежитъ къ актамъ сознательной прогрессивной мысли, но къ безсознательнымъ антропологическимъ процессамъ; наконецъ, одна изъ важныхъ группировокъ человѣческихъ разновидностей представляетъ раздѣленіе по языкамъ, слѣдовательно лингвистическая группировка должна бы входить въ сравнительную антропологію. Дѣйствительно зоологическая или общая, сравнительная и доисторическая антропологія принуждены пользоваться весьма часто пособіями лингвистики и не могутъ исключить изъ своихъ разсужденій элементы прямо относящіеся къ лингвистикѣ; лингвисты входятъ въ составъ антропологическихъ обществъ, самымъ дѣятельнымъ и полезнымъ образомъ участвуютъ въ преніяхъ антропологическихъ конгрессовъ; роль лингвистическаго элемента въ антропологическихъ выводахъ составляла не разъ предметъ весьма серьезныхъ обсужденій. Тѣмъ не менѣе фактически не произошло — да едва ли и произойдетъ когда-либо—поглощеніе лингвистики антропологіею, и *наука о человѣческой рѣчи* въ ея основныхъ формахъ, въ ея разновидностяхъ и въ ея эволюціи, составляетъ *de facto* обособленный научный отдѣлъ.

Было сказано, что 16 лѣтъ тому назадъ уже высказывалась потребность въ элементарномъ руководствѣ къ антропологіи, которое сгруппировало бы ея основ-

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Въ эпохи, когда предметы образованія умножились, возложеніе на тяжело уже обремененныя плечи изучающаго еще одной новой науки съ перваго взгляда можетъ показаться только увеличеніемъ его затрудненій. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что Антропологія скорѣе содѣйствуетъ облегченію, чѣмъ усиленію бремени изученія. Въ горныхъ мѣстностяхъ можно видѣть, что носильщики тяжестей охотно берутъ себѣ на плечи, кромѣ этихъ тяжестей, еще и носилки для нихъ, ибо они находятъ, что тяжесть носилокъ болѣе чѣмъ вознаграждается доставляемыми ими удобствами, вродѣ удерживанія вещей вмѣстѣ и уравновѣшиванія ноши. То же самое представляетъ и Наука о Человѣкѣ и Цивилизаціи, наука, которая связываетъ разрозненные предметы обыденнаго образованія въ одно цѣлое, которымъ оказывается удобнѣе овладѣть. Значительное затрудненіе при изученіи и обученіи заключается въ томъ, что изучающій не видитъ съ достаточною ясностью, для чего именно существуетъ каждая наука или искусство, какое именно мѣсто занимаютъ они въ ряду потребностей жизни. Когда онъ знаетъ кое-что изъ ихъ ранней исторіи и о томъ, какимъ образомъ возникли онѣ изъ простѣйшихъ потребностей и условій существованія человѣческаго рода, онъ находитъ себя болѣе способнымъ къ тому, чтобы овладѣть ими, нежели въ томъ случаѣ,

когда ему приходится — какъ это бываетъ слишкомъ часто — приниматься за изученіе какого-нибудь темнаго предмета не съ начала, но съ середины его. Когда онъ ознакомился нѣсколько съ первобытными способами человѣка передавать свои мысли путемъ движеній и восклицаній, и когда ему показали затѣмъ, что высшіе пріемы членораздѣльной рѣчи представляютъ усовершенствованіе подобныхъ низшихъ методовъ,—онъ будетъ дѣлать лучшіе успѣхи въ изученіи науки о языкѣ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда ему приходится, безъ всякой предварительной подготовки, попасть прямо въ середину всѣхъ грамматическихъ тонкостей, которыя, безъ надлежащаго поясненія, имѣютъ видъ произвольныхъ правилъ, составленныхъ скорѣе для того, чтобы запутывать изучающаго, чѣмъ просвѣщать его. Замѣчаемая у столь многихъ начинающихъ неохота къ изученію геометріи въ томъ видѣ, въ какомъ изложилъ ее Евклидъ, и тотъ фактъ, что изъ трехъ учениковъ врядъ ли одинъ дѣйствительно понимаетъ, что́ именно онъ дѣлаетъ — зависитъ прежде всего отъ того, что ученику не показываютъ, съ самаго начала, исходной точки практическаго здраваго смысла, на которой стояли древніе плотники и строители, когда они начали опредѣлять соотношеніе разстояній и протяженій, при производствѣ своихъ работъ. Точно такимъ же образомъ, изучающій науку права бросается сразу во всѣ хитросплетенія и путаницу юридическихъ системъ, которыя въ теченіи тысячелѣтій развивались путемъ борьбы, преобразованій и даже промаховъ, — а между тѣмъ его путь сдѣлался бы гораздо яснѣе, если бы онъ увидѣлъ, какимъ образомъ возникаютъ законы въ ихъ наипростѣйшихъ формахъ, приспособленныхъ къ удовлетворенію потребностей дикихъ и варварскихъ племенъ. Намъ нѣтъ никакой надобности перечислять всѣ отрасли обученія по части наукъ и искусствъ — не существуетъ ни одного такого предмета, изученіе котораго не выиграло бы въ легкости и основательности отъ ознакомленія съ его исторіею и съ его мѣстомъ въ общей Наукѣ о Человѣкѣ.

Имѣя въ виду эту цѣль, предлагаемая книга представляетъ скорѣе введеніе въ Антропологію, чѣмъ сводъ всего, чему учитъ послѣдняя. Она не разсматриваетъ вполнѣ-спеціальныхъ предметовъ, которые были бы недоступны читателямъ, получившимъ или получающимъ обыкновенное высшее англійское образованіе; такъ, изложеніе мелкихъ новѣйшихъ изслѣдованій относительно различенія расъ по измѣреніямъ черепа и т. п. оказалось бы безполезнымъ для всѣхъ, за исключеніемъ изучавшихъ анатомію. Мы всячески старались обработывать главы по различнымъ отраслямъ науки съ наивозможною основательностью, но болѣе подробное разсмотрѣніе вопросовъ мы должны были предоставить занимающимся этимъ спеціально.

Отдѣлы Науки о Человѣкѣ отличаются крайнимъ разнообразіемъ, распространяясь на тѣло и на душу, на языкъ и на музыку, на добываніе огня и на нравственность, но въ то же время всѣ они касаются такихъ предметовъ, природа и исторія которыхъ требуетъ вниманія и размышленія со стороны каждаго образованнаго человѣка. Однако, отважиться хотя бы и на самую элементарную обработку столь разнообразныхъ предметовъ представляетъ крайне трудное дѣло для всякаго единичнаго автора. Въ виду такой задачи, я имѣю право просить у читателей снисходительнаго отношенія къ ошибкамъ и несовершенству ея выполненія. Я не могъ бы даже попытаться рѣшать ее, если бы не встрѣтилъ дружеской помощи со стороны людей, которые занимаютъ почетныя мѣста въ различныхъ отрасляхъ знанія и съ которыми я имѣлъ возможность совѣтоваться по различнымъ сомнительнымъ и затруднительнымъ пунктамъ. Особую признательность я долженъ засвидѣтельствовать профессору Гэксли и д-ру Э. А. Фриману, сэру Генри Мэну, д-ру Бэрчу (Birch), м-ру Франксу, профессору Флауэру (Flower), генералъ-маіору Питтъ-Риверзу, профессору Сэйсу, д-ру Беддо (Beddoe), д-ру Д. Г. Тюку, профессору У. К. Дугласу, м-ру Рэссель Мартино (Russell Martineau), м-ру Р. Гар-

*

нетту, м-ру Генри Суиту (Sweet), м-ру Рэдлеру (Rudler) и многимъ другимъ лицамъ, которыхъ я могу поблагодарить только, не называя ихъ по имени. Изображенія расъ гравированы съ фотографическихъ портретовъ, изъ которыхъ многіе были взяты, съ позволенія м-ровъ Дамманъ изъ Гуддерсфильда, изъ ихъ замѣчательныхъ альбомовъ этнологическихъ фотографій.

Э. Б. Т.

Февраль, 1881

АНТРОПОЛОГІЯ.

ГЛАВА I.

Древній и современный человѣкъ.

Древность человѣка. — Время, потребовавшееся для развитія расъ, — языковъ.—цивилизаціи.—Слѣды человѣка въ каменномъ періодѣ.—Позднѣйшій періодъ.—Ранній періодъ наносовъ.

Тотъ, кто стремится понять, какимъ образомъ человѣчество дошло до своего настоящаго состоянія и образа жизни, прежде всего долженъ знать положительно, представляютъ ли люди недавнихъ пришельцевъ на землѣ или они старые обитатели ея. Появились ли они со своими разнообразными расами и формами жизни уже въ готовомъ видѣ, или эти расы и форма жизни выработались долгимъ и медленнымъ теченіемъ вѣковъ? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нашею первою задачею будетъ сдѣлать бѣглый общій обзоръ различныхъ разновидностей человѣка, его языковъ, цивилизаціи и древнѣйшихъ остатковъ, и посмотрѣть, какія доказательства въ пользу древности человѣческаго существованія на землѣ могутъ быть получены такимъ путемъ. Наброшенный такимъ образомъ очеркъ будетъ полезенъ въ то же время какъ введеніе къ болѣе полному изслѣдованію человѣка и его образа жизни въ послѣдующихъ главахъ.

Начнемъ съ разновидностей человѣческаго рода. Представимъ себѣ, что мы стоимъ гдѣ-нибудь на докахъ въ Ливерпулѣ или Лондонѣ и смотримъ на группы людей изъ различныхъ расъ, наиболѣе отличающихся отъ нашей собственной расы. Вотъ передъ нами всѣмъ знакомая фигура африканскаго негра, съ его на столько темно-коричневою кожею, что въ просторѣчіи ее называютъ чер-

ною, и съ его черными на столько курчавыми отъ природы волосами, что мы называемъ ихъ шерстистыми. Но этимъ не исчерпываются черты, отличающія его отъ насъ. Бѣлые люди, которые красятъ себѣ лицо черною краскою и завиваютъ себѣ волосы для того, чтобы придать себѣ видъ негровъ. на самомъ дѣлѣ изображаютъ собою весьма плохую поддѣлку, ибо черты лица негра представляютъ нѣчто совершенно отличное отъ нашихъ; всѣмъ намъ хорошо знакомъ его плоскій носъ, широкія ноздри, толстыя выпяченныя губы и, при разсматриваніи лица его въ профиль, замѣчательно выдающіяся челюсти. Продавецъ шляпъ замѣтилъ бы сразу, что голова негра уже сравнительно съ обычнымъ оваломъ шляпъ, изготовляемыхъ для англичанъ. Можно было бы отличить негра отъ бѣлаго человѣка даже въ темнотѣ по особенному атласистому ощущенію, доставляемому прикосновеніемъ его кожи, и по еще болѣе особенному запаху, который, будучи разъ замѣченъ, не можетъ быть смѣшанъ болѣе ни съ какимъ другимъ. На тѣхъ же самыхъ докахъ, среди экипажа восточныхъ пароходовъ, мы замѣчаемъ и другіе рѣзко выраженные типы людей. Южно-индійскій кули (который принадлежитъ не къ индусской расѣ, но къ такъ называемымъ горнымъ племенамъ, hill-tribes) имѣетъ темно-коричневую кожу, черные, шелковистые, волнистые волоса и лицо съ широкимъ носомъ, крупными челюстями и мясистыми губами. Болѣе привычна всѣмъ фигура китайца, котораго наблюдатель выдѣляетъ изъ толпы по его меньшему, сравнительно съ европейцемъ, росту, по его желтушно-желтому цвѣту кожи, и по жесткимъ прямымъ волосамъ; спеціальный характеръ его физіономіи ловко подмѣченъ на его отечественной фарфоровой посудѣ и бумажныхъ ширмахъ, на которыхъ можно видѣть курносые носы, выступающія скулы и поразительное косвенное расположеніе глазъ, подражать которому мы можемъ, помѣщая пальцы близъ наружныхъ угловъ нашихъ собственныхъ глазъ и приподнимая эти углы кверху. Сравнивая подобный рядъ расъ съ нашими соотечественниками, мы можемъ замѣтить, что люди представляютъ крайнее различіе по сложенію и по чертамъ лица. При этомъ намъ становится очевиднымъ, что бѣлые люди — какъ мы условились называть себя—обнаруживаютъ существованіе по крайней мѣрѣ двухъ главныхъ типовъ расы. Садясь на какое-нибудь купеческое удно,с

отправляющееся въ плаваніе изъ Копенгагена, мы находимъ, что команда судна состоитъ по большей части изъ голубоглазыхъ людей съ свѣтлою кожею и бѣлокурыми волосами, представляя замѣчательный контрастъ съ стоящимъ на якорѣ бортъ съ бортомъ возлѣ нашего, генуэзскимъ судномъ, матросы котораго почти всѣ до одного имѣютъ смуглый цвѣтъ лица, и блестящіе черные глаза и волосы. Эти два человѣческіе типа правильно обозначены какъ бѣлокурые бѣлые (fair-whites) и темноволосые бѣлые (dark-whites).

Различіе расъ было разработано съ помощью научныхъ методовъ только въ новѣйшее время. Однако, по своей связи съ политическими вопросами о соотечественникѣ и чужеземцѣ, о завоевателѣ и покоренномъ, о свободномъ человѣкѣ и рабѣ — различіе расъ привлекало къ себѣ вниманіе съ самыхъ раннихъ временъ, и поэтому отличительныя черты ихъ всегда представляли предметъ ревностныхъ наблюденій. Въ Южныхъ Соединенныхъ Штатахъ Америки, вплоть до недавняго уничтоженія рабства, слѣды негритянскаго происхожденія отмѣчались съ самою изысканною точностью. Не только была установлена правильная классификація смѣшанныхъ породъ на мулатовъ, квартероновъ и октароновъ, но даже въ томъ случаѣ, гдѣ помѣсь была выражена столь слабо, что непривычный глазъ не замѣчалъ ничего кромѣ лица, свойственнаго обыкновенному брюнету, — сомнительнаго пришлеца, отважившагося усѣсться за общимъ обѣденнымъ столомъ, заставляли показывать руки и узнавали клеймо африканскаго происхожденія по темной окраскѣ у корней ногтей.

Видя, какъ сильно бросаются въ глаза крупныя расовыя отличія, можно было ожидать, что древнія надписи и изображенія могутъ дать нѣкоторое понятіе о человѣческихъ расахъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существовали въ началѣ историческихъ временъ. Такія указанія даетъ намъ Египетъ, гдѣ находимъ самые древніе письменные памятники міра. Болѣе чѣмъ за 4000 лѣтъ тому назадъ восходятъ изображенія самихъ египтянъ, представляющихъ тѣ же черты какъ и въ позднѣйшія времена. При шестой династіи, приблизительно за 2000 лѣтъ до Р. Х., знаменитая надпись князя Уны упоминаетъ о *Haси* (*Nahsi*) или неграхъ, которые десятками тысячъ набирались и обучались для служенія въ египетскихъ войскахъ. При двѣнадцатой династіи, на стѣнахъ мо-

гилы Кнумгетна изображена процессія амусовъ (*Аmu*), по чертамъ которыхъ можно заключить, что они принадлежатъ къ одной расѣ съ сирійцами и евреями. Рисунки на стѣнахъ могилъ ѳивскихъ царей девятнадцатой династіи наилучше сохранили написанныя красками изображенія четырехъ великихъ расъ, различаемыхъ египтянами. Это, прежде всего, сами краснокоричневые египтяне, далѣе жители Палестины съ ихъ орлинымъ профилемъ и смуглымъ цвѣтомъ кожи, потомъ плосконосые и толстогубые африканскіе негры и, наконецъ, бѣлокожіе ливійцы. Такимъ образомъ, уже тогда человѣческій родъ раздѣлялся на рѣзко выраженныя расы, отличавшіяся другъ отъ друга по цвѣту кожи и чертамъ. Замѣчательно, до какой степени эти типы древняго міра могутъ быть распознаваемы еще и теперь. Эѳіопы древнихъ памятниковъ могутъ найти себѣ вполнѣ похожихъ представителей еще и въ наши дни. Не смотря на многочисленныя чужеземныя вторженія въ Египетъ, масса сельскаго населенія сохранила достаточно чистую кровь, чтобы изъ нея можно было безъ труда выбрать людей, вполнѣ сходныхъ съ представителями временъ фараоновъ. Стоитъ только нарисовать ихъ портреты въ архаическомъ стилѣ старыхъ памятниковъ, съ прямосмотрящими на зрителя глазами при повернутомъ въ профиль лицѣ фигуры, и передъ нами очутятся тѣ самые египтяне, которые изображали себя на этотъ манеръ въ старые дни, когда они держали въ рабствѣ израильтянъ. Такимъ же образомъ, и древнія египетскія изображенія плѣнныхъ изъ Палестины — сирійцевъ ли, финикіянъ или евреевъ — обнаруживаютъ тѣ самыя, сильно выраженныя черты израильтянскаго типа, съ которыми можно встрѣчаться въ настоящее время въ любомъ изъ городовъ Европы. Короче, свидѣтельства древнихъ памятниковъ, географіи и исторіи доказываютъ, что великія расовыя дѣленія человѣчества имѣютъ не недавнее происхожденіе, но установились еще до начала историческаго періода. Повидимому, измѣненія ихъ съ того времени были сравнительно слабы, если исключить образованіе смѣшанныхъ расъ путемъ скрещиванія (intermarriage).

Отсюда слѣдуетъ, что на историческія времена должно смотрѣть только какъ на новѣйшій періодъ жизни человѣка на землѣ. Позади него лежитъ доисторическій періодъ, когда совершался главный процессъ образованія человѣческихъ расъ и ихъ распро-

страненія по всему свѣту. Хотя у насъ нѣтъ никакого мѣрила для опредѣленія продолжительности этого періода, но у насъ, все таки, найдутся основательныя причины принять его за весьма долгій промежутокъ времени. Если мы взглянемъ на этнологическую карту, расцвѣченную такъ, чтобы показать, какая раса обитаетъ въ каждой мѣстности, то намъ станетъ очевиднымъ съ перваго же взгляда, что населеніе міра не представляетъ какого-то случайнаго размѣщенія націй, здѣсь — бѣлое племя, тамъ — коричневое, а между ними, можетъ быть, черное. Напротивъ того, расы распространены цѣликомъ по обширнымъ странамъ такимъ образомъ, какъ будто онѣ и выросли тамъ, причемъ особенный типъ расы, повидимому, болѣе или менѣе стоитъ въ связи съ климатомъ, въ которомъ она живетъ. Особенно видно, что масса черныхъ расъ принадлежитъ экваторіальнымъ странамъ Африки и Восточнаго Архипелага, желтая раса — Центральной и Южной Азіи, бѣлая — Азіи умѣреннаго климата и Европѣ. Возможно сдѣлать даже, на основаніи карты, нѣкоторыя догадки насчетъ того, какая мѣстность была первоначальнымъ центромъ, гдѣ сформировалась каждая изъ этихъ расъ, и откуда онѣ стали распространяться и вширь, и вдаль. Конечно, если бы — какъ это думали иные — негры, монголы, бѣлые люди и другія расы представляли отдѣльные виды, изъ которыхъ каждый возникъ отдѣльно въ своей собственной области, то для заселенія земнаго шара людьми могло бы потребоваться только умѣренно-продолжительное время, ибо расамъ тогда оставалось бы только распространяться изъ своихъ отдѣльныхъ мѣстъ рожденія. Но мнѣніе современныхъ зоологовъ, которые, на основаніи своего изученія видовъ и породъ животныхъ, суть наилучшіе судьи по этому вопросу — высказываются противъ подобной теоріи раздѣльнаго происхожденія человѣка, и именно по двумъ главнымъ причинамъ. Во первыхъ, потому, что всѣ человѣческія племена, отъ самаго чернаго до самаго бѣлаго, имѣютъ такое общее сходство въ строеніи своего тѣла и въ своихъ умственныхъ отправленіяхъ, что оно наилегче и наилучше можетъ быть объяснено только ихъ происхожденіемъ отъ однихъ и тѣхъ же общихъ предковъ, какъ бы отдаленны по времени послѣдніе ни были. Во вторыхъ, потому, что всѣ человѣческія расы, не смотря на свою форму и цвѣтъ, представляются способными къ скрещиванію и образованію смѣ-

шанныхъ расъ всевозможныхъ сочетаній, въ родѣ милліоновъ мулатовъ и метисовъ, происшедшихъ въ Новомъ свѣтѣ отъ скрещиванія европейцевъ, африканцевъ и туземныхъ американцевъ; а это опять указываетъ на общихъ предковъ для всѣхъ человѣческихъ расъ. Мы можемъ принять, такимъ образомъ, теорію единства человѣческаго рода, какъ наилучше согласуемую съ обыденною опытностью и научнымъ изслѣдованіемъ [1]). До сихъ поръ, однако, въ нашемъ распоряженіи находились только весьма несовершенныя средства для рѣшенія вопросовъ о томъ, каковы были тѣлесныя и умственныя особенности прародителей человѣка въ тѣ времена, когда праотцы теперешнихъ негровъ, татаръ и австрійцевъ еще не раздѣлялись на отдѣльныя отрасли. Равнымъ образомъ, для насъ пока еще не ясно, подъ вліяніемъ какихъ причинъ эти отрасли или расы выработали свои различные типы черепа и конечностей, цвѣта кожи и волосъ. Въ настоящее время невозможно уяснить себѣ, на сколько особенности отдѣльныхъ предковъ были унаслѣдованы ихъ потомками и упрочились союзами между членами одной и той же расы; или на сколько, когда слабыя и тупоумныя племена гибли въ борьбѣ за почву и жизнь, сильнѣйшія, храбрѣйшія и способнѣйшія, переживая ихъ, оставляли печать своего типа на народахъ, происшедшихъ отъ побѣдителей; или на сколько цѣлыя переселявшіяся племена претерпѣвали тѣлесныя измѣненія подъ вліяніемъ перемѣны климата, пищи и привычекъ, такъ что заселеніе земли людьми шло одновременно съ развитіемъ новыхъ расъ, приспособлявшихся къ жизни въ различныхъ странахъ. Каково бы ни было участіе этихъ и другихъ еще менѣе ясныхъ причинъ въ процессѣ видоизмѣненія человѣческихъ расъ, нельзя предполагать, чтобы такія различія, какія, напримѣръ, существуютъ между англичаниномъ и негромъ съ Золотаго Берега, могли зависѣть отъ какихъ нибудь ничтожныхъ измѣненій породы. Напротивъ того, они имѣютъ такую зоологическую важность, что ихъ приравниваютъ къ различіямъ между животными, относимыми естествоиспытателями къ отдѣльнымъ видамъ, напримѣръ, различіемъ между бурымъ медвѣдемъ съ его закругленнымъ лбомъ и полярнымъ медвѣдемъ

[1]) Это далеко не общепринятое мнѣніе. Между антропологами нашего времени очень многіе еще склонны признать теорію *полигенистовъ* болѣе вѣрною, чѣмъ теорію *моногенистовъ*. *Прим. ред*

съ его бѣловатымъ мѣхомъ и длиннымъ приплюснутымъ черепомъ. Если мы, слѣдовательно, мысленно перенесемся назадъ къ тому времени, когда предки африканцевъ, австралійцевъ, монголовъ и скандинавовъ представляли еще одну нераздѣльную отрасль, то теорія ихъ общаго происхожденія должна быть такъ построена, чтобы допустить существованіе достаточно могущественныхъ причинъ и достаточно продолжительнаго времени для созданія измѣненій, далеко превзошедшихъ всѣ происшедшія въ теченіи историческихъ временъ. Разсматривая съ этой точки зрѣнія, черныхъ, коричневыхъ, желтыхъ и бѣлыхъ людей, которыхъ мы, согласно нашему предположенію, изучали на докахъ, мы увидимъ въ нихъ живыя свидѣтельства о далекомъ прошедшемъ, такъ какъ каждый китаецъ и негръ носитъ на своемъ лицѣ живое доказательство древности человѣческаго рода.

Пойдемъ далѣе. Чтó въ состояніи повѣдать намъ о древности существованія человѣка на землѣ?—его языкъ. Оказывается, что на свѣтѣ насчитывается около тысячи отличныхъ одинъ отъ другаго языковъ. Ясно, однако, съ перваго же взгляда, что они вовсе не произошли каждый отдѣльно. Существуютъ группы языковъ, обнаруживающія такое близкое сходство по своей грамматикѣ и словарямъ, которое доказываетъ происхожденіе каждой группы отъ одного пра-языка. Такая группа называется семействомъ языковъ, и одно изъ наилучше извѣстныхъ подобныхъ семействъ можетъ послужить примѣромъ способа ихъ образованія. Въ древнія времена латинскій языкъ (употребляемъ это слово въ нѣсколько широкомъ смыслѣ) представлялъ языкъ Рима и другихъ италъянскихъ областей, и, по мѣрѣ расширенія предѣловъ Римской Имперіи, онъ разносился вширь и вдаль, вытѣсняя собою ранніе языки цѣлыхъ провинцій. Подвергаясь въ каждой странѣ инымъ измѣненіямъ, латинскій языкъ далъ начало романской семьѣ языковъ, общеизвѣстными членами которой служатъ итальянскій, испанскій и французскій. До какой стенени, послѣ цѣлыхъ вѣковъ раздѣльной жизни, эти языки стали отличаться одинъ отъ другаго, можно судить изъ того, что матросы изъ Діеппа не въ состояніи изъясняться въ Малагѣ, и знаніе французскаго языка не даетъ намъ возможности читать Данте. Тѣмъ не менѣе, романскіе языки на столько сохраняютъ слѣды своего общаго римскаго происхожденія, что можно

взять итальянскія, испанскія и французскія фразы и возвести каждое слово ихъ къ близкому къ нему слову классическаго латинскаго языка, который въ общихъ чертахъ можно разсматривать какъ первоначальную форму этой рѣчи. Приводимъ здѣсь, въ видѣ примѣра, нѣсколько общеизвѣстныхъ пословицъ, предупреждая читателя, что ради удобства сравненія построенію рѣчи вовсе не придано точной грамматической формы.

Итальянскій.

E meglio un uovo oggi che una gallina domani.
Est melius unum ovum hodie quid una gallina de mane.
т. е., лучше яйцо сегодня, чѣмъ курица завтра.

Chi va piano va sano, chi va sano va lontano.
qui vadit planum vadit sanum, qui vadit sanum vadit longum.
т. е. кто идетъ тихо, идетъ здорово, кто идетъ здорово, идетъ далеко.

Испанскій.

Quien canta sus males espanta.
quem cantat suos malos expav(ere).
т. е. кто поетъ, свою бѣду прогоняетъ.

Por la calle de despues se va à la casa de nunca.
per illam callem de de-ex-post se vadit ad illam casam de nunquam.
т. е. по улицѣ «скоро» придешь въ домъ «никогда».

Французскій.

Un tiens vaut mieux que deux tu l' auras.
unum tene valet melius quod duos tu illum habere-habes.
т. е. одно «возьми» лучше чѣмъ два «получишь».

Parler de la corde dans la màison d' un pendu.
parabola de illam chordam de intus illam mansionen de unum pend(o).
т. е. (никогда не слѣдуетъ) говорить о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго.

Изъ подобныхъ вышеприведенныхъ фразъ совершенно ясно, что итальянскій, испанскій и французскій языки суть на самомъ дѣлѣ преобразованный латинскій; слова ихъ постоянно измѣнялись по мѣрѣ ихъ отдаленія, поколѣніе за поколѣніемъ, отъ кореннаго

языка. Даже въ томъ случаѣ, если бы латинскій былъ утраченъ, филологи все таки были бы въ состояніи, путемъ сравненія ряда романскихъ языковъ, придти къ заключенію, что нѣкогда долженъ былъ существовать такой языкъ, изъ котораго возникли всѣ члены ряда, — хоть, конечно, подобное возстановленіе латинскаго языка дало бы лишь скудное понятіе какъ о запасѣ его словъ, такъ и о его грамматическихъ словоизмѣненіяхъ Подобный же путь разсужденія, при помощи котораго утраченный коренной языкъ возстановляется на основаніи сходства между его производными, можно удобно приложить и къ другому ряду европейскихъ языковъ. Представимъ себѣ, что мы прислушиваемся къ разговору группы голландскихъ матросовъ. Сперва ихъ разговоръ можетъ показаться непонятнымъ, но черезъ нѣкоторое время чуткое ухо уловитъ звуки хорошо знакомыхъ (англичанину) словъ, а можетъ быть, наконецъ, и цѣлыя фразы, вродѣ слѣдующихъ: — *Kom hier! Wat zegt gij? Hoe is het weder? Het is een hevige storm, ik ben zeer koud. Is de maan op? Ik weet niet.* Правописаніе этихъ словъ, отличающееся отъ нашего (англійскаго), маскируетъ ихъ сходство, но при произнесеніи они весьма близко подходятъ къ соотвѣтственнымъ англійскимъ фразамъ въ нѣсколько старомодномъ или провинціальномъ стилѣ:—*Come here! What say ye? How is the weather? It is a heavy storm, I be sore cold. Is the moon up? I wit not!* (т. е. Подите сюда! Что вы говорите? Какова погода? Сильная буря, мнѣ больно холодно. Взошла луна? Не знаю!). Понятно, что никакіе два языка не могли бы дойти до такого близкаго сходства, если бы они не происходили отъ одного общаго кореннаго языка. Это разсужденіе въ дѣйствительности весьма сходно съ разсужденіемъ относительно происхожденій самихъ народовъ. Подобно тому, какъ мы говоримъ, что голландцы и англичане представляютъ столь близко сходныя между собою существа, что они должны были произойти отъ одного общаго рода, такъ точно мы утверждаемъ, что ихъ языки столь похожи одинъ на другой, что они должны были произойти отъ одного общаго языка. Поэтому говорятъ, что голландскій и англійскій языки находятся въ тѣсномъ родственномъ отношеніи между собою, и столь же близкимъ, родственнымъ имъ оказывается языкъ Фрисландіи. Отсюда заключаютъ, что нѣкогда существовалъ нѣкоторый коренной языкъ (или

группа нарѣчій), который можетъ быть названъ первобытнымъ нижнеголландскимъ или нижнегерманскимъ, хотя въ дѣйствительности такого языка и не отыскано, вслѣдствіе того, что ему не довелось быть записаннымъ и сохраниться такимъ путемъ.

Не трудно понять, что съ теченіемъ времени и по мѣрѣ того, какъ языки, принадлежащіе къ извѣстному семейству, вступаютъ каждый на свой отдѣльный путь измѣненій, обнаруженіе ихъ родства при помощи сравненій цѣлыхъ фразъ должно становиться все менѣе и менѣе возможнымъ. Филологи принуждены тогда основывать свои выводы на менѣе полныхъ сходствахъ; послѣднія, однако, могутъ быть признаны достаточными, если въ двухъ языкахъ открывается не только соотвѣтственность между отдѣльными словами лексиконовъ, но и составленіе изъ этихъ словъ дѣйствительной рѣчи совершается при помощи сходныхъ грамматическихъ формъ. Такимъ образомъ, при сравненіи санскрита, древняго языка индійскихъ брахмановъ, съ греческимъ и латинскимъ, оказывается, что санскритскій глаголъ *dâ* выражаетъ понятіе «давать» и производитъ свое настоящее время путемъ удвоенія и прибавленія личной приставки, превращаясь въ *dadâmi*, подобно тому, какъ греческій производитъ свое *didomi*; отъ того же корня санскритъ производитъ причастіе будущаго времени *dâsyamânas*, соотвѣтствующее греческому *dosomenos*, между тѣмъ какъ санскритское *dâtâr* соотвѣтствуетъ греческому *doter*—даватель. Точно также, латинскимъ *vox*, *vocis*, *vocem*, *voces*, *vocum*, *vocibus* соотвѣтствуютъ санскритскіе *vâk*, *vâćas*, *vâćam*, *vâćas*, *vâćâm*, *vâgbhyas*. Разъ найдена столь полная аналогія между нѣсколькими отдѣльными языками, какая наблюдается между санскритскимъ, греческимъ и латинскимъ, нельзя подыскать этому никакого иного объясненія, кромѣ того, что всѣ они произошли отъ какого нибудь одного древняго кореннаго языка, отъ котораго они впослѣдствіи только отклонились въ различныхъ направленіяхъ. Этимъ путемъ доказано, что не только три вышеупомянутые языка родственны между собою по своему общему происхожденію, но что это имѣетъ мѣсто и для нѣсколькихъ группъ древнихъ и новыхъ языковъ въ Азіи и Европѣ, для индусской группы, для персидской, эллинской или греческой, италійской или латинской, для славянской, къ которой принадлежитъ русскій языкъ; для тевтонской, членомъ которой со-

стоитъ англійскій; для кельтійской, куда относится валлійскій; что всѣ они представляютъ потомство одного общаго пра-языка, который въ настоящее время въ теоріи называютъ арійскимъ, хотя на практикѣ природа его можетъ быть опредѣляема только гадательно, при помощи сравненія его потомковъ. Иные изъ послѣднихъ дошли до насъ въ крайне древнихъ формахъ, по скольку можно говорить о древности при нашей ограниченности лѣтосчисленій. Священныя индійскія и персидскія книги сохранили санскритскій и зендскій языки, которые своимъ строеніемъ обнаруживаютъ для глазъ филолога болѣе древнее происхожденіе, нежели самыя раннія греческія и латинскія надписи и древнія персидскія клинообразныя надписи на скалахъ, относящіяся ко времени Дарія. Но арійскіе языки даже въ своемъ самомъ древнемъ извѣстномъ намъ состояніи, представляются уже на столько отличными одинъ отъ другаго, что самое обнаруженіе ихъ общаго происхожденія явилось величайшимъ и труднѣйшимъ подвигомъ современной филологіи. Слабое сходство, которое все еще свидѣтельствуетъ въ пользу родственнаго отношенія валлійскаго къ греческому и нѣмецкому, можетъ дать нѣкоторое понятіе о томъ времени, какое могло протечь съ тѣхъ поръ, когда всѣ эти три языка начали развиваться, каждый въ отдѣльности, изъ первоначальнаго арійскаго, переставшаго существовать, вѣроятно, задолго до начала историческаго періода.

Высокое мѣсто во всемірной исторіи занимаетъ еще одна великая группа изъ языковъ древнихъ народовъ. Это семитическое семейство, включающее еврейскій и финикійскій языки, равно какъ и ассирійскій, который былъ прочтенъ по клинообразнымъ письменамъ Ниневіи, арабскій, языкъ *Корана*, служитъ великимъ современнымъ представителемъ этой семьи, и близость его къ еврейскому языку можетъ быть усмотрѣна изъ сравненія общеизвѣстныхъ фразъ. Арабъ до сихъ поръ еще привѣтствуетъ чужеземца словами: *salâm alaikum*, «миръ (да снизойдетъ) на васъ», приблизительно такъ, какъ сказалъ бы древній еврей: *Shâlôm lâchem*, то есть «миръ вамъ»; и часто слышимое арабское восклицаніе: *bismillah* можетъ быть передано еврейскимъ *be-shêm hâ-Elohim*, «во имя Божіе». Точно также, еврейскія имена лицъ, упоминаемыхъ въ библіи, даютъ истолкованіе многимъ арабскимъ собствен-

нымъ именамъ; напримѣръ, *Ebed-melech*, «слуга царя», взявшій Іеремію изъ темницы, носилъ имя весьма близкое къ имени Калифа *Abd-el-Melik* въ мусульманской исторіи. Но ни одинъ изъ этихъ семитическихъ языковъ не можетъ имѣть никакихъ притязаній на значеніе кореннаго языка для всего семейства, который стоялъ бы къ другимъ членамъ въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ латинскій стоитъ къ итальянскому и французскому. Всѣ эти языки — ассирійскій, финикійскій, еврейскій, арабскій — представляютъ только родственныя другъ другу отрасли, указывающія на существованіе нѣкотораго давно исчезнувшаго кореннаго языка. Древній египетскій языкъ гіероглифовъ не можетъ быть помѣщенъ въ число членовъ семитическаго семейства, хотя онъ и обнаруживаетъ кое-какія сходныя съ нимъ черты, которыя могутъ указывать на нѣкоторое отдаленное родство. Извѣстно также, что за 2000 лѣтъ до Р. Х. существовали еще два языка, не принадлежавшіе ни къ арійскому, ни къ семитическому семейству; это были древній вавилонскій и древній китайскій. Что касается до языковъ болѣе отдаленныхъ странъ свѣта, напр. Америки, то ознакомленіе съ ними показало, что они также состоятъ изъ многочисленныхъ отдѣльныхъ группъ или семействъ.

Этотъ слабый очеркъ самаго ранняго извѣстнаго намъ состоянія языка въ мірѣ вполнѣ достаточенъ для того, чтобы сдѣлать тотъ интересный выводъ, что главный процессъ вырабатыванія языка совершился во времена до-историческія. Углубляясь въ древность, на сколько только можетъ намъ помочь въ этомъ филологія, мы встрѣчаемъ уже нѣсколько группъ языковъ, отличающихся одна отъ другой по словамъ и по строенію, и въ которыхъ намъ невозможно найти какихъ-либо ясныхъ признаковъ родства, если даже эти языки и были когда либо въ какомъ нибудь родственномъ отношеніи между собою. Самое терпѣливое изслѣдованіе не открыло никакихъ слѣдовъ кореннаго первобытнаго языка человѣчества. Самые древніе типы языковъ, становящіеся доступными намъ путемъ восхожденія отъ извѣстныхъ языковъ, не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ, которые давали бы право заключить, что они были первобытными языками человѣчества. Можно даже положительно утверждать, что они не были таковыми, но что періоды роста и упадка большею частью уничтожили слѣды того, какимъ

образомъ каждый особенный звукъ сталъ выражать свой особенный смыслъ. Со времени наступленія историческаго періода, человѣкъ сдѣлалъ весьма мало въ области безусловно новаго творчества языка, по той простой причинѣ, что его нужды уже были удовлетворены тѣми словами, которымъ онъ научился отъ своихъ отцовъ, и все, что ему оставалось дѣлать, когда у него появлялось какое нибудь новое представленіе, сводилось на переработываніе старыхъ словъ въ ту или другую новую форму. Такимъ образомъ, изученіе языковъ приводитъ насъ къ тому же самому взгляду на древность человѣка, къ какому привело изученіе расъ. Будучи спрошенъ о томъ, какъ долго, по его мнѣнію, существуетъ уже человѣческій родъ, филологъ отвѣчаетъ, что онъ долженъ былъ существовать достаточно долго для того, чтобы человѣческая рѣчь могла развиваться изъ самыхъ раннихъ начатковъ въ сложно-выработанные языки, и чтобы послѣдніе въ свою очередь развились въ семейства, распространившіяся по земному шару. Эта громадная работа уже была закончена во времена, истекшія до появленія самыхъ раннихъ надписей Египта, Вавилона, Ассиріи, Финикіи, Персіи, Греціи, ибо эти надписи свидѣтельствуютъ, что великія семейства человѣческой рѣчи находились уже во всей полнотѣ существованія.

Намъ предстоитъ теперь бросить взглядъ на культуру или цивилизацію, чтобы посмотрѣть, не обнаруживаетъ ли и она признаковъ того, что человѣкъ существовалъ и трудился уже ранѣе самыхъ раннихъ періодовъ, о которыхъ говорятъ какія либо историческія свидѣтельства. Для этого необходимо усвоить понятія, каковъ былъ общій ходъ развитія искусствъ, знаній и учрежденій. Согласно доброму старому правилу, всегда слѣдуетъ направляться отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, а всякій неглупый человѣкъ можетъ разсказать намъ многое изъ своей собственной житейской опытности о томъ, какимъ образомъ развивается цивилизація. Отчетъ какого нибудь старика объ Англіи, какою она была, по его воспоминаніямъ, въ дни его дѣтства, и о тѣхъ изобрѣтеніяхъ и улучшеніяхъ, которыя съ тѣхъ поръ совершились на его глазахъ, представляетъ драгоцѣнный урокъ уже самъ по себѣ. Такъ, отправляясь изъ Лондона на утреннемъ курьерскомъ поѣздѣ, чтобы прибыть въ Эдинбургъ къ обѣденному времени того же дня, онъ

припомнить то время, когда такое путешествіе обыкновенно совершалось въ дилижансѣ и считалось скорымъ, когда не требовало болѣе двухъ сутокъ. Взглянувъ на сигнальный столбъ у полотна дороги, онъ вспомнитъ, какъ нѣкогда эти семафоры (то есть знаконосители) считались самыми лучшими средствами телеграфированія и какъ они стояли, махая своими руками, на холмахъ между Лондономъ и Плимутомъ, для передачи адмиралтейскихъ депешъ. Размышленіе о замѣнившемъ ихъ электрическомъ телеграфѣ наведетъ его на мысль о томъ, что это изобрѣтеніе возникло изъ сдѣланнаго во времена его молодости открытія относительно связи между электричествомъ и магнетизмомъ. Это въ свою очередь наведетъ его на мысль о другихъ современныхъ научныхъ открытіяхъ, разоблачающихъ намъ тайны природы, — напр., о спектральномъ анализѣ, который въ настоящее время съ величайшею точностью опредѣляетъ вещественный составъ далекихъ звѣздъ, тогда какъ наши отцы были твердо увѣрены, что именно этого никогда не можетъ узнать ни одинъ человѣкъ въ мірѣ. Нашъ собесѣдникъ можетъ сообщить намъ также, что человѣческія знанія не только увеличились, но и распространились гораздо шире нежели въ прежнія времена, когда сынъ зажиточнаго фермера фактически не былъ въ состояніи получать такое хорошее образованіе, какое теперь можетъ получать по праву сынъ простаго рабочаго. Онъ можетъ далѣе объяснить своимъ слушателямъ, на сколько, въ теченіи его жизни, улучшились и стали точнѣе выполняться законы страны; что теперь болѣе не вѣшаютъ людей за воровство, что теперь болѣе заботятся и объ исправленіи преступниковъ, вмѣсто прежняго простаго наказанія ихъ; что жизнь и собственность стали теперь безопаснѣе нежели въ старое время. Наконецъ – и это не наименѣе важно – онъ можетъ показать, на основаніи своихъ собственныхъ воспоминаній, что и въ нравственномъ отношеніи люди теперь стали нѣсколько лучше, чѣмъ они были; что общественное мнѣніе устанавливаетъ теперь нѣсколько болѣе высокую норму поведенія, чѣмъ устанавливали прежнія поколѣнія,—какъ это можно видѣть изъ болѣе рѣзкаго порицанія, постигающаго нынѣ плутовъ и пьяницъ. Изъ подобныхъ примѣровъ процесса цивилизаціи, совершившагося въ одной странѣ и въ теченіи одной человѣческой жизни, становится яснымъ, что міръ не стоялъ неподвижно, но что

изъ стараго состоянія вещей возникали или развивались новые искусства, новыя мысли, новыя учрежденія, новыя правила жизни.

Но этотъ ростъ или развитіе цивилизаціи, совершающійся съ такою быстротою въ наши времена, повидимому, болѣе или менѣе дѣятельно происходилъ, начиная съ самыхъ раннихъ періодовъ жизни человѣчества на землѣ. Для этого существуютъ различныя доказательства. Исторія, на сколько она восходитъ къ древности, показываетъ, что техника, науки и политическія учрежденія сначала возникаютъ въ болѣе грубомъ состояніи и затѣмъ, съ теченіемъ времени, становятся, по отношенію къ выполненію своего назначенія болѣе разумными, болѣе систематическими, болѣе совершенно устроенными или организованными. Чтобы не приводить много примѣровъ этого столь общеизвѣстнаго факта, упомянемъ только, что исторія представительнаго или парламентскаго правленія начинается древними совѣтами вождей или безпорядочными собраніями всего народа. Исторія медицины восходитъ къ тѣмъ временамъ, когда *эпилепсія* или «схватка» (греческое *epilepsis*) считалось дѣйствительно дѣломъ демона, который схватываетъ и корчитъ больнаго. Мы имѣемъ здѣсь въ виду, однако, пойти далѣе подобныхъ обыденныхъ свѣдѣній, содержащихся во всякомъ учебникѣ исторіи, и обсудить, черезъ какія ступени прошла цивилизація во времена еще болѣе отдаленныя. Однимъ изъ драгоцѣнныхъ вспомогательныхъ средствъ въ этомъ отношеніи является археологія, которая, напримѣръ, показываетъ намъ каменные топоры и другія грубыя орудія, употребляемыя ранними человѣческими племенами, и такимъ образомъ свидѣтельствуетъ, какъ низко было состояніе ихъ техники; ниже мы распространимся объ этомъ подробнѣе. Другимъ полезнымъ руководителемъ для насъ являются переживанія старой культуры. Вглядываясь пристально въ мысли, въ технику и въ обычаи любаго народа, изслѣдователь всегда встрѣчается съ остатками болѣе стараго состоянія вещей, изъ котораго произошелъ новый строй. Возьмемъ простой примѣръ и спросимъ себя, почему теперь носится столь странно скроенное платье, какъ обыкновенный фракъ; объясненіе можетъ быть найдено слѣдующимъ образомъ. Срѣзываніе полъ на уровнѣ тальи нѣкогда имѣло разумную цѣль не давать поламъ сюртука мѣшать во время ѣзды верхомъ, между тѣмъ какъ двѣ безполезныя пуговицы на тальѣ сзади представляютъ

также остатки отъ тѣхъ временъ, когда онѣ дѣйствительно служили для закрѣпленія полъ одежды назади; выемки на странно-скроенномъ воротникѣ, совершенно неумѣстныя и излишнія въ настоящее время, дѣлались въ началѣ для того, чтобы можно было то поднимать, то отворачивать воротникъ, смотря по надобности, изящные обшлага изображаютъ прежнюю обычную подкладку, и поддѣльные отвороты на рукавахъ, обозначаемые теперь простымъ швомъ вокругъ запястья, представляютъ остатки отъ настоящихъ отворотовъ, когда существовало обыкновеніе засучивать рукава. Мы видимъ, такимъ образомъ, что нынѣшній парадный фракъ обязанъ своими особенностями происхожденію отъ старомоднаго обыденнаго верхняго платья, въ которомъ человѣкъ ѣздилъ верхомъ и работалъ. Или, опять, если бы кто нибудь сталъ доискиваться въ современной англійской жизни доказательства норманскаго завоеванія, совершившагося восемь столѣтій тому назадъ, то одно изъ такихъ доказательствъ можно было бы найти въ «*Oh yes*! *Oh yes*!» городскаго глашатая, который, самъ того не зная, продолжаетъ поддерживать старинную французскую форму провозглашенія: «*Oyez! Oyez!*», то есть «слушайте! слушайте!» До какихъ еще болѣе отдаленныхъ періодовъ цивилизаціи могутъ восходить подобные остатки, можно хорошо показать на одномъ примѣрѣ изъ жизни Индіи. Хотя народъ тамъ уже цѣлые вѣка добываетъ огонь для практическаго употребленія при помощи кремня и стали, тѣмъ не менѣе брахманы, когда имъ требуется добывать огонь для ежедневныхъ жертвоприношеній, все еще продолжаютъ пользоваться варварскимъ способомъ сильнаго сверленія заостренною палкою другаго куска дерева, пока не появится искра. Если ихъ спрашиваютъ, зачѣмъ они попусту тратятъ столько труда, когда имъ извѣстенъ гораздо лучшій способъ, они отвѣчаютъ, что дѣлаютъ это съ цѣлью добыванія чистаго и священнаго огня. Но для насъ очевидно, что на самомъ дѣлѣ они путемъ неизмѣнившагося обычая поддерживаютъ одинъ изъ остатковъ отъ болѣе грубой жизни, которую нѣкогда вели ихъ отдаленные предки. Вообще все эти разнообразные способы изслѣдованія техники и наукъ доказываютъ, что послѣднія никогда не появляются въ законченномъ и совершенномъ видѣ, какъ Аѳина изъ расколотой головы Зевса. Онѣ развиваются послѣдовательными шагами, и тамъ, гдѣ отсутствуютъ всякія фак-

тическія свѣдѣнія, наблюдатель часто можетъ угадать вѣроятный путь происхожденія даннаго изобрѣтенія изъ одного вида его. Такъ, при взглядѣ на самострѣлъ и на обыкновенный лукъ, нельзя не придти къ тому убѣжденію, что лукъ былъ изобрѣтенъ раньше, а самострѣлъ изготовленъ впослѣдствіи путемъ придѣлыванія обыкновеннаго лука къ ложу и устраиванія особой собачки для спуска тетивы послѣ прицѣливанія Хотя исторія и не въ состояніи сказать намъ, кѣмъ и когда это было сдѣлано, мы тѣмъ не менѣе почти столь же увѣрены въ нашемъ предположеніи, какъ и въ тѣхъ историческихъ извѣстныхъ фактахъ, что самострѣлъ повелъ къ изобрѣтенію мушкета съ фитилемъ, что этотъ мушкетъ, въ свою очередь, привелъ къ кремневому ружью, которое перешло въ пистонное, а затѣмъ въ ружье, заряжающееся съ казенной части.

Совокупляя всѣ эти средства изслѣдованія, мы часто получаемъ возможность начертать весь ходъ развитія извѣстнаго искусства или учрежденія, прослѣживая его въ обратномъ порядкѣ отъ его высшаго состоянія въ цивилизованномъ мірѣ до его начатковъ въ жизни самыхъ грубыхъ человѣческихъ племенъ. Взглянемъ, напримѣръ, на ходъ развитія новѣйшей математики въ томъ видѣ, въ какомъ онъ излагается въ книгахъ, употребляемыхъ при соисканіи университетскихъ степеней. Учащемуся, жившему во времена королевы Елизаветы, не приходилось изучать ни дифференціальнаго и интегральнаго счисленій, ни даже, пожалуй, аналитической геометріи, ибо то, что теперь называется высшею математикою, было придумано только впослѣдствіи. Восходя далѣе къ среднимъ вѣкамъ, мы приходимъ ко времени, когда только что введена была алгебра—нововведеніе, которымъ были обязаны индусскимъ математикамъ и ихъ ученикамъ, арабамъ; рядомъ съ этимъ мы находимъ, что цифирные знаки 0, 1, 2, 3 и т д. начинаютъ входить въ употребленіе какъ улучшеніе старой счетной доски (абака) и римскихъ знаковъ I, II, III. Углубляясь еще далѣе въ классическія времена, мы приходимъ къ эпохѣ перваго появленія методовъ Евклида и другихъ греческихъ геометровъ Такимъ образомъ мы доходимъ, наконецъ, до того, что было извѣстно математикамъ самаго ранняго историческаго періода Вавилоніи и Египта—до ариѳметики, неуклюже продѣлывающей тѣ задачи, которыя гораздо болѣе искусно выполняются въ настоящее время дѣтьми въ самыхъ

низшихъ школахъ, и до грубой геометріи, состоящей изъ нѣсколькихъ правилъ практическаго измѣренія. Таковы данныя, доставленныя исторіею относительно началъ математики, но у насъ существуютъ еще и другія средства раскрыть, черезъ какія низшія ступени проходила эта наука. Самыя названія, до сихъ поръ употребляемыя для обозначенія разныхъ длинъ, каковы локоть, ладонь, стопа (футъ), пядь, ноготь (nail),—свидѣтельствуютъ о томъ, какимъ образомъ возникло искусство измѣренія въ тѣ времена, когда точныя единицы мѣръ еще не были изобрѣтены, и люди помѣщали свои ладони и стопы по различнымъ протяженіямъ предметовъ, величину которыхъ они желали опредѣлить. Подобнымъ же образомъ, существуютъ обильныя свидѣтельства въ пользу того, что ариѳметика возникла изъ счета пальцевъ на рукахъ и ногахъ, вродѣ того, какъ это можно еще и до сихъ поръ наблюдать среди дикарей. Все еще употребляемыя во многихъ языкахъ слова для обозначенія чиселъ, очевидно, были составлены въ теченіи того періода, когда такой счетъ на пальцахъ былъ дѣломъ обычнымъ, и удержались въ языкѣ съ той поры. Такъ, малаецъ выражаетъ число пять словомъ *лимà*, которое—хотя онъ и не знаетъ этого—нѣкогда означало «рука»; это слово, очевидно, является остаткомъ отъ того времени, когда его предки, нуждаясь въ словѣ для обозначенія пяти, поднимали одну руку и говорили: «рука». Да и причина нашей себственной десятичной системы—почему мы считаемъ десятками вмѣсто болѣе удобныхъ дюжинъ—повидимому, заключается въ томъ, что наши праотцы пріобрѣли привычку считать десятками по пальцамъ, и съ тѣхъ поръ эта привычка сохранилась донынѣ, представляя неизмѣнный остатокъ отъ первобытнаго человѣка. Послѣдующія главы представятъ многочисленные примѣры подобнаго происхожденія искусствъ изъ самыхъ простыхъ начатковъ. Такъ, изслѣдуя орудія, мы увидимъ, какъ грубо отколотый камень, зажатый въ руку для рубки, повелъ къ болѣе обдѣланному каменному рѣзцу, всаженному въ деревянную рукоятку, на подобіе топора, какъ затѣмъ, когда вошли въ употребленіе металлы, камень былъ замѣненъ бронзовымъ или желѣзнымъ лезвеемъ, пока, наконецъ, орудіе не превратилось въ самый совершенный современный топоръ лѣсника, съ его стальнымъ лезвеемъ, насаженный на хорошо уравновѣшенное топорище. Образцы,

вродѣ приводимыхъ въ главѣ VIII, изображаютъ эти крупные шаги въ развитіи топора, который появился еще до начала лѣтосчисленія и исторіи и немедленно сталъ служить человѣку однимъ изъ главнѣйшихъ пособій при его саморазвитіи.

Изъ предыдущаго еще не слѣдуетъ, чтобы цивилизація находилась въ постоянномъ движеніи, или чтобы ея движеніе было всегда прогрессомъ. Напротивъ, исторія учитъ, что цивилизація иногда остается неподвижною въ теченіи долгихъ періодовъ и часто подается назадъ. Для пониманія такого упадка культуры необходимо помнить, что высшая техника и наиболѣе выработанное общественное устройство не всегда одерживаютъ верхъ; въ дѣйствительности они могутъ оказаться слишкомъ совершенными для того, чтобы отстоять себя, такъ какъ люди нуждаются лишь въ томъ, что приспособлено къ условіямъ ихъ развитія. Можно извлечь весьма поучительный урокъ изъ наблюденія, сдѣланнаго однимъ англичаниномъ въ Сингапурѣ. Онъ съ изумленіетъ замѣтилъ, что тамъ процвѣтали, между прочимъ, два странные промысла. Одинъ заключался въ покупкѣ старыхъ кораблей англійской стройки, въ разламываніи ихъ и въ оснащиваніи въ видѣ джонокъ. Другой состоялъ въ покупкѣ англійскихъ ударныхъ ружей и въ превращеніи ихъ въ старомодное оружіе съ кремневыми замками. На первый взглядъ это могло бы показаться чистѣйшею глупостью; но по ближайшемъ разсмотрѣніи дѣло оказывается достаточно разумнымъ. Для восточныхъ моряковъ было такъ трудно управляться съ судами европейской оснастки, что оказалось болѣе соотвѣтствующимъ цѣли снабжать ихъ болѣе неуклюжими судами, къ которымъ они уже привыкли; что же касается до ружей, то для охотниковъ среди знойныхъ и сырыхъ лѣсовъ было удобнѣе употреблять свои ружейные кремни, чѣмъ таскать съ собою и охранять отъ отсыренія запасъ пистоновъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ людямъ требовался не высшій продуктъ цивилизаціи, а нѣчто наиболѣе подходившее къ ихъ положенію и ближе всего находившееся подъ рукою. То же самое правило приложимо какъ къ воспринятію новыхъ цивилизацій, такъ и къ поддерживанію старыхъ. Когда жизнь какого-либо народа измѣняется вслѣдствіе переселенія въ новую страну, или вслѣдствіе войны и бѣдствій дома, или вслѣдствіе смѣшенія съ какою нибудь низшею расою, культура его пра-

отцевъ можетъ оказаться болѣе ненужною или невозможною и вслѣдствіе того начинаетъ исчезать. Подобное вырожденіе можно наблюдать, напримѣръ, въ Остъ-Индіи, среди потомковъ португальцевъ, которые подверглись скрещиванію съ туземцами и остались въ сторонѣ отъ хода цивилизаціи; такъ что теперь вновь прибывающіе европейцы отправляются спеціально взглянуть на этихъ людей, бродящихъ около своихъ лачужекъ среди роскоши тропическихъ плодовъ и цвѣтовъ, словно эти люди были поселены тамъ нарочно для того, чтобы поучать своимъ примѣромъ, какъ можетъ падать культура человѣка въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отсутствуетъ необходимость въ усиліяхъ съ его стороны. Частая причина утрачиванія цивилизаціи заключается въ разореніи нѣкогда сравнительно процвѣтавшаго народа и въ изгнаніи его изъ его жилищъ, какъ это случилось съ шошонійскими индѣйцами (Shoshonee), которые нашли себѣ убѣжище отъ своихъ враговъ, черноногихъ, въ дикихъ мѣстностяхъ Скалистыхъ горъ, гдѣ они бродятъ въ настоящее время подъ именемъ индѣйцевъ-копателей, получивъ это наименованіе вслѣдствіе откапыванія ими дикихъ корней для поддержанія своего жалкаго существованія Не только униженное состояніе подобныхъ отверженцевъ, но и утрачиваніе отдѣльныхъ отраслей техники у другихъ народовъ часто можетъ быть объяснено упадкомъ культуры при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Напримѣръ, островитяне Южнаго Океана, хотя они и не были весьма грубымъ народомъ во время посѣщенія ихъ капитаномъ Кукомъ, употребляли только каменные топоры и ножи и на столько не имѣли никакого понятія о металлахъ, что первые желѣзные гвозди, полученные ими отъ англійскихъ матросовъ, они посадили въ землю, въ надеждѣ на всходъ новой жатвы. Возможно, что ихъ предки никогда не употребляли металловъ, но представляется столь же вѣроятнымъ, что эти предки были азіатскимъ народомъ, которому металлы уже были извѣстны, но который, вслѣдствіе переселенія на океанійскіе острова и отдаленія отъ своихъ соплеменниковъ, утратилъ употребленіе металла и снова возвратился къ каменному вѣку. Изслѣдователю необходимо сознавать важность процесса упадка въ цивилизаціи, но мы упоминаемъ здѣсь этотъ фактъ главнымъ образомъ съ цѣлью указать, что онъ никоимъ образомъ не противорѣчитъ теоріи развитія самой циви-

лизаціи путемъ восхожденія отъ низшихъ ступеней къ высшимъ. Нельзя потерять что либо, не обладая имъ предварительно, и если мы встрѣчаемъ гдѣ либо племена, утратившія высшую цивилизацію своихъ предковъ, то слѣдуетъ еще объяснить, какимъ образомъ развилась эта высшая цивилизація.

Вообще оказывается, что гдѣ бы ни были найдены выработанная техника, отвлеченныя знанія, сложныя учрежденія, всюду они представляютъ результаты постепеннаго развитія изъ болѣе ранняго, простѣйшаго и болѣе грубаго состоянія жизни. Ни одна ступень цивилизаціи не вступаетъ въ существованіе сама собою, но всегда выростаетъ или развивается изъ предшествовавшей ступени. Таковъ тотъ великій принципъ, который долженъ хорошо усвоить каждый изслѣдователь, если онъ хочетъ понять, какъ міръ, въ которомъ онъ живетъ, такъ и исторію прошедшаго. Посмотримъ же, какое значеніе имѣетъ это по отношенію къ древности и раннему состоянію человѣчества. Памятники Египта и Вавилоніи свидѣтельствуютъ, что ко времени, удаленному отъ насъ на 5000 лѣтъ, нѣкоторые народы пришли уже къ высокому состоянію культуры. Безъ сомнѣнія, бо́льшая часть земли тогда была населена варварами и дикарями, какъ это было и послѣ того. Но въ областяхъ Нила и Евфрата въ то время существовала цивилизація. Древніе египтяне обладали искусствомъ письма, этимъ самымъ крупнымъ признакомъ цивилизованнаго народа; на дѣлѣ, гіероглифическіе знаки ихъ надписей, какъ кажется, послужили началомъ нашему алфавиту. Это былъ народъ, искусный въ воздѣлываніи земли и снимавшій со своихъ полей, удобрявшихся ежегоднымъ наводненіемъ, богатыя жатвы, способныя поддерживать существованіе густаго населенія. На сколько древніе египтяне были многочисленны и искусны въ строительномъ дѣлѣ, легко можетъ судить всякій путешественникъ, которому довелось взглянуть на пирамиды, сдѣлавшія имя этого народа знаменитымъ черезъ всю исторію. Великая пирамида Джизы (Giseh) до сихъ поръ считается однимъ изъ чудесъ свѣта; это—гора изъ тесаннаго известняка и сіенита, которая—какъ характеризуютъ жители Лондона ея величину—покоится на площади, равной Линкольнъ-Иннъ-Фильдсъ (Lincoln's Inn Fields), и подымается выше собора св. Павла. Совершенство ея громадныхъ глыбъ и прекрасная каменная работа внутреннихъ

залъ и переходовъ свидѣтельствуетъ объ искусствѣ не только каменотеса, но и практическаго геометра. Установка сторонъ пирамиды по отношенію къ четыремъ странамъ свѣта доказываетъ своею точностью, что древніе египтяне были превосходными наблюдателями элементарныхъ фактовъ астрономіи; день равноденствія можетъ быть узнанъ по возможности наблюдать захожденіе солнца на продолженіи одной стороны пирамиды, и окрестные арабы до сихъ поръ провѣряютъ свои астрономическія данныя по тѣни, бросаемой ею. На сколько восходитъ въ древность извѣстіе о египтянахъ, мы находимъ; что они умѣли уже обдѣлывать бронзу и желѣзо, равно какъ золото и серебро. Такимъ образомъ, ихъ техника и обычаи, ихъ скульптура и строительная работа, ихъ вычисленія и измѣренія, ихъ система должностей съ ея управителями и писцами, ихъ религія съ ея разрядами духовенства и постоянными обрядами—все это представляетъ, повидимому, результатъ продолжительнаго и постепеннаго развитія Можетъ быть, наивысшее понятіе о древности можно составить себѣ, внимательно вглядываясь въ такіе ранніе памятники, какъ находящаяся въ британскомъ музеѣ гробница князя Теты, изъ времени 14-й династіи; по ней можно замѣтить, какъ уже въ это время египетская культура начала становиться неподвижною и традиціонною. Искусство уже достигало той ступени, когда людямъ стало казаться, что никакой дальнѣйшій прогрессъ невозможенъ, ибо ихъ предки установили вполнѣ совершенныя правила жизни, всякое измѣненіе которыхъ путемъ преобразованій было бы преступно [1]). Менѣе извѣстно о древнихъ вавилонянахъ или халдеяхъ, тѣмъ не менѣе ихъ памятники и надписи свидѣтельствуютъ о древности и высокомъ развитіи ихъ цивилизаціи. Они употребляли для письма клинообразные знаки, которые, какъ кажется, составляли ихъ изобрѣтеніе и которымъ научились отъ нихъ ихъ преемники, ассирійцы. Они были великими строителями городовъ, и кирпичи, на которыхъ написаны имена ихъ царей, остаются свидѣтельствомъ о ихъ великихъ храмахъ, каковъ былъ, напримѣръ, храмъ, посвященный богу Ура, воздвигнутый въ городѣ, который библейская исторія называетъ

---

[1]) Этотъ аргументъ не особенно убѣдителенъ, такъ какъ царство обычая, какъ святыни, не допускавшей измѣненій, гораздо значительнѣе на первыхъ ступеняхъ развитія общества, чѣмъ на позднѣйшихъ. *Прим. ред.*

Уромъ Халдейскимъ. Остались списки ихъ законовъ, которые были столь прогрессивны, что содержали постановленія касательно собственности замужнихъ женщинъ и осуждали на тюремное заключеніе отца или мать за отреченіе отъ сына, и взимали пеню, по полмѣры хлѣбнаго зерна въ сутки, съ хозяина, убившаго своего раба или вообще жестоко обращавшагося съ нимъ. Ихъ астрологія, сдѣлавшая имена халдеевъ и вавилонянъ знаменитыми съ того времени, повела ихъ къ производству тѣхъ правильныхъ наблюденій надъ небесными тѣлами, изъ которыхъ впослѣдствіи возникла астрономія, какъ наука. Этотъ народъ, записавшій свое имя въ книгѣ цивилизаціи столь крупными чертами, принадлежитъ къ тому же самому періоду глубокой древности, какъ и египтяне. Таковыми представляются тѣ два народа, культура которыхъ всего ранѣе засвидѣтельствована надписями, сдѣланными въ самую эпоху изъ древняго величія, и на которыхъ поэтому можно ссылаться съ большею увѣренностью, чѣмъ на другіе народы, предъявляющіе, въ доказательство своей древности, только письменные документы, составленные въ позднѣйшіе періоды. При изученіи ихъ древней цицилизаціи, послѣдняя представляется созданною людьми, умъ которыхъ работалъ, повидимому, весьма сходно съ нашимъ. Для дѣла созданія ея не потребовалось никакихъ сверхчеловѣческихъ силъ; потребовалась только обыкновенная человѣческая природа, подвигающаяся ощупью по окольнымъ путямъ; достигающая великихъ результатовъ и въ то же время даже на половину не знающая, какъ воспользоваться ими, когда они достигнуты; разрѣшившая великую задачу искусства письма, и въ то же время не видѣвшая, какъ можно упростить неуклюжіе гіероглифы, превративъ ихъ въ буквы; серьезно размышлявшая о религіозныхъ предметахъ, но тѣмъ не менѣе поддерживавшая поклоненіе собакѣ и кошкѣ, которое казалось смѣшнымъ даже древнему міру; разработывавшая астрономію и въ то же время путавшаяся въ лабиринтѣ астрологическихъ нелѣпостей. Среди ихъ самыхъ поразительныхъ цивилизаторскихъ усилій можно различить слѣды варварскаго состоянія, господствовавшаго прежде того; египетскія пирамиды представляютъ погребальные памятники, сходные съ памятниками до-исторической Англіи и отличающіеся отъ послѣднихъ только своею громадною величиною и постройкою изъ тесаннаго камня или кир-

пича; египетскіе іероглифы, съ ихъ изображеніями человѣка, животныхъ и различныхъ предметовъ, сами повѣствуютъ объ исторіи своего возникновенія—о томъ, какъ они возникли изъ прошлой передачи мысли рисунками (picture writing) вродѣ встрѣчаемыхъ у грубыхъ охотничьихъ племенъ Америки. Такимъ образомъ, оказывается, что цивилизація, въ самые ранніе моменты ея, о которыхъ только знаетъ исторія, является уже достигшею такого уровня, какой можетъ быть объясненъ только развитіемъ въ теченіи долгаго доисторическаго періода. Этотъ результатъ вполнѣ согласуется съ тѣми заключеніями, къ которымъ мы уже пришли при изученіи расъ и языковъ.

Не пытаясь нарисовать здѣсь картины жизни, какою она могла быть при первомъ появленіи людей на землѣ, мы считаемъ важнымъ углубиться въ прошедшее, на сколько намъ это дозволяютъ подобныя предыдущему свидѣтельства о прогрессѣ цивилизаціи. При составленіи сужденія о томъ, какъ нѣкогда жило человѣчество, значительную помощь оказываетъ также знаніе, какъ живетъ оно въ настоящемъ. Жизнь людей можетъ быть отнесена, вообще говоря, къ тремъ великимъ ступенямъ развитія, къ дикости, варварству и къ цивилизованному состоянію, которыя могутъ быть опредѣлены слѣдующимъ образомъ. Низшее или *дикое* состояніе есть то, при которомъ человѣкъ поддерживаетъ свое существованіе, питаясь растеніями и животными, не воздѣлывая почвы и не приручая животныхъ для своего питанія. Дикіе могутъ обитать въ тропическихъ лѣсахъ, гдѣ изобиліе плодовъ и дичи можетъ дозволять небольшимъ племенамъ жить на одномъ мѣстѣ и находить себѣ пропитаніе круглый годъ, между тѣмъ какъ въ менѣе плодородныхъ и болѣе холодныхъ странахъ они принуждены вести кочующую жизнь въ поискахъ за дикими растеніями и животными, запасъ которыхъ они скоро истощаютъ во всякомъ данномъ мѣстѣ. Для изготовленія своей грубой утвари дикари употребляютъ тѣ матеріалы, которые они легко могутъ найти подъ руками, каковы дерево, камень и кость, но они не умѣютъ извлекать металлъ изъ руды и поэтому принадлежатъ къ каменному періоду. Когда люди обращаются къ земледѣлію, ихъ можно считать поднявшимися до слѣдующаго или *варварскаго* состоянія. Съ обезпеченными пищевыми припасами, которые могутъ быть сохраняемы до слѣдующей

жатвы, устанавливается прочная деревенская и городская жизнь, съ ея громадными результатами въ видѣ успѣховъ въ техникѣ, въ знаніяхъ, въ обычаяхъ и въ правленіи. Пастушескія племена должны быть причислены къ варварскому состоянію, ибо хотя ихъ перекочевка съ одного мѣста пастбища на другое и можетъ мѣшать прочному поселенію и земледѣлію, ихъ стада все-таки постоянно снабжаютъ ихъ молокомъ и мясомъ. Иные изъ варварскихъ народовъ не пошли далѣе употребленія орудій изъ камня, но большинство ихъ перешло въ металлическій періодъ. Наконецъ, можно принять, что *цивилизованная* жизнь начинается съ появленіемъ искусства писать, которое, закрѣпляя исторію, законы, знанія и религію на пользу грядущихъ вѣковъ, связываетъ прошедшее и будущее въ одну непрерывную цѣпь умственнаго и нравственнаго прогресса. Это раздѣленіе культуры на три великія ступени весьма удобно въ практическомъ отношеніи и имѣетъ то преимущество, что оно описываетъ не какія нибудь воображаемыя состоянія человѣческаго общества, но всѣмъ извѣстныя, какъ существующія на самомъ дѣлѣ. Существующія свидѣтельства, повидимому, показываютъ, что цивилизація міра дѣйствительно прошла въ своемъ развитіи черезъ всѣ эти три ступени, такъ что наблюденіе дикаря бразильскихъ лѣсовъ, варварскаго жителя Новой Зеландіи или Дагоме и цивилизованнаго европейца можетъ служить для изслѣдованія наилучшимъ руководствомъ къ пониманію прогресса цивилизаціи; необходимо, однако, помнить при этомъ, что сравненіе можетъ служить только руководствомъ, но отнюдь не полнымъ объясненіемъ.

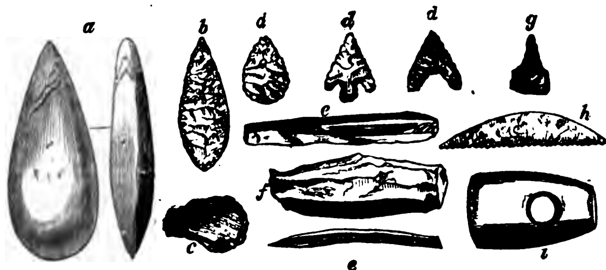
Такимъ путемъ можно придти къ основательному заключенію, что даже и въ цивилизованныхъ нынѣ странахъ нѣкогда должны были жить дикія и низшія варварскія племена. Къ счастію, воспроизвести картины жизни этихъ грубыхъ и старинныхъ людей можно не только при помощи воображенія, такъ какъ найдено много дѣйствительныхъ остатковъ отъ нихъ, которые можно видѣть и осязать въ музеяхъ. Намъ слѣдуетъ обратиться къ разсмотрѣнію тѣхъ свидѣтельствъ о давности человѣческаго рода, которыя могутъ намъ дать археологія и геологія, а также и къ рѣшенію вопроса: что̀ именно доказываютъ эти обстоятельства?

Когда какой нибудь антикварій изслѣдуетъ предметы, выкопанные въ томъ или другомъ мѣстѣ, онъ обыкновенно можетъ

рѣшить, въ какомъ состояніи цивилизаціи находились жители этой мѣстности. Такъ, если найдено оружіе изъ бронзы или желѣза, черепки изящной глиняной посуды, кости домашняго скота, обугленныя хлѣбныя зерна или лоскуты ткани, это служитъ доказательствомъ, что жившіе здѣсь люди находились въ цивилизованномъ или по крайней мѣрѣ въ высоко-развитомъ варварскомъ состояніи. Если найдена только грубая утварь изъ камня и кости, но не встрѣчается ни металла, ни глиняной посуды, ни такихъ остатковъ, которые указывали бы на воздѣлываніе почвы или разведеніе скота, это служитъ доказательствомъ, что страна раскопокъ была населена какимъ нибудь дикимъ племенемъ. Однимъ изъ главныхъ вопросовъ относительно состоянія всякаго народа является вопросъ о томъ, употребляетъ ли онъ металлы для выдѣлки своихъ орудій и оружія. Если употребляетъ, то говорятъ, что онъ находится въ періодѣ металла. Если у него нѣтъ ни мѣди, ни желѣза, и люди изготовляютъ свои топоры, ножи, наконечники копій и другія рѣжущія и сверлящія орудія только изъ камня, то говорятъ, что они находятся въ каменномъ періодѣ. Гдѣ бы ни были найдены такія каменныя орудія, вродѣ тѣхъ, какія часто встрѣчаются и на нашихъ поляхъ при распашкѣ, всюду они доказываютъ, что въ данной области нѣкогда жили люди каменнаго вѣка. Весьма важенъ фактъ, что подобныя каменныя орудія были находимы въ почвѣ всѣхъ странъ населеннаго міра; онъ показываетъ, что нѣкогда жители всѣхъ странъ были похожи въ этомъ отношеніи на современныхъ дикарей. Въ странахъ, гдѣ жители обрабатываютъ металлы уже съ давнихъ поръ, часто утратилось всякое воспоминаніе о значеніи этихъ каменныхъ вещей, и для объясненія ихъ нахожденія при распахиваніи или копаніи разсказываются различныя причудливыя исторіи. Одно изъ любимыхъ объясненій, какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ, состоитъ въ томъ, что каменные топоры суть «громовыя стрѣлы», упавшія съ неба вмѣстѣ съ молніею. Воображали, что на Востокѣ, въ мѣстахъ самыхъ древнихъ цивилизацій, можно найти области, не представляющія никакихъ слѣдовъ первобытно-грубаго состоянія человѣка, такъ что въ этой части свѣта онъ могъ появиться въ цивилизованномъ состояніи съ самаго начала. Однако, это не такъ. Въ Ассиріи, Палестинѣ, Египтѣ, также какъ и въ другихъ стра-

нахъ, можно находить заостренные кремни, свидѣтельствующіе, что и здѣсь нѣкогда жили племена каменнаго періода, прежде чѣмъ туда проникла высшая цивилизація вмѣстѣ съ употребленіемъ металловъ.

Можно ли разсматривать Европу, какъ такую часть земнаго шара, которую населяли самыя раннія человѣческія племена, или нельзя—во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ остатки, найденные въ Европѣ, доставляютъ наилучшія доказательства въ пользу древности человѣка. Чтобы понять это, должно замѣтить, что каменный вѣкъ распадается на болѣе ранній и на поздній періодъ, какъ это можно ясно видѣть при разсматриваніи какой нибудь хорошей коллекціи каменныхъ орудій. Фиг. 1 имѣетъ въ виду дать нѣко-

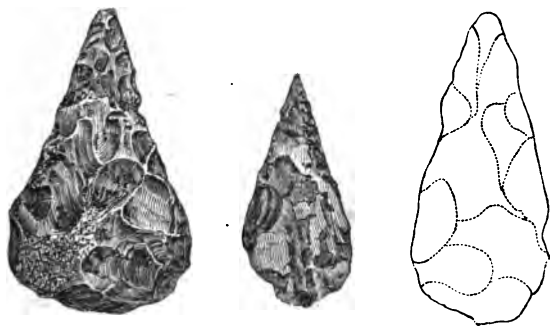
Фиг. 1.—Орудія позднѣйшаго (неолитическаго) каменнаго періода a) Каменный цельтъ или топоръ; b) кремневый наконечникъ копья; c) скребокъ; d) наконечники стрѣлъ; e) отколотые кремневые ножи; f) кремень, отъ котораго отколоты продольные куски; g) кремненое шило; h) кремневая пила; i) каменный молотокъ.

торое понятіе объ орудіяхъ, употреблявшихся въ позднѣйшемъ каменномъ періодѣ. Топоръ искусно обдѣланъ и заостренъ посредствомъ тренія о точильный камень; точно также и молотокъ. Оттачивать копье и стрѣлы, скребокъ и отколотый кремневый ножъ было бы тратою труда, но они обдѣланы съ большимъ искусствомъ. Вообще эти каменныя орудія очень похожи на употребляемыя и теперь сѣверо-американскими индѣйцами. Вопросъ состоитъ въ томъ, сколько времени тому назадъ жили въ Европѣ племена, дѣлавшія подобныя каменныя орудія. Объ этомъ мы можемъ составить себѣ правильное сужденіе на основаніи того положенія, въ которомъ они были найдены въ Даніи. Лѣса этой страны состоятъ

главнымъ образомъ изъ бука, но въ торфяникахъ лежатъ безчисленные дубовые стволы, а это показываетъ, что въ болѣе ранній періодъ здѣсь были распространены дубовые лѣса; еще глубже лежатъ стволы сосновыхъ деревьевъ, указывающіе, что еще ранѣе дубовыхъ существовали здѣсь сосновые лѣса. Такимъ образомъ, здѣсь имѣли мѣсто три послѣдовательныхъ лѣсныхъ періода — періоды бука, дуба и сосны, причемъ глубина торфяниковъ, мѣстами достигающая до 30 футъ, свидѣтельствуетъ, что періодъ сосновыхъ деревьевъ отдаленъ отъ насъ нѣсколькими тысячами лѣтъ. Пока лѣса смѣняли одинъ другой, измѣнялось и состояніе людей, жившихъ среди нихъ. Современный дровосѣкъ срубитъ буковыя деревья посредствомъ желѣзнаго топора, но среди дубовыхъ стволовъ, лежащихъ въ торфѣ, были найдены мечи и части щитовъ изъ бронзы, а это показываетъ, что жители страны находились тогда въ бронзовомъ періодѣ; наконецъ, кремневый топоръ, найденный въ еще болѣе глубокомъ слоѣ, гдѣ онъ лежалъ въ торфѣ подъ сосновыми стволами, доказываетъ, что люди каменнаго вѣка въ Даніи жили въ періодъ сосны, что заставляетъ отнести ихъ къ глубокой древности. Въ Англіи, племена, оставившія подобныя каменныя орудія, жили еще передъ вторженіемъ той Кельтійской расы, которую мы называемъ древними бриттами, и которая несомнѣнно пришла съ оружіемъ изъ металла. Каменныя лезвея топоровъ и наконечники стрѣлъ древнѣйшаго населенія лежатъ разсѣянными по всей нашей странѣ, на холмахъ и въ долинахъ, въ болотахъ и на пустошахъ, близъ поверхности земли или глубже, въ торфяникахъ и пластахъ изъ грязи и ила. Подобныя топи или иловыя равнины возникли во времена, которыя хронологи назовутъ древними. Но геологія, привыкшая къ болѣе обширнымъ періодамъ времени, считаетъ ихъ новѣйшими. Эти слои почвы принадлежатъ къ новѣйшимъ наноснымъ отложеніямъ, то есть они образовались въ тѣ времена, когда размѣщеніе суши и теченіе рѣкъ были почти тѣми же, какъ и теперь. Чтобы составить себѣ представленіе объ этомъ, стоитъ только посмотрѣть со склона какого нибудь холма въ широкую долину внизу и обратить вниманіе, какъ ея ровный поверхностный слой изъ ила и песка, переходящій прямо черезъ долину на другую сторону, долженъ быть отлагаться водами разливовъ, слѣдовавшими весьма близко нынѣшнему направленію рѣкъ

по главному руслу, и по боковымъ скатамъ холмовъ. Люди новѣйшаго каменнаго періода, орудія которыхъ изображены на фиг. 1, жили во время этого исторически-древняго, но геологически-недавняго періода, и остатки отъ нихъ могутъ быть находимы только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ могли тогда помѣстить человѣкъ или природа.

Но существовалъ еще болѣе ранній періодъ каменнаго вѣка, когда въ нашей части свѣта жили еще болѣе грубыя человѣческія племена, и когда климатъ и поверхность страны разительно отличались отъ настоящаго положенія вещей. По скатамъ рѣчныхъ долинъ, вродѣ долины Аузы (Ouse) въ Англіи и Соммы во Франціи, на 50 или 100 футъ выше нынѣшнихъ береговъ рѣкъ и, та-

Фиг. 2.—Кремневые кирки или топоры изъ ранняго каменнаго (палеолитическаго) періода.

кимъ образомъ, внѣ всякаго доступа для нынѣшнихъ новодненій, находятся пласты такъ называемаго наноснаго хряща. Изъ этихъ пластовъ были вырыты многочисленныя грубыя кремневыя орудія, обдѣланныя руками людей, которые, очевидно, пріобрѣли недюжинную ловкость въ этомъ искусствѣ, какъ это найдетъ всякій желающій испытать свою руку въ выдѣлкѣ этихъ предметовъ, съ помощью какихъ ему угодно инструментовъ. Самыя замѣчательныя орудія изъ этого ранняго каменнаго періода суть кирки или топоры, изображенные на фиг. 2. Грубость ихъ отдѣлки и отсутствіе всякихъ признаковъ оттачиванія, даже по краямъ рубящихъ или рѣжущихъ инструментовъ, показываютъ, что люди, изготовлявшіе ихъ, еще далеко не дошли до искусства поздняго камен-

наго періода. Принято различать эти два рода орудій и періоды, къ которымъ они относятся, употребляя термины, введенные сэромъ Дж. Лэббокомъ—«палеолитическій» и «неолитическій», т. е. «древне-каменный» и «новокаменный». Если мы обратимся къ высоколежащимъ хрящевымъ пластамъ, въ которыхъ встрѣчаются палеолитическія орудія, подобныя изображеннымъ на фиг. 2, то изъ положенія этихъ пластовъ становится очевиднымъ, что они не имѣютъ никакого отношенія къ дѣйствію воды, отлагающему и измѣняющему теперь песчаные берега и иловые осадки на днѣ долинъ, ни къ нынѣшнимъ дождевымъ потокамъ, размывающимъ поверхность скатовъ холмовъ. Эти хрящевые пласты должны были быть отложены въ болѣе ранній періодъ, когда состояніе суши и воды отличалось отъ наблюдаемаго въ настоящее время. Въ какой мѣрѣ такое состояніе вещей зависѣло отъ того, что долины не были еще вырыты даже приблизительно до ихъ настоящей глубины, или отъ того, что вся страна лежала ниже надъ уровнемъ моря, или отъ того, что рѣки были несравненно шире, нежели въ настоящее время, вслѣдствіе болѣе сильныхъ дождей соотвѣтственнаго періода—это слишкомъ запутанные геологическіе вопросы, чтобы мы могли обсуждать ихъ здѣсь. Геологія показываетъ, что старые наносные хрящи принадлежатъ тому времени, когда ледниковый періодъ съ его арктическимъ климатомъ въ Европѣ уже прошелъ или проходилъ. По костямъ и зубамъ, найденнымъ вмѣстѣ съ кремневыми орудіями въ хрящевыхъ пластахъ, извѣстно, какого рода животныя населяли страну одновременно съ людьми древняго каменнаго періода. Мамонтъ или большой покрытый шерстью слонъ и нѣсколько, тоже вымершихъ, видовъ носорога огладывали вѣтви деревьевъ въ лѣсахъ, и особый видъ бегемота, очень похожій на нынѣ живущаго, посѣщалъ берега рѣкъ. За мускуснымъ быкомъ и свирѣпымъ медвѣдемъ (U. ferax), которымъ Англія давала убѣжище въ этотъ отдаленный періодъ, можно еще и теперь охотиться въ Скалистыхъ горахъ Америки, но древній пещерный медвѣдь, который былъ однимъ изъ самыхъ опасныхъ дикихъ звѣрей нашей страны, уже исчезъ съ лица земли. Британскій левъ былъ болѣе крупной породы, чѣмъ нынѣшніе львы Азіи и Африки, и, можетъ быть, даже болѣе тѣхъ, которые по описанію Геродота, бродили по Македоніи въ пятомъ вѣкѣ до Р. Х.

нападали на верблюдовъ войска Ксеркса. Если судить по такимъ признакамъ, какъ присутствіе сѣвернаго оленя и мамонта съ его волосистою одеждою, то климатъ Европы былъ суровѣе настоящаго—можетъ быть, походилъ на климатъ Сибири. Съ какихъ поръ находился въ странѣ человѣкъ, ясныхъ указаній не имѣется. Можетъ быть, онъ продолжалъ жить съ болѣе ранняго, болѣе теплаго періода, или, можетъ быть, онъ только недавно передъ тѣмъ пришелъ въ Европу изъ болѣе теплой страны. Подобныя же орудія извѣстны и въ Азіи, гдѣ, напримѣръ, въ Южной Индіи, выше Мадраса, у подошвы Восточныхъ Гатскихъ горъ, находится терраса изъ желѣзняка и латерита, содержащая каменныя орудія, по работѣ весьма сходныя съ орудіями аллювіальныхъ людей въ Европѣ.

Эти европейскіе дикари періода мамонта часто искали себѣ убѣжища у подошвы нависшихъ утесовъ и въ пещерахъ, вродѣ

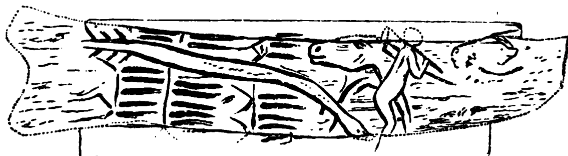

Фиг. 3.—Рисунокъ мамонта изъ пещеры Магдалины *(Ларте и Кристи)*.

Кентской Норы близь Торкуэя, гдѣ были найдены въ изобиліи человѣческія орудія и кости животныхъ. Изслѣдованіе такихъ пещеръ съ костями—особенно въ Центральной Франціи — доставило намъ указанія на весь образъ жизни одной изъ группъ древнихъ племенъ. Сѣверный олень, удалившійся въ настоящее время въ крайнія сѣверныя широты, водился тогда во Франціи въ изобиліи, какъ это оказывается изъ его костей и роговъ, погребенныхъ съ остатками мамонта подъ сталактитовыми слоями Перигорскихъ пещеръ. Вмѣстѣ съ ними найдены грубо обдѣланные каменные топоры и скребки, каменныя ступки, костяные наконечники копій, шила, скрѣпленія стрѣлъ и другіе предметы, принаровленные къ образу жизни на подобіе современныхъ эскимосовъ, охотящихся за сѣвернымъ оленемъ на берегахъ Гудсонова залива. Подобно тѣмъ

же эскимосамъ, эти первобытные французскіе и швейцарскіе дикари проводили свои часы досуга въ вырѣзываніи изображеній животныхъ. Среди многочисленныхъ подобныхъ рисунковъ, найденныхъ во французскихъ пещерахъ, находится изображеніе мамонта (фиг. 3), выцарапанное на кускѣ изъ его же кости и искусно отмѣчающее лохматую шерсть и огромные искривленные клыки, отличающіе мамонта отъ другихъ видовъ слона. Тамъ же было найдено также грубое изображеніе человѣка (фиг. 4), вмѣстѣ съ двумя лошадиными головами и змѣею или угремъ; эта находка интересна какъ самый древній извѣстный намъ человѣческій портретъ.

Такимъ образомъ оказывается, что человѣкъ ранняго каменнаго періода жилъ уже въ то время, когда воды поднимались еще на столько выше уровня нашихъ теперешнихъ долинъ, на сколько хватаютъ верхушки растущихъ теперь тамъ высокихъ деревьевъ, и когда тамъ господствовалъ климатъ, вродѣ климата Лапландіи,

Фиг. 4.—Рисунокъ человѣка и лошадей изъ пещеры (*Ларте и Кристи*).

къ которому были приспособлены мамонтъ и сѣверный олень и вся остальная группа животныхъ не англійскаго вида, исчезнувшихъ изъ этой страны или и вовсе вымершихъ. На основаніи всего намъ извѣстнаго относительно медленности, съ которою повсюду совершаются подобныя измѣненія въ положеніи страны, въ климатѣ и въ фаунѣ дикихъ животныхъ, мы не можемъ допустить, чтобы столь обширныя измѣненія могли произойти иначе, какъ въ теченіе долгаго промежутка времени, прежде чѣмъ наступилъ позднѣйшій каменный періодъ, когда рѣки опустились почти до ихъ настоящаго уровня, и когда климатъ и дикія животныя сдѣлались почти такими, какими они были въ теченіи историческаго періода. Изъ дѣйствительно найденныхъ остатковъ очевидно также, что эти древнѣйшія извѣстныя намъ племена были грубыми охотниками и рыболовами,—такими людьми, которыхъ мы теперь называемъ дикарями. Лучше, однако, не примѣнять къ нимъ термина

«первобытные люди», ибо ему можно было бы придать такое значеніе, будто предполагается, что они въ самомъ дѣлѣ были первыми появившимися на землѣ людьми или, по крайней мѣрѣ, похожими на нихъ. Жизнь, которую должны были вести люди періода мамонта въ Аббевиллѣ или Торкуэѣ, уже сама по себѣ свидѣтельствуетъ противу принятія ея за жизнь первобытныхъ людей. Вѣроятнѣе, что эти люди древняго каменнаго періода представляли собою племена, предки которыхъ, живя въ болѣе мягкомъ климатѣ, пріобрѣли нѣкоторую грубую снаровку въ искусствѣ добыванія пищи и въ самозащитѣ, такъ что впослѣдствіи они оказались способными отстаивать себя, цѣною тяжелой борьбы, противу суроваго климата и свирѣпыхъ звѣрей четвертичнаго періода.

Сколько лѣтъ тому назадъ имѣлъ мѣсто этотъ періодъ — на этотъ счетъ пока у насъ не имѣется никакихъ сколько нибудь вѣрныхъ свѣдѣній. Иные геологи предполагали, что это было двадцать тысячъ лѣтъ тому назадъ, между тѣмъ какъ другіе удаляютъ этотъ періодъ на сто тысячъ лѣтъ или еще болѣе; но это все простыя догадки, дѣлаемыя тамъ, гдѣ не существуетъ никакого мѣрила для исчисленія времени. Для настоящаго положенія знаній, будетъ надежнѣе удовольствоваться простымъ признаніемъ этого времени за геологическій періодъ, относящійся ко временамъ, лежащимъ за предѣлами нашего лѣтосчисленія. Нѣкоторые знаменитые геологи полагаютъ, что камни, обдѣланные человѣкомъ и, стало быть, доказывающіе его присутствіе, во Франціи и Англіи встрѣчаются въ пластахъ, отложившихся еще до послѣдняго ледниковаго періода, когда значительная часть материка была покрыта ледовитымъ моремъ, въ которое носимыя вѣтромъ пловучія ледяныя горы роняли на теперешнюю сушу громадныя глыбы скалъ, перенесенныхъ отъ далекихъ горъ. Это нельзя считать доказаннымъ, но если бы это оказалось вѣрнымъ, то наша оцѣнка древности человѣка должна была бы возрости въ громадной степени. Во всякомъ случаѣ вполнѣ убѣдительныя доказательства существованія человѣка на землѣ во время періода наносовъ или періода мамонта не дозволяютъ намъ даже издали увидѣть того болѣе отдаленнаго времени, когда на землѣ впервые возникла человѣческая жизнь. Такимъ образомъ, геологія устанавливаетъ прин-

ципъ, лежащій въ самомъ основаніи антропологической науки. Еще недавно, когда хронологи имѣли обыкновеніе принимать давность земли и человѣка менѣе 6000 лѣтъ, геологія, какъ наука, почти не могла существовать, такъ какъ тогда не было мѣста для ея продолжительныхъ процессовъ образованія слоевъ, содержащихъ остатки обширныхъ послѣдовательныхъ растеній и животныхъ. Въ настоящее время эта послѣдовательность объясняется на основаніи теоріи, что геологическое время простирается на милліоны лѣтъ. Правда, человѣкъ въ этомъ огромномъ періодѣ времени появляется сравнительно недавно. Тѣмъ не менѣе его первое появленіе на землѣ относится къ такому времени, по сравненію съ которымъ періодъ исторіи, обыкновенно называемый древнимъ, представляется только новѣйшимъ. Нѣсколько тысячъ лѣтъ записанной исторіи доводятъ насъ назадъ только до конца доисторическаго періода несказанной длины, въ теченіи котораго произошло первичное распредѣленіе человѣческаго рода по землѣ и развитіе великихъ расъ, выработка рѣчи, установленіе великихъ семействъ языковъ и развитіе культуры до уровня восточныхъ народовъ древняго міра, этихъ предшественниковъ и основателей современной цивилизованной жизни.

Набросивъ очеркъ историческихъ, археологическихъ и геологическихъ данныхъ относительно давности и жизни человѣка на землѣ, мы перейдемъ въ послѣдующихъ главахъ къ болѣе полному описанію человѣка и его разновидностей, какъ ихъ представляетъ естественная исторія, затѣмъ—къ изслѣдованію природы и развитія языка, и послѣ этого къ развитію знаній, техники и учрежденій, изъ которыхъ слагается цивилизація.

ГЛАВА II.

Человѣкъ и другія животныя.

Позвоночныя животныя. — Послѣдовательность и потомственность видовъ. — Обезьяна и человѣкъ, сравненіе строенія. — Руки ноги. — Волосы. — Черты лица. — Головной мозгъ. — Умъ низшихъ животныхъ и человѣка.

Правильное пониманіе устройства человѣческаго тѣла и сравненіе нашихъ членовъ и органовъ съ таковыми же другихъ животныхъ требуетъ основательнаго знанія анатоміи и физіологіи. Мы не станемъ пытаться дать здѣсь очеркъ этихъ наукъ; для этой цѣли могутъ послужить такія руководства, какъ «Элементарная физіологія» Гэксли и «Элементарная анатомія» Миварта. Но мы считаемъ полезнымъ дать бѣглый очеркъ указаній относительно мѣста, занимаемаго человѣкомъ въ животномъ мірѣ—очеркъ, который не потребуетъ отъ читателя никакихъ спеціальныхъ знаній.

Что тѣло другихъ животныхъ по своему строенію болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ нашему собственному тѣлу—представляется однимъ изъ тѣхъ уроковъ, которымъ мы научаемся еще въ дѣтской. Мальчики, играющіе въ лошадки, одинъ на четверенькахъ, другой верхомъ на его спинѣ, уже имѣютъ нѣкоторое понятіе насчетъ того, на сколько воображаемая лошадь подходитъ къ настоящей по своей головѣ, глазамъ и ушамъ, рту и зубамъ, спинѣ и ногамъ. Если бы мы стали распрашивать какого нибудь деревенскаго мальчика, сидящаго на плетнѣ и наблюдающаго проѣзжающихъ мимо охотниковъ, то онъ обнаружилъ бы довольно хорошія свѣдѣнія насчетъ того, что охотникъ и его лошадь, собаки и заяцъ, котораго онъ преслѣдуетъ — все это существа, имѣющія костную основу или скелетъ одного и того же рода; что ихъ жизнь выпол-

няется при помощи одинаковыхъ органовъ—при помощи легкихъ, которыми они дышатъ, желудка, который перевариваетъ пищу, принятую черезъ ротъ и глотку, сердце для проталкиванія крови по сосудамъ; между тѣмъ, какъ глаза, уши и ноздри у всѣхъ у нихъ одинаково получаютъ впечатлѣнія зрѣнія, слуха и обонянія. Весьма вѣроятно, что крестьянинъ усвоилъ все это какъ нѣчто само собою разумѣющееся, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій, и что также склонны поступать и болѣе образованные люди. Если бы это явилось какъ какое нибудь новое открытіе, оно побудило бы всякій интеллигентный умъ къ размышленію о томъ, какова должна быть связь или соотношеніе между существами, устроенными какъ бы по одному первоначальному образцу и только представляющими различіе формъ въ виду различныхъ цѣлей. Научное сравненіе животныхъ, хотя бы даже оно производилось самымъ элементарнымъ путемъ, тотчасъ же ставитъ эту великую задачу передъ нашимъ умомъ. Въ иныхъ случаяхъ болѣе точное знаніе показываетъ, что первое грубое сравненіе между человѣкомъ и животнымъ можетъ нуждаться въ исправленіи. Напримѣръ, при сопоставленіи скелетовъ человѣка и лошади, становится яснымъ, что колѣно и подколѣнокъ лошади соотвѣтствуетъ не нашему локтю и колѣну, какъ это обыкновенно думаютъ, но нашему запястно-предплечевому и голеностопному сочлененіямъ. Изслѣдованіе конечностей человѣка и лошади приводитъ къ дальнѣйшему замѣчательному заключенію, что переднія и заднія ноги лошади въ дѣйствительности соотвѣтствуютъ верхнимъ и нижнимъ конечностямъ человѣка, въ которыхъ сдѣлались бы безполезными и атрофировались бы всѣ пальцы за исключеніемъ одного на каждой конечности, оставшагося для хожденія на немъ, причемъ ноготь превратился въ копыто. Изъ изученія ряда скелетовъ въ любомъ естественно-историческомъ музеѣ можно придти къ установленію общаго закона, состоящаго въ томъ, что черезъ всѣ порядки рыбъ, пресмыкающихъ, птицъ, млекопитающихъ вплоть до самого человѣка возможно прослѣдить одинъ общій типъ или образецъ, принадлежащій всѣмъ позвоночнымъ животнымъ, то есть животнымъ, имѣющимъ хребетный столбъ. У всѣхъ у нихъ могутъ еще быть узнаны конечности, хотя форма и отправленія ихъ и измѣнились, и хотя онѣ даже могли превратиться въ зачатки, остающіеся не для употребленія, но какъ бы только

для сохраненія первоначальнаго образца. Такъ, хотя скелетъ окуня и сильно отличается отъ скелета человѣка, но его грудные и брюшные плавники всетаки соотвѣтствуютъ нашимъ рукамъ и ногамъ. Змѣи большею частью не имѣютъ конечностей, но всетаки среди нихъ существуютъ такія формы, которыя служатъ звеномъ, связывающимъ ихъ съ четвероногими, такъ, напримѣръ, скелетъ удава представляетъ пару зачаточныхъ заднихъ ногъ. Гренландскій китъ не имѣетъ замѣтныхъ заднихъ конечностей, переднія же суть ласты или плавники, но при разсѣченіи скелетъ его не только обнаруживаетъ остатки того, что у человѣка было бы костями голени, но еще въ плавникахъ оказывается рядъ костей, соотвѣтствующихъ человѣческимъ костямъ плеча и ручной кисти. Согласно ходячему мнѣнію, человѣкъ спеціально отличается отъ низшихъ животныхъ отсутствіемъ у него хвоста, но на человѣческомъ скелетѣ можно отчетливо видѣть хвостъ, представляемый заостряющимися послѣдними позвонками хребетнаго столба.

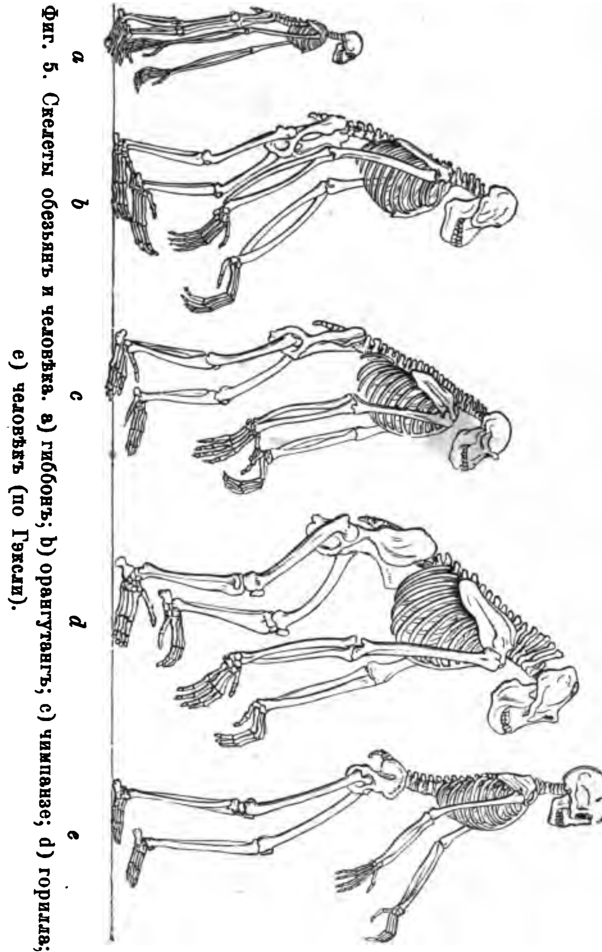
Всѣ эти животныя существуютъ въ настоящее время. Но геологія показываетъ, что въ давноминувшіе періоды на землѣ обитали виды, отличающіеся отъ существующихъ теперь и тѣмъ не менѣе очевидно родственные послѣднимъ. Въ третичный періодъ, какъ и въ настоящее время, Австралія отличалась своими сумочными животными, но они не принадлежатъ къ теперешнимъ видамъ и ихъ ростъ былъ большею частью гораздо значительнѣе; даже самое большое кэнгуру нашихъ временъ представляется жалкою крошкою въ сравненіи съ громаднымъ вымершимъ дипротодономъ, черепъ котораго имѣлъ три фута въ длину. Такъ, въ Южной Америкѣ жили огромныя беззубыя животныя (edentata), скудно представляемыя нынѣ тихоходами, муравьѣдами и броненосцами, которыхъ можно видѣть въ нашихъ зоологическихъ садахъ. Въ міоценовыхъ отложеніяхъ были найдены слоны, но ихъ виды совершенно отличались отъ нынѣшнихъ видовъ слона въ Африкѣ и Индіи. Таковы обычные примѣры того великаго принципа, принимаемаго нынѣ всѣми зоологами, по которому, начиная съ отдаленной геологической древности, отъ времени до времени, на землѣ появились новые виды животныхъ, на столько сходные съ появлявшимися прежде ихъ, что они производятъ впечатлѣніе старыхъ типовъ, измѣненныхъ ради приспособленія къ новымъ усло-

віямъ жизни, причемъ болѣе ранніе формы стремятся къ вымиранію и исчезновенію. Это соотношеніе между старыми видами позвоночныхъ и новыми, смѣнившими ихъ, представляетъ фактъ, доступный прямому наблюденію и теперь стоящій внѣ всякаго спора. Многіе зоологи—въ настоящее время, вѣроятно, большинство—дѣлаютъ шагъ еще далѣе и не только признаютъ существованіе нѣкотораго отношенія между новыми и старыми видами, но стремятся и объяснить его гипотезою о потомственности или развитіи,—гипотезою, нынѣ часто называемою. по имени ея великаго современнаго истолкователя, теоріею Дарвина. Такъ какъ образованіе новыхъ породъ или разновидностей животныхъ есть признанный фактъ, то эти зоологи доказываютъ, что естественное видоизмѣненіе при измѣнившихся условіяхъ жизни можетъ идти на столько далеко, что даетъ начало новымъ видамъ, которые, вслѣдствіе лучшаго приспособленія къ климату и другимъ обстоятельствамъ, могутъ вытѣснить вымирающіе старые. По этой теоріи, нынѣшнія кэнгуру Австраліи, лѣнивцы Южной Америки и слоны Индіи суть не только преемники, но и потомки вымершихъ животныхъ, и ископаемыя кости третичныхъ животныхъ, сходныхъ съ лошадью, но имѣющихъ трехъ и четырехъ-палыя стопы, указываютъ формы, которыя существовали у отдаленныхъ предковъ нашихъ лошадей въ періодъ, предшествовавшій превращенію неупотребляемыхъ болѣе пальцевъ въ представляющія ихъ нынѣ расщепленныя кости лошадиной ноги. Согласно ученію о потомственности животныхъ изъ близкаго сходства въ строеніи, замѣченнаго у какихъ нибудь нѣсколькихъ видовъ животныхъ, живущихъ въ настоящее время, слѣдуетъ заключать, что такое сходство должно было быть унаслѣдовано всѣми ими отъ одного вида, бывшаго ихъ общимъ предкомъ. Изъ всѣхъ же млекопитающихъ или животныхъ, кормящихъ своихъ дѣтенышей грудью, наиболѣе близки къ человѣку по строенію—обезьяны, и среди нихъ—узконосыя обезьяны Стараго Свѣта, а изъ послѣднихъ группа, называемая антропоидными или человѣкоподобными и населяющая тропическіе лѣса отъ Африки до Восточнаго Архипелага. Если мы сравнимъ ихъ скелеты, то найдемъ, что при какой угодно группировкѣ существъ природы или при какомъ угодно планѣ творенія эти животныя должны быть помѣщены въ нѣкоторой близости къ человѣку. Ни одинъ компетентный анатомъ,

изслѣдовавшій строеніе тѣла этихъ обезьянъ, не станетъ считать возможнымъ, что человѣкъ произошелъ отъ какой нибудь изъ нихъ; но, согласно ученію о потомственности видовъ, онѣ оказываются ближайшими существующими отпрысками отъ того же самаго первобытнаго ствола, отъ котораго произошелъ и человѣкъ.

«Положеніе человѣка въ природѣ» профессора Гэксли, гдѣ сдѣлано подобное анатомическое сравненіе, содержитъ знаменитый рисунокъ, который мы воспроизводимъ на фиг. 5, и который представляетъ собою самое удобное указаніе того, что человѣкоподобныя обезьяны, кость за костью, соотвѣтствуютъ намъ. Въ то же время этотъ рисунокъ разъясняетъ нѣкоторые главные пункты, въ которыхъ ихъ тѣлесныя дѣйствія не сходны съ нашими. Кѣмъ-то было сказано, что ребенокъ впервые вступаетъ въ достоинство человѣка, когда перестаетъ ходить на четверенькахъ. Но на самомъ дѣлѣ вертикальность положенія и вертикальная походка не суть результатъ воспитанія; они зависятъ отъ того, что устройство человѣческаго тѣла отличается отъ устройства тѣла четвероногихъ. Члены собаки или коровы соразмѣрены такимъ образомъ, что тѣло ихъ само собою опускается на четвереньки; то же самое, хотя и меньшей степени, замѣчается у обезьянъ, тогда какъ голова и туловище ростущаго ребенка поднимается къ вертикальному положенію вслѣдствіе несоразмѣрнаго роста нижнихъ конечностей. Хотя человѣку, для того чтобы стоять прямо, необходимо постоянное мышечное усиліе, но онъ построенъ такъ, что можетъ поддерживать свое равновѣсіе гораздо легче, чѣмъ другія животныя въ томъ же положеніи На рисункѣ можно видѣть, что у человѣка отверстіе на основаніи черепа (затылочное отверстіе), черезъ которое спинной мозгъ переходитъ къ головному, находится ближе кпереди, нежели у обезьянъ, вслѣдствіе чего его черепъ вмѣсто того, чтобы опускаться кпереди, уравновѣшивается на верхушкѣ перваго позвонка или атланта (названнаго такъ отъ имени Атласа, поддерживающаго земной шаръ). На рисункѣ видно, что человѣческій позвоночный столбъ имѣетъ видъ, сходный съ буквою S; видно далѣе, что когда человѣкъ стоитъ прямо — въ положеніи, при которомъ стопы служатъ основаніемъ, дозволяющимъ ногамъ поддерживать туловище — то костный тазъ (pelvis) образуетъ широкую поддержку для внутренностей. Такимъ образомъ вертикаль-

ное положеніе, которому животныя, показываемыя въ балаганахъ, могутъ подражать только съ значительнымъ трудомъ, для человѣка легко и не требуетъ принужденія. Не вслѣдствіе значительныхъ различій въ строеніи, но въ силу особаго приспособленія костей

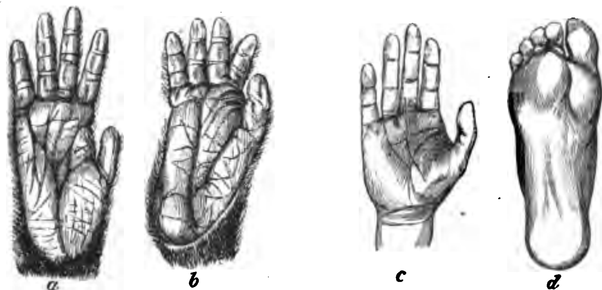
Фиг. 5. Скелеты обезьянъ и человѣка. a) гиббонъ; b) орангутангъ; c) шимпанзе; d) горилла; e) человѣкъ (по Гэксли).

и мышцъ, переднія и заднія конечности четвероногихъ дѣйствуютъ въ согласіи между собою, между тѣмъ какъ у человѣка, мышцы котораго приспособлены къ хожденію на нижнихъ конечностяхъ, такого сочетанія дѣйствія между ногами и руками не существуетъ.

Многія изъ породъ обезьянъ ходятъ на четверенькахъ столь же хорошо, какъ и четвероногія, причемъ онѣ сгибаютъ ноги, выпрямляютъ руки впередъ и касаются земли ладонями и подошвами. Но высшія человѣкоподобныя обезьяны по своему строенію приспособлены къ лазанію по деревьямъ, вѣтви которыхъ онѣ захватываютъ руками и ногами. Когда орангутангъ спускается съ деревьевъ на землю, онъ неуклюже тащится впередъ, обыкновенно опираясь на внѣшній край стопы и на согнутые суставы пальцевъ рукъ. У орангутанга и гориллы существуетъ любопытная привычка опираться на согнутые кулаки и протаскивать тѣло между своими длинными руками на подобіе того, какъ тащится калѣка между своими костылями. Всего ближе подходятъ сами собою обезьяны къ вертикальному положенію въ тѣхъ случаяхъ, когда гиббонъ ходитъ на стопахъ, прикасаясь суставами рукъ къ землѣ то съ той, то съ другой стороны, или когда онъ пробѣгаетъ извѣстное разстояніе съ поднятыми надъ головою и закинутыми назадъ руками для поддерживанія своего равновѣсія; или когда горилла поднимается на ноги и бросается впередъ для нападенія. Всѣ эти способы передвиженія можно понять изъ разсмотрѣнія скелетовъ на нашемъ рисункѣ. Такимъ образомъ, обезьяны представляютъ интересныя промежуточныя ступени между четвероногими и двуногими. Но только человѣкъ устроенъ такъ, что, при употребленіи ногъ для поддержки тѣла, его руки остаются свободными для ихъ спеціальной работы.

Было бы несправедливо, при сравненіи человѣка съ низшими животными, приписывать его превосходство надъ ними исключительно его уму, оставляя безъ вниманія превосходство его переднихъ конечностей, какъ орудій для техники. Если разсматривать рисунки къ «Рейнеке-Лисъ», гдѣ художникъ изъ всѣхъ силъ старается изобразить льва, держащаго скипетръ, волчицу, кокетничающую вѣеромъ, или лисицу, пишущую письмо, мы видимъ, что на самомъ дѣлѣ онъ только показываетъ, какъ дурно приспособлены къ такимъ дѣйствіямъ конечности четвероногихъ животныхъ. Фактъ, что человѣкъ есть «животное, употребляющее орудія», зависитъ отъ того, что у него есть руки для употребленія орудія, также какъ и умъ для изобрѣтенія его; и только обезьяны, всего ближе подходящія къ человѣку по строенію своихъ конечностей,

могутъ удовлетворительно подражать употребленію такихъ орудій, какъ ложка или ножъ. На фиг. 6 руку и стопу чимпанзе можно сравнить съ рукою и стопою человѣка. Стопа обезьяны такъ похожа на руку, что многіе естествоиспытатели описывали высшихъ обезьянъ подъ наименованіемъ *quadrumana* или четырерукихъ. По анатомическому строенію это—нога, но при этомъ нога цѣпляющая или хватающая, способная обнять или зажать какой-нибудь предметъ, противополагая большой палецъ остальнымъ, какъ на рукѣ, чего человѣческая стопа *d* дѣлать не можетъ. Справедливо, впрочемъ, что среди людей, ходящихъ босыми, большой палецъ ноги не такъ безпомощенъ, какъ у носящихъ обувь европейцевъ. Дикій австраліецъ подбираетъ босою ногою свое копье, и индусскій портной держитъ ею матерію, во время шитья на кор-

Фиг. 6.—a) рука, b) стопа чимпанзе (по Фогту); c) рука, d) стопа человѣка.

точкахъ. Для того, чтобы показать крайній контрастъ между обезьяною и человѣкомъ, приведенный рисунокъ намѣренно сдѣланъ не со свободной ноги дикаря, но съ европейской стопы, сдавливаемой неподатливымъ кожанымъ сапогомъ. Можно замѣтить, что у обезьяны, какъ руки, такъ и ноги, выигрываютъ въ своей пригодности для лазанія по деревьямъ насчетъ потери пригодности конечностей къ хожденію по землѣ. Но верхнія и нижнія конечности человѣка дифференцировались или спеціализировались въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ; человѣческая нога сдѣлалась машиною для ходьбы съ меньшею, противу обезьяньей ноги, способностью хватать, между тѣмъ какъ человѣческая рука превзошла руку обезьяны какъ спеціальный органъ для осязанія, удержанія и обращенія съ предметами. Рисунокъ *c* показываетъ длинный и

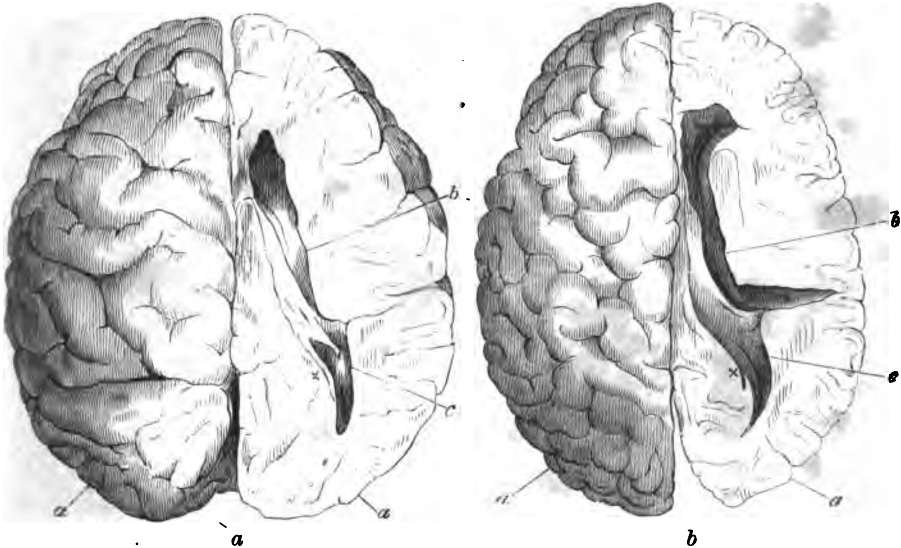
свободно дѣйствующій большой палецъ и широкую гибкую ладонь человѣческой руки, съ ея чувствительными подушками на концахъ пальцевъ, придающими намъ большую тонкость осязанія. Крайне поучительно посѣщать обезьяній домъ въ зоологическомъ саду съ цѣлью сравненія рукъ высшихъ и низшихъ видовъ обезьянъ. Рука мартышки съ ея пятью пальцами, снабженными когтеподобными ногтями, представляетъ только схватывающее орудіе, почти неспособное къ обращенію съ предметами. У другихъ низшихъ обезьянъ большіе пальцы рукъ малы и не способны къ противоположенію, то есть ихъ концы не встрѣчаются съ концами остальныхъ пальцевъ; тогда какъ большіе пальцы высшихъ обезьянъ способны къ противоположенію подобно нашимъ (какъ это и показываетъ рисунокъ). До какой степени цѣнность руки, какъ механическаго орудія, зависитъ именно отъ этой противополагаемости, всякій можетъ легко убѣдиться, попробовавъ употреблять руку, оставляя большой палецъ неподвижнымъ. Очевидно, что рука человѣка, дѣлающая его способнымъ изготовлять оружіе и орудія и управлять ими для подчиненія природы своимъ цѣлямъ, представляетъ одну изъ причинъ того, что онъ занимаетъ первое мѣсто среди животныхъ. Не столь очевидно, но тѣмъ не менѣе справедливо, что употребленіе рукъ должно было въ немалой степени вліять на его умственное развитіе. Обращаясь съ предметами, придавая имъ различныя положенія и помѣщая ихъ другъ возлѣ друга, онъ пришелъ къ тѣмъ простѣйшимъ родамъ сравненія и измѣренія, которыя составляютъ первоначальные элементы точнаго знанія или науки.

Относительно внѣшняго вида, косматые волоса обезьянъ представляютъ контрастъ съ сравнительною обнаженностью человѣческой кожи. Покровъ изъ волосъ у человѣка, какъ и у низшихъ животныхъ, дѣйствительно представляетъ хорошую защиту для головы. Волосистая кайма вокругъ рта взрослаго мужчины у иныхъ расъ, какъ, напримѣръ, у европейцемъ или туземцевъ Австраліи, достигаетъ значительнаго развитія. У другихъ же, какъ, напримѣръ, у африканскаго негра или такъ называемаго американскаго индѣйца, скудные волосы на лицѣ имѣютъ такой видъ, какъ будто они составляютъ лишь остатокъ отъ прежняго болѣе значительнаго развитія. Разсматривая съ этой точки зрѣнія волосистыя мѣста на

груди и конечностяхъ у англичанъ, не имѣющія никакой практической важности, они становятся любопытнымъ предметомъ въ глазахъ естествоиспытателей, считающихъ ихъ остатками отъ того отдаленнаго періода, когда прародитель человѣческаго рода былъ снабженъ болѣе полнымъ волосистымъ покровомъ, недостатокъ котораго въ настоящее время удовлетворяется искусственною покрышкою, измѣняющеюся соотвѣтственно времени года и климату. Интересно замѣтить, что и нынѣ встрѣчаются немногочисленныя человѣческія существа, лицо и тѣло которыхъ густо покрыто длинными косматыми волосами. Подобный покровъ на лицѣ скрываетъ игру его чертъ—это выразительное средство умственныхъ сношеній между людьми. Если бы скелеты обезьянъ и человѣка на нашемъ рисункѣ были одѣты тѣломъ, мы могли бы ясно увидѣть признаки высшей организаціи человѣка въ подвижныхъ и измѣнчивыхъ чертахъ его лица, мимика и морщины котораго отражаютъ удовольствіе и страданіе, любовь и ненависть во всѣхъ фазисахъ человѣческой жизни. Какъ грубы и неуклюжи соотвѣтственныя измѣненія лица у породъ обезьянъ, напримѣръ, оттягиваніе кзади угловъ рта и сморщиваніе нижняго вѣка, выражающія улыбку у обезьянъ, или подниманіе и опусканіе бровей и кожи лба у разгнѣваннаго павіана! Столь часто воображаемый посѣтитель съ какой нибудь другой планеты, придя на нашу землю и составляя себѣ сужденіе на основаніи того, что онъ видитъ въ различіи между лицомъ человѣка и мордою гориллы, могъ бы ясно распознать и соотвѣтственную внутреннюю разницу.

Такъ какъ головной мозгъ представляетъ орудіе или органъ ума, то анатомы, сравнивая мозги животныхъ, искали рѣзко выраженныхъ различій между менѣе и болѣе интеллигентными существами. Въ естественномъ порядкѣ приматовъ, къ которому принадлежитъ человѣкъ вмѣстѣ съ обезьянами и лемурами, рядъ мозговъ обнаруживаетъ замѣтное повышеніе или развитіе отъ низшихъ формъ къ высшимъ. Лемуры имѣютъ небольшой и сравнительно гладкій мозгъ, между тѣмъ какъ головной мозгъ высшихъ человѣкоподобныхъ обезьянъ поразительно приближается къ человѣческому. И въ самомъ дѣлѣ лемуры выказываютъ весьма мало ума сравнительно съ разсудительнымъ и понятливымъ чимпанзе или орангутангомъ. Но разумъ человѣка такъ значительно превосхо-

дитъ умъ высшихъ обезьянъ, что естествоиспытатели приходили въ удивленіе отъ сходства обезьяньяго мозга съ нашимъ мозгомъ, сходства, которое видно изъ нижеслѣдующей фиг. 7, представляющей мозгъ чимпанзе *a* и человѣка *b*; рисунокъ налѣво изображаетъ мозгъ цѣлымъ для показанія извилинъ; направо — въ разрѣзѣ для обнаруженія внутренняго строенія. Для лучшаго сравненія ихъ строенія, оба мозга нарисованы одинаковой величины; на самомъ же дѣлѣ мозгъ чимпанзе гораздо менѣе человѣческаго. Одно изъ важныхъ различій между человѣкомъ и антропоидными

Фиг. 7.—Головной мозгъ: *a* **чимпанзе и** *b* **человѣка сверху, причемъ полушарія—налѣво цѣлыя, направо—въ разрѣзѣ (по Гэксли).**

обезьянами заключается именно въ томъ, что мозгъ перваго превосходитъ по количеству мозгъ послѣднихъ; въ крупныхъ числахъ человѣкъ имѣетъ три фунта мозга на одинъ фунтъ у обезьянъ. Можно также замѣтить, что извилины долей или полушарій мозга у обезьянъ меньше числомъ и болѣе просты, нежели сложныя извилины человѣческаго мозга, съ которыми онѣ сходны по общему очертанію. Величина же и сложность указываютъ на большее развитіе умственныхъ способностей. Доли мозга состоятъ внутри изъ «бѣлаго вещества» съ его безчисленными волокнами, проводящими нервные токи, между тѣмъ какъ наружная обкладка состоитъ изъ «сѣраго вещества»,

4

содержащаго мозговыя тѣльца или клѣтки, изъ которыхъ выходятъ волокна, и при посредствѣ которыхъ, какъ центральныхъ органовъ, составляются сочетанія, сознаваемыя нами какъ мысли. Такъ какъ покровъ изъ «сѣраго вещества» слѣдуетъ за складками мозга въ образуемыя ими углубленія, то очевидно, что бóльшая сложность извилинъ, въ соединеніи съ большею величиною всего мозга, образуетъ въ человѣкѣ несравненно болѣе обширный и сложный мыслительный аппаратъ нежели у животныхъ, поставленныхъ природою на слѣдующей низшей ступени.

Бросивъ взглядъ на нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ различій между тѣломъ человѣка и низшихъ животныхъ, мы можемъ отважиться задать себѣ еще болѣе трудный вопросъ: въ какой степени ихъ умъ въ своей работѣ сходенъ съ нашимъ? Полнаго отвѣта на это мы дать не можемъ, но существуютъ нѣкоторые твердоустановленные пункты для сужденія объ этомъ. Прежде всего очевидно, что простые процессы чувствъ, воли и движенія происходятъ у человѣка при помощи того же самаго тѣлеснаго механизма, какъ и у другихъ высшихъ позвоночныхъ. На сколько сходны ихъ органы чувствъ, ясно видно изъ того, что анатомъ разсѣкаетъ бычачій глазъ вмѣсто человѣческаго, чтобы показать, какимъ образомъ изображеніе внѣшняго міра бросается хрусталикомъ на сѣтчатку или экранъ, въ которомъ распространяются концевыя волокна выходящаго изъ мозга зрительнаго нерва. Не то, чтобы осязаніе, зрѣніе и другія чувства у различныхъ родовъ животныхъ не имѣли своихъ спеціальныхъ отличій; глаза орла приспособлены къ различенію мелкихъ предметовъ, недоступныхъ человѣческому зрѣнію; глаза лошади расположены на ея головѣ такимъ образомъ, что они не могутъ подобно нашимъ устанавливаться вмѣстѣ на одну точку, и лошадь должна въ дѣйствительности постоянно имѣть дѣло съ двумя изображеніями отъ двухъ сторонъ дороги. Но такія спеціальныя отличія только дѣлаютъ еще болѣе поразительнымъ общее сходство. Далѣе, нервная система у животнаго и человѣка обнаруживаетъ одинаковый общій типъ: головной и спинной мозги образуютъ центральный нервный органъ, которому чувствительные нервы приносятъ впечатлѣніе чувствъ, и отъ котораго двигательные нервы проводятъ токи, вызывающіе мышечное сокращеніе и движеніе. Непроизвольныя движенія животныхъ похожи на наши:

напримѣръ, спящая собака, если дотронуться до ея ноги, отдергиваетъ ее совершенно такъ, какъ это сдѣлалъ бы на ея мѣстѣ ея хозяинъ; и по пробужденіи, какъ человѣкъ, такъ и животное, одинаково жмурятъ глаза, если кто нибудь дѣлаетъ видъ, что собирается ударить пальцемъ по ихъ глазамъ. Если мы перейдемъ къ произвольнымъ дѣйствіямъ, совершаемымъ съ сознательною волею и мыслью, то и здѣсь низшія животныя нѣкоторое время могутъ идти рядомъ съ человѣкомъ. Въ лондонскомъ зоологическомъ саду можно иногда видѣть, какъ кто нибудь дѣлитъ горсть орѣховъ между обезьянами за рѣшеткою и дѣтьми снаружи ея; въ такихъ случаяхъ весьма поучительно наблюдать, какъ тѣ и другія продѣлываютъ почти одинъ и тотъ же рядъ движеній—какъ они бросаютъ взгляды, приближаются, толкаются, хватаютъ, щелкаютъ, жуютъ, глотаютъ и протягиваютъ руки за новою порціею. До этого уровня обезьяны обнаруживаютъ все то умственное сходство съ человѣкомъ, ожидать котораго заставляло насъ ихъ тѣлесное сходство. Но мы знаемъ, что во время этого процесса въ умахъ дѣтей проходитъ еще многое другое, кромѣ простыхъ зрительныхъ и осязательныхъ впечатлѣній отъ орѣховъ и желанія взять ихъ и съѣсть. Между ощущеніемъ и дѣйствіемъ имѣетъ мѣсто мышленіе. Для упрощенія описанія скажемъ, что мальчикъ узнаетъ орѣхи по виду, желаетъ возобновить пріятный вкусъ прежнихъ орѣховъ и направляетъ движенія своихъ рукъ и рта такъ, чтобы схватить орѣхи, разгрызть и съѣсть. Но умственные процессы здѣсь на самомъ дѣлѣ сложны. Узнать орѣхъ по виду или имѣть понятіе объ орѣхѣ означаетъ для ребенка, что въ его умѣ сгруппированы воспоминанія о нѣкоторомъ числѣ прошлыхъ впечатлѣній, которыя вслѣдствіе опыта связались между собою такимъ образомъ, что особенная форма и цвѣтъ, ощупь и вѣсъ ведутъ къ ожиданію особеннаго вкуса. О томъ, что происходитъ здѣсь въ умѣ ребенка, мы можемъ судить—хотя далеко не ясно,—на основаніи того, что мы знаемъ насчетъ нашихъ собственныхъ мыслей, и того, что разсказали намъ другіе насчетъ своихъ. О томъ, что происходитъ въ умѣ обезьянъ, мы можемъ догадываться только на основаніи наблюденій надъ ихъ дѣйствіями, но послѣднія на столько похожи на человѣческія, что ихъ всего легче объяснить, допустивъ такое же сходство и мозговой работы обезьянъ съ человѣческою, хотя

первая и менѣе ясна и совершенна, нежели послѣдняя. Повидимому, представленіе или мысль о предметѣ у животнаго можетъ быть, подобно нашей мысли, группою запомнившихся впечатлѣній, сплоченныхъ въ одно цѣлое. Это становится вѣроятнымъ тѣмъ болѣе, что, при появленіи одной части этихъ впечатлѣній, животное, повидимому, заключаетъ, что здѣсь же должны оказаться и остальные члены группы—какъ это обыкновенно дѣлаемъ и мы. Такъ, собака бросается въ ручей, поверхность котораго покрыта пѣною и который, поэтому, она приняла за сухую землю; или если ей предлагаютъ поддѣльный сухарь, она приходитъ за нимъ и удаляется, когда запахъ и вкусъ докажутъ ей, что остатокъ представленія не согласуется съ тѣмъ, что заставляетъ ее ожидать зрѣніе.

Подобнымъ же образомъ всѣ люди, обращающіе вниманіе на поступки животныхъ, объясняютъ ихъ способностями, болѣе или менѣе сходными со своими собственными. Мало того, что существа всѣхъ высшихъ порядковъ проявляютъ несомнѣнные признаки удовольствія и страданія, но все наше обращеніе съ животными основано на томъ, что они раздѣляютъ съ нами такія болѣе сложныя чувства, каковы страхъ, привязанность, гнѣвъ, даже любопытство, ревность и месть. Иныя изъ этихъ чувствъ проявляются въ тѣлесныхъ признакахъ, носящихъ совершенно человѣческую окраску, съ тѣмъ долженъ согласиться всякій, кому доводилось осязать дрожащія конечности и трепещущее сердце перепуганнаго щенка, или кто видѣлъ въ «Выраженіи ощущеній» Дарвина изображеніе чимпанзе, у котораго отняли его фрукты, и который выказываетъ свое дурное расположеніе духа надутіемъ губъ, представляющимъ каррикатуру того же выраженія у ребенка. Далѣе, низшія животныя обнаруживаютъ ясно выраженную волю, которая, подобно человѣческой, есть не только желаніе, но равнодѣйствующая или результатъ взвѣшиванія нѣсколькихъ желаній, такъ что если два человѣка одновременно зовутъ собаку въ разныя стороны или оба предлагаютъ ей кости, то они могутъ раздвоить ея волю на тотъ манеръ, который напоминаетъ намъ о гипотетическомъ ослѣ философа, умершемъ съ голоду между своимъ сѣномъ и водою. Что касается до способности памяти у животныхъ, то, безъ сомнѣнія, намъ всѣмъ представлялось много удобныхъ случаевъ для наблю-

денія, какъ она прочна и точна Иныя вещи, запоминаемыя животными, могутъ быть объяснены просто ассоціированіемъ понятій вслѣдствіе привычки, какъ, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда лошадь выдаетъ обыкновеніе своего прежняго хозяина, останавливаясь у каждаго кабака; это можетъ означать только, что хорошо знакомая дверь внушаетъ животному воспоминаніе объ отдыхѣ, и оно останавливается. Но наблюденіе надъ грезящею собакою заставляетъ насъ думать, что, какъ и въ нашихъ грезахъ, передъ ея сознаніемъ проходятъ изъ складокъ памяти цѣлыя вереницы представленій. Память, при которой возможно такое воспроизведеніе прошлаго, представляетъ источникъ опытности, изъ котораго черпается пониманіе настоящаго и предвидѣніе будущаго. Употребленіе памяти минувшаго, какъ средства для контролированія будущаго, представляетъ великую умственную способность у человѣка; но въ простой и элементарной формѣ эта способность встрѣчается и у низшихъ существъ. Приводимъ одинъ изъ безчисленныхъ разсказовъ о животныхъ, гдѣ проявляются ожиданія и разсчеты, основываемые на опытѣ. Нѣкій м-ръ Копзъ, имѣвшій молодаго орангутанга, однажды далъ ему половину апельсина; другую онъ спряталъ отъ него на высокій шкафъ и самъ улегся на диванѣ; но такъ какъ движенія животнаго привлекли къ себѣ его вниманіе, то онъ только притворился спящимъ Животное осторожно подкралось къ нему, убѣдилось въ томъ, что хозяинъ заснулъ, затѣмъ вскарабкалось на шкафъ, съѣло остатокъ апельсина, тщательно зарыло корку въ сорѣ, бывшемъ на рѣшоткѣ камина, снова осмотрѣло хозяина, прикидывавшагося спящимъ, и затѣмъ улеглось на собственной постели. Такое поведеніе можетъ быть объяснено только цѣлою цѣпью мыслей, требующихъ извѣстной доли того, что мы у себя называемъ разсудкомъ.

Оцѣнить различія между животнымъ и человѣкомъ въ дѣйствительности труднѣе, чѣмъ прослѣдить сходства между ними. Одинъ изъ очевидныхъ признаковъ высшаго умственнаго достоинства человѣка заключается въ томъ, что человѣкъ меньше зависитъ отъ инстинкта нежели животныя, которыя переселяются въ опредѣленное время года или строятъ гнѣзда по установившемуся и сложному образцу, спеціально свойственному данной породѣ. Человѣкъ обладаетъ нѣкоторыми инстинктами, очевидно сходными съ

инстинктами низшихъ животныхъ; таковы движенія ребенка, совершаемыя имъ безъ всякаго предварительнаго обученія, съ цѣлью отстраненія отъ себя опасности, или родительская привязанность, охраняющая потомство въ теченіи перваго беззащитнаго періода жизни Но если бы человѣкъ обладалъ непреодолимымъ влеченіемъ пускаться въ странствованія на югъ передъ каждымъ наступленіемъ зимы, или строить шалашъ изъ прутьевъ, располагаемыхъ какимъ нибудь спеціальнымъ образомъ, это оказалось бы для его вида менѣе благодѣтельнымъ, чѣмъ разсудительность, приспособляющая его дѣйствія къ климату, къ добыванію пищи, къ предупрежденію опасности отъ враговъ и ко множеству обстоятельствъ, разнообразныхъ, смотря по странѣ, и измѣняющихся изъ года въ годъ. Если наши отдаленные предки и имѣли инстинкты, подобно бобрамъ, вкорененные въ самое строеніе ихъ мозга, то эти инстинкты давно уже вымерли и замѣнились болѣе свободнымъ и высшимъ разумомъ. Способность человѣка приспособляться къ міру, въ которомъ онъ живетъ, и даже до извѣстной степени измѣнять его, въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ способности пріобрѣтать новыя знанія. Однако, не слѣдуетъ забывать, что тою же способностью, хотя и въ меньшей мѣрѣ, обладаютъ и другія животныя. Мы можемъ прослѣдить самый процессъ того, какъ они научаются путемъ опыта; и этотъ процессъ представляетъ дѣйствительно одно изъ самыхъ любопытныхъ зрѣлищъ въ естественной исторіи; такъ, когда телеграфныя проволоки проведены въ новой мѣстности, послѣ втораго года куропатки перестаютъ налетать на нихъ, и уже не убиваются; или въ Канадѣ лукавая куница часто издѣвается надъ изобрѣтательностью ловца, успѣшно придумывая способы вытащить приманку даже изъ капкана совершенно новаго устройства, притомъ безъ всякаго вреда для себя. Способность научаться путемъ подражанія у обезьянъ проявляется почти въ человѣческой формѣ Антропоидная обезьяна Мафука, содержавшаяся въ дрезденскомъ зоологическомъ саду, видѣла, какъ отпирается дверь ея клѣтки и не только научилась отпирать замокъ сама, но даже украла ключъ и прятала его подъ мышку чтобы воспользоваться имъ въ будущемъ; послѣ наблюденія за плотникомъ, она схватила его буравъ и стала сверлить имъ дыры въ маленькомъ столѣ, за которымъ ѣла; во время ѣды она не только наполняла свою чашку

изъ кружки, но — что еще замѣчательнѣе — особенно заботилась, чтобы жидкость не перелить черезъ край. Смерть этой обезьяны была почти такъ же трогательна, какъ смерть человѣка; когда къ ней подошелъ ея другъ, директоръ сада. она обвила его шею руками, поцѣловала его три раза, затѣмъ легла на постель и, подавъ ему руку, впала въ свой послѣдній сонъ. Невозможно не допустить, что столь смышленыя животныя должны научаться и въ дикомъ состояніи. И дѣйствительно, даже менѣе умныя животныя, какъ кажется, до извѣстной степени обучаютъ своихъ дѣтенышей — птицы пѣть, волки охотиться — хотя для естествоиспытателя крайне трудно судить въ такихъ случаяхъ, что̀ усвоивается по инстинкту и что̀ заучивается сознательно.

Философы неоднократно пытались провести рѣзкую черту между умомъ человѣка и умомъ животныхъ. Самая знаменитая изъ такихъ попытокъ сдѣлана Локкомъ, въ его «Опытѣ о человѣческомъ умѣ», гдѣ онъ устанавливаетъ правило, что животныя дѣйствительно имѣютъ представленія, но лишены человѣческой способности составлять отвлеченныя или общія понятія. Правда, мы научились мыслить помощью отвлеченныхъ понятій, каковы, напримѣръ, твердое и жидкое, количество и качество, свойства растительныя и животныя, храбрость и трусость — и нѣтъ ни малѣйшаго повода предполагать, что подобныя отвлеченія составляются собаками или обезьянами. Но, хотя способность такого отвлеченія и обобщенія есть сила, возносящая человѣка до высшихъ результатовъ философской мысли, должно помнить, однако, что она проявляется сначала въ простыхъ умственныхъ процессахъ, которые, повидимому, можно допустить и у животныхъ. Отвлеченіе заключается въ отличеніи того, что обще нѣсколькимъ процессамъ мысли и въ пренебреженіи ихъ различій; такимъ образомъ, общее представленіе получается, когда мы не обращаемъ особеннаго вниманія на частности. Въ наипростѣйшей формѣ это проявляется въ томъ случаѣ, когда въ данное время обращается вниманіе на ощущенія, получаемыя только отъ одного какого нибудь чувства, какъ въ представленіи бѣлизны—примѣръ Локка,— гдѣ по цвѣту между собою сходны мѣлъ, снѣгъ и молоко. Но если судить по дѣйствіямъ животныхъ, то и они также могутъ устрем-

лять вниманіе только на одно чувство заразъ, какъ это дѣлаетъ быкъ, раздражающійся при видѣ чего нибудь краснаго. И крайне интересно наблюдать животныхъ, когда они сравниваютъ какой-нибудь новый предметъ со своими воспоминаніями или представленіями о прежнихъ, практически признавая въ немъ то, что имъ уже знакомо, и ожидая, что они найдутъ въ немъ то самое, что въ другихъ экземплярахъ одного съ нимъ разряда. Кошки или обезьяны не нуждаются въ показываніи имъ употребленія новой подстилки или подушки, положенной на мѣстѣ совершенно подобной старой; и полковая собака подчиняется всякому человѣку въ солдатской формѣ, все равно, видала ли она его прежде или нѣтъ. Такимъ образомъ въ самыхъ простыхъ процессахъ мысли животнаго можно предъугадать результаты высшаго человѣческаго отвлеченія и обобщенія. Прочитаемъ нѣсколько строкъ далѣе у Локка и мы увидимъ, почему онъ заключаетъ, что у животныхъ нѣтъ способности составлять отвлеченныя понятія. Это потому, говоритъ онъ, что они не употребляютъ ни рѣчи, ни другихъ обобщающихъ знаковъ. Но это уже само по себѣ представляетъ болѣе удобный предметъ изслѣдованія, и гораздо болѣе заслуживаетъ обсужденія, нежели трудный вопросъ о томъ, имѣютъ ли животныя отвлеченныя понятія или нѣтъ. Дѣйствительно, способность рѣчи представляетъ почти самый ясный признакъ для различенія между умственнымъ процессомъ у животнаго и у человѣка Это различеніе гораздо удовлетворительнѣе другаго, которое пытались установить философы, говорившіе, что тогда какъ всѣ остальныя животныя одарены сознаніемъ, только человѣкъ обладаетъ еще и самосознаніемъ, то есть, что онъ не только чувствуетъ и мыслитъ, но еще и сознаетъ себя чувствующимъ и мыслящимъ. Мы знаемъ, что человѣкъ способенъ къ такому самосознанію, вырабатывающемуся въ немъ вслѣдствіе того, что онъ можетъ говорить о самомъ себѣ, какъ говорить о другихъ; но еще никогда не было доказано, что животныя, которыя, какъ мы тоже знаемъ, не склонны принимать свое собственное тѣло за нѣчто постороннее, не имѣютъ сознанія о самихъ себѣ. Изучая правила для выраженія мысли знаками и рѣчью, мы дѣйствительно получаемъ нѣкоторое средство для противоположенія себѣ животныхъ. Очевидно, именно благодаря рѣчи, человѣческій умъ пріобрѣлъ способность выраб-

тать и отличить высшія отвлеченныя идеи, съ которыми мы обращаемся такъ удачно; какимъ образомъ, безъ помощи словъ, могли бы мы достигнуть такихъ результатовъ сочетанія и сравненія понятій, каковы, напримѣръ, скорость движенія, множественность, праведность? Изучаемая нами великая умственная пропасть между нами и животными измѣряется разницею между слабыми начатками рѣчи, выражающимися у нихъ въ призываніи другъ друга и въ знаніи, когда ихъ зовутъ, и человѣческою способностью къ вполнѣ выработанной рѣчи. Дѣло не только въ томъ, что самыя высшія антропоидныя обезьяны лишены рѣчи; оно еще въ томъ, что у нихъ нѣтъ такой мозговой организаціи, которая могла бы сдѣлать ихъ способными къ пріобрѣтенію хотя бы зачатковъ рѣчи. Человѣческая способность употреблять слово или даже жестъ, какъ символъ мысли и какъ средство сноситься о ней съ другими, представляетъ одинъ изъ пунктовъ, въ которомъ онъ самымъ очевиднымъ для насъ образомъ выходитъ изъ ряда всѣхъ низшихъ видовъ и выступаетъ одинъ на поприще завоеваній въ высшихъ интеллектуальныхъ областяхъ.

При сравненіи человѣка съ другими животными, мѣркою долженъ былъ бы естественно служить низшій человѣкъ или дикарь. Но дикарь обладаетъ человѣческимъ разумомъ и рѣчью, между тѣмъ какъ способность его мозга, хотя она и не подняла его до цивилизаціи сама по себѣ, дѣлаетъ для него доступнымъ бо́льшую или меньшую степень обученія, превращающаго его въ цивилизованнаго человѣка. Изслѣдованіе перехода человѣка отъ дикаго состоянія къ цивилизаціи составляетъ нѣкоторую правильную задачу, до извѣстной степени разрѣшаемую въ позднѣйшихъ главахъ этой книги. Но не существуетъ никакихъ свидѣтельствъ, которыя были бы пригодны для объясненія перехода черезъ умственную пропасть, раздѣляющую самаго низшаго дикаря отъ самой высшей обезьяны. Вообще, всего надежнѣе заключить, на основаніи фактовъ, что умственный механизмъ низшихъ животныхъ въ грубыхъ чертахъ сходенъ до извѣстнаго предѣла съ нашимъ. За этимъ предѣломъ человѣческій умъ переходитъ въ обширныя сферы мысли и чувства, никакихъ признаковъ приближенія къ которымъ умъ животнаго не обнаруживаетъ. Если мы прослѣдимъ теченіе жизни человѣка, отъ его рожденія до смерти, то увидимъ, что,

такъ сказать, въ ея основѣ лежатъ отправленія. которыя ему общи съ низшими животными. Одаренный инстинктомъ и способный научаться путемъ опыта, привлекаемый удовольствіемъ и побуждаемый страданіемъ, человѣкъ, подобно животному, долженъ поддерживать свою жизнь пищею и сномъ, долженъ спасаться бѣгствомъ отъ своихъ врагомъ или биться съ ними за свое спасеніе, долженъ размножать свой родъ и заботиться о слѣдующемъ поколѣніи. На этой низшей животной основѣ воздвигается чудесное зданіе человѣческой рѣчи, науки, искусства и закона.

ГЛАВА III.

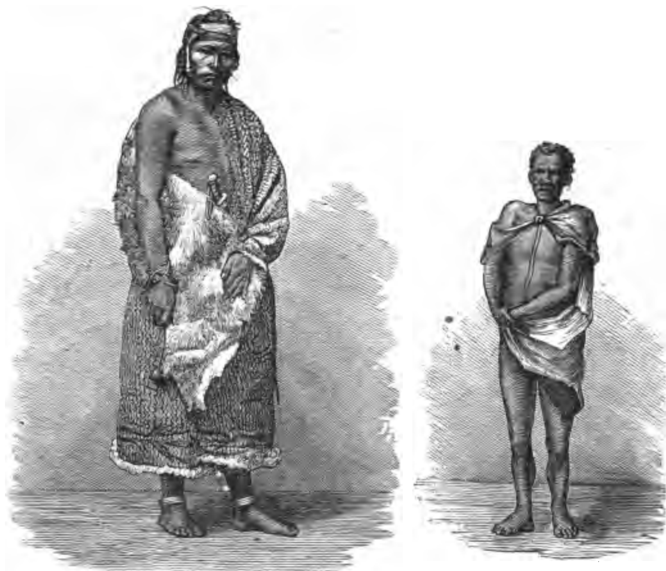
Человѣческія расы.

Расовыя различія.—Ростъ и размѣры частей тѣла.—Черепъ.—Черты лица.—Цвѣтъ.—Сложеніе.—Темпераментъ.—Типы расъ. — Прочность. — Помѣси.—Измѣненіе.—Классификація человѣческихъ расъ.

Въ первой главѣ было уже сказано кое-что о поразительныхъ различіяхъ между отдѣльными человѣческими расами, наблюдаемыхъ при внимательномъ разсматриваніи африканскаго негра, индійскаго кули и китайца. Даже среди европейцевъ всякій замѣтитъ рѣзкій контрастъ между бѣлокурымъ датчаниномъ и темноволосымъ генуэзцемъ. Теперь мы перейдемъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію спеціальныхъ различій между тѣми и другими расами, хотя читатель долженъ понять, конечно, что безъ надлежащаго анатомическаго изслѣдованія такое сравненіе можетъ быть только поверхностнымъ и неполнымъ. Антропологія находитъ расовыя отличія наиболѣе ясно выраженными въ ростѣ особей и въ размѣрахъ ихъ членовъ, въ формѣ черепа и мозга внутри его, въ особенностяхъ физіономіи, кожи, глазъ, волосъ, въ свойствахъ тѣлеснаго, умственнаго и нравственнаго склада.

При сравненіи расъ по ихъ росту, для насъ важны не самые высокіе или самые малорослые люди въ каждомъ племени, но обыкновенные экземпляры или люди средняго роста, которые могутъ быть приняты за вѣрныхъ представителей цѣлаго племени. Различіе въ общемъ ростѣ рѣзко выказывается въ тѣхъ случаяхъ, когда высокорослый и низкорослый народы сходятся вмѣстѣ въ какомъ нибудь одномъ округѣ. Такъ, въ Австраліи средній англійскій колонистъ въ 5 фут. 8 дюйм. легко можетъ смотрѣть черезъ головы

китайскихъ работниковъ, имѣющихъ только 5 ф 4 д. Еще рѣзче выдается шведъ въ 5 ф. 7 д. среди приземистыхъ лапландцевъ, среднiй ростъ которыхъ немногимъ превышаетъ 5 фут. Къ числу самыхъ высокихъ людей на землѣ принадлежатъ патагонцы, которые показались первымъ наблюдавшимъ ихъ европейцамъ гигантами, когда они шагали вдоль своихъ утесовъ въ одеждѣ изъ шкуръ; заявлялось даже, что головы матросовъ Магеллана едва хватали до тальи перваго встрѣченнаго ими патагонца. Новѣйшіе

Фиг. 8. Патагонецъ и бушмэнъ.

путешественники, производившіе измѣреніе этихъ людей, нашли, что они дѣйствительно часто достигаютъ 6 ф. 4 д., и что ихъ средняя вышина равняется проблизительно 5 ф. 11 д., т. е. что патагонцы на три или четыре дюйма выше англичанъ средняго роста. Самыми малорослыми изъ человѣческаго рода являются бушмэны и родственныя имъ племена въ Южной Африкѣ, со среднею вышиною, немногимъ превышающею 4 ф. 6 д. Ясно замѣтна противоположность между самыми высокорослыми и низкорослыми человѣческими расами на фиг. 8, гдѣ патагонецъ изображенъ бокъ о бокъ съ бушменомъ, голова котораго достигаетъ только груди пер-

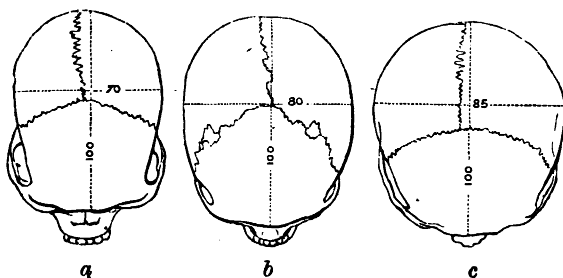
ваго. Такимъ образомъ, самая высокая человѣческая раса менѣе чѣмъ на одну четверть выше самой низкорослой—фактъ, который для непривыкшихъ дѣлать измѣренія можетъ показаться неожиданнымъ. Пораженный впечатлѣніемъ, производимымъ такою разницею въ ростѣ, непривычный человѣкъ склоненъ составить себѣ преувеличенное понятіе объ истинной величинѣ этой разницы, которая въ сущности мала, если ее сравнить съ колебаніями въ размѣрахъ у разнообразныхъ породъ другихъ видовъ животныхъ,—напримѣръ, съ разницею между игрушечною моською и меделянскою собакою (the mastiff), или шотландскимъ пони и ломовою лошадью. Вообще ростъ женщины во всѣхъ расахъ можно полагать на одну шестнадцатую меньше роста мужчины. Такимъ образомъ, въ Англіи мужчина въ 5 ф. 8 д. и женщина въ 5 ф. 4 д. представляютъ обыкновенную чету супруговъ подъ пару другъ другу.

Не только ростъ, но и размѣры членовъ тѣла различны у различныхъ расъ. Слѣдуетъ остерегаться при этомъ, чтобы не смѣшать дѣйствительныхъ расовыхъ различій съ измѣненіями, производимыми воспитаніемъ съ дѣтства или привычками жизни особей, вродѣ дугообразныхъ ногъ грумовъ, и еще болѣе искривленныхъ ногъ индѣйцевъ изъ Британской Колумбіи, которые обезображиваютъ свои конечности постояннымъ сидѣніемъ на корточкахъ въ своихъ ладьяхъ. Величина окружности человѣческой грудной клѣтки въ значительной степени зависитъ отъ образа жизни, отъ него же зависитъ и длина верхнихъ и нижнихъ конечностей, которая разнится даже у матросовъ и солдатъ. Но существуютъ извѣстныя отличія, передающіяся по наслѣдству и характеризующія различныя расы. Такъ, существуютъ племена съ длинными и короткими конечностями. Африканскій негръ замѣчателенъ по длинѣ рукъ и ногъ, индѣецъ аймара изъ Перу—по короткости ихъ. Если предположить, что средній англичанинъ измѣнился до строенія негра, то ему потребовалось бы прибавить 2 дюйма къ теперешней длинѣ его рукъ и дюймъ—къ длинѣ ногъ; для приведенія же его къ размѣрамъ индѣйца аймара потребовалось бы укоротить ему руки на $^1/_2$ дюйма и ноги на 1 дюймъ. Для того, чтобы замѣтить эти различія, поучительно снова взглянуть на рисунки скелетовъ обезьянъ и человѣка (фиг. 5). Въ вертикальномъ положеніи, гиббонъ можетъ дотронуться среднимъ пальцемъ опущенной руки до

своей стопы, орангутангъ — до голеностопнаго сустава, чимпанзе—до колѣна, между тѣмъ какъ человѣкъ достаетъ только ниже или выше до бедра. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, существуютъ, повидимому, дѣйствительныя различія между человѣческими расами. Негритянскіе солдаты, во время выправки на ученіи, достаютъ концомъ средняго пальца на дюймъ или два ближе къ колѣну, нежели бѣлые; наблюдали даже и такихъ, которые доставали до надколѣнной чашки. Такія различія, однако, менѣе замѣчательны, нежели общая соотвѣтственность въ размѣрахъ тѣла у особей, служащихъ натурщиками по силѣ и красотѣ, къ какой бы расѣ эти натурщики ни принадлежали. Даже хорошіе знатоки вслѣдствіе этого доходили до того, что забывали частныя особенности расоваго типа и разсуждали о формѣ атлета такимъ образомъ, какъ будто она была всюду одинакова Такъ, американскій художникъ, Бенджаликъ Уэстъ, пріѣхавъ въ Римъ и увидя Аполлона Бельведерскаго, воскликнулъ: «Это настоящій могаукскій воинъ!» То же самое говорили и о размѣрахъ членовъ зулусскихъ атлетовъ. Между тѣмъ, если сравнить надлежаще-выбранныя фотографіи каффровъ съ какимъ нибудь классическимъ типомъ, вродѣ Аполлона, то можно замѣтить, что станъ африканца представляетъ нѣсколько отвѣсную прямоту боковъ и послѣднимъ недостаетъ того внутренняго изгиба который придаетъ изящество тальѣ, и также того расширенія ниже этого перехвата, которое придаетъ широту бедрамъ—а именно эти два пункта и обращаютъ на себя наибольшее вниманіе въ классическомъ типѣ, признаваемомъ нашими художниками за идеалъ мужской красоты. Сравненія такого рода могутъ дать значительные результаты при отличеніи нормальныхъ типовъ расъ. Все таки, признавая существованіе такихъ отклоненій въ строеніи людей различныхъ расъ, мы снова должны замѣтить, что эти различія представляются крайне слабыми въ сравненіи съ измѣненіями размѣромъ членовъ у различныхъ породъ низшихъ животныхъ.

Одинъ изъ первыхъ вопросовъ, приходящихъ въ голову, при сравненіи расъ, заключается въ томъ, представляютъ ли дикія племена и цивилизованные народы, столь сильно отличающіеся умственно одни отъ другихъ, какое нибудь соотвѣтственное различіе мозга? Существуетъ дѣйствительно значительное различіе. Са-

мый обычный способъ опредѣленія количества мозга заключается въ измѣреніи объема черепа при помощи наполненія его дробью или зернами. Профессоръ Флауэръ даетъ слѣдующую среднюю оцѣнку вмѣстимости черепа, выраженную въ кубическихъ дюймахъ: для австралійца—семьдесятъ девять; для африканца—восемьдесятъ пять; для европейца—девяносто одинъ. Знаменитые анатомы находятъ также, что мозгъ европейца представляетъ нѣсколько болѣе сложныя извилины нежели мозгъ негра или готтентота. Такимъ образомъ, хотя эти наблюденія далеко не полны, они всетаки показываютъ связь между болѣе совершенною и сложною системою мозговыхъ клѣтокъ и волоконъ, и высшими умственными способностями у расъ, выше поднявшихся по лѣстницѣ цивилизаціи.

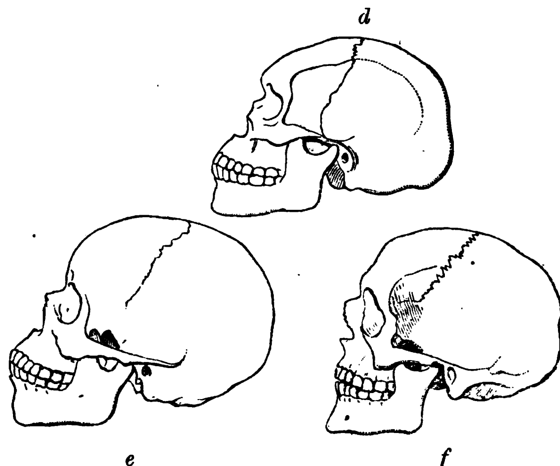

Фиг. 9.—Видъ череповъ сверху: *a* негра, указатель 70, длинноголовый; *b* европейца, указатель 80, среднеголовый; *c* самоѣда, указатель 85, короткоголовый.

Однимъ изъ лучшихъ средствъ различенія расъ для анатома представляется форма черепа, столь важная по своимъ отношеніямъ къ мозгу, находящемуся внутри послѣдняго и къ выразительности чертъ лица, расположеннаго снаружи его. Осмотръ черепа часто даетъ возможность опредѣлить, какой расѣ онъ припринадлежитъ. Узкій черепъ негра (фиг. 9, *a*) нельзя было бы принять за широкій черепъ самоѣда (фиг. 9, *c*). Снявъ съ полки какого нибудь музея узкій черепъ съ отвѣсными боками, съ кровлеподобнымъ сводомъ, съ выдающимися кпереди скулами, съ необыкновенно сильно развитыми надбровными дугами, было бы нетрудно узнать въ немъ австралійца (фиг. 10, *d*). Всего легче замѣтить слѣдующія различія при сравненіи череповъ.

Смотря на черепъ сверху, можно замѣтить соотношеніе между

его шириною и длиною, какъ это представлено на фиг. 9. Если принять діаметръ, идущій сзади на передъ, за 100, то поперечный діаметръ дастъ такъ называемый указатель ширины, который здѣсь приблизительно равняется 70 у негра (*a*), 80 у европейца (*b*) и 85 у самоѣда (*c*). Соотвѣтственнымъ образомъ такіе черепа размѣщаются въ три класса: *долихокефалическіе* или «длинноголовые»; *мезокефалическіе* или «среднеголовые» и *брахикефалическіе* или «короткоголовые». Модель черепа, сдѣланная изъ какого нибудь гибкаго матеріала, вродѣ гуттаперчи, и имѣющая среднюю форму, напр., форму головы обыкновеннаго англичанина, при сдавленіи съ боковъ, можетъ принять длинную форму, какъ у негра,

Фиг. 10.—Видъ череповъ сбоку: *d* австралійца, прогнатическій; *e*. африканца, прогнатическій; *f* европейца, ортогнатическій.

или при сдавленіи спереди и сзади—широкую татарскую форму. На вышеприведенномъ рисункѣ можно замѣтить, что между тѣмъ какъ одни черепа, какъ *b*, имѣютъ нѣсколько эллиптическую форму, другіе, какъ *a*, яйцевидны, ибо ихъ самый длинный поперечный діаметръ находится значительно позади центра. Можно замѣтить далѣе, что въ одномъ классѣ череповъ, какъ въ *a*, скуловыя дуги, соединяющія черепъ и лицо, видны вполнѣ, между тѣмъ какъ на другихъ выпячиваніе черепа почти скрываетъ ихъ отъ глаза наблюдателя. Смотря на черепъ спереди и сзади, опредѣляемъ соотношеніе между шириною и высотою—совершенно такимъ же пу-

темъ, какъ только что описанный указатель ширины. Далѣе, фигура 10, представляющая въ профиль черепа австралійца (*d*), негра (*e*) и англичанина (*f*), показываетъ сильное различіе между двумя низшими расами и нашею въ отношеніи лицеваго угла. Австраліецъ и африканецъ *прогнатичны*, или «косозубы», между тѣмъ какъ европеецъ—*ортогнатиченъ*, т. е. «прямозубъ». Въ то же самое время у австралійца и африканца лобъ болѣе наклоненъ взади, нежели у европейца, къ невыгодѣ для лобныхъ долей ихъ мозга сравнительно съ нашимъ. Такимъ образомъ, верхнія и нижнія части профиля комбинируются такъ, что придаютъ лицамъ этихъ менѣе цивилизованныхъ народовъ нѣсколько обезьяноподобный наклонъ, въ отличіе отъ почти вертикально расположеннаго лица европейца.

a *b*

Фиг. 11.—*a* Негръ изъ Суагили; *b* персіянинъ.

Не пускаясь въ болѣе тонкія различія измѣреній черепа, взглянемъ теперь на характеристическія особенности живаго лица. Черты лица до извѣстной степени строго соотвѣтствуютъ формѣ черепа. Такъ, только что упомянутый контрастъ между скошеннымъ спереди черепомъ негра и болѣе вертикальною формою черепа бѣлой расы столь же ясно видѣнъ и на портретахъ негра изъ Суагили (Swaheli) и персіянина, изображенныхъ на фиг. 11. При разсматриваніи женскихъ портретовъ на фиг. 12, дѣвушка изъ Бэролонга (Barolong) въ Южной Африкѣ можетъ быть избрана какъ примѣръ вліянія на черты лица узкости черепа (*b*), въ противоположность

5

Фиг. 12.—Женскіе портреты: *a* негритянка (Зап. Африки); *b* дѣвушка изъ Бэролонга (Юж. Африки); *c* готтентотка; *d* гилячка (Сѣв. Азія); *e* японка; *f* индіанка изъ Колорадо (Сѣв. Америка); *g* англичанка.

болѣе широкимъ татарскому и сѣверо-американскому лицамъ (*d*, *f*). Сверхъ того, первая представляетъ выпуклый африканскій лобъ, между тѣмъ какъ двѣ послѣднія, наравнѣ съ готтентоткою (*c*), свидѣтельствуютъ о вліяніи на лицо выдающихся скуловыхъ костей. Татарское и японское лицо показываютъ косвенное направленіе глазныхъ вѣкъ, свойственное монгольской расѣ. Характеръ человѣческаго лица въ значительной степени зависитъ отъ формы мелкихъ частей — носа, губъ, щекъ, подбородка и т. д.,—которыя часто представляютъ превосходныя примѣты для различенія расъ.

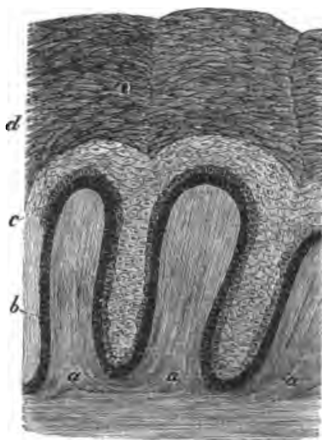
Фиг. 13.—Африканскій негръ.

Контрастъ въ формѣ носа можетъ даже превосходить изображаемую здѣсь противоположность между орлинымъ носомъ персіянина и курносымъ негра (фиг. 11 и 13). Средневѣковые европейскіе путешественники по Татаріи описывали ея плосконосыхъ обитателей какъ людей, не имѣющихъ вовсе носовъ и дышащихъ только черезъ дыры на ихъ лицахъ. Приподнимая кончикъ нашего носа кверху, мы можемъ въ извѣстной мѣрѣ подражать тому типу расположенія ноздрей, который замѣчается у различныхъ другихъ расъ, особенно у негровъ, если смотрѣть на нихъ прямо спереди. Наши тонкія, плотно сходящіяся губы крайне отличаются отъ

губъ негра, что́ можно хорошо видѣть по портрету Джакоба Уэйнраба, вѣрнаго слуги Ливингстона (фиг. 13). Мы не можемъ подражать формѣ рта негровъ посредствомъ простаго надуванія или вытягиванія губъ, но должны еще для этого разворотить края ихъ при помощи пальцевъ, чтобы выставить болѣе значительную часть внутренней поверхности губы. Требуется умѣніе художника для пониманія и описанія выраженія человѣческаго лица, на которомъ ясно выражаются чувства и умъ. Даже очеркъ физіономіи, схваченный фотографіею при неизмѣняющемся положеніи, представляетъ тонкія особенности, оцѣнивать которыя мы научаемся путемъ долгой опытности въ изученіи лицъ, и которыя ускользаютъ отъ описанія или измѣренія. Съ цѣлью обратить вниманіе на нѣкоторыя рѣзко выраженныя особенности человѣческаго лица у различныхъ расъ, мы приводимъ здѣсь небольшую группу женскихъ лицъ (фиг. 12)—все молодыхъ и притомъ такихъ, которыя считались бы среди ихъ собственнаго народа по меньшей мѣрѣ умѣренно-красивыми. Оставляя въ сторонѣ волоса и цвѣтъ лица, можно найти еще достаточно различія въ физіономіи, чтобы отличить лица негритянки, каффрки, готтентотки, татарки, японки и сѣвероамериканки отъ англійскаго лица, помѣщеннаго внизу рисунка.

Значеніе цвѣта кожи, этого важнаго отличительнаго признака расы, лучше всего можетъ быть понято изъ разсмотрѣнія самой темной разновидности. Темный цвѣтъ негра не зависитъ отъ особенностей самыхъ внутреннихъ слоевъ кожи или истинной кожи; источникъ его расположенъ не столь глубоко, и истинная кожа въ сущности одинакова у всѣхъ человѣческихъ расъ. Мѣсто окрашиванія ясно показано на фиг. 14, представляющей сильно-увеличенный разрѣзъ кожи негра. На этомъ рисункѣ *a* представляетъ поверхность истинной кожи съ ея сосочками; послѣдняя покрыта слизистымъ слоемъ, самыя внутреннія клѣтки котораго (*b*) густо окрашены мелкими зернышками чернаго или коричневаго пигмента, цвѣтъ котораго, по мѣрѣ приближенія къ верхней поверхности этого слизистаго слоя (*c*), дѣлается буроватымъ или желтоватымъ; даже верхняя кожица представляется слегка окрашенною. Несмотря на свое названіе, негръ не черенъ, но только густаго коричневаго цвѣта, и даже этотъ цвѣтъ не появляется съ самаго начала его жизни, такъ какъ новорожденный негритянскій ребенокъ имѣетъ

красновато-бурую окраску, черезъ нѣкоторое время становится аспидно-сѣрымъ и уже затѣмъ начинаетъ темнѣть. При этомъ самый темный оттѣнокъ никогда не распространяется на все тѣло негра,—его подошвы и ладони имѣютъ бурый цвѣтъ. Когда извѣстный антропологъ Блуменбахъ увидѣлъ Кембля въ роли Отелло (загримированнаго обычнымъ для изображенія негровъ путемъ, т. е. съ зачерненнымъ лицомъ и въ черныхъ перчаткахъ),—онъ жаловался послѣ, что у него разрушалась всякая иллюзія, какъ скоро актеръ раскрывалъ свои руки. Темнокожія расы, вродѣ туземныхъ американцевъ, представляютъ менѣе густую окраску кожи,

Фиг. 14. Сильно-увеличенный разрѣзъ кожи негра (по Кэлинкеру). *a* dermis, или истинная кожа; *b*, *c* rete mucosum; *d* epidermis или верхняя кожица.

чѣмъ африканцы; и у нихъ также нормальная густота цвѣта достигается только спустя нѣкоторое время послѣ рожденія. По своей природѣ окрашиваніе темныхъ расъ оказывается сходнымъ съ временными веснушками и загаромъ бѣлокурой бѣлой расы. Сверхъ того, у европейцевъ также существуетъ постоянное темное окрашиваніе нѣкоторыхъ частей кожи, хотя онѣ и не подвержены дѣйствію солнца; пигментированъ, напримѣръ, околососковый кружокъ (areola) грудной железы; съ другой стороны, при нѣкоторыхъ заболѣваніяхъ, извѣстныхъ подъ медицинскимъ наименованіемъ меланизма, на тѣлѣ появляются пятна, весьма близко на-

поминающія кожу негра. Различіе въ цвѣтѣ кожи, отъ самаго бѣлокураго англичанина до самаго темнаго африканца, вообще, повидимому, не представляетъ никакихъ рѣзкихъ и неизмѣнныхъ разграниченій, но постепенно переходитъ отъ одного оттѣнка къ другому. Поучительно замѣтить, что въ различныхъ расахъ встрѣчаются нѣкоторыя особи, у которыхъ красящее вещество кожи отсутствуетъ; это такъ называемые альбиносы. Контрастъ между ихъ паталогическою бѣлизною и какимъ либо обыкновеннымъ бѣлымъ цвѣтомъ еще особенно поразителенъ у черныхъ альбиносовъ (если можно употребить такой противорѣчивый терминъ), представляющихъ хорошо извѣстныя африканскія черты лица, но только мертвенно-бѣлаго цвѣта, и потому похожихъ на какой нибудь гипсовый слѣпокъ съ негра.

Прямую естественную противоположность окраскѣ негра представляетъ цвѣтъ кожи бѣлокурой расы сѣверной Европы, наиболѣе полные типы которой можно встрѣтить въ Скандинавіи, сѣверной Германіи и Англіи. Почти прозрачная кожа у подобныхъ бѣлокурыхъ людей или блондиновъ представляетъ розоватый оттѣнокъ вслѣдствіе просвѣчиванія черезъ нее мелкихъ кровеносныхъ сосудовъ. У націй Южной Европы, вродѣ итальянцевъ или испанцевъ, смуглый цвѣтъ кожи до извѣстной степени скрываетъ этотъ красноватый отливъ, который совсѣмъ нельзя различать у болѣе темныхъ народовъ другихъ частей Свѣта. Такимъ образомъ, различіе между свѣтлыми и темными расами можетъ быть хорошо наблюдаемо, когда особи краснѣютъ, т. е. при появленіи румянца, что̀ происходитъ отъ прилива горячей красной крови въ сосуды, лежащіе близь поверхности кожи. Съ наибольшею интенсивностью это обнаруживается у альбиносовъ, у которыхъ не только появляется общій румянецъ, но ярко обозначаются красныя пятна. Румянецъ, ярко выступающій на бѣлой кожѣ датчанки, замѣчается менѣе ясно у испанской брюнетки; но у темнобурой перуанки или еще болѣе черной африканки,—хотя рука или термометръ, приложенные къ щекѣ, и откроютъ румянецъ по ея теплотѣ,—нѣсколько усилившаяся густота цвѣта остается почти незамѣтною для глаза. Подобнымъ же образомъ, темными оттѣнками кожи маскируется и противоположное явленіе, блѣдность, причиняемая отливомъ крови изъ поверхностныхъ сосудовъ.

Цвѣтъ кожи съ древнихъ временъ считался самымъ отчетливымъ характеристическимъ признакомъ расы. Имъ пользовались и египетскіе живописцы три или четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, употреблявшіе условныя краски съ этою цѣлью, какъ показываютъ изображенія въ Британскомъ Музеѣ. Эти цвѣта не имѣютъ претензіи на точность, какъ это можно видѣть изъ того, что природные египтяне изображены темно-кирпично-красными, женщины же — блѣдно-желтыми для того, чтобы обозначить болѣе свѣтлый цвѣтъ ихъ кожи этимъ преувеличеннымъ путемъ. Слѣдуя этому условному способу, они раскрашивали извѣстныя имъ четыре главныя человѣческія расы различными опредѣленными цвѣтами, самихъ египтянъ они дѣлали краснокоричневыми, народовъ Палестины — желтокоричневыми, ливійцевъ — свѣтложелтыми и эфіоповъ — черными какъ уголь. Во всемірной исторіи цвѣтъ часто былъ признакомъ, при помощи котораго націи, считавшія себя болѣе благородными, отличали низшіе народы. Санскритское слово для касты есть *varna*, что́ значитъ «цвѣтъ», и это показываетъ, какимъ образомъ возникло ихъ различеніе высшихъ и низшихъ кастъ. Индія, передъ вторженіемъ въ страну болѣе бѣлой арійской расы, была населена темными туземными народами; и потомки завоевателей и покоренныхъ и до сихъ поръ еще могутъ быть отличены до извѣстной степени среди свѣтлолицыхъ семействъ изъ высшей касты и темнолицыхъ изъ низшей. Не прекратилось различеніе цвѣтовъ кожи и въ средѣ современныхъ цивилизацій. И теперь еще бѣлая кожа для англичанина представляетъ, какъ и въ старыя времена, кастовый признакъ отдѣленія себя отъ желтыхъ, коричневыхъ или черныхъ «туземцевъ» -- какъ онъ презрительно называетъ ихъ — другихъ странъ земнаго шара.

Окраска человѣческой кожи, начинаясь оттѣнкомъ бѣлокурыхъ народовъ Сѣверной Европы и черноволосыхъ бѣлыхъ Южной, переходитъ чрезъ буровато-темный цвѣтъ малайцевъ и коричневый американскихъ племенъ, къ темно-коричневому оттѣнку австралійцевъ и черно-коричневому негровъ. До новѣйшихъ временъ эти расовые оттѣнки обыкновенно описывались съ недостаточною точностью, и наименованія ихъ были столь же условны, какъ и краски, которыми отмѣчали ихъ египетскіе живописцы. Въ настоящее время, однако, путешественникъ, употребляя собраніе образчиковъ цвѣта

Брока, отмѣчаетъ цвѣтъ всякаго наблюдаемаго имъ племени съ точностью мелочнаго торговца, подбирающаго подъ цвѣтъ мотокъ шелка. Испаренія изъ человѣческой кожи сопровождаются особеннымъ запахомъ, который различенъ у различныхъ расъ. Наиболѣе замѣтенъ для обонянія особенный прогорклый запахъ, который позволяетъ узнать африканскаго негра даже на нѣкоторомъ разстояніи. Запахъ темнокожихъ американскихъ племёнъ опять имѣетъ иной характеръ, между тѣмъ какъ случалось, что эти племена выражали отвращеніе къ особенному запаху бѣлыхъ расъ. Эта особенность, не только указывающая на различія въ отдѣленіяхъ кожи, но, повидимому, стоящая и въ связи со склонностью къ извѣстнымъ лихорадкамъ и т. п., представляетъ расовое отличіе, не лишенное нѣкоторой важности.

Радужная оболочка глаза представляетъ ту часть человѣческаго тѣла, которая обнаруживаетъ наибольшее разнообразіе цвѣта у различныхъ особей. Это бросается въ глаза тѣмъ болѣе, что прилежащія части разнообразятся у человѣческаго рода особенно мало. Бѣлковая оболочка, которая у здороваго европейца представляетъ почти то, чѣмъ она называется — «бѣлокъ» глаза — принимаетъ только слегка желтоватый оттѣнокъ у самыхъ темныхъ расъ, какъ напр., у африканскаго негра. Точно также, въ нормальныхъ глазахъ у всѣхъ расъ, зрачекъ въ центрѣ радужной оболочки кажется безусловно чернымъ, тогда какъ онъ въ дѣйствительности прозраченъ и даетъ возможность видѣть сквозь него черный пигментъ, выстилающій сосудистую оболочку позади глаза. Но сама радужная оболочка, при изслѣдованіи ея у нѣсколькихъ типовъ людей, представляетъ самые разнообразные цвѣта. Для пониманія окраски глаза, равно какъ и кожи, весьма поучительными являются особенности альбиносовъ. Краснота глазъ у послѣднихъ (какъ и у бѣлыхъ кроликовъ) обусловливается отсутствіемъ вышеупомянутаго чернаго пигмента, вслѣдствіе чего свѣтъ, проходящій черезъ радужную оболочку и зрачекъ, окрашивается въ красный цвѣтъ отъ кровеносныхъ сосудовъ, лежащихъ позади. Отсутствіе защитительнаго чернаго пигмента объясняетъ также ту чувствительность къ свѣту, которая заставляетъ альбиносовъ избѣгать всякаго яркаго блеска; именно по этой причинѣ голландцы окрестили ихъ именемъ *kakkerlaken* или таракановъ, такъ какъ эти животныя также из-

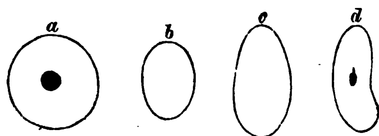
бѣгаютъ свѣта. Проф. Брока̀, въ своей таблицѣ цвѣтовъ глаза, располагаетъ въ извѣстномъ порядкѣ оттѣнки оранжеваго, зеленаго, синяго и сѣро-фіолетоваго цвѣтовъ. Но стоитъ только внимательно разсмотрѣть чьи нибудь глаза, чтобы увидѣть невозможность съ точностью отмѣтить ихъ цвѣтъ или, вѣрнѣе, смѣшеніе цвѣтовъ; въ дѣйствительности поступаютъ такъ: наблюдаютъ радужную оболочку на нѣкоторомъ разстояніи, причемъ всѣ переливы ея сливаются въ одинъ однородный оттѣнокъ. Врядъ ли нужно упоминать, что глаза, обыкновенно называемые черными, весьма далеки отъ того, чтобы ихъ радужная оболочка была въ самомъ дѣлѣ черна какъ зрачекъ; глаза, описываемые подъ именемъ черныхъ, обыкновенно бываютъ наиболѣе густыхъ оттѣнковъ коричневаго или фіолетоваго цвѣта. Эти такъ называемые черные глаза — самые многочисленные на свѣтѣ и принадлежатъ не только черно-коричневымъ, коричневымъ и желтымъ расамъ, но даже преобладаютъ и среди темныхъ разновидностей бѣлой расы, какъ, напр., у грековъ и испанцевъ. Аристотель замѣчаетъ, что цвѣтъ глазъ соотвѣтствуетъ цвѣту кожи. Въ самомъ дѣлѣ, несомнѣнно, что у человѣческаго рода существуетъ извѣстная связь между цвѣтомъ кожи, глазъ и волосъ. У расъ съ темною кожею и черными волосами обыкновенно преобладаютъ и самые темные глаза, въ то время какъ бѣлизна кожи и свѣтлые волоса сопровождаются и болѣе свѣтлыми оттѣнками радужной оболочки, особенно голубаго цвѣта ея. Бѣлокурый англосаксъ съ черными глазами или взрослый негръ со свѣтлоголубыми представляли бы предметъ удивленія. Тѣмъ не менѣе, мы знаемъ по своимъ соотечественникамъ, какъ трудно установить какія нибудь точныя правила относительно подбора цвѣтовъ глазъ, волосъ и кожи. Такъ, въ нѣкоторыхъ округахъ Великобританіи часто встрѣчается сочетаніе черныхъ волосъ съ темносиними или сѣрыми глазами. Д-ра Барнардъ, Дэвисъ и Беддо полагаютъ, что оно указываетъ на кельтическое происхожденіе.

Цвѣтъ и форма волосъ, какъ отличительные признаки расы, обращали на себя вниманіе съ древнихъ временъ. Такъ, Страбонъ упоминаетъ объ эѳіопахъ, какъ о черныхъ людяхъ съ шерстистыми волосами, а Тацитъ описываетъ германскихъ воиновъ своего времени съ ихъ гнѣвными голубыми глазами и рыжими волосами. Что касается до цвѣта волосъ, то самымъ обыкновеннымъ пред-

ставляется черный или столь темные оттѣнки, что волоса могутъ быть принимаемы за черные; этотъ цвѣтъ свойственъ не только темнокожимъ африканцамъ и американцамъ, но и желтокожимъ китайцамъ и темнымъ бѣлымъ расамъ, такимъ какъ индусы или евреи. Г. Сорби замѣчаетъ, что чернота волосъ зависитъ отъ присутствія чернаго пигмента въ такомъ количествѣ, что онъ подавляетъ всякій красный или желтый пигментъ, могущій также содержаться въ волосѣ. У бѣлокурыхъ народовъ Сѣверной Европы преобладаютъ, напротивъ, русые или каштановые волоса. Такимъ образомъ, мы видимъ, что существуетъ связь между свѣтлыми волосами и свѣтлою кожею, темными волосами и темною кожею. Но установленіе правила для промежуточныхъ оттѣнковъ является невозможнымъ, ибо красновато-коричневые или каштановые волоса, обычные у бѣлокурыхъ народовъ, встрѣчаются и среди болѣе темныхъ расъ, а темно-коричневые имѣютъ еще болѣе широкое распространеніе. Наша собственная крайне смѣшанная національность представляетъ всевозможныя разновидности отъ льнянаго и золотистаго до цвѣта воронова крыла. Что касается до формы волосъ, то общеизвѣстныя различія ея можно видѣть на женскихъ портретахъ на фиг. 12; тамъ африканки на лѣвой сторонѣ представляютъ шерстистые или курчавые волосы, гдѣ волосъ естественно закручивается въ штопорообразную спираль, между тѣмъ какъ американскія головы, направо, снабжены прямыми волосами. похожими на лошадиную гриву. Между этими крайними формами помѣщаются вьющіеся или волнистые и кудрявые волоса, завивающіеся въ длинныя спирали; англійскіе волоса на нашемъ рисункѣ скорѣе относятся къ послѣдней разновидности. При микроскопическомъ изслѣдованіи поперечныхъ разрѣзовъ отдѣльныхъ волосъ можно видѣть различіе формъ, какъ оно представляется на четырехъ изъ разрѣзовъ, сдѣланныхъ Прунеръ-Беемъ (фиг. 15). Почти круглый монгольскій волосъ (*a*) виситъ прямо; болѣе кудрявый европейскій (*b*) имѣетъ овальный или эллиптическій разрѣзъ; шерстистый африканскій волосъ (*c*) болѣе сплющенъ; между тѣмъ какъ курчавый волосъ папуаса (*d*) представляетъ еще болѣе крайній примѣръ сплюснутой лентовидной формы. Кудрявый и курчавый волоса ростутъ изъ корня съ перевѣсомъ развитія на одной сторонѣ стержня, что и заставляетъ ихъ закручиваться. Не

только цвѣтъ и форма волосъ, но и количество ихъ разнообразно у различныхъ расъ. Такъ, головы бушмэновъ снабжены волосами болѣе скудно чѣмъ наши, между тѣмъ какъ у Вороныхъ Индѣйцевъ грубые черные волосы воиновъ обыкновенно волочились по землѣ позади ихъ. Равнымъ образомъ, и волосы другихъ частей тѣла скудны у однѣхъ расъ и обильны у другихъ. Такъ, напримѣръ, айносы, туземцы острова Iезо, — народъ съ густыми волосами, тогда какъ японскіе владѣтели ихъ острова сравнительно безволосы. Этотъ контрастъ такъ силенъ, что японцы придумали легенду о томъ, какъ въ древнія времена айносскія матери кормили грудью медвѣжатъ, которые постепенно превратились въ людей.

Что извѣстныя расы, по своему сложенію, годны, а другія негодны для жизни въ извѣстныхъ климатахъ — есть фактъ, для ознакомленія съ которымъ у англичанъ представляется хорошій по-

Фиг. 15.—Сильно увеличенные разрѣзы волоса (по Прунеръ-Бею): *a* японца, *b* нѣмца; *c* африканскаго негра; *d* папуаса.

водъ; такъ, на палящихъ равнинахъ Индіи они сами становятся вялыми и недомогаютъ, дѣтей же имъ приходится какъ можно скорѣе удалять въ болѣе прохладный климатъ, иначе дѣти начинаютъ чахнуть и умираютъ. Хорошо извѣстно также, что не всѣ расы одинаково поражаются различными болѣзнями. Въ то время, какъ въ тропической Африкѣ или въ Вест-Индіи береговая и желтая лихорадки такъ смертельны и разрушительны для вновь прибывающихъ европейцевъ, негры и даже мулаты остаются почти нетронутыми этимъ бичемъ бѣлыхъ націй. Съ другой стороны, мы, англичане, смотримъ на корь, какъ на маловажное заболѣваніе, и съ удивленіемъ слышимъ о томъ, что, завезенная на острова Фиджи и, безъ сомнѣнія, ухудшенная плохимъ леченіемъ, она опустошаетъ ряды туземцевъ цѣлыми тысячами. Очевидно, что націи, переселяющіяся въ новый климатъ, если онѣ хотятъ процвѣтать, должны тѣлесно приспособиться къ новымъ условіямъ жизни; такъ, въ раз-

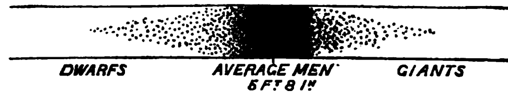
рѣженномъ воздухѣ на высокихъ Андахъ требуется болѣе сильное дыханіе нежели въ равнинахъ, и дѣйствительно, племена, живущія на этихъ горахъ, представляютъ развитіе грудной клѣтки и легкихъ, достигающее до необыкновенной величины. Даже расы, способныя къ постепенной акклиматизаціи, не должны слишкомъ внезапно перемѣнять климатъ, къ которому онѣ уже приспособились. Съ этимъ приспособленіемъ къ спеціальнымъ климатамъ стоитъ въ значительной связи и цвѣтъ кожи, который дѣлаетъ негра пригоднымъ къ тропическому поясу и бѣлокураго человѣка—къ умѣренному, хотя, впрочемъ, цвѣтъ не всегда видоизмѣняется вмѣстѣ съ климатомъ, такъ, напримѣръ, въ Америкѣ темнокожая раса одинаково распространена по жаркимъ и холоднымъ областямъ. Пригодность къ извѣстному спеціальному климату, представляющая вопросъ жизни или смерти для расы, должна быть отнесена къ числу главныхъ характеристическихъ расовыхъ признаковъ.

Путешественники замѣчаютъ поразительныя различія въ характерахъ у различныхъ расъ. Повидимому, между туземнымъ индѣйцемъ и африканскимъ негромъ въ Бразиліи не существуетъ такихъ различій въ условіяхъ жизни, чтобы сдѣлать коричневаго человѣка мрачнымъ и угрюмымъ, въ то время, какъ черный полонъ живости и веселости. Такимъ же образомъ и въ Европѣ несходство между мрачнымъ русскимъ крестьяниномъ и живымъ итальянцемъ врядъ ли можетъ зависѣть только отъ климата, пищи и правительства. Повидимому, въ человѣчествѣ существуютъ врожденные темпераменты и врожденныя умственныя способности. Исторія учитъ насъ великому уроку, что однѣ расы шли впередъ по пути цивилизаціи въ то время, какъ другія стояли неподвижно или отставали, и объясненія этому мы должны искать отчасти въ различіи умственныхъ и нравственныхъ способностей между такими племенами, каковы туземные американцы и африканцы, и народами Стараго Свѣта, превосходящими и покоряющими ихъ. При опредѣленіи умственныхъ способностей низшихъ расъ, хорошій критерій представляетъ способность дѣтей къ принятію цивилизованнаго воспитанія. Европейскіе учителя, имѣвшіе въ своихъ школахъ дѣтей изъ низшихъ расъ, обыкновенно свидѣтельствуютъ, что послѣднія, хотя приблизительно до двѣнадцати лѣтъ часто учатся столь же хорошо, какъ и бѣлыя, послѣ этого возраста слабѣютъ и дѣти

господствующей расы перегоняютъ ихъ. Это совпадаетъ съ тѣмъ, чему учитъ анатомія относительно меньшаго развитія мозга у австралійцевъ и африканцевъ сравнительно съ европейцами. Это согласуется также съ тѣмъ, чему учитъ исторія цивилизаціи, по которой до извѣстной ступени дикари и варвары сходны въ своемъ развитіи съ тѣмъ, чѣмъ были наши предки и что представляютъ еще наши крестьяне, но высшія умственныя способности прогрессивныхъ расъ подняли націи, принадлежащія къ послѣднимъ, съ этого общаго уровня до высоты цивилизаціи. Бѣлый человѣкъ, хотя онъ и господствуетъ теперь надъ міромъ, долженъ все таки помнить, что умственный прогрессъ ни въ какомъ случаѣ не представляетъ собою монополіи его расы. На зарѣ исторіи руководителями культуры были темнокожіе египтяне и вавилоняне, аккадійскій языкъ которыхъ не родственъ языкамъ бѣлыхъ народовъ: точно такъ же желтокожіе китайцы, на родство которыхъ съ татарами очевидно указываютъ ихъ волосы и черты ихъ лица, обладали цивилизаціею и литературою назадъ тому четыре тысячи лѣтъ или даже болѣе. Смуглые бѣлые ассирійцы, персы, греки, римляне—не дали первоначальнаго толчка движенію культуры впередъ, но лишь продолжали это движеніе, между тѣмъ какъ съ того времени въ прогрессѣ міра не безуспѣшно, хотя и позднѣе всѣхъ, приняли участіе бѣлокурые народы Европы, именно часть населенія Франціи, Германіи и Англіи.

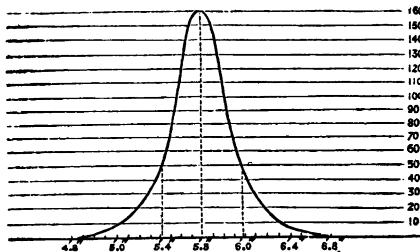
Отмѣтивъ такимъ образомъ нѣкоторые изъ главныхъ пунктовъ различія между расами, перейдемъ теперь къ болѣе подробному изслѣдованію вопроса, что́ составляетъ расу. Отдѣльныя изображенія мужчинъ и женщинъ могутъ представлять націю, къ которой они принадлежатъ, только самымъ общимъ образомъ, ибо нельзя отыскать такихъ двухъ лицъ, которыя были бы вполнѣ похожи другъ на друга, хотя бы они были даже братьями. Въ подобномъ изображеніи расы мы ищемъ только общій характеръ, свойственный цѣлой расѣ. Путешественники часто сообщаютъ наблюденіе, что европеецъ, высадившійся среди какого нибудь народа, непохожаго на его соплеменниковъ, напримѣръ, среди китайцевъ или мексиканскихъ индѣйцевъ, сначала находитъ ихъ всѣхъ похожими одинъ на другаго. Послѣ нѣсколькихъ дней болѣе внимательнаго наблюденія онъ начинаетъ различать ихъ индивидуаль-

ныя особенности, но сначала его вниманіе занято только рѣзкими типическими чертами чуждой ему расы. Именно этотъ общій типъ желаетъ очертить и описать антропологъ, и выбираетъ образчикомъ его такія изображенія мужчинъ и женщинъ, которыя выказываютъ эти характеристическія черты наилучшимъ образомъ. Можно даже измѣрить типъ даннаго народа. Чтобы дать понятіе о способѣ рѣшенія подобной задачи, предположимъ, что мы изслѣ-

Фиг. 11.—Раса или населеніе, расположенныя по росту (способъ Гальтона).

дуемъ шотландцевъ, и что прежде всего хотимъ опредѣлить ихъ ростъ. Очевидно, среди нихъ есть столь же малорослыя особи, какъ лапландцы, и столь же высокорослыя, какъ патагонцы; эти очень малорослыя и очень высокія особи принадлежатъ къ изслѣдуемой группѣ, но тѣмъ не менѣе не представляютъ ея заурядныхъ членовъ. Если же, однако, мы измѣрили бы и расположили бы въ рядъ по росту все населеніе, то передъ нами оказалась бы толпа людей

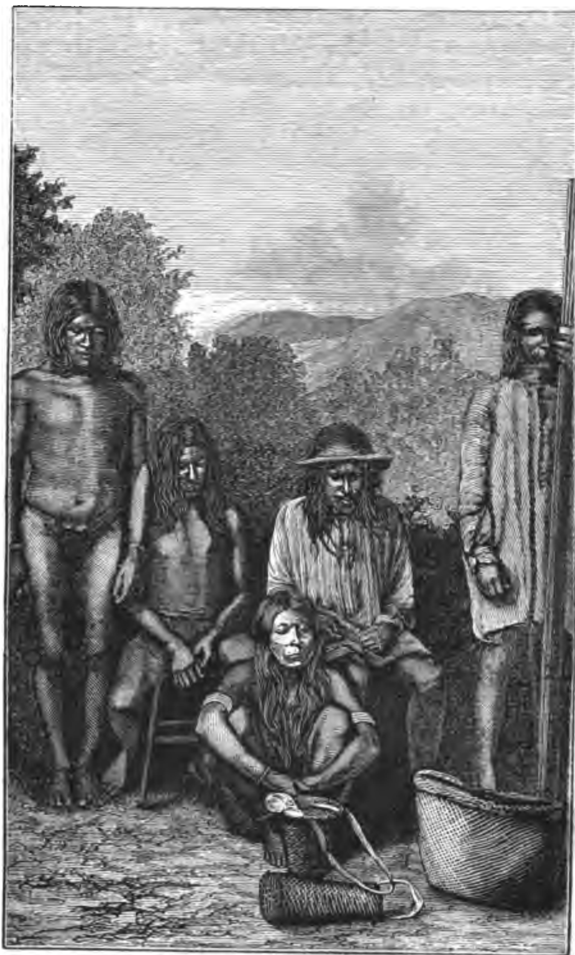
Фиг. 17.—Раса или населеніе, расположенная по росту (способъ Кетле).

приблизительно въ пять футовъ восемь дюймовъ вышины, но гораздо меньшее число лицъ, имѣющихъ какъ пять футовъ четыре дюйма, такъ и шесть футовъ, и такъ далѣе, пока число лицъ не уменьшится, съ одной стороны, до одного или двухъ исполиновъ, и, съ другой, до одного или двухъ карликовъ. Это показано на фиг. 11, гдѣ каждому лицу соотвѣтствуетъ точка, и гдѣ точки, изображающія людей средняго или типическаго роста скучиваются

въ одну сплошную массу. Разсмотрѣвъ этотъ рисунокъ, читатель легче пойметъ діаграмму Кетле, фиг. 17, гдѣ высоты или ординаты биноміальной кривой показываютъ число людей каждаго роста, уменьшаясь въ обѣ стороны отъ центральныхъ пяти футовъ восьми дюймовъ, представляющихъ ростъ средняго или типическаго человѣка. Здѣсь, изъ общей суммы приблизительно въ 2600 человѣкъ, 160 имѣютъ ростъ въ пять футовъ восемь дюймовъ, но только около 150 въ пять футовъ семь дюймовъ или пять футовъ девять дюймовъ, и такъ далѣе пока не окажется, что не находится даже десяти человѣкъ столь малаго роста, какъ пять футовъ, или столь высокаго, какъ шесть футовъ четыре дюйма. Такимъ образомъ, согласно пословицѣ (англійской): «міръ состоитъ изъ всячинки», оказывается, что раса представляетъ совокупность людей, охватывающую правильный рядъ видоизмѣненій, группирующихся около одного представительнаго типа Такимъ же путемъ оцѣнивается раса или нація и по отношенію къ другимъ отличительнымъ признакамъ; такъ, напримѣръ, можно сказать, что средній или типическій англичанинъ имѣетъ 36 дюймовъ въ окружности грудной клѣтки и вѣситъ около 144 фунтовъ. Такимъ же способомъ можно установить типическій оттѣнокъ цвѣта кожи у даннаго народа, напр. темнокоричневый цвѣтъ зулусовъ. Результаты этихъ методовъ показываютъ, что грубый пріемъ, употребляемый путешественникомъ, когда послѣдній принимаетъ за представителя расы такой типъ мужчины или женщины, который по его наблюденіямъ встрѣчается въ большемъ числѣ экземпляровъ сравнительно съ другими типами—на самомъ дѣлѣ довольно точенъ.

Всего легче могутъ быть представляемы отдѣльными портретами нецивилизованные племена, въ пищѣ и образѣ жизни которыхъ существуетъ весьма мало такого, что могло бы вызвать различіе между отдѣльными лицами, и которые жили вмѣстѣ и скрещивались втеченіи многихъ поколѣній. Такимъ образомъ, фиг. 18, гравированная съ фотографіи группа караибовъ замѣчательна по близкому сходству, обнаруживающемуся у всѣхъ членовъ группы. Опредѣленіе расоваго типа у подобнаго народа особенно легко. Но далеко не всегда бываетъ такъ легко передать представленіе о цѣломъ населеніи. Чтобы видѣть, на сколько это можетъ быть затруднительно, стоитъ только взглянуть на англійскую толпу съ

ея безконечнымъ разнообразіемъ. Но для того, чтобы обозрѣть задачу о человѣческихъ разновидностяхъ, лучше обратиться сначала къ наипростѣйшимъ случаямъ, выбравъ какую нибудь одно-

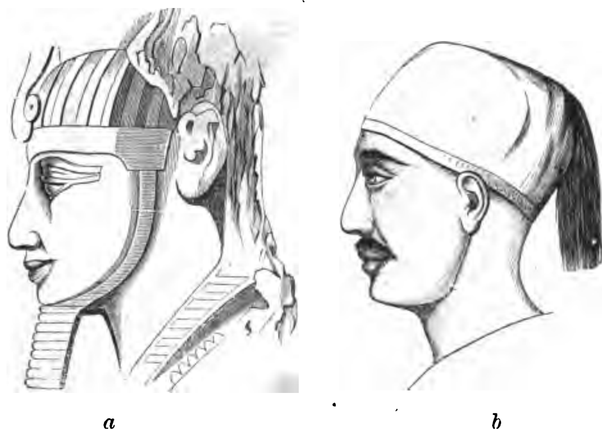

Фиг. 18.—Караибы.

образную и рѣзко обозначенную расу, и задать себѣ вопросъ, что можетъ произойти съ нею съ теченіемъ времени.

Первое, на что должно обратить вниманіе, это — устойчивость

расы. Тамъ, гдѣ люди продолжаютъ жить въ своей собственной странѣ, не очень измѣняя свои обычаи и не очень смѣшиваясь съ другими народами,—тамъ, повидимому, нѣтъ повода ожидать измѣненій ихъ типа. Египетскіе памятники представляютъ хорошіе примѣры этой прочности или постоянства типа. Рисунокъ 19 *a* сдѣланъ съ головы статуи Рамзеса, передающій, очевидно, тщательно черты оригинала, и древность котораго можно, приблизительно, считать въ 3000 лѣтъ, между тѣмъ какъ *b* изображаетъ египтянина настоящихъ дней; тѣмъ не менѣе древній и новый человѣкъ замѣчательно похожи одинъ на другаго. Дѣйствительно,

a *b*

Фиг. 19. — *a*. Голова Рамзеса II (древній Египетъ); *b*. сынъ шейха (современный Египетъ) (По Гартманну).

древняя египетская раса, которая построила пирамиды, и трудовая жизнь которой изображена на стѣнахъ могилъ, до сихъ поръ еще имѣетъ своихъ мало измѣнившихся представителей въ лицѣ деревенскихъ феллаховъ, продолжающихъ старый трудъ при новыхъ сборщикахъ податей. Такимъ же образомъ, эѳіопы на древнихъ египетскихъ барельефахъ все еще могутъ находить себѣ двойниковъ среди племенъ живущихъ у береговъ Бѣлаго Нила, между тѣмъ какъ въ фигурахъ финикійскихъ или еврейскихъ плѣнныхъ мы узнаемъ знакомый еврейскій профиль нашихъ дней. Такимъ образомъ, мы имѣемъ доказательство того, что раса можетъ сохранять свои легко узнаваемыя спеціальныя характерныя черты втеченіи болѣе тридцати

вѣковъ или болѣе сотни поколѣній. И такое постоянство типа можетъ удержаться въ большей или меньшей степени и въ томъ случаѣ, когда раса переселяется далеко отъ своего первоначальнаго мѣста жительства, какъ, напримѣръ, когда африканскіе негры переселяются въ Америку, или евреи натурализуются отъ Архангельска до Сингапура. Тамъ, гдѣ происходятъ рѣзкія измѣненія во внѣшнемъ видѣ какого нибудь народа, причину такихъ измѣненій должно искать въ скрещиваніи съ иноплеменникомъ, или въ измѣненіи условій жизни, или въ томъ и другомъ вмѣстѣ.

Фиг. 20.—Малайка-мать съ дочерьми, рожденными въ перекрестномъ бракѣ.

Результатъ перекрестнаго брака или скрещиванія расъ хорошо знакомъ всѣмъ англичанамъ по одному изъ самыхъ бросающихся въ глаза примѣровъ — по помѣси между бѣлокожимъ и негромъ, называемой мулатомъ (по испански *mulato*, отъ *mula*—мулъ). Цвѣтъ кожи и волосъ мулата представляетъ нѣчто промежуточное между цвѣтами кожи и волосъ его родителей; у дѣтей отъ бѣлокожаго и мулата, называемыхъ квартеронами (по испански *cuarteron*), появляются новые промежуточные оттѣнки и такъ далѣе; съ другой стороны, потомки негра и мулата, называемые самбо

(по испански *zambo*), возвращаются къ полному негритянскому типу. Этотъ промежуточный характеръ представляетъ общую характеристику смѣшанныхъ расъ, но съ большею или меньшею тенденціею къ возвращенію къ тому или другому изъ типовъ ихъ предковъ. Чтобы пояснить этотъ фактъ, фиг. 20 даетъ изображеніе малайской матери и ея дочерей, прижитыхъ съ отцомъ-испанцемъ. Здѣсь, хотя всѣ дѣти обнаруживаютъ свое смѣшанное происхожденіе, у однихъ преобладаетъ европейская, у другихъ малайская форма чертъ лица. Вліяніе помѣси можно прослѣдить также и на волосахъ, какъ это часто можетъ быть хорошо замѣчено на кудрявыхъ локонахъ мулата, занимающихъ среднее мѣсто между болѣе прямыми европейскими и шерстистыми африканскими воло-

Фиг. 21 —Женщина кафуза.

сами. Бразильскіе кафузы, особенная помѣсь между туземными племенами страны и ввезенными въ нее негритянскими рабами, замѣчательны по своимъ волосамъ, которые поднимаются надъ головою въ видѣ курчавой массы, образующей природный парикъ, заставляющій обладателей его низко нагибаться когда они проходятъ въ двери хижины Это можно видѣть на портретѣ одной женщины кафузы на фиг. 21 и, повидимому, можетъ быть легко объяснено тѣмъ, что длинные жесткіе волосы американскихъ туземцевъ пріобрѣли до нѣкоторой степени негритянскую курчавость. Равнымъ образомъ и сложеніе организма смѣшанныхъ расъ пріобрѣтаетъ характерныя особенности родителей, какъ это встрѣчается у му-

*

лата, который наслѣдуетъ отъ своихъ предковъ негровъ способность переносить тропическій климатъ, а также пріобрѣтаетъ и безопасность отъ желтой лихорадки.

Мало того, что повсюду, гдѣ двѣ расы поселяются въ одной области, возникаетъ смѣшанная раса, но въ послѣднія столѣтія хорошо узнали, что значительная часть населенія земнаго шара произошла путемъ скрещиванія расъ. Нигдѣ это не обнаруживается съ такою очевидностью какъ на американскомъ материкѣ, гдѣ со времени испанскаго завоеванія такія области какъ Мехико въ обширныхъ размѣрахъ заселялись метисами—потомками испанцевъ и туземныхъ американцевъ, въ то время какъ ввозъ африканскихъ рабовъ въ Вестъ-Индію вызвалъ тамъ населеніе мулатовъ. Принимая во вниманіе подобныя скрещиванія расъ, антропологи могутъ объяснять ими безчисленные оттѣнки различій среди человѣчества, не беря на себя безнадежной задачи относить каждую маленькую неопредѣленную группу людей къ какой нибудь спеціальной расѣ. Водоносъ изъ Каира, на фиг. 22, можетъ служить примѣромъ затруднительности выработки какого нибудь систематическаго распредѣленія, которое позволило бы отнести каждаго человѣка къ его настоящей расѣ. Этотъ водоносъ говоритъ по арабски, по религіи онъ мусульманинъ, но онъ вовсе не настоящій арабъ, точно также какъ онъ не египтянинъ древняго царства, а сынъ страны, гдѣ втеченіи вѣковъ происходило смѣшеніе нубійцевъ, коптовъ, сирійцевъ, бедуиновъ и многихъ другихъ народовъ; его предки въ дѣйствительности могли происходить изъ трехъ частей земнаго шара. Точно также среди туземцевъ Индіи можно найти такія разновидности цвѣта кожи и чертъ лица, которыя съ точностью нельзя отнести ни къ одной расѣ. Но должно помнить, что въ заселеніи этой страны участвовали весьма разнящіяся другъ отъ друга разновидности людей, именно темнокожіе туземцы или горныя племена, желтые монголы, перешедшіе границу изъ Тибета и болѣе бѣлые древніе арійцы или индоевропейцы, вторгавшіеся внутрь страны съ сѣверозапада; не говоря даже о другихъ племенахъ, смѣшеніе этихъ народовъ, совершавшееся втеченіи цѣлыхъ вѣковъ, само собою должно было произвести безчисленныя помѣси. Такимъ же образомъ и въ Европѣ, если принять бѣлокурые народы береговъ Балтійскаго моря и темноволосые—

береговъ Средиземнаго за двѣ отдѣльныя разновидности или расы, то ихъ скрещиваніе можетъ объяснить безконечное разнообразіе темнорусыхъ волосъ и промежуточнаго цвѣта кожи, которыя мы видимъ. Если слѣдовательно можно полагать, что люди дѣлились на нѣсколько великихъ главныхъ расъ уже во времена отдаленной древности, то ихъ скрещиваніе втеченіи послѣдующихъ вѣковъ можетъ удобно объяснить образованіе безчисленныхъ болѣе

Фиг. 22.—Каирецъ.

слабо выраженныхъ и переходящихъ одна въ другую разновидностей.

Недостаточно видѣть въ расѣ лишь совокупность людей, случайно принадлежащихъ къ общему имъ типу или сходныхъ между собою. Причина ихъ сходства очевидна и, въ самомъ дѣлѣ, самое наше наименованіе ихъ расою показываетъ, что мы считаемъ ихъ породою, общая характеристика которой унаслѣдо-

вана отъ общихъ предковъ. Но опытъ, относящійся къ животному міру, показываетъ, что раса или порода, будучи способною сохранять сходныя черты отъ поколѣнія въ поколѣніе, способна также и измѣняться. Въ самомъ дѣлѣ, искусный скотоводъ, тщательно подбирая и спаривая особей, измѣняющихся въ какомъ нибудь опредѣленномъ направленіи, можетъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ образовать нѣкоторую специальную породу рогатаго скота или овецъ. Спеціальныя расы или породы животныхъ образуются и безъ подобнаго прямаго вмѣшательства человѣка, просто подъ вліяніемъ новыхъ климатическихъ и кормовыхъ условій; общеизвѣстными примѣрами могутъ послужить здѣсь шотландскіе пони или мустанги механскихъ равнинъ, которые расплодились отъ лошадей, привезенныхъ испанцами. Естественнымъ образомъ, это наводитъ на мысль, что человѣческія расы могутъ быть приняты за породы, видоизмѣнившіяся при своемъ происхожденіи отъ одного общаго имъ первоначальнаго рода. Сильнымъ доказательствомъ въ пользу этого можетъ служить не только тотъ фактъ, что человѣческія разновидности, со всѣми ихъ тѣлесными и умственными отличіями, постепенно переходятъ одна въ другую, но еще и то обстоятельство, что даже самыя несходныя расы могутъ скрещиваться во всѣхъ направленіяхъ, производя смѣшанныя или второстепенныя расы, которыя, будучи предоставлены самимъ себѣ, могутъ размножаться Защитники теоріи полигенизма, согласно которой существуетъ нѣсколько отдѣльныхъ человѣческихъ расъ, имѣвшихъ независимое одна отъ другой происхожденіе, отрицали, что нѣкоторыя расы, каковы, напр., англичане и туземцы Австраліи, могутъ производить потомство, способное къ размноженію. Но свидѣтельства все болѣе и болѣе клонятся къ тому, чтобы подтвердить возможность скрещиванія между всѣми расами, а это доказываетъ, что въ зоологическомъ отношеніи всѣ человѣческія разновидности принадлежатъ къ одному виду. Хотя этотъ принципъ имѣетъ, повидимому, твердое основаніе, должно признать, однако, что мы очень мало знаемъ о способѣ и о причинахъ измѣненія человѣческихъ расъ. Великія расы — черная, коричневая, желтая и бѣлая, со всѣми своими извѣстными отличительными признаками, установились еще до существованія писанныхъ свидѣтельствъ; такимъ образомъ ихъ образованіе скрыто въ отдаленности доисторическаго періода. Точно также

столь значительныя измѣненія въ теченіи историческаго періода неизвѣстны ни у какого народа. Былъ выставленъ правдоподобный аргументъ, что наши грубые первобытные предки были менѣе своего потомства способны оградить себя отъ климатическихъ вліяній устройствомъ жилищъ, употребленіемъ огня и запасами пищи, а потому могли испытывать большія тѣлесныя измѣненія подъ вліяніемъ новыхъ климатовъ, въ которые они переселялись. Какъ кажется, даже въ новѣйшее время можно указать нѣчто вродѣ расоваго измѣненія, происходящаго подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни. Такъ, измѣренія д-ра Беддо доказываютъ, что въ Англіи фабричная городская жизнь выработала населеніе, имѣющее ростъ на дюймъ или на два меньше противу роста его предковъ, пришедшихъ въ города изъ деревень. Такимъ же образомъ, въ Скалистыхъ горахъ существуютъ кланы Змѣиныхъ Индѣйцевъ, захирѣлыя формы и животныя очертанія лица которыхъ, обусловленныя бѣдственною жизнью отверженцевъ въ теченіи многихъ поколѣній, сразу же отличаютъ ихъ отъ лучше питающихся родичей, живущихъ въ равнинахъ. Увѣряютъ также, что чистые негры въ Соединенныхъ Штатахъ, въ теченіи небольшаго числа поколѣній, подверглись нѣкоторымъ перемѣнамъ, которыя сдѣлали ихъ кожу нѣсколько свѣтлѣе и нѣсколько измѣнили ихъ черты, въ то время какъ чистые бѣлые въ той же странѣ сдѣлались менѣе розовыми, получили болѣе темные и болѣе лоснящіеся волосы, болѣе выдающіяся скуловыя кости и болѣе массивную нижнюю челюсть. Таковы наилучше, можетъ быть, удостовѣренные примѣры измѣненія расы. Весьма трудно наблюдать расу, подвергающуюся измѣненію, такъ какъ послѣднее повсюду маскируется бо́льшими перемѣнами вслѣдствіе смѣшиванія и скрещиванія старой расы съ новыми народами, поселяющимися въ одной съ нею области. Если бы кто сталъ доказывать на основаніи древнихъ греческихъ изваяній, что національный греческій типъ измѣнился съ временъ Перикла, ему возразили бы, что остатки отъ стараго племени уже давно неузнаваемо слились съ другими народами. Только что выставленныхъ фактовъ будетъ достаточно, чтобы показать ненадежность и трудность всякой попытки точно прослѣдить начало и ходъ развитія человѣческихъ расъ. Тѣмъ не менѣе, въ то же самое время у насъ есть фундаментъ, на который мы можемъ опереться; онъ данъ въ томъ

фактѣ, что эти расы не оказываются распространенными безразлично на всей земной поверхности, но что извѣстныя расы принадлежатъ извѣстнымъ областямъ, и что, повидимому, каждая изъ нихъ сформировалась подъ вліяніемъ климатическихъ и почвенныхъ условій своей собственной страны, гдѣ она процвѣтала и откуда распространялась по всѣмъ направленіямъ, видоизмѣняясь и смѣшиваясь съ другими расами по пути. Нижеслѣдующій краткій очеркъ можетъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, какимъ образомъ могло совершиться распространеніе и смѣшеніе великихъ расъ. Онъ включаетъ въ себя основательно обдуманныя мнѣнія знаменитыхъ анатомовъ, особенно профессоровъ Гэксли и Флауэра. Хотя такая схема и не можетъ быть представлена какъ нѣчто доказанное и безспорное, все таки желательно уяснить и утвердить наши понятія путемъ уразумѣнія того факта, что распредѣленіе человѣка по землѣ не происходило въ видѣ безпорядочнаго разсѣянія племенъ, но слѣдовало нѣсколькимъ великимъ направленіямъ движенія, правильность которыхъ можно во многихъ случаяхъ установить, хотя ихъ и нельзя прослѣдить въ подробностяхъ.

Что существуетъ дѣйствительная связь между цвѣтомъ расъ и климатомъ, которому онѣ принадлежатъ, оказывается весьма вѣроятнымъ изъ разсмотрѣнія такъ называемыхъ чернокожихъ народовъ. Древніе писатели, при подыскиваніи объясненія цвѣта эѳіоповъ, довольствовались указаніемъ, что солнце опалило ихъ до черна, и хотя современные антропологи не стали бы рѣшать этого вопроса такъ сплеча, тѣмъ не менѣе карта свѣта показываетъ, что этотъ темнѣйшій расовый типъ преимущественно находится въ тропическомъ климатѣ. Средняя линія пространства, занимаемаго черными расами, простирается по жаркимъ и плодороднымъ областямъ экватора, отъ Гвинеи въ Западной Африкѣ до большаго острова Восточнаго Архипелага, носящаго названіе Новой Гвинеи, вслѣдствіе своихъ негроподобныхъ туземныхъ обитателей. Въ одинъ изъ прежнихъ геологическихъ періодовъ отъ Африки до далекаго Востока могъ даже простираться экваторіальный материкъ (которому Склэтеръ далъ названіе Лемуріи), соединявшій эти двѣ разъединенныя теперь страны. Вниманіе антропологовъ было особенно привлечено цѣпью острововъ въ Бенгальскомъ заливѣ, которые носятъ названіе Андаманскихъ и которые могли составлять часть

этого исчезнувшаго материка. На нихъ нашли рѣдкое населеніе, состоявшее изъ грубыхъ и похожихъ на дѣтей дикарей. Эти минкопи (фиг. 23) малы ростомъ (мужчины ниже пяти футъ), кожа ихъ черна, волосы очень сплющены въ разрѣзѣ и курчавы; послѣднее обстоятельство, вслѣдствіе обычая ихъ брить себѣ голову, читатель долженъ дополнить воображеніемъ. Но, напоминая въ этихъ отношеніяхъ африканскаго негра, они отличаются отъ него черепомъ, который не узокъ, но широкъ и закругленъ; равнымъ обра-

Фиг. 23. Андаманскіе островитяне.

зомъ, губы у нихъ не такъ толсты, носъ не такъ широкъ и челюсти не выдаются такъ сильно, какъ у него. Анатомы пришли къ мысли — и это мнѣніе было подкрѣплено изслѣдованіями Флауэра надъ этими черепами, — что андаманскіе островитяне могутъ составлять остатокъ какого нибудь весьма ранняго человѣческаго племени — можетъ быть, наилучшихъ представителей первобытнаго негритянскаго типа, который затѣмъ измѣнился въ различныхъ отношеніяхъ при своемъ распространеніи по обшир-

ной области міра, Раса африканскихъ негровъ, съ ея специальными примѣтами — узкимъ черепомъ, выдающимися челюстями, чернокоричневой кожею, шерстистыми волосами, сплюснутымъ носомъ, толстыми и развороченными губами — была описана нами уже выше. Можетъ быть, всего лучше выраженъ ея типъ у народовъ, живущихъ близь экватора, какъ въ Новой Гвинеѣ, но она распространяется по материку во всѣхъ направленіяхъ, давая оттѣнки скрещиваніемъ со свѣтлѣе окрашенными расами на его окраинахъ, какъ, напр., съ берберами, на сѣверномъ берегу, и съ арабами, на восточномъ. По мѣрѣ распространенія расы къ югу, въ области конго и каффровъ, можно замѣтить, что цвѣтъ кожи и черты лица не такъ полно выражаютъ типъ негра, чтó производитъ впечатлѣніе, какъ будто переселеніе изъ центральной области въ новый климатъ нѣсколько видоизмѣнило типъ расы. Въ этомъ отношеніи наиболѣе замѣчательны малорослыя готтентото-бушмэнскія племена Южной Африки (см. фиг. 8, 12 *с*): хотя они сохраняютъ многія особенности негровъ въ узкомъ черепѣ, въ курчавыхъ волосахъ и въ формѣ чертъ лица, но ихъ кожа имѣетъ болѣе свѣтлый оттѣнокъ буроватожелтаго цвѣта. Нѣтъ никакого повода полагать, что причина этого заключается въ скрещиваніи негритянскаго типа съ болѣе свѣтлою расою; нѣтъ даже никакихъ признаковъ существованія тамъ такой расы, съ которою негры могли бы скрещиваться. Если такимъ образомъ бушмэнъ представляетъ особенное видоизмѣненіе негровъ, то здѣсь мы имѣемъ превосходный случай преобразованія расы подъ вліяніемъ новыхъ условій. Возвращаясь теперь къ Южной Азіи, на Малайскомъ полуостровѣ и на Филиппинскихъ островахъ, найдемъ скудныя по числу человѣкъ лѣсныя племена, родственныя, повидимому, андаманцамъ и обозначаемыя общимъ названіемъ «негритосовъ» (т. е. «маленькихъ черныхъ»); повидимому они принадлежатъ къ нѣкоторой расѣ, которая нѣкогда была широко распространена въ этой части свѣта, и остатки которой были принуждены болѣе сильными расами новыхъ пришельцевъ искать убѣжища въ горахъ. На фиг. 24 изображена представительница одного изъ этихъ племенъ, именно племени ахета (Aheta) съ острова Люсона. Наконецъ, мы доходимъ до широко распространенныхъ и сложныхъ разновидностей восточной негритянской расы въ области,

извѣстной подъ именемъ Меланезіи, «Черныхъ Острововъ», простирающихся отъ Новой Гвинеи до Фиджи. Группа различныхъ островитянъ (фиг. 25), принадлежащихъ къ миссіи епископа Пэттисона, ясно обнаруживаетъ сходство съ африканскимъ негромъ, хотя есть и нѣсколько рѣзко выраженныхъ отличительныхъ особенностей, вродѣ болѣе сильнаго выступанія надбровныхъ дугъ, болѣе выдающагося, даже орлинаго носа, представляющаго рѣзкій контрастъ съ африканскимъ. Меланезійцы около Новой Гвинеи

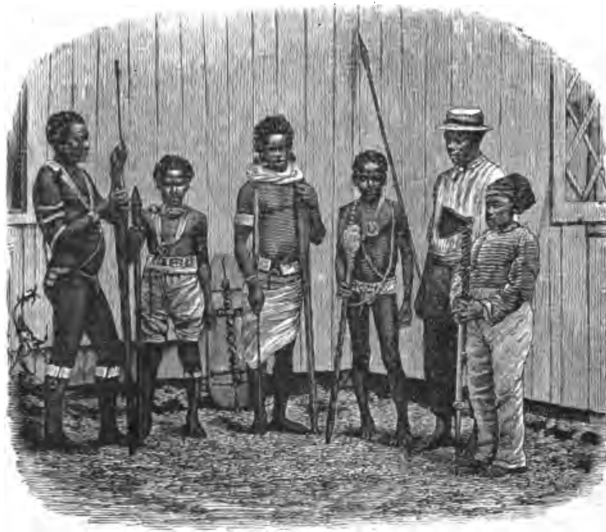

Фиг. 24. Женщина племени ахета (негритоска) съ Филиппинскихъ острововъ.

называются папуасами по причинѣ ихъ шерстистыхъ волосъ (малайское *papuwah*—курчавый), иногда разростающихся до величины громадныхъ швабръ. Крайнее разнообразіе цвѣта кожи въ Меланезіи, отъ густаго чернокоричневаго до шеколаднаго или орѣховобураго, свидѣтельствуетъ о томъ, что происходило значительное скрещиваніе съ болѣе свѣтлымъ населеніемъ. Такое смѣшеніе очевидно у жителей береговъ Фиджи, гдѣ темная меланезійская раса хотя и преобладаетъ, но скрещивается съ болѣе свѣтлою полинезійскою расою, которой въ значительной степени при-

надлежитъ языкъ и цивилизація острововъ. Наконецъ, теперь вымершіе тасманцы были далекимъ, уединеннымъ народомъ, принадлежавшимъ къ восточнымъ неграмъ.

Въ Австраліи, на этомъ обширномъ островѣ-материкѣ, растенія и животныя котораго несходны съ азіатскими и представляются какъ бы остатками давно прошедшаго періода исторіи земли, мы находимъ рѣдкое населеніе кочующихъ дикарей, сильно отличающееся отъ болѣе черныхъ расъ Новой Гвинеи на сѣверѣ и Тасманіи на югѣ. Австралійцы съ кожею темношеколаднаго цвѣта мо-

Фиг. 25. Меланезійцы.

гутъ быть разсматриваемы какъ особенный типъ темнокожихъ человѣческихъ расъ. Между тѣмъ какъ ихъ черепъ узокъ и призматиченъ какъ у негра, онъ отличается отъ послѣдняго въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ отношеніяхъ, о которыхъ уже было упомянуто и дѣйствительно представляетъ особенности, отличающія его очень опредѣленно отъ черепа другихъ расъ. На портретахъ австралійцевъ, фиг. 26, 27 и 28, можно замѣтить крупныя надбровныя дуги и выдающіяся челюсти, широкій, но не расплющенный носъ, толстыя губы, и курчавые, но не шерстистые, черные

волосы. Отыскивая на картѣ свѣта, гдѣ еще живутъ темнокожія расы, мы находимъ, что заслуживающіе довѣрія авторы помѣща-

Фиг. 27. Южноавстралійская женщина.

Фиг. 26. Южный Австраліецъ.

ютъ одну изъ нихъ на индійскомъ материкѣ. Горныя племена въ этой странѣ представляютъ типъ людей, жившихъ въ древности въ южной и центральной Индіи до завоеванія ея арійскими индусами;

въ самой чистой формѣ этотъ типъ является у племенъ, почти не воздѣлывающихъ землю, но ведущихъ дикую жизнь, между тѣмъ какъ главную массу, болѣе скрещенную съ индусами, подъ вліяніемъ которыхъ она находилась цѣлые вѣка, образуютъ об-

Фиг. 28 Австралійскія (куинслэндскія) женщины.

ширные дравидійскіе народы юга, каковы тамулы и телугусы. Фиг. 29 представляетъ одного изъ болѣе грубыхъ дравидійцевъ изъ Траванкорскихъ лѣсовъ. Идя далѣе къ западу, находятъ возможнымъ отличить темнокожую расу въ Африкѣ, которая обнимаетъ нубійскія племена и которую труднѣе различить среди бер-

беровъ Алжира и Туниса. Если это такъ, то, вѣроятно, древніе египтяне принадлежали главнымъ образомъ къ этой расѣ, хотя и смѣшанной съ азіатами, приходившими черезъ сирійскія границы со временъ отдаленной древности. Для того, чтобы судить о древнихъ египтянахъ по тѣмъ изображеніямъ, которыми они сами (см. главы IX—XI) представляли ее намъ, необходимо повернуть въ нихъ глаза въ профиль и окрасить тѣло въ красновато-коричневый цвѣтъ. Никто не могъ чувствовать сильнѣе египтянина изъ древнихъ Ѳивъ, что одно изъ главныхъ отличій между чело-

Фиг. 29. Дравидійскій горецъ (по Фрайеру).

вѣческими расами составлялъ цвѣтъ кожи и черты лица, которые отличали его отъ эѳіопа, съ одной стороны, отъ ассирійца и еврея, съ другой.

Если обратиться теперь къ другой странѣ Свѣта, мы найдемъ, что монгольскій типъ человѣка имѣетъ наилучшихъ своихъ представителей въ обширныхъ степяхъ Сѣверной Азіи. Ихъ кожа имѣетъ буроватожелтый цвѣтъ, волоса на головѣ черны, жестки и длинны, но на лицѣ рѣдки. Характеристическія особенности ихъ черепа составляетъ его ширина, выступающія скулы, выдвинутый

кпереди наружный край глазницъ, что́, вмѣстѣ со слабымъ развитіемъ надбровныхъ дугъ, косвеннымъ направленіемъ глазной щели и короткимъ, плоскимъ носомъ, можно видѣть на фиг. 30 и 31, а также и на фиг. 12 *d*. Монгольская раса громадна по распространенію и по числу. Великіе народы юговосточной Азіи обнаруживаютъ свое родство съ нею общеизвѣстнымъ цвѣтомъ кожи и

Фиг. 30. Калмыкъ (по Гольсмиду).

чертами лица китайцевъ и японцевъ. Фиг. 32, 33, 34 представляютъ изображеніе жителей Сіама, Кохинхины и Кореи. При своемъ широкомъ распространеніи по свѣту, монгольскій типъ, вслѣдствіе перемѣны климата и рода жизни, и еще болѣе вслѣдствіе скрещиванія съ другими расами, все болѣе и болѣе утрачиваетъ свои спеціальныя отличія. Это замѣчается на юговостокѣ, гдѣ, какъ въ Китаѣ и Японіи, уменьшается характеристическая

ширина черепа. Въ Европѣ, куда орды татарской расы стремились, начиная съ самой отдаленной древности, потомки ея, въ своихъ языкахъ, каковы венгерскій и финскій, часто сохраняли болѣе ясные слѣды своего азіатскаго происхожденія, чѣмъ можно отыскать въ ихъ нынѣшнихъ типахъ цвѣта кожи и чертъ лица. Тѣмъ не менѣе, финны (фиг. 35 и 36) не утратили расовыхъ особенностей, отличающихъ ихъ отъ шведовъ, среди которыхъ они живутъ, и приземистые лапландцы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обнаруживаютъ сходство съ соплеменниками въ Сибири, которые, подобно

Фиг. 31. Гольдъ (Амуръ).

имъ, бродятъ со своими сѣверными оленями у предѣловъ полярныхъ странъ.

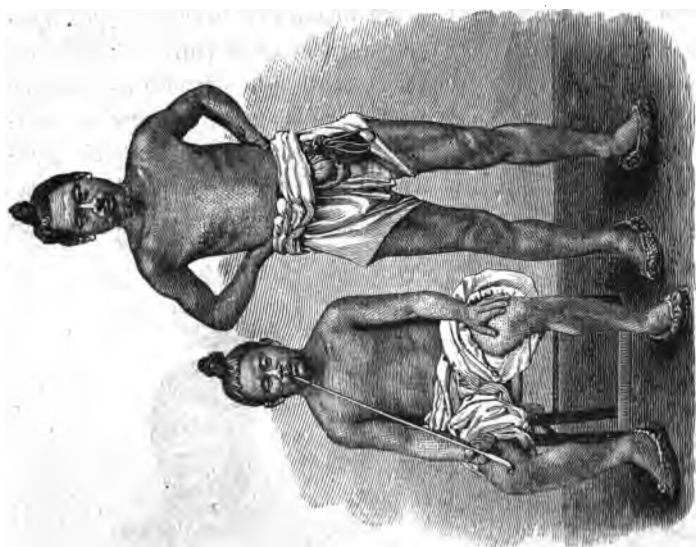
Если мы пойдемъ далѣе въ нашемъ изслѣдованіи расъ Свѣта, то наша задача окажется болѣе трудной. На Малайскомъ полуостровѣ, въ крайнемъ юговосточномъ углу Азіи, появляются первые члены малайской расы, составляющей, какъ кажется, отдаленную вѣтвь монгольскаго типа, распространяющуюся по Суматрѣ, Явѣ и другимъ островамъ восточнаго Архипелага. Фиг. 37 и 38

изображаютъ болѣе цивилизованныхъ малайцевъ, между тѣмъ какъ фиг. 39 изображаетъ даяковъ съ Борнео, представляющихъ расу въ болѣе дикомъ и, можетъ быть, менѣе смѣшанномъ состояніи. Отъ Малайскаго Архипелага, къ Тихому океану, тянутся ряды острововъ, сначала Микронезійскихъ, потомъ Полинезійскихъ, пока не достигаемъ острова Пасхи на востокѣ и Новой Зеландіи на

Фиг. 32. Сіамскія актрисы.

югѣ. Микронезійцы и полинезійцы обнаруживаютъ связь съ малайцами по языку и, болѣе или менѣе, по сложенію тѣла. Но они не настоящіе малайцы, и среди нихъ можно встрѣтить длинныя лица, узкіе носы и небольшіе рты, напоминающіе намъ европейское лицо, какъ это можно видѣть по микронезійцу на фиг. 40, котораго мы приводимъ здѣсь, какъ представителя этой разнообразной группы народовъ. Маорисы стоятъ еще далѣе отъ чистаго

Фиг. 34. Корейцы.

Фиг. 33. Кохинхинцы.

*

малайскаго типа, какъ это видно по ихъ болѣе кудрявымъ волосамъ и часто выступающимъ и даже орлинымъ носомъ. Представляется вѣроятнымъ, что какая нибудь азіатская раса, близко родственная малайцамъ, могла распространиться по островамъ Южнаго океана, измѣняя свой спеціальный типъ подъ вліяніемъ скрещиванія съ темными меланезійцами, вслѣдствіе чего населеніе различныхъ группъ островов въ настоящее время часто очень разнообразно по своей внѣшности. Эта раса моряковъ проложила себѣ

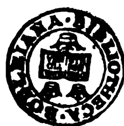
Фиг. 35. Финнъ.

Фиг. 36. Финнка.

путь даже на Мадагаскаръ, гдѣ потомки ея болѣе или менѣе слились съ населеніемъ, пришедшимъ съ африканскаго материка.

Обращаясь теперь къ двойному материку Америки, мы встрѣчаемся въ этомъ Новомъ Свѣтѣ съ совершенно иною задачею относительно расъ, чѣмъ та, которую мы имѣемъ предъ собою въ Старомъ Свѣтѣ. Путешественникъ, пересѣкающій земной шаръ отъ Новой Земли до мыса Доброй Надежды или Тасманіи, найдетъ въ различныхъ климатахъ различныя, рѣзко выраженныя

Фиг. 38. Малайцы.

Фиг. 37. Малайцы.

породы людей — бѣлыхъ, желтыхъ, коричневыхъ и черныхъ. Но если бы Колумбъ осмотрѣлъ Америку отъ сѣвернополярныхъ до южнополярныхъ областей ея, онъ не нашелъ бы такого крайняго

Фиг. 39. Даяки.

несходства среди ея обитателей. Если оставить въ сторонѣ европейцевъ и африканцевъ, которые начали прибывать въ страну, начиная съ пятнадцатаго столѣтія, туземные американцы вообще мо-

гутъ быть отнесены къ одной и той же расѣ, какъ это высказано было уже не разъ. Это не значитъ, что всѣ они похожи другъ на друга; но ихъ различія въ отношеніи роста, формъ черепа, чертъ лица и цвѣта кожи, хотя они и значительны, представляются второстепенными видоизмѣненіями. Мало вѣроятно, чтобы здѣсь

Фиг. 40. Островитянинъ съ Кингсмильскихъ острововъ.

нѣсколько расъ выработали каждая свой собственный типъ въ своей собственной области; скорѣе можно думать, что страна была заселяема переселяющимися племенами какой нибудь уже готовой расы, которой оставалось только распространяться и акклиматизироваться какъ въ тропическихъ, такъ и въ умѣренныхъ поясахъ,

подобно тому, какъ сдѣлали европейскія лошади со временъ Колумба и менѣе полно—сами бѣлые люди. Большинство антропологовъ относятъ туземныхъ американцевъ къ монгольской расѣ изъ Восточной Азіи, которая можетъ приспособляться къ самымъ край-

Фиг. 41. Индѣецъ изъ Колорадо (Сѣверная Америка).

нимъ климатамъ, и которая, по формѣ черепа, свѣтлокоричневой кожѣ, прямымъ чернымъ волосамъ и чернымъ глазамъ, обнаруживаетъ значительное сходство съ американскими племенами. Фиг. 41 и 42 представляютъ дикія охотничьи племена Сѣверной Америки

въ одной изъ самыхъ красивыхъ нынѣ существующихъ формъ — именно индѣйцевъ изъ Колорадо; между тѣмъ какъ на фиг. 43 индѣйцы Кауиксана (Cauixana) могутъ служить образчикомъ грубыхъ и лѣнивыхъ жителей бразильскихъ лѣсовъ. Между тѣмъ какъ

Фиг. 42. Индіанка изъ Колорадо (Сѣверная Америка).

племена Азіи и Америки могутъ происходить такимъ образомъ отъ одних первоначальныхъ предковъ, мы должны относиться съ осторожностью къ различнымъ теоріямъ, которыя розыскиваютъ пути къ океану и островамъ, служившіе для переселенія азіатскихъ

племенъ, заселившихъ Новый Свѣтъ. Вѣроятно, здѣсь, какъ и въ Старомъ Свѣтѣ, человѣкъ появился въ геологическій періодъ, предшествовавшій настоящему, такъ что первоначальная родствен-

Фиг. 43. Индѣйцы Кауиксана (Южная Америка).

ная связь между монголами и сѣверо-американскими индѣйцами можетъ восходить къ тому времени, когда ихъ не раздѣлялъ никакой океанъ. На позднѣйшее сообщеніе между двумя материками

какъ будто указываетъ то соображеніе, что остановившійся въ развитіи эскимосъ съ его кровлеподобнымъ сводомъ черепа можетъ быть вѣтвью японскаго племени; рядомъ съ этимъ существуютъ признаки, что сравнительно цивилизованные мехиканцы и перуанцы какимъ-то путемъ получили искусства и идеи отъ азіатскихъ народовъ.

Подъ конецъ мы обращаемся къ бѣлокожимъ народамъ, которые въ теченіи хода исторіи становились все болѣе и болѣе господствующими на землѣ въ умственномъ, нравственномъ и политическомъ отношеніи. Хотя о нихъ обыкновенно говорятъ какъ объ одной разновидности человѣческаго рода, очевидно, однако, что они представляютъ не какую нибудь одну однообразную расу, но разнообразное и смѣшанное населеніе. Подраздѣленіе ихъ на два большіе отдѣла — темноволосыхъ бѣлыхъ и бѣлокурыхъ бѣлыхъ (melanochroi и xanthochroi) составляетъ шагъ къ ихъ классифицированію. До насъ дошли древнія изображенія темноволосыхъ бѣлыхъ народовъ, каковы были ассірійцы, финикійцы, персы, греки, римляне; если рядомъ съ ними поставить такіе современные народы, какъ андалузцы, смуглые жители Уэльса или бретонцы и народы Кавказа, то будетъ очевидно, что сходство, замѣчаемое между ними, ограничивается только общими характерными чертами. Кожа у нихъ смуглаго или буровато-бѣлаго цвѣта; глаза черные или темнокаріе, волоса черные и большею частью волнистые или кудрявые; ихъ черепъ весьма разнообразенъ по своимъ размѣрамъ, хотя лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, бываетъ очень широкъ или очень узокъ, ихъ профиль вертикаленъ, носъ прямой или орлиный, губы менѣе толсты, чѣмъ у другихъ расъ. На фиг. 44, скорѣе ради внѣшней формы, чѣмъ какъ дѣйствительный типъ черноволосыхъ бѣлокожихъ, изображена группа грузинъ. На слѣдующей фиг. 45 группа шведовъ нѣсколько лучше представляетъ бѣлокурые народы, прозрачная кожа которыхъ, свѣтлорусые волосы и голубые глаза могутъ быть наблюдаемы также и въ Англіи, хотя и не столь часто какъ въ Скандинавіи или Сѣверной Германіи. Самое раннее изображеніе бѣлокурыхъ народовъ можно найти въ произведеніяхъ египетскихъ художниковъ, гдѣ изображены нѣкоторые туземцы Сѣверной Африки, съ желтовато-бѣлою кожею и голубыми глазами, изъ страны, гдѣ еще и до сихъ поръ извѣстны

остатки бѣлокурыхъ племенъ. Эти бѣлокурые ливійцы, равно какъ и бѣлолицее рыжеволосое племя, живущее около Сиріи и образующее особый типъ среди евреевъ, могли быть, можетъ быть, родственны съ бѣлокурыми народами, уже заселявшими сѣверъ Европы въ то время, когда классическіе писатели начали доставлять извѣстія о ея варварскихъ обитателяхъ, отъ готтовъ на сѣверъ до жителей Туле. Скрещиваніе темноволосой и бѣлокурой разновидностей, совершавшееся съ этихъ раннихъ временъ, кончилось обра-

Фиг. 44. — Грузины.

зованіемъ многочисленныхъ разновидностей людей съ темнорусыми волосами и съ цвѣтомъ кожи, занимающимъ середину между чисто-бѣлыми и смугло-бѣлыми. Но что касается до происхожденія и перваго мѣстожительства самой бѣлокурой и темноволосой расы, то составить сужденія въ этомъ отношеніи весьма затруднительно. Языкъ значительно способствуетъ разъясненію ранней исторіи бѣлокожихъ народовъ, но онъ не уничтожаетъ трудности отдѣленія

бѣлокурыхъ бѣлыхъ отъ темноволосыхъ. И тѣ, и другіе были вмѣстѣ объединены національнымъ языкомъ, подобно тому, какъ въ настоящее время по нѣмецки говорятъ и бѣлокурые гановерцы, и болѣе смуглые австрійцы. Среди кельтійскихъ народовъ шотландскіе горцы часто напоминаютъ намъ высокихъ красноволосыхъ галловъ, описываемыхъ въ классической исторіи, но та же исторія содержитъ мѣста, доказывающія, что одновременно существовали и болѣе темные и болѣе малорослые кельты, каковы современные жители

Фиг. 45. — Шведы

Уэльса и бретонцы. Для пособія къ разъясненію этой задачи, столь близко касающейся нашихъ собственныхъ предковъ, Гэксли высказываетъ предположеніе, что бѣлокурые составляли первоначальное племя, и что они, скрещиваясь съ темнокожими расами далекаго юга, могли дать начало разнообразнымъ породамъ темноволосыхъ бѣлыхъ. Какъ бы тамъ ни было, такая помѣсь бѣлой и темнокожей расъ, повидимому, дѣйствительно дала въ значительной мѣрѣ начало населенію тѣхъ странъ, въ которыхъ онѣ встрѣчались. Та-

кимъ путемъ можетъ быть объяснено образованіе мавровъ въ Сѣверной Африкѣ и многочисленныхъ, такъ называемыхъ, арабовъ, которые темнѣе бѣлыхъ людей. Такимъ же образомъ въ милліонахъ обитателей Индіи, говорящихъ по индусски, цвѣтъ кожи свидѣтельствуетъ, что ихъ раса образовалась путемъ смѣшенія арійскихъ завоевателей страны съ ея болѣе темными туземцами. Поучительнымъ примѣромъ именно этой комбинаціи могутъ служить цыгане,

Фиг. 46. — Цыганка.

кочующіе члены низшей касты, пробравшіеся изъ Индіи и распространившіеся по Европѣ втеченіи нѣсколькихъ послѣднихъ столѣтій. Изображенная на фиг. 46 цыганка изъ Валахіи можетъ служить обычнымъ типомъ этихъ послѣднихъ пришельцевъ съ востока, ломанное индусское нарѣчіе которыхъ показываетъ, что часть ихъ предковъ происходитъ отъ нашихъ арійскихъ праотцевъ, между тѣмъ какъ цвѣтъ ихъ кожи — самый смуглый во всемъ населеніи

Великобританіи — указываетъ также на ихъ происхожденіе отъ болѣе темной разновидности человѣка.

Такимъ образомъ, распредѣленіе какъ жилищъ народовъ міра среди нѣскольких главныхъ разновидностей человѣка, такъ и ихъ помѣсей, оказывается плодотворною задачею, не смотря на всѣ ея трудности и на ея шаткость. Но всякая попытка объяснить самое возникновеніе этихъ великихъ первичныхъ разновидностей расъ и указать съ точностью ихъ самое раннее мѣстожительство — при теперешнемъ недостаткѣ данныхъ должна быть сочтена безполезною. Если человѣкъ впервые явился на землѣ въ геологическій періодъ, когда распредѣленіе суши, моря и климатовъ на земной поверхности было иное, чѣмъ теперь, то на обѣихъ половинахъ земнаго шара, внѣ нынѣшнихъ тропическихъ поясовъ, находились страны, теплота и роскошная растительность которыхъ могли благопріятствовать жизни человѣка при наименьшей надобности въ техникѣ цивилизованныхъ періодовъ, и изъ которыхъ послѣдовательныя волны населенія могли распространяться по странамъ съ болѣе холоднымъ климатомъ. Можетъ быть, основательнѣе всего было бы представить себѣ, что позже другихъ образовалась бѣлая раса области умѣреннаго климата, менѣе способная переносить крайній зной или жить внѣ условій культуры, но одаренная силами познавать и править, которыя утверждаютъ господство этихъ условій въ мірѣ.

ГЛАВА IV.

Языкъ.

Употребленіе знаковъ —Языкъ движеній.—Движенія, выражаемыя голосомъ.— Естественный языкъ.—Способъ выраженія у животныхъ. — Эмоціональные и подражательные звуки въ языкѣ.—Измѣненіе звука и смысла.—Другое выраженіе смысла звукомъ.—Дѣтскія слова. — Членораздѣльная рѣчь; ея отношеніе къ естественной рѣчи. — Происхожденіе языка.

Существуютъ разнообразные способы, которыми люди могутъ сноситься другъ съ другомъ. Они могутъ дѣлать *движенія*, издавать *крики*, произносить *слова*, рисовать *изображенія*, писать *буквы*. Это все знаки различныхъ родовъ, и чтобы понять, какимъ образомъ они выполняютъ свое назначеніе, начнемъ съ разсмотрѣнія самыхъ простыхъ и естественныхъ знаковъ.

Когда по какой нибудь причинѣ люди не могутъ разговаривать между собою, они прибѣгаютъ къ объясненію движеніями, — къ тому, что называется мимикою или пантомимою. Каждый изъ читателей съ дѣтскихъ лѣтъ былъ способенъ болѣе или менѣе искусно вести разговоръ, пользуясь этимъ способомъ. Возьмемъ простой случай. Мальчикъ открываетъ дверь гостиной; сидящій тамъ его братъ киваетъ ему, чтобы онъ не шумѣлъ, потому что отецъ спитъ; тогда мальчикъ показываетъ знаками, что онъ пришелъ за ключемъ отъ ящика, на что братъ отвѣчаетъ ему другими знаками, что ключъ находится въ карманѣ его сюртука, висящаго въ передней; затѣмъ онъ дѣлаетъ мальчику многозначительное движеніе, чтобы онъ шелъ прочь и осторожно затворилъ за собою дверь комнаты. Таковъ *языкъ движеній* въ томъ видѣ, въ какомъ мы всѣ его знаемъ и употребляемъ. Но для того, чтобы видѣть, до какой степени онъ можетъ быть разработанъ и превращенъ въ

совершенное и точное средство сношеній, слѣдуетъ наблюдать его употребленіе у глухонѣмыхъ, которымъ приходится зависѣть отъ него столь значительно. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, въ какой мѣрѣ можно заставить движеніе исполнить роль выговариваемыхъ словъ, опишемъ тѣ знаки, при помощи которыхъ однажды, въ присутствіи пишущаго эти строки, одинъ глухонѣмой изложилъ разсказъ объ одномъ ребенкѣ. Онъ началъ съ того, что поднялъ руку ладонью книзу, на ярдъ отъ земли, какъ мы дѣлаемъ, когда хотимъ показать ростъ какого нибудь ребенка; это означало, что онъ хочетъ говорить о ребенкѣ. Затѣмъ онъ какъ бы завязалъ подъ подбородкомъ воображаемые ленты шляпки (что́ служило для него обычнымъ знакомъ для обозначенія женщины), чтобы объяснить, что этотъ ребенокъ — дѣвочка. Подобнымъ же образомъ выведена была затѣмъ на сцену и мать ребенка. Она подзываетъ дѣвочку и даетъ ей два пенса, что́ указывается воображаемою передачею двухъ монетъ изъ одной руки въ другую; если бы возникло какое нибудь сомнѣніе насчетъ того, были ли эти монеты мѣдными или серебряными, онъ указалъ бы на что нибудь коричневое или даже обозначилъ бы это обычнымъ пренебрежительнымъ обращеніемъ съ мѣдяками, которое сразу отличаетъ ихъ отъ серебра. Затѣмъ мать даетъ дѣвочкѣ кружку, что́ изображается при помощи указательныхъ пальцевъ, очерчивающихъ въ воздухѣ форму кружки, и представленіемъ самаго акта передачи. Затѣмъ, недопускающее никакихъ сомнѣній подражаніе извѣстнымъ движеніямъ, которыя дѣлаются при накладываніи ложкою патоки, даетъ знать, что ребенка посылаютъ купить именно послѣднюю. Послѣ того, взмахъ рукою показываетъ, что ребенокъ отправился исполнять данное ему порученіе, къ чему присоединяется еще обычный знакъ для ходьбы, состоящій въ передвиженіи двухъ пальцевъ по столу. Поворачиваніе воображаемой дверной ручки вводитъ насъ въ лавку, прилавокъ которой изображается горизонтальнымъ движеніемъ, какъ бы проводимыхъ по немъ выпрямленныхъ ладоней. Указывается, что за стойкою кто-то находится; объясняется, что это мужчина, для чего дѣлается обычный знакъ: рука разсказчика помѣщается на подбородокъ и ведется внизъ по тому мѣсту, гдѣ бываетъ или можетъ быть борода; затѣмъ знакъ завязыванія передника вокругъ таліи прибавляетъ

свѣдѣніе, что этотъ мужчина — лавочникъ. Дѣвочка подаетъ ему кружку, передаетъ ему въ руку деньги и двигаетъ указательнымъ пальцемъ, какъ бы набирая патоку, чтобы показать, что́ ей нужно. Затѣмъ мы видимъ, какъ кружка ставится на воображаемые вѣсы, чашки которыхъ поднимаются и опускаются; какъ съ полки достается большой сосудъ съ патокою, и какъ наполняется ею кружка съ надлежащимъ перекручиваніемъ ложки, чтобы подобрать послѣднюю тянущуюся паточную нитку; какъ послѣ этого лавочникъ бросаетъ въ выручку двѣ полученныя монеты и дѣвочка удаляется изъ лавки съ кружкою въ рукахъ. Глухонѣмой разсказчикъ представляетъ далѣе пантомимою, какъ дѣвочка, взглянувъ на кружку, увидѣла каплю патоки на краю сосуда, стерла ее пальцемъ и положила его въ ротъ, какъ она была введена въ искушеніе попробовать еще, какъ мать поймала ее въ этомъ вслѣдствіе пятна отъ патоки, оставшагося на дѣтскомъ передникѣ, и такъ далѣе.

Изслѣдователь принциповъ рѣчи найдетъ этотъ разговоръ движеніями на столько поучительнымъ, что полезно объяснить его процессъ съ бо́льшею подробностью. Употребляемые здѣсь знаки бываютъ двухъ родовъ. Знаками перваго рода изображаются присутствующіе предметы. Такъ, если глухонѣмой желаетъ сказать «рука» или «сапогъ», онъ прикасается къ собственной рукѣ или къ сапогу. Гдѣ одаренный рѣчью человѣкъ сказалъ бы «я», «ты», «онъ», глухонѣмой просто указываетъ на себя и другихъ лицъ. Чтобы выразить «красный» или «синій», онъ прикасается къ внутренней части своей губы или указываетъ на небо. Знаки втораго рода изображаютъ понятіе путемъ подражанія. Такимъ образомъ, когда глухонѣмой показываетъ видъ, что онъ пьетъ, то это можетъ означать «вода», или «пить», или «жажда». Прикладываніе щеки къ рукѣ выражаетъ «спать» или «пора спать». Выразительный взмахъ рукою, какъ при хлыстаніи, можетъ означать «бичъ», или «кучеръ», или «ѣхать», смотря по обстоятельствамъ. «Спичку» изображаютъ движеніемъ, какъ будто зажигая ее; «свѣчку» — держатъ указательный палецъ на подобіе свѣчи и какъ будто задувая ее. Въ языкѣ движеній можно также подражать симптомамъ состоянія духа, въ которомъ находится говорящій человѣкъ, и такимъ образомъ эти симптомы становятся знаками для того же состоянія духа и у другихъ людей. Такъ, актъ дрожанія выражаетъ, что

«холодно»; улыбка обозначаетъ «радость», «одобреніе», признаніе чего нибудь «хорошимъ», между тѣмъ какъ нахмуриваясь означаютъ «гнѣвъ», «порицаніе», признаніе чего нибудь «дурнымъ». Могло бы показаться, что такія разнообразныя значенія, придаваемыя одному и тому же знаку, могутъ вести къ сбивчивости; однако, всегда есть возможность исправить это, такъ какъ тамъ, гдѣ значеніе какого нибудь знака остается неяснымъ, онъ дополняется другими. Такъ, если требуется обозначить «перо», то подражаніе акту писанія могло бы оказаться недостаточнымъ, потому что такимъ же образомъ означается и «писаніе», и «письмо», но если показать видъ, что вытираешь и держишь перо, то станетъ очевиднымъ, что дѣло идетъ именно о самомъ перѣ.

До сихъ поръ описанные нами знаки изъясняютъ сами себя, то есть значеніе ихъ очевидно изъ самой ихъ формы, или во всякомъ случаѣ оно можетъ быть угадано всякимъ постороннимъ лицомъ, наблюдающимъ надъ ихъ употребленіемъ. Языкъ движеній и составляется большею частью изъ подобныхъ самоизъяснительныхъ или естественныхъ знаковъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ глухонѣмые живутъ вмѣстѣ, въ употребленіе между ними входятъ такіе знаки, которые трудно понять постороннему лицу, если ему не будетъ предварительно объяснено, какъ они возникли. Напримѣръ, глухонѣмые сотоварищи обозначаютъ другъ друга мимическими кличками; такъ, они могутъ обозначать какого нибудь мальчика знакомъ шитья, который, какъ оказывается изъ распросовъ, былъ данъ ему потому, что отецъ его былъ портнымъ. Подобные знаки могутъ имѣть иногда крайне отдаленные источники происхожденія; напримѣръ, въ берлинскомъ заведеніи для глухонѣмыхъ знакъ отрубанія головы означаетъ француза; по разслѣдованіи оказывается, что дѣти были поражены разсказомъ о смерти Людовика XVI, прочитаннымъ ими въ руководствѣ къ исторіи, и съ тѣхъ поръ избрали его казнь мимическимъ обозначеніемъ для цѣлой французской націи. Но для всякаго новаго ребенка, который сталъ бы изучать подобные знаки, не зная, почему они выбраны, они показались бы искусственными.

Послѣ изученія языка движеній, употребительнаго между глухонѣмыми, самымъ лучшимъ путемъ къ пониманію его основъ служитъ изученіе его употребленія у людей, которые, хотя и могутъ

*

говорить, но не понимаютъ другъ друга, вслѣдствіе различія языковъ. Такимъ образомъ, знаменитые языки знаковъ американскихъ прерій, служащіе для веденія разговора между охотничьими отрядами бѣлокожихъ и туземцевъ, и даже между индѣйцами различныхъ племенъ—представляютъ только, такъ сказать, нарѣчія языка движеній. Такъ «вода» обозначается зачерпываніемъ воображаемой жидкости въ пригоршню и выпиваніемъ ея; «олень» — приставленіемъ большихъ пальцевъ рукъ къ вискамъ и растопыриваніемъ остальныхъ пальцевъ. Хотя и существуетъ большое разнообразіе въ знакахъ, употребляемыхъ различными племенами, но подобный путь общенія между людьми оказывается столь естественнымъ и распространеннымъ по всему міру, что когда столь отдаленно-живущіе люди, какъ лапландцы, были привезены для выставленія на показъ въ нашихъ большихъ городахъ, они почувствовали облегченіе своего одиночества, встрѣтившись съ глухонѣмыми дѣтьми, съ которыми они тотчасъ же въ восхищеніи завязали разговоръ на всемірномъ языкѣ знаковъ. Такимъ путемъ можно понимать только знаки, имѣющіе естественный самоизъяснительный характеръ. Но даже и среди знаковъ этого рода встрѣчаются такіе, которые постороннему человѣку могутъ показаться совершенно искусственными, пока онъ не узнаетъ, что они представляютъ собою старые знаки, нынѣ утратившіе свое нѣкогда вполнѣ очевидное значеніе. Такъ, сѣверо-американскій знакъ для «собаки» состоитъ въ проведеніи двухъ первыхъ пальцевъ по землѣ на подобіе того, какъ волокутся по ней шесты. Этотъ, повидимому, безсмысленный знакъ въ дѣйствительности принадлежитъ тому времени, когда у индѣйцевъ не было лошадей, и когда они поэтому привязывали шесты палатокъ къ собакамъ, такъ что послѣднія волокли ихъ съ мѣста на мѣсто; хотя собакамъ и не приходится больше дѣлать этого, обычай сохраняетъ этотъ знакъ и теперь.

Должно замѣтить, что языкъ движеній ни въ какомъ случаѣ не можетъ передавать нашу рѣчь слово за словомъ. Одна изъ причинъ этого заключается въ томъ, что языкъ движеній крайне мало способенъ выражать отвлеченныя понятія. Глухонѣмой можетъ изображать различные способы дѣланія вещей, вродѣ постройки стѣны или выкраиванія платья, но онъ совершенно не въ силахъ охватить знакомъ то, что обще всему этому, и для чего мы употреб-

ляемъ отвлеченное выраженіе «дѣлать». Даже для того, чтобы обозначить смыслъ частицъ «въ» или «изъ», глухонѣмой долженъ прибѣгать къ различнымъ крайне грубымъ способамъ выраженія, какъ напримѣръ, какъ бы вкладывать и вытаскивать предметъ, о которомъ онъ говоритъ. Сравнимъ, далѣе, какую нибудь фразу съ тѣми знаками, при помощи которыхъ то же самое было бы выражено глухонѣмымъ. Мы тотчасъ же увидимъ, что многія употребляемыя нами слова вовсе не имѣютъ знаковъ, имъ соотвѣтствующихъ. Такъ, если бы мы сказали словами: «шляпа, *которую* я оставилъ на столѣ, черна», то это утвержденіе дѣйствительно можно было бы передать движеніями и для всѣхъ словъ, которыя мы можемъ назвать предметными (real) каковы: *шляпа*, *оставлять*, *черный*, нашлись бы соотвѣтственные знаки. Но для тѣхъ словъ, которыя можно назвать «грамматическими», каковы *который* [1]), знаковъ не найдется, ибо языкъ выраженій ихъ не имѣетъ. Далѣе, грамматики устанавливаютъ различія между существительными, прилагательными и глаголами. Но этихъ различій нельзя найти въ языкѣ движеній, гдѣ указаніе на лужайку можетъ означать и «трава», и «зеленый», и гдѣ движенія какъ бы для согрѣванія себѣ рукъ могутъ имѣть значеніе «теплый», или «грѣться», или даже «печка». Не существуетъ въ языкѣ движеній (если только не были внесены учителемъ какіе нибудь искусственные знаки) ничего соотвѣтствующаго флексіямъ слова, позволяющимъ отличать *идешь* отъ *иди*, *его* отъ *онъ*, *дому* отъ *домъ*. Все ограничивается тѣмъ, что въ умѣ зрителя вызывается извѣстная картина, сначала путемъ установленія предмета, который имѣется въ виду, затѣмъ—путемъ прибавленія къ этому образу другихъ образовъ, или рядомъ дѣйствій, пока не будетъ разсказано все, что требовалось. Если знаки не слѣдуютъ одни за другими въ такомъ порядкѣ, чтобы вносить извѣстный смыслъ по мѣрѣ ихъ появленія, то зритель затруднится. Такъ, для того, чтобы сообщить глухонѣмому ребенку мысль о зеленомъ ящикѣ, сначала должно сдѣлать знакъ для «ящика», и затѣмъ показать, что цвѣтъ его «зеленый», указавъ, напримѣръ, на лужайку возлѣ дома. Настоящая синтаксиче-

[1]) Въ англійскую фразу, выбранную авторомъ, входитъ, согласно англійскому строю рѣчи, еще нѣсколько «грамматическихъ» словъ, именно опредѣленный членъ (the), вспомогательный глаголъ (is—есть). *Прим. перев.*

ская послѣдовательность движеній есть «ящикъ зеленый», и если бы этотъ порядокъ представленій былъ замѣненъ образнымъ, какъ въ словесной фразѣ, то ребенокъ могъ бы не понять, какое отношеніе имѣетъ трава къ ящику. Фраза, вродѣ *кошки убиваютъ мышей*, не согласуется съ порядкомъ знаковъ глухонѣмаго, гдѣ дѣло начинается съ изображенія бѣгающей маленькой мышки, затѣмъ изображается кошка съ ея гладкою шерстью и усами, и, наконецъ, представляется прыжокъ кошки на мышь — что́ составитъ *«мышь кошка убивать»*.

Изъ этого изложенія языка движеній читателю будетъ ясно, какимъ легкимъ и удовлетворительнымъ путемъ человѣкъ можетъ выражать свои мысли при помощи знаковъ, видимыхъ для глаза. На слѣдующей затѣмъ ступени намъ приходится показать, какимъ образомъ употребляются въ дѣло знаки другаго рода — именно звуки человѣческаго голоса. Звуки голоса можно употреблять для выраженія нашихъ чувствъ и мыслей на тѣхъ же началахъ, какъ и движеніе, съ тою только разницею, что они воспринимаются вмѣсто зрѣнія слухомъ.

Звуки одного рода, употребляемые людьми въ качествѣ знаковъ, состоятъ изъ эмоціональныхъ восклицаній или тоновъ. Люди обнаруживаютъ страданіе издаваемымъ стономъ, также какъ и искажающимся лицомъ; радость выражается восклицаніями наравнѣ съ прыганіемъ; когда мы смѣемся вслухъ, звуки вполнѣ соотвѣтствуютъ чертамъ лица. Такіе звуки суть движенія, выраженныя голосомъ (sound-gestures), къ которымъ относится бо́льшая часть того, что мы называемъ междометіями. При помощи подобныхъ восклицаній и тоновъ могутъ быть выражаемы съ удивительною точностью даже такія сложныя настроенія духа, каковы сочувствіе или сожалѣніе, или досада. Пускай кто нибудь попробуетъ сдѣлать смѣющееся, презрительное или сердитое лицо и заговорить; онъ можетъ замѣтить тогда, какъ соотвѣтственно измѣнится и тонъ его голоса; положеніе чертъ лица, свойственное каждому спеціальному состоянію духа, непосредственно вліяетъ на голосъ, особенно отражаясь на музыкальныхъ качествахъ гласныхъ звуковъ. Такимъ образомъ, тоны говорящаго становятся знаками того чувства, которое онъ ощущаетъ или показываетъ видъ, что ощущаетъ. Что этотъ способъ выраженія дѣйствительно музыкаленъ,

видно изъ того, что ему можно подражать на скрипкѣ, гдѣ, измѣняя качество тона, можно измѣнить выраженіе страданія въ выраженіе радости. Человѣческій голосъ пользуется и другими средствами выраженія, входящими въ область музыки, каковы контрасты между тихими и громкими звуками, медленными и быстрыми, нѣжными и страстными, и измѣненія высоты тона, съ повышеніями и пониженіями по гаммѣ. Искусно пользуясь этими разнообранными средствами, говорящій можетъ совершать въ душѣ слушателя переходы отъ состоянія нѣжнаго томленія къ внезапному изумленію, причемъ отвлеченное движеніе веселости возростетъ до пылкой радости, и взрывъ буйной ярости постепенно уляжется до полнаго спокойствія. Мы всѣ можемъ дѣлать это и, что еще важнѣе, мы дѣлаемъ это безъ всякаго отношенія къ значенію употребляемыхъ словъ, ибо душевное волненіе можетъ быть выражаемо и даже тонко оттѣняемо при произнесеніи слоговъ, не имѣющихъ никакого смысла. Напротивъ, слова итальянской оперы для большинства слушателей ея въ Англіи представляются только безсмысленными слогами, и тѣмъ не менѣе они служатъ средствомъ музыкальнаго и эмоціональнаго выраженія. Очевидно, слѣдуетъ ожидать, что этотъ способъ выраженія долженъ быть понятенъ всему человѣчеству, независимо отъ языка, на которомъ говоритъ тотъ или другой народъ. Оно такъ и оказывается, ибо самыя дикія и отдаленныя отъ насъ племена умѣютъ придавать междометіямъ, вродѣ *а! о!*, такой тонъ, который выражаетъ чувства удивленія, страданія, мольбы, угрозы, презрѣнія, и они понимаютъ одинаково съ нами гнѣвное рычаніе *иr-r-r!* или презрительное *фу!*

Слѣдующій классъ звуковъ, употребляемыхъ какъ знаки, имѣетъ подражательный характеръ. Подобно тому, какъ глухонѣмой ребенокъ изображаетъ понятіе «кошка», подражая ея дѣйствію умыванія морды, такъ и говорящее дитя можетъ обозначить ее, подражая ея мяуканью. Если эти двое дѣтей желаютъ объяснить, что они думаютъ о часахъ, то нѣмое изображаетъ своею рукою качаніе маятника, между тѣмъ какъ говорящее скажетъ «*тикъ-такъ*». Здѣсь опять звуки являются движеніями, выражаемыми голосомъ. Такимъ путемъ нашему уму можетъ быть сообщено безконечное множество разнообразныхъ предметовъ и дѣйствій, при помощи надлежащаго подражанія свойственнымъ имъ звукамъ. Не только

дѣти забавляются этими звукоподражаніями, но эти звуки вошли и въ обыкновенный языкъ; такъ (англичане) говорятъ о *coo* голубя, о *hee-haw* осла, о *ding-dong* колокольчика, о *rat-tat* двернаго молотка и т. п. Врядъ ли нужно прибавлять, что эти способы выраженія понятны людямъ по всему свѣту.

Совокупляя движенія мимическія и выражаемыя голосомъ мы получимъ то, что можетъ быть названо естественнымъ языкомъ. Этотъ языкъ существуетъ въ дѣйствительности, и въ дикихъ странахъ имѣетъ даже нѣкоторое практическое значеніе, какъ, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда какой нибудь путешественникъ-европеецъ ухищряется разговарить на немъ съ толпою австралійцевъ, собравшихся вокругъ своего лагернаго костра, или съ семействомъ монголовъ въ ихъ войлочной палаткѣ. Ему слѣдуетъ только употреблять самую выразительную мимику, сопровождая ее рядомъ восклицаній и звукоподражаній. Этотъ языкъ образуетъ естественное средство общенія между людьми, которое оказывается гораздо болѣе совершеннымъ чѣмъ одни движенія. Это—общій языкъ всего человѣчества, столь непосредственно слѣдующій изъ дѣятельности человѣческой мысли, что онъ долженъ былъ принадлежать нашей расѣ съ самыхъ отдаленныхъ временъ и самаго первобытнаго состоянія, въ которомъ человѣкъ существовалъ когда либо.

Здѣсь возникаетъ одинъ весьма интересный вопросъ, опытное рѣшеніе котораго возможно для каждаго изслѣдователя. Въ какой степени сношенія между низшими животными, по своимъ движеніямъ и звукамъ, похожи на естественный языкъ человѣчества? Всякій внимательный наблюдатель нравовъ звѣрей и птицъ хорошо знаетъ, что многія движенія и крики ихъ не служатъ для сообщеній между ними, но просто представляютъ собою симптомы извѣстнаго душевнаго состоянія самого существа, какъ это замѣчается, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда ягнята рѣзвятся на лугу, или горячія лошади бьютъ копытомъ въ стойлѣ, или когда животныя стонутъ, страдая отъ жестокой боли. Животныя совершаютъ все это безъ всякаго сознанія о присутствіи возлѣ нихъ какого нибудь другаго существа, совершенно также какъ человѣкъ, находясь въ комнатѣ одинъ, сжимаетъ свой кулакъ въ гнѣвѣ, или стонетъ отъ боли, или смѣется вслухъ. Когда движенія и крики служатъ сигналами, предназначаемыми для другихъ

существъ, они болѣе приближаются къ настоящимъ знакамъ. Подобно человѣку, низшія животныя дѣлаютъ также такія движенія и испускаютъ такіе крики, которые, будучи замѣчены другими, служатъ средствомъ сообщенія; такъ, лошади нѣжно кусаютъ другъ друга, приглашая тереться; кролики топаютъ по землѣ, и другіе кролики отвѣчаютъ имъ тѣмъ же; а птицы и звѣри явнымъ образомъ зовутъ другъ друга, особенно самки и самцы во время спариванія. Движенія и крики животныхъ представляются столь явственно различными при различныхъ обстоятельствахъ, что, основываясь на опытѣ, мы узнаемъ ихъ значеніе почти съ увѣренностью. Человѣческій языкъ не идетъ въ своей практической цѣлесообразности далѣе клохтанья курицы, сзывающей своихъ циплятъ, или яростнаго рева, которымъ быкъ, махая головою, грозитъ собакѣ, находящейся близь его загороди. До сихъ поръ, впрочемъ, ни одинъ наблюдатель не былъ въ состояніи прослѣдить умственный процессъ даже у собаки, прыгающей, чтобы получить кусокъ мяса, или лающей для того, чтобы ей отворили дверь. Трудно сказать, въ какой степени умъ собаки ассоціируетъ прыжки съ кормленіемъ и лаяніе съ тѣмъ, что дверь будетъ отворена, или въ какой степени у нея составляется подобное нашему представленіе о томъ, что она дѣлаетъ и почему она это дѣлаетъ. Какъ бы тамъ ни было, ясно, что звѣри и птицы обладаютъ естественнымъ языкомъ на столько, чтобы производить движенія, издавать крики, какъ сигналы, и замѣчать ихъ, какъ таковые. Но едва ли умъ собаки идетъ далѣе того соображенія, на основаніи котораго хорошее подражаніе мяуканію заставляетъ ее искать кошку въ комнатѣ; между тѣмъ какъ ребенокъ, слыша мяуканье своей няньки, скоро догадывается, что нянька хочетъ этимъ что-то сказать о какой-то кошкѣ, которой можетъ и не быть вовсе тутъ по близости. Слѣдовательно, маленькое дитя въ состояніи понимать то, о чемъ не доказано, чтобы оно приходило въ голову самой умной собакѣ, слону или обезьянѣ — въ состояніи понимать, что звукъ можетъ быть употребляемъ какъ знакъ мысли или представленія. Такимъ образомъ, низшія животныя, раздѣляя съ человѣкомъ начальныя пріемы естественнаго языка, врядъ ли идутъ далѣе этихъ элементарныхъ зачатковъ, между тѣмъ какъ человѣческій умъ легко переходитъ къ высшимъ ступенямъ.

При описаніи естественнаго языка движеній и восклицаній, мы разсматривали его до сихъ поръ, предполагая, что онъ употребляется одинъ, въ отсутствіи болѣе совершеннаго языка. Теперь мы должны отмѣтить, что обрывки его можно открыть и рядомъ съ обыкновенною рѣчью. На какомъ бы языкѣ ни говорили люди, какъ на родномъ,—по англійски, или по китайски, или на языкѣ чоктаусовъ, они всегда сохраняютъ употребленіе пояснительныхъ движеній, междометій и звукоподражаній, принадлежащихъ естественному языку. Ими пользуются матери и няньки, при обученіи маленькихъ дѣтей думать и говорить. Намъ нѣтъ надобности приводить здѣсь примѣры этого языка дѣтской комнаты, такъ какъ тотъ изъ нашихъ читателей, кто не обратилъ уже на него вниманія, врядъ ли можетъ изучать филологію съ особенною пользою. Въ разговорѣ взрослыхъ людей самоизъяснительные или естественные звуки становятся болѣе рѣдки, тѣмъ не менѣе они имѣютъ мѣсто и въ нихъ ошибиться нельзя, какъ это можно видѣть изъ приводимыхъ ниже примѣровъ.

Что касается движеній, то многія изъ нихъ, постепенно употребляемыя у насъ (англичанъ) и у другихъ народовъ, должны были дойти и до насъ изъ первобытныхъ временъ человѣчества, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе; таковы жесты оратора, когда онъ наклоняетъ голову, или поднимаетъ угрожающую руку, или отталкиваетъ отъ себя воображаемаго противника, или указываетъ на небо, или пересчитываетъ по пальцамъ своихъ друзей или враговъ. Далѣе, самые разнообразные эмоціональные звуки употребляются въ каждомъ языкѣ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ междометій, отмѣченныхъ въ грамматикѣ:

Англійскіе: *ah!*=а! *oh!*=о! *ugh!*=уфъ! *foh!* тьфу! *ha! ha!*= ба! ба! *tut!* (t—t)=фи! *sh!*=тсъ!

Санскритскія: *ah !* (удивленіе), *aha!* (упрекъ), *um!* (досада).

Малайскія: *eh!* (торжество), *weh!* (состраданіе), *chih!* (неудовольствіе).

Галласовъ: *o! way*..*!* (печаль), *mê!* (упрашиваніе).

Австралійскія: *nah!* (удивленіе), *pooh!* (презрѣніе).

Переходя къ звукоподражательнымъ словамъ, мы находимъ, что они содержатся въ большемъ или меньшемъ количествѣ во всѣхъ языкахъ человѣчества, какъ въ древнихъ, такъ и новыхъ,

какъ въ дикихъ, такъ и цивилизованныхъ, и всякій ребенокъ можетъ легко понять, какимъ образомъ упомянутыя ниже животныя и инструменты получаютъ свое наименованіе вслѣдствіе соотвѣтствующаго каждому звука:

Оселъ=*eo* (по египетски).
Ворона=*kâka* (по санскритски).
Кошка=*mau* (по китайски).
Соловей =*bublul* (по персидски).
Гремучая змѣя=*shi-shi-gwa* (у алконгвиновъ).
Муха=*bumbervo* (у австралійцевъ).

Барабанъ=*dundy* (по санскритски).
Флейта=*ulule* (у галлаховъ).
Свистокъ=*pīpit* (у малайцевъ).
Колокольчикъ=*kwa-la-kwa-lal* (у якасасовъ).
Труба=*pub* (у кыше, Quiché).
Ружье=*punh* (у ботокудовъ).

Подобныя же слова постоянно образуются заново въ мѣстномъ народномъ нарѣчіи или въ жаргонѣ каждаго языка; таковы, напримѣръ, англійское *pop*, означающее инбирное шипучее пиво; нѣмецкое *gaggele*, яйцо, отъ клохтанья курицы, когда она кладетъ его; французское «maître *fifi*» = мусорщикъ, «господинъ фифи». Такимъ же образомъ выражаются соотвѣтственными звуками и многія дѣйствія. Такъ, въ языкѣ текуна, въ Бразиліи глаголъ чихать обозначается словомъ *haitschu*, между тѣмъ какъ уэльское слово для чиханія есть *tis*. На нарѣчіи чинукъ подражательный звукъ *humm* означаетъ «вонять», и крикъ *kisch-kisch* погонщика становится глаголомъ, означающимъ «погонять» лошадей или быковъ. Возможно даже найти цѣлыя предложенія, составленныя изъ звукоподражательныхъ словъ, такъ, абиссинскіе галласы, чтобы сообщить, что «кузнецъ раздуваетъ мѣха», говорятъ «*tumtun bufa bufti*», подобно тому, какъ англійскій ребенокъ могъ бы сказать: «*tumtum puffs the puffer*». Такъ какъ подобныя слова заимствуются непосредственно изъ природы, то можно ожидать, что народы, говорящіе на совершенно различныхъ языкахъ, должны иногда наталкиваться приблизительно на одинаковыя звукоподражанія. Такъ, языкъ айбо (Ibo) въ Западной Африкѣ употребляетъ слово *okoko*

для пѣтуха (называемаго англичанами *cock*). Англійскіе глаголы *to pat*=слегка ударять, похлопывать, и *to bang*=хлопать, бить,— повидимому произошли также отъ звукоподражанія, ибо подобныя же слова встрѣчаются и въ другихъ языкахъ; такъ, японцы употребляютъ *pata-pata* для выраженія звука хлопанія или шлепанія, и іорубскіе негры имѣютъ глаголъ *gbang*, означающій «бить».

Изслѣдователи, вниманіе которыхъ однажды было обращено на этотъ классъ самоизъяснительныхъ словъ, сейчасъ замѣтятъ ихъ во всякомъ новомъ языкѣ, которымъ они овладѣваютъ. Нѣсколько болѣе внимательное наблюденіе для открыванія ихъ требуется въ тѣхъ случаяхъ, когда звукъ процессомъ метафоры (т. е. перенесенія) переходитъ на какое нибудь новое значеніе, нѣсколько отдаленное отъ первоначальнаго смысла; однако, можно найти множество ясныхъ случаевъ, пособляющихъ освѣтить настоящее положеніе дѣла. На жаргонѣ чинуковъ западнаго берега Америки «трактиръ» называется «домъ *хи-хи* (*hee-hee*)»; этотъ терминъ можетъ приводить путешественника въ недоумѣніе, пока онъ не узнаетъ, что у народа, говорящаго на этомъ любопытномъ нарѣчіи, звукоподражательное слово «*хи-хи*» означаетъ не только самый смѣхъ, но и поводъ къ нему—увеселеніе или забаву—такъ что этотъ терминъ въ дѣйствительности означаетъ «домъ увеселенія». Казалось бы, довольно затруднительно подыскать какое нибудь звукоподражательнее слово для обозначенія придворнаго, но базуты Южной Африки съумѣли выполнить это вполнѣ успѣшно; у нихъ есть слово *ntsi-ntsi*, означающее муху и составляющее дѣйствительно подражаніе ея жужжанію, и они просто придали этому слову значеніе льстиваго паразита, который жужжитъ около вождя, подобно мухѣ около мяса. Эти примѣры, взятые изъ нецивилизованныхъ языковъ, сходны съ примѣрами встрѣчающимися въ языкахъ самыхъ цивилизованныхъ націй; такъ, англичане употребляютъ звукоподражательный глаголъ *to puff*, собственно означающій «дуть», для обозначенія понятія о пустомъ, надувательскомъ высасываніи чего нибудь или кого нибудь. Если произношеніе подобныхъ словъ измѣняется, то ихъ происхожденіе можетъ быть распознано только на основаніи какихъ нибудь старыхъ записей, которымъ довелось сохранить первоначальный звукъ слова. Такъ, если англійское *woe* (произн. уо—«горе») прослѣдить назадъ до англосаксонскаго *Wá*

(проще *ba*), то мы найдемъ, что оно оказывается настоящимъ стономъ, подобно нѣмецкому *weh*, превратившимся въ существительное, обозначающее печаль или горе. Такимъ же образомъ, англичанинъ врядъ ли догадался бы изъ теперешняго произношенія и значенія слова *pipe* (трубка, произн. *пайпъ*), каково было его происхожденіе; но когда онъ сравнитъ его съ латинскимъ *pipa*, французскимъ *pipe*, произносимымъ приблизительно какъ англійское *peep* (пипъ)= чирикать, и означающимъ тростниковую трубку или свирѣль, на которой играли пастухи, то онъ увидитъ, какъ самый звукъ музыкальной трубки былъ ловко обращенъ въ слово для всѣхъ родовъ трубъ и трубокъ, въ томъ числѣ для *курительной трубки* (tabaco-pipe) и *водопроводной трубы* (water-pipe). Слова, вродѣ этого, странствуютъ на подобіе индѣйцевъ во время войны, уничтожая свои слѣды на дорогѣ по мѣрѣ передвиженія. Весьма вѣроятно, что множество нашихъ обыкновенныхъ словъ были составлены такимъ образомъ изъ настоящихъ звукоподражаній, но въ настоящее время безвозвратно утратили слѣды своей первоначальной выразительности.

Мы еще не исчерпали всѣхъ способовъ, намъ понятныхъ, которыми звуку можетъ быть приданъ опредѣленный смыслъ. Когда людямъ надо показать измѣненіе смысла слова, имъ часто достаточно измѣнить какъ нибудь его произношеніе. Не трудно видѣть, какимъ образомъ въ языкѣ волофовъ Западной Африки, гдѣ *dagon* означаетъ «ходить», *dâgon* означаетъ «выступать съ гордостью»; *dagana* означаетъ «униженно просить», но *dagàna* — «требовать». На языкѣ мпонгве измѣненіе произношенія можетъ придать слову прямо обратный смыслъ; напримѣръ, *mi tonda* означаетъ «я люблю»; но *mi tonda* значитъ «я *не* люблю». Англичанинъ можетъ употреблять тѣ же самые пріемы, измѣняя тонъ произношенія своихъ глаголовъ *walk* = ходить, *ask* = просить, *love*=любить. Этотъ процессъ выраженія различія смысла при помощи различія звука можно вести еще далѣе. Поучительный примѣръ яснаго символизированія при помощи звука можно найти въ словѣ, созданномъ химикомъ Гюйтонъ де Марво. Между названіями для химическихъ сложныхъ тѣлъ у него уже было слово *sulphate* (составленное по латинскому образцу на подобіе *sulphuratus*), но затѣмъ ему понадобилось другое слово для обозначенія сѣрнистой

соли, имѣющей иной составъ, вслѣдствіе чего, для указанія факта существованія различія, онъ перемѣнилъ одну гласную и составилъ слово *sulphite*. Онъ, вѣроятно, и не зналъ, что прибѣгъ къ плану созданія словъ, встрѣчаемому во многихъ грубыхъ языкахъ. Такъ, въ манчжурскомъ различіе звуковъ служитъ для указанія различія половъ; *chacha* означаетъ «мужчина», *cheche*—«женщина», *ama*—«отецъ», *eme*—мать. Такимъ образомъ, посредствомъ измѣненія гласной часто выражаются разстоянія; напримѣръ, на языкѣ малагассовъ *ao* значитъ «неподалеку», *eo* «еще ближе»; *io* «совсѣмъ близко. Такимъ же путемъ легко составлять цѣлые ряды выразительныхъ личныхъ мѣстоимѣній; такъ, на тумальскомъ языкѣ *ngi* означаетъ «я», *ngo* «ты», *ngu* «онъ». Другой хорошо извѣстный процессъ, служащій множеству разнообразныхъ цѣлей, состоитъ въ удвоеніи. Оно показываетъ повтореніе или усиленіе значенія; напримѣръ, у полинезійцевъ *aka*, означающее «смѣяться», превращается въ *aka-aka*, означающее «много смѣяться», между тѣмъ какъ *loa*=«долго» превращается въ *lolo-loa*=«очень долго». Подобнымъ же образомъ составлены наши (англійскія) слова *haw-haw* (просѣка) и *bonbon* (конфекты). Помощью удвоенія легко также образовать множественное число; такъ, у малайцевъ *orang*=человѣкъ, *orang-orang*=люди; у японцевъ *fito*=человѣкъ, *fito-bito*=люди. Къ наиболѣе знакомымъ намъ удвоеніямъ относится удвоеніе, отмѣчающее времена глаголовъ, вродѣ *didomi* (даю) и *tetupha* (я ударилъ) въ греческомъ, *momordi* (я укусилъ) въ латинскомъ языкѣ.

Эти искусные, но вполнѣ понятные пріемы для придаванія звуку извѣстнаго смысла показываютъ, какъ легко переходитъ человѣкъ предѣлы простаго подражанія. Языкъ представляетъ собою одну изъ вѣтвей великаго искусства дѣлать или избирать знаки, и его дѣло заключается въ подыскиваніи нѣкотораго звука, какъ подходящаго знака или символа для каждой мысли. Откуда бы ни былъ взятъ такимъ образомъ какой нибудь звукъ, несомнѣнно существовала причина для такого выбора Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы каждый языкъ избиралъ одинъ и тотъ же звукъ. Это хорошо видно въ особенномъ классѣ словъ, принадлежащихъ дѣтскому языку или языку маленькихъ дѣтей (baby's language)—куда относится и самое (англійское) слово *baby* (младенецъ). Подобныя слова по всему

свѣту составляются изъ нѣсколькихъ простыхъ слоговъ, которые ранѣе другихъ произносятся дѣтьми, и которые подбираются почти какъ попало для обозначенія въ дѣтской понятій о матери, отцѣ, нянькѣ, игрушкахъ, снѣ и т. п. Такимъ образомъ, въ то время какъ мы употребляемъ слова *папа—мама* по своему, чилійцы означаютъ словомъ *papa* «мать», и грузины словомъ *mama* «отца», между тѣмъ какъ *dada* въ различныхъ языкахъ можетъ означать «отца», «двоюроднаго брата», «няньку», а *tata*—«отца», «сына», «прощайте!». Подобныя дѣтскія слова часто прокладываютъ себѣ путь въ языкъ взрослыхъ людей, и какое нибудь легкое измѣненіе придаетъ имъ видъ обыкновенныхъ словъ. Такъ, врядъ ли кто нибудь могъ подозрѣвать напередъ, что англійскія слова *pope* = папа и *abbot* = аббатъ ведутъ свое происхожденіе отъ дѣтскихъ словъ, а между тѣмъ это становится очевиднымъ, если прослѣдить ихъ до латинскаго *papa* и сирійскаго *abba*, обозначающихъ, и то, и другое, понятіе «отца».

Эти дѣтскія слова уже переходятъ за предѣлы «естественнаго языка» самоизъяснительныхъ движеній и звуковъ. Отъ простыхъ и ясныхъ фактовъ его мы такимъ образомъ переходимъ къ темнымъ и труднымъ основнымъ началамъ «членораздѣльной рѣчи». При изслѣдованіи англійскаго или любаго другаго изъ тысячи языковъ, на которыхъ говоритъ человѣчество, мы находимъ, что большинство употребительныхъ словъ не обнаруживаетъ той связи между звукомъ и смысломъ, которая столь очевидна въ естественныхъ или самоизъяснительныхъ словахъ. Для уясненія этого различія возьмемъ примѣръ: когда ребенокъ называетъ карманные часы *tick-tick*, это названіе очевидно изъясняетъ само себя. Но когда мы называемъ его *часами* (watch), это слово вовсе не показываетъ, почему оно употребляется. Извѣстно, что этотъ инструментъ получилъ свое (англійское) наименованіе отъ считанія часовъ на подобіе сторожа (watchman),—названіе котораго указываетъ на его обязанность *to watch* (стеречь), отъ англосаксонскаго *woeccan*, отъ *wacan*=двигаться, бодрствовать (to wake); но здѣсь объясненіе останавливается, ибо ни одинъ филологъ не былъ еще въ состояніи показать, почему слогъ *wac* сталъ обозначать это спеціальное понятіе —Или, если тотъ же ребенокъ называетъ локомотивъ *puff-puff*, это наименованіе объяснитъ само себя. Взрослые люди

называютъ это машиною (engine), терминомъ, прошедшимъ черезъ французскій языкъ отъ латинскаго *ingenium*, что́ означаетъ нѣчто «врожденное», откуда происходитъ природная способность или «геній» (genius); отсюда усиліе генія, изобрѣтеніе или приспособленіе, а отсюда *engine*=машина. Идя еще далѣе и разлагая латинское слово на части, увидимъ, что слоги *in* и *gen* передаютъ понятія *въ, и внутрь, родъ, рожденіе*; но здѣсь этимологическій анализъ снова прерывается, потому что никто не знаетъ почему были выбраны эти звуки для соотвѣтственнаго смысла. То же самое можно сказать по крайней мѣрѣ о девяти десятыхъ всѣхъ словъ въ словаряхъ; не существуетъ никакой видимой причины, по которой слово *go* (идти) не обозначало бы понятія «приходить» и слово *come* (приходить)—понятія «идти»; равнымъ образомъ, самое точное изслѣдованіе не можетъ обнаружить, почему древнееврейское *chay* означаетъ «живой», и *mêth*—мертвый, или почему на языкѣ маори *pai* значитъ «хорошій» и *kino*—«дурной». Нѣкоторые филологи утверждаютъ, что эмоціональные и подражательные звуки, подобные описаннымъ въ этой главѣ, составляютъ истинный источникъ всего языка, и что хотя большинство словъ и не обнаруживаютъ теперь никакихъ слѣдовъ подобнаго происхожденія это зависитъ отъ того, что они совершенно утратили его втеченіи пройденныхъ ими продолжительныхъ измѣненій произношенія и значенія, вслѣдствіе чего они въ настоящее время сдѣлались простыми символами, значенію которыхъ дѣтямъ приходится выучиваться отъ своихъ учителей. Правда, все это имѣло мѣсто въ дѣйствительности, но было бы ненаучно принимать подобное мнѣніе за полное объясненіе происхожденія языка. Рядомъ съ эмоціальнымъ и звукоподражательнымъ способами, мы указали здѣсь еще нѣсколько другихъ пріемовъ, при помощи которыхъ человѣкъ подбираетъ звуки для выраженія своихъ мыслей, и кто знаетъ, не помогаютъ ли при этомъ и другія причины? Пока мы имѣемъ право только утверждать, что, судя по всѣмъ извѣстнымъ намъ человѣческимъ способамъ подбора знаковъ, вѣроятно всегда существовала какая нибудь подходящая причина или связь, приводимая къ принаровленію каждаго спеціальнаго звука къ выраженію каждой спеціальной мысли. Таково, повидимому, самое основательное мнѣніе, какого можно держаться относительно знаменитой задачи о происхожденіи языка.

Въ то же самое время, немногія свѣдѣнія относительно человѣческихъ способовъ созданія новыхъ словъ изъ подходящихъ звуковъ получаютъ большую важность при изученіи человѣческой природы. Они доказываютъ, что, по скольку можно прослѣдить языкъ до его настоящаго источника, послѣдній заключается не въ какихъ нибудь утраченныхъ дарованіяхъ или способностяхъ человѣка, но въ умственномъ процессѣ, совершающемся и теперь и не превышающемъ умственнаго уровня дѣтей и дикарей. Возникновеніе языка не представляется явленіемъ, происшедшимъ когда-то давно и разъ навсегда, и затѣмъ вполнѣ прекратившимся. Напротивъ, человѣкъ и до сихъ поръ обладаетъ и пользуется, когда ему нужно, способностью создавать новыя самобытныя слова путемъ подбора подходящихъ къ мысли и свойственныхъ ей звуковъ. Но въ настоящее время онъ рѣдко употребляетъ эту способность серьезно, по той основательной причинѣ, что всякій языкъ, на которомъ онъ говоритъ, имѣетъ такой запасъ словъ, который можетъ доставить нужное выраженіе почти для всякой новой мысли, появившейся въ человѣческой головѣ.

[гл

ГЛАВА V.

Языкъ (Продолженie).

Членораздѣльная рѣчь.—Развитiе значенiй.—Отвлеченныя слова.—Предметныя и грамматическiя слова.—Части рѣчи.—Изрѣченiя.—Аналитическiй языкъ.—Сочетанiе словъ. — Синтетическiй языкъ. — Приставки.—Звукоизмѣненiе. — Корни.—Синтаксисъ.—Управленiе и согласованiе.—Родъ.—Развитiе языка.

Такъ какъ изрѣченiе слагается изъ своихъ составныхъ звуковъ на подобiе того, какъ членъ слагается изъ своихъ суставовъ, то мы называемъ языкъ членораздѣльнымъ или сочленовнымъ, чтобы отличить его отъ нечленораздѣльныхъ или несочленовныхъ звуковъ, издаваемыхъ низшими животными. Объясненiе при помощи движенiй и восклицанiй, представляющее, какъ было показано въ предшествующей главѣ, естественный языкъ, общiй всему человѣчеству, стоитъ на полпути между способами сообщенiя животныхъ между собою и выработанною человѣческою рѣчью. Каждый народъ — даже самое мелкое и дикое племя—имѣетъ членораздѣльный языкъ, поддерживаемый цѣлою системою звуковъ и значенiй, которая служитъ говорящему какъ бы каталогомъ всего содержащагося въ мiрѣ, въ которомъ человѣкъ живетъ, каталогомъ, охватывающимъ всѣ предметы, о которыхъ онъ думаетъ, и дающимъ ему возможность высказывать, чтó онъ думаетъ о каждомъ предметѣ. Какимъ сложнымъ и замысловатымъ приборомъ можетъ оказаться такой языкъ, достаточно показываютъ намъ греческая и латинская грамматики. Тѣмъ не менѣе, чѣмъ внимательнѣе мы всматриваемся въ подобные трудные языки, тѣмъ очевиднѣе становится, что они развились изъ болѣе раннихъ и простѣйшихъ родовъ рѣчи. Въ нашу задачу не входитъ систематическiй обзоръ

строенія языковъ, вродѣ того, какой можно найти въ трудахъ Макса Мюллера, Сэйса (Sayce), Уитни (Whitney) и Пэйля (Peile). Мы только обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что многіе процессы, которыми создавались языки, до сихъ поръ еще продолжаютъ свое дѣло среди людей, и что грамматики не представляютъ собой ряда произвольныхъ правилъ, устанавливаемыхъ ихъ составителями, но оказываются результатомъ человѣческихъ усилій найти болѣе легкое, болѣе полное и болѣе точное выраженіе для своихъ мыслей. Читатель можетъ замѣтить, что наши примѣры чаще заимствуются изъ англійскаго нежели изъ какихъ нибудь другихъ языковъ [1]). Причина этому заключается не только въ удобствѣ употребленія для примѣровъ самыхъ знакомыхъ словъ, но и въ томъ, что изъ всѣхъ существующихъ языковъ англійскій оказывается, можетъ быть, самымъ лучшимъ для объясненія развитія языка вообще. Между тѣмъ какъ его слова по большей части могутъ быть прослѣжены до глубокой древности, его построенія, на своемъ пути до новѣйшихъ временъ, прошли черезъ крайнія измѣненія, и въ своемъ настоящемъ состояніи языкъ одновременно сохраняетъ остатки древнихъ формацій и характеризуется продолжающимся самымъ свободнымъ развитіемъ. Такимъ образомъ, въ томъ или въ другомъ отношеніи, англійскій языкъ можетъ показать намъ нѣчто, уясняющее три изъ тѣхъ четырехъ процессовъ, о которыхъ извѣстно, что они содѣйствовали созданію языка, гдѣ бы и когда бы оно ни совершалось.

По мѣрѣ того, какъ съ теченіемъ вѣковъ знанія человѣка расширялись, а цивилизація усложнялась, языкъ его долженъ былъ не отставать отъ нихъ. Сравнительно малочисленныя и простыя выраженія были вполнѣ достаточны для его ранняго грубаго состоянія, но затѣмъ понадобилось прибавлять все новые и новые термины для обозначенія новыхъ понятій, орудій, ремеслъ, должностей и отношеній въ обществѣ, получившемъ болѣе высокую организацію. Этимологія показываетъ, какъ создаются подобныя новыя слова, измѣняя и совокупляя старыя, перенося старыя слова

---

[1]) Это самое заставило переводчика отступать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ буквальной передачи изложенія автора, держась, впрочемъ, какъ можно ближе къ смыслу этого изложенія. *Прим. перев.*

*

изъ стараго порядка вещей въ новый, для новаго употребленія, измѣняя ихъ значеніе, и отыскивая во всякой новой мысли какое либо сходство съ одною изъ старыхъ, которое позволило бы дать первой названіе. Англійскій языкъ полонъ слѣдовъ этихъ способовъ созданія и переноса словъ. Напримѣръ, большое каменное зданіе *казармъ* до сихъ поръ называется по англійски *barrack* (то есть хижиною), какъ назывались его грубые предшественники; *полкъ*, въ немъ помѣщающійся, есть *regiment* (то есть правленіе или управленіе), состоящій изъ *солдатъ soldiers* (т. е. оплачиваемыхъ людей), принадлежащихъ къ пѣхотѣ или *infantry* (т. е. къ молодежи, дравшейся пѣшими); имъ дѣлаютъ *смотры*, или они *are* (т. е. смотрятъ внутрь ихъ); каждая *рота* или *company* (т. е. получающіе хлѣбъ вмѣстѣ) состоитъ подъ начальствомъ *капитана captain* (т. е. главы) и его *поручиковъ* или *lieutenants* (т. е. замѣстителей). На фасадѣ зданія находятся *часы* или *clock*—машина, которая удерживаетъ свое старое названіе означающее «колоколъ» съ тѣхъ временъ, когда приборъ состоялъ только изъ колокола, въ который звонилъ сторожъ, считавшій часы; въ позднѣйшія времена къ колоколу были прибавлены *гири* или *weights*, куски металла, получившіе названіе отъ гирь вѣсовъ; далѣе *маятникъ* или *pendulum* (или привѣска), наконецъ *циферблатъ* и *стрѣлки*, которые по англійски метафорически называютъ *face* (лицо) и *hands* (руки), для показыванія на *дѣленіяхъ* или *scale* (или лѣстницѣ) *часовъ* или *hours* (т. е. временъ), раздѣленныхъ на минуты — *minutes* (т. е. маленькія части) и затѣмъ еще на секунды—*seconds* (или слѣдующія части). Всѣ эти примѣры намѣренно извлечены не изъ глубины этимологіи; они взяты только, чтобы показать тѣ обычные пути, которыми языкъ отыскиваетъ средства снабдить прогрессирующее общество новыми терминами. Не мѣшаетъ привести нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, что и языкъ менѣе цивилизованныхъ расъ выполняетъ свое назначеніе тѣми же самыми способами. Ацтеки называли лодку «водянымъ домомъ» (*acalli*), и отсюда курильница, въ которой они жгли копаловую камедь, употреблявшуюся какъ фиміамъ, стала называться «копаловою лодочкою (*copalacaltontli*)». Обитатели острова Ванкувера, увидѣвъ движеніе винтоваго парохода, тотчасъ же окрестили его *yetsch-yetsokleh*, то есть, «толкатель». Гидатсы съ Миссури до недавняго

времени употребляли для своихъ стрѣлъ и топоровъ только твердые камни; когда же они познакомились съ желѣзомъ и мѣдью, они составили названія для этихъ металловъ: *uetsasipisa* и *uetsahisisi*, то есть, такъ сказать, «камень черный» и «камень красный». Пришлось составить названіе и для лошади, когда бѣлые ввезли ее къ народамъ, до того времени никогда не видавшимъ лошадей, и, согласно этому, жители Отаити окрестили ее именемъ «свиньи, носящей человѣка», между тѣмъ какъ индѣйцы Сіуссы назвали ее «магическою собакою».

Для лучшаго пониманія того, какимъ образомъ слова стали выражать еще болѣе трудныя понятія, слѣдуетъ припомнить контрастъ между языкомъ движеній и разговорнымъ англійскимъ языкомъ. Мы видѣли, на сколько глухонѣмые лишены нашей способности выраженія общихъ и отвлеченныхъ понятій. Не должно думать, впрочемъ, что они совершенно не могутъ усвоивать такихъ понятій. Они употребляютъ знаки какъ общіе термины въ томъ случаѣ, когда они могутъ уловить какое нибудь качество или дѣйствіе какъ признакъ цѣлаго отдѣла. Такъ, похлопываніе руками на подобіе крыльевъ означаетъ всякую птицу или птицъ вообще, а движеніе, которымъ какъ бы становятся на четверинки, означаетъ звѣрей или четвероногихъ вообще. Движеніе, изображающее наливаніе чего нибудь изъ кружки, выражаетъ понятіе о жидкости вообще, которое у нихъ, какъ и у насъ, включаетъ воду, чай, ртуть; вѣроятно также, что у нихъ существуютъ, хотя и въ болѣе смутной формѣ, нежели у насъ, и другія отвлеченныя понятія, вродѣ бѣлизны, общей всѣмъ бѣлымъ вещамъ, и длины, ширины и толщины, свойственныхъ всѣмъ твердымъ предметамъ. Но въ то время, какъ знакъ глухонѣмаго долженъ всегда заставлять насъ думать о той самой вещи, которую онъ изображаетъ—произносимое слово на столько въ состояніи переносить свое значеніе, что можетъ слѣдовать за мыслью, куда бы она ни направилась. Поучительно взглянуть на слова съ этой точки зрѣнія; мы тогда увидимъ, какъ они, исходя изъ столь простыхъ мыслей, какъ тѣ, которыя обозначаются знаками американскаго дикаря, восходятъ до самыхъ трудныхъ терминовъ, употребляемыхъ законовѣдомъ, математикомъ и философомъ. Какъ сказалъ лордъ Бэконъ, слова у насъ сдѣлались счетными марками для понятій. При помощи словъ

мы въ состояніи обращаться съ отвлеченными понятіями, которыя мы получаемъ, сравнивая нѣкоторое число мыслей, но принимая во вниманіе только то, что въ нихъ есть общаго. Читатель, безъ сомнѣнія, легко и, можетъ быть, правильно пользуется такими словами, каковы: *сортъ*, *родъ*, *вещь*, *причина*, *дѣлать*, *быть*, *страдать*. Если онъ попытается уяснить себѣ, что̀ означается этими словами на самомъ дѣлѣ, то есть, какой смыслъ ихъ сопровождаетъ при всякомъ ихъ употребленіи, то онъ преподастъ самъ себѣ наилучшій урокъ изъ языкознанія или философіи, какой когда либо ему доводилось усвоивать. Для англичанъ, не знающихъ никакого другаго языка, кромѣ своего роднаго, соотвѣтствующія слова дѣйствительно представляютъ какъ бы счетныя марки, выбранныя случайно для выраженія ихъ мыслей. Научившись практическимъ путемъ, какъ и гдѣ прилагать ихъ къ дѣлу, люди даже рѣдко сознаютъ крайне отвлеченный характеръ этихъ словъ. Филологъ не можетъ прослѣдить вполнѣ исторію всѣхъ подобныхъ терминовъ, но онъ знаетъ достаточно для выработки убѣжденія, что они возникли изъ словъ, легче доступныхъ пониманію. Подобно тому, какъ на африканскомъ языкѣ борну *tando*, «ткать», превратилось въ общій глаголъ «дѣлать», и какъ на древнееврейскомъ языкѣ *bârâ*, «рѣзать» или «рубить», дошло до примѣненія къ созданію неба и земли, — такъ и англійское слово *to make* = «дѣлать» могло означать первоначально «соединять» или «прилаживать». Англійское слово *sort* = «сортъ», «родъ», происходитъ отъ латинскаго *sors*=«жребій», пройдя черезъ рядъ значеній, вродѣ «удѣлъ», «судьба», «состояніе», «случай», «доля»; англійское *kind*=«родъ», означаетъ «одного родства» или происхожденія; *to be*=«быть» могло означать «рости»; *to suffer* (страдать) означало «нести бремя». Высшая метафизика говоритъ о «воспріятіи идей» (*apprehension of ideas*), но эти, сдѣлавшіяся въ настоящее время темными, слова первоначально означали «схватываніе образовъ». Къ пользѣ, приносимой этимологіей, можно отнести именно то, что она учитъ, какъ люди создали такимъ образомъ изъ словъ, выражавшихъ простыя и легкія мысли, термины для болѣе сложныхъ и темныхъ понятій. Это—большая дорога, по которой человѣческій умъ шелъ отъ невѣдѣнія къ познанію.

Слѣдующій пріемъ языка, на который слѣдуетъ обратить вни-

маніе, представляетъ употребленіе «грамматическихъ» словъ, служащихъ для соединенія «предметныхъ» и показывающихъ, въ какомъ отношеніи послѣднія находятся другъ къ другу. И это уясняется при разсмотрѣніи языка движеній (стр. 117). Если глухонѣмой человѣкъ хочетъ сообщить движеніями, что «Джонъ пришелъ; онъ принесъ сбрую пони и положилъ ее на скамью»,—то онъ можетъ передать смыслъ этого довольно удовлетворительно, но онъ достигаетъ этого только простымъ изображеніемъ «предметныхъ» частей предложенія, каковы: «Джонъ», «сбруя», «пони», «нести», «скамья», «положить». Члены же неопредѣленный и опредѣленный (на англійскомъ и другихъ языкахъ), предлоги (замѣняемые по-русски падежами), союзъ *и*, вспомогательные глаголы и мѣстоименія *онъ*, *ее*, представляютъ такія грамматическія пособія, для которыхъ не существуетъ знаковъ въ естественной системѣ глухонѣмаго, и смыслъ которыхъ онъ узнаетъ лишь тогда, когда научается читать. Тѣмъ не менѣе, глухонѣмой, если бы онъ имѣлъ необходимость быть очень точнымъ при разсказѣ, дѣйствительно можетъ дать намъ хорошее понятіе о томъ пути, которымъ мы, говорящіе люди, пришли къ употребленію грамматическихъ словъ. Хотя онъ и не въ состояніи выразить приставкою неопредѣленнаго члена (англ. *a*), что дѣло идетъ о скамьѣ вообще, но онъ можетъ поднять одинъ палецъ, чтобы показать, что это «одна» *(one)* скамья, хотя у него нѣтъ знака (подобнаго англійскому члену *the*) для «опредѣленной» пони, но онъ можетъ указать, что это есть «эта пони» *(that pony)*; вмѣсто того, чтобы выразить принадлежность сбруи данной лошади (приставивъ въ англійскомъ языкѣ предлогъ *of* въ замѣнъ русскаго падежа), онъ можетъ затѣмъ показать, будто бы онъ снимаетъ эту сбрую «съ» пони *(off)*. Но англійская этимологія часто показываетъ, что наши грамматическія слова были созданы весьма сходнымъ образомъ изъ «предметныхъ»: *an* или *a* первоначально было числительнымъ *one* (одинъ), которое по шотландски и теперь еще называется *ane;* членъ *the* происходитъ изъ той же семьи словъ, откуда и *that*= «этотъ» и *there* = «тамъ»; падежный предлогъ *of* заимствованъ изъ того же источника, какъ и предлогъ *off*; союзъ *and* = «и» можно прослѣдить до болѣе реальнаго значенія «далѣе» или «затѣмъ»; глаголъ *to have* (имѣть) сдѣлался чисто вспомогательнымъ

въ «*J have* come» (я пришелъ), и все-таки сохраняетъ весь свой прежній смыслъ держанія или хватанія, когда кто-либо, схвативъ другаго, кричитъ: «*J have* him!» (я поймалъ его). Когда англичанинъ говоритъ, что онъ «*stands* corrected» (исправился), это не означаетъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ стоитъ на ногахъ (stands); здѣсь глаголъ to stands обратился въ грамматическое вспомогательное слово, передающее немногимъ болѣе нежели страдательная форма «is corrected» (исправленъ). Любопытно замѣтить, что мѣстоименія образуются такимъ же путемъ изъ болѣе «предметныхъ» словъ. Подобно тому, какъ глухонѣмой, чтобы выразить «я» или «ты», просто указываетъ пальцемъ на себя или на другаго, такъ и гренландское *uvanga*=«я», и *ivdlit* = «ты», суть производныя отъ *uv*=«здѣсь» и *iv*=«тамъ». Совершенно иной пріемъ встрѣчается у малайцевъ, гдѣ *âmba*=«рабъ» употребляется какъ мѣстоимѣніе «я» и *tuwan*=«господинъ», какъ мѣстоимѣніе «ты». Какимъ образомъ дѣло дошло до этого, ясно показываетъ древне-еврейскій языкъ: во фразахъ, переведенныхъ въ англійской библіи словами: «твой слуга говоритъ», «мой господинъ знаетъ», термины «твой слуга» и «мой господинъ» находятся въ процессѣ превращенія въ чисто личныя мѣстоимѣнія, означающія «я» и «ты», какъ это уже случилось дѣйствительно въ малайскомъ языкѣ. Провести какую нибудь точную границу между предметными и грамматическими словами невозможно, и именно по той простой причинѣ, что слова переходятъ изъ ихъ «предметнаго» стадія въ «грамматическій» столь постепенно, что то же самое слово можетъ употребляться обоими способами. Но хотя это различіе и не можетъ быть точнымъ, оно заслуживаетъ полнаго вниманія. Всякій, кто пожелалъ бы изложить какой нибудь понятный разсказъ на англійскомъ языкѣ, употребляя только предметныя слова, безъ помощи грамматическихъ частицъ, составляющихъ звенья и сочлененія изрѣченій, увидалъ бы, что употребленіе грамматическихъ словъ представляетъ одинъ изъ величайшихъ шаговъ, сдѣланныхъ человѣкомъ въ выработкѣ членораздѣльной рѣчи.

Филологія идетъ еще далѣе въ объясненіи, какимъ образомъ сложные грамматическіе пріемы возникли изъ простыхъ начатковъ. Различеніе «частей рѣчи», съ высоко развитою формою которыхъ мы всѣ знакомы изъ греческой и латинской грамматикъ, представ-

ляетъ полезное средство для указанія на соотношенія между различными мыслями, выражаемыми въ одномъ изрѣченіи. Возможно, однако, обходиться и безъ частей рѣчи, и нельзя предполагать, что онѣ существовали и въ самыхъ раннихъ формахъ языка. При разсмотрѣніи языка движеній уже было показано, что въ немъ не существуетъ никакихъ различій даже между именемъ существительнымъ и глаголомъ. Въ классическомъ китайскомъ языкѣ *thwan* означаетъ «круглый», «шаръ», «сидѣть вокругъ», и т. д.; *ngan* означаетъ «спокойный», «покойно», «успокоиться», «быть покойнымъ» и т. д. Мы, англичане, можемъ вполнѣ понять это, такъ какъ нашъ языкъ уже на столько потерялъ старинныя словоизмѣненія, что устранилъ различія между частями рѣчи почти на китайскій образецъ, употребляя извѣстное слово то какъ существительное, то какъ прилагательное, то какъ глаголъ, вродѣ the people's *quiet* (*спокойствіе* народа), *a quiet* people (*спокойный* народъ), *to quiet* the people (*успокоить* народъ), и безъ всякой церемоніи превращая глаголъ въ существительное, какъ въ *strike* (стачка) работниковъ (отъ to strike = ударить), или существительное въ глаголъ, какъ *to horse* a coach (поставлять лошадей для повозки, отъ the horse = лошадь). Можно наблюдать, какимъ образомъ совершается самое образованіе новыхъ частей рѣчи; такъ китайскій языкъ показываетъ, какимъ образомъ можно дѣлать предлоги изъ существительныхъ или глаголовъ. Напримѣръ, kuo *chung*, то есть (буквально) «королевство середина» употребляется въ смыслѣ «*въ* королевствѣ» и *sha jin i thing*, то есть «убитъ человѣкъ употребить палка» выражаетъ «убить человѣка *посредствомъ* палки». Такимъ же образомъ, одинъ африканскій языкъ, мандинго, мы застаемъ въ самомъ процессѣ обращенія въ предлоги существительныхъ *kang* = шея и *kono* = животъ, когда этотъ народъ говоритъ «положить столъ *шея*» вмѣсто «*на* столъ», и «домъ *животъ*» вмѣсто «*въ* домѣ».

Намъ предстоитъ затѣмъ разсмотрѣть способъ развитія языка путемъ сочетанія старыхъ словъ его для образованія новыхъ. Для этого надо брать слова не въ отдѣльности, но въ томъ видѣ, въ какомъ они слѣдуютъ одно за другимъ во время дѣйствительной рѣчи. Языкъ состоитъ изъ изрѣченій, изрѣченіе же составляется изъ словъ, и каждое слово представляетъ опредѣленно произноси-

мый звукъ, обладающій опредѣленнымъ значеніемъ. Самое простое понятіе объ изрѣченіи можно получить изъ такого языка какъ китайскій, гдѣ оно можетъ быть разложено на слова, состоящія каждое изъ одного слога. Такъ, *kou chi shi jin sse*, то есть, «собака свинья ѣсть человѣкъ пища», означаетъ, что собаки и свиньи ѣдятъ пищу людей. Группа языковъ, которые могутъ быть такъ вполнѣ расчленены на куски, называется *аналитическою* или изолирующею. Въ большинствѣ языковъ міра, однако, которые оказываются въ большей или меньшей мѣрѣ *синтетическими* или слагающими, склонность отдѣлять слова не столь сильна, и слова способны сливаться между собою. Чтобы уяснить себѣ, какимъ образомъ возникаютъ сложныя или составныя слова, вникнемъ нѣсколько внимательнѣе обыкновеннаго въ какое нибудь англійское изрѣченіе. Прислушиваясь къ нему, мы найдемъ, что произносимыя слова на самомъ дѣлѣ не стоятъ отдѣльно, какъ при писаніи, но, что слоги слѣдуютъ одинъ за другимъ непрерывно, пока говорящій не сдѣлаетъ остановки, далѣе, что слово отмѣчается не дѣйствительнымъ отдѣленіемъ его отъ остальныхъ, но тѣмъ, что на немъ дѣлается удареніе или (если употребить выраженіе м-ра Суита) тѣмъ, что на него налегаютъ. Мы замѣчаемъ, что отъ времени до времени нѣкоторыя слова оказываются фактически слившимися между собою. Какъ происходитъ постепенно подобное сліяніе, мы иногда пытаемся показать разнообразными способами писанія этихъ словъ, какъ, напр., въ словахъ *hard ware*, *hard-ware*, *hardware* (желѣзныя издѣлія), или *steam ship*, *steam-ship*, *steamship* (пароходъ). Прислушиваясь къ подобнымъ составнымъ словамъ, мы находимъ, что одно изъ нихъ потеряло свое удареніе, и что все сложное слово имѣетъ только одно удареніе. Таковъ пріемъ, употребляемый въ живой рѣчи нашею мыслью для того, чтобы обозначить голосомъ, что два слова слились въ одно. Дальнѣйшій шагъ состоитъ въ томъ, что звукъ одного изъ составныхъ словъ становится неяснымъ или усѣченнымъ, какъ въ конечныхъ словахъ составныхъ словъ: *waterman* (лодочникъ, прислужникъ при водопроводѣ и водопоѣ) и *wrongful* (несправедливый, оскорбительный). Или могутъ усѣкаться и оба сливающіяся слова, какъ *boatswain* (лоцманъ, шкиперъ) и *coxswain* (боцманъ), гдѣ правописаніе сохраняетъ еще первоначальное значеніе *swain* (молодца), управ-

ляющаго *boat* (лодкою) или *cockboat* (шлюпкою), но въ разговорной рѣчи слова сократились до того, что въ звуковой передачѣ можно бы писать *bosun*, *coxun*. Этотъ-то процессъ образованія новаго слова путемъ слiянія двухъ или болѣе старыхъ словъ и представляетъ одинъ изъ главныхъ пріемовъ, помощью котораго древніе и новые создатели словъ снабдили себя болѣе удобными для употребленія терминами, которые въ свою очередь, по мѣрѣ уменьшенія важности отдѣльныхъ частей, усѣкались во время произношенія. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этотъ процессъ не зашелъ слишкомъ далеко, филологи еще могутъ добираться до первоначальныхъ элементовъ подобныхъ словъ, различая *fourteen night* (четырнадцать ночей) въ *fortnight* (двѣ недѣли); *unus* и *decem* въ *undecim* (одиннадцать), сократившемся еще далѣе во французскомъ *onze*; *jus dico* въ латинскомъ *judex* (судья), дошедшемъ въ англійскомъ до *judge*.

Примѣромъ того, какимъ образомъ совершается сложеніе словъ въ языкахъ менѣе обычныхъ, можетъ послужить малайскій терминъ для «стрѣлы» = *anak-panah*, чтó означаетъ собственно «дитя—лукъ(а)», а также австралійскій терминъ для понятія «единодушный» =*gurdugynyul*, чтó значитъ на самомъ дѣлѣ «сердце—(въ) одно—приходить (пришло)». Чтобы показать, какимъ образомъ подобныя слова становятся сокращенными, можно взять мандингское слово для «сестры» =*mbadingmuso*, которое составлено изъ *mi bado dingo muso*, чтó означаетъ «моя(ей)—мать(ери)—дитя—женщина». Туземцы острова Ванкувера дали одному длиннобородому англичанину имя *Yakpus*; оказывается, что это имя произошло изъ *yakhpekukselkous*, составленнаго изъ словъ, означающихъ «человѣкъ съ длинными волосами на лицѣ», и въ разговорѣ принявшихъ усѣченный видъ *yakpus*. Если бы исторіи этого слова не довелось сохраниться, никто не могъ бы отгадать ее самъ. Это представляетъ весьма важный урокъ въ наукѣ о языкѣ, ибо весьма вѣроятно, что десятки тысячъ словъ въ языкахъ міра могли дойти до состоянія, въ которомъ мы находимъ ихъ теперь, путемъ сокращенія длинныхъ сложныхъ словъ, и, когда подобное сокращеніе производилось также безцеремонно, какъ въ нашемъ послѣднемъ примѣрѣ, и исторія его затѣмъ утратилась,—съ нею исчезла и всякая основательная надежда когда либо добраться снова до первона-

чальной формы и значенія слова. Къ тому же, подобный процессъ сокращенія можетъ постигать не только сложныя слова, но распространяться и на цѣлое изрѣченіе, какъ бы сливая его въ одно слово. Здѣсь синтетическій или слагающій принципъ достигаетъ своей наибольшей высоты. Въ качествѣ контраста съ аналитическимъ китайскимъ изрѣченіемъ, приведеннымъ на стр. 138 для того, чтобы показать совершенную отдѣльность его словъ, приведемъ теперь изрѣченіе на одномъ изъ африканскихъ языковъ, чтобы показать, до какой степени можетъ утрачиваться подобная отдѣльность. Когда негръ Гребо (Grebo) желаетъ выразить, что онъ очень сердитъ, онъ выражается по обыкновенію метафорически, что «это подняло кость въ моей груди». Полныя слова для этого выраженія были таковы: *e ya mu kra wudi;* но въ живой рѣчи онъ сливаетъ ихъ вмѣстѣ такимъ образомъ, что на самомъ дѣлѣ произноситъ *yamukroure*. Легко видѣть, что въ тѣхъ случаяхъ, когда подобное усѣченіе происходило безпрепятственно, языкъ какого нибудь варварскаго племени въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній можетъ измѣниться до того, что его врядъ ли будетъ возможно признать. Въ самомъ дѣлѣ, если обратить вниманіе на то, какъ сливаются англійскія слова при разговорѣ, не трудно будетъ придти къ убѣжденію, что и нашъ собственный языкъ претерпѣвалъ бы тѣ же быстрыя измѣненія, какія происходятъ въ варварскихъ языкахъ, если бы этому не препятствовали школьный учитель и типографщикъ, которые настаиваютъ на сохраненіи нашихъ словъ въ установившемся и раздѣльномъ видѣ.

Немногіе приведенные здѣсь примѣры составленія новыхъ словъ путемъ совокупленія старыхъ могутъ служить для уясненія того великаго принципа, что подобное комбинированіе, далеко не представляя собою какого нибудь источника затрудненій, оказывается однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ построенія языка. Въ частности, однимъ изъ великихъ открытій современной филологіи является установленіе факта, что грамматическое словопроизводство и словоизмѣненіе совершались отчасти путемъ словосложенія особеннаго рода. Стариннымъ ученымъ должно было казаться загадочнымъ и произвольнымъ дѣломъ, что латинскій языкъ выбралъ нѣкоторый рядъ не имѣющихъ значенія приставокъ для измѣненія словъ и для превращенія ихъ въ различныя части рѣчи (примѣръ: *ago*,

agis, *agit*, *agere*, *agens*, *actum*, *actor*, *actio*, *activus*, *active* и т. д.). Но эта загадочность до извѣстной степени разсѣялась, когда было замѣчено, что и въ новѣйшихъ языкахъ сліяніе словъ производило нѣчто въ томъ же родѣ. Такъ, окончаніе *hood*—въ *womanhood* (женственность, женскій полъ), и въ *priesthood* (священство, духовенство),—представляющее теперь простой грамматическій суффиксъ, въ старинномъ англійскомъ языкѣ составляло самостоятельное слово *hâd*, означавшее «форму», «порядокъ», «состояніе»; и суффиксъ (англійскихъ нарѣчій и прилагательныхъ) *ly* нѣкогда былъ отдѣльнымъ словомъ *like*=«подобный», какъ это видно изъ англосаксонскаго рѣченія *cwen-lic*, «королевѣ подобная», между тѣмъ какъ современные англичане говорятъ *queenly*. Въ англійскомъ языкѣ временъ Чосера (Chaucer) видно, какъ мѣстоимѣніе *thou* (ты) превратилось въ простое глагольное окончаніе (въ словахъ slepistow, herdistow—*спишь ты*, *слышишь ты*).

«He pokyd Iohan, and seyde, Slepist*ow*?
Herdist*ow* ever slik a sang er now?»

Въ англійскомъ языкѣ будущее время отъ глагола «давать» (to give) есть «I will give», или въ разговорной формѣ «I'll give». Здѣсь правописаніе раздѣляетъ то, что сливается произношеніемъ; но французское будущее время *donnerai*, *donneras*, представляетъ глаголъ *donner* со вспомогательнымъ глаголомъ *ai*, *as*, которые и пишутся и произносятся слитно, такъ что *je donnerai* оказывается въ сущности цѣлымъ предложеніемъ вродѣ «я имѣю дать». Множественныя *donnerons*, *donnerez* уже не могутъ быть раздѣлены подобнымъ образомъ по частямъ, такъ какъ остатки вспомогательнаго глагола здѣсь превратились въ лишенныя значенія грамматическія приставки *ons*, *ez*. Есть основаніе предполагать, что многія изъ приставокъ въ греческой и латинской грамматикахъ возникли тѣмъ же самымъ способомъ, то есть путемъ сочетанія отдѣльныхъ словъ и послѣдующаго сокращенія. Нельзя утверждать однако, что таково было происхожденіе всѣхъ приставокъ вообще. Какъ уже было указано въ предшествующей главѣ, когда человѣку надо выразить какую нибудь мысль, онъ оказывается достаточно искуснымъ для того, чтобы найти звукъ для ея обозначенія иногда весьма далеко заходящими путями. Такъ, приставка *ge*, съ по-

мощью которой нѣмецкій языкъ обыкновенно образуетъ причастіе прошедшаго времени, повидимому первоначально обозначала «съ» или «вмѣстѣ»,—смыслъ, который она и до сихъ поръ удерживаетъ въ словахъ, вродѣ *Gespiele*=«товарищъ по дѣтскимъ играмъ»: но вслѣдствіе какого-то страннаго перенесенія пріема она стала служить средствомъ для образованія причастій, какъ въ *gespielt* отъ *spielen* (играть). Такимъ же образомъ она употреблялась и въ англосаксонскомъ языкѣ, гдѣ отъ *clypian* (звать) производится причастіе прошедшаго *geclypod* (позванный), которое въ своей позднѣйшей формѣ *yclept* (названный) сохранило въ себѣ и теперь слѣдъ стариннаго грамматическаго пріема. Филологи должны постоянно помнить о способности создателей языка пользоваться звуками для какой нибудь новой цѣли, для которой первоначально они не предназначались. Такъ, въ англійскомъ языкѣ, перемѣна гласныхъ въ *foot* (нога), *feet* (ноги), и въ *find* (находить), *found* (нашелъ, найденный), служитъ теперь для склоненія имени существительнаго и для спряженія глагола. Между тѣмъ исторіи удалось показать, что это измѣненіе гласныхъ первоначально дѣлалось вовсе не ради подобной цѣли. Англосаксонское склоненіе доказываетъ, что гласная здѣсь не была признакомъ числа имени существительнаго; въ единственномъ это слово склонялось *fôt*, *fôtes*, *fêt*, во множественномъ—*fêt*, *fôta*, *fôtum*. Не была она и признакомъ времени въ англосаксонскомъ глаголѣ, гдѣ прошедшее совершенное отъ *findan* (находить) имѣло различныя гласныя для единственнаго числа *ic fand* (я нашелъ) и для множественнаго *we fundon* (мы нашли). Только позднѣйшіе англичане, ничего не зная о настоящихъ причинахъ, вызвавшихъ измѣненіе гласныхъ, стали пользоваться этимъ для отличія единственнаго числа отъ множественнаго, и настоящаго времени отъ прошедшаго.

При изслѣдованіи всякаго языка, грамматикъ долженъ по мѣрѣ возможности разлагать на части всѣ его составныя слова. Греческая и латинская грамматики научаютъ насъ, какимъ образомъ должно анализировать слова, освобождая ихъ отъ приставныхъ слоговъ, и такимъ путемъ доходить до существенной части или корня слова, обыкновенно представляющаго какое нибудь простое понятіе, выраженное простымъ звукомъ. Наилучшее представленіе о корнѣ мы получимъ, если будемъ считать его за слово, суще-

ствовавшее нѣкогда въ отдѣльности, какъ это было бы въ такомъ языкѣ, какъ англійскій. Даже въ тѣхъ языкахъ, гдѣ корни рѣдко появляются безъ прибавленія какой нибудь приставки, они могутъ стоять отдѣльно въ повелительномъ наклоненіи, вродѣ латинскаго *dic*=«скажи, говори», турецкаго *sev*=«люби!» Но во многихъ языкахъ корни могутъ быть отысканы только какъ воображаемая форма, путемъ сравненія группы словъ и выдѣленія общей части, принадлежащей всѣмъ этимъ словамъ. Такъ, въ латинскомъ, при сравненіи *gnosco*, *gnotus* (знаю, познанный) и пр., оказывается, что долженъ былъ существовать корень *gno*, содержащій понятіе знанія. Переходя къ греческому, въ *gignosco*, *gnosis*, *gnome* и пр., находимъ тотъ же корень съ тѣмъ же самымъ значеніемъ. Если обратиться затѣмъ къ санскритскому, подобный же звукъ *jnâ* оказывается коренною формою для «знанія». Сравнивая такимъ путемъ весь рядъ арійскихъ или индоевропейскихъ языковъ, находимъ, что въ древнія времена должно было существовать какое-то слово вродѣ *gna* со значеніемъ «знать», слѣды котораго могутъ быть открыты не только въ санскритскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, но и во многихъ другихъ языкахъ того же семейства, какъ, напр., въ русскомъ *знать*, въ англійскомъ *know*. Къ немногимъ подобнымъ арійскимъ корнямъ, которые читатель можетъ сразу узнать въ наиболѣе извѣстныхъ языкахъ, принадлежатъ: *sta*=стоять, *sad*=сидѣть, *ga*=идти, *i*=идти, *ma*=мѣрить, *da*=давать, *vdi*=видѣть, *rag*=править, *mar*=умирать. Повидимому, эти простые звуки утвердились въ своемъ значеніи еще въ тѣ отдаленныя времена, когда предки арійскихъ народовъ бродили со своими стадами по плоскогорьямъ Средней Азіи. Лишнее говорить изучающему антропологію о томъ, какой глубокій интересъ представляетъ подобное восхожденіе къ самымъ раннимъ извѣстнымъ кореннымъ словамъ всякаго семейства языковъ. Но въ то же время слѣдуетъ замѣтить, что даже и при изученіи самыхъ раннихъ родовъ корней мы рѣдко доходимъ до чего нибудь вродѣ дѣйствительнаго начала слова. Немногіе изъ нихъ могли дѣйствительно быть взяты изъ естественнаго языка, напримѣръ, *ru*=ревѣть, и если это было такъ, то мы имѣемъ здѣсь дѣло съ истиннымъ началомъ слова. Но большинство корней, къ какому бы языку въ мірѣ они не принадлежали, похожи на вышеприведенную

группу, гдѣ невозможно сказать съ увѣренностью, какимъ образомъ стали ихъ звуки выражать присвоенный имъ смыслъ. Пока этого не сдѣлано, будетъ вѣрнѣе не принимать такихъ корней за дѣйствительно первобытныя образованія, ибо они могли имѣть длинную забытую исторію, полную самыхъ крайнихъ измѣненій. Поучительный примѣръ того, какимъ образомъ это могло случиться, можетъ дать нашъ собственный (англійскій) языкъ. Представимъ себѣ человѣка, знающаго только по англійски и пытающагося добраться до корней своего языка. Глаголъ to *roll* (катать, кататься) можетъ показаться ему кореннымъ словомъ, первобытнымъ элементомъ языка; въ самомъ дѣлѣ, его принимали уже за естественный звукъ, подражающій акту катанія. Между тѣмъ, всякій филологъ скажетъ нашему изслѣдователю, что англійское *roll* представляетъ сравнительно новую форму, прошедшую черезъ длинный рядъ болѣе раннихъ стадіевъ. Оно было заимствовано отъ французскаго *rolle*, *roller*, превратившихся теперь въ *rôle*, *rouler*; всѣ эти слова произошли отъ латинскаго *rotulus*, представляющаго уменьшительное отъ *rota*=«колесо», а это слово въ свою очередь произошло отъ еще болѣе древняго глагола и означало бѣгуна или ходока. Еще болѣе полна неожиданностей исторія другаго англійскаго слова, представляющаго теперь всѣ части глагола, *to check*, *checking*, *checked* (останавливать, останавливающій, остановленный) рядомъ съ такими формами, какъ *ch ck* «остановка кого нибудь на ходу», *check*—string «шнурокъ для остановки кучера», *check*-valve «заслонка для остановки воды въ трубѣ». Это слово *check* имѣетъ всю простоту звука и смысла, которая могла бы принадлежать какому нибудь первоначальному коренному слову. Тѣмъ не менѣе, какъ это ни странно, оно въ дѣйствительности представляетъ персидское слово шахъ, означающее «государь» и явившееся въ Европу вмѣстѣ съ шахматною игрою, какъ слово вызова королю; отсюда уже оно, путемъ любопытной метафоры, перешло въ общее слово для всякой остановки чего либо и кого либо. Весьма возможно, что многія коренныя слова у грековъ или евреевъ или даже простыя односложныя слова китайцевъ могли въ теченіи доисторическихъ временъ отдалиться отъ своего истиннаго начала столь же значительно, какъ и только что упомянутые англійскіе глаголы. Такимъ образомъ, корни, изъ ко-

торыхъ развивается языкъ, могутъ часто происходить, такъ сказать, изъ еще болѣе раннихъ сѣмянъ или отводковъ, выросшихъ дома или ввезенныхъ изъ-заграницы, и хотя въ наше время слова большею частью производятся отъ старинныхъ корней, способность къ проростанію новыхъ корней все таки не утрачена.

Послѣ того какъ мы разсмотрѣли производство словъ въ столь общихъ чертахъ, какъ это соотвѣтствуетъ нашей цѣли, мы должны теперь сказать кое-что о томъ, какимъ образомъ языкъ ухищряется показать соотношеніе между словами какого нибудь изрѣченія. Это совершается при помощи того, что грамматика называетъ синтаксисомъ, согласованіемъ и управленіемъ. Мы уже видѣли (стр. 117), что языкъ движенія, хотя онъ и лишенъ грамматическихъ формъ, обладаетъ вполнѣ опредѣленнымъ синтаксисомъ. Знаки глухонѣмаго должны слѣдовать одинъ за другимъ непремѣнно въ надлежащемъ порядкѣ, иначе они передадутъ значеніе невѣрно или и просто покажутся безсмыслицею. Равнымъ образомъ, и въ разговорныхъ языкахъ, не измѣняющихъ своихъ словъ, вродѣ китайскаго, синтаксисъ составляетъ главную часть грамматики; такимъ образомъ, *li ping*=острое оружіе, *ping li*=оружіе остро; *chi kuo*= управлять королевствомъ, но *kuo chi*=королевство управляется. Это представляется намъ совершенно естественнымъ, ибо современный англійскій языкъ далеко подвинулся въ направленіи къ китайскому плану заставлять смыслъ предложенія зависѣть отъ порядка словъ; мы (англичане) такимъ образомъ отмѣчаемъ разницу между *rank of families* (санъ семействъ) и *families of rank* (сановныя семейства), или между *men kill lions* (люди убиваютъ львовъ), и *lions kill men* (львы убиваютъ людей). Совершенно иначе въ латинскомъ языкѣ, гдѣ слова могутъ быть располагаемы съ такою свободою, что англійскій читатель врядъ ли былъ бы въ состояніи понять смыслъ какой либо фразы Тацита, не расположивъ предварительно слова ея въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онъ можетъ придумать ихъ. Особенно въ латинскихъ стихахъ часто оказывается не болѣе синтаксиса, чѣмъ оказалось бы при расположеніи ряда слоговъ, лишенныхъ смысла, въ порядкѣ, удовлетворяющемъ требованіямъ скандированія. Смыслъ разъясняется только грамматическими словоизмѣненіями; такъ въ предложеніи «vile potabis modicis Sabinum cantharis» флексіи показываютъ, что де-

шевизна имѣетъ отношеніе къ вину, и малая величина къ кружкамъ. Англійскій переводъ можетъ быть понятенъ только при болѣе строгомъ порядкѣ словъ, именно потому, что многія словоизмѣненія исчезли изъ нашего языка. Тамъ, гдѣ смыслъ фразъ зависитъ отъ порядка словъ или синтаксиса, этотъ порядокъ долженъ быть непремѣнно соблюдаемъ, но при этомъ должно помнить, что онъ различенъ въ различныхъ языкахъ. Ограничиваемся однимъ примѣромъ въ малайскомъ языкѣ, гдѣ *orang* «человѣкъ» и *utan* «лѣсъ», а дикари и обезьяны называются *orang-utan*, что совершенно обратно англійской конструкціи *forest man* (лѣсной человѣкъ).

Каждый, кто въ состояніи дѣлать конструкцію греческихъ и латинскихъ фразъ, можетъ ясно видѣть истинныя услуги оказываемыя управленіемъ и согласованіемъ, которыя показываютъ, какимъ образомъ связаны между собою слова предложенія, какое качество приписывается данному предмету, или кто дѣйствуетъ и при этомъ на что дѣйствуетъ. Но даже и греческій, и латинскій языки претерпѣли столько значительныхъ измѣненій съ прежнихъ временъ, что и они часто не могутъ съ ясностью указать изслѣдователю, о чемъ именно и почему говорится. Полезно ознакомиться съ языками болѣе грубыхъ націй, которые представляютъ управленіе и согласованіе словъ въ болѣе раннихъ и болѣе ясныхъ стадіяхъ развитія. Одна изъ главнѣйшихъ цѣлей грамматической конструкціи состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать намъ совершенно яснымъ, которое изъ двухъ данныхъ именъ существительныхъ составляетъ подлежащее и которое—дополненіе,—показать, напримѣръ, вождь ли убилъ медвѣдя, или медвѣдь вождя. Надлежащимъ образомъ прибавленная частица можетъ удовлетворить этой цѣли, какъ это дѣлается, напримѣръ, альгонквинскими индѣйцами, приставляющими слогъ *un* и къ имени существительному, и къ глаголу, подражать чему въ переводѣ мы можемъ при помощи приставленія мѣстоименія «его»:

Ogimau ogi nissa*un* mukw*un*.
Вождь убилъ-*его* медвѣдь-*его*.
Mukwah ogi nissa*un* ogima*un*.
Медвѣдь убилъ-*его* вождь-*его*.

Это даетъ нѣкоторое понятіе о томъ естественномъ способѣ, которымъ можетъ входить въ употребленіе грамматическое управленіе словъ для отличенія частей предложенія. Въ то же время изъ этого примѣра видно, что различные языки могутъ идти къ одной и той же цѣли различными путями, ибо на альгонквинскомъ языкѣ согласуется глаголъ и дополненіе, и подлежащее, такъ сказать, управляетъ обоими, что совершенно несходно съ нашимъ правиломъ согласованія глагола съ именительнымъ падежемъ или подлежащимъ. Чтобы видѣть процессъ согласованія въ гораздо болѣе ясной и полной формѣ, нежели въ латинскомъ языкѣ, мы можемъ обратиться къ готтентотскому языку, гдѣ предложеніе принимаетъ приблизительно слѣдующую форму: «женщина-*она* нашего племени-*она*, богатая-*она*, въ другой деревнѣ живетъ-*она*, хвалимъ скотъ-*она*, *она* подарила намъ два теленка-*она*». Мѣстоименіе, повторяющееся во всѣхъ частяхъ изрѣченія, дѣлаетъ здѣсь очевиднымъ даже для самаго тупаго слушателя, что дѣло идетъ о женщинѣ, которая богата, которая живетъ въ другой деревнѣ, скотъ которой восхваляется, и которая даетъ двухъ своихъ телятъ. Окончанія въ греческомъ или латинскомъ предложеніи, показывающія согласованіе существительнаго и прилагательнаго съ относящимся къ нимъ глаголомъ, суть остатки приставокъ, которыя нѣкогда могли выражать свое значеніе съ такою же ясностью, съ какою онѣ еще выражаютъ его въ языкѣ готтентотовъ. Другой—и даже еще болѣе поучительный для филолога—пріемъ согласованія словъ появляется въ языкѣ зулусовъ, который подраздѣляетъ предметы на отдѣлы и затѣмъ извѣстный отличительный слогъ отдѣла проводитъ прямо черезъ все изрѣченіе, такъ чтобы связать между собою всѣ слова, къ которымъ прибавляется этотъ слогъ. Такъ, «u-*bu*-kosi *b*-etu o-*bu*-kulu *bu*-ya-bonakala si-*bu*-tanda» означаетъ, что «видно наше великое королевство, мы любимъ его». Здѣсь *bu*, признакъ отдѣла, къ которому принадлежитъ королевство, повторяется въ каждомъ относящемся къ послѣднему слогѣ [1]). Этотъ пріемъ весьма неуклюжъ, но онъ удовлетворяетъ великой цѣли человѣческой рѣчи — сдѣлать смыслъ ея яснымъ внѣ всякаго сомнѣнія. Такъ,

---

[1]) Исключаемъ попытку Блэка объяснить этотъ пріемъ примѣромъ изъ англійскаго языка, такъ какъ по русски онъ не имѣетъ смысла. *Пр. перев.*

пользуясь различными слогами, обозначающими классы, для единственнаго и множественнаго числа, и проводя ихъ черезъ цѣлое изрѣченіе, языкъ зулусовъ показываетъ согласованіе въ числѣ съ бо́льшею ясностью, нежели это можетъ сдѣлать греческій или латинскій. Но языкъ зулусовъ, со всѣми своими признаками классовъ, не признаетъ того, что́ мы называемъ «родомъ». Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ остается загадкою въ филологіи, что́ могло заставить говорившихъ на арійскихъ языкахъ, вродѣ греческаго, или семитическихъ, вродѣ еврейскаго, ввести въ употребленіе такую неразумную классификацію предметовъ и понятій по полу, какую мы встрѣчаемъ въ этихъ языкахъ. Въ числѣ примѣровъ, взятыхъ изъ латинскаго языка, стоитъ только взглянуть, въ отношеніи пола, на слѣдующія слова: *pes* («нога», мужеск. рода), *manus* («рука», женск. р.), *brachium* («плечо», средняго); *amor* («любовь», муж. р.), *virtus* («добродѣтель», женск. р.), *delictum* («преступленіе», средн. р.). Нѣмецкій языкъ представляетъ столь же нелѣпое распредѣленіе родовъ, какъ это могутъ засвидѣтельствовать: *der* Hund (собака, м. р.), *die* Ratte (крыса, ж. р.), *das* Thier (животное, ср. р.), *die* Pflanze (растеніе, ж. р.). Въ англо-саксонскомъ, *wîf* (англ. *wife*, «жена») было средняго рода, между тѣмъ какъ *wîf-man* (то есть «wife-man», «жена-человѣкъ», англ. *woman*, «женщина») было мужескаго рода. Современный англійскій языкъ, отбросивъ старую систему грамматическихъ родовъ, которая сдѣлалась, наконецъ, хуже, чѣмъ безполезною, подалъ примѣръ, которому съ пользою могли бы послѣдовать французскій и нѣмецкій языки. Тѣмъ не менѣе должно помнить, что приспособленія языка, хотя они могутъ отживать и становиться нелѣпыми, никогда не были нелѣпыми первоначально. Нѣтъ сомнѣнія, что система родовъ въ древнихъ языкахъ представляетъ остатки болѣе стараго и болѣе состоятельнаго плана. Существуютъ языки, которые не входятъ въ наше классическое образованіе, но которые показываютъ, что *genus* «родъ», «классъ», никоимъ образомъ не означаетъ непремѣнно пола. Такъ, въ альгонквинскихъ языкахъ Сѣверной Америки и въ дравидійскихъ Южной Индіи, предметы дѣлятся не на мужской и женскій роды, но на живые и мертвые, разумные и неразумные, и соотвѣтственно этому относятся къ одушевленному или большему роду и къ неодушевленному или мень-

шему. Замѣтивъ, какимъ образомъ зулусское согласованіе достигаетъ своей цѣли путемъ правильнаго повторенія признака класса, мы начинаемъ понимать, какимъ путемъ въ арійскихъ языкахъ признаки числа и рода могли войти въ употребленіе, какъ подобное же средство для проведенія черезъ изрѣченіе указанія на то, что данное существительное относится къ данному прилагательному и данному глаголу. Тѣмъ не менѣе, такому согласованію даже въ санскритскомъ, греческомъ, латинскомъ и готскомъ языкахъ недостаетъ той полноты и ясности, какія замѣчаются у варварскихъ народовъ Африки, между тѣмъ какъ въ языкахъ современной Европы, особенно въ англійскомъ, оно большею частью исчезло,—вѣроятно потому, что съ прогрессомъ умственнаго развитія оно оказалось болѣе ненужнымъ.

Факты, приведенные въ этой главѣ, дадутъ читателю нѣкоторое представленіе о томъ, какимъ образомъ человѣкъ вырабатывалъ и продолжаетъ вырабатывать языкъ. Всякій, кто началъ съ изученія грамматики такихъ языковъ, какъ греческій или арабскій, или даже такихъ изъ варварскихъ языковъ, какъ зулусскій или эскимосскій, сочтетъ ихъ удивительно искусственными системами. Въ самомъ дѣлѣ, если бы одинъ изъ этихъ языковъ внезапно возникъ у какого нибудь изъ человѣческихъ племенъ, такое явленіе пришлось бы счесть въ высшей степени загадочнымъ и необъяснимымъ событіемъ. Но когда мы начинаемъ изученіе съ другаго конца, замѣчая шаги, которыми словосочиненіе и словосложеніе, склоненіе и спряженіе, согласованіе и синтаксисъ развиваются изъ самыхъ простыхъ и грубыхъ начатковъ,—тогда образованіе языка представляется намъ разумнымъ, цѣлесообразнымъ и вполнѣ понятнымъ. Въ предшествующей главѣ было показано, что человѣкъ до сихъ поръ еще обладаетъ способностью вводить въ употребленіе новые звуки для выраженія своихъ мыслей; теперь мы можемъ прибавить, что онъ еще обладаетъ способностью построить эти звуки въ выработанную членораздѣльную рѣчь. Такимъ образомъ каждое человѣческое племя одарено способностями, которыя, если бы оно не унаслѣдовало уже готовый языкъ своихъ предковъ, могли бы дать ему возможность создать новый, свой собственный языкъ.

ГЛАВА VI.

Языкъ и раса.

Усвоеніе и утрата языка.—Языкъ предковъ.—Семейства языковъ.—Арійское.—Семитическое.—Египетское, берберійское и т. д.—Татарское или туранское.— Юго-восточно-азіатское. — Малайско-Полинезійское. — Дравидійское.—Африканское, банту, готтентотское.—Американское. — Ранніе языки и расы.

Слѣдующимъ вопросомъ является: что можно узнать изъ языковъ относительно исторіи говорящихъ на нихъ народовъ и расъ, къ которымъ принадлежатъ эти народы?

Въ предшествовавшихъ главахъ, при раздѣленіи человѣчества на породы или расы по формѣ черепа, по цвѣту кожи и по другимъ тѣлеснымъ признакамъ, мы не принимали въ разсчетъ языка, какъ примѣты расы. Дѣйствительно языкъ, которымъ говоритъ человѣкъ, не представляетъ полнаго и вѣрнаго доказательства его происхожденія. Существуютъ даже случаи, гдѣ онъ можетъ ввести въ полное заблужденіе; такъ, каждый изъ насъ видалъ людей, которые говорятъ только по англійски, но имѣютъ китайскія или африканскія черты лица, и которыя, по наведеніи справокъ, оказываются вывезенными въ раннемъ дѣтствѣ изъ ихъ родной страны. Каждому изъ насъ также хорошо извѣстны случаи, гдѣ при скрещиваніи языкъ одного изъ родителей исчезаетъ, и люди, носящіе фамилію Буало или Мюллеръ, представляются настоящими англичанами по языку, несмотря на своихъ французскихъ и нѣмецкихъ предковъ. Не только отдѣльныя особи, но цѣлые народы могутъ утрачивать свой родной языкъ такимъ путемъ. Негры, ввезенные въ Америку, какъ рабы, были взяты изъ различныхъ племенъ и

не имѣли никакого общаго языка; вслѣдствіе этого они стали говорить между собою на языкѣ своихъ бѣлокожихъ хозяевъ, и въ настоящее время можно наблюдать курьезное зрѣлище чернокожихъ семей съ шерстистыми волосами, бесѣдующихъ другъ съ другомъ на ломанномъ англійскомъ, французскомъ или испанскомъ языкѣ. Въ нашей собственной странѣ, въ Корнуэльсѣ, недавно вышелъ изъ употребленія кельтскій языкъ древнихъ бриттовъ; современемъ то же произойдетъ и въ Уэльсѣ. Тѣмъ не менѣе, въ смѣшанномъ населеніи Корнуэльса — все равно, говоритъ ли оно на кельтскомъ языкѣ или нѣтъ — остается кельтская кровь, и относить современныхъ корнуэльцевъ къ чистой англійской расѣ только потому, что они говорятъ по англійски, было бы неправильнымъ употребленіемъ данныхъ, доставляемыхъ языкомъ. Подобное небрежное сопоставленіе языка и расы, какъ будто бы они всегда идутъ рука объ руку, уже не разъ приводило къ неправильнымъ антропологическимъ выводамъ. Тѣмъ не менѣе они идутъ рука объ руку въ значительной мѣрѣ. Хотя языкъ человѣка въ дѣйствительности свидѣтельствуетъ не о его происхожденіи, но о его воспитаніи, все таки большинство дѣтей фактически воспитываются родителями и наслѣдуютъ ихъ языкъ, наравнѣ съ ихъ чертами лица. Пока люди одной расы и одного языка живутъ вмѣстѣ среди своего народа, ихъ языкъ остается расовымъ признакомъ, общимъ имъ всѣмъ. И хотя отъ времени до времени въ дѣло вмѣшиваются переселенія и скрещиванія, покореніе и рабство, такъ что національный языкъ народа не можетъ разсказать всю исторію предковъ послѣдняго,—все таки онъ можетъ разсказать нѣкоторую часть ея, и именно самую важную часть. Такъ, въ Корнуэльсѣ англійскій языкъ представляетъ настоящее историческое свидѣтельство о поселеніи англичанъ въ этой странѣ, хотя онъ и не въ состояніи разсказать намъ о кельтской расѣ, которая жила въ странѣ до англичанъ, и съ которою послѣдніе смѣшались. Словомъ, указанія, даваемыя языкомъ извѣстной націи относительно ея расы, нѣсколько похожи на указанія, доставляемыя фамиліею человѣка относительно его семьи, то есть, они даютъ далеко не всю исторію, но одну важную черту ея.

Затѣмъ слѣдуетъ посмотрѣть, что̀ могутъ свидѣтельствовать намъ языки міра относительно ранней исторіи народовъ. При раз-

смотрѣніи доказательствъ въ пользу связи между языками необходимо соблюденіе крайней осторожности. Мало пользы можно ожидать отъ простаго сравненія между двумя языками, какое склонны были дѣлать старомодные филологи, которые, найдя съ полдюжины сходныхъ словъ, рѣшали, безъ дальнѣйшихъ хлопотъ, что изслѣдуемые два языка представляютъ остатки одного первобытнаго, давшаго происхожденіе имъ обоимъ. При болѣе тщательныхъ филологическихъ сравненіяхъ нашего времени, многія сходства словъ приходится отбросить, признавая ихъ недоказывающими никакой связи. Въ любыхъ двухъ языкахъ навѣрное возможно отыскать по нѣсколько словъ, которыя сходны между собою по чистой случайности; такъ, напр., *tiputa* языка жителей Островъ Товарищества, означающее «плащъ», похоже на наше англійское слово *tippet*, означающее «мѣховой воротникъ». Слова должны быть сравниваемы между собою только тогда, когда, на ряду со сходствомъ въ звукахъ, существуетъ и соотвѣтственность въ значеніи, иначе откроется широкій путь для различныхъ фантазій, вродѣ соображеній того автора, который связываетъ извѣстное полинезійское слово *tabu*, «священный», съ *tabut*, арабскимъ названіемъ ковчега завѣта, повидимому, только потому, что послѣдній представлялъ собою весьма священный предметъ. Равнымъ образомъ ничего не доказываютъ въ этомъ отношеніи и звукоподражательныя слова; напр., какъ индусы, такъ и дикари Ванкуверова острова называютъ ворону *kaka*, но это не потому, что ихъ языки стоятъ въ какой нибудь связи между собою, а просто потому, что таковъ крикъ этой птицы. Важнѣе всего увѣриться, что сравниваемыя слова дѣйствительно принадлежатъ къ древнему запасу словъ языка, въ которомъ они найдены. Недавно одинъ авторъ доказалъ къ своему удовольствію, что турецкій, арабскій и персидскій языки составляютъ вѣтви одного первобытнаго; доказательство его заключалось въ томъ, что турки называютъ человѣка *adam*,—какъ называютъ перваго человѣка арабы—и отца—*pader*, что́ сходно съ персидскимъ словомъ для того же понятія. Правда, самый фактъ вѣренъ, но авторъ упустилъ изъ виду, что турки втеченіе вѣковъ обогащали свой варварскій языкъ заимствованіемъ словъ изъ культурныхъ арабскаго и персидскаго языковъ, и что *adam* и *pader* принадлежатъ именно къ подобнымъ словамъ, заимствованнымъ въ

позднѣйшія времена, и, слѣдовательно, въ филологическомъ отношеніи вовсе не принадлежатъ турецкому языку. Подобныя заимствованія словъ дѣйствительно представляютъ весьма цѣнное свидѣтельство, но оно доказываетъ не общность происхожденія языковъ, а только существованіе сношеній между народами, говорящими на этихъ языкахъ. Они часто даютъ указанія относительно страны, изъ которой было получено какое нибудь новое произведеніе, у которой переняли какое нибудь новое орудіе, или идею, или учрежденіе. Такимъ образомъ, уже сами слова въ англійскомъ языкѣ показываютъ намъ, что Италія снабдила насъ понятіями, обозначаемыми словами: *opera*, *sonata*, *chiaroscuro*, между тѣмъ какъ Испанія дала *gallina* («курица») и *mulatto*; что отъ евреевъ мы получили *sabbath* и *jubilee*, отъ арабовъ—*zero* и *magazine*, въ то время какъ Мехика доставила намъ *chocolate* и *tomato*, Гаити—*hammok* («койка») и *hurricane* («ураганъ»), Перу — *guano* и *quinine* («хининъ»), и даже языки острововъ Тихаго океана представлены словами *taboo* («запрещеніе») и *tatoo* («татуированіе»). Но во всемъ этомъ нѣтъ ни капли доказательства, что какой нибудь изъ этихъ языковъ произошелъ изъ одного семейства съ какимъ нибудь другимъ.

Когда два языка имѣютъ подобное общее происхожденіе, то для удостовѣренія этого филологъ не довольствуется простымъ подъискиваніемъ нѣсколькихъ словъ со сходными звуками. На самомъ дѣлѣ онъ ожидаетъ найти, что слова общаго пра-языка не только измѣнились въ происходящихъ отъ него языкахъ, но что они измѣнились согласно различнымъ правиламъ. Такъ, онъ знаетъ, что, согласно такъ называемому Гриммову закону, англійскія *ten* (десять) и *tame* (смирный, прирученный) должны явиться въ нѣмецкомъ съ другою начальною буквою, въ видѣ *zehn*, *zahm*, между тѣмъ какъ въ латинскомъ они должны быть представлены въ видѣ *decem*, *domare*. Съ тою же самою правильностью измѣненія, звукъ *k* нѣкоторыхъ полинезійскихъ языковъ превращается въ другихъ въ *t*; такъ, слово «человѣкъ», на Сандвичевыхъ островахъ *kanaka* (откуда наши матросы называютъ всякаго обитателя острововъ Тихаго Океана *kanaker*), на Новой Зеландіи обращается въ *tangata*. Переходя отъ звуковъ словъ къ ихъ строенію, сравнительный филологъ предполагаетъ, что если два языка родственны между со-

бою, то они должны обнаруживать такое сходство въ корняхъ и въ составленіи словъ, что ихъ подобіе не можетъ быть объяснено ни случайностью, ни заимствованіемъ. Въ первой главѣ, въ виду иной цѣли, мы привели примѣры языковъ, продолжающихъ обнаруживать свою тѣсную связь при отклоненіи отъ первоначальныхъ общихъ коренныхъ языковъ. Читатель можетъ найти полезнымъ взглянуть еще разъ на эти примѣры (стр. 12), прежде чѣмъ перейти къ нижеслѣдующему очерку семействъ языковъ, принадлежащихъ различнымъ расамъ людей.

Языки бѣлыхъ людей большею частію принадлежатъ къ двумъ большимъ семействамъ, къ арійскому и семитическому. Начнемъ съ арійскаго семейства, называемаго также индоевропейскимъ и включающаго языки части южной и западной Азіи и почти всей Европы. Первоначальный языкъ, отъ котораго они всѣ произошли, можетъ быть названъ *первобытнымъ арійскимъ*. Каковы были корни этого древняго языка и какимъ образомъ они слагались въ слова, изслѣдователь можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе изъ греческаго и латинскаго, но еще лучше изъ санскритскаго, гдѣ какъ корни, такъ и словоизмѣненіе сохранились въ болѣе совершенномъ и правильномъ состояніи. Въ видѣ грубой иллюстраціи того, какимъ образомъ могутъ быть различаемы въ санскритѣ слова общеизвѣстныхъ европейскихъ языковъ, можно привести одну строку изъ перваго гимна Веды, гдѣ вѣрующіе умоляютъ Агни, божественный огонь, чтобы онъ сдѣлался доступнымъ для насъ, какъ отецъ для сына, и находился близь насъ ради нашего счастія:

Sa nah pitâ-iva sûnave Agne su-upâyanah bhava: sachasva nah svastaye.

Здѣсь можно съ большею или меньшею ясностью различить слова, стоящія въ связи съ латинскими, греческими и англійскими, *nos*, *pater*, *son*, *ignis*, *up*, *be*, *sequi*, *cuesto* и др. Хотя первобытный арійскій представляетъ утратившійся языкъ, филологи пытаются возстановить его путемъ сравненія его древнѣйшихъ производныхъ, каковы санскритскій, древне-персидскій, греческій, латинскій, древне-русскій, готскій, древнеирландскій и др. Разъ признано, что нѣкогда существовалъ первобытный арійскій языкъ, долженъ былъ

существовать и народъ, который говорилъ на немъ, и потомки котораго сохранили его до позднѣйшихъ вѣковъ. Трудно нарисовать съ какою нибудь вѣрностью изображеніе самихъ первобытныхъ арійцевъ (см. стр. 107), ибо впродолженіи своихъ переселеній и завоеваній они такъ смѣшались съ другими расами, что въ настоящее время народы, объединяемые арійскою рѣчью, включаютъ крайнія разновидности бѣлокожихъ людей, начиная отъ исландца до индуса. Полагаютъ, что раннимъ мѣстомъ жительства арійцевъ была внутренняя Азія, можетъ быть, нынѣшній Туркестанъ, область Окса и Яксарта, потому что отсюда открывается удобный путь для переселенія кочевниковъ, съ ихъ стадами и табунами, съ одной стороны, въ Персію, съ другой—въ Индію. Такъ какъ Индія и Персія въ языкахъ своихъ священныхъ книгъ сохранили арійскій языкъ въ менѣе измѣненномъ видѣ, нежели это представляется въ другихъ мѣстахъ, то можно заключить, что страна, изъ которой пришли вторгнувшіеся арійцы, находилась гдѣ нибудь неподалеку. Но она могла быть и далѣе къ востоку, въ Центральной Азіи, или далѣе къ западу, на русскихъ равнинахъ. На этой родинѣ, гдѣ бы она ни находилась, арійцы жили въ видѣ варварскихъ, но не дикихъ клановъ, воздѣлывая почву и пася свои стада и табуны; они обработывали металлы и были свѣдущи во многихъ житейскихъ ремеслахъ; были воинственны и выѣзжали на бой въ колесницахъ; были способны управлять и повиноваться, составлять законы и держаться ихъ; имѣли религію и ревностно покланялись солнцу, небу, огню и водѣ и благочестиво вѣровали въ божественныхъ духовъ своихъ предковъ. Неся съ собою свой языкъ, законы и религію, эти основатели національностей, разселяясь по лучеобразно-расходящимся путямъ, распространились по югозападной Азіи и всей Европѣ. При этомъ переселеніи они нашли страну населенной дравидійцами, шамарами и, безъ сомнѣнія, еще многими другими породами, имѣвшими нѣкогда обширное распространеніе, вродѣ басковъ, языкъ которыхъ и до сихъ поръ еще держится въ Пиренеяхъ. Тамъ, гдѣ древніе языки исчезли, свидѣтельство о прежнемъ населеніи Европы можно получить только отъ ихъ могилъ и прочесть въ чертахъ нынѣшнихъ націй, потому что эти черты часто могутъ принадлежать болѣе первоначальному народу, нежели вторгнувшимся арій-

цамъ. Самыми ранними арійскими ордами, двинувшимися на западъ, могли быть предки кельтійскихъ народовъ, такъ какъ языкъ послѣднихъ подвергся наибольшей перемѣнѣ, и они встрѣчаются на далекомъ западѣ Европы, какъ будто они были тѣснимы слѣдовавшими за ними кельто-скандинавскими племенами—своими далекими родичами, но не друзьями. Предки греко-италійскихъ народностей пошли на западъ, пока не достигли Средиземнаго моря; послѣдними пришли славянскіе народы, занимающіе въ настоящее время восточную Европу. Таковы свѣдѣнія о начальномъ періодѣ арійскихъ націй, которыя можно извлечь изъ ихъ языковъ и изъ ихъ географическаго размѣщенія. Появленіе ихъ на всемірной сценѣ, гдѣ уже давно играли главныя роли египтяне и вавилоняне, относится не къ самымъ раннимъ періодамъ исторіи. Арійцы выступаютъ впродолженіи послѣдняго тысячелѣтія христіанской эры, когда среди нихъ возникаетъ религія Будды, насчитывающая теперь наибольшее число послѣдователей въ мірѣ; когда достигаютъ господства мидяне и персы, и появляется Киръ со своимъ побѣдоноснымъ войскомъ; когда греки начинаютъ вліять своею удивительною силою мысли на искусство, науку и философію; и когда римляне устанавливаютъ свою военную и юридическую систему, сдѣлавшую ихъ державнымъ народомъ. Въ позднѣйшіе періоды двигателями цивилизаціи становятся наши тевтонскія народности; сначала выступившіе ея разрушителями, арійскіе народы удержали за собою и въ современномъ мірѣ поприще завоеванія и объединенія съ другими народами, на которое они вступили въ доисторическія времена. За предѣлами міра, бывшаго извѣстнымъ древнимъ, на арійскихъ языкахъ говорятъ теперь на далекихъ материкахъ и островахъ: въ однихъ случаяхъ это потомки бѣлокожихъ колонистовъ изъ Европы, истребившихъ, или изгнавшихъ прежнихъ обитателей страны; въ другихъ—потомки тѣхъ же европейцевъ, слившихся съ туземными народностями, какъ въ Мехико или Перу.

Перейдемъ теперь къ языкамъ слѣдующаго семейства—семитическаго. Всего легче составить себѣ понятіе о нихъ на основаніи древне-еврейскаго. Всякій серьезный изслѣдователь языкознанія долженъ ознакомиться съ еврейскимъ по крайней мѣрѣ на столько, чтобы разобрать нѣсколько главъ изъ книги Бытія, ибо,

такъ какъ всѣ другіе языки, обыкновенно изучаемые въ Англіи, принадлежатъ къ арійскому семейству, это послужитъ къ выведенію его ума изъ обычной колеи путемъ ознакомленія съ рѣчью, составленною изъ другаго матеріала. Весьма умѣренное число корней, по большей части состоящихъ изъ трехъ согласныхъ, измѣняя свои гласныя и приставки, образуютъ бо́льшую часть языка съ такою правильностью, что древне-еврейскіе словари повсюду располагаются по корнямъ. Такъ, отъ корня *m-l-ch* производятъ глагольныя и существительныя формы со значеніемъ «царствовать», какъ, напр., *mâlach*=«онъ царствовалъ», *mâlchû*=«они царствовали», *yimloch*=«онъ будетъ царствовать», *timloch*=«ты будешь царствовать», *melech*=«царь» (всѣмъ извѣстное по имени царя *Мельхи-зедека*=«царь праведности»), *melâchim*=«цари», *malchenû*=«нашъ царь», *malchâh*=«царица», *mamlâchâh*=«царство» и т. д. Главнѣйшіе языки, принадлежащіе къ семитическому семейству, суть ассирійскій, древнееврейскій и финикійскій, сирійскій, арабскій и эфіопскій. Первоначальный языкъ, отъ котораго они всѣ произошли, лучше всего представленъ ассирійскимъ языкомъ ниневійскихъ надписей и арабскимъ языкомъ, на которомъ говорятъ между собою бедуины пустыни. Древніе или новѣйшіе народы, говорящіе на семитическихъ языкахъ, принадлежатъ главнымъ образомъ къ черноволосой бѣлокожей расѣ; типъ, въ которомъ всѣ они сходны между собою, теперь самымъ яснымъ образомъ выражается въ еврейскомъ лицѣ съ его орлинымъ носомъ, полными губами и черными кудрявыми волосами. Тѣмъ не менѣе, по однѣмъ чертамъ лица было бы невозможно различить евреевъ, ассирійцевъ и арабовъ среди всей массы темноволосыхъ бѣлыхъ народовъ. Здѣсь именно сказывается значеніе языка, свидѣтельствующаго, что извѣстная группа народностей связана между собою общимъ происхожденіемъ отъ одного древняго народа, который говорилъ на утраченномъ языкѣ, давшемъ начало арабскому и еврейскому, который жилъ вначалѣ историческаго періода въ югозападной Азіи и высылалъ свои переселяющіяся племена основывать новыя народности, дѣянія которыхъ составляютъ одну изъ великихъ главъ исторіи. Ассирійскіе завоеватели приняли болѣе древнюю халдейскую цивилизацію и дали ей дальнѣйшее развитіе. Финикіяне сдѣлались великимъ купеческимъ народомъ древняго

міра, разсѣяли свои торговыя колоніи по берегамъ Средиземнаго моря и пронесли свою торговлю на дальній востокъ, причемъ они не только развозили повсюду ткани и пряности, но и распространяли въ новыя страны искусства и идеи, и въ ихъ рукахъ неуклюжія гіероглифическія письмена сдѣлались азбукою. Израильтяне, хотя, какъ нація, они никогда не достигали такого могущества или такой степени культуры, совершили свои завоеванія въ области религіи, и въ то время, какъ исчезли толпы божествъ, которымъ поклонялись въ ассирійскомъ и финикійскомъ храмахъ, поклоненіе Іеговѣ перешло въ христіанство и распространилось по всему міру. Позднѣе другихъ, воинственныя племена Аравіи понесли знамя своего пророка въ среду окружавшихъ ихъ народностей и основали вѣру Ислама, которая представляла цивилизующую силу въ средніе вѣка и даже теперь, въ дни своего упадка, обнаруживаетъ вліяніе на міръ отъ западной Африки до острововъ на далекомъ востокѣ.

Языкъ древнихъ египтянъ, хотя и не можетъ быть помѣщенъ въ семитическое семейство на ряду съ древнееврейскимъ, все-таки представляетъ аналогію ему въ нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ, отчего бы это не зависѣло, — отъ долгаго ли сношенія между двумя расами въ Египтѣ, или отъ какой нибудь болѣе глубокой связи по происхожденію; подобныя аналогіи открываются также и въ берберійскихъ языкахъ Сѣверной Африки. Эти трудные вопросы здѣсь могутъ быть только упомянуты. Были сдѣланы попытки, хотя и не увѣнчавшіяся особеннымъ успѣхомъ, доказать, что арійскій и семитическій языки сами произошли отъ одного общаго пра-языка. Если это такъ, то вѣка измѣненій на столько изгладили слѣды общаго происхожденія, что филологическое сравненіе не въ состояніи доказать его. Говоря объ арійскомъ и семитическомъ семействахъ языковъ, слѣдуетъ упомянуть, что многіе филологи соединяютъ ихъ, относя къ одному классу въ силу того, что оба они состоятъ изъ «флектирующихъ» языковъ, или такихъ, которые на столько сливаютъ свои корни и приставки и на столько измѣняютъ самые корни, что часто бываетъ не легко уловить, гдѣ кончается корень и гдѣ начинается приставка—какъ это хорошо извѣстно всякому новичку въ греческой грамматикѣ. Конечно, флектирующія семейства обладаютъ способностью компактнаго са-

мообразованія, придавшею весьма много выразительности и точности такимъ поэтическимъ и философскимъ языкамъ, каковы греческій и арабскій. Но различія въ строеніи между подобными флектирующими языками и связующими (агглютинирующими) другихъ народностей, напримѣръ татаръ, вовсе не ясны. Если бы оказалось возможнымъ прослѣдить принадлежность арійскаго и семитическаго семействъ къ одному первоначальному семейству, это все таки не доказало бы, что вся бѣлая раса имѣла одинъ первоначальный языкъ, ибо грузинскій языкъ Кавказа, баскскій Пиренеевъ и многіе другіе все таки оставались бы внѣ этого семейства, будучи, повидимому, не связаны ни съ какимъ-либо изъ великихъ семействъ, ни между собою.

Въ срединѣ и на сѣверѣ Азіи, въ степяхъ или среди тундръ и лѣсовъ унылаго сѣвера, кочующія орды охотниковъ или пастуховъ обнаруживаютъ коренастый смугло-желтый татарскій или монгольскій типъ и говорятъ на языкахъ, принадлежащихъ къ одному семейству, каковы манджурскій и монгольскій. Хотя эти татарскіе или туранскіе языки принадлежатъ главнымъ образомъ Азіи, они утвердились и въ Европѣ. Въ болѣе отдаленный періодъ, грубыя татарскія племена распространились по сѣверной Европѣ, но за ними послѣдовали вторгавшіеся арійцы, которые и вытѣсняли ихъ, такъ что, наконецъ, въ настоящее время продолжаютъ говорить на татарскихъ языкахъ только сильно смѣшанные остатки на окраинахъ, каковы эсты, финны и лапландцы. Въ болѣе поздній періодъ, исторія разсказываетъ, какъ въ Европу вторглись полчища татарской расы, гунны и турки, которые, въ свою очередь, покорили арійскіе народы; воспоминаніемъ объ этихъ волнахъ вторженія изъ центральной Азіи въ настоящее время остаются венгерскій и турецкій языки. Въ началѣ татарскія орды появляются въ исторіи какъ варвары, какими остаются и теперь еще многія племена, но ихъ главныя народности, сдѣлавшись буддистами, мусульманами и христіанами, приняли цивилизаціи, свойственныя каждой изъ этихъ религій. Татарскіе языки принадлежатъ къ связующимъ, они образуютъ слова, ставя сначала корень, выражающій смыслъ, и затѣмъ прибавляютъ къ нему суффиксы, рядъ которыхъ видоизмѣняетъ это значеніе. Такъ, отъ турецкаго корня *sev*=«любить» производится слово *sevishdirilm-diler*, которое озна-

чаетъ: «ихъ нельзя было заставить полюбить другъ друга». Въ нѣкоторыхъ языкахъ этого отдѣла замѣчательный законъ созвучія гласныхъ заставляетъ суффиксъ сообразовать свою гласную съ гласной корня, къ которому онъ прибавляется; это какъ бы для того, чтобы сдѣлать слушателю яснымъ, что данный суффиксъ принадлежитъ данному корню; такъ, по венгерски, *ház*=«домъ» образуетъ *házam*=«мой домъ», но *szék*=«стулъ» образуетъ *székem*=«мой стулъ».

Густое населеніе юго-восточной Азіи, включающее бирманцевъ, сіамцевъ и особенно китайцевъ, обнаруживаетъ типъ цвѣта кожи и чертъ лица, явственно родственный татарскому или монгольскому; но общій характеръ ихъ языка различенъ. Китайскій языкъ составленъ изъ односложныхъ словъ, каждое изъ которыхъ имѣетъ свой настоящій или грамматическій смыслъ, такъ что наши исконныя книги для маленькихъ дѣтей, написанныя односложными словами, могутъ дать нѣкоторое представленіе о китайскихъ фразахъ. Это свойство употребленія односложныхъ словъ раздѣляютъ и другіе, сосѣдніе Китаю, языки, и такъ какъ оно ограничиваетъ запасъ ихъ словъ до неудобно-малаго числа, то они прибѣгли къ способу измѣненія значенія слова помощью измѣненія его музыкальнаго тона или интонаціи; такъ, у сіамцевъ слогъ *ha*, смотря по измѣненію тона, можетъ означать «чуму», или число «пять», или глаголъ «искать». Такимъ образомъ, интонированіе, служащее въ Англіи для выраженія душевнаго волненія или для отличенія вопроса отъ отвѣта, на далекомъ востокѣ съ успѣхомъ примѣняется къ созданію совсѣмъ различныхъ словъ, представляя примѣръ, какъ языкъ хватается за всякій годный пріемъ, когда требуется какое нибудь средство для выраженія мысли. Если мы посмотримъ на карту Азіи, на область, занимаемую этою юго-восточною группою народностей, то намъ станетъ очевидно, что народы столь близко прилегающихъ одна къ другой областей начали говорить односложными словами не по какой нибудь случайности, но что это свойство, повидимому, произошло изъ одного общаго родоваго источника и придаетъ всему ряду этихъ языковъ общій семейный характеръ. Этими односложными языками нерѣдко пользуются для того, чтобы уяснить, на что могли походить простыя дѣтскія построенія первобытной человѣческой рѣчи. Но необходимо

упомянуть, что какъ ни просты китайскій или сіамскій языки, нельзя быть увѣреннымъ, что они—языки первобытные. Дѣтскія китайскія фразы могутъ быть вовсе не первобытны, но могли произойти вслѣдствіе отживанія болѣе древней сложной грамматики, на подобіе того, какъ нашъ англійскій языкъ стремится усѣкать длинныя слова и отбрасывать флексіи, употреблявшіяся нашими предками. Китайская простота грамматики никоимъ образомъ не идетъ рука объ руку съ простотою мысли и жизни. Китайская нація, подобно египетской и вавилонской, дошла до крайне искусственной цивилизаціи задолго до того времени, когда финикіяне и греки вышли изъ варварскаго состоянія. До сихъ поръ еще не ясно, къ какой расѣ принадлежали древніе вавилоняне, говорившіе на аккадійскомъ языкѣ, однако послѣдній представляетъ нѣкоторыя аналогіи, которыя, можетъ быть, связываютъ его съ татарскими и монгольскими языками.

Мы уже видѣли (см. стр. 98), что малайцы, микронезійцы, полинезійцы и малагассы — разнообразное и смѣшанное населеніе, частью монгольской расы — объединяются въ своей громадной океанійской области, охватывающей половину земнаго шара, при помощи языковъ, принадлежащихъ къ одному семейству, носящему названіе малайско-полинезійскаго. Возможно, что коренной языкъ, отъ котораго произошло это семейство, принадлежалъ Азіи, такъ какъ въ Малайской области грамматика болѣе сложна, и въ языкѣ встрѣчаются слова, вродѣ *tasik*=«море» и *langit*=«небо», въ то время, какъ на отдаленныхъ островахъ Новой Зеландіи и Гавайскихъ эти слова превратились въ *tai* и *lai*,—словно языкъ становился болѣе сокращеннымъ и безформеннымъ по мѣрѣ того, какъ раса переселялась далѣе отъ родины и погружалась въ варварскую жизнь океанійскихъ островитянъ.

Индійскій материкъ не утратилъ языковъ племенъ, населявшихъ страну передъ тѣмъ, какъ арійское вторженіе положило начало индусскому населенію. Особенно на югѣ, цѣлыя народности— хотя и усвоившія индусскую цивилизацію — говорятъ на языкахъ, принадлежащихъ къ дравидійскому семейству, каковы языки тамильскій, техугузскій и канарійскій. Важность этого элемента населенія Индіи видна изъ того, что эти не-арійскіе языки все еще распространены въ наибольшей части большаго индійскаго треу-

гольника къ югу отъ Нербудды, кромѣ остатковъ ихъ въ областяхъ ближе къ сѣверу. Тѣмъ не менѣе на арійскихъ нарѣчіяхъ въ Индіи говорятъ многія смѣшанныя племена, въ жилахъ которыхъ течетъ, можетъ быть, весьма мало арійской крови. Въ лѣсахъ Цейлона можно найти единственный народъ въ мірѣ, ведущій дикую жизнь и говорящій при этомъ на арійскомъ, родственномъ нашему, языкѣ. Это Ведды или «охотники», боязливые дикіе люди, строющіе шалаши изъ вѣтвей и питающіеся дичью и дикимъ медомъ; какъ кажется, они представляютъ смѣсь лѣсныхъ туземцевъ съ сингалезскими низшими кастами, ломанымъ языкомъ которыхъ они говорятъ.

У чернокожихъ расъ—связаны ли восточные народы Меланезіи по расѣ съ африканскими неграми или нѣтъ, все равно—меланезійскіе языки во всякомъ случаѣ стоятъ отдѣльно. Равнымъ образомъ, и африканскіе негры не всѣ говорятъ на языкахъ, принадлежащихъ одному и тому же семейству; напротивъ, иныя нарѣчія, какъ, напр., языкъ мандинго, какъ кажется, обособлены отъ великаго семейства языковъ центральной и южной Африки, называемаго банту по племенамъ, прозывающимъ себя просто «людьми» (*ba-ntu*). Одну изъ главныхъ особенностей языковъ банту составляетъ помѣщеніе приставокъ въ началѣ слова (чтó совершенно противоположно татарскимъ языкамъ). Такъ, африканскій волшебникъ называется *mganga*, множественное же отъ него будетъ *waganga*—«волшебники». Кафры одной области носятъ хорошо извѣстное имя *basuto*, представляя множественную форму; отдѣльный туземецъ называется *mosuto*, между тѣмъ какъ его страна есть *lesuto*, его языкъ *sesuto* и его характеръ или качество *bosuto*. Въ Южной Африкѣ существуетъ весьма отличное отъ другихъ семейство языковъ, которое называется готтентотско-бушменскимъ и замѣчательно по «щелканіямъ (clicks)», играющимъ роль согласныхъ въ словахъ и весьма похожимъ на щелканіе языкомъ, дѣлаемое нашими няньками для дѣтей и кучерами для лошадей. Наконецъ, если мы обратимся къ Америкѣ, мы найдемъ, что туземные языки ея распадаются на множество семействъ. Иные изъ нихъ извѣстны англійскимъ читателямъ по одному-двумъ словамъ; такъ, эскимосскій языкъ береговъ полярнаго моря извѣстенъ по слову *kayak*= лодка для одного человѣка, по образцу которой изготовляются

лодки на нашихъ гонкахъ; альгонквинскій языкъ, во время первыхъ колонистовъ господствовавшій отъ Новой Англіи до Виргиніи, далъ намъ *mocassin* (обувь у индѣйцевъ) и *tomahawk* (особенный топоръ); ацтекскій языкъ Мехико извѣстенъ по *ocelot* (туземная дикая кошка) и бобамъ *cacao*; тупикараибскій есть языкъ Вестъ-Индіи и бразильскихъ лѣсовъ — гдѣ живетъ *toucan* (птица нерцеядецъ) и *jaguar*; наконецъ, квичуа или перувіанскій извѣстенъ, какъ языкъ династіи. *inca*.

Въ заключеніе этого краткаго обзора главнѣйшихъ семействъ языковъ слѣдуетъ замѣтить, что существуютъ еще многія другія семейства, изъ которыхъ иныя состоятъ изъ небольшаго числа нарѣчій или даже изъ одного. Въ цѣломъ, можно было бы, пожалуй, составить списокъ изъ пятидесяти или ста семействъ, связь между которыми до сихъ поръ не была еще показана сколько нибудь удовлетворительно. Правда, можно ожидать, что два или три изъ нихъ, которыя теперь кажутся совершенно отдѣльными, впослѣдствіи, при болѣе внимательномъ изслѣдованіи, могутъ оказаться вѣтвями одного семейства, но, какъ кажется, нѣтъ никакихъ видовъ на то, чтобы всѣ семейства могли подобнымъ путемъ сойтись вмѣстѣ, какъ отпрыски одного первоначальнаго языка. Вопросъ о томъ, существовала ли одна первобытная рѣчь, или ихъ было много въ прошлыя времена, оказался крайне полезнымъ для побужденія къ научному сравненію языковъ. Обѣ теоріи заявляютъ притязанія на объясненіе настоящаго состоянія языковъ въ мірѣ. Съ одной стороны, можно доказывать, что всѣ языки произошли отъ одного первобытнаго, отъ котораго ихъ развѣтвленія разошлись на столько далеко другъ отъ друга, что часто невозможно обнаружить существованія какой либо связи между отдѣльными вѣтвями; съ другой стороны, къ тому же положенію дѣла пришло бы все и въ томъ случаѣ, если бы вначалѣ существовало нѣсколько первобытныхъ языковъ, изъ которыхъ пережившіе дали бы начало семействамъ. Но если—какъ это намъ кажется вѣроятнымъ,—первоначальное образованіе языка произошло не сразу, но представляло постепенный процессъ, распространявшійся на длинные періоды и даже не прекратившійся вполнѣ въ настоящее время, то всѣ вообще поиски за первобытными языками становятся совершенно безполезными (см. стр. 129). При настоящемъ улучшившемся состояніи

*

филологіи, болѣе цѣлесообразнымъ представляется восходить отъ извѣстныхъ языковъ къ утраченнымъ кореннымъ языкамъ, отъ которыхъ первые должны были произойти. Мы уже видѣли, что такое изученіе даетъ превосходные результаты по отношенію къ исторіи не только самихъ языковъ, но и говорящихъ на нихъ народностей, давая, напримѣръ, ключъ къ заселенію острововъ Тихаго Океана или доказывая нѣкоторую отдаленную связь по происхожденію древнихъ бриттовъ съ англичанами и датчанами, пришедшими въ нашу страну послѣ нихъ. Тѣмъ не менѣе, хотя языкъ и весьма важенъ, какъ пособіе и руководство при изученіи исторіи народа, все таки не должно разсчитывать, что онъ въ состояніи намъ вполнѣ разъяснить возникновеніе какой нибудь расы или возвести насъ къ самому началу ея. Негры не говорятъ всѣ на языкахъ одного семейства; не говорятъ и желтые, и темнокожіе, и бѣлые люди. При изслѣдованіи первыхъ періодовъ жизни народностей, ихъ языки могутъ вести насъ далеко назадъ, часто гораздо далѣе всякихъ историческихъ свидѣтельствъ, но они врядъ ли могутъ довести насъ, хоть приблизительно, до начала великихъ человѣческихъ расъ, и еще менѣе — до начала всего человѣчества.

ГЛАВА VII.

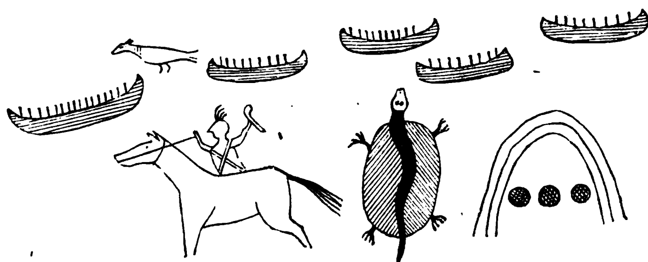
Письменность.

Идеографическое письмо.—Фонетическія письмена.—Китайское письмо.—Клинообразное письмо.—Египетское письмо.—Азбучное письмо.—Правописаніе.—Книгопечатаніе.

Насъ учатъ читать и писать въ раннемъ дѣтствѣ, и потому мы врядъ ли можемъ ясно представить себѣ то мѣсто, которое занимаетъ это удивительное двойное искусство въ цивилизованной жизни, пока намъ не удастся увидѣть, какъ оно поражаетъ какого-нибудь варвара, не имѣющаго даже никакого понятія о самой возможности подобной вещи. Джонъ Уильямъ, миссіонеръ на островахъ Южнаго океана, разсказываетъ, какъ, однажды, занятый плотничаніемъ, онъ, позабывъ дома свой наугольникъ, написалъ кускомъ угля на щепкѣ просьбу о присылкѣ его и отправилъ эту импровизированную записку къ своей женѣ съ однимъ изъ туземныхъ вождей; послѣдній, изумленный открытіемъ, что щепка можетъ говорить, не имѣя рта, втеченіи долгаго времени послѣ того носилъ ее на веревкѣ на шеѣ и разсказывалъ своимъ дивящимся землякамъ о томъ, что случилось на его глазахъ. Подобнымъ же образомъ, въ южной Африкѣ, одинъ чернокожій посыльный, относя письмо и отправляясь по пути ротозѣйничать, пряталъ письмо на это время подъ камень, чтобы оно потомъ не вздумало поразсказать о томъ, что онъ дѣлалъ, подобно тому, какъ разсказывало о другихъ событіяхъ. Тѣмъ не менѣе, искусство писать, какимъ бы загадочнымъ оно ни казалось этимъ грубымъ людямъ, развивалось рядомъ немногихъ ступеней, пройти которыя, можетъ быть, и не было легко, но понять которыя, разъ онѣ

пройдены, не трудно. Даже нецивилизованныя расы сдѣлали первый шагъ, состоящій въ идеографическомъ письмѣ. Если бы нашъ миссіонеръ нарисовалъ на щепкѣ изображеніе своего наугольника ∟, то оно выполнило бы его порученіе, и туземецъ понялъ бы все дѣло, какъ нѣчто само собою разумѣющееся. Если начать съ этого первобытнаго шага, можно будетъ прослѣдить отсюда весь ходъ исторіи развитія письма и книгопечатанія.

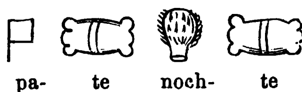
Фиг. 47 представляетъ образецъ идеографическаго письма, употребительнаго у охотничьихъ племенъ Сѣверной Америки. Здѣсь описывается экспедиція черезъ Верхнее озеро, предводительствуемая вождемъ, который изображенъ верхомъ на лошади со своею магическою барабанною палкою въ рукѣ. Всего было пятьдесятъ

Фиг. 47. Идеографическое письмо на скалѣ близь Верхняго озера (по Скулькрафту).

одинъ человѣкъ въ пяти лодкахъ; на первой изъ нихъ находился союзникъ вождя, имя котораго—*Kishkemunazee*, то есть «Зимородокъ», изображено рисункомъ этой птицы. Ихъ прибытіе на другую сторону озера, повидимому, изображается сухопутною черепахою, извѣстною эмблемою земли, между тѣмъ какъ рисунокъ трехъ солнцъ подъ небеснымъ сводомъ обозначаетъ, что переправа заняла три дня. Бóльшая часть этого дѣтскаго, по своей простотѣ, способа передачи мысли состоитъ въ начертаніи рисунковъ тѣхъ самыхъ предметовъ, о которыхъ предполагаютъ говорить. Но тутъ же видны пріемы, идущіе далѣе простаго подражанія. Такъ, черепаха, нарисованная для изображенія земли, уже не представляетъ такого простаго подражанія, но сдѣлалась эмблемою или символомъ. И когда птица рисуется для того, чтобы изобразить

не настоящаго зимородка, а человѣка, носящаго это имя, мы видимъ первый шагъ къ фонетическому или звуковому письму, принципъ котораго состоитъ въ замѣнѣ звука произносимаго слова рисункомъ. Какимъ образомъ люди сдѣлали слѣдующій шагъ къ искусству писать, можно видѣть изъ обыкновенной дѣтской игры въ ребусы, то есть писаніе словъ «въ видѣ предметовъ». Эта игра, подобно многимъ другимъ, сохраняетъ въ формѣ дѣтской забавы то, что въ болѣе ранніе періоды представляло серьезное дѣло для взрослаго человѣка. Такимъ образомъ, если кто нибудь передаетъ слово «waterman» («прислужникъ при водопроводѣ и водопоѣ»; составлено изъ *water*=вода и *man*=человѣкъ), рисуя изображенія кружки для воды и человѣка, то здѣсь значеніе слова передается такимъ способомъ, который врядъ ли идетъ далѣе сдѣланнаго американскимъ индѣйцемъ рисунка зимородка. Совершенно иное, когда въ дѣтской книгѣ загадокъ мы находимъ

Фиг. 48 *Pater noster* (Отче нашъ), изображенное мехиканскими письменами-рисунками (по Обэну).

рисунки кружки для воды, убитаго человѣка и финиковый плодъ, всѣ вмѣстѣ изображающіе ребусъ на слово «кандидатъ» (can-di-date: *can*=кружка; *di*=die=умирать; *date*=финикъ). Въ этомъ случаѣ рисунокъ уже изображаетъ не смыслъ слова, а только его звуки. Здѣсь мы имѣемъ настоящее, хотя и грубое, фонетическое письмо и видимъ, какъ было въ дѣйствительности изобрѣтено практическое искусство письма. Какъ кажется, это изобрѣтеніе сдѣлано не разъ, и притомъ нѣсколько различными путями. Древніе мехиканцы еще до прибытія испанцевъ дошли уже до того, что могли передавать, при помощи рисунковъ на манеръ ребусовъ, имена лицъ и названія мѣстъ. Даже когда ихъ начали обращать въ христіанство, они старались примѣнять свое письмо рисунками къ латинскимъ словамъ своей новой религіи. Такъ они рисовали флагъ (*pan*), камень (*te*) и колючую грушу (*noch*) (фиг. 48), что́ все вмѣстѣ произносилось *pa-te-noch-te* и служило для передачи *pater noster*—довольно точнымъ образомъ для мехиканцевъ, не

имѣвшихъ звука *r* въ своемъ языкѣ. Подобнымъ же образомъ они оканчивали эту молитву изображеніемъ воды (*a*) и алоэ (*men*), что вмѣстѣ должно было составлять *amen*.

Это приводитъ насъ къ болѣе важной системѣ письменъ. Если взглянуть на обычныя китайскія письмена на чайныхъ ящикахъ и сосудахъ, то врядъ ли кто можетъ подумать, что эти письмена когда-либо имѣли что-нибудь общее съ рисунками предметовъ. Къ счастію, однако, сохранились нѣкоторыя раннія ближайшія письмена, извѣстныя подъ именемъ «древнихъ рисунковъ», которыя показываютъ, какимъ образомъ то, что вначалѣ представляло отчетливо набросанные очерки предметовъ, стали затѣмъ вычерчивать нѣсколькими взмахами кисточки изъ кроличьяго волоса, пока, наконецъ, рисунки не перешли въ нынѣ употребительныя скорописныя формы, не обнаруживающія никакого смысла по своему виду, какъ это можно усмотрѣть изъ фиг. 49.

Фиг. 49. Китайскіе древніе рисунки и позднѣйшія скорописныя ихъ формы (по Эндлихеру).

Китайцы не остановились на этой простой передачѣ предметовъ ихъ рисунками, передачѣ, еще далекой отъ настоящей письменности. Изобрѣтатели нынѣшняго способа китайскаго письма пожелали изображать произносимые звуки, но здѣсь они были поставлены въ затрудненіе, вслѣдствіе того, что ихъ языкъ состоитъ изъ односложныхъ словъ, и каждое слово, поэтому, имѣетъ нѣсколько различныхъ значеній. Чтобы преодолѣть это затрудненіе, они придумали остроумный планъ составленія сложныхъ знаковъ, или «рисунковъ, сопутствуемыхъ звуковыми знаками» («pictures and sounds»), одна часть которыхъ показываетъ звукъ, другая же— значеніе слова. Чтобы дать читателю нѣкоторое представленіе объ этомъ, предположимъ, что рисункомъ ящика условлено замѣщать англійскій звукъ для ящика=*box*. Такъ какъ, однако, этотъ звукъ имѣетъ въ англійскомъ языкѣ нѣсколько значеній, то для указанія, какое именно изъ нихъ предполагается въ данномъ случаѣ, должно

прибавить къ первому какой-нибудь отличительный знакъ. Такъ. рядомъ съ ящикомъ можно нарисовать ключъ, который покажетъ, что это ящикъ=*box*, въ который кладутъ вещи; или листъ, если дѣло идетъ о растеніи *box*=буксъ; или руку, если говорится о *box*=боксированіи; или бичъ, который покажетъ, что требовалось изобразить *box* = повозки или кучерскія козла. Все это было бы крайне неуклюжими пріемами для насъ, но это было великимъ шагомъ впередъ отъ простыхъ рисунковъ, такъ какъ этотъ способъ опредѣляетъ одновременно и звукъ слова, и его значеніе. Такъ, по китайски, звукъ *chow* имѣетъ различныя значенія, каковы корабль, пухъ, мерцаніе, тазъ, болтливость. Поэтому буква, изображающая корабль, *chow*, и помѣщенная первою на фиг. 50, повторяется послѣ того съ прибавочными знаками, для указанія на предполагаемое спеціальное значеніе *chow*. Довольно явственная пара перьевъ помѣщается возлѣ знака для корабля для обо-

舟 翢 烐 洀 譸

Корабль. Пухъ. Мерцаніе. Тазъ. Болтливость.

Фиг. 50. Китайскія сложныя буквы, «рисунки, сопутствуемые звуковыми знаками».

значенія *chow* = «пухъ»; далѣе знакъ огня придаетъ *chow* значеніе «мерцанія», еще далѣе знакъ воды превращаетъ *chow* въ «тазъ»; и, наконецъ, знакъ для рѣчи, присоединенный къ знаку для корабля, дѣлаетъ изъ *chow* «болтливость».

Хотя эти примѣры далеко не объясняютъ всей замысловатости китайскаго письма, все таки они даютъ хоть нѣкоторое понятіе о принципахъ его звуковыхъ знаковъ и ключей или опредѣлительныхъ знаковъ и показываютъ, почему китайцу, чтобы быть въ состояніи писать на собственномъ языкѣ, необходимо овладѣть такимъ необыкновенно-сложнымъ рядомъ буквъ. Введеніе подобнаго способа письма было результатомъ изобрѣтательности древнихъ китайцевъ, и ихъ современные потомки свидѣтельствуютъ о своемъ уваженіи къ ней тѣмъ, что отказываются идти далѣе въ этомъ искусствѣ. Въ то же самое время слѣдуетъ замѣтить, что они не принимаютъ фонетическаго письма, подобнаго письму западныхъ народовъ, не только вслѣдствіе своего консерватизма, но и по

другимъ причинамъ; западное письмо, напримѣръ, смѣшало бы различныя значенія *chow*, которыя китайцы могутъ различить при помощи теперешнихъ своихъ буквъ. Но японцы, языкъ которыхъ былъ болѣе китайскаго способенъ усвоить фонетическое письмо, выработали себѣ изъ китайскихъ буквъ настоящую фонетическую систему письма. Выбравъ нѣкоторыя изъ этихъ буквъ, они упростили ихъ до знаковъ для выраженія звуковъ, изображая однимъ изъ нихъ звукъ *i*, другимъ *ro*, третьимъ *fa* и т. д. Такимъ образомъ, рядъ изъ сорока семи подобныхъ буквъ (называемый ими, соотвѣтственно первымъ буквамъ, *irofa*) служитъ основаніемъ системы знаковъ, при помощи которой они передаютъ фонетически японскія слова съ бóльшею точностію, нежели могли бы сдѣлать это мы.

Перейдемъ теперь къ клинообразнымъ письменамъ, какія можно видѣть въ британскомъ музеѣ на громадныхъ ниневійскихъ быкахъ съ человѣческими головами, или на плоскихъ кирпичахъ, игравшихъ роль страницъ книгъ въ библіотекѣ Сеннахериба. Эти знаки, напоминающіе клинья или наконечники стрѣлъ, расположенные рядами и группами, не очень похожи на изображенія предметовъ. Тѣмъ не менѣе существуютъ доказательства, что они возникли сначала изъ идеографическаго письма; напримѣръ, солнце представлялось грубою фигурою его, сдѣланною въ четыре росчерка, расположенныхъ въ кругъ. Иныя изъ группъ знаковъ надписей служатъ непосредственно для изображенія предметовъ, вродѣ человѣка, женщины, рѣки, дома; между тѣмъ какъ другія читаются фонетически, какъ изображенія слоговъ. Изобрѣтатели этой древней системы письма принадлежали, повидимому, къ аккадійской группѣ народовъ, къ основателямъ ранней вавилонской цивилизаціи. Въ позднѣйшіе періоды научились писать клинообразными письменами ассирійцы и персы, какъ это видно изъ надписей, остающихся и по сіе время ихъ древнѣйшими памятниками. Но клинообразное письмо было до крайности громоздко и потому, когда ему пришлось вступить въ состязаніе съ азбукою, оно должно было уступить послѣдней. Для уразумѣнія происхожденія этого изобрѣтенія намъ необходимо обратиться къ способу писанія, который относится, вѣроятно, еще къ болѣе глубокой древности нежели клинообразный методъ Вавилоніи,—именно къ іероглифамъ Египта.

Самыя древнія гіероглифическія надписи Египта принадлежатъ періоду приблизительно за 3000 лѣтъ до Р. Х. Даже въ это древнее время гіероглифическій способъ письма былъ развитъ уже въ такой степени, что писцы имѣли средства, въ случаѣ надобности, передавать каждое слово фонетически. Но хотя египтяне и дошли такимъ образомъ до передачи звуковъ письмомъ, они довѣрялись этому пріему только отчасти, комбинируя его со знаками, очевидно представляющими остатки болѣе ранняго идеографическаго письма. Такимъ образомъ, простые рисунки быка, звѣзды, пары сандалій, могутъ изображать звѣзду, быка, сандаліи. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они передавали звуки слова, у нихъ наблюдается замѣчательное обыкновеніе прибавлять такъ называемые опредѣлители, то есть, рисунки, подтверждающіе или поясняющіе значеніе передаваемаго слова. Слѣдующее короткое предложеніе, взятое для примѣра изъ «Египетской грамматики» Ренуфа, показы-

N солнце-богъ P X
K одинъ R M горизонтъ R F враги мнѣ F
одинъ ходить T одинъ T
nuk ra netar per em xut er xeftu—f
я солнце-богъ, грядущій съ горизонта на враговъ своихъ

ваетъ всѣ эти пріемы. Значеніе фразы таково: «Я—богъ-солнце, грядущій съ горизонта на своихъ враговъ». Здѣсь часть изображеній животныхъ и предметовъ суть буквы, которыя складываются въ египетскія слова, написанныя внизу. Но остальныя суть настоящіе рисунки, назначенные для изображенія того, что они представляютъ. Солнце изображается рисункомъ со знакомъ единицы внизу и въ сопровожденіи боевой сѣкиры, служащей символомъ божества, между тѣмъ какъ далѣе слѣдуетъ рисунокъ горизонта съ солнцемъ на немъ. Рядомъ съ этимъ нѣкоторыя изъ фигуръ являются опредѣлительными рисунками для объясненія словъ: глаголъ «ходить» сопровождается пояснительною парою ногъ, за словомъ «врагъ» слѣдуетъ изображеніе врага и затѣмъ три черты, обозначающія множественность послѣдняго. Повидимому, египтяне начали съ простаго идеографическаго письма, вроде употреби-

тельнаго у варварскихъ племенъ Америки, и хотя въ послѣдующіе вѣка они и пришли къ употребленію нѣкоторыхъ фигуръ въ качествѣ фонетическихъ знаковъ или буквъ, у нихъ никогда не было достаточно рѣшимости, чтобы положиться на эти знаки вполнѣ, и они продолжали рядомъ съ ними употреблять также и старые рисунки. Не трудно видѣть, какимъ образомъ пришли они къ изображенію звука рисункомъ. На нашемъ рисункѣ можно замѣтить знакъ, который читается R. Онъ представляетъ очертаніе открытаго рта и дѣйствительно часто употребляется для изображенія послѣдняго; но такъ какъ египетское слово для рта есть *Ro*, то этотъ знакъ стали употреблять какъ букву для выраженія *Ro* или *R* всюду, гдѣ бы это ни понадобилось. Таковъ цѣлый отрывокъ изъ исторіи письменности, который можно разглядѣть въ одной гіероглифической фразѣ.

Эти тщательно выведенные гіероглифы или «священные скульптурные» рисунки, употреблявшіеся для торжественныхъ церковныхъ и государственныхъ записей, продолжали употребляться въ Египтѣ для священныхъ цѣлей еще и во времена греческой династіи и даже римской имперіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ первыхъ именъ, признанныхъ д-ромъ Томасомъ Іонгомъ послѣ того, какъ тайна чтенія гіероглифовъ оставалась утраченною въ продолженіи многихъ вѣковъ, оказались имена Птоломея и Клеопатры. Но уже съ весьма древнихъ временъ египетскіе писцы, находя тщательное выведеніе рисунковъ слишкомъ хлопотливымъ для дѣловыхъ рукописей на папирусѣ, свели ихъ на нѣсколько быстро производимыхъ росчерковъ, на подобіе того, какъ китайцы сдѣлали со своими письменами. Такимъ образомъ появились «гіератическія» письмена, примѣромъ которыхъ могутъ служить изображенныя на второмъ столбцѣ фиг. 51, въ сопровожденіи ихъ гіероглифическихъ первообразовъ. Тѣмъ не менѣе, даже и при употребленіи этихъ знаковъ, египетскіе писцы никогда не могли на столько освободиться отъ путъ своего ранняго идеографическаго письма, чтобы отбросить излишнюю многочисленность фонетическихъ знаковъ и безполезные пояснительные рисунки. Этотъ великій шагъ былъ сдѣланъ другимъ народомъ.

Тацитъ, описывая въ одномъ мѣстѣ своей «Лѣтописи» происхожденіе письменъ, говоритъ, что египтяне первые стали изобра-

жать мысли при помощи фигуръ животныхъ, и эти древнѣйшіе памятники человѣка можно видѣть высѣченными на скалахъ, такъ что они (египтяне) оказываются изобрѣтателями письменъ, финикійскіе же мореходцы привезли ихъ изъ Египта въ Грецію, пріобрѣтя славу изобрѣтателей того, что на самомъ дѣлѣ они только позаимствовали. Это свидѣтельство Тацита можетъ быть и вѣрно по существу, но оно не оцѣниваетъ практическаго здраваго смысла финикіянъ, которымъ они могли руководствоваться какъ чужеземцы и люди, не связанные священными преданіями Египта. Нѣтъ ни-

Египетскіе гіероглифы	Египетскія гіератическія письмена.	Финикійская азбука.	
			D (Greek Δ)
			V (Hebrew ו)
			R (Greek P)
			L (Hebrew ל)
			S or SH (Hebrew ש)

Фиг. 51.—Египетскія гіероглифическія и гіератическія письмена сравнительно съ буквами финикійской и позднѣйшихъ азбукъ (по Де-Руже).

какого сомнѣнія, что финикіяне (или какая нибудь другая семитическая народность), научившись египетскимъ гіероглифамъ, увидѣли, что идеографическіе знаки, присоединенные къ звуковымъ изображеніямъ словъ, сдѣлались излишними и что имъ нужно лишь небольшое число знаковъ, которыми можно было бы отмѣчать звуки ихъ словъ. Такимъ путемъ была изобрѣтена самая ранняя, такъ называемая, финикійская азбука. Иныя изъ письменъ этой азбуки, можетъ быть, дѣйствительно были скопированы съ египетскихъ знаковъ, какъ это видно на фиг. 51, которая представляетъ вы-

держку изъ сравнительныхъ рядовъ, составленныхъ Де-Руже и расположенныхъ такъ, чтобы можно было переходить отъ первоначальнаго египетскаго гіероглифа къ его гіератической формѣ въ скорописномъ письмѣ, и отъ нея къ соотвѣтственной буквѣ въ финикійской азбукѣ, съ указаніемъ ея значенія нашими буквами и съ примѣрами другихъ подобныхъ буквъ въ общеизвѣстныхъ формахъ азбуки.

Какъ кажется, первоначальная азбука была составлена около десятаго столѣтія до Р. Х; ея знаки употреблялись моавитянами, финикіянами, израильтянами и другими народностями семитическаго семейства для письма на ихъ языкахъ. Самое названіе азбуки или *алфавита* доказываетъ, что послѣдній дѣйствительно впервые выработанъ среди этихъ семитическихъ народовъ. Чтобы понять это, должно замѣтить, что каждая буква его называлась какимъ нибудь начинающимся ею словомъ. Древнія еврейскія формы этихъ названій знакомы англійскимъ читателямъ изъ псалма CXIX, гдѣ онѣ расположены по порядку, и гдѣ *aleph* или «быкъ» означаетъ *a*, *beth* или «домъ»—*b*, *gimel* или «верблюдъ»—*g* и т. д. Этотъ способъ наименованія буквъ надо признать естественнымъ; дѣйствительно, наши англо-саксонскіе предки имѣли другой рядъ названій, принадлежавшихъ руническимъ письменамъ, употреблявшимся въ древнія времена; свое *b* они называли *beorc*, современное *birch*=«береза», свое *m man*=«человѣкъ»; *th*—*thorn*=«тернъ». Въ пользу того, что финикіяне дѣйствительно первые обладали азбукою, и греки научились письменному искусству только отъ нихъ, говоритъ тотъ фактъ, что греки заимствовали для буквъ финикійскія наименованія, которыя сходны съ только что приведенными еврейскими и перешли въ греческомъ языкѣ въ извѣстныя формы—*alpha*, *beta*, *gamma* и т. д. Отсюда происходитъ слово *alphabet*= «азбука», сохраняющее такимъ образомъ слѣды того, что буквы были составлены финикіянами, получили названія отъ нихъ, перешли отъ нихъ къ грекамъ и латинянамъ и, наконецъ, дошли до насъ. Интересно просмотрѣть какую нибудь книгу, заключающую азбуки, гдѣ не только можно прослѣдить исторію греческихъ и другихъ очевидно родственныхъ имъ письменъ, вродѣ готскихъ и славянскихъ, но можно даже придти къ заключенію, что и другія, на первый взглядъ столь несходныя съ нашими письменами, ка-

ковы санскритскія буквы и руны нормановъ, должны быть производными одной первобытной азбуки. Такимъ образомъ браминъ пишетъ свою Веду, мусульманинъ свой Коранъ, еврей свой Старый и христіанинъ свой Новый Завѣтъ—знаками, ведущими свое происхожденіе отъ изображеній на стѣнахъ храмовъ древняго Египта.

Въ письмѣ произошли, однако, такія измѣненія, что во многихъ случаяхъ прослѣдить ихъ возможно только при помощи самаго тщательнаго сравненія. Если бы какому нибудь китайцу показать англійскую записку, написанную современнымъ почеркомъ, то доказать ему, что эти буквы происходятъ отъ древнихъ финикійскихъ, изображенныхъ на фиг. 51, оказалось бы не совсѣмъ легко. Нашъ скорописный почеркъ надо было бы возвести при посредствѣ почерка прописей, и строчныхъ буквъ къ римскимъ заглавнымъ буквамъ и т. д. Читатели найдутъ это недурнымъ упражненіемъ. Имъ можно порекомендовать также взглянуть на старинный англійскій почеркъ въ какой нибудь приходской записи 16-го столѣтія; она имъ покажетъ, какъ сильно походило писаніе этого періода на угловатый почеркъ, которымъ все еще находятъ нужнымъ писать по нѣмецки. Къ счастью, мы, англичане, научились болѣе простой и лучшей формѣ буквъ у итальянскихъ учителей чистописанія, обучившихъ насъ «римскому почерку», о которомъ говоритъ Мальволіо въ «Двѣнадцатой ночи». Измѣненія буквъ производились не только ради удобства. но и ради украшенія. Такъ, среди средневѣковыхъ писцовъ возникли причудливыя видоизмѣненія, которыя мы называемъ стариннымъ англійскимъ или чернымъ письмомъ (Black Letter), и которыя до сихъ поръ еще употребляемъ для орнаментовки. Такъ какъ этотъ рукописный почеркъ былъ въ модѣ въ то время, когда было введено въ Европу книгопечатаніе, то первыя англійскія книги печатались готическими буквами, подобно тому, какъ многія нѣмецкія книги печатаются ими еще и до сихъ поръ. Достаточно прочесть одну страиицу напечатанной такимъ образомъ книги, чтобы вполнѣ убѣдиться, какъ много выиграли мы въ ясности, отбросивъ эти буквы съ ихъ безсмысленными ломанными линіями и возвратившись къ болѣе яснымъ латинскимъ буквамъ, которыми мы пользуемся въ настоящее время.

Исторія письма показываетъ, что, рядомъ съ этими общими

измѣненіями въ азбукѣ, отъ времени до времени производились еще измѣненія отдѣльныхъ буквъ. Первоначальная финикійская азбука была слаба по отношенію къ гласнымъ; въ чемъ именно состояло дѣло, изучающій еврейскій языкъ можетъ понять, если онъ попробуетъ читать безъ гласныхъ точекъ, представляющихъ новѣйшія указанія на пользу тѣмъ, кто недостаточно хорошо знакомъ съ языкомъ, чтобы знать произношеніе каждаго слова. Финикійская азбука не вполнѣ соотвѣтствовала требованіямъ писавшихъ по гречески и по латыни, и потому послѣдніе, чтобы точнѣе писать на своемъ языкѣ, измѣнили иныя изъ буквъ и прибавили новыя; за ними и другія народности такимъ же образомъ стали свободно прибавлять, отбрасывать и измѣнять буквы и ихъ произношеніе, чтобы найти средства изображать свой родной языкъ. Подобнымъ причинамъ можно приписать возникновеніе буквъ, не имѣвшихъ мѣста въ первоначальной азбукѣ, каковы греческая Ω и англійское W, объясняющіяся самыми ихъ названіями—омега или «большое О» и «двойное U». Дигамма или F вышла изъ употребленія въ греческомъ языкѣ, и двѣ цѣнныя англосаксонскія буквы для выраженія двухъ th--X и P—утрачены въ современномъ англійскомъ. Буквы H и X могутъ служить примѣрами буквъ, которыя въ греческомъ языкѣ имѣли иное значеніе, чѣмъ въ англійскомъ. Приспособляя азбуку къ звукамъ своего языка, различныя народности достигаютъ довольно точнаго правописанія; итальянцы удовлетворительно обходятся съ двадцатью двумя буквами, между тѣмъ какъ русскіе употребляютъ тридцать шесть. Англійская азбука насчитываетъ двадцать шесть буквъ, но распоряжается ими безъ всякой правильной системы, вслѣдствіе чего наше правописаніе и произношеніе разногласятъ между собою на каждомъ шагу. Одну изъ причинъ подобнаго состоянія вещей представляетъ попытка удерживать одновременно два различныхъ правописанія, англійское и французское; такъ буква *g* употребляется для писанія англійскаго слова *get* (*гэтъ*=«получать, доставать» и французскаго *gentle* (*джент'лъ*=«нѣжный, мягкій»). Другая причина заключается въ стараніи сохранять старинные звуки въ письмѣ, хотя они исчезли въ произношеніи, такъ, въ *through* (произн. *зсру*=«сквозь», «черезъ»), *castle* (произн. *кэсс'лъ*=«за̀мокъ»), *scene* (произн. *синъ*=«сцена»), нынѣ нѣмыя буквы *gh*, *t*,

c, представляютъ остатокъ звуковъ, дѣйствительно слышавшихся въ англо-саксонскомъ словѣ *thurh*, латинскомъ *castellum*, греческомъ *skēnē*. Дѣло становится тѣмъ болѣе запутаннымъ, что во многихъ словахъ англичане пытаются просто писать такъ, какъ слова дѣйствительно произносятся; англійское *tail* (произн. *тэл*=«хвостъ») не содержитъ утраченнаго гортаннаго звука, заключавшагося въ англо-саксонскомъ *tôegel;* равнымъ образомъ, англійское *palsy* (произн. *пол'зи*=«параличъ») не содержитъ знаковъ, исчезнувшихъ при производствѣ его отъ французскаго *paralysie*. Наше невѣрное правописаніе представляетъ результатъ не правила, но отсутствія правила, и къ самымъ любопытнымъ примѣрамъ орфографіи относятся тѣ случаи, гдѣ грамматики съумѣли сдѣлать неправильнымъ одновременно и звукъ, и этимологію, начавъ писать *island* (произн. *айлэндъ*=«островъ»), *rhyme* (произн. *раймъ*=«рифма»), *scythe* (произн. *сайсзъ*=«коса»), вмѣсто прежняго раціональнаго правописанія нашихъ отцовъ — *iland, rime, sithe*. Высчитано, что на преодолѣніе недостатковъ нынѣшняго способа правописанія попусту тратится среднимъ числомъ цѣлый годъ воспитанія англійскаго ребенка.

Изобрѣтеніе письменъ было тѣмъ великимъ шагомъ, который перевелъ человѣчество отъ варварства къ цивилизаціи. Какъ громадно было его вліяніе, можно лучше всего измѣрить, если посмотрѣть на низкое состояніе племенъ, которыя живутъ еще безъ письменности, довѣряя свои преданія и правила жизни лишь памяти, и неспособны ни накоплять знанія, какъ это дѣлаемъ мы при помощи записыванія событій, ни образовать запасъ новыхъ наблюденій на пользу будущимъ поколѣніямъ. Совершенно справедливо, такимъ образомъ, проводить черту между варварскимъ и цивилизованнымъ состояніемъ тамъ, гдѣ въ жизнь является письменность, такъ какъ послѣдняя придаетъ прочность исторіи, закону и наукѣ. Знаніе на столько связано съ письменностью, что если какого-нибудь человѣка называютъ ученымъ, то у насъ тотчасъ же является представленіе о немъ, какъ о человѣкѣ, прочитавшемъ много книгъ, ибо книги представляютъ главнѣйшій источникъ, изъ котораго люди научаются. Уже въ древнія времена, когда появились цѣнныя сочиненія, возникъ особый классъ копіистовъ или переписчиковъ, занятіе которыхъ заключалось въ размноженіи книгъ.

Въ Александріи или въ Римѣ можно было отправиться къ библіополисту или книгопродавцу и купить рукопись Демосѳена или Ливія, въ позднѣйшіе же вѣка переписка великолѣпно иллюстрированныхъ религіозныхъ книгъ сдѣлалась занятіемъ совершенно обычнымъ, особенно въ монастыряхъ. Но рукописи были дороги, и ихъ могли читать только немногіе ученые; безъ сомнѣнія, дѣло бы и остановилось на этомъ, если бы не появилось новое искусство размноженія рукописей.

Оно заключалось въ процессѣ, который былъ простъ самъ по себѣ и на дѣлѣ былъ извѣстенъ съ отдаленныхъ вѣковъ. Каждый египтянинъ или вавилонянинъ, который намазывалъ чѣмъ-нибудь чернымъ свой перстень или цилиндръ съ рѣзьбою и затѣмъ дѣлалъ съ него оттискъ, совершалъ уже первый шагъ къ книгопечатанію. Но, какъ ни кажется намъ легкимъ теперь дальнѣйшее приложеніе этого принципа, въ древнемъ мірѣ никто до него не додумался. Оказывается, что китайцы первые придумали способъ вырѣзывать цѣлую страницу буквъ на кускѣ дерева и отпечатывать съ него многочисленные оттиски. Они начали дѣлать это, можетъ быть, въ шестомъ столѣтіи, и во всякомъ случаѣ въ десятомъ они уже были заняты дѣятельнымъ печатаніемъ книгъ. Китайское письмо, вслѣдствіе громаднаго разнообразія его знаковъ, не особенно годится для печатанія съ передвижнымъ шрифтомъ, но существуютъ свидѣтельства, что этотъ методъ былъ изобрѣтенъ ими уже въ раннее время, и что въ одиннадцатомъ вѣкѣ они уже печатали передвижнымъ шрифтомъ изъ терра-котты. Мусульманскіе писатели описываютъ китайское книгопечатаніе въ началѣ четырнадцатаго столѣтія; отсюда вѣроятно, что, именно благодаря имъ, это искусство проникло въ Европу, гдѣ вскорѣ послѣ того появились такъ называемыя «деревянныя книги» (blockbooks), печатавшіяся на китайскій манеръ съ деревянныхъ досокъ, на которыхъ были вырѣзаны цѣлыя страницы; за ними вскорѣ послѣдовали книги, напечатанныя съ помощью подвижныхъ буквъ. Рѣдко какіе другіе вопросы вызывали такіе сильные споры между антикваріями, какіе велись изъ-за доли Гутенберга, Фауста или Фуста и другихъ въ чести изобрѣтенія книгопечатанія. Какъ ни велика услуга, оказанная этими почтенными людьми человѣчеству, справедливо помнить, что они лишь усовершенствовали практическіе пріемы

китайскаго изобрѣтенія. Съ того времени имѣлъ мѣсто значительный прогрессъ въ удешевленіи шрифта, въ машинномъ изготовленіи бумаги, въ усовершенствованіи печатныхъ станковъ, въ примѣненіи къ печатанію силы пара,—но идея процесса осталась одна и та же. Такова, въ немногихъ словахъ, исторія искусства книгопечатанія, отъ котораго, можетъ быть, болѣе чѣмъ отъ всякаго другаго вліянія, зависитъ отличіе нашей современной жизни отъ средневѣковой.

При изслѣдованіи всѣхъ этихъ методовъ письма, мы начали съ грубыхъ рисунковъ дикаго охотника, перешли затѣмъ къ примѣненію египтянами рисунка къ изображенію звука, ему соотвѣтствующаго, затѣмъ — къ превращенію рисунка въ простой звуковой знакъ, пока на этой послѣдней ступени связь между изображеніемъ и звукомъ стала, повидимому, столь произвольною, что ребенку остается только заучивать замѣщеніе одного звука знакомъ А и другаго—В. Любопытную противоположность этому представляетъ новѣйшее изобрѣтеніе фонографа, гдѣ самъ звукъ, произносимый близь вибрирующей перегородки, производитъ вдавленія на передвигающейся полоскѣ листоваго олова, вслѣдствіе чего въ перегородкѣ можно затѣмъ возобновить колебанія и повторить воспринятый ею звукъ. Слушая звуки, исходящіе изъ оловянной полоски, врядъ ли можно счесть совершенно неразумною мысль о говорящей щепкѣ, явившуюся у островитянина Южнаго океана.

ГЛАВА VIII.

Житейская техника.

Развитіе орудій.—Палица, молотокъ.—Каменный осколокъ.—Топоръ.—Сабля, ножъ.—Копье, кинжалъ, мечъ.—Плотничьи инструменты.—Метательное оружіе, дротикъ.—Праща, копьеметатель.—Лукъ и стрѣла.—Выдувальный стволъ, ружье.—Механическая сила.—Повозка на колесахъ.—Ручная мельница.—Сверло.—Токарный станокъ.—Винтъ.—Водяная и вѣтряная мельницы.

Техника, при помощи которой человѣкъ защищаетъ и поддерживаетъ свое существованіе и управляетъ міромъ, въ которомъ онъ живетъ, въ такой значительной степени зависитъ отъ употребленія имъ орудій, что будетъ цѣлесообразнымъ начать съ нѣкотораго обзора орудій и оружія, прослѣдивъ ихъ исторію съ самыхъ раннихъ и грубыхъ формъ.

Человѣка иногда называютъ, въ отличіе отъ всѣхъ низшихъ существъ, «животнымъ, употребляющимъ орудія». Вообще говоря, можно допустить подобное отличіе, такъ какъ оно противополагаетъ человѣка, съ его копьемъ и топоромъ, быку, бодающему рогами, или бобру, плотничающему собственными зубами. Тѣмъ не менѣе поучительно посмотрѣть, съ какою очевидностью породы обезьянъ, наиболѣе близкія къ намъ въ томъ отношеніи, что онѣ имѣютъ руки, обнаруживаютъ также зачатки подобной способности употреблять орудія. Не будучи научены человѣкомъ, онѣ защищаются метательными снарядами, какъ дѣлаютъ, напримѣръ, орангутанги, сидя на дуріановыхъ деревьяхъ и яростно осыпая прохожихъ большими тернистыми плодами этого растенія. Говорятъ, что чимпанзе разбиваетъ въ лѣсахъ орѣхи камнемъ, какъ это часто дѣлаютъ обезьяны въ нашемъ Зоологическомъ Саду, научаемые сторожами, у которыхъ онѣ охотно перенимаютъ упо-

требленіе подобныхъ и еще более сложныхъ приспособленій, какъ скоро ихъ навели на мысль объ этомъ.

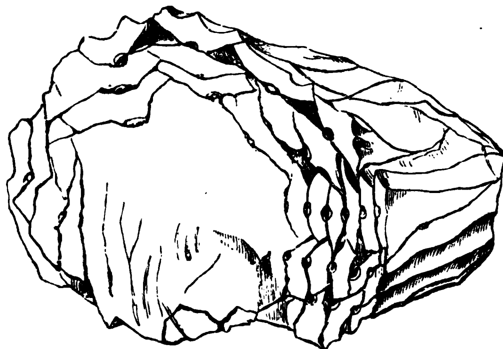
Самымъ низшимъ разрядомъ орудій можно считать тѣ, которыя доставляетъ природа въ готовомъ видѣ или въ такомъ, что они нуждаются только въ окончательной отдѣлкѣ; таковы кремни для метанія или приколачиванія, острые каменные осколки для рѣзанія или скобленія, суки деревъ для дубинъ и копій, шипы или зубы для протыканія. Само собою разумѣется, что подобныя орудія всего чаще употребляются у дикарей; тѣмъ не менѣе, иногда они продолжаютъ свое существованіе и въ цивилизованномъ мірѣ, какъ въ томъ случаѣ, когда мы схватываемъ палку, чтобы убить крысу или змѣю, или когда женщины на югѣ Франціи чистятъ миндаль гладкимъ голыщомъ, какъ это сдѣлали бы и обезьяны въ Зоологическомъ Саду. Употребляемыя человѣкомъ высшія орудія часто представляютъ явнымъ образомъ только усовершенствованіе того или другаго естественнаго предмета, но техника прилаживаетъ ихъ такими способами, о которыхъ животныя не имѣютъ никакого понятія; поэтому было бы лучше опредѣлять человѣка, называя его «дѣлателемъ орудій» нежели «употребителемъ орудій». Разсматривая разнообразные роды орудій мы видимъ, что они не были изобрѣтены всѣ сразу, внезапнымъ провидѣніемъ генія, но что они развивались—можно почти сказать, выростали — путемъ мелкихъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ измѣненій. Можно будетъ замѣтить также, что орудіе, сначала употреблявшееся для грубаго выполненія работы нѣсколькихъ родовъ, впослѣдствіи измѣнялось въ различныхъ направленіяхъ для выполненія нѣсколькихъ спеціальныхъ цѣлей, и такимъ образомъ давало начало нѣсколькимъ различнымъ орудіямъ. Зулусъ, стругающій палку, предназначаемую для древка къ его ассегаю, тѣмъ же самымъ желѣзнымъ наконечникомъ, который потомъ будетъ насаженъ на это древко, можетъ дать намъ нѣкоторое представленіе о томъ, на что было похоже раннее изготовленіе орудій, прежде чѣмъ люди поняли, что форма, годная для наконечника копья, не представляется наилучшею для рѣзанія или скобленія. Мы пришли бы въ ужасъ при мысли о кузнецѣ, вырывающемъ намъ зубы своими клещами, какъ заставляли это дѣлать наши предки; щипцы, которые мы присвоиваемъ зубному врачу, дѣйствительно представляютъ разновидность

кузнечныхъ клещей, но только спеціальную разновидность для спеціальной цѣли. Такимъ образомъ, въ исторіи орудій инструменты ремесленника не могутъ быть вполнѣ отдѣлены отъ оружія охотника или воина, потому что во многихъ случаяхъ мы найдемъ, что какъ инструменты, такъ и оружіе ведутъ свое происхожденіе отъ какого-нибудь болѣе ранняго орудія, которое одинаково служитъ для того, чтобы дробить черепа и кокосовые орѣхи, или для того, чтобы рубить вѣтви деревьевъ и члены людей.

Между самыми простыми видами оружія находится толстая палка или дубина, которая, становясь тяжелѣе или узловатѣе, переходитъ въ палицу. Грубые бойцы находили особое удовольствіе въ дикой необдѣланности суковатой палицы, вродѣ той, которую можно видѣть на картинахъ на плечѣ у Геркулеса, между тѣмъ какъ другіе проводили свои часы досуга надъ ея изысканною отдѣлкою и рѣзьбою, какъ это можно видѣть въ музеяхъ, на палицахъ съ островов Южнаго океана. Переживъ періоды дикости и варварства, боевая палица продолжала свое существованіе и въ средніе вѣка, когда рыцари все еще разбивали шлемы другъ другу своими тяжелыми булавами. Большею частью употреблявшаяся какъ оружіе, она появляется въ мирныхъ ремеслахъ только тамъ и сямъ, какъ, напр., въ видѣ дубинъ съ насѣчками, которыми полинезійскія женщины расколачиваютъ ткани изъ коры. Любопытно видѣть, какъ этотъ наигрубѣйшій представитель первобытнаго оружія, когда его перестали употреблять въ бою, продолжаетъ играть общественную роль какъ символъ власти въ тѣхъ случаяхъ, когда булаву несутъ, какъ эмблему королевской власти, и кладутъ на столъ во время засѣданія парламента или королевскаго ученаго общества. Въ то время какъ палица была преимущественно оружіемъ, молотокъ былъ преимущественно орудіемъ. Его исторія начинается съ употребленіемъ гладкаго тяжелаго голыша, захватываемаго въ руку, вродѣ того, которымъ африканскіе кузнецы куютъ желѣзо и по сіе время, употребляя другой гладкій камень въ видѣ наковальни. Значительнымъ усовершенствованіемъ является насаживаніе каменнаго молотка на рукоятку; оно было сдѣлано въ весьма древнія времена, какъ это видно изъ каменныхъ кусковъ, просверленныхъ спеціально для этой цѣли (фиг. 54 *i*). Хотя эти молотки были замѣнены впослѣдствіи желѣзными, слѣды старин-

наго употребленія камня сохранились въ самомъ нашемъ (англійскомъ) названіи молотка = *hammer;* оно происходитъ отъ скандинавскаго *hamarr*, означающаго какъ «скалу», такъ и «молотокъ».

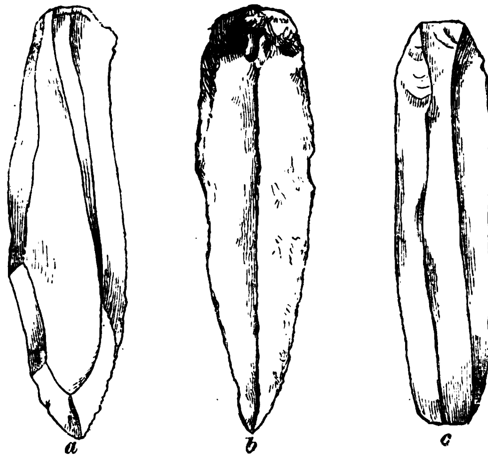
Отъ простыхъ ударовъ переходимъ къ рубкѣ и рѣзанію. Каменныя орудія съ острыми концами и краями встрѣчаются въ числѣ самыхъ главныхъ остатковъ отъ самыхъ раннихъ извѣстныхъ временъ человѣческой жизни на землѣ. Даже въ періодѣ мамонта человѣкъ уже научился не довольствоваться случайными осколками и уже умѣлъ откалывать заостренные съ двухъ сторонъ куски кремня. Это искусство откалыванія осколковъ кремня или другихъ подходящихъ камней составляетъ основу приготовленія каменныхъ орудій. Наилучшее представленіе о немъ можно получить, пожалуй,

Фиг. 52. Кремень и отколотые отъ него куски для кремневыхъ ружейныхъ замковъ (Эвансъ).

наблюдая суффолькскихъ изготовителей ружейныхъ кремней, которые еще до сихъ поръ продолжаютъ заниматься этимъ первобытнымъ ремесломъ, хотя съ помощью лучшихъ орудій и для отличной отъ прежняго цѣли. Фиг. 52 представляетъ употребляемый этими ремесленниками кремень, съ отколотыми отъ него кусками, приставленными снова къ тѣмъ мѣстамъ, откуда они были отколоты; можно видѣть также слѣды ударовъ, отбивавшихъ каждый осколокъ. Отколотые куски, полученные людьми каменнаго періода для орудій, могли имѣть и трехгранную форму, вродѣ австралійскаго кинжала на фиг. 53 *b*. Но съ самыхъ раннихъ извѣстныхъ временъ употреблялась болѣе удобная форма съ приплюсну-

тою спинкою, *a*, *c*. Кремень (фиг. 54), съ отколотымъ отъ него кускомъ для ножа *e*, показываетъ, какимъ образомъ предшествующее откалываніе или отдѣлка куска подготовляли отдѣленіе послѣдующаго осколка съ надлежащею спинкою. Самые лучшіе отколотые куски получаются не рядомъ ударовъ, а давленіемъ на откалывающее орудіе, сдѣланное изъ дерева или рога. Подобнымъ образомъ несомнѣнно былъ отколотъ красивый датскій кусокъ для ножа, фиг. 53 *c*, а также еще болѣе изящные острые куски обсидіана, которыми обыкновенно брили туземные цирюльники въ Мехико, вызывая этимъ удивленіе солдатъ Кортеса. Каменный ку-

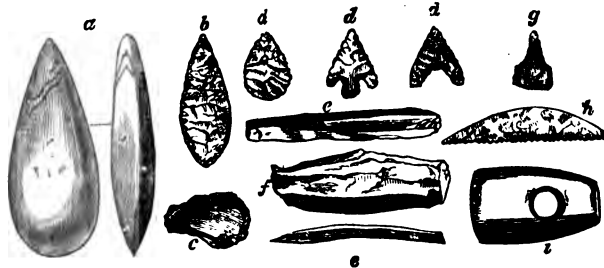

Фиг. 53. Отколотые каменные продольные куски *a*, палеолитическій; *b*, современный австралійскій; *c*, древній датскій.

сокъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ получается прямо послѣ откалыванія, можетъ быть годенъ для употребленія въ качествѣ ножа или наконечника копья, какъ на фиг. 58 *a*; или, при помощи дальнѣйшей обдѣлки, онъ можетъ быть превращенъ въ скребокъ, наконечникъ стрѣлы или шила, вродѣ показанныхъ на фиг. 54.

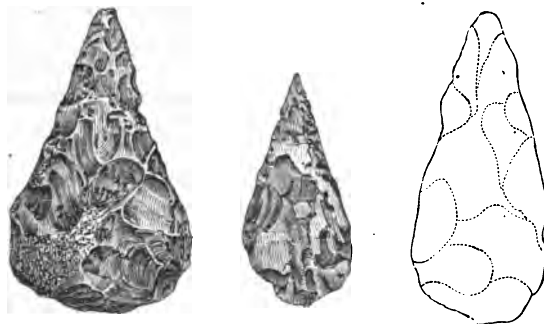
Древнѣйшія человѣческія племена оставили въ хрящевыхъ пластахъ періода дилювія или мамонта не только грубые отколотые куски, вродѣ фиг. 53 *a*, но и каменныя орудія, о которыхъ мы уже упомянули въ первой главѣ, и рисунокъ которыхъ мы повто-

ряемъ здѣсь на фиг. 55. Такъ какъ они заострены кругомъ, то ихъ тонкій конецъ могъ служить для употребленія ихъ въ качествѣ кирки, и широкая сторона—при употребленіи въ качествѣ

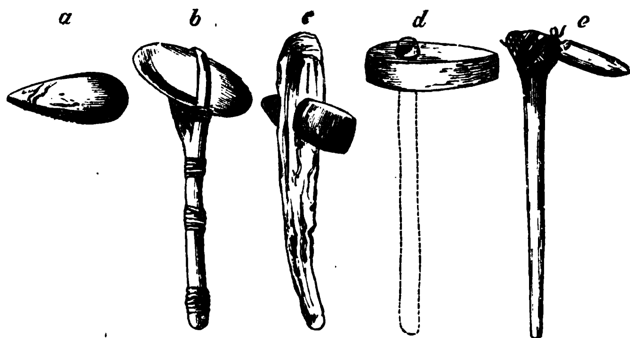
Фиг. 54. Орудія позднѣйшаго (неолитическаго) каменнаго періода: *a*, каменный цельтъ или топоръ; *b*, кремневый наконечникъ копья; *c*, скребокъ; *d*, наконечники стрѣлъ; *e*, отколотые кремневые ножи; *f*, кремень, отъ котораго отколоты продольные куски; *g*, кремневое шило; *h*, кремневая пила; *i*, каменный молотокъ.

топора. Еще не выяснено, утверждались ли они на рукояткѣ или нѣтъ, но были найдены такіе экземпляры, у которыхъ былъ заостренъ только одинъ конецъ, остальная же часть кремня оставлена гладкою—очевидно для захватыванія ихъ въ руку, для рубки ими. Не существуетъ никакихъ доказательствъ, что эти люди періода древнихъ наносовъ когда-либо отшлифовывали свои каменныя орудія при заостреніи ихъ. Такимъ образомъ, ихъ каменныя

Фиг. 55. Кремневые кирки или топоры изъ ранняго каменнаго (палеолитическаго) періода.

орудія были гораздо хуже старательно обдѣланныхъ и острыхъ отшлифованныхъ цельтовъ поздняго каменнаго періода, фиг. 54 *a*, фиг. 56 *a*. Слово *celt*, употребляемое въ англійскомъ языкѣ для обозначенія разнообразныхъ, но сходныхъ съ долотомъ, инструментовъ грубыхъ и древнихъ племенъ, представляетъ удобный терминъ, взятый отъ латинскаго *celtis*=«долото»,—слова, употребленнаго въ Вульгатѣ, въ книгѣ Іова, XIX, 24: «*celte* sculpantur in silice»; думали, впрочемъ, что слова «высѣченное долотомъ (*celte*) на скалѣ» представляютъ только ошибку переписчика, вмѣсто «вырѣзанное навѣрное (*certe*) на скалѣ»; если такъ, то *celtis* и *celt*

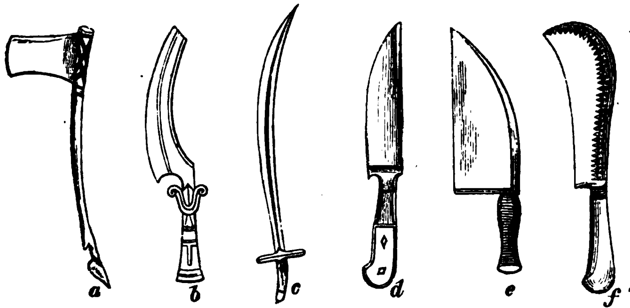

Фиг. 56. Каменные топоры и т. п.: *a*, полированный каменный цельтъ (Англія); *b*, голышъ, отшлифованный при заостреніи и вставленный въ рукоятку изъ прута (современные Ботокуды, Бразилія); *c*, цельтъ, утвержденный на деревянной палицѣ (Ирландія); *d*, каменный топоръ, просверлённый для принятія топорища (Англія); *e*, каменное тесло (современная Полинезія).

суть любопытно-придуманныя слова. Не мѣшаетъ упомянуть, что это наименованіе орудій словомъ *celts* не имѣетъ никакого отношенія къ имени народа *Celts* или *Kelts* (кельты). Каменный цельтъ нуждается только въ рукояткѣ, чтобы превратиться въ топоръ. Это дѣлалось самымъ простымъ образомъ лѣсными индѣйцами Бразиліи, которые выбирали подходящій, скругленный водою голышъ, отшлифовывали его съ одной стороны для заостренія и ввязывали въ петлю прутъ, какъ изображено на фиг. 56 *b*. Другой грубый способъ насаживанія цельта заключался во всаживаніи его въ палицу, чтó могло служить топоромъ дровосѣку или воину, вродѣ *c*, гдѣ изображено орудіе, добытое изъ одного болота въ Ирландіи. Самый усовершенствованный пріемъ состоялъ въ просверливаніи

дыры въ каменномъ лезвеѣ для помѣщенія въ нее рукоятки, какъ это видно на фиг. 56 *d*. Когда каменное лезвее утверждается остріемъ горизонтально, орудіе превращается въ плотничье тесло какъ на фиг. 56 *e*, гдѣ представленъ инструментъ, употребляемый полинезійцами при строеніи лодокъ.

Когда вошли въ употребленіе металлы, начали подражать формамъ каменныхъ орудій въ мѣди, бронзѣ или желѣзѣ, и хотя образцы, конечно, стали легче и вообще улучшились соотвѣтственно новому матеріалу, все таки можно ясно видѣть, что каменные топоры и наконечники копій, находящіеся въ музеяхъ, суть, такъ сказать, предки изготовленныхъ съ тѣхъ поръ металлическихъ топоровъ и наконечниковъ копій. Но употребленіе металла создало

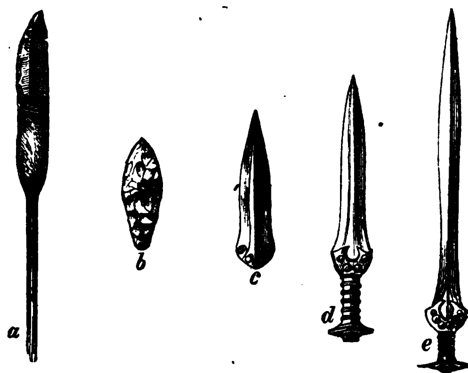
Фиг. 57. *a*, египетскій боевой топоръ; *b*, египетск палашъ; *c*, азіатская сабля; *d*, европейскій ножъ, носимый въ ножнахъ; *e*, римскій рѣзакъ; *f*, индусскій кривой рѣзакъ.

только новыя и полезныя формы, для которыхъ камень не могъ годиться. Можно получить нѣкоторое понятіе объ этихъ важныхъ перемѣнахъ, если внимательно разсмотрѣть рядъ металлическихъ рѣжущихъ инструментовъ, изображенныхъ на фиг. 57. Начнемъ съ египетскаго бронзоваго боеваго топора *a*, который не особенно сильно отличается отъ каменнаго. Но бронзовый палашъ *b*, бывшій тоже въ употребленіи у египетскихъ воиновъ, представляетъ родъ лезвея топора, рукоятка котораго прилажена не къ спинкѣ, но устроена внизу; этого удобнаго измѣненія нельзя было произвести въ каменномъ топорѣ, такъ какъ послѣдній сломался бы въ перехватѣ у рукоятки при первомъ же ударѣ, между тѣмъ какъ при металлѣ это вполнѣ удобно. Весьма возможно, что именно эти

преобразованные топоры и повели къ выдѣлкѣ нѣсколькихъ крайне важныхъ отдѣловъ оружія и инструментовъ, лезвее которыхъ, съ толстою спинкою и острымъ клинкомъ, прикрѣпляется къ рукояткѣ внизу и предназначается для рубки, разсѣченія или рѣзанія. Сюда относятся разнообразныя формы сабли или кириваго палаша, вродѣ *c*, всѣ наши обыкновенные ножи, представляемые здѣсь европейскимъ ножемъ *d*, носимымъ въ ножнахъ, и всѣ ножи для раскалыванія, представляемые римскимъ рѣзакомъ *e*. Развитіе не останавливается здѣсь, но идетъ далѣе, ибо группа инструментовъ, къ которой принадлежитъ нашъ кривой садовый ножъ, дѣлается съ вогнутымъ остріемъ, какъ въ индѣйской формѣ *f*, и это снова приводитъ къ еще болѣе искривленнымъ формамъ серпа и косы, которыхъ мы здѣсь не изображаемъ. Такимъ образомъ, есть основаніе предполагать, что всѣ эти орудія — рабочіе ли инструменты или оружіе, или кривые рѣзаки древнихъ англичанъ или современныхъ малайцевъ, служившіе одновременно для мирныхъ и боевыхъ цѣлей—всѣ они могли произойти отъ ранняго металлическаго топора, который, въ свою очередь, произошелъ отъ еще болѣе ранняго каменнаго топора.

Изъ раннихъ каменныхъ наконечниковъ копій, повидимому, постепенно развился другой родъ оружія, какъ можно видѣть на фиг. 58. При разсматриваніи копья съ острововъ Адмиралтейства *a*, наконечникъ котораго состоитъ изъ большаго отколотаго куска обсидіана, становится очевиднымъ, что при отламываніи бо́льшей части древка такое копье становится кинжаломъ. Дѣйствительно, часто невозможно опредѣлить, предназначались ли находимыя въ Европѣ лезвея формы *b* для изготовленія копій или кинжаловъ. Хрупкость камня препятствовала употребленію каменныхъ клинковъ, имѣвшихъ болѣе чѣмъ нѣсколько дюймовъ въ длину, но когда были введены металлы, явилась возможность изготовлять длинныя, съуживающіяся и острыя лезвея, откуда, такимъ образомъ, развились обоюдоострые кинжалы со смертоноснымъ дѣйствіемъ. На древнихъ египетскихъ рисункахъ можно видѣть воиновъ, вооруженныхъ копьемъ и кинжаломъ, причемъ оба рода оружія имѣютъ лезвея одинаковой формы, такъ что кинжалъ можно описать какъ большой наконечникъ копья съ рукояткою для захватыванія въ руку. Повидимому, металлическій кинжалъ, вслѣдствіе дальнѣй-

шаго удлиненія, перешелъ въ обоюдоострый мечъ—въ оружіе, которое, при употребленіи камня, было немыслимо. Чтобы дать нѣкоторое понятіе, какимъ образомъ могло это произойти, фиг. 58 изображаетъ три образца изъ бронзоваго періода Сѣверной Европы, изъ которыхъ видно, какъ наконечникъ копья *c* могъ удлинниться въ кинжалъ *d*, а этотъ послѣдній въ мечъ *e*, имѣющій форму листа. Прямые обоюдоострые мечи могли, конечно, употребляться или только для того, чтобы рубить, или только для того, чтобы колоть, или для того и другаго вмѣстѣ. Но при помѣщеніи рядомъ заостренной съ одной стороны сабли и обоюдоостраго широ-

Фиг. 58—*a*. Каменный наконечникъ копья (остр. Адмиралтейства); *b*, каменный наконечникъ копья или клинокъ кинжала (Англія); *c*, бронзовый наконечникъ копья (Данія); *d*, бронзовый кинжалъ; *e*, бронзовый мечъ, имѣющій форму листа.

каго меча или шпаги, мы тотчасъ же увидимъ, что хотя эти оба рода оружія называются мечами, и оба снабжены одинаковыми рукоятками и ножнами, они тѣмъ не менѣе представляютъ собою два вида оружія совершенно различнаго характера и происхожденія: сабля представляетъ преобразованный топоръ, между тѣмъ какъ шпага—преобразованное копье. Этотъ послѣдній типъ копья, современное развитіе котораго дало, между прочимъ, штыкъ, большею частью служилъ для боевыхъ цѣлей. Однако, онъ извѣстенъ и какъ мирное орудіе, на что могутъ указать африканскіе обоюдоострые ножи, очевидно развившіеся изъ наконечниковъ копья, а также инструментъ, который наши хирурги, сознавая, какой пред-

метъ послужилъ ему первоначальнымъ образцомъ, называютъ копьецемъ или ланцетомъ.

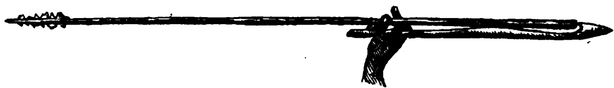
Перейдемъ къ другимъ родамъ орудій. Шипы, остроконечные осколки костей или куски кремня, обдѣланные такъ, чтобы они имѣли остріе (фиг. 54 *g*), служили раннимъ человѣческимъ племенамъ въ качествѣ бурава. Пила, вѣроятно, выработалась изъ зазубреннаго кремневаго осколка, который впослѣдствіи превратился въ болѣе искусственную кремневую пилу (фиг. 54 *h*). Такимъ образомъ, люди каменнаго періода имѣли въ грубыхъ и первобытныхъ формахъ нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ ремесленныхъ орудій, которыя были усовершенствованы въ періодъ металловъ. Весьма интересно взглянуть на изображенное въ «Древнихъ Египтянахъ» Уилькинсона содержимое ящика для инструментовъ египетскаго плотника, гдѣ бронзовыя тесло, пила, долото и т. п. обнаруживаютъ ясные слѣды сходства со старыми орудіями изъ камня. Съ другой стороны, это собраніе египетскихъ орудій и еще болѣе коллекціи инструментовъ греческихъ и римскихъ плотниковъ замѣчательно близко подходятъ къ орудіямъ, употребляемымъ нами до настоящаго дня. Главнѣйшее отличіе, ставившее древнихъ плотниковъ ниже нашихъ, заключалось въ томъ, что они не пошли далѣе изобрѣтенія гвоздей и никогда не натолкнулись ни на мысль о винтахъ, имѣющихъ столь существенное значеніе въ современномъ строительномъ дѣлѣ, ни на мысль о такихъ орудіяхъ, каковы большой буравъ и трубочный буравчикъ, дѣйствіе которыхъ основывается на винтѣ. У древнихъ культурныхъ народностей Египта и Ассиріи мы находимъ технику достигшею уже такого состоянія, къ какому могли привести только тысячелѣтія прогресса. Въ музеяхъ можно до сихъ поръ изучать работу ихъ столяровъ, каменотесовъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, которая замѣчательна по своему искусству и отдѣлкѣ и можетъ часто пристыдить современныхъ ремесленниковъ. Само собою разумѣется, эти результаты достигались древнимъ ремесленникомъ не иначе какъ путемъ того, что мы сочли бы теперь излишнею затратою труда. Употребленіе стали и другія усовершенствованія дали современному работнику большія преимущества и, что еще болѣе, современный міръ крайне превзошелъ древній въ употребленіи машинъ, какъ мы увидимъ это

съ бóльшею подробностью по окончаніи нашего разсмотрѣнія простѣйшихъ инструментовъ.

Продолжаемъ нашъ обзоръ оружія. Дубина или палица становится метательнымъ оружіемъ въ рукахъ охотника или воина, какъ, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда зулусъ сбиваетъ съ ногъ антилопу на изумительно далекомъ отъ него разстояніи, метнувъ свою палицу съ закругленнымъ концомъ,—или въ томъ, когда турки до новѣйшихъ временъ имѣли обыкновеніе метать свои булавы во время битвы. Употребленіе палицы съ цѣлью забавы пережило употребленіе для боевыхъ цѣлей, и даже въ иныхъ сельскихъ округахъ современной Англіи не безъизвѣстны метательныя дубинки птицеловов, носящія наименованіе *squoyle*. Приплюснутая тонкая палица, вырѣзанная изъ кривыхъ или изогнутыхъ вѣтвей, была очень любима охотниками различныхъ народностей, вслѣдствіе своего разрушительнаго вращательнаго полета; такъ, на рисункахъ можно видѣть древнихъ египетскихъ птицелововъ, бросающихъ свои плоскія, искривленныя метательныя палки въ середину стаи дикихъ утокъ. Австралійцы не только бросаютъ свои деревянныя палицы и топоры, какъ оружіе, этимъ обыкновеннымъ путемъ, но еще умѣютъ выдѣлывать и бросать съ изумительною ловкостью особенные, слегка искривленные топоры, прозванные «возвращающимися» бумерангами, которые на полетѣ перемѣняютъ свое направленіе и возвращаются къ бросившему тѣмъ же способомъ, какимъ можно заставить летѣть обратно бумеранги, вырѣзываемые изъ визитной карточки. Очевидно, далѣе, что между первымъ оружіемъ человѣка должны были оказаться камни, бросаемые рукою. Простой приборъ для приданія большей длины рукѣ и усиленія скорости движенія представляетъ праща, пользующаяся столь общею извѣстностью даже среди самыхъ низшихъ человѣческихъ племенъ, что указываетъ на ея весьма древнее происхожденіе.

Грубѣйшее копье, представляющее простую остроконечную палку, извѣстно во всемъ дикомъ мірѣ; конецъ его часто дѣлается болѣе твердымъ при помощи обжиганія на огнѣ. Между копьями — будутъ ли это необдѣланныя палки, или болѣе искусственно заостренные роды оружія — болѣе тяжелые сорта служатъ для прокалыванія, и болѣе легкіе—для метанія, между тѣмъ какъ копья средней

величины годятся какъ для той, такъ и для другой цѣли. Очевидно само собою, какимъ образомъ было придумано снабжать копье зубцами или бородкою для того, чтобы помѣшать ему выходить изъ раны. Среди грубыхъ охотниковъ и рыболововъ сильно распространенъ другой пріемъ, который состоитъ въ томъ, что наконечникъ неплотно прикрѣпляется къ древку веревкою извѣстной длины; когда остріе втыкается въ животное, веревка разматывается и древко отваливается такъ, что раненое животное не можетъ отломать его, но тащитъ за собою, оставляя слѣдъ; за раненою рыбою позволяетъ слѣдить, сдерживая ея движенія, плавающій на поверхности воды кусокъ дерева. Разстояніе, на которое можетъ быть брошено копье рукою, значительно увеличивается при употребленіи особаго копьеметателя, дѣйствующаго на подобіе пращи. Во времена капитана Кука новокаледонцы метали свои копья при помощи короткой веревки съ петлею для пальца, между

Фиг. 59. Австралійское копье, бросаемое съ помощью копьеметателя (по Бру-Смитсу).

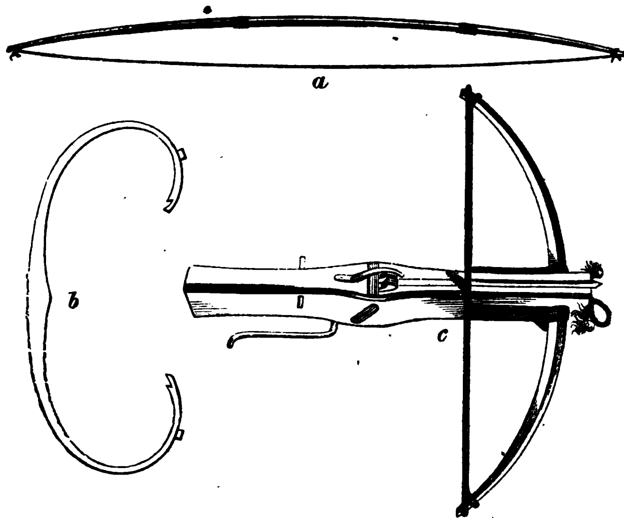
тѣмъ какъ римскіе солдаты имѣли особый ремень (*amentum*), прикрѣплявшійся съ тою же цѣлью къ серединѣ древка ихъ дротиковъ. Дикія и варварскія расы предпочитали деревянные копьеметатели отъ одного до трехъ футъ въ длину, на одномъ концѣ которыхъ находился деревянный гвоздь или выемка для принятія тупой оконечности копья, другой же конецъ захватывался въ руку. Фиг. 59 изображаетъ подобный копьеметатель, употребительный у австралійцевъ. Онъ производитъ впечатлѣніе еще болѣе первобытнаго снаряда нежели лукъ, который дѣйствительно не былъ извѣстенъ этимъ грубымъ дикарямъ. Какъ кажется, по мѣрѣ прогресса въ развитіи оружія, копьеметатель вышелъ изъ употребленія, такъ какъ его не находили среди націй, стоявшихъ выше древнихъ мехиканцевъ, да и у этихъ послѣднихъ онъ, повидимому, скорѣе сохранился отъ старыхъ временъ какъ часть обряда, нежели для какого-нибудь серьезнаго употребленія. Весьма вѣроятно, что лукъ и стрѣлы развились—какъ предполагаетъ генералъ Питтъ-

Риверсъ — изъ болѣе простаго снаряда, а именно изъ устанавливаемой въ лѣсахъ особой западни, состоящей въ прилаживаніи дротика къ упругой вѣтви, которая укрѣпляется такъ, что проходящее мимо животное спускаетъ ее, и дротикъ летитъ ему вслѣдъ. Какимъ бы образомъ ни дошли до изобрѣтенія лука, онъ во всякомъ случаѣ вошелъ въ употребленіе въ доисторическія времена. Стрѣла представляетъ собою миніатюру обыкновеннаго дротика, и древніе каменные наконечники стрѣлъ, найденные въ большинствѣ странъ міра (см. фиг. 54 *d*), доказываютъ существованіе лука со стрѣлами въ каменномъ вѣкѣ, хотя они врядъ ли восходятъ до періода наносовъ. Искусство снабженія стрѣлъ перьями восходитъ столь же далеко, какъ и исторія, но намъ неизвѣстно, на сколько оно идетъ далѣе. Самый простой родъ длиннаго лука сходенъ съ употребляемымъ нами и теперь для забавы и дѣлается изъ куска гибкаго дерева. Фиг. 60 *a* изображаетъ употребительный у лѣсныхъ племенъ въ Южной Америкѣ длинный лукъ, ненатянутый, съ тетивою, висящею свободно. Такъ называемый татарскій или скиѳскій лукъ составляется изъ нѣсколькихъ кусковъ дерева или рога, соединенныхъ между собою клеемъ и жилами. Онъ короче обыкновеннаго длиннаго лука, и тетива его натягивается посредствомъ нажиманія на дугу снаружи кнутри; такимъ образомъ въ натянутомъ состояніи выпуклая сторона древняго скиѳскаго лука *b* сдѣлалась бы вогнутою. Луки этого рода принадлежатъ преимущественно сѣвернымъ странамъ, гдѣ чувствуется недостатокъ въ гибкомъ деревѣ, необходимомъ для выдѣлыванія длинныхъ луковъ, состоящихъ изъ одного цѣльнаго куска. Какъ боевое оружіе, лукъ просуществовалъ въ Европѣ въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, и еще въ 1814 году міръ съ удивленіемъ смотрѣлъ на казацкую кавалерію, проѣзжавшую по улицамъ Парижа и вооруженную луками и стрѣлами [1]). Дальнѣйшій шагъ въ исторіи лука состоялъ въ прилаживаніи его къ куску дерева или ложу, для того, чтобы можно было прицѣливаться не спѣша и спускать тетиву черезъ прикосновеніе къ особому спуску. Такимъ образомъ произошелъ

[1]) Это, по всей вѣроятности, относится къ башкирамъ, входившимъ въ составъ иррегулярной кавалеріи, такъ какъ донскіе казаки издавна имѣли огнестрѣльное оружіе и, вѣроятно, то же было въ другихъ казацкихъ отрядахъ. *Прим. ред.*

самострѣлъ, изобрѣтенный, повидимому, на востокѣ и сдѣлавшійся извѣстнымъ въ Европѣ римскаго времени около шестаго столѣтія. На нашей фигурѣ *c* онъ представленъ въ усовершенствованной формѣ, съ особою вращающеюся рукояткою для натягиванія тетивы, въ томъ видѣ, въ какомъ его употребляли солдаты въ шестнадцатомъ столѣтіи. Самострѣлы и до сихъ поръ изготовляются въ Италіи для стрѣлянія изъ нихъ птицъ, стрѣлами или дробью.

Для уразумѣнія слѣдующаго великаго шага въ развитіи метательнаго оружія необходимо оглянуться назадъ на жизнь дикарей.

Фиг. 60. Луки: *a*, южно-американскій длинный лукъ (ненатянутый); *b*, татарскій или скиѳскій лукъ; *c*, европейскій самострѣлъ.

Выдувальный стволъ (blow-tube), помощью котораго лѣсной индѣецъ Южной Америки (фиг. 43) выдуваетъ свои маленькіе ядовитые дротики, входящіе въ стволъ въ видѣ трубокъ, или подобное же малайское оружіе, называемое *sumpitan*, могли быть легко изобрѣтены во всѣхъ странахъ, гдѣ ростетъ высокій и толстый тростникъ. Выдувальный стволъ съ простыми дротиками или дробью служитъ для стрѣлянія птицъ и часто встрѣчается какъ игрушка, напримѣръ, въ видѣ трубки, употребляемой для стрѣлянія горохомъ нашими мальчиками. Когда, однако, къ военному дѣлу примѣнили порохъ, его употребленіе вскорѣ было приспособлено къ

превращенію выдувальнаго ствола въ приборъ громадной силы; вмѣсто прежняго выдуванія метательнаго снаряда черезъ тростниковую трубку силою легкихъ, его стали приводить въ движеніе посредствомъ взрыва пороха въ желѣзномъ стволѣ. Въ раннихъ средневѣковыхъ ружьяхъ порохъ воспламеняли путемъ прикладыванія къ запалу раскаленнаго угля или фитиля, какъ это до недавняго времени дѣлалось съ пушками. Запальный замокъ въ ружьяхъ замѣнился затѣмъ колеснымъ. Послѣдній повелъ къ кремневому; его любопытно сравнить съ самострѣломъ, ибо согнутая дуга самострѣла, которая разгибалась движеніемъ его спуска и на дѣйствіи которой основывалось собственно движеніе метательнаго снаряда, здѣсь, въ формѣ пружины и спуска, понизилась до подчиненнаго назначенія высѣкать огонь для воспламененія пороха, приводящаго въ движеніе пулю. Спускъ и пружина остались еще и въ болѣе новыхъ ружьяхъ; усовершенствованіе заключается въ употребленіи гремучаго серебра въ пистонѣ, воспламеняющемся ударомъ курка. Нарѣзываніе пули при помощи желобковъ или винтовыхъ ходовъ въ стволѣ ружья является современнымъ представителемъ древняго метода легкаго закручиванія наконечника копья или снабженія стрѣлы перьями, для сообщенія копью или стрѣлѣ вращательнаго движенія, что́ увеличиваетъ вѣрность полета. Современная коническая пуля представляетъ отчасти возвратъ отъ сферической пули къ древнему дротику или стрѣлѣ, и, наконецъ, заряжаніе съ казенной части есть возвратъ къ старому пріему помѣщать стрѣлу въ заднее отверстіе выдувальной трубки дикаря.

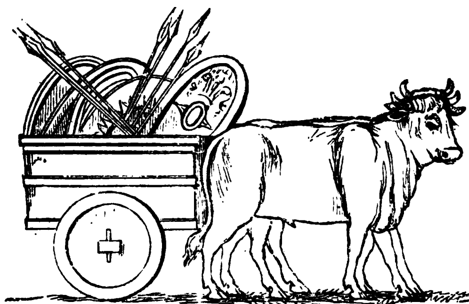
Отсюда очевидно, что изобрѣтательность человѣка въ искусствѣ истребленія своихъ ближнихъ была весьма велика. При обозрѣніи послѣдней группы смертоноснаго оружія, отъ камня, бросаемаго рукою, до нарѣзной пушки, хорошо выступаетъ на видъ одинъ изъ великихъ успѣховъ культуры. Мы видимъ здѣсь прогрессъ, начинающійся простымъ орудіемъ или приспособленіемъ, вродѣ палицы или каменнаго ножа, который позволялъ человѣку успѣшнѣе бить или рѣзать нежели руками или зубами, и доходящій до машины, которая, будучи снабжена двигателемъ, требуетъ отъ человѣка только установки и управленія для того, чтобы дѣлать свое дѣло. Человѣкъ часто самъ доставляетъ силу, которую машина

только распредѣляетъ болѣе удобнымъ образомъ, какъ въ томъ случаѣ, когда горшечникъ поворачиваетъ колесо своею ногою, употребляя руки для приданія формы вращающейся глинѣ. Самый высшій классъ составляютъ тѣ машины, которыя приводятся въ движеніе силами, запасенными въ природѣ, какова, напримѣръ, лѣсопильная мельница, гдѣ теченіе потока исполняетъ всю главную работу, пильщику же остается лишь доставить лѣсъ и направить машину.

Что касается до того, какимъ образомъ впервые люди познакомились съ механическими силами, то было бы совершенно безполезнымъ дѣлать догадки, въ какомъ грубомъ и раннемъ періодѣ люди нашли, что камни или бревна, слишкомъ тяжелыя для поднятія руками, можно поднимать и передвигать при помощи толстой палки, или перекатывать на двухъ или трехъ круглыхъ шестахъ, или что скатываніе ихъ по длинной отлогой покатости легче, нежели по короткому крутому подъему. Такимъ образомъ, всѣ эти открытія рычага, вала и наклонной плоскости лежатъ совершенно внѣ историческаго времени. Древніе египтяне употребляли клинья для раскалыванія своихъ громадныхъ каменныхъ глыбъ, и можно только удивляться, что, зная блокъ, они никогда не употребляли его для оснащиванія своихъ кораблей (см. фиг. 71). На ассирійскихъ изваяніяхъ можно видѣть колодезь съ воротомъ для доставанія бадьи и наблюдать, какъ поднимаютъ рычагами огромнаго крылатаго быка и тащутъ его на саняхъ, подъ которыя подложены валы.

Повозка на колесахъ, принадлежащая къ числу самыхъ важныхъ машинъ, когда-либо изобрѣтенныхъ человѣкомъ, была, должно быть, придумана во времена доисторическія. Для того, чтобы видѣть, какого техническаго искусства достигли передовыя націи уже во времена, относимыя нами къ глубокой древности, стоитъ внимательно разсмотрѣть египетскія боевыя колесницы, съ ихъ тщательно насаженными и снабженными крѣпкою шиною колесами со спицами, на осяхъ, закрѣпленныхъ чеками, причемъ кузовъ, дышла и двойная упряжь свидѣтельствуютъ о такомъ же техническомъ искусствѣ. Если мы будемъ искать какіе-либо слѣды того пути, которымъ человѣчество пришло къ изобрѣтенію повозки на колесахъ, было бы безполезно обращаться за указаніемъ къ такой

высоко-искусной работѣ, какую мы встрѣчаемъ у строителей египетскихъ колесницъ или у римскихъ *carpentarii* = строителей повозокъ, отъ которыхъ унаслѣдовали свое имя наши (англійскіе) *carpenters* (плотники). Но часто случается, что можно найти грубосдѣланныя вещи, которыя, по своему строенію, какъ бы принадлежатъ раннимъ ступенямъ техники. Plaustrum или деревенская телѣга древняго міра въ ея самой грубой формѣ имѣла вмѣсто колесъ два массивныхъ деревянныхъ круга, почти въ футъ толщиною, сдѣланныхъ изъ поперечно-перерѣзаннаго ствола дерева, причемъ эти круги или колеса не вращались на оси, но были неподвижно насажены на ней; ось удерживалась на мѣстѣ посредствомъ особенныхъ деревянныхъ задержекъ или планокъ, или про-

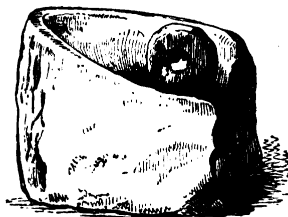
Фиг. 61. Древняя повозка на волахъ, съ колонны Антонина

ходила черезъ кольца на днѣ телѣги и вращалась вмѣстѣ со своею парою колесъ, какъ это дѣлается на дѣтскихъ игрушечныхъ повозкахъ. Любопытно отмѣтить, что при измѣнившихся условіяхъ строители желѣзнодорожныхъ вагоновъ возвратились къ этому устройству. На древней повозкѣ, изображенной на фиг. 61, четыреугольный конецъ оси показываетъ, что она должна вращаться вмѣстѣ съ колесами. Въ такихъ странахъ, какъ Португалія, еще до сихъ поръ можно видѣть древнія классическія повозки для ѣзды на волахъ, устроенныя по тому же принципу, и есть основаніе полагать, что подобныя телѣги объясняютъ, какимъ образомъ были изобрѣтены повозки на колесахъ. Сначала употреблялись валы или катки, на которыхъ катили каменную глыбу или другую большую тяжесть. Представимъ себѣ, что подобный ка-

токъ, сдѣланный изъ гладкаго древеснаго ствола или бревна, усовершенствованъ сначала такъ, что средняя часть его обтесана и сдѣлана тоньше, слѣдовательно онъ превратился въ ось съ двумя широкими кругами по концамъ; затѣмъ такъ, что ось помѣщена подъ какимъ-нибудь грубѣйшимъ остовомъ изъ брусьевъ и вращается подъ нимъ; мы получимъ наипростѣйшую мыслимую повозку на колесахъ. Разъ появилось подобное первое понятіе о повозкѣ, вѣроятно, что колеса стали впослѣдствіи дѣлать отдѣльно, прикрѣплять ихъ къ подвижнымъ осямъ и снабжать шинами. Затѣмъ, при легкихъ колесахъ и гладкой почвѣ, колесамъ сообщили вращеніе на неподвижныхъ осяхъ. Конечно, все это не болѣе какъ предположеніе, но во всякомъ случаѣ оно вполнѣ уясняетъ нашему уму, чѣмъ была повозка по своей природѣ.

Другую древнюю машину представляетъ мельница. Самыя грубыя дикія племена имѣли простое и дѣйствительное, всегда находящееся подъ рукою средство для измельченія древеснаго угля и охры, употреблявшихся для окраски тѣла, или для болѣе полезной работы дробленія дикихъ зеренъ, собираемыхъ для употребленія въ пищу. Весь приборъ состоитъ изъ кругловатаго камня, захватываемаго въ руку, и нѣсколько бо́льшаго камня съ углубленіемъ, служившаго въ качествѣ неподвижнаго жернова. Любопытно замѣтить, какъ близко подходятъ къ первобытному типу все еще употребляемые нами ступка съ пестикомъ. Всякій, употребляющій ступку и пестикъ, можетъ видѣть, что они работаютъ двумя путями: помѣщенное въ ступкѣ вещество или дробится ударами, или растирается треніемъ о стѣнки ступки. Когда люди стали заниматься земледѣліемъ, и зерновой хлѣбъ составилъ главную долю ихъ пищи, а измельченіе его въ муку — тяжелою работою женщины, въ употребленіе вошли различныя формы мукомольныхъ камней, приспособленныхъ не для толченія, но только для размалыванія, и лучше удовлетворявшихъ этому условію. На фиг. 62 можно видѣть образчикъ подобнаго прибора, грубый зернодробитель, откопанный въ Энглези; каменный бѣгунъ или катокъ имѣетъ углубленія на своихъ бокахъ для рукъ растиральщика, который водилъ имъ взадъ и впередъ по каменному же ложу. Самую совершенную форму подобнаго зернодробителя можно видѣть въ *metate*, съ его искусно обдѣланнымъ стоячимъ жерновомъ

и скалкою изъ лавы, при помощи которыхъ мехиканскія женщины растираютъ маисъ для своихъ печеній или *tortillas*. Наилучшимъ образомъ, однако, зерно растирается при помощи камня, обращающагося на другомъ камнѣ, въ чемъ и заключается принципъ мельницы. Ручная мельница древняго періода, въ ея наипростѣйшей формѣ, состояла изъ двухъ круговыхъ плоскихъ жерноповъ, изъ которыхъ верхній поворачивался при помощи ручки, между тѣмъ какъ зерно насыпалось черезъ отверстіе въ серединѣ его и выходило въ видѣ муки по краямъ. Эта ранняя ручная мельница продолжала существовать до настоящаго времени, и фиг. 63 изображаетъ «двухъ женщинъ, мелющихъ зерно», какъ ихъ можно было видѣть на Гебридскихъ островахъ въ прошломъ вѣкѣ; конецъ длин-

Фиг. 62. Зернодробитель изъ Энглези (по У. О. Стэнли).

ной палки, свѣшивающейся съ вѣтви вверху, помѣщенъ въ отверстіе верхняго камня, а на землѣ разложенъ кусокъ ткани для собиранія муки. Ручная мельница до сихъ поръ еще употребляется въ Шотландіи и на островахъ. Если читатель обратитъ вниманіе на устройство современной мукомольной мельницы, то онъ увидитъ, что аккуратно обдѣланные и выдолбленные жернова имѣютъ въ настоящее время бóльшую тяжесть, и верхній жерновъ уравновѣшивается на оси, которая приводитъ его въ быстрое вращеніе снизу, при помощи водяной или паровой силы,—но, не смотря на эти механическія усовершенствованія, существенный принципъ первобытной ручной мельницы все еще сохранился здѣсь во всей своей силѣ.

Другая группа вращающихся орудій и машинъ начинается сверломъ. Наипростѣйшій способъ сверленія при помощи верченія палки между руками можно видѣть при процессѣ добыванія огня (см. фиг. 72). При помощи этого неуклюжаго способа грубыя племена умѣютъ просверливать дыры въ твердомъ камнѣ, терпѣливо вертя

тростникъ или палку, съ твердымъ пескомъ и водою. Это первобытное орудіе было усовершенствовано какъ для добыванія огня, такъ и для сверленія дыръ: вокругъ палки обматывали ремень или веревку, которую держали то кзади, то кпереди, приводя ею въ движеніе сверло; такимъ образомъ сверлили свой лѣсъ древніе кораблестроители, какъ это описано въ Одиссеѣ (IX, 384). Остроумный способъ вгонять сверло при помощи лука съ его тетивою, дозволявшій выполнять эту работу одному человѣку, былъ уже извѣстенъ въ древнихъ мастерскихъ Египта, но еще болѣе усовершенствованное сверло Архимеда принадлежитъ новому времени.

Фиг. 63. Гебридскія женщины, растирающія зерно при помощи ручной мельницы (по Пеннанту).

Токарный станокъ, какъ кажется, ведетъ свое происхожденіе отъ сверла. Это можетъ показаться неяснымъ читателю, знающему станокъ только въ его усовершенствованныхъ современныхъ формахъ, но это можно видѣть, если разсмотрѣть старинной формы станокъ съ лучкомъ, при помощи котораго токарь обыкновенно выдѣлывалъ свои деревянныя чашки и ножки стульевъ,—станокъ, приводимый въ движеніе при помощи веревки, которую тянули вверхъ и внизъ, и основывавшійся такимъ образомъ на томъ принципѣ, какъ и сверло временъ Гомера. Его замѣнилъ ножной токарный станокъ, съ его колеснымъ механизмомъ и постояннымъ враще-

ніемъ, для того, чтобы, въ свою очередь, уступить мѣсто введенію паровой силы для приведенія въ движеніе орудія и даже для его приставленія въ самодѣйствующемъ токарномъ станкѣ.

При изслѣдованіи этихъ группъ инструментовъ и машинъ, мы прослѣдили развитіе многихъ изъ нихъ до того пункта, когда ихъ возникновеніе теряется во мглѣ смутныхъ доисторическихъ временъ, или когда древняя исторія можетъ показать, какъ имъ дала начало новая идея или новая форма старой идеи. Рѣдко возможно добраться до настоящаго автора какого-нибудь древняго изобрѣтенія. Такимъ образомъ, никто не знаетъ съ точностью, когда и какимъ образомъ появилось удивительное механическое приспособленіе, называемое винтомъ. Онъ былъ хорошо извѣстенъ греческимъ математикамъ, и винтовые тиски для бѣлья и тиски для отжиманія масла, принадлежащіе классическимъ временамъ, по своему устройству представляютъ почти современный видъ. Въ періодъ древней цивилизаціи появляются зачатки той громадной перемѣны, которая преобразуетъ современную жизнь при пособіи изобрѣтеній, заставившихъ силы природы выполнять тяжелую работу человѣка вмѣсто него самого. Эта великая перемѣна произошла въ особенности, повидимому, путемъ приспособленій, сберегавшихъ тяжелый трудъ по орошенію полей. Простое ручное приспособленіе этого рода представляетъ шадуфъ Нильской долины, гдѣ длинный шестъ съ противовѣсомъ на одномъ концѣ поддерживается на столбахъ и несетъ ведро, свѣшивающееся съ болѣе длиннаго конца для зачерпыванія воды внизу. Не нужно даже ѣздить на востокъ, чтобы увидѣть это странное приспособленіе, ибо его можно наблюдать и на нашихъ кирпичныхъ заводахъ. По отношенію къ орошенію полей, дальнѣйшее механическое усовершенствованіе этого пріема состояло въ томъ, что стали заставлять смѣны рабовъ вращать большое колесо, снабженное по окружности ведрами или глиняными сосудами, которые поднимались по наполненіи водою внизу и, переворачиваясь, опорожнялись въ корыто, помѣщенное на болѣе высокомъ уровнѣ. Но когда подобное колесо было помѣщено такъ, что погружалось въ бѣгущій потокъ, его стало приводить въ движеніе само теченіе, и такимъ образомъ явилось на свѣтъ *noria* или оросительное водяное колесо, столь часто упоминаемое въ древнѣйшей литературѣ и до сихъ поръ

доступное наблюденію какъ на Востокѣ, такъ и въ Европѣ. Проходя черезъ эти или сходныя съ ними ступени изобрѣтенія, водяное колесо сдѣлалось источникомъ силы и для отправленія другой работы, вродѣ растиранія зерна, заступая здѣсь мѣсто женщинъ съ ручною мельницею, или рабовъ съ ихъ ножною мельницею, или лошадей съ ихъ вѣчнымъ круженіемъ на одномъ мѣстѣ. «Прекратите свою работу, вы, дѣвы, трудящіяся на мельницахъ», говоритъ одна греческая эпиграмма, «спите, и оставьте птицъ встрѣчать пѣснями возвращающуюся зарю, такъ какъ Деметра повелѣла водянымъ нимфамъ исполнять вашу работу: послушныя ея призыву, онѣ бросаются на колесо и поворачиваютъ ось и тяжелые жернова». Классическая мукомольная мельница съ зубчатыми колесами, приводимыми въ движеніе водянымъ колесомъ, могла быть весьма похожа на водяныя мельницы, все еще продолжающія работать на нашихъ сельскихъ ручьяхъ. Подобный механизмъ, въ началѣ примѣнявшійся къ размалыванію зеренъ, впослѣдствіи сталъ прилагаться и къ другимъ производствамъ, такъ что въ настоящее время (англійское) слово *mill* = «мельница» не обозначаетъ уже только мукомольную мельницу, но употребляется также тамъ, гдѣ механизмъ приводится въ дѣйствіе какимъ-либо двигателемъ для другихъ цѣлей. Великій шагъ впередъ въ цивилизаціи представляетъ введеніе въ употребленіе водяной мельницы и близкой съ нею по механизму вѣтряной мельницы—этихъ двухъ пріемниковъ, исполняющихъ трудъ всѣхъ родовъ, отъ самой тяжелой работы европейской фабрики до движенія тибетскихъ молельныхъ колесъ, вращающихся, вѣчно повторяя священныя буддистскія формулы. Въ теченіи послѣдняго столѣтія цивилизованный міръ началъ извлекать громадный запасъ силы изъ новаго источника—изъ каменнаго угля, сожигаемаго въ печи паровой машины и уже употребляемаго столь значительно, что экономисты стали безпокойно соображать, на сколько времени можетъ еще хватить запасъ этой ископаемой силы, и что придется затѣмъ заставить трудиться за насъ — силу ли прилива или теплоту солнца. Такимъ образомъ въ новѣйшее время человѣкъ стремится все болѣе и болѣе замѣнить роль работника, которую онъ игралъ въ ранніе періоды своего существованія, болѣе высокою обязанностью управителя или распорядителя міровою силою.

ГЛАВА IX.

Житейская техника (*Продолженіе*).

Добываніе пищи, доставляемой природою.—Охота.—Ловля западнею.—Рыбная ловля. — Земледѣліе: земледѣльческія орудія. — Поля. — Скотъ, пастбище.— Война: оружіе.—Броня.—Веденіе войны среди низшихъ племенъ; среди высшихъ націй.

Послѣ того, какъ въ предыдущей главѣ мы изслѣдовали употребляемыя человѣкомъ орудія, намъ предстоитъ теперь перейти къ разсмотрѣнію техническихъ пріемовъ, которыми онъ себя поддерживаетъ и защищаетъ. Первѣйшую необходимость его составляетъ добываніе ежедневной пищи. Въ тропическихъ лѣсахъ дикари могутъ легко существовать, питаясь тѣмъ, что имъ доставляетъ сама природа, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, андаманскіе островитяне, которые собираютъ плоды и медъ, охотятся за дикими кабанами въ густыхъ кустарникахъ и ловятъ черепахъ и рыбу на берегу. Многія лѣсныя племена Бразиліи, хотя и занимаются немного земледѣліемъ, живутъ главнымъ образомъ тою пищею, которую прямо доставляетъ природа. Грубый человѣкъ не терпитъ недостатка въ послѣдней, ибо вокругъ него водится много дичи, рѣки кипятъ рыбою, между тѣмъ какъ лѣсъ даетъ ему запасы корней и луковицъ, тыквъ, пальмовыхъ орѣховъ, бобовъ и многихъ другихъ плодовъ; онъ собираетъ дикій медъ, птичьи яица, червей изъ сгнившаго дерева, не брезгаетъ также и насѣкомыми, ѣстъ даже муравьевъ. Въ менѣе плодоносныхъ странахъ дикая жизнь идетъ хорошо только до тѣхъ поръ, пока изобилуетъ дичь и рыба, но когда въ нихъ оказывается недостатокъ, жизнь превращается въ непрерывные поиски за пищею; такъ,

австралійцы бродятъ цѣлый день по своимъ пустынямъ, высматривая съѣдобный корень или насѣкомое, а низко стоящія племена въ Скалистыхъ горахъ собираютъ сосновыя шишки и ягоды, ловятъ змѣй и вытаскиваютъ ящерицъ изъ норъ при помощи палки съ крючкомъ. Жители Огненной земли бродятъ по своимъ негостепріимнымъ унылымъ берегамъ, питаясь главнымъ образомъ слизняками, такъ что втеченіи вѣковъ ихъ раковины съ рыбными костями и другимъ соромъ образовали длинныя береговыя гряды, поднимающіяся выше уровня стоянія самой высокой воды. Подобныя кучи раковинъ или «кухонныя кучи», отмѣчающія старыя убѣжища подобныхъ племенъ, встрѣчаются тамъ и сямъ по берегамъ всего міра; напримѣръ, ихъ находятъ на берегахъ Даніи, гдѣ археологи роются въ нихъ, отыскивая тамъ остатки отъ грубыхъ европейцевъ, которые въ каменномъ вѣкѣ вели жизнь, нѣсколько напоминающую жизнь обитателей Огненной земли. Охота и рыбная ловля встрѣчаются на всѣхъ уровняхъ человѣческаго общества, начиная съ дикарей, у которыхъ нѣтъ другихъ средствъ къ существованію, и кончая цивилизованными народами, у которыхъ дичь и рыба врядъ ли представляютъ что-нибудь больше прибавки къ болѣе правильной поставкѣ зерна и мяса съ фермы. Присматриваясь къ пріемамъ охотника и рыболова, мы увидимъ, что бóльшая часть ихъ цѣликомъ принадлежитъ къ болѣе грубымъ стадіямъ культуры.

Туземные обитатели бразильскихъ лѣсовъ, для которыхъ выслѣживаніе дичи составляетъ главнѣйшее занятіе всей жизни, выполняютъ его съ ловкостью, вызывающею удивленіе бѣлыхъ наблюдателей. Охотникъ ботокудъ, украдкою скользящій по кустарнику, знаетъ всѣ привычки и примѣты каждой птицы и каждаго звѣря; остатки ягодъ и шелуха показываютъ ему, чтó за животное кормилось въ данномъ мѣстѣ; онъ знаетъ, до какой высоты можетъ смѣстить листья проходящій броненосецъ, и такимъ образомъ можетъ отличить его слѣдъ отъ слѣдовъ змѣи или сухопутной черепахи и прослѣдить его до самой норы по царапинамъ, которыя оставляетъ на грязи его чешуйчатая броня. Даже чувство обонянія на столько чутко у этого дикаря, что оно можетъ помогать ему при выслѣживаніи. Спрятавшись за деревомъ, онъ можетъ подражать крикамъ птицъ и звѣрей для того, чтобы заманить ихъ

на разстояніе полета своей смертельноядовитой стрѣлы, и можетъ даже завлекать аллигатора, заставляя тереться другъ о друга шероховатыя яица, снесенныя этимъ животнымъ и лежащія подъ листьями на берегу рѣки. Если застрѣленная имъ обезьяна, сидѣвшая на вѣтвяхъ какого-нибудь исполинскаго дерева, все таки остается висѣть тамъ на своемъ хвостѣ, онъ отправляется за нею по висячему ползучему растенію, по которому не былъ бы въ состояніи взобраться ни одинъ бѣлый человѣкъ. Наконецъ, нагруженный дичью и полезными лѣсными продуктами, вродѣ пальмоваго лыка для выдѣлыванія коекъ, или плодовъ для приготовленія опьяняющихъ напитковъ, онъ находитъ обратную дорогу въ свою хижину по солнцу и положенію почвы, и по вѣтвямъ, которыя онъ отгибалъ, пробираясь черезъ лѣсную чащу. Въ Австраліи туземный охотникъ лежитъ въ засадѣ позади живой ширмы изъ кустовъ близь какого-нибудь источника, пока туда не придутъ пить кэнгуру, или онъ преслѣдуетъ одного изъ нихъ открыто втеченіи цѣлыхъ дней, располагаясь на ночную стоянку у небольшаго костра, чтобы на зарѣ снова пуститься въ погоню, все время держась подъ вѣтромъ и не попадаясь животному на глаза, пока, наконецъ, ему удастся подкрасться на столько близко, чтобы метнуть свое копье, рѣдко минующее предназначенную ему цѣль. Когда туземцы охотятся вмѣстѣ, они устанавливаютъ плетни изъ хвороста, двумя длинными крыльями сходящіеся къ какой нибудь ямѣ и такимъ образомъ загоняютъ сюда кэнгуру; или они составляютъ большое собраніе охотниковъ для облавы, окружая поросшую кустарникомъ почву на пространствѣ въ полмили, и криками и бряцаніемъ оружія загоняя всю дичь къ серединѣ круга, гдѣ они могутъ сомкнуться и покончить съ нею копьями и дубинами. Подобную же ловкость обнаруживаютъ австралійцы и въ птицеловствѣ. Туземецъ проплываетъ подъ водою, дыша черезъ тростникъ, или только прикрываетъ голову водяными растеніями, пока не заберется въ самую середину стаи дикихъ утокъ, которыхъ онъ затѣмъ безъ всякаго шума утаскиваетъ подъ воду, одну за другой, и засовываетъ себѣ за поясъ. Здѣсь мы видимъ въ простой формѣ извѣстный способъ охоты за утками, который встрѣчается въ столь отдаленныхъ другъ отъ друга частяхъ Свѣта, что путешественники затрудняются отгадать, распространилась ли мысль этого пріема

отъ одного племени къ другому, или одинъ и тотъ же способъ былъ изобрѣтенъ много разъ. Его можно наблюдать и на Нилѣ, гдѣ невинно выглядывающая тыква плаваетъ среди водяной дичи, скрывая въ себѣ голову плывущаго египтянина. Австралійскій охотникъ ловитъ валлабай (небольшая кэнгуру), прикрѣпляя къ длинной палкѣ, вродѣ рыболовной удочки, ястребиную шкуру съ перьями и заставляя эту чучелу порхать, съ соотвѣтственнымъ крикомъ, пока животное не будетъ завлечено въ кусты. гдѣ охотникъ закалываетъ его копьемъ. Къ числу самыхъ совершенныхъ способовъ ловли звѣря при помощи поддѣлки подъ живое животное относится охота за сѣвернымъ оленемъ, практикуемая среди индѣйскаго племени Собачьи Ребра; передній изъ двухъ охотниковъ держитъ въ одной рукѣ голову оленя, имѣя въ другой связку вѣтвей, о которую онъ заставляетъ тереться рога головы, какъ это дѣлается живымъ оленемъ; оба охотника, идя на подобіе переднихъ и заднихъ ногъ оленя, входятъ въ середину стада и убиваютъ самые отборные экземпляры. Птицеловы въ Англіи до недавняго времени имѣли обыкновеніе прятаться за деревянною лошадью, передвигавшеюся на колесахъ, и память объ этомъ переживаетъ въ извѣстной фразѣ «to make a *stalking horse* of one», (букв. «дѣлать изъ кого нибудь заслонную лошадь», т. е. прятаться за чьей нибудь спиною), которая теперь часто употребляется людьми, не имѣющими понятія, чтó собственно означаютъ эти слова.

Охота съ собаками имѣетъ весьма древнее происхожденіе и встрѣчается среди цивилизованныхъ племенъ; такъ, австралійцы выдрессировали, повидимому, для охоты свою динго или туземную собаку, и у большинства сѣверо-американскихъ индѣйцевъ имѣются свои туземныя охотничьи собаки. Все таки прежде онѣ не были такъ повсемѣстно извѣстны среди грубыхъ племенъ, какъ сдѣлались съ того времени, когда по всему міру были развезены европейскія породы; напримѣръ, туземцы на Ньюфаундлэндѣ, какъ кажется, прежде не имѣли собакъ. Самое большое и самое свирѣпое животное, хищными инстинктами котораго воспользовался для своихъ цѣлей человѣкъ, представляетъ охотничій леопардъ или чита (cheetah); въ Индіи и Персіи его вывозятъ въ желѣзной клѣткѣ въ поле и затѣмъ спускаютъ на оленя; когда онъ напалъ на звѣря,

охотникъ отманиваетъ его вкусомъ крови и даетъ ему ногу животнаго какъ его долю за соучастіе въ травлѣ. Уже въ классическія времена встрѣчаются упоминанія о хищныхъ птицахъ, которыхъ пріучали убивать дичь на лету, или загонять ее въ сѣти, или ловить когтями зайцевъ. Соколиная охота достигла своего высшаго развитія, какъ царская забава, въ средневѣковой Тамаріи, гдѣ, по описанію Марко Поло, Великій Ханъ, сидя въ носилкахъ, помѣщенныхъ между двумя слонами, обвѣшанныхъ золотою парчею и покрытыхъ львиными шкурами, выѣзжалъ въ поле забавляться зрѣлищемъ своихъ десяти тысячъ сокольничихъ, напускающихъ соколовъ на фазановъ и журавлей. Съ Востока соколиная охота распространилась и по Европѣ. Она была хорошо извѣстна стариннымъ поколѣніямъ нашихъ англійскихъ предковъ, и если бы пришлось изобразить символически средніе вѣка, то врядъ ли можно было бы выбрать что нибудь характеристичнѣе фигуръ рыцаря и дамы, выѣзжающихъ на коняхъ, держа на рукѣ своихъ соколовъ въ клобучкахъ. Съ того времени соколиная охота въ Европѣ почти вымерла, и въ наши дни путешественникъ можетъ всего лучше наблюдать ее въ той азіатской области, гдѣ она появилась впервые,—въ Персіи или въ сосѣднихъ съ нею странахъ. При подобныхъ забавахъ добываніе пищи (въ настоящее время часто презрительно называемое «кухонною охотою» pot hunting) становится совершенно подчиненнымъ пріятному возбужденію, производимому охотою. Особенно это относится къ тѣмъ случаямъ, гдѣ за быстроногими животными, вродѣ оленя, стали охотиться верхомъ на лошади, пока, наконецъ, королевская охота за оленемъ не превратилась въ простую придворную церемонію съ ея кавалькадами и высшими государственными сановниками въ ихъ великолѣпныхъ мундирахъ. Правда, подобныя потѣхи въ современной Европѣ теперь клонятся къ упадку, но о роли, которую онѣ нѣкогда играли въ англійской придворной жизни, свидѣтельствуютъ аристократы, до сихъ поръ еще занимающіе при королевскомъ дворѣ мѣста надсмотрщика за сворою собакъ для охоты за оленемъ (Master of the Buckhounds) и наслѣдственнаго главнаго сокольничаго (Hereditary Grand Falconer).

Вслѣдствіе употребленія огнестрѣльнаго оружія вмѣсто лука и копья, переданныхъ отъ дикихъ временъ, современный охотникъ

обладаетъ громадно увеличившеюся способностью истреблять дичь. Вліяніе введенія ружей можно хорошо наблюдать у туземныхъ американскихъ охотниковъ за буйволами. Они и прежде производили безразсудное истребленіе этихъ животныхъ, когда имъ удавалось напасть на ихъ табуны, но въ настоящее время, при помощи бѣлаго человѣка и его нарѣзныхъ ружей, совершается такое неистовое избіеніе животныхъ, что путешественники часто находятъ почву и воздухъ на цѣлыя мили зараженными отъ разлагающихся труповъ буйволовъ, убитыхъ только ради шкуры и языка. Въ цивилизованномъ мірѣ, какъ запасъ дичи, такъ и надобность въ ней для поддержки существованія человѣка значительно уменьшились вслѣдствіе истребленія дичи съ одной стороны, и вслѣдствіе запахиванія залежей на хлѣбъ, съ другой. Но жизнь охотника съ самыхъ раннихъ временъ была для человѣка школою выносливости и мужества, гдѣ успѣхъ и даже самый процессъ доставляютъ удовольствіе въ одной изъ самыхъ интенсивныхъ его формъ. Вслѣдствіе этого охоту стали поддерживать искусственно, послѣ того какъ практическая полезность ея прекратилась. Въ цивилизованныхъ странахъ, въ наилучшей формѣ ее можно наблюдать тамъ, гдѣ она по тягостямъ и опасностямъ подходитъ ближе всего къ условіямъ жизни варваровъ, какова охота на тетерева въ Шотландіи или на кабана въ Австріи; въ самой же жалкой формѣ она появляется тамъ, гдѣ дѣло дошло, напримѣръ, до убиванія откорменныхъ хлѣбнымъ зерномъ фазановъ, сдѣлавшихся столь же ручными, какъ и любая курица на заднемъ дворѣ.

Перейдемъ теперь къ ловлѣ дичи западнею. Въ весьма любопытной наипростѣйшей формѣ ее можно было наблюдать въ Австраліи, гдѣ туземецъ ложится на спину гдѣ нибудь на скалѣ, съ кускомъ рыбы въ рукахъ, и притворяется крѣпко спящимъ, пока какой нибудь ястребъ или ворона не бросятся на приманку для того, чтобы быть самимъ схваченными голоднымъ человѣкомъ, который ихъ затѣмъ схватывалъ и съѣдалъ. Грубымъ охотникамъ легче всего должна была придти въ голову мысль о ловлѣ дичи при помощи волчьей ямы, самая простая форма которой заключается въ простой ямѣ, слишкомъ глубокой для того, чтобы изъ нея могло обратно выбраться разъ попавшее въ нее тяжелое животное. Дикій звѣроловъ вырываетъ подобную яму и прикрываетъ

ее хворостомъ или дерномъ, какъ это устраиваютъ африканскіе бушмэны для ловли огромныхъ бегемотовъ или слоновъ, между тѣмъ какъ въ пушныхъ странахъ охотники устраиваютъ свои волчьи ямы самыми разнообразными способами; самый искусственный пріемъ состоитъ въ покрытіи ямы деревянными досками, которыя, когда животное ступило на нихъ, опрокидываются. Англійское слово для западни=*Trap*, означавшее первоначально ступень (подобно нѣмецкому *Treppe*), могло произойти отъ того, что западня обыкновенно представляетъ такой снарядъ, на который животное, для того, чтобы быть пойманнымъ, должно наступить ногами. На этомъ принципѣ основана не только волчья яма, но и другія обычныя формы ловушекъ, которыя, когда животное наступило на спускъ, прихлопываютъ его или затягиваютъ вокругъ него петлю или бросаютъ въ него дротикъ; всѣ эти способы хорошо извѣстны въ нецивилизованномъ мірѣ. Искусство ловить птицъ и звѣрей при помощи затяжной петли, которую держатъ въ рукахъ или прикрѣпляютъ къ концу палки, распространено повсюду. По всей вѣроятности, примѣръ самой искусной ловли петлею представляютъ мехиканскіе табунщики, закидывающіе свое лассо, сидя верхомъ на лошади; слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что ихъ *lazo* не представляетъ туземнаго американскаго изобрѣтенія; оно было принесено испанцами вмѣстѣ съ самымъ именемъ, которое есть ничто иное, какъ латинское *laqueus*=«веревка». Для примѣненія петли къ звѣроловству, необходимо только помѣстить ее на тропинкѣ, по которой проходитъ звѣрь, такъ чтобы онъ могъ попадать въ нее головою; такъ дѣлаютъ, напримѣръ, сѣвероамериканскіе индѣйцы. Но можно также прикрѣплять петлю на какой-нибудь вѣтви дерева, отогнутой кзади такимъ образомъ, что она разгибается при прикосновеніи къ ней животнаго и ловитъ его. Или можно, какъ это дѣлаютъ дикари Малайскаго полуострова, помѣщать копье съ упругимъ бамбукомъ, изогнутымъ такъ, чтобы копье пронзило животное, когда послѣднее высвободитъ бамбукъ. Мы уже упомянули о предположеніи (стр. 193), что подобная ловушка впервые повела къ изобрѣтенію лука со стрѣлами. Въ странахъ, подобныхъ Сибири, въ видѣ западни разставляются настоящіе луки со стрѣлами; пружинное ружье изображаетъ собою современное усовершенствованіе этого метода.

Наконецъ, сѣть представляетъ одинъ изъ предметовъ, который, по скольку можетъ сказать исторія, былъ извѣстенъ почти всѣмъ людямъ. Туземные австралійцы ловятъ дичь сѣтью, подобно древнимъ ассирійцамъ или англійскимъ браконьерамъ, и не менѣе искусны въ ловлѣ сѣтями дикихъ птицъ. Чтобы познакомиться съ этимъ искусствомъ на высотѣ его развитія, слѣдуетъ обратиться къ изображеніямъ охотничьихъ сценъ на древнихъ египетскихъ памятникахъ, гдѣ можно видѣть захлопывающіеся силки, захватывающіе гусей цѣлыми дюжинами; даже души усопшихъ изображены предающимися этой любимой забавѣ въ загробномъ мірѣ.

Изъ разнообразныхъ искусствъ рыболова легче всего было натолкнуться человѣку на одно, весьма обычное у грубыхъ племенъ. Ежедневно при отливѣ, у устьевъ рѣкъ и на низменныхъ берегахъ, а внутри страны близь ручьевъ послѣ наводненія, въ мелкихъ лужахъ, остается большое количество рыбы. Руководимый этимъ опытомъ, дикарь имѣлъ достаточно сообразительности, чтобы помочь природѣ; такимъ образомъ, жители Огненной земли устанавливаютъ частоколъ на берегу, на уровнѣ низкой воды, между тѣмъ какъ въ южной Африкѣ большія пространства плоскихъ береговъ рѣкъ на случай наводненія отгораживаются стѣнами изъ наваленныхъ камней. Отсюда видно, что наши запруды и плотины для рыболовныхъ цѣлей не составляютъ какихъ-нибудь новостей въ цивилизаціи. Равнымъ образомъ, не представляется цивилизованнымъ изобрѣтеніемъ и методъ отравленія или усыпленія рыбы, ибо его можно наблюдать въ совершенствѣ среди тропическихъ лѣсныхъ племенъ южной Америки, которыя пользуются съ этою цѣлью двадцатью или около того различными растеніями. Нѣтъ ничего удивительнаго, впрочемъ, въ томъ, что этотъ способъ извѣстенъ столь грубымъ племенамъ, такъ какъ нерѣдко бываетъ случайно, что въ какой нибудь лѣсной прудъ попадаютъ вѣтви или плоды съ надлежащаго сорта молочая или паулиніи (которые и отравляютъ тамъ воду), опытъ, который не замедлитъ повторить всякій наблюдательный дикарь. Дальнѣйшій методъ рыбной ловли, употребительный у дикарей, заключается въ багреніи рыбы или прокалываніи ея копьемъ; такое копье снабжено зубцами или бородкою, и часто, для приданія ему бóльшей успѣшности дѣй-

ствія, его конецъ раздѣляется на нѣсколько зазубренныхъ рожковъ. Туземнаго австралійца, занятаго рыбною ловлею, описываютъ такъ: онъ лежитъ поперегъ своего челнока изъ коры, съ концомъ копья, опущеннымъ въ воду и готовымъ проникнуть въ нее безъ плеска, и, что еще болѣе замѣчательно, онъ держитъ свои глаза открытыми подъ водою, такъ что не только зыбь на поверхности не мѣшаетъ ему видѣть, но ему не препятствуетъ цѣлиться преломленіе свѣта, вслѣдствіе котораго такъ трудно человѣку, находящемуся надъ водою, попасть въ какой-нибудь предметъ, остающійся подъ ея поверхностью. Дикія расы знаютъ также, что, послѣ наступленія темноты, рыба приходитъ на свѣтъ, такъ что багреніе семги при свѣтѣ факеловъ, сдѣлавшееся болѣе рѣдкимъ въ Шотландіи или Норвегіи, можно наблюдать во всей его живописности у индѣйцевъ Ванкуверова острова. Стрѣляніе рыбы изъ лука, производимое многими низшими племенами съ удивительною ловкостью, можно считать разновидностью метода багренія рыбы. Удильный крючокъ представляетъ снарядъ, извѣстный не всѣмъ дикимъ племенамъ, но иныя знаютъ его; австралійцы выдѣлываютъ свои крючки изъ раковинъ и ловятъ рыбу даже при помощи ястребинаго когтя, привязаннаго къ лесѣ. Подобно современному европейскому удильщику, древній египтянинъ садился около канала или пруда и ловилъ съ помощью лесы и удилища съ крючкомъ, сдѣланнымъ изъ бронзы. Какъ кажется, въ древнія времена не было извѣстно только ловли на муху. Вообще говоря, замѣчательно, какъ недалеко ушли современные рыболовы отъ методовъ самыхъ грубыхъ и древнихъ людей. Рыболовное копье дикаря, съ его тремя или четырьмя зазубренными рожками, замѣчательно похоже на употребляемое еще нашими моряками и называемое рыбнымъ багромъ (*fish-gig*). Мы только дѣлаемъ наконечникъ изъ желѣза, а не изъ дерева или рыбныхъ зубовъ. То же самое можно сказать и по отношенію къ гарпуну, употребляемому американскими китоловами, съ его не плотно насаженнымъ наконечникомъ, который отдѣляется, когда воткнется въ кита, оставаясь прикрѣпленнымъ къ плавающему древку только посредствомъ длинной веревки; этотъ инструментъ скопированъ съ гарпуна алеутскихъ островитянъ, отличаясь только тѣмъ, что его наконечникъ сдѣланъ изъ стали, а не изъ кости. Наши рыболовы ведутъ свое дѣло въ боль-

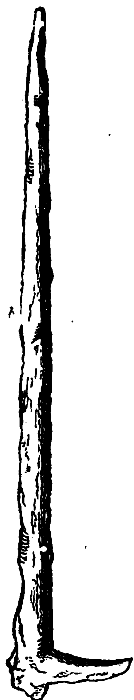
шихъ размѣрахъ, со своими паровыми судами для закидыванія неводовъ и со своими неводами, охватывающими цѣлую бухту, но все ихъ ловленіе рыбы сѣтью очень похоже на тѣ же способы, какіе мы встрѣчаемъ у народовъ, о которыхъ мы говорили выше, приводя простѣйшіе пріемы багренія и уженія.

Такимъ образомъ, человѣкъ даже тогда, когда онъ питается на подобіе низшихъ животныхъ, собирая дикіе плоды и ловя дичь и рыбу, приходитъ къ болѣе сложнымъ пріемамъ добыванія этой пищи, руководимый своимъ болѣе развитымъ умомъ. Переходя на слѣдующую высшую ступень, онъ начинаетъ разводить для себя запасы пищи. Не слѣдуетъ считать земледѣліе какимъ-нибудь затруднительнымъ или необычайнымъ изобрѣтеніемъ, ибо даже самый грубый дикарь, при его глубокомъ знакомствѣ со свойствами собираемыхъ имъ кормовыхъ растеній, долженъ отлично знать, что сѣмена или корни, будучи посажены въ почву въ надлежащемъ мѣстѣ, начнутъ непремѣнно рости. Такимъ образомъ, если столь многія племена ограничиваются собираніемъ того, что даетъ природа, сами же не разводятъ ничего, то это врядъ ли зависитъ отъ ихъ невѣдѣнія, скорѣе же отъ скитальческаго образа жизни, отъ дурнаго климата или просто отъ лѣности. Даже очень грубые люди, когда они живутъ на одномъ мѣстѣ круглый годъ, и когда почва и климатъ благопріятны, большею частью начинаютъ разводить кое-что, какъ это, напримѣръ, дѣлаютъ бразильскіе индѣйцы, которые расчищаютъ небольшіе клочки лѣса вокругъ своихъ хижинъ, чтобы засѣвать маисъ, маніоку, бананы и хлопчатникъ. Разсматривая кормовыя растенія міра, мы находимъ, что лишь немногія изъ нихъ, подобно кокосовымъ орѣхамъ или хлѣбному дереву, разводятся такими, какими ростутъ въ дикомъ состояніи, большинство же ихъ видоизмѣняется подъ вліяніемъ воздѣлыванія. Въ иныхъ случаяхъ бываетъ возможно отыскать растеніе въ дикомъ состояніи и показать, на сколько оно улучшено человѣкомъ, какъ это можно сдѣлать относительно картофеля, найденнаго растущимъ въ дикомъ состояніи на утесахъ Чили. Но происхожденіе многихъ воздѣлываемыхъ растеній утрачено для преданія и сдѣлалось предметомъ разныхъ сказокъ. Это относится къ тѣмъ съѣдобнымъ злакамъ, которые путемъ воздѣлыванія превратились въ зерновые хлѣба, каковы пшеница, ячмень, рожь, и

которые, вслѣдствіе ихъ правильной поставки и обильныхъ запасовъ, сдѣлались главною поддержкою жизни человѣка и великою движущею силою цивилизаціи. Очевидно, что развитіе этихъ зерновыхъ растеній въ формы, чуждыя дикому состоянію, произошло до наступленія самыхъ раннихъ періодовъ исторіи, чтó отодвигаетъ начало земледѣлія къ временамъ еще болѣе древнимъ. На сколько древне должно быть первое воздѣлываніе почвы, показываютъ древніе Египетъ и Вавилонія съ ихъ правительствомъ и войскомъ, храмами и дворцами, ибо только при помощи занятія земледѣліемъ втеченіи длиннаго ряда вѣковъ могло оказаться возможнымъ размноженіе столь скученнаго населенія до того, что послѣднее образовало цивилизованную націю. Растенія, обработка которыхъ однажды введена, прокладываютъ себѣ путь отъ народа къ народу по всему земному шару. Такимъ образомъ, европейскіе завоеватели Америки увезли съ собою въ Европу маисъ или кукурузу, которая съ незапамятныхъ временъ воздѣлывалась по всему Новому Свѣту и въ настоящее время снабжаетъ итальянскаго крестьянина его ежедневнымъ обѣдомъ изъ поленты или каши; ее разводятъ даже въ Японіи и вплоть до юга Африки, гдѣ она составляетъ «mealies» колониста. Англійскій огородъ представляетъ интересный матеріалъ для изученія какъ для ботаника, который указываетъ каждому растенію его настоящую родину, такъ и для филолога, который прослѣживаетъ его наименованіе. Иногда послѣднее передаетъ исторію совершенно вѣрно; такъ, англійскія названія *damson* (зеленая или дамасская слива) и *peach* (персикъ) указываютъ на то, что эти плоды были вывезены изъ Дамаска и Персіи. Но *potato*=«картофель», ввезенный въ Англію во времена Елизаветы, повидимому, заимствовалъ свое имя отъ другаго отличнаго въ ботаническомъ отношеніи растенія, отъ *батата* или сладкаго картофеля. Сладкій тропическій *ананасъ* утратилъ въ англійскомъ языкѣ свое туземное малайское имя, сохраненное лишь у ботаниковъ, и присвоилъ себѣ наименованіе обыкновенной сосновой шишки или *pine-apple*, на которую онъ такъ близко походитъ по формѣ.

Если обратить вниманіе на то, какимъ образомъ обработываютъ почву грубыя племена, можно узнать весьма многое по отношенію къ изобрѣтенію земледѣльческихъ орудій. Кочующіе дикари, вродѣ

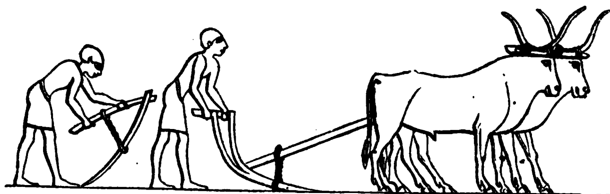
австралійцевъ, носятъ съ собою остроконечную палку для вырыванія съѣдобныхъ корней, изображенную на фиг. 64 *a*. Принимая въ соображеніе, какъ близко сходны между собою процессы сажанія корня и вырыванія его, становится весьма вѣроятнымъ предположеніе, что племя, начинающее обработывать почву, могло употребить для этой новой цѣли тѣ же самыя палки, которыя прежде служили только для вырыванія корней; и дѣйствительно, заостренные колы, какъ грубое хозяйственное орудіе, были найдены какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ. Улучшеніемъ явилось копаніе при помощи орудія съ плоскимъ лезвеемъ, похожаго на копье, мечъ или весло, и такимъ образомъ получился современный заступъ. Болѣе важное орудіе, мотыка, произошло отъ кирки или топора. Деревянная кирка ново-каледонцевъ служитъ какъ въ качествѣ оружія, такъ и для сажанія ямса, между тѣмъ какъ африканскій топоръ — желѣзное лезвее, воткнутое въ палицу — для превращенія въ мотыку нуждается только въ приданіи лезвею поперечнаго положенія. Любопытно, что грубѣйшая мыслимая мотыка принадлежитъ Европѣ; она даже менѣе искусственна чѣмъ прикрѣпленная къ палкѣ лопатка лося, которою вырывали землю подъ засѣвъ маиса женщины сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Это — шведская мотыка, изображенная на фиг. 64 *b*, простой толстый еловый колъ съ подрѣзаннымъ и заостреннымъ сучкомъ, торчащимъ на нижнемъ концѣ. Съ помощью этого любопытнаго орудія въ Швеціи въ древнія времена обработывали поля; его можно было еще видѣть въ лѣсныхъ хуторахъ одно или два поколѣнія тому назадъ. Шведскія преданія сообщаютъ шаги, которыми развивалось и совершенствовалось земледѣліе. Деревянную мотыку начали дѣлать тяжелѣе, и люди стали волочить ее по землѣ, пропахивая, такимъ образомъ, борозду самымъ простымъ путемъ; затѣмъ орудіе стали составлять изъ двухъ кусковъ, съ рукояткою для

Фиг. 64—*a*. Австралійская палка для вырыванія корней; *b*, шведская деревянная мотыка.

пахаря и шестомъ или дышломъ для людей, тащившихъ этотъ первобытный плугъ; потомъ сошникъ стали оковывать желѣзнымъ наконечникомъ, и, наконецъ, вмѣсто людей стали запрягать пару воловъ или кобылъ. Подобнымъ образомъ, повидимому, мотыка перешла въ плугъ и тысячи лѣтъ ранѣе этого. Фиг. 65 взята съ рисунка, изображающаго земледѣліе въ древнемъ Египтѣ. Позади плуга слѣдуетъ работникъ для разбиванія комовъ земли при помощи своей странной мотыки съ длиннымъ искривленнымъ деревяннымъ лезвеемъ, привязаннымъ къ рукояткѣ веревкою. Если мы посмотримъ на самый плугъ, то окажется, что онъ состоитъ изъ подобной же лопатки, включая и веревку, но только она тяжелѣе и снабжена парою рукоятокъ для пахаря, чтобы онъ могъ направлять ее и придавливать къ землѣ, въ то время какъ пара воловъ волочитъ ее впередъ. Долина Нила была одною изъ обла-

Фиг. 65. Древніе египетскіе мотыка и плугъ.

стей, гдѣ всего ранѣе возникло высокоразвитое земледѣліе, и, смотря на рисунокъ, здѣсь приведенный, мы почти можемъ вообразить, что присутствуемъ при самомъ нарожденіи великаго изобрѣтенія плуга. Снабженіе его тяжелымъ металлическимъ сошникомъ, сообщеніе ему такой формы, чтобы онъ переворачивалъ дернъ въ видѣ одного непрерывнаго гребня, утвержденіе рѣзака спереди для дѣланія перваго разрѣза и установка всего орудія на колеса—всѣ эти улучшенія были уже извѣстны въ Римѣ въ классическій періодъ. Въ новѣйшія времена самодѣйствующій плугъ избавилъ пахаря отъ необходимости идти за рукояткою, и паровой плугъ обладаетъ болѣе могущественною тягою нежели волы или лошади. Тѣмъ не менѣе всякій, кто только взглянетъ на болѣе раннія ступени развитія орудія, будетъ въ состояніи различить въ самомъ усовершенствованномъ современномъ плугѣ первоначальную мотыку, тащимую по землѣ.

Даже въ настоящее время, какъ фактъ переживанія, еще существуетъ одинъ варварскій способъ обработки нови, который, повидимому, указываетъ намъ, каковъ былъ человѣкъ, когда онъ началъ утверждать господство въ первобытномъ лѣсу, гдѣ до того времени онъ только бродилъ для собиранія дикихъ корней, орѣховъ и ягодъ. Это первобытное земледѣліе было замѣчено и Колумбомъ, когда онъ, высадившись въ Вестъ-Индіи, нашелъ, что туземцы расчищаютъ куски почвы, срѣзая кустарникъ и сожигая его на мѣстѣ. Подобный простой пріемъ, при которомъ не только уничтожается лѣсъ, но и зола отъ сожженія его служитъ для удобренія почвы, можно и до сихъ поръ еще наблюдать среди горныхъ племенъ Индіи, которыя воздѣлываютъ подобные куски земли въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и затѣмъ переходятъ на новое мѣсто. Въ Швеціи этотъ способъ обработки земли путемъ выжиганія не только сохранился въ воспоминаніяхъ, какъ древнее хлѣбопашество страны, но и продолжалъ существовать въ дальнихъ мѣстностяхъ до новѣйшаго времени, давая намъ понятіе, на что могло походить грубое земледѣліе раннихъ племенъ, когда они переселялись въ Европу. Смотря на современную англійскую ферму, мы не должны полагать, что всѣ усовершенствованія ея были произведены сразу. Современное фермерство имѣетъ позади себя долгую и полную перемѣнъ исторію. Одинъ изъ интереснѣйшихъ пунктовъ ея развитія состоитъ въ томъ. что въ давно минувшія времена бо́льшая часть Европы была впервые обработана сельскими общинами. Кланъ поселенцевъ занималъ обширный участокъ земли и около его хижинъ располагались пространныя поля, которыя онъ сначала воздѣлывалъ и убиралъ взаимно сообща, какъ одна большая семья. Явился обычай передѣлять эту пахатную землю на семейные участки черезъ каждыя нѣсколько лѣтъ, но все деревенское поле продолжало еще воздѣлываться цѣлою общиною, работавшею въ такое время и такимъ образомъ, какъ это было устанавливаемо деревенскими старѣйшинами. Эта ранняя коммунистическая система хлѣбопашества и до сихъ поръ еще сохранилась безъ особенныхъ перемѣнъ въ деревняхъ такихъ странъ, какъ Россія. Даже въ Англіи слѣды ея пережили феодальную систему и сохраняются еще и теперь, въ эпоху землевладѣльцевъ и арендаторовъ. Во многихъ англійскихъ графствахъ можно до

сихъ поръ замѣтить границы большихъ общинныхъ полей, раздѣленныхъ въ длину на три полосы, которыя въ свою очередь дѣлились въ поперечномъ направленіи на участки, находившіеся въ пользованіи отдѣльныхъ семействъ; три полосы обработывались по старой трехпольной системѣ: одна ходила подъ паромъ, въ то время какъ другія двѣ были заняты посѣвомъ двухъ родовъ.

Переходимъ теперь къ исторіи прирученія животныхъ для обращенія ихъ въ пищу человѣка. Прирученіе общительныхъ животныхъ, вродѣ попугаевъ и обезьянъ, производится и низшими лѣсными племенами, которыя находятъ особое удовольствіе въ подобныхъ ручныхъ любимцахъ; и весьма грубыя племена держатъ собакъ для охраны и охоты. Но до содержанія и разведенія животныхъ съ цѣлью употребленія ихъ въ пищу люди доходятъ только при болѣе искусственномъ образѣ жизни. Прогрессивный переходъ отъ жизни охотника къ жизни пастуха можно хорошо видѣть на далекомъ сѣверѣ, на родинѣ сѣвернаго оленя. Среди эскимосовъ за сѣвернымъ оленемъ только охотились. Но сибирскія племена уже не только охотятся за ними въ дикомъ состояніи, но и приручаютъ его. Такъ, тунгузы живутъ возлѣ своихъ стадъ, которыя доставляютъ имъ не только молоко и мясо, но также шкуры для одежды и палатокъ, жилы для веревокъ, кости и рогъ для орудій, между тѣмъ какъ при передвиженіи съ мѣста на мѣсто олень служитъ даже какъ ломовое и вьючное животное. Здѣсь передъ нами открывается образецъ пастушеской жизни простаго грубаго рода, и намъ нѣтъ надобности входить въ подробное описаніе хорошо всѣмъ извѣстной жизни высшихъ кочующихъ племенъ, которыя переносятъ свои палатки съ мѣста на мѣсто по степямъ Центральной Азіи или по пустынямъ Аравіи, отыскивая пастбища для своихъ быковъ и овецъ, верблюдовъ и лошадей. Существуетъ сильное различіе между жизнью кочующаго охотника и кочующаго пастуха. Оба переходятъ съ мѣста на мѣсто, но ихъ положенія крайне не сходны. Охотникъ ведетъ жизнь, обставленную весьма малочисленными приспособленіями и удобствами, и по временамъ подвергается всѣмъ тягостямъ голоданія; онъ въ цивилизаціи стоитъ ниже осѣдлаго земледѣльца. Но для кочующаго пастуха охота, безъ которой не можетъ существовать болѣе грубый скиталецъ, является только дополнительнымъ средствомъ жизни. Его стада и

табуны обезпечиваютъ ему существованіе на завтра; у него есть цѣнный скотъ, который можетъ быть обмѣненъ у городскихъ жителей на ихъ оружіе и ткани; въ его караванѣ есть своя кузница, и его женщины прядутъ и ткутъ шерсть. Мѣсто, достигаемое въ цивилизаціи высшею пастушескою жизнью, лучше всего отмѣчается тѣмъ обстоятельствомъ, что патріархальный табунщикъ можетъ принадлежать къ одной изъ великихъ религій міра; такъ, степные калмыки—буддисты, арабы—мусульмане. Еще болѣе высокая ступень благосостоянія и комфорта достигается въ томъ случаѣ, когда комбинируются земледѣльческая и пастушеская жизнь, какъ это происходило у нашихъ предковъ въ только-что упомянутыхъ сельскихъ общинахъ древней Европы. Здѣсь, рядомъ съ полями, воздѣлывавшимися близь деревни, лѣтомъ пасся скотъ на холмахъ и въ принадлежащихъ общинѣ лѣсахъ, куда также шелъ за дичью охотникъ, между тѣмъ какъ ближе къ дому находились общіе луга для пастбища и обезпеченія сѣна на зимнее время, когда скотъ загоняли въ стойла подъ навѣсъ. Въ столь густо населенныхъ странахъ, какова теперь Англія, послѣдніе слѣды древней кочевой жизни исчезаютъ съ той поры, когда перестаютъ отгонять стада въ горы въ лѣтнее время.

Послѣ заботы о пищѣ, самою важною потребностью человѣка является огражденіе себя отъ опасностей. Дикарю приходится отражать отъ себя дикихъ звѣрей, на него нападающихъ, и, въ свою очередь, онъ травитъ и уничтожаетъ ихъ. Но самыми опасными врагами его являются существа, принадлежащія къ одному съ нимъ зоологическому виду, и поэтому война начинается уже на самомъ низкомъ уровнѣ цивилизаціи и ведется человѣкомъ противу человѣка при помощи тѣхъ же палицъ, копій, луковъ, которые онъ употребляетъ противу дикихъ звѣрей. Генералъ Питтъ-Риверсъ показалъ, съ какою точностью человѣкъ пользуется во время войны пріемами, которымъ онъ научился у низшихъ животныхъ; какъ его оружіе подражаетъ ихъ рогамъ, когтямъ, зубамъ и жалу, до ядовитости послѣдняго включительно; какъ человѣкъ защищаетъ себя бронею, представляющею подражаніе шкурѣ и чешуѣ животныхъ; и какъ его военные пріемы, вродѣ устройства засадъ и установки стражи, нападенія отрядами съ

предводителемъ во главѣ и хожденіе въ бой съ воинственными криками, всѣ перенимаются у птицъ и звѣрей [1]).

Въ прошлой главѣ мы уже разсмотрѣли главнѣйшіе роды оружія для нападенія. Смазываніе стрѣлъ ядомъ для усиленія ихъ смертоноснаго дѣйствія встрѣчается у низшихъ племенъ по всему свѣту. Такъ, бушмэнъ смѣшиваетъ змѣиный ядъ съ молочайнымъ сокомъ, а южно-американскій изготовитель ядовъ, подготовляющій себя къ таинственному акту продолжительнымъ постомъ, варитъ парализующее *urari* или *curare* въ тайныхъ глубинахъ лѣса, гдѣ на страшный процессъ не можетъ пасть ни одинъ взоръ женщины. Отравленныя стрѣлы были извѣстны и древнему міру, какъ свидѣтельствуютъ строки, говорящія объ Одиссеѣ, который отправляется въ Эпиръ за человѣкоубійственнымъ снадобьемъ для смазыванія своихъ стрѣлъ съ бронзовымъ наконечникомъ: но Илосъ не хочетъ дать ему ядъ, потому что страшится гнѣва вѣчныхъ боговъ. Такимъ образомъ, повидимому, въ ранніе періоды нравственное чувство высшихъ націй уже осудило отравленное оружіе дикаря, подъ вліяніемъ чего-то вродѣ того отвращенія, которое испытываетъ теперь европеецъ, разсматривая кинжалъ средневѣковыхъ итальянскихъ браво, съ ихъ ядовитыми бороздками, подражающими зубу змѣи.

Какимъ образомъ броня воина происходитъ отъ естественной брони животнаго, ясно само собою: Можетъ быть употребляема сама шкура животнаго; такъ, въ музеяхъ можно видѣть броню изъ медвѣжьихъ шкуръ съ Борнео, или нагрудники изъ крокодиловой кожи изъ Египта. Названіе *cuirass*=«кираса», «латы», показываетъ, что она сначала дѣлалась изъ кожи, подобно *buff* jerkin, камзолу изъ буйволовой шкуры. Бугисы съ Суматры дѣлаютъ нагрудникъ, нашивая на древесную кору сбрасываемыя во время линянія чешуйки муравьѣда и располагая одну надъ другою черепицеобразно, какъ бываетъ у самого животнаго; такимъ же

---

[1]) Едва ли самъ авторъ принимаетъ послѣднія слова такъ безусловно, какъ онъ написалъ ихъ. Пришлось бы думать, что и животныя одной породы переняли эти пріемы у другой. Болѣе вѣроятно, что подобныя же потребности, дѣйствуя на существа, одаренныя сходными органами, вызвали въ самыхъ различныхъ породахъ (въ томъ числѣ и у человѣка) аналогичныя явленія. *Прим. ред.*

образомъ подражали естественному вооруженію животныхъ и сарматы, которые сшивали вмѣстѣ пластинки, нарѣзанныя изъ лошадиныхъ копытъ, располагая ихъ на подобіе чешуекъ сосновой шишки. По введеніи въ употребленіе металла, подобныя ухищренія повели къ чешуйчатой бронѣ грековъ, подражавшихъ рыбьей и змѣиной чешуѣ, между тѣмъ какъ ихъ кольчуга представляла родъ сѣтчатой одежды, сдѣланной изъ металла. Броня среднихъ вѣковъ продолжала походить на древнія ея формы, покрывая теперь все тѣло съ ногъ до головы одеждою изъ желѣзныхъ чешуй *(cap-à-pée)* или кольчугою (то есть, сѣтью), или составными желѣзными пластинками, скопированными съ крабба и омара, какова позднѣйшая броня, украшающая залы нашихъ замковъ. Послѣ введенія пороха, броня начала выходить изъ употребленія и, за исключеніемъ шлема, все остальное, оставшееся отъ нея въ военномъ вооруженіи, существуетъ болѣе для показа, нежели ради дѣйствительнаго употребленія въ дѣло. Равнымъ образомъ и щитъ, представлявшій нѣкогда столь важную часть солдатскихъ доспѣховъ, съ наступленіемъ эпохи ружей, былъ совершенно отброшенъ въ сторону. Согласно нашему современному представленію о щитѣ, онъ представляетъ родъ большой ширмы, за которою могъ укрываться воинъ, но, повидимому, первоначальная цѣль была не такова. Первобытный щитъ, вѣроятно, служилъ только для отраженія и употреблялся на манеръ австралійской узкой отбойной палки, которая имѣетъ только четыре дюйма въ ширину въ серединѣ, въ мѣстѣ захватыванія ея рукою, но которою туземцы отбиваютъ копья съ изумительною ловкостью. Небольшой, круглый кожаный щитъ (target) шотландскихъ горцевъ — одинъ изъ видовъ щита, позднѣе всѣхъ другихъ остававшихся въ употребленіи въ цивилизованной Европѣ,—назначался также для ловкаго употребленія его, какъ оборонительное оружіе съ цѣлью отбивать дротики или удары копья или меча. Нетрудно видѣть, что подобные отбойные щиты принадлежатъ тому раннему роду веденія войну, когда битва была только рукопашною схваткою, и каждый воинъ долженъ былъ заботиться самъ о себѣ. Но когда битвы стали вестись сомкнутыми рядами, въ употребленіе вошли большіе щиты для прикрытія, служившіе стѣною, которою могли прикрываться древніе египетскіе воины, или подъ защитою которыхъ греческія или римскія штур-

мовыя колонны могли подползать къ самому подножію крѣпостной стѣны, не смотря на камни и копья, сыпавшіеся градомъ на нихъ.

Дикарь или варваръ имѣютъ обыкновеніе нападать на врага врасплохъ, стараясь убить его, какъ дикаго звѣря, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда существуетъ ожесточенная личная ненависть или кровная месть. Но даже и низшія племена очень хорошо различаютъ подобное убійство отъ правильной войны, которая предпринимается не столько ради взаимнаго истребленія, сколько ради побѣды, могущей покончить ссору между двумя сторонами. Напримѣръ, австралійскіе туземцы пошли уже гораздо далѣе простаго убійства, когда у нихъ одно племя посылаетъ другому пучекъ перьевъ эму (родъ страуса), привязанный къ концу копья, какъ вызовъ сражаться на слѣдующій день. Въ назначенный срокъ обѣ стороны встрѣчаются въ боевомъ порядкѣ, тѣло воюющихъ для приданія ему страшнаго вида покрыто раскрашенными узорами, они потрясаютъ въ воздухѣ своими копьями и палицами и бряцаютъ оружіемъ осыпая враговъ оскорбленіями и издавая громкіе крики. Каждый воинъ имѣетъ своего особеннаго противника, такъ что бой въ дѣйствительности представляетъ рядъ поединковъ, причемъ сыплются удары копьями, которыхъ избѣгаютъ и которые отбиваютъ съ удивительной ловкостью, пока, наконецъ, можетъ быть, будетъ убитъ одинъ человѣкъ, на чемъ, обыкновенно, битва и заканчивается. У грубыхъ бразильскихъ ботокудовъ ссора, возникшая изъ-за того, что одно племя охотилось за свиньями на землѣ другаго, можетъ быть порѣшена торжественнымъ поединкомъ на дубинахъ, гдѣ пары воиновъ отдѣлываютъ одинъ другаго тяжелыми кольями, въ то время какъ женщины дерутся, царапая другъ другу лица и таская одна другую за волосы, пока не уступитъ та или другая сторона. Но если во время такой стычки побитая сторона возьмется за свои луки и стрѣлы, то сцена можетъ превратиться въ настоящую битву. Когда дѣло доходитъ до правильной войны, ботокуды выстраиваютъ своихъ воиновъ противу непріятеля, пускаютъ стрѣлы, затѣмъ бросаются другъ на друга съ боевыми криками, сражаясь съ крайнимъ ожесточеніемъ, избивая мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Они предпринимаютъ экспедиціи для разграбленія деревень своихъ осѣдлыхъ сосѣдей, и когда враги находятся гдѣ-нибудь неподалеку въ лѣсу, они втыкаютъ осколки въ землю, устроивая нѣчто

вродѣ военныхъ подметныхъ каракулей, чтобы увѣчить ноги непріятелямъ, и затѣмъ стрѣляютъ по нимъ изъ засады, устроенной позади свалившихся деревьевъ или подъ прикрытіемъ вѣтвей. Убитыхъ въ битвѣ они уносятъ съ собою, чтобы сварить ихъ и пожрать на празднествѣ побѣды, гдѣ во время дикой пьяной пляски ихъ воинственный пылъ разгорается до безумнаго бѣшенства. Цѣль подобныхъ бѣшеныхъ плясокъ и воинственныхъ пѣсней, общихъ всему человѣчеству среди дикарей и даже среди болѣе культурныхъ народовъ, состоитъ въ возбужденіи и поддержаніи боеваго мужества. Низшія племена поддерживаютъ лютую ненависть къ врагу и воинственную гордость также при помощи трофеевъ, взятыхъ съ непріятеля, высушивая голову врага и вывѣшивая ее въ видѣ украшенія на своей хижинѣ, или превращая его черепъ въ кубокъ. Сѣвероамериканскія войны богаты живописными эпизодами, часто описываемыми въ нашихъ книгахъ; всѣмъ знакомы эти храбрецы, засѣдающіе съ трубками во время торжественнаго военнаго совѣта; это объявленіе войны чрезъ посредство пучка стрѣлъ, завернутыхъ въ кожу гремучей змѣи, или чрезъ втыканіе кровянокраснаго топора войны въ столбъ войны; это пиршество навербованныхъ воиновъ, во время котораго съѣдается собака, какъ эмблема вѣрности; этотъ военный отрядъ, пробирающійся черезъ лѣса, вытянувшись въ одну линію (отсюда наше названіе «Indian file»=«индѣйскій рядъ»); это нападеніе врасплохъ на непріятельскій лагерь или деревню, дикая пляска возвращающихся побѣдителей, увѣшанныхъ скальпами съ череповъ побѣжденныхъ, мученія плѣнныхъ, привязанныхъ къ столбу, причемъ даже дѣтей заставляютъ пускать стрѣлы въ безпомощнаго врага, переносящаго свое страданіе безъ одного стона, похваляющагося своими собственными свирѣпыми подвигами и осыпающаго своихъ враговъ оскорбительными насмѣшками во время смертной агоніи. Индѣйская война состоитъ въ томъ, чтобы «подкрадываться какъ лисица, нападать какъ пантера и убѣгать какъ птица». Тѣмъ не менѣе, по временамъ воины двухъ племенъ встрѣчаются и въ открытой битвѣ, стоя и наблюдая поединки между отдѣльными парами бойцовъ, или всѣ смѣшиваясь въ общей свалкѣ.

При изученіи веденія войны у грубыхъ расъ, можно замѣтить, какъ драка вслѣдствіе ссоры или съ цѣлью мести начинаетъ пере-

ходить въ драку изъ-за добычи. Среди иныхъ племенъ, вмѣсто того, чтобы убивать плѣнныхъ, ихъ уводятъ съ собою въ рабство и назначаютъ спеціально на обработку земли. Вслѣдствіе этого сильно увеличивается земледѣліе, а также происходитъ въ обществѣ новое раздѣленіе классовъ, самое возникновеніе котораго можно еще наблюдать и теперь у нѣкоторыхъ воинственныхъ племенъ, каковы, напримѣръ, караибы, среди которыхъ плѣнные со своими дѣтьми образуютъ наслѣдственный низшій классъ общества. Здѣсь мы видимъ, какимъ образомъ нарушилось первоначальное равенство между людьми въ древнія времена, и какъ нація раздѣлилась на аристократію свободныхъ воиновъ и низшую рабочую касту. Набѣги дѣлаются также и для того, чтобы воины могли привести съ собою женъ, превращающихся въ рабынь и въ собственность побѣдителей. Съ этимъ захватываніемъ женъ связано существованіе закона, распространеннаго среди болѣе грубыхъ народовъ, и продолжающаго существовать даже среди болѣе цивилизованныхъ націй, закона, по которому человѣкъ не можетъ брать жены себѣ изъ своего клана или племени, но долженъ брать изъ какого-нибудь другаго. Рядомъ съ накопленіемъ собственности возникаетъ веденіе войны, какъ экономическая спекуляція среди племенъ, болѣе или менѣе живущихъ грабежемъ, гордящихся своею профессіею убійства и презирающихъ малодушныхъ поселянъ, трудъ которыхъ доставляетъ грабителямъ хлѣбъ и скотъ. Отличный примѣръ такого разбойничьяго племени представляли Мбаи въ Южной Америкѣ, простая религія которыхъ заключалась въ томъ, что ихъ божество, Великій Орелъ, повелѣваетъ имъ жить веденіемъ войны со всѣми другими племенами, избивать мужчинъ, захватывать женщинъ въ жены и овладѣвать имуществомъ побѣжденныхъ.

Война у цивилизованныхъ націй отличается отъ войны у дикихъ племенъ тѣмъ, что она ведется съ лучшимъ оружіемъ и приспособленіями, и что воины обучаются драться въ правильномъ порядкѣ. Можно хорошо замѣтить превосходство правильнаго войска передъ безпорядочнымъ военнымъ отрядомъ дикарей, если разсмотрѣть въ «Древнихъ Египтянахъ» Уилькинсона изображенія войскъ, выступающихъ рядами, нога въ ногу, подъ звуки трубъ, и особенно если обратить вниманіе на плотную фалангу тяжелой пѣхоты съ копьями и щитами. Стойкость подобныхъ египетскихъ спло-

ченныхъ квадратныхъ массъ изъ 10,000 человѣкъ описывается въ Киропэдіи (гдѣ тактическіе пріемы, вѣроятно, переданы вѣрно, если этого и нельзя сказать объ историческихъ событіяхъ); ихъ не могли сломить даже побѣдоносные персы, и онѣ продолжали еще выдерживать вражескій натискъ среди разбитаго на голову войска, сидя подъ своими щитами, пока Киръ не даровалъ имъ почетной капитуляціи. Египетское войско состояло изъ различныхъ корпусовъ, дѣлившихся на болѣе мелкіе отдѣлы и предводительствуемыхъ офицерами съ опредѣленными чинами. Во время битвы тяжелая неподвижная фаланга занимала центръ боеваго построенія; стрѣлки изъ лука и легкая пѣхота располагались на флангахъ и дѣйствовали въ цѣпи или развернутымъ строемъ; были также отряды пращниковъ, и благородные воины врѣзывались на своихъ колесницахъ въ самую середину вражеской силы. Это превосходство въ военномъ отношеніи достигалось тѣмъ, что у египтянъ существовало постоянное войско, образуемое изъ правильнаго военнаго класса, который обучался военному искусству съ юности и содержался на счетъ восьми акровъ земли, назначенныхъ каждому воину. Мы находимъ также, что съ самаго ранняго времени египтяне употребляли и войска изъ чужеземныхъ наемниковъ, по своему одѣянію и лицамъ замѣтныя на изображеніяхъ битвъ. Подобнымъ же образомъ и ассирійскія сцены войны свидѣтельствуютъ, что ихъ военная система стояла на одномъ уровнѣ съ египетскою. Поднятіе военнаго искусства на высшую ступень принадлежитъ Греціи, и греческая литература разсказываетъ намъ всю исторію его развитія. Начиная съ Иліады, описанія показываютъ, что война и войско сначала находились тамъ въ болѣе варварскомъ состояніи нежели въ Египтѣ; дисциплина была плоха, командованіе еще хуже, поединки между греческими и троянскими бойцами въ присутствіи наблюдающихъ армій происходили совершенно такимъ же образомъ, какъ и среди дикарей. Но, переходя къ позднѣйшимъ періодамъ греческой исторіи, мы видимъ, что греки уже не только научились тому, чему ихъ могла научить болѣе древняя цивилизація, но еще и повліяли своимъ геніемъ на дальнѣйшее развитіе дѣла. Ихъ корпуса войскъ всѣхъ родовъ оружія, стрѣлки изъ лука, воины на колесницахъ, кавалерія, и фаланги копьеносцевъ подчинялись дисциплинѣ и строились въ боевой порядокъ

по древнему египетскому и ассирійскому пріему. Но между тѣмъ какъ въ древнія времена битва представлялась только испытаніемъ силы между двумя выстроенными другъ противъ друга арміями, военный историкъ Ксенофонтъ описываетъ измѣненіе въ военномъ искусствѣ, произведенное ѳивскимъ вождемъ Эпаминондомъ: подъ Левктрою, имѣя силы слабѣе нежели у спартанцевъ, онъ, со своими солдатами, построенными въ колонну изъ пятидесяти рядовъ, атаковалъ непріятельское правое крыло изъ двѣнадцати рядовъ, сломилъ его, привелъ этимъ всю линію въ безпорядокъ и выигралъ битву. Подъ Мантинеею, примѣняя этотъ планъ еще болѣе искусно, онъ построилъ свое войско въ видѣ клина, расположивъ болѣе слабые отряды по косвеннымъ линіямъ, расходящимся кзади, такъ чтобы эти части вступили въ битву только послѣ того, какъ фронтъ непріятеля былъ уже прорванъ. Такимъ путемъ стала развиваться военная тактика, сдѣлавшая искусное маневрированіе столь же важнымъ какъ и настоящій бой. Наконецъ, римляне—нація, воспитывавшаяся въ битвахъ и завоеваніяхъ — дошли до того, чтобы господствовать надъ міромъ лишь силою воинской дисциплины. Въ средніе вѣка введеніе пороха увеличило боевую силу войскъ, метательное оружіе которыхъ изъ луковъ и стрѣлъ превратилось въ ружье и тяжелыя пушки. Мы уже обращали вниманіе читателя на египетскія и ассирійскія военныя сцены. Если онъ, посмотрѣвши на маневры какой-нибудь современной арміи во время фиктивной битвы, обратится къ этимъ изображеніямъ, представляющимъ войну, какъ она велась три или четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, то замѣтитъ, что новая система самымъ существеннымъ образомъ основывается на древней, и что развитіе ея зависитъ отъ двухъ новыхъ идей, именно отъ тактики и отъ огнестрѣльнаго оружія.

Приблизительно тотъ же выводъ придется сдѣлать, если сравнить древніе и болѣе грубые роды укрѣпленія и осады съ таковыми же новыхъ временъ. Племена, стоящія на уровнѣ камчадаловъ и сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, умѣютъ укрѣплять свои деревни при помощи насыпей и частоколовъ. Въ древнемъ Египтѣ и Ассиріи и прилегавшихъ къ нимъ странахъ крѣпкія и высокія стѣны крѣпостей защищались стрѣлками изъ луковъ и пращниками, и были атакуемы штурмовыми колоннами со штурмовыми

[illegible] Гомеровскихъ [illegible] Троей [illegible] облеченiя ея. [illegible] для приступа. Греки и римляне [illegible] искусства въ осадѣ [illegible] устроеннаго [illegible] характеру съ [illegible] перiодовъ.

Въ заключенiе, обращаясь къ [illegible] нашего современнаго [illegible] переворотъ. [illegible] составлявшее [illegible] это, [illegible] которыя [illegible] громад- [illegible] представляютъ [illegible] Изслѣдователь [illegible] обшир- [illegible] не [illegible] націй, и что [illegible] сократится до [illegible] войны, [illegible] отрасль [illegible]

ГЛАВА X.

Житейская техника. (*Продолженіе*).

Жилища: пещеры; шалаши; палатки; дома; каменныя и кирпичныя зданія; сводъ; развитіе архитектуры. — Одежда: окрашиваніе кожи; татуированіе; уродованіе черепа; украшенія; одежда изъ коры, кожи и т. д. — Цыновка. — Пряденіе, тканье, шитье; платье. — Навигація: пользованіе плавающими предметами: лодки; плоты; утлегарь; гребки и весла; паруса; галеры и корабли.

Перейдемъ теперь къ обзору человѣческихъ жилищъ. Если подумать о гнѣздахъ птицъ, о плотинахъ бобровъ, о помостахъ на деревьяхъ, дѣлаемыхъ обезьянами, то врядъ ли окажется возможнымъ предполагать, что человѣкъ былъ когда-либо неспособенъ устраивать себѣ пріютъ того или другаго рода Если онъ и не всегда его устроиваетъ, то это дѣлается въ большинствѣ случаевъ потому, что, переходя съ мѣста на мѣсто, онъ можетъ довольствоваться тѣмъ, что будетъ спать на открытомъ воздухѣ или сыщетъ себѣ естественное убѣжище гдѣ-нибудь подъ деревомъ или подъ скалою. Такъ было замѣчено, что скитающіеся дикари на Андаманскихъ островахъ идутъ на морской берегъ, гдѣ они подъ какимъ нибудь нависшимъ и защищающимъ ихъ отъ вѣтра утесомъ вырываютъ себѣ въ пескѣ углубленіе для лежанія. Въ углубленія подъ утесами скрывались и древніе дикари Европы, какъ это доказываютъ кости, отколотые куски кремня и другіе остатки, находимые въ почвѣ такихъ мѣстъ. Пещеры являются готовыми домами какъ для звѣря, такъ и для человѣка. Мы уже упомянули (стр. 35), что въ такихъ странахъ, какъ Англія и Франція, пещеры служили жилищемъ для древнихъ племенъ періода сѣвернаго оленя и мамонта; бушмэны Южной Африки представляютъ

современный примѣръ грубыхъ племенъ, живущихъ въ горныхъ пещерахъ. Пещеры, впрочемъ, отличаются такими удобствами, что отъ времени до времени ими все еще продолжаютъ пользоваться и въ цивилизованномъ мірѣ, и большинству изъ насъ доводилось видать пещеру въ какомъ-нибудь утесѣ, служащую заднею частью избы рыбака или, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ амбара. Здѣсь насъ занимаютъ не столько эти естественныя жилища, сколько искусственныя сооруженія, дѣлаемыя человѣкомъ для устройства себѣ убѣжища, какъ бы грубы они ни были.

Въ глубинѣ бразильскихъ лѣсовъ путешественники натолкнулись на жилища ходящихъ голыми пури — жилища, которыя представляютъ даже не шалаши, но просто наклонныя кровли изъ ряда громадныхъ пальмовыхъ листьевъ, футовъ въ восемь длиною, прислоненныхъ къ поперечной перекладинѣ. Такіе навѣсы, обращенные къ навѣтренной сторонѣ, прикрываютъ лѣниваго индѣйца, потягивающагося въ своей койкѣ, подвѣшенной между двумя деревьями, и такъ какъ густая листва защищаетъ его сверху, то его жизнь въ хорошую погоду не лишена своего рода удобствъ, хотя въ дурную какъ семьѣ, такъ и собакамъ приходится беззащитно тѣсниться къ огню костра, разложеннаго на землѣ. Но даже въ этихъ тропическихъ лѣсахъ обыкновенно встрѣчаемъ настоящій шалашъ, хотя бы крайне грубый, вродѣ того, какой устраиваютъ себѣ ботокуды изъ тѣхъ же большихъ пальмовыхъ листьевъ, втыкая нѣкоторое число ихъ черенками въ землю, въ видѣ круга, и сближая верхушки такъ, чтобы образовать надъ головою родъ крыши. Патахи вносятъ въ свою работу уже болѣе искусственности, сгибая вмѣстѣ молодыя растущія деревья и воткнутые въ землю шесты, связывая ихъ верхушки вмѣстѣ и составляя такимъ образомъ остовъ, который они затѣмъ покрываютъ большими листьями. Почти такую же первобытную архитектуру можно встрѣтить и у туземцевъ Австраліи, располагающееся станомъ общество которыхъ обыкновенно довольствуется тѣмъ, что втыкаетъ въ землю рядъ вѣтвей съ густою листвою, чтобы устроить себѣ ширму или защиту отъ вѣтра на ночное время, но, когда они потрудятся переплести вѣтви двухъ такихъ рядовъ надъ головою, ширма обращается въ шалашъ; а въ случаѣ болѣе продолжительной стоянки на одномъ мѣстѣ, они устраиваютъ настоящій остовъ шалаша изъ вѣтвей и покрываютъ

его кусками коры или листьями и травою, или даже накладываютъ дернъ и обмазываютъ шалашъ снаружи глиною. Изобрѣтеніе простаго круглаго шалаша становится, такимъ образомъ, легко понятнымъ. Понятно также, какимъ образомъ коническій шалашъ, когда скитающіяся племена, вродѣ американскихъ индѣйцевъ, переносятъ его шесты и шкуры или кору съ мѣста на мѣсто, превращается въ переносную палатку, и это показываетъ, какъ была изобрѣтена послѣдняя. Болѣе культурные пастухи Востока употребляютъ для покрытія палатокъ куски войлока изъ волоса или шерсти; мы сами употребляемъ для временнаго пристанища палатки изъ парусины. Дѣйствительно, стоитъ только взглянуть на обыкновенную солдатскую колоколоподобную палатку, чтобы замѣтить, что она есть ничто иное какъ преобразованный шалашъ дикаря. Круглый шалашъ, однако, будетъ ли онъ имѣть форму улья или конуса, такъ низокъ, что надо вползать въ него, и такъ тѣсенъ, что въ немъ приходилось лежать или сидѣть на корточкахъ. Его часто дѣлаютъ просторнѣе, вырывая внутри его яму въ нѣсколько футовъ глубины; но болѣе важное усовершенствованіе въ его устройствѣ заключается въ постановкѣ самаго шалаша на столбы или стѣны, вслѣдствіе чего то, что составляло сперва цѣлый домъ, теперь становится только крышею. Такимъ путемъ выстраивается круглая хижина съ боковыми столбами, пространство между которыми выполняется плетенкою изъ вѣтвей и землею; или ея твердыя земляныя стѣны поддерживаютъ крытую вѣтвями кровлю, которая можетъ выдаваться съ боковъ въ видѣ тѣнистыхъ карнизовъ. Таковы были въ древнія времена обыкновенныя жилища крестьянъ въ Европѣ; таковы они и теперь въ другихъ частяхъ свѣта; весьма возможно, что воспоминаніе о нихъ мы сохраняемъ въ видѣ нашихъ круглыхъ, крытыхъ вѣтвями, садовыхъ бесѣдокъ, въ которыхъ любопытно замѣтить сходство съ настоящими шалашами варваровъ. Далѣе, какъ замѣчаютъ путешественники по Африкѣ, важнымъ признакомъ болѣе высокой цивилизаціи служитъ то обстоятельство, когда люди начинаютъ строить вмѣсто круглыхъ жилищъ четыреугольные дома. Круглую хижину легко построить лишь тогда, когда она имѣетъ небольшіе размѣры; наилучшимъ образомъ пространство выигрывается при выстраиваніи продолговатаго дома, съ продольною перекладиною по кровлѣ,

гдѣ сходятся наклонныя боковыя стропила. Такъ какъ подобнымъ домамъ можно придавать какую угодно длину, то оказалось возможнымъ жить въ нихъ сразу нѣсколькимъ — часто двадцати семействамъ, какъ это и встрѣчается нерѣдко среди грубыхъ народовъ. Въ варварскихъ странахъ строятся обширные дома съ крышами, опирающимися на высокіе столбы съ поперечными перекладинами, или на плотныя стѣны изъ земли или камней; въ сущности, они строятся почти по тѣмъ же принципамъ, какъ и наши новѣйшіе дома, хотя только болѣе грубымъ образомъ.

Какъ кажется, нетрудно себѣ выяснить тотъ путь, какимъ вошли въ употребленіе каменныя и кирпичныя постройки. Тамъ, гдѣ лѣсу мало, люди охотно обращаются къ постройкѣ стѣнъ изъ камней, дерна или глины. Такъ, извѣстно, что австралійцы строятъ себѣ жилища, дѣлая стѣны изъ кучъ ничѣмъ не связанныхъ камней и кровлю изъ палокъ, положенныхъ сверху этихъ кучъ. Необдѣланные камни—хотя изъ нихъ можно дѣлать хорошіе валы и низкіе стѣны—были бы слишкомъ неустойчивы для возведенія высокихъ стѣнъ; исключеніе составляютъ только плиты сланцевыхъ и слоистыхъ горныхъ породъ, представляющія естественные камни для построекъ. Употребляя камни просто въ томъ видѣ, какъ они поднимаются нами съ земли, врядъ ли возможно строить дома большей величины, нежели любопытныя ульеподобныя хижины на Гебридскихъ островахъ, съ ихъ тѣсными, имѣющими грубые своды, каморками, которыя образуются рядами камней, перекрывающихъ другъ друга внутри почти до встрѣчи ихъ вверху, и покрываются растущимъ дерномъ, вслѣдствіе чего онѣ принимаютъ видъ покрытыхъ травою небольшихъ холмовъ съ проходами для вползанія обитателей. Подобное первобытное строеніе имѣетъ весьма древнее происхожденіе, и хотя такіе дома уже болѣе не возводятся, но старые все еще продолжаютъ служить убѣжищемъ на лѣтнее время. Древнія шотландскія подземныя жилища или *weems* (то есть пещеры) содержатъ отдѣльныя каморки изъ необдѣланныхъ камней и напоминаютъ археологамъ разсказъ Тацита о погребахъ, которые рыли древніе германцы, накрывая ихъ сверху грязью; здѣсь они сохраняли свой зерновой хлѣбъ и сами искали убѣжища отъ холода, а во время войны—и отъ непріятеля. Когда къ дѣлу стало прилагаться ремесло каменьщика, постройка зданій перешла на

высшую ступень. Возможно, что въ началѣ камни обдѣлывались на столько, чтобы можно было приладить ихъ одинъ къ другому, на подобіе кусковъ мозаики, какъ это замѣчается въ такъ называемыхъ циклопическихъ каменныхъ постройкахъ древнихъ этрусскихъ и римскихъ стѣнъ. Но люди вскорѣ нашли болѣе разумный пріемъ, и вмѣсто того, чтобы подгонять планъ постройки къ формѣ камней, начали придавать камнямъ такую форму, какая требуется для данныхъ работъ; и для этого употребляли прямоугольныя каменныя глыбы, укладывая ихъ правильными рядами. Въ древнемъ Египтѣ каменьщики тесали и обравнивали даже гранитъ и порфиръ съ такимъ совершенствомъ, на которое съ завистью смотрятъ архитекторы нашихъ дней; и пирамиды Джизы столь же достойны удивленія по прекрасной каменной работѣ своихъ наклонныхъ стѣнъ, камеръ и проходовъ, какъ и по своей необыкновенной величинѣ. Наше современное представленіе о каменномъ зданіи требуетъ, чтобы глыбы камня были скрѣплены вмѣстѣ посредствомъ связующаго цемента, но въ древней и прекрасной архитектурѣ Египта и Греціи облицованныя каменныя глыбы лежатъ одна на другой, несвязываемыя никакимъ цементомъ, да и не нуждаясь въ немъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось подобное скрѣпленіе, употреблялись металлическія скобы. Цементъ (по англійски также и *mortar*, отъ ступки, въ которой размѣшивался этотъ растворъ) былъ хорошо извѣстенъ также и древнему міру. Римскіе строители употребляли не только обыкновенный цементъ изъ извести и песку, твердѣющій отъ поглощенія угольной кислоты изъ воздуха, но знали также, какъ приготовлять водоупорный цементъ черезъ прибавленіе вулканической золы или поццоланы, откуда происходитъ наименованіе «римскаго цемента», даваемое одному составу нашими англійскими каменьщиками. Мы уже упомянули объ обыкновеніи дикаря покрывать бока своей хижины изъ вѣтвей слоемъ глины. Это дѣлали и древніе люди, возведшіе свои свайныя постройки на швейцарскихъ озерахъ, какъ это доказываютъ куски глиняной обкладки, которые случайно подверглись обжиганію во время пожаровъ и упали въ воду, гдѣ ихъ можно находить и теперь; на нихъ можно видѣть вдавленія отъ давно погибшихъ тростниковыхъ стѣнъ хижинъ, которыя штукатурились влажною глиною. Мы до сихъ поръ еще имѣемъ нѣчто подобное

въ томъ, что̀ строители англійскихъ коттэджей называютъ «wattle and daub» (прутьями съ замазкою). Подобнымъ же образомъ, тамъ и сямъ на англійской деревенской улицѣ можно встрѣтить коттэджъ или коровникъ, представляющій остатокъ другаго сорта первобытной архитектуры. Стѣны его просто сложены изъ «*cob*» (мѣсива), то есть, изъ глины, смѣшанной съ соломою. Подобныя стѣны хижинъ, дѣлаемыя изъ глины или грязи, весьма обыкновенны въ сухихъ климатахъ, вродѣ Египта, гдѣ онѣ дешевле и лучше деревянныхъ. Нетрудно понять, послѣ этого, какъ вошли въ употребленіе высушенные на солнцѣ кирпичи; они представляютъ просто удобныя глыбы или комки той же самой грязи или жирной глины, смѣшанной съ соломой, какая употреблялась для постройки стѣнъ хижинъ. Подобные высушенные на солнцѣ кирпичи употреблялись на Востокѣ еще въ глубокой древности. Изъ нихъ выстроены иные изъ стоящихъ еще египетскихъ пирамидъ, и рисунки показываютъ, что размѣшиваніе глины и формовка большихъ кирпичей въ деревянныхъ формахъ производились весьма сходно съ тѣмъ, какъ это дѣлается на нашихъ современныхъ кирпичныхъ заводахъ. Изъ этихъ кирпичей архитекторы Ниневіи выстроили дворцовыя стѣны въ десять, пятнадцать футовъ толщины, украшая ихъ лѣпкою изъ алебастра. Для подобныхъ высушенныхъ на солнцѣ кирпичей глина съ водою оказывается вполнѣ достаточнымъ цементомъ. Употребленіе этихъ кирпичей изъ грязи для постройки и до сихъ поръ держится въ этихъ странахъ, гдѣ они дѣйствительно хорошо подходятъ къ климату. Они употреблялись даже и въ Америкѣ, и путешественникъ въ странахъ, вродѣ Мехико, до сихъ поръ еще часто можетъ очутиться въ домѣ, выстроенномъ изъ этого матеріала. Высушенный на солнцѣ кирпичъ называется тамъ *adobe*; это слово на самомъ дѣлѣ оказывается древнимъ египетскимъ наименованіемъ *tob*, которое, перейдя въ арабскій языкъ и принявъ тамъ членъ, превратилось въ *at-tob*, а отсюда было усвоено въ испанскомъ языкѣ въ видѣ *adobe*. Обожженные кирпичи представляютъ, повидимому, позднѣйшее изобрѣтеніе, придти къ которому для народовъ, обжигавшихъ глиняные горшки, было нетрудно. Этотъ сортъ кирпичей, впрочемъ, требовался только въ болѣе дождливыхъ климатахъ. Такъ, римляне, которымъ нельзя было обходиться съ простыми грязевыми кирпичами, довели изготовленіе об-

жигаемыхъ въ печи кирпичей и черепицы до весьма значительной степени совершенства.

При обыкновенной постройкѣ домовъ, мы обращаемся въ настоящее время къ каменьщику или кирпичнику для выведенія стѣнъ, а черепица или сланецъ представляютъ усовершенствованіе старипнаго способа покрыванія крыши соломою или тростникомъ. Но мы, на столько придерживаемся еще старинной деревянной архитектуры, что полы и остовъ крыши до сихъ поръ изготовляются изъ дерева. Однако, для склеповъ и храмовъ, строящихся съ разсчетомъ на вѣковую прочность, уже въ раннее время потребовались средства покрывать помѣщеніе при помощи тѣхъ же камней или кирпичей, не довѣряя деревяннымъ балкамъ. Для выполненія этого существуютъ два способа—ложный сводъ и истинный сводъ, которые оба древни. Ложный сводъ представляетъ систему кладки, которая должна придти въ голову всякому строителю; въ сущности, это то самое, что́ дѣлаютъ дѣти, строя изъ деревянныхъ плитокъ или кирпичей, которые они кладутъ одинъ на другой, на подобіе лѣстницъ, пока верхнія звенья двухъ лѣстницъ не сойдутся на столько близко, что пространство, остающееся между ними, можетъ быть покрыто однимъ кирпичемъ. Покрытые подобнымъ способомъ проходы и камеры съ выступающими каменными глыбами можно видѣть въ пирамидахъ Египта, въ древнихъ могильныхъ памятникахъ Греціи и Италіи, въ развалинахъ дворцовъ Центральной Америки; подобнымъ же образомъ сложены куполы храмовъ джайновъ въ Индіи. Отсюда еще не слѣдуетъ, что строители этихъ памятниковъ не имѣли понятія объ истинномъ сводѣ; они могли быть противниками его вслѣдствіе свойства его распирать стѣны. Когда и какимъ образомъ былъ изобрѣтенъ истинный сводъ, въ точности неизвѣстно, но мысль о немъ могла представиться уже при покрываніи входовъ необдѣланнымъ камнемъ. Подобные истинные своды, выведенные изъ грязевыхъ кирпичей и впослѣдствіи выводившіеся изъ камня, можно видѣть въ могилахъ древняго Египта; строители ихъ, очевидно, вполнѣ понимали принципъ, на которомъ эти своды основаны. Тѣмъ не менѣе, хотя сводъ и былъ извѣстенъ въ такъ называемыя древнія времена, онъ вошелъ въ общее употребленіе не сразу. Замѣчательно, что къ нему никогда ни прибѣгали греческіе архитекторы

классическаго періода. Его ввели въ употребленіе римляне, которые примѣнили его съ удивительнымъ искусствомъ; отъ ихъ куполовъ, мостовъ и залъ со сводами произошли всѣ подобныя постройки средневѣковаго и новѣйшаго міра.

Изъ сдѣланнаго нами обзора всемірной архитектуры мы видимъ, что возникновеніе ея принадлежитъ слишкомъ далекой древности, чтобы исторія могла сообщить о ея начальномъ и самомъ раннемъ развитіи. Во всякомъ случаѣ, у насъ есть основаніе полагать, что въ архитектурѣ, какъ и въ другихъ отрасляхъ техники, человѣкъ началъ съ простаго и легкаго, прежде чѣмъ онъ перешелъ къ сложному и трудному. Существуютъ многочисленные признаки того, что каменная архитектура возникла изъ болѣе простой деревянной. Такъ, смотря на ликійскія могилы во входномъ залѣ Британскаго Музея, можно замѣтить, что хотя онѣ сдѣланы изъ тесанаго камня, ихъ формы скопированы съ деревянныхъ балокъ и стропилъ, такъ что каменьщикъ самою моделью своею показываетъ, что онъ занялъ мѣсто болѣе ранняго плотника. Слѣды формъ дерева можно видѣть даже въ раннихъ каменныхъ постройкахъ Египта. Въ Индіи существуютъ каменныя зданія, колонны и архитравы которыхъ не менѣе очевидно скопированы съ деревянныхъ столбовъ и покоящихся на нихъ горизонтальныхъ балокъ. Возможно, что когда люди впервые обратились къ установкѣ каменныхъ колоннъ и поддерживанію ими лежащихъ на нихъ каменныхъ глыбъ, эта идея могла придти имъ въ голову именно благодаря деревяннымъ столбамъ и балкамъ, которыя они до того употребляли. Но когда утверждаютъ, какъ это бывало нерѣдко, что портики греческихъ храмовъ представляютъ собою копіи съ болѣе древнихъ деревянныхъ сооруженій, то практическіе архитекторы возражаютъ, что Парѳенонъ на самомъ дѣлѣ положительно не похожъ на плотничью работу. Дѣйствительно, извѣстно, что греки не изобрѣтали своей собственной архитектуры колоннъ, но позаимствовали идею ея изъ того, что́ они видѣли въ Египтѣ и другихъ странахъ, развивъ эту идею подъ руководствомъ своего собственнаго генія.

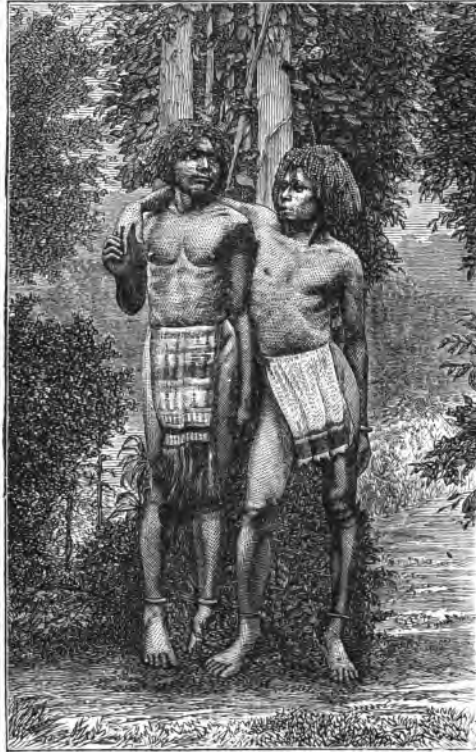
Отъ жилищъ мы переходимъ къ обзору одежды. Слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что иныя изъ низшихъ племенъ, особенно въ тропическахъ лѣсахъ Южной Америки, по свидѣтельству путеше-

ственниковъ живутъ совершенно нагими. Но даже среди самыхъ грубыхъ представителей человѣческой расы и даже въ самыхъ знойныхъ странахъ, гдѣ одежда имѣетъ наименьшее практическое значеніе, люди обыкновенно носятъ что-либо на тѣлѣ, вслѣдствіе ли мысли о пристойности, или ради украшенія. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ одежды мало, или вовсе нѣтъ, существуетъ обыкновеніе разрисовывать тѣло красками. Андаманскіе островитяне, покрывающіе тѣло смѣсью изъ свинаго сала и цвѣтной глины, имѣютъ практическія основанія для такого образа дѣйствій, ибо этотъ слой краски защищаетъ ихъ кожу отъ зноя и москитовъ; но они переходятъ къ дѣйствіямъ для показа, когда чертятъ пальцемъ линіи по краскѣ, или когда иной щеголь окрашиваетъ себѣ одну половину лица въ красный цвѣтъ, другую въ оливковозеленый, и проводитъ орнаментальную раздѣльную линію тамъ, гдѣ оба цвѣта встрѣчаются, продолжая ее, на груди и животѣ. Среди остатковъ отъ древнихъ пещерныхъ людей въ Европѣ находятъ выдолбленные камни, которые служили первобытными ступками для растиранія охры и другихъ красокъ, употреблявшихся для разрисовыванія тѣлъ этихъ людей. Въ самомъ дѣлѣ немногія привычки такъ хорошо характеризуютъ низшія ступени человѣческой культуры, какъ удовольствіе, находимое дикими людьми въ покрываніи тѣла узорами изъ кружковъ и полосъ, выведенными яркими красками и столь знакомыми намъ по изображеніямъ австралійцевъ, танцующихъ на корробори (дружественномъ собраніи), или американцевъ, доходящихъ до неистовства въ скальпировальной пляскѣ. Первобытная форма траура появляется среди дикихъ тоже въ покрываніи всего тѣла черною (или бѣлою) краскою. Въ высшей цивилизаціи увядшія красавицы могутъ еще дѣлать жалкія попытки оживить цвѣтъ молодости румянами и бѣлилами; но древнее боевое окрашиваніе тѣла уже считается признакомъ крайняго варварства; такъ что древніе бритты, хотя они и были въ значительной мѣрѣ цивилизованнымъ народомъ, многими историками признавались за чистыхъ дикарей только потому, что они держались грубаго обычая окрашивать себя въ синій цвѣтъ вайдою, чѣмъ, какъ описываетъ это Цезарь, они придавали себѣ во время войны болѣе ужасающій видъ. Придаваніе себѣ подобной внѣшности, имѣвшее цѣлью устрашеніе у красно-кожихъ

индѣйскихъ воиновъ, у насъ перешло къ клоуну въ циркѣ, чтобы дѣлать его образцомъ смѣхотворнаго дурачества. Весьма вѣроятно, что раскрашенное полосами лицо клоуна представляетъ моду сохранившуюся отъ древнихъ временъ, когда краска носилась европейскими варварами вообще, на подобіе того, какъ японскіе актеры покрываютъ себѣ лицо ярко-красными полосами, несомнѣнно удерживая то, что нѣкогда представляло обыденное украшеніе. При татуированіи кожи, главною цѣлью несомнѣнно является красота; такъ, новозеландецъ покрывалъ себя такими же узорами изъ искривленныхъ линій, какими онъ украшалъ свою палицу и челнокъ; не имѣть татуированнаго рта для женщины считалось чѣмъ-то позорнымъ и вызывало замѣчаніе, высказываемое съ отвращеніемъ: «у нея красныя губы». Татуировка пользуется такимъ же широкимъ распространеніемъ среди низшихъ расъ міра, какъ и окрашиваніе тѣла, и модные узоры то ограничиваются немногими синими линіями на лицѣ или на рукахъ, то развиваются въ рисунки цвѣтовъ, которыми, словно камчатная матерія, покрыта кожа жителей Формозы. Тамъ, гдѣ это искусство практикуется въ совершенствѣ, какъ, напр., въ Полинезіи, производятся уколы кожи и вводится краска изъ угля, при помощи вкалыванія ряда маленькихъ смазанныхъ краскою иголъ. Весьма распространенъ, впрочемъ, болѣе грубый способъ, употребляющійся, напримѣръ, въ Австраліи или Африкѣ, гдѣ дѣлаются разрѣзы, въ которые втирается древесная зола и которые впослѣдствіи заживаютъ, оставляя рубецъ или шишку. Нерѣдко знаки на кожѣ служатъ не для украшенія, а для иныхъ цѣлей, какъ это бываетъ, напримѣръ, въ Африкѣ, гдѣ длинный рубецъ на бедрѣ у мужчины можетъ означать, что послѣдній выказалъ храбрость въ битвѣ; въ другихъ случаяхъ отмѣчаютъ племя или народность, къ которой принадлежитъ извѣстный негръ; у однихъ, напримѣръ, такимъ знакомъ служитъ пара длинныхъ шрамовъ на обѣихъ щекахъ, у другихъ рядъ небольшихъ искусственныхъ возвышеній идущихъ по лбу до кончика носа и т. д. Татуированіе продолжаетъ еще употребляться и въ болѣе высокихъ цивилизаціяхъ; такъ, напримѣръ, арабскія женщины дѣлаютъ легкіе уколы на своихъ лицахъ, рукахъ или голеняхъ, и наши матросы для забавы выводятъ на рукахъ при помощи пороха, изображенія якорей или кораблей на всѣхъ пару-

сахъ; но въ этомъ послѣднемъ случаѣ первоначальная цѣль уже утрачена, ибо рисунокъ скрытъ подъ рукавами одежды. Со введеніемъ одежды, все болѣе и болѣе покрывающей тѣло, первобытныя украшенія кожи естественнымъ образомъ прекращаются, такъ какъ никому невидимое украшеніе не имѣло бы никакого смысла.

Голову весьма нерѣдко стригутъ или брѣютъ въ знакъ траура.

Фиг. 66. Туземцы съ острова Прокаженныхъ (Новые Гебриды).

Иныя племена, вродѣ андаманскихъ островитянъ, ходятъ съ голою головною кожею постоянно, другія, вродѣ индѣйцевъ короадо (*coroado* = вѣнчанный) Бразиліи, отращиваютъ себѣ волосы на манеръ тонзуры, въ видѣ кольца вокругъ бритаго темени, или брѣютъ голову, оставляя пучекъ волосъ или косу на макушкѣ, какъ это дѣлаютъ сѣвероамериканскіе индѣйцы или манчжуры

Татаріи, у которыхъ переняли это обыкновеніе и китайцы. Любопытный способъ завиванія волосъ въ сотни длинныхъ, тонкихъ локонцевъ, при помощи полосокъ древесной коры, можно видѣть на изображеніи туземцевъ съ острова Прокаженныхъ, фиг. 66.

Различныя племена подпиливаютъ себѣ передніе зубы для приданія имъ остроконечной или разнообразной угловатой формы, вслѣдствіе чего въ Африкѣ и другихъ мѣстахъ часто можно отличить племена по формѣ, приданной зубамъ. Длинные ногти на пальцахъ служатъ даже и среди насъ признакомъ того, что обла-

Фиг. 67. Рука китайскаго аскета.

датель ихъ не занимается никакою ручною работою; въ Китаѣ и прилегающихъ къ нему странахъ имъ даютъ рости до чудовищной величины, что служитъ признакомъ благороднаго происхожденія, и дамы носятъ особые серебряные футляры для защиты своихъ ногтей или, по крайней мѣрѣ, для завѣренія постороннихъ, что у нихъ длинные ногти (см. портреты сіамскихъ актрисъ въ королевскомъ костюмѣ, на фиг. 32). Въ другихъ случаяхъ ногти отращиваются, какъ знакъ того, что носитель ихъ ведетъ религіозную жизнь и не занимается никакою мірскою работою, какъ

это можно заключить изъ фиг. 67, гдѣ изображена рука китайскаго аскета.

Такъ какъ понятіе о красотѣ, котораго придерживается каждый народъ, обыкновенно сообразуется съ типомъ его собственной расы, то ему нравится преувеличеніе его отличительныхъ чертъ. Взглянувъ на лицо готтентотки на фиг. 12 *c*, можно понять, почему матери тамъ еще болѣе расплющиваютъ и безъ того уже плоскіе носы младенцевъ, между тѣмъ какъ въ древнія времена носу маленькаго персидскаго принца придавали смѣло очерченную орлиную форму, какъ на фиг. 11 *b*. Во всѣхъ частяхъ земнаго шара встрѣчается обычай сдавливать головы младенцевъ повязками и шинами, чтобы направить ростъ маленькаго и пластическаго черепа по принятому образцу. Но въ томъ вопросѣ, какую именно форму долженъ имѣть черепъ—вкусы крайне расходятся. Въ области Колумбійской рѣки иныя племена плоскоголовыхъ на столько приплющиваютъ книзу лобъ, что ихъ лицо принимаетъ форму груши, обращенной широкимъ концомъ кверху; между тѣмъ какъ сосѣднія племена сдавливаютъ съ боковъ верхнюю часть черепа такимъ образомъ, что ихъ лицо принимаетъ видъ груши, обращенной вверхъ своимъ узкимъ концомъ. Древній врачъ Гиппократъ упоминаетъ объ искусственно уродуемыхъ черепахъ «длинноголовыхъ» или макрокефаловъ, живущихъ въ области у Чернаго моря. Настоящій турецкій черепъ имѣетъ широкую татарскую форму, между тѣмъ какъ народы Греціи и Малой Азіи имѣютъ овальные черепа; этимъ объясняется, почему въ Константинополѣ сдѣлалось обычаемъ придавать черепамъ младенцевъ круглую форму, такъ чтобы они выростая, пріобрѣли широкую голову расы завоевателей. Остатки подобнаго варварства существуютъ еще и среди цивилизованнаго міра, и еще недавно одинъ французскій врачъ удивилъ свѣтъ сообщеніемъ факта, что няньки въ Нормандіи все еще придаютъ головкамъ дѣтей форму сахарной головы, при помощи повязокъ и особаго тугаго чепчика, между тѣмъ какъ въ Бретани онѣ предпочитаютъ сдавливать черепа для приданія имъ круглой формы. Безъ сомнѣнія, онѣ дѣлаютъ все это и до сего дня.

Стремленіе придавать тѣлу красоту при помощи украшеній принадлежитъ человѣческой природѣ до самыхъ низшихъ ступеней ея. Въ Южной Америкѣ люди, ходившіе нагими, украшали себя

кольцами на рукахъ и ногахъ, и одно изъ племенъ носило, въ качествѣ единственной статьи туалета, перья ары, воткнутые въ дыры, сдѣланныя у обоихъ угловъ рта, и нитки съ нанизанными раковинами, свѣшивающіяся изъ ноздрей, ушей и нижней губы. Послѣдній случай представляетъ хорошій примѣръ укрѣпленія украшеній въ самомъ тѣлѣ, въ которомъ, для принятія ихъ, дѣлаются проколы или разрѣзы. Различныя племена носятъ нагубники или губныя украшенія; иныя изъ нихъ постепенно расширяютъ дыру, сдѣланную въ нижней губѣ, до тѣхъ поръ, пока она не будетъ въ состояніи вмѣстить деревянный кружокъ въ два-три дюйма въ поперечникѣ, какъ это можно видѣть на изображеніи (фиг. 68) женщины изъ племени ботокудовъ,—бразильскаго племени, полу-

Фиг. 68. Женщина изъ племени ботокудовъ съ губными и ушными украшеніями.

чившаго свое наименованіе именно вслѣдствіе этого нагубника, который португальцы сравнили съ *botoque* или бочечной втулкою. Какъ показываетъ фигура, ушныя украшенія подобнымъ же образомъ помѣщаются въ сережкѣ уха, причемъ они растягиваютъ ее до такой степени, что при выниманіи деревяннаго кружка, остающаяся петля опускается почти до плеча. Такимъ образомъ возможно, что въ излюбленныхъ чудесныхъ повѣствованіяхъ древнихъ географовъ на счетъ племенъ, огромныя уши у которыхъ спускаются до самыхъ плечъ, содержалась извѣстная доля правды, хотя разсказъ разукрашивался уже черезчуръ, когда увѣряли, что люди этихъ племенъ ложатся на одно ухо, вмѣсто постели, и покрываются другимъ, какъ одѣяломъ. Высокій интересъ

для насъ въ этомъ вопросѣ объ украшеніяхъ дикихъ представляетъ стремленіе болѣе высокихъ цивилизацій къ ихъ постепенному устраненію. Въ Персіи еще можно встрѣтить женщинъ съ носовымъ кольцомъ, продѣтымъ черезъ ту или другую ноздрю; но европейскій вкусъ былъ бы возмущенъ этимъ, хотя онъ дозволяетъ прокалывать уши для ношенія серегъ. Что касается до просто только надѣваемыхъ украшеній, то они состоятъ большею частью изъ перьевъ, цвѣтовъ или подвѣсокъ, носимыхъ въ волосахъ, или нанизанныхъ бусъ или колецъ на шеѣ, рукахъ и ногахъ. Въ какія отдаленныя времена человѣкъ началъ находить удовольствіе въ ношеніи подобныхъ украшеній, можно судить по пробуравленнымъ для нанизыванія раковинамъ Littorinae, которыя были найдены въ пещерѣ Кроманьона и которыя несомнѣнно служили для ожерелій и браслетъ дѣвушкамъ мамонтоваго періода. Въ современномъ мірѣ употребленіе ожерелья и браслетъ продолжается въ полной силѣ, хотя наножники, вродѣ голенныхъ колецъ индусской танцовщицы, какъ само собою разумѣется, должны были исчезнуть изъ костюма цивилизованныхъ носительницъ башмаковъ и чулокъ. Выраженіе привязанности и воспоминанія объ умершихъ родственникахъ ношеніемъ бусъ изъ костей ихъ ручныхъ и ножныхъ пальцевъ, какъ это дѣлаютъ андаманскія женщины, не соотвѣтствовало бы нашимъ обычаямъ, но наши дамы удерживаютъ моду носить варварскія ожерелья изъ такихъ вещей какъ кораллы, сѣмена, тигровыя когти и особенно шлифованные камни. Ношеніе, въ качествѣ украшенія, блестящихъ камней продолжается, въ видѣ ли драгоцѣннаго жемчуга или рубиновъ, или въ видѣ стеклянныхъ бусъ, представляющихъ поддѣльные камни. Тамъ, гдѣ становится извѣстнымъ металлъ, тотчасъ же начинается употребленіе его въ качествѣ украшенія, что достигаетъ высшей точки развитія въ тѣхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, какъ забавно описываютъ путешественники, какая-нибудь даякская дѣвушка съ ея руками, обмотанными кольцами толстой мѣдной проволоки, или какая нибудь африканская красавица, носитъ на конечностяхъ большія мѣдныя кольца, которыя такъ разогрѣваются подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, что прислужникъ долженъ носить за нею сосудъ съ водою для того, чтобы обливать ихъ отъ времени до времени. Чтобы видѣть золотыя драгоцѣнныя издѣлія наиболѣе тонкой работы, изслѣдователь

долженъ обратиться къ издѣліямъ древнихъ, каковы египетскія, греческія и этрусскія вещи въ Британскомъ музеѣ, а также и къ вещамъ средневѣковой Европы. Повидимому, въ настоящее время это искусство отжило свои лучшіе дни и сдѣлалось простою фабрикаціею, лучшія произведенія которой являются подражаніемъ древнимъ образцамъ. Впрочемъ, шлифованіе драгоцѣнныхъ камней, вродѣ бриллiантовъ, съ образованіемъ граней, представляетъ искусство новѣйшаго происхожденія. Что касается до перстней, то если ихъ употребленіе возникло изъ египетскихъ и вавилонскихъ перстней съ печатями, въ такомъ случаѣ первоначальное назначеніе сохраняется лишь въ тѣхъ немногихъ экземплярахъ, которые изготовляются съ печатями и до сихъ поръ; другіе же, въ которые вставляются только бриллiанты или жемчугъ, превратились въ простое украшеніе.

Перейдемъ теперь собственно къ одеждѣ. Для человѣка, нуждающагося въ одѣяніи, наипростѣйшій способъ получить его заключается въ томъ, что онъ снимаетъ покровы съ дерева или со звѣря и надѣваетъ ихъ на самого себя. Древесная кора служитъ одеждою для грубыхъ племенъ во многихъ странахъ, чтó видно, напримѣръ, изъ любопытнаго употребленія, которое уже давно дѣлали туземцы бразильскихъ лѣсовъ изъ такъ называемаго «рубашечнаго дерева (lecythis)». Человѣкъ отрубаетъ стволъ или толстую вѣтвь въ четыре — пять футовъ длины и снимаетъ кору съ нея въ видѣ цѣльной трубки; ему затѣмъ остается только размочить и разбить ее до-мягка и прорѣзать въ ней дыры для просовыванія рукъ, чтобы послѣ этого надѣть какъ готовую рубашку; изъ болѣе короткой трубки можно изготовить женскую юбку. Одежда изъ коры иногда поддерживается какъ признакъ первобытной простоты. Такъ, въ Индіи въ законахъ Ману написано, что когда сѣдоволосый браминъ удаляется въ лѣсъ кончать свои дни въ религіозномъ размышленіи, онъ долженъ надѣть на себя шкуру или одѣяніе изъ коры. Болѣе грубый народъ, каянцы съ Борнео, въ обыкновенной жизни очень любятъ красивыя ткани чужеземнаго торговца, но въ случаѣ траура снимаютъ ихъ и возвращаются къ грубой первобытной одеждѣ изъ коры. Въ Полинезіи приготовленіе *тапы* изъ коры бумажной бруссонетіи было доведено до значительной степени совершенства; женщины разбивали ее особыми палицами съ нарѣзками,

превращая въ родъ растительнаго войлока, и украшали ее, набивая на ней разноцвѣтные узоры. Эти люди пришли въ большое восхищеніе отъ бѣлой бумаги европейцевъ и начали одѣваться въ нее, считая ее самымъ лучшимъ сортомъ тапы, пока не нашли, что такая одежда портится отъ перваго же дождя. Древесные листья также употребляются въ видѣ передниковъ или юбокъ у различныхъ дикихъ племенъ. Въ Индіи не только существуютъ «листоносители», но даже на ежегодномъ празднествѣ въ Мадрасѣ вся часть населенія, принадлежащая къ низшей кастѣ, сбрасываетъ съ себя обычную одежду и надѣваетъ передники изъ вѣтвей съ листьями.

Одѣянія изъ шкуръ, носившіяся дикарями древняго міра, сгнили безслѣдно уже много тысячъ лѣтъ тому назадъ, но на сколько всеобще было ихъ употребленіе, мы можемъ заключить изъ находимаго въ землѣ громаднаго количества орудій изъ остраго камня, служившихъ для выдѣлки кожъ (фиг. 54 *c.*). До послѣдняго времени патагонцы, наталкиваясь, во время своихъ переходовъ, на такое мѣсто, гдѣ можно было найти подходящій кремень или обсидіанъ, нагружались запасомъ кусковъ для выдѣлыванія изъ нихъ первобытныхъ кожевничьихъ скребковъ. Для того, чтобы мѣховая одежда или рубашка изъ оленьей шкуры не твердѣла при засыханіи, дикари искусно обдѣлываютъ кожу при помощи различныхъ процессовъ, вродѣ растиранія ея съ жиромъ или костнымъ мозгомъ и разминанія руками; они также коптятъ ее для сохраненія на долгое время. Такъ, сѣвероамериканцы умѣютъ изготовлять изъ оленьей кожи нѣчто похожее на то, что мы называемъ замшею. Но едва ли низшія расы могли научиться сами процессу настоящаго дубленія кожъ, при помощи древесной коры или дубильныхъ орѣшковъ, причемъ дубильная кислота образуетъ въ веществѣ кожи нерастворимыя сложныя соединенія, противустоящія измѣненію въ теченіи вѣковъ, такъ что въ нашихъ музеяхъ можно еще до сихъ поръ видѣть вполнѣ сохранившуюся вырѣзную и рельефную работу по дубленной кожѣ изъ древняго Египта. Въ такихъ наѣздническихъ странахъ, какова Мехико, продолжаютъ носить платье изъ кожи до настоящаго времени, между тѣмъ какъ въ Европѣ буйволовыя камзолы и охотничьи лосины уже исчезаютъ; но еще повсюду продолжаютъ признавать, что нѣтъ ничего лучше кожи для покрыванія ногъ. Надѣвая мѣха мы, въ нашемъ самомъ утонченномъ ком-

*

фортѣ, представляемъ любопытное сближеніе съ дикимъ обычаемъ первобытнаго міра.

Плетеніе лыка или стеблей растеній и дѣланіе цыновокъ или рогожъ суть столь простыя ремесла, что они оказываются хорошо извѣстными и дикарямъ. Въ жаркихъ странахъ цыновки оказываются весьма удобнымъ матеріаломъ для одежды; такъ, обитатели острововъ Южнаго Океана дѣлаютъ платье изъ плетеной травы, и это древнее искусство до сихъ поръ еще снабжаетъ цивилизованный міръ мужскими и женскими шляпами изъ соломы или стружекъ. Далѣе, если мы расдергаемъ кусокъ какой-нибудь ткани на части, мы увидимъ, что она въ сущности оказывается плетенкою изъ нитокъ. Слѣдовательно, чтобы понять процессъ тканія, мы должны начать съ дѣланія веревки или нитки. Сучить бичевки умѣетъ все человѣчество, но иные племена выполняютъ это гораздо болѣе грубымъ способомъ нежели тотъ, къ которому мы привыкли. Они берутъ растительное волокно, или шерсть, или волосъ, и скручиваютъ ихъ, катая между ладонями или одною рукою по бедру. Читатель не потеряетъ времени напрасно, если попробуетъ подражать этому процессу, ссучивъ двѣ пряди пакли и затѣмъ свивая ихъ въ одну бичевку при помощи обратнаго движенія. Во всякомъ случаѣ читатель найдетъ при этомъ, что ему потребовалось бы значительное упражненіе въ этомъ процессѣ прежде чѣмъ онъ дойдетъ до выполненія его съ такимъ искусствомъ, которое обнаруживаютъ, напримѣръ, австралійцы обрѣзывающіе волоса у своихъ женщинъ для изготовленія рыболовныхъ лесъ, или новозеландцы, изготовляющіе изъ туземнаго льна дюймъ за дюймомъ изящные и крѣпкіе снурки. Но высшія народности для пряденія нитокъ прибѣгаютъ къ механическому приспособленію, къ веретену; возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ дошли до его изобрѣтенія. Фиг. 69 показываетъ, какъ это могло случиться. На *a* изображена палочка съ перекладиною, представляющая простую шпульку или катушку, на которую австралійцы наматываютъ свои только что упомянутыя бичевки изъ волоса. Если бы теперь какому-нибудь изъ этихъ дикарей пришло въ голову закрѣпить свою нитку, продернувъ ее въ расщепъ на концѣ палочки, то онъ былъ бы въ состояніи замѣтить, что, придавая висящей катушкѣ вращательное движеніе, онъ можетъ заставить ее скрутить новую нитку гораздо скорѣе, чѣмъ это сдѣлалъ бы онъ самъ,

катая ее между руками. Австралійцы никогда не могли дойти до этой мысли. Но если мы взглянемъ въ томъ же рисункѣ на *b*, гдѣ изображена прядущая египтянка, то намъ станетъ очевидно, что веретено, подобное тому, съ которымъ она работаетъ, могло быть изобрѣтено путемъ употребленія простой катушки для этой новой цѣли. Подобныя веретена были извѣстны по всему древнему цивилизованному міру и въ числѣ самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, выкапываемыхъ близь древнихъ жилищъ встрѣчаются веретенныя вертушки изъ камня или терракотты, похожія на большія пуговицы: палка, продѣтая черезъ середину такой вертушки и составляла весь простой приборъ. Веретена можно видѣть еще и теперь въ рукахъ крестьянскихъ женщинъ въ Италіи или Швейцаріи.

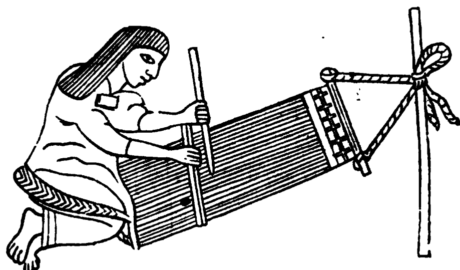

Фиг. 69. — *a* Австралійская катушка для наматыванія снурка, скрученнаго руками; *b*. Египтянка, прядущая съ веретеномъ.

Средневѣковая прялка представляла маленькую машину для управленія веретеномъ, а фабричный прядильный станокъ представляетъ древній инструментъ, снабженный еще болѣе новыми улучшеніями, гдѣ сто веретенъ въ рядъ быстро вертятся, приводимыя въ движеніе паровою силою и находясь подъ управленіемъ только одного работника.

Слѣдующій пунктъ представляетъ вопросъ, какимъ образомъ люди, добывъ нити или пряжу, научились ткать изъ нея матеріи. Какъ мы только что сказали, ткань представляетъ родъ цыновки, сдѣланной изъ нитокъ; но такъ какъ послѣднія не могутъ сами удерживаться вытянутыми подобно твердымъ камышевымъ стеблямъ, то приходится натягивать ихъ на рамѣ, откуда получается

основа, и затѣмъ обвивать ихъ поперечною нитью утка, продергивая и выдергивая ее при помощи пальцевъ или палочки, какъ это дѣлаетъ мехиканская дѣвушка на фиг. 70. Этотъ утомительный пріемъ до сихъ поръ еще оказывается наиболѣе подходящимъ для туземныхъ узоровъ ткача ковровъ. Но приспособленія для сбереженія времени были изобрѣтены уже въ весьма ранній періодъ. Уже древніе египетскіе рисунки показываютъ, что чередующіяся нити основы приподнимаются при помощи поперечныхъ перекладинъ такимъ образомъ, чтобы дозволить нити утка, несомой челнокомъ, пройти прямо поперегъ куска ткани съ одного толчка. Ткацкіе станки классической Греціи и Рима были весьма сходны съ египетскими, и въ теченіи среднихъ вѣковъ въ этомъ приборѣ было сдѣлано весьма мало улучшеній. Дѣйствительно, въ такихъ отдаленныхъ

Фиг. 70. — Ткущая дѣвушка съ ацтекскаго рисунка.

мѣстностяхъ, каковы, напримѣръ, Гебридскіе острова, туристъ до сихъ поръ еще можетъ видѣть старинный ткацкій станокъ коттеджей, который, за исключеніемъ своего горизонтальнаго положенія, дозволяющаго ткачу работать сидя, а не стоя, врядъ ли чѣмъ отличается отъ станка, за которымъ можно себѣ вообразить Пенелопу, когда она ткала свой знаменитый покровъ, который сама уничтожала по ночамъ. Улучшенія начались снова только около столѣтія тому назадъ, когда былъ изобрѣтенъ «самодвижущійся челнокъ», который вмѣсто того, чтобы толкать рукою, стали бросать при помощи пары рычаговъ или искусственныхъ рукъ. Въ недавніе годы этотъ усовершенствованный ткацкій станокъ перешелъ въ механическій, въ которомъ въ настоящее время, эту тяжелую работу, вмѣсто рукъ и ногъ ткача, стала выполнять паровая машина. Остроумное устройство Жакардова ткацкаго станка, съ его продыравленными кар-

дами, приводящими нити въ извѣстный порядокъ, сдѣлало возможнымъ тканіе даже ландшафтовъ и портретовъ.

Первобытный портной, *tailor*, или «кройщикъ» (*tailleur*) долженъ былъ не только кроить свои шкуры или кору придавая имъ извѣстную форму, но также и соединять куски посредствомъ жилъ или нитей. Эта техника шитья появляется еще среди дикарей, и въ своей наигрубѣйшей формѣ можетъ быть наблюдаема у жителей Огненной земли, которыя прокалываютъ гуанаковыя кожи при помощи остроконечной кости, продергиваютъ въ дыру нить и дѣлаютъ узелъ у каждаго отверстія. Среди племенъ, употребляющихъ для работы только подобныя костяныя шила или крѣпкіе шипы, шитье не можетъ пойти далѣе пріемовъ сапожника, который сначала дѣлаетъ рядъ дыръ и затѣмъ продѣваетъ въ нихъ и продергиваетъ нить. Но въ пещерахъ эпохи сѣвернаго оленя во Франціи были найдены и костяныя иглы съ ушками, такъ что возможно, что швеи мамонтоваго періода уже умѣли шить и вышивать мягкія шкуры, служившія для одежды. Съ наступленіемъ періода металловъ вошли въ употребленіе бронзовыя иглы, которыя можно видѣть во всѣхъ музеяхъ, а въ новѣйшія времена тонкія стальныя швейныя иглы сдѣлались примѣромъ того, какъ много выигрываетъ отдѣлка и дешевизна отъ раздѣленія труда, когда одна группа работниковъ занята исключительно оттачиваніемъ концовъ, другая просверливаетъ ушки и т. д. Но швейная игла по своему принципу остается все таки иглою древняго міра, и ручное шитье, удерживавшее свое мѣсто въ теченіи многихъ тысячъ лѣтъ, внезапно принуждено было конкуррировать съ работою новой швейной машины, которая дѣлаетъ швы гораздо быстрѣе и уже инымъ, въ механическомъ отношеніи, путемъ.

Взглянемъ теперь на формы одежды. Если бы мы не знали никакихъ другихъ костюмовъ, кромѣ носимыхъ нами теперь, то мы могли бы считать ихъ произведеніемъ чистой фантазіи въ гораздо большей степени нежели они оказываются въ дѣйствительности. По при внимательномъ разсмотрѣніи одежды различныхъ народовъ, мы найдемъ, что бóльшая часть ея представляетъ видоизмѣненіе нѣсколькихъ главныхъ родовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ спеціальное назначеніе при прикрытіи нашего тѣла Самую простую и, безъ сомнѣнія, самую раннюю одежду представляютъ накидки или

плащи, обматываемые вокругъ тѣла или набрасываемые на него, и если замѣтить, какъ они носятся, можно будетъ догадаться, какимъ путемъ они могли повести къ позднѣйшему употребленію одежды, приспособленной къ формамъ тѣла того, кто носитъ ее. Если начать съ наипростѣйшихъ накидокъ или плащей, шкура или покрывало, съ дырою въ серединѣ, составляетъ готовую одежду вродѣ пончо. При накидываніи плаща или покрывала на плечи, оно превращается въ одѣяніе, требующее закрѣпленія спереди или на одномъ плечѣ, чтобы оставить руку свободною. Такое застегиваніе можно произвести съ помощью шипа или костяной булавки, первобытной брошки *brooch*, что обозначаетъ вертелъ (французск. *broche*); въ настоящее время слово брошка употребляется для обозначенія болѣе цивилизованной металлической булавки съ предохранительною застежкою,— латинской *fibulae* или «закрѣпителя». Человѣку, одѣтому такимъ образомъ въ покрывало или простыню, стоитъ только поднять руки, чтобы показать намъ, какъ естественно должны были придти къ дѣланію рукавовъ путемъ сшиванія частей покрывала подъ руками. Далѣе, накидывая покрывало на голову и удерживая его подъ подбородкомъ, можно видѣть, какимъ образомъ головная часть могла превратиться въ капюшонъ, отбрасываемый къ зади, когда онъ не нуженъ. Когда нашли удобнымъ дѣлать капюшоны отдѣльно, возникли различные роды головныхъ уборовъ, мѣшкообразная форма которыхъ часто указываетъ на ихъ настоящее происхожденіе, что относится, напримѣръ, къ «дурацкому колпаку». Когда накинутый на плечи плащъ коротокъ, онъ образуетъ *cape* или *cope* католическихъ священниковъ; удлиняясь, онъ превращается въ *cloak* (шинель) и этимъ (англійскимъ) наименованіемъ онъ обязанъ своему сходству съ колоколомъ (французское *cloche*). Многія разновидности мантіи ради удобства выкраиваются по особенной формѣ; такъ, напр., тога, въ которую укутывался римлянинъ, имѣла форму полукруга. Однако начиная съ самаго изобрѣтенія ткацкаго искусства, извѣстныя одѣянія всегда носились прямо въ томъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ подъ ткацкаго станка, куда относятся, напримѣръ, шотландскій плэдъ и древняя восточная обвертка, до сихъ поръ еще извѣстная намъ подъ своимъ персидскимъ именемъ *шали*. Подобныя тканныя одежды обыкновенно сохраняютъ признакъ своего происхожденія въ видѣ

бахромы, которая, въ ея первоначальной формѣ, составлялась изъ оставшихся концовъ нитей основы, а когда эти нити связываются въ пучки, образуется кисточка. Другую большую группу одеждъ представляютъ туники, простую форму которыхъ можно видѣть въ древнегреческомъ женскомъ хитонѣ; его можно уподобить полотняному мѣшку, открытому съ обоихъ концовъ, и удерживаемому посредствомъ застежекъ на каждомъ плечѣ, такъ что остаются отверстія для рукъ. Туника, зашитая на плечахъ и обыкновенно снабженная рукавами, представляетъ самую универсальную цивилизованную одежду, будетъ ли она носиться, вися свободно, какъ рубашка, или будетъ стянута у таліи помощью кушака или пояса. Ея разнообразныя формы можно видѣть въ туникѣ солдата римскихъ легіоновъ и въ «красной рубашкѣ» гарибальдійскаго добровольца, въ обычной одеждѣ средневѣковаго дворянина, въ киттелѣ англійскаго крестьянина и въ блузѣ французскаго работника; наконецъ, она повела къ нашимъ современнымъ сюртукамъ и жилетамъ, которые суть туники, открытыя спереди и застегиваемыя на пуговицы. Одинъ изъ великихъ, сдѣланныхъ нашими предками, шаговъ въ личной чистоплотности и слѣдовательно, въ культурѣ, составляетъ принятіе въ число принадлежностей одежды полотняной туники, прилегающей къ тѣлу — «короткой одежды» (*short*) или рубашки (*shirt*). Кусокъ ткани, обернутый вокругъ тѣла и удерживаемый помощью пояса, составляетъ юбку; способъ, которымъ восточныя женщины закрѣпляютъ свой подолъ между ногами для удобства при ходьбѣ, указываетъ, какимъ образомъ были изобрѣтены панталоны. Панталоны носились многими древними народами; такъ ихъ носили, напримѣръ, сарматы, одежду которыхъ, похожую на современную намъ, можно видѣть на колоннѣ Траяна; а также галлы и бритты, изъ чего слѣдуетъ, что ошибочно называть современный шотландскій костюмъ «одеждою древняго Галла». Классическіе греки или римляне смотрѣли на *braccae* (англ. *breeches*) или *панталоны* какъ на нѣчто свойственное варварскому состоянію общества; цивилизованный міръ, однако, не принялъ ихъ имѣнія.

Эти замѣтки могутъ подать поводъ читателю къ внимательному просмотру книгъ о костюмахъ, которыя дѣйствительно полны любопытныхъ иллюстрацій того факта, что вещи вовсе не изобрѣтаются путемъ чистѣйшей фантазіи, но появляются лишь путемъ постепен-

ныхъ измѣненій уже существующаго. Для того, чтобы объяснить себѣ нашу современную нелѣпую цилиндрическую шляпу мы должны посмотрѣть, какъ она произошла, вслѣдствіе послѣдовательныхъ измѣненій, изъ конической шляпы пуританъ и изъ шляпы съ широкими опущенными полями приверженцевъ Стюартовъ, а эти послѣднія, въ свою очередь, отъ еще болѣе раннихъ формъ. Смыслъ ленты у основанія тульи шляпы можно найти въ томъ, что нѣкогда это былъ настоящій снурокъ для стягиванія простаго круглаго куска войлока, изъ котораго и состояла первобытная шляпа; а чтобы понять. почему наша цилиндрическая шляпа покрывается шелковою ворсою, должно припомнить, что это представляетъ подражаніе болѣе ранней шапкѣ изъ настоящаго боброваго мѣха, хорошо переносившаго дождь. Даже совершенно безполезные теперь швы и пуговицы на современномъ платьѣ (см. стр. 19—20) представляются подобными же отрывками прошлой исторіи.

Мы можемъ заключить эту главу описаніемъ лодокъ и кораблей. Начало мореплаванію положилъ тотъ человѣкъ, который, ухватившись за плавающій сукъ, нашелъ, что послѣдній въ состояніи поддерживать его на поверхности воды. Естественно, исторія не содержитъ никакихъ свидѣтельствъ о возникновеніи подобнаго искусства, тѣмъ не менѣе до сихъ поръ еще можно видѣть у дикарей самыя грубыя формы простаго пользованія плавающими предметами, устройства плотовъ и лодокъ; и даже цивилизованный путешественникъ, придя къ какой нибудь рѣкѣ или озеру, можетъ быть очень радъ употребить въ дѣло для переправы чурбанъ или связку тростника и сохранить такимъ образомъ сухими свое ружье и одежду. Сравнивая эти грубыя и случайныя средства съ приспособленіями, искусно и тщательно изготовляемыми для постояннаго употребленія, можно составить себѣ надлежащее понятіе о тѣхъ ступеняхъ, черезъ которыя прошла, развиваясь, техника кораблестроенія.

Ниже всего стоитъ употребленіе въ дѣло всякаго плавающаго предмета. Такъ, ребенокъ съ какого нибудь острова на Южномъ океанѣ отправляется въ воду съ нешелушеннымъ кокосовымъ орѣхомъ, за который онъ держится руками; или готтентотъ, при переправѣ своихъ козъ черезъ рѣку, поддерживаетъ свое тѣло, растянувшись на концѣ какого нибудь принесеннаго теченіемъ ивоваго

бревна, которое онъ называетъ своею «деревянною лошадью». Извѣстно, что австралійцы являлись на наши корабли, сидя верхомъ на бревнахъ, заостренныхъ по концамъ, и гребя руками, между тѣмъ какъ туземные рыболовы въ Калифорніи садятся на охапки тростника, связанныя на подобіе матросской койки. Какъ ни грубы послѣднія приспособленія, они во всякомъ случаѣ показываютъ, что эти люди уже замѣтили преимущества предмета съ острымъ носомъ передъ тупоконечнымъ бревномъ въ отношеніи движенія по водѣ. Во всѣхъ странахъ земнаго шара совершенствованіе предметовъ, служащихъ пособіемъ для плаванія, выражается прежде всего въ томъ, что въ этихъ предметахъ начинаютъ дѣлать углубленія для бо́льшаго удобства при плаваніи; такимъ путемъ они превращаются въ лодку. Одинъ изъ способовъ изготовленія послѣдней заключается въ выдалбливаніи бревна. Всякій, кому доводилось побывать внутри Америки, вѣроятно, не разъ переправлялся черезъ какой нибудь прудъ или рѣку въ подобномъ челнокѣ или выдолбнѣ (dug-out); испытавъ при этомъ, какая осторожность требуется для того, чтобы не дать цилиндру перевернуться на водѣ, можно понять, какимъ великимъ усовершенствованіемъ въ строеніи лодокъ было употребленіе киля для приданія судну бо́льшей устойчивости. Для дикарей, съ ихъ каменными топорами, выдалбливаніе бревна представляетъ дѣло весьма трудное, особенно когда дерево отличается значительною твердостью; поэтому они имѣютъ обыкновеніе прибѣгать къ помощи огня, зажигая древесный стволъ по требуемому направленію и вырубая обгорѣвшія части дерева. Колумбъ былъ пораженъ величиною подобныхъ судовъ, изготовленныхъ туземцами Вестъ-Индіи; въ своихъ письмахъ онъ упоминаетъ о многочисленныхъ челнахъ изъ твердаго дерева «multas scaphas solidi ligni», изъ которыхъ иные были настолько велики, что могли вмѣщать отъ семидесяти до восьмидесяти гребцовъ. Испанцы приняли въ свой языкъ гаитійское названіе этихъ челновъ *canoa*, откуда произошло и наше каноэ. Однако этотъ челнокъ или если употребить греческое слово для челнока, *monoxyle* (однодеревка) былъ хорошо извѣстенъ и въ другихъ варварскихъ странахъ и былъ распространенъ въ Европѣ въ доисторическія времена, какъ это можно видѣть изъ образцовъ, находящихся въ музеяхъ и сохранившихся благодаря торфу или песку, въ которыхъ они были най-

дены. Даже вышеупотребленное латинское слово *scapha* содержитъ въ себѣ свидѣтельство объ этой ранней ступени судостроенія; это—греческое слово *scaphe*, которое столь точно соотвѣтствуетъ, по своему значенію, термину *выдолбни* (*dug-out*), что оно можетъ быть только очевиднымъ остаткомъ отъ того времени, когда лодки дѣйствительно выдалбливались изъ плотныхъ сплошныхъ древесныхъ стволовъ; этимъ словамъ родственны и англійскія *skiff* или *ship* (корабль); связующая линія въ названіяхъ сохраняется, стало быть, отъ начала до конца. Другой весьма простой методъ изготовленія лодки можно наблюдать у австралійцевъ; гдѣ человѣкъ сдираетъ слой коры съ деревьевъ, обладающихъ вязкими волокнистыми покровами, связываетъ его по концамъ и гребетъ, сидя въ этомъ импровизированномъ челнокѣ изъ коры. Однако, если ему нужно употребить этотъ челнъ болѣе чѣмъ одинъ разъ, онъ сшиваетъ концы его и вставляетъ деревянныя перекладины или распорки для того, чтобы челнокъ сохранялъ свою форму. Такимъ образомъ появляется челнокъ изъ коры, не безъизвѣстный въ Азіи и Африкѣ, но своего высочайшаго совершенства онъ достигаетъ въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ его остовъ изготовляется изъ кедра и гдѣ онъ состоитъ изъ слоевъ березовой коры, сшитыхъ волокнистыми кедровыми корнями. Подобные челноки и до сихъ поръ еще въ полномъ ходу въ округахъ вродѣ территоріи Гудзонова залива, гдѣ они хорошо принаровлены къ прерывающемуся судохожденію—гдѣ рѣчные пороги часто дѣлаютъ необходимымъ вытаскиваніе и волоченіе лодки съ грузомъ по землѣ, или гдѣ приходится дѣлать переходъ сухимъ путемъ съ одной рѣки на другую. Техническое начало челноковъ изъ шкуры остается тѣмъ же самымъ, съ употребленіемъ только кожи вмѣсто коры. О сѣверо-американскихъ индѣйцахъ извѣстно, что, переправляясь черезъ рѣки, они обращаютъ шкуры со своихъ палатокъ въ суда, при помощи вставленія нѣсколькихъ суковъ для поддержанія шкуръ растянутыми. Врядъ ли выше этого стоятъ круглыя, обшитыя кожею, лодки изъ вѣтвей, употреблющіяся въ Мессопотаміи, и переносныя рыбачьи лодки древнихъ бриттовъ. На Севернѣ и Шаннонѣ рыбаки и до сихъ поръ еще отправляются къ рѣкѣ, неся на спинѣ свои лодки, изготовляемыя теперь изъ смоленой парусины на рамахъ, но во всемъ остальномъ слѣдующія древнему образцу. Эскимосскій каякъ снаб-

женъ рамами изъ кости или дерева, на которыя натягиваются тюленьи шкуры, превращающія его въ водоупорную спасительную бочку; одѣтый въ шкуры гребецъ можетъ даже нагибать каякъ во всѣ стороны и снова устанавливать въ надлежащемъ положеніи. Наши современные такъ называемые *каноэ* представляютъ простое подражаніе каяку, изготовляемое изъ дерева.

Далѣе, когда варваръ-судостроитель приходитъ къ улучшенію выдолбленнаго челнока, придѣлавъ или привязавъ къ нему тонкія планки въ качествѣ шкафута, или изготовляя всю свою лодку посредствомъ сбиванія тонкихъ досокъ, наложенныхъ на раму или остовъ, замѣняя ими прежнюю кожу или слой коры, онъ подводитъ свое судно еще на шагъ ближе къ нашимъ обыкновеннымъ лодкамъ. Подобныя сшитыя суда прежде были—а нерѣдко и остались – самымъ обыкновеннымъ туземнымъ судномъ отъ Африки сплошь до Малайскаго архипелага. Тихоокеанійскіе челноки, сшитые такимъ образомъ при помощи веревокъ изъ волоконъ кокосоваго орѣха, и притомъ сшитые столь аккуратно, что швы остаются почти незамѣтными для глаза, представляютъ собою чудо плотничьей работы варварской цивилизаціи. Въ Оманскомъ заливѣ люди обыкновенно переправлялись на острова, гдѣ ростутъ кокосовыя пальмы, со своими орудіями, срубали нѣсколько пальмъ, распиливали дерево на доски, сшивали ихъ веревками, свитыми изъ пальмовой коры, дѣлали паруса изъ пальмовыхъ листьевъ, нагружали только что сдѣланныя суда орѣхами и затѣмъ отплывали на нихъ домой.

Прежде, чѣмъ перейти къ кораблямъ цивилизованныхъ народовъ. взглянемъ снова на минуту на болѣе грубые плоты. Два или три бревна, скрѣпленныя вмѣстѣ, образуютъ плотъ, который хотя и отличается неуклюжестью при своемъ движеніи, имѣетъ ту выгоду, что онъ не опрокидывается и можетъ поднимать тяжелый грузъ. Во время открытія Перу, испанцы были изумлены, встрѣтивъ въ открытомъ океанѣ туземный плотъ, шедшій на парусахъ. Плоты. перевозящіе товары по Ефрату и Тигру, поддерживаются на поверхности воды при помощи надутыхъ воздухомъ овечьихъ шкуръ; въ концѣ путешествія плотъ разбираютъ и лѣсъ продаютъ, такъ что назадъ возвращаются только однѣ овечьи шкуры, чтобы послужить и въ другой разъ. Еще болѣе совершенною экономіею отличаются плоты, ходящіе по Нилу и поддерживаемые на водѣ

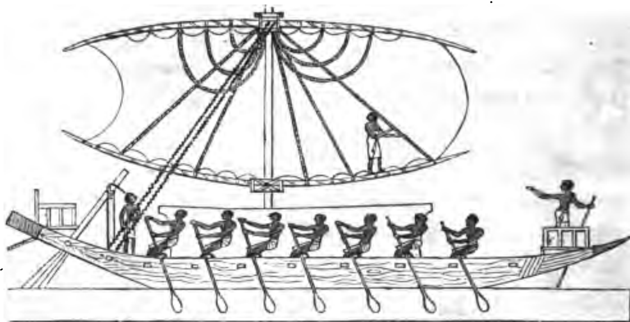
при помощи глиняныхъ горшковъ, предназначаемыхъ для продажи на базарѣ; такимъ образомъ, назадъ здѣсь не возвращается ничего. Плоты изъ строеваго лѣса, вродѣ гоняемыхъ по Рейну, удобны только для сплава дерева внизъ по рѣкѣ. Но когда плотъ приходится гнать по водѣ при помощи веселъ или парусовъ, его сопротивленіе оказывается чрезмѣрно, и фиджійцы, на ряду съ другими островитянами, пришли къ мысли, что плотъ, составленный изъ двухъ параллельныхъ бревенъ, соединенныхъ поперечными шестами и поддерживающій возвышенную платформу, долженъ ходить съ бо́льшею легкостью. Разсматривая это простое сооруженіе, можно придти къ основательному заключенію, что оно повело къ изобрѣтенію лодки съ утлегаремъ, которая была извѣстна древней Европѣ, а въ настоящее время господствуетъ въ Тихомъ Океанѣ и до самаго Цейлона. Одно изъ двухъ бревенъ представляется теперь самою лодкою, другое остается какъ утлегарное бревно, прикрѣпленное къ концамъ двухъ торчащихъ шестовъ, такъ чтобы сдѣлать все судно болѣе устойчивымъ въ вѣтряную погоду. Или и оба бревна могутъ превратиться въ лодки, причемъ платформа все таки сохраняется; тогда мы получаемъ полинезійскій двойной челнокъ, принципомъ котораго недавно воспользовались для постройки двойнаго парохода, чтобы сдѣлать болѣе пріятнымъ переѣздъ между Дувромъ и Кале.

Переходимъ теперь къ способамъ, которыми лодки приводятся въ движеніе по водѣ. Происхожденіе гребли ясно видно изъ примѣра австралійца, сидящаго на своемъ остроконечномъ бревнѣ и гребущаго руками, или изъ примѣра рыбаковъ на Верхнемъ Нилѣ, подвигающихъ впередъ, при помощи своихъ ногъ, связку изъ прутьевъ, на которой они сидятъ верхомъ. Первобытный деревянный гребокъ, по своей формѣ и выполненію работы, подражающій ладони или стопѣ, хорошо извѣстенъ дикарямъ, которые, большею частью употребляютъ одинъ гребокъ съ плоскимъ или лопатообразнымъ концомъ; особенную усовершенствованную форму представляетъ двуконечный гребокъ, заимствованный нашими любителями гребли на челнокахъ у эскимосовъ. Гребокъ, которымъ свободно дѣйствуютъ, или погружая его въ воду или слегка касаясь ея, всего удобнѣе для узкаго челнока изъ коры или для выдолбленнаго бревна, но для большаго судна онъ оказывается весьма

грубымъ приборомъ, если его сравнить съ цивилизованнымъ весломъ, которое представляетъ рычагъ, опирающійся на точку опоры и дозволяющій вслѣдствіе этого употребленіе большаго количества силы гребца и болѣе ровную греблю. Различіе между варварскимъ и цивилизованнымъ знаніемъ механическихъ принциповъ становится хорошо замѣтнымъ при сравненіи большаго каноэ съ островов Тихаго Океана съ двадцатью гребцами, какъ бы роющими воду, съ одною изъ нашихъ восьмивесельныхъ лодокъ. Можетъ быть, самое простое представленіе о парусѣ можно найти въ очеркѣ Кэтлина, который разсказываетъ, что сѣверо-американскіе индѣйцы, стоя каждый въ своемъ каноэ, держатъ въ распростертыхъ рукахъ свои покрывала, нижній конецъ которыхъ привязанъ къ ихъ ногамъ,— и такимъ образомъ движутся по вѣтру. Наигрубѣйшій настоящій парусъ, употребительный повсюду, представляетъ цыновка или кусокъ ткани, удерживаемый за верхніе углы при помощи двухъ, служащихъ подпорками, палокъ, и закрѣпленный внизу, или поддерживаемый вертикальнымъ шестомъ съ поперечною перекладиною, которые изображаютъ первобытную мачту и рею. Отсутствіе парусовъ на лодкахъ у низшихъ племенъ приходится видѣть столь часто, что было бы весьма трудно допустить у ихъ предковъ знаніе искусства хожденія на парусахъ. Безъ всякаго сомнѣнія, оно сохранилось бы и до сихъ поръ, если бы оно было извѣстно этимъ предкамъ, ибо способъ сбереженія такого большаго количества труда съ употребленіемъ столь малыхъ усилій, не могъ бы легко исчезнуть изъ человѣческаго ума. Болѣе вѣроятнымъ представляется, что изобрѣтеніе паруснаго судна принадлежитъ нѣкоторому періоду, когда цивилизація уже подвинулась значительно впередъ. Тѣмъ не менѣе этотъ періодъ относится къ весьма глубокой древности.

Вплоть до этого пункта исторія не оказываетъ намъ никакой помощи при изслѣдованіи вопроса, какимъ образомъ начали свое существованіе болѣе простые роды лодокъ. Не только ихъ возникновеніе большею частью лежитъ за предѣлами историческихъ свидѣтельствъ, но даже къ тому времени, когда начинается настоящая исторія, мы уже находимъ, что древніе народы умѣли строить болѣе сложныя суда, снабженныя килемъ и ребрами или кокорами, и обшитыя тесомъ при помощи гвоздей—словомъ, представляющія

непосредственныхъ предшественниковъ нашихъ кораблей. Возможно, что первоначальнымъ центромъ, откуда распространилась по міру техника высшаго кораблестроенія, былъ Египетъ или какая нибудь другая мѣстность въ этой области древней культуры Стараго Свѣта. Весьма поучительно внимательно присмотрѣться къ древнему египетскому судну (фиг. 71), изображенному на стѣнѣ одной ѳивской гробницы, и замѣтить, въ какой степени обладаетъ оно находящимися въ зачаточномъ состояніи частями, которыя мы признаемъ принадлежностью вполнѣ развившагося корабля. Какъ это было обыкновенно, оно представляетъ комбинацію гребной галеры и паруснаго судна. Гребцы сидятъ на поперечныхъ скамьяхъ, дѣйствуя веслами, продѣтыми черезъ петли, между тѣмъ какъ на

Фиг. 71. Древнее нильское судно съ рисунка на стѣнѣ въ Ѳивахъ.

кормѣ дѣйствуетъ большое рулевое весло, представляющее собою предка нашего руля (оно обыкновенно бывало простымъ весломъ, что и означалось первоначально его англійскимъ названіемъ rudder, подобно нѣмецкому *Ruder*). Видна также мачта, поддерживаемая подпорками, и несущая реи съ веревками, оснащенными для подниманія рей и для крѣпленія парусовъ. Бакъ и ютъ уже представлены возвышенными пристройками на палубѣ. На египетскихъ изображеніяхъ военныхъ кораблей можно видѣть, что эти возвышенія служили помѣщеніемъ для стрѣлковъ изъ лука, между тѣмъ какъ сражающіеся солдаты были также защищены сзади особымъ прикрытіемъ; существовало даже «воронье гнѣздо» на вершинѣ мачты, служившее мѣстомъ для пращниковъ, откуда они метали камни въ непріятеля; отсюда происходитъ и наше названіе «mast-

head», голова на мачтѣ или *топъ мачты.* Сравнивая египетскія суда съ древними галерами и кораблями Средиземнаго моря—финикійскими ли, греческими или римскими — невозможно представить себѣ, чтобы эти послѣдніе получились путемъ самостоятельнаго изобрѣтенія; семейное сходство между всѣми ими слишкомъ велико для этого. Даже переходя къ отдаленнымъ странамъ, мы находимъ изумительное сходство между судами, до сихъ поръ употребляемыми на Гангѣ, и древними нильскими лодками; а глазъ Озириса, нарисованный на египетской похоронной баркѣ, перевозившей мертвыхъ черезъ озеро къ западному мѣсту погребенія, могъ впервые повести къ изображенію глазъ, какъ украшеній на носахъ судовъ, отъ барокъ въ Лаваллетской пристани на западѣ, до джонокъ Кантона на востокѣ. Слѣдя за ходомъ развитія древнихъ морскихъ судовъ въ новыя, мы замѣчаемъ, что отъ времени до времени появляются новыя приспособленія, вродѣ металлической обшивки для защиты досокъ отъ сверлильщика (teredo), желѣзнаго якоря съ лапами вмѣсто прежняго большаго камня, шпиля для поднятія якоря изъ воды и т. д. Большее количество мачтъ и стеньгъ стало служить для большаго количества парусовъ, и гребцы, расположенные въ нѣсколько ярусовъ, приводили въ движеніе классическія биремы и триремы. Военная галера продолжала существовать въ венеціанскомъ флотѣ почти до нашего времени; употребленіе ея, вопреки ея дурному мореходному качеству, поддерживалось ради ея способности налетать на безпомощныя въ затишье парусныя суда. Галерные каторжники, дѣйствовавшіе громадными веслами, состояли изъ плѣнныхъ или преступниковъ, и хотя французскія галеры уже болѣе не служатъ для каторжныхъ работъ, все таки терминъ «*galérien*» или галерный каторжникъ продолжаетъ означать вообще каторжника. Громадное усовершенствованіе европейскихъ парусныхъ судовъ въ средніе вѣка въ значительной степени зависѣло отъ одного изобрѣтенія, заимствованнаго съ далекаго востока—именно отъ введенія морскаго компаса. Корабли, курсъ которыхъ можно было теперь направлять даже при далекомъ плаваніи въ открытомъ морѣ, улучшились въ постройкѣ и оснащиваніи, между тѣмъ какъ военные корабли, со многими палубами, вооруженными нѣсколькими рядами пушекъ, превратились въ настоящія пловучія крѣпости. Наконецъ, въ те-

ченіи настоящаго столѣтія къ приведенію кораблей въ движеніе была примѣнена дѣйствующая изнутри паровая сила; колесо съ лопатками или винтъ, фактически замѣнили старинные ряды гребцовъ, а къ измѣнчивой силѣ вѣтра въ настоящее время прибѣгаютъ только какъ къ временному средству сбереженія топлива. Нѣтъ необходимости описывать измѣненія, которыя произведены въ постройкѣ военныхъ кораблей введеніемъ современной обшивки бронею и громадныхъ пушекъ, но даже эти перемѣны достаточно ясно свидѣтельствуютъ, какъ онѣ выработались путемъ послѣдовательныхъ переходовъ изъ первобытнаго челнока.

ГЛАВА XI.

Житейская техника. (Окончаніе).

Огонь.—Приготовленіе пищи: хлѣбъ и пр.—Напитки.—Топливо.—Освѣщеніе.—Сосуды; горшки. — Стекло.—Металлы.—Бронзовый и желѣзный вѣкъ.—Обмѣнъ.—Деньги.—Торговля.

Намъ слѣдуетъ теперь разсмотрѣть огонь и его употребленіе. Человѣкъ понимаетъ значеніе огня и обращается съ нимъ такими способами, которые находятся далеко за предѣлами умственныхъ способностей низшихъ животныхъ. Существуетъ старый разсказъ, какъ въ лѣсахъ тропической Африки, когда путешественники уходили утромъ и оставляли горѣть свой костеръ, огромныя человѣкоподобныя обезьяны, называемыя понго (вѣроятно, наши гориллы), приходили и садились около горящихъ полѣньевъ, пока послѣднія не сгорали окончательно; у нихъ не оказалось достаточно сообразительности, чтобы поддерживать огонь подкладываніемъ новыхъ дровъ. Этотъ разсказъ часто приводится для противопоставленія человѣческаго ума тупости даже самыхъ высшихъ обезьянъ. Безъ сомнѣнія, и до появленія человѣка на землѣ бывали лѣсные пожары, когда молнія или потокъ лавы зажигали деревья. Но изъ всѣхъ существъ лишь человѣкъ зналъ, какъ управлять огнемъ, какъ переносить его съ мѣста на мѣсто, въ видѣ горящихъ головней и какъ добыть его снова, когда онъ потухъ. Повидимому, нельзя найти ни одного столь низко стоящаго племени, которое обходилось бы безъ огня. Въ известняковыхъ пещерахъ, между остатками мамонтоваго періода были найдены погребенными и куски древеснаго угля, и обожженныя кости; это доказываетъ, что даже въ эту отдаленную эпоху грубые пещерные люди разводили огонь для приготовленія себѣ пищи и для согрѣванія себя.

*

Что касается до искусства добыванія огня, то способъ дикарей большею частью состоялъ въ треніи двухъ кусковъ дерева одинъ о другой, и путешественники могутъ наблюдать этотъ простой пріемъ и до сего времени. Ручное сверло для добыванія огня состоитъ изъ палки, вродѣ древка стрѣлы, срѣзанной и закругленной на концѣ. Ее вращаютъ, наподобіе мѣшалки для приготовленія шоколада, между руками (передвигаемыми кверху, когда онѣ спускаются слишкомъ низко) такъ быстро и такъ сильно нажимая ее, чтобы высверлилось углубленіе въ нижнемъ кускѣ дерева, пока не воспламенится обуглившійся порошокъ, полученный при сверленіи. Фиг. 72 изображаетъ бушмэна, высверливающаго огонь подобнымъ образомъ, въ то время, какъ его товарищъ приготовляетъ зажигательный трутъ. Полинезійскій способъ отличается отъ

Фиг. 72. Бушмэны, высверливающіе огонь (по Чэпмэну)

бушмэнскаго, и состоитъ въ треніи заостренною палкою по дѣлаемой ею самою бороздѣ въ нижнемъ кускѣ дерева. Тѣмъ или другимъ способомъ можно добыть огонь въ нѣсколько минутъ, но для этого необходимы сноровка и надлежащій выборъ дерева, и кому либо изъ насъ едва ли удалась бы подобная попытка. Для облегченія труда иные народы давно уже ввели механическое усовершенствованіе простаго сверла дикаря, вращая его при помощи ремня, обвитаго нѣсколько разъ вокругъ палки, и дергая концы ремня взадъ и впередъ; точно также небезъизвѣстно вращеніе палки при помощи смычка, на подобіе обыкновеннаго смычковаго дриля, употребляющагося въ нашихъ мастерскихъ. И въ томъ и въ другомъ случаяхъ необходимо приставить къ верхушкѣ сверла кусокъ дерева для того, чтобы нажимать его (но не слишкомъ сильно) на нижнюю его подставку.

У цивилизованныхъ народовъ старинное сверло для добыванія огня уже въ древнія времена уступило мѣсто лучшимъ приспособленіямъ, особенно кремню и стали. Но хотя оно и исчезло изъ обыденной практической жизни, оно до сихъ поръ поддерживается ради обрядовыхъ цѣлей. Какъ уже было упомянуто (стр. 20), брахманы до сихъ поръ «бьютъ масло» сверломъ, управляемымъ снуркомъ изъ волоса, когда добываютъ чистый божественный огонь для своихъ жертвоприношеній, и такимъ образомъ благочестиво поддерживаютъ старинное орудіе, бывшее въ употребленіи у раннихъ арійцевъ въ обыденной жизни. У древнихъ римлянъ также имѣло мѣсто подобное переживаніе остатковъ отъ прошлаго состоянія этой техники; именно въ законѣ, по которому если весталка давала потухнуть священному огню, то его должно было добывать снова при помощи сверленія деревянной доски. Это древнее искусство продолжало существовать даже и въ Европѣ до нашихъ дней, когда вѣрующіе находили себя вынужденными добывать «живой огонь» [1]), при помощи котораго, во время скотскаго падежа, крестьяне во многихъ странахъ зажигали костры, чтобы прогонять черезъ нихъ лошадей и скотъ для спасенія ихъ отъ чумы. Этотъ обрядъ, унаслѣдованный отъ религіи, предшествовавшей христіанскимъ временамъ, требуетъ новаго огня добытаго по способу дикарей путемъ тренія, а не обыкновеннаго огня съ домашняго очага. Послѣдній «живой огонь» въ Великобританіи, о которомъ существуютъ свидѣтельства, вѣроятно, былъ разведенъ въ Пертѣ въ 1826 году, но въ Швеціи и другихъ странахъ можно наблюдать подобные огни еще и теперь, во время появленія холеры или другой заразы. Въ прошломъ вѣкѣ былъ изданъ законъ, запрещавшій суевѣрное добываніе огня помощью тренія въ Іэнчэпингѣ—какъ разъ въ томъ самомъ округѣ, который теперь прославился своими дешевыми *tandstickor* или зажигательными палочками, то есть спичками. Такъ замѣчательно иногда сходятся крайности цивилизаціи на бѣломъ свѣтѣ.

Сверло для добыванія огня представляетъ средство превращенія механической силы въ теплоту, пока не будетъ достигнута точка

---

[1]) О «живомъ огнѣ» у славянъ, см. *А. Афанасьева*: «Поэт. воззр. славянъ на природу» (М. 1868) т. II, стр. 18 и слѣд. *Прим. ред.*

воспламененія дерева. Но все, что требуется въ дѣйствительности, это тлѣющая горячая частичка или искра, а она можетъ быть гораздо легче получена при помощи другихъ способовъ. Отколоть кусокъ желѣзнаго колчедана, подобраннаго на морскомъ берегу, и высѣкать изъ него на трутъ искру посредствомъ удара кускомъ кремня—есть способъ добыванія огня, стоящій далеко выше употребленія деревяннаго сверла. Онъ былъ извѣстенъ инымъ дикарямъ новѣйшаго времени, въ томъ числѣ даже жалкимъ туземцамъ Огненной Земли; равнымъ образомъ и доисторическимъ людямъ Европы, какъ это видно по кускамъ колчедана, находимымъ въ ихъ пещерахъ; а также — что само собою разумѣется — и древнему цивилизованному міру, о чемъ свидѣтельствуетъ самое греческое наименованіе этого минерала — *purites* или «огненный». Стоитъ замѣнить его кускомъ желѣза, и мы получимъ кремневое огниво со сталью—обыкновенный зажигательный снарядъ у народовъ отъ вступленія ихъ въ желѣзный вѣкъ до новѣйшихъ временъ. Но даже и этотъ способъ въ настоящее время настолько вышелъ изъ употребленія, что старинная кухонная коробка съ зажигательнымъ снарядомъ—съ кремнемъ и кускомъ стали въ формѣ буквы U и гасильникъ для приготовленія трута изъ кусковъ жженаго полотна для зажиганія имъ сѣрнаго фитиля,—сдѣлалась рѣдкостью, заслуживающею того, чтобы читатель пріобрѣлъ ее, если онъ случайно наткнется на нее въ какомъ нибудь домѣ фермера. Врядъ ли требуется упоминать здѣсь также о зажигательныхъ стеклахъ и о вогнутомъ зеркалѣ, которыя были извѣстны древней Греціи, а также о деревянномъ сгущающемъ насосѣ (весьма похожемъ на описываемый въ нашихъ руководствахъ къ физикѣ), употребительномъ въ Китаѣ; эти вещи скорѣе любопытны, нежели важны въ практическомъ отношеніи. Совершенно иначе стоитъ дѣло съ изобрѣтеніемъ фосфорныхъ спичекъ, относящимся приблизительно къ 1840 году. Дѣйствіе спички основывается на воспламененіи фосфора вслѣдствіе тренія; головка обыкновенной спички представляетъ легко воспламеняющійся составъ, содержащій селитру или бертолетову соль, воспламеняемыя, примѣшанными къ нимъ частичками фосфора, а въ безопасныхъ спичкахъ эти частицы фосфора помѣщаются не въ головку спички, а на коробкѣ, о которую чиркаютъ спичку.

На низкихъ уровняхъ цивилизаціи хижина часто бываетъ такъ мала, что огонь приходится разводить на дворѣ, но когда жилище становится помѣстительнымъ, огонь разводится на твердо-утоптанной землѣ посрединѣ хижины, причемъ дыму предоставляется отыскивать себѣ выходъ наружу черезъ дверь и щели: Тѣ, кому доводилось проводить ночь лежа на землѣ, ногами къ огню въ такомъ жилищѣ, знаютъ, какое мѣсто огонь занимаетъ въ числѣ удобствъ варвара, и на сколько увеличился этотъ комфортъ, когда строители озаботились продѣлать въ кровлѣ отверстіе для дыма и затѣмъ пришли къ настоящей дымовой трубѣ. Начиная съ этого пункта, исторія искусственнаго согрѣванія жилищъ открывается передъ нами съ такою ясностью, что не нуждается ни въ какихъ длинныхъ описаніяхъ. Отъ огня изъ нѣсколькихъ хворостинъ на очагѣ хижины мы переходимъ къ обширнымъ очагамъ въ залахъ землевладѣльческихъ сельскихъ домовъ съ ихъ каминными тамбами въ средневѣковомъ вкусѣ. Затѣмъ появляется огонь отъ каменнаго угля на открытыхъ рѣшоткахъ, закрытыя печи и приспособленія для согрѣванія дома токами горячей воды или горячаго воздуха, обращающимися по системѣ трубъ.

Отъ отопленія мы переходимъ къ приготовленію пищи. Примѣненіе высокой температуры къ приготовленію пищи, разрывая клѣтки и размягчая ткани для облегченія жеванія, оказываетъ важную помощь пищеваренію, ибо оно сберегаетъ энергію, которую пришлось бы затратить на ассимиляцію сыраго мяса или сырыхъ овощей. На самомъ дѣлѣ для человѣка не существуетъ невозможности питаться сырою пищею; можетъ быть, самое рѣзкое приближеніе къ сыроядѣнію можно найти на нѣкоторыхъ коралловыхъ островахъ Тихаго Океана, гдѣ сырая рыба и кокосовые орѣхи составляютъ главнѣйшую часть туземной діэты. Низшія племена, особенно скитальцы пустынь, вродѣ австралійцевъ, ѣдятъ насѣкомыхъ, червей, слизняковъ и мелкихъ пресмыкающихся въ томъ сыромъ видѣ, въ какомъ они ихъ находятъ; наблюдали и жителей бразильскихъ лѣсовъ, какъ они, въ подражаніе муравьѣду, втыкаютъ палку въ муравейникъ и даютъ муравьямъ взбѣгать по ней прямо имъ въ ротъ. Подобные пріемы шокируютъ европейцевъ, которые, впрочемъ, не питаютъ никакого отвращенія къ устрицамъ и сырнымъ клещамъ, такъ какъ они къ нимъ при-

выкли. Однако, эти грубыя племена умѣютъ приготовлять пищу, что, впрочемъ, умѣетъ въ сущности дѣлать все человѣчество, такъ что общеизвѣстное опредѣленіе человѣка какъ «приготовляющаго себѣ пищу животнаго», не имѣетъ никакихъ доказанныхъ исключеній ни въ древности, ни въ современномъ мірѣ. Цивилизованные народы настолько полно вступили на этотъ путь содѣйствія природѣ, что приготовляютъ почти все употребляемое ими въ пищу; они удерживаютъ первобытную привычку только относительно орѣховъ, ягодъ и другихъ плодовъ, которые они употребляютъ въ сыромъ видѣ, ибо это болѣе пріятно для вкуса. Употребленіе въ пищу сыраго мяса долго считали признакомъ низкой культуры; такъ, объ эвританахъ внутренней Греціи Ѳукидидъ упоминаетъ какъ о самыхъ невѣжественныхъ по ихъ рѣчи и какъ говорятъ сыроѣдовъ («omophagoi»). Даже туземныя племена Новой Англіи были поражены этимъ обыкновеніемъ скитающейся расы далекаго сѣвера, которую они, согласно этому, назвали *eskimantsie*, или «ѣдоками сыраго мяса»—имя, которое эти люди и теперь носятъ въ его французской формѣ *esquimaux* (эскимосы).

Наиболѣе грубые способы приготовленія пищи можно наблюдать, конечно, у дикарей, которые обжариваютъ мясо на горящихъ полѣньяхъ, или жарятъ его, втыкая на первобытный вертелъ, на остроконечную палку, наклонно воткнутую надъ огнемъ; или зарываютъ его въ горячую золу, какъ дѣлаютъ наши мальчики съ каштанами или картофелемъ. Изъ этого послѣдняго способа происходитъ изобрѣтеніе печи, которая въ своей наипростѣйшей формѣ можетъ представлять или зажженное и тлѣющее внутри полое дерево, или яму, вырытую въ землѣ и растапливаемую дровами, куда часто, чтобы помочь печенію, помѣщаютъ еще нѣсколько раскаленныхъ до красна камней. Бразильскія племена устанавливаютъ четыре столба, съ рѣшоткою изъ вѣтвей между ними, на которую они кладутъ дичь и рыбу, и подъ которою они разводятъ медленный огонь. Мясо, изготовляемое на подобной «коптильнѣ» (*boucan*) можетъ сохраняться весьма долгое время; пираты Вестъ-Индіи имѣли обыкновеніе приготовлять такимъ путемъ свои запасы мяса, откуда и происходитъ слово *bucaneer* (морской разбойникъ). Сѣвероамериканскимъ племенамъ, охотящимся за буйволами, принадлежитъ изобрѣтеніе *pemmican*'а, сушенаго и измель-

ченнаго мяса для продолжительнаго храненія, между тѣмъ какъ во многихъ странахъ міра люди умѣютъ высушивать пластинки или ремни мяса, подвергая ихъ горячимъ лучамъ солнца; это мясо называется «вяленымъ» и годно для храненія. Мы только что упомянули объ употребленіи горячихъ камней для печенія. Отсюда могло произойти важное искусство варки пищи. Во многихъ частяхъ свѣта, среди племенъ, не умѣющихъ дѣлать глиняныхъ горшковъ, существуетъ лѣбопытное искусство варки съ помощью камней, представляющее родъ печенія съ прибавкою воды. Ассинабоны Сѣверной Америки получили свое наименованіе, означающее «камневарителей», отъ своего стариннаго обыкновенія вырывать яму въ землѣ, выстилать ея бока кускомъ шкуры убитаго животнаго и затѣмъ помѣщать въ нее мясо съ водой и съ горячими камнями для кипяченія воды. Племена далекаго запада дѣйствительно ухитряются при помощи до-красна раскаленныхъ камней варить супъ изъ семги и слизняковъ въ своихъ корзинахъ, сдѣланныхъ изъ часто сплетенныхъ корней канадской сосны. Процессъ варки или кипяченія съ помощью камней продолжалъ употребляться даже и въ Европѣ, гдѣ его находили удобнымъ для нагрѣванія воды въ деревянныхъ сосудахъ. Линней, во время своего путешествія по сѣверу, нашелъ, что ботландское населеніе варило мясо именно по этому способу, и «грубый корингійскій мужикъ» и по сю пору пьетъ подобное «каменное пиво», какъ оно и называется въ дѣйствительности. Кипяченіе или вареніе на огнѣ становится легкимъ, какъ скоро у стряпухъ появляются глиняные горшки и металлическіе котлы. Тѣмъ не менѣе любопытно отмѣтить отсутствіе вареныхъ блюдъ въ трапезахъ героевъ у Гомера, гдѣ говорится такъ много о частяхъ мяса, воткнутыхъ на вертелы для жаренія, и гдѣ мстительный Одиссей, ворочающійся на своемъ ложѣ, уподобляется старательному жарильщику, ворочающему начиненный бычачій желудокъ передъ пылающимъ огнемъ. Иначе было у древнихъ норманновъ, ибо въ Эддѣ разсказывается, какъ воины пируютъ каждую ночь въ Валгаллѣ, угощаясь вареным мясомъ кабана Зеремнира, котораго ежедневно кипятятъ въ огромномъ котлѣ и который снова возвращается къ жизни, чтобы послужить для охоты на завтра.

Наипростѣйшіе способы хлѣбопеченія, повидимому, появившіеся

одновременно съ самымъ раннимъ воздѣлываніемъ хлѣбныхъ злаковъ, на столько хорошо соотвѣтствуютъ нѣкоторымъ цѣлямъ, что ихъ можно видѣть еще и теперь почти безъ всякой перемѣны. Такъ, въ какомъ нибудь сельскомъ котэджѣ на сѣверѣ Англіи хозяйка смачиваетъ овсяную муку и мѣситъ ее въ тѣсто, раскатываетъ его въ тонкій листъ и выпекаетъ изъ него овсяныя лепешки на желѣзномъ противнѣ, замѣнившемъ прежній горячій камень; столь же просто изготовляется *damper* австралійскаго колониста путемъ печенія въ золѣ толстыхъ кусковъ мѣсива изъ муки съ водою. Эти пріемы возвращаютъ насъ близко къ первымъ ступенямъ искусства, которое едва ли не болѣе, чѣмъ всякое другое цивилизовало человѣчество. Разъ вошелъ въ употребленіе подобный незаквашенный хлѣбъ, изобрѣтеніе заквашеннаго послѣдовало какъ нѣчто само собою разумѣющееся, а именно вслѣдствіе того, что кислое тѣсто въ неочищенномъ сосудѣ приходитъ въ броженіе и переходитъ въ закваску (англ. *leaven* отъ французскаго *levain*— придающій легкость), которая возбуждаетъ броженіе въ новомъ тѣстѣ, освобождая внутри его пузырьки угольной кислоты, растягивающіе его въ губчатую массу. Впослѣдствіи лучшимъ, сравнительно съ закваскою, средствомъ, нашли пивныя дрожжи; въ новѣйшее время появились процессы введенія газа при помощи порошка для хлѣбопеченія (содержащаго двууглекислую соду или шипучій порошокъ), или путемъ механическаго смѣшиванія тѣста съ углекислымъ газомъ. Другое общеупотребительное средство приготовленія мучной или крахмалистой пищи состоитъ въ варкѣ, которая извлекаетъ крахмалъ для смѣшиванія его съ водою, вслѣдствіе лопанія мелкихъ зернышекъ, въ которыхъ онъ содержится. Вареный цѣльный рисъ составляетъ пищу почти половины человѣчества, и среди другихъ основныхъ предметовъ растительной пищи находятся разнообразные сорты кашицы и каши, изготовленныхъ изъ овса, пшена, ячменя, кукурузы, саги, маніоки и т. п. Пересматривая современную поваренную книгу, можно увидѣть, какой безконечный списокъ блюдъ и соусовъ ухитрились составить искусные повара для угожденія вкусу и для разохочиванія къ новой ѣдѣ. Что касается до прогресса въ поваренномъ искусствѣ въ этомъ направленіи, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что наши современники оставляютъ древнихъ

далеко позади себя. Но въ концѣ концовъ главную цѣль приготовленія пищи составляетъ приведеніе ея въ надлежащее состояніе для поддержанія человѣческой машины, тѣла и ума, и для приведенія ея въ дѣйствіе. Разсматривая приготовленіе пищи съ этой точки зрѣнія, нельзя не замѣтить, что оно представляетъ крайне древнее искусство. Его главнѣйшіе процессы жаренія, печенія и варки принадлежатъ варварскому состоянію культуры и имѣютъ свое начало въ доисторическія времена.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній объ употребляемыхъ человѣкомъ напиткахъ. Дикія племена, вродѣ австралійцевъ, когда они были открыты европейцами, пили только воду, и даже готтентоты и сѣверо-американскіе индѣйцы не знали никакихъ напитковъ, приготовляемыхъ броженіемъ. Трудно предположить, чтобы столь соблазнительное наслажденіе могло быть когда либо позабыто послѣ того, какъ люди однажды съ нимъ ознакомились; поэтому возможно, что предки этихъ народовъ никогда не имѣли понятія объ искусствѣ приводить въ броженіе растительные соки. Но въ большинствѣ странъ, особенно гдѣ разводились хлѣбныя растенія и фруктовыя деревья, рано или поздно люди должны были сами собою придти къ открытію этого процесса, оставивъ случайно постоять какой нибудь подходящій сокъ или смѣсь. Въ Мехико приводится въ броженіе млечный сокъ алоэ, дающій такъ называемую *pulque*; въ Азіи и Африкѣ подрѣзываютъ пальмовыя деревья для приготовленія пальмоваго вина или *toddy*; сидръ изъ яблочнаго сока и медъ изъ пчелинаго меда и воды извѣстны столь же хорошо; татары изготовляютъ кумысъ изъ молока своихъ кобылицъ. Особенно широкимъ распространеніемъ пользуются различные роды пива; въ исторіи раньше всего упоминается о пивѣ, которое варили изъ ячменя древніе египтяне, откуда, можетъ быть, произошелъ древній европейскій эль или пиво; сродны съ нимъ русскій квасъ или ржаное пиво; африканское *pombe* или просяное пиво, такъ называемое рисовое вино китайцевъ и *chicha*, приготовляемая изъ кукурузы или маніоки американскими туземцами. Повидимому, не менѣе древнѣе происхожденіе имѣетъ и вино; и египетскіе рисунки изображаютъ виноградники, тиски для выжиманія винограда, кувшины для вина; въ сущности современное винодѣліе обнаруживаетъ много сходства съ состояніемъ этого искус-

ства въ раннія времена исторіи. Любопытно отмѣтить у людей древнихъ временъ искреннее, не смущаемое никакими сомнѣніями, наслажденіе опьяняющими напитками, которое они признавали за данное свыше средство топить заботу и превращать уныніе и печаль въ дикую веселость. Они торжественно пили во время своихъ религіозныхъ празднествъ и дѣлали возліянія въ честь боговъ. Древніе пѣвцы гимновъ, Веды, не видѣли ничего дурнаго въ воспѣваніи Индры, бога неба, изображая, какъ онъ шатается, опьяненный возліяніями священной сомы, которую принесли ему въ даръ его поклонники; и въ позднѣйшіе вѣка греки, во время своихъ вакхическихъ процессій, воспѣвали хвалы благодѣтельному Діонису, осчастливившему всѣ народы міра прогоняющимъ заботу виноградныиъ сокомъ. Но въ раннія же времена появляется и противуположный взглядъ на дѣло. Хранители религіи, сознавая зло пьянства, не только начинаютъ провозглашать постыднымъ всякое излишество, но объявляютъ грѣхомъ даже самое отвѣдываніе крѣпкаго напитка. Брахманы, хотя возліянія сомы остаются, по древнему преданію, въ числѣ ихъ священныхъ преданій, относятъ, однако, употребленіе спиртныхъ напитковъ къ числу пяти великихъ грѣховъ; между тѣмъ какъ въ древней, соперничающей съ предъидущею, религіи Будды одна изъ десяти заповѣдей, которыя обязанъ исполнять всякій новообращенный, запрещаетъ употребленіе всякаго опьяняющаго напитка. Хотя религія Мохаммеда въ значительной мѣрѣ возникла изъ іудаизма и христіанства, но основатель ея отвергъ какъ древнее почетное отношеніе къ вину, такъ и употребленіе его въ священныхъ обрядахъ, запретивъ его какъ нѣчто оскверняющее. Перегнанный спиртъ вошелъ въ употребленіе у западныхъ народовъ не раньше среднихъ вѣковъ, хотя на востокѣ онъ уже былъ извѣстенъ съ болѣе древнихъ временъ. Онъ былъ повсемѣстно признанъ за нѣчто благодѣтельное, какъ это показываютъ его названія—«вода жизни», латинское *aqua vitae*, французское *eau-de-vie*, ирландское *usquebaugh* (ради краткости превратившееся въ *whisky*—«виски»). Въ настоящее время алкоголь производится въ огромныхъ количествахъ изъ отбросковъ при винодѣліи, пивовареніи, при рафинировкѣ сахара и т. п. Употребленіе его какъ привычнаго возбудительнаго средства принадлежитъ къ числу величайшихъ золъ

современнаго міра, вызывающихъ въ низшихъ слояхъ населенія такое униженіе человѣческаго достоинства, какому что нибудь равное врядъ ли можно найти даже въ самые худшіе періоды исторіи. Съ другой стороны, цивилизованная жизнь много выиграла въ комфортѣ, обратившись къ употребленію теплыхъ слегка возбуждающихъ напитковъ. Чай, который впервые оцѣнили буддистскіе монахи въ Центральной Азіи, какъ средство поддерживать аскетовъ въ состояніи бдѣнія для ночныхъ религіозныхъ службъ, — повидимому, былъ введенъ какъ напитокъ въ Китаѣ приблизительно около начала христіанской эры, и оттуда распространился по всему міру. Родиною кофе служитъ Аравія, и міръ обязанъ его всеобщимъ употребленіемъ мусульманамъ. Шоколадъ былъ привезенъ испанцами изъ древней Мехики, гдѣ онъ представлялъ любимый напитокъ. Рядомъ съ этими напитками слѣдуетъ упомянуть о табакѣ, который былъ также вывезенъ изъ Америки, гдѣ, во время ея открытія европейцами, его курили туземцы какъ сѣвернаго, такъ и южнаго материка.

Описывая здѣсь огонь и очаги (стр. 263), мы принимали за первобытное топливо — дерево. Дѣйствительно, огонь изъ хвороста, разведенный гдѣ нибудь на пикникѣ въ рощѣ, можетъ удовлетворительно возсоздать въ нашемъ воображеніи картину доисторической жизни въ этомъ отношеніи. Когда въ хижинѣ дикаря раскладывается костеръ изъ дровъ на земляномъ полу, то этотъ простой очагъ уже становится сборнымъ мѣстомъ для семейства и типомъ того, что мы называемъ *home* (домашній очагъ). Но въ безлѣсныхъ странахъ отсутствіе топлива представляетъ одну изъ трудностей жизни, какъ это видно изъ того, что охотникъ за буйволами на пустынныхъ равнинахъ принужденъ подбирать для своего вечерняго огня пометъ этихъ животныхъ, называемый имъ «буйволовыми щепками» или «bois de vache». Но даже въ лѣсныхъ странахъ запасъ дровъ можетъ быстро истощаться, какъ скоро произошло скученіе населенія въ видѣ деревень. Когда у иныхъ американскихъ индѣйцевъ спрашивали ихъ мнѣніе насчетъ того, какая причина могла привести бѣлокожихъ въ ихъ страну, они отвѣчали безъ дальнѣйшихъ разсужденій, что, вѣроятно, пришельцы сожгли весь свой лѣсъ на родинѣ и потому принуждены были куда нибудь переселиться. Это соображеніе было вѣрно въ той мѣрѣ,

что нѣчто подобное могло бы произойти на самомъ дѣлѣ, если бы мы имѣли въ своемъ распоряженіи только топливо изъ нашихъ лѣсовъ и торфяныхъ болотъ, ибо запасъ того и другаго уже начиналъ истощаться въ Англіи. Такимъ образомъ то, что въ старыя времена было лѣсною страною Кента и Суссекса и до сихъ поръ еще удержало наименованіе *Weald*'а (то есть *wood* = дерево, лѣсъ), въ настоящее время бѣдно лѣсомъ, и это потому, что во времена королевы Елизаветы лѣсъ былъ вырубленъ съ цѣлью изготовленія угля для плавильныхъ печей, на желѣзныхъ заводахъ. Дѣйствительно, тогда существовала опасность, что по мѣрѣ увеличенія народонаселенія и развитія производства, Англія можетъ превратиться въ страну, вродѣ нынѣшняго сѣвернаго Китая, гдѣ въ суровую погоду люди тѣснятся въ домахъ, сидя въ шубахъ, такъ какъ топливо слишкомъ скудно, чтобы его можно было расходовать помимо топки печи для приготовленія пищи. Но подобной опасности не привелось осуществиться, и вмѣсто того въ Англіи произошелъ промышленный переворотъ, который умножилъ народонаселеніе и привелъ къ нашему теперешнему благосостоянію. Этотъ переворотъ состоялъ въ употребленіи каменнаго угля, отъ котораго теперь зависитъ все наше современное фабричное и заводское дѣло. Даже въ домашнемъ хозяйствѣ угольный погребъ почти совершенно вытѣснилъ дровяной сарай, и пылающее полѣно, зажигаемое въ ночь на Рождество, превратилось въ живописный остатокъ отъ прошлаго. Минеральное топливо захватило съ этого времени даже самое слово *coal*, которое въ англійской библіи удерживаетъ свое первоначальное значеніе древеснаго угля. Не должно полагать, впрочемъ, что употребленіе каменнаго угля было открыто только въ новѣйшія времена. Китайцы копали его съ незапамятныхъ временъ. Въ тринадцатомъ столѣтіи знаменитый венеціанскій путешественникъ, Марко Поло, сообщаетъ, что въ Китаѣ существуетъ особый родъ черныхъ камней, которые добываются изъ жилъ въ горахъ и горятъ какъ хворостъ, и я могу сказать вамъ—говоритъ онъ—что если вы положите ихъ на огонь съ вечера, такъ чтобы они хорошенько разгорѣлись, то они будутъ горѣть всю ночь и даже еще не потухнутъ къ утру. Насколько не извѣстно было тогда употребленіе каменнаго угля въ Европѣ, видно уже изъ того, что это сообще-

ніе было сдѣлано и принято, какъ нѣчто чудесное. Хотя *lithantrax* или «каменный уголь» не былъ безъизвѣстенъ и древнимъ, его полная важность для современной жизни выступила на видъ лишь мало-по-малу. Будучи сперва введенъ ради экономіи для пополненія недостатка въ дровахъ, впослѣдствіи, по приложеніи къ паровой машинѣ, онъ сдѣлался почти безпредѣльнымъ источникомъ силы для всей машинной работы. Паровая машина, печь которой получаетъ нѣсколько лопатъ угля, выполняетъ суточную работу лошади. Такимъ образомъ, ежегодная затрата милліоновъ тоннъ каменнаго угля на паровую машину въ одной Великобританіи доставляетъ такой запасъ силы, по сравненіи съ которымъ является совершенно ничтожнымъ все количество силы, получавшееся прежде отъ вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ, отъ труда людей и животныхъ, между тѣмъ какъ задачею работника все болѣе и болѣе становится управленіе этою грубою силою, заставляя ее молоть и работать молотомъ, прясть и ткать, перевозить черезъ сушу и море. Это нѣсколько напоминаетъ разницу между управленіемъ повозкою и доставленіемъ мѣшковъ съ хлѣбомъ на базаръ на собственной спинѣ. Политическая экономія могла бы рѣшить интересную задачу, вычисливъ средства къ существованію въ нашей странѣ въ теченіи земледѣльческаго и пастушескаго періода и сравнивъ ихъ съ тѣми средствами, которыя мы черпаемъ теперь изъ употребленія угля при выполненіи домашней работы и производствѣ товаровъ, обмѣниваемыхъ на иностранные продукты. Можетъ быть самое ясное представленіе о томъ, какое значеніе имѣетъ для насъ каменный уголь, мы получимъ, принявъ въ соображеніе, что въ настоящее время изъ трехъ англичанъ по крайней мѣрѣ одинъ живетъ на счетъ каменнаго угля, откуда видно, насколько менѣе оказалось бы безъ него народонаселеніе нашей страны.

Австралійскій дикарь схватываетъ горящую головню изъ костра на мѣстѣ стоянки, для того чтобы освѣщать себѣ путь въ темномъ лѣсу и отпугивать этимъ демоновъ. Такимъ образомъ, у него не существуетъ еще различія между первобытными средствами искусственнаго отопленія и освѣщенія. Послѣднія начинаютъ отдѣляться одно отъ другого съ того момента, когда начинаютъ откладываться въ сторону смолистыя щепки ели, или нѣчто по-

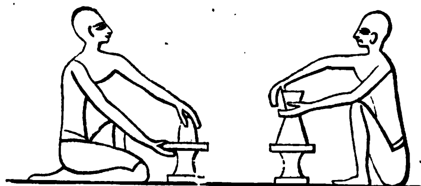
добное, для употребленія ихъ въ качествѣ естественнаго свѣтильника, а отсюда слѣдующимъ шагомъ является приготовленіе искусственныхъ свѣтильниковъ, изъ которыхъ самымъ обыкновеннымъ представляется факелъ (англ. *torch* отъ латинскаго *torquere*) или прядь пакли, пропитанная смолою или воскомъ. До нынѣшняго столѣтія мы употребляли факелы совершенно такъ, какъ это дѣлали римляне, но въ настоящее время они встрѣчаются весьма рѣдко и, съ прекращеніемъ ихъ употребленія картинная сторона жизни утратила восхищавшіе поэтовъ и художниковъ поразительные эффекты мерцанія факельнаго свѣта и тѣней. имъ бросаемыхъ, во время пиршествъ и процессій. Врядъ ли половина проходящихъ по стариннымъ улицамъ англійскаго города знаетъ теперь, что гасильники, находящіеся на желѣзныхъ рѣшеткахъ домовъ, были назначены для тушенія факеловъ, которые выносились для освѣщенія дороги гостямъ, усаживавшимся въ экипажи. Свѣча имѣетъ такой видъ, что возможно допустить ея происхожденіе изъ факела. Святильня ночника, изготовленная изъ сердцевины тростника, окунутой въ растопленный жиръ, была обычна во времена Плинія, когда употреблялась также восковая или сальная свѣча, съ ея свѣтильнею, скрученною изъ пряди. Древняя классическая лампа представляла плоскій овальный сосудъ съ носикомъ на концѣ, черезъ который выходила свѣтильня. Какъ ни просто это устройство, оно долго оставалось въ употребленіи безъ всякихъ измѣненій. Музеи содержатъ весьма мало греческихъ и римскихъ вещей въ бо́льшемъ изобиліи нежели подобныя глиняныя лампы, а также весьма мало болѣе прекрасныхъ образцовъ работы по металлу нежели такія же лампы изъ бронзы; еще и въ настоящее время путешествующему по Италіи или Испаніи въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, путь въ спальню часто освѣщаютъ при помощи мѣдной стоячей лампы, весьма похожей на древніе образцы, со щипцами для вытаскиванія фитиля, висящими на цѣпочкѣ съ боку. Лампа вступила въ свое современное усовершенствованное состояніе приблизительно около столѣтія тому назадъ, когда Аргандъ сталъ впускать воздухъ снизу и поставилъ стеклянную трубу для установки тяги. Газовая лампа имѣетъ еще болѣе позднее происхожденіе, и вошла въ обыденное употребленіе только въ теченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Любопытно замѣтить,

однако, что естественное газовое освѣщеніе было уже давно извѣстно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ разлагающіеся подземные смолистые слои освобождаютъ углеродистый водородъ. Такъ, въ знаменитыхъ огнепоклонническихъ храмахъ въ Баку (къ западу отъ Каспійскаго моря), въ почву близъ алтаря втыкали полый тростникъ, черезъ который выходилъ газъ, горѣвшій у верхняго отверстія трубки, причемъ пилигримы-огнепоклонники повергались ницъ и поклонялись этому священному пламени. Въ Китаѣ, при нѣкоторыхъ соляныхъ источникахъ, гдѣ выдѣляется большое количество естественнаго газа, практическіе люди проводятъ его черезъ бамбуковыя трубки въ зданія для нагрѣванія котловъ съ разсоломъ и для освѣщенія работъ.

Сдѣланный нами обзоръ способовъ приготовленія пищи требуетъ, въ пополненіе, нѣкоторыхъ замѣчаній относительно сосудовъ. Что касается до сосудовъ для воды, то люди могутъ обходиться и безъ помощи гончарнаго искусства, пользуясь суставами бамбука, скорлупою кокосоваго орѣха, оболочкою тыквы, ведрами, выдолбленными изъ дерева, сдѣланными изъ коры, фляжками изъ кожи. Всадникъ въ пустыняхъ возитъ съ собою воду въ тыквенной бутылкѣ у сѣдельной луки, и даже послѣ того какъ появилось подражаніе ей изъ стекла, французы продолжаютъ назыкать ее *gourde* (по англ. *gourd*—тыква), подобно тому какъ мы (англичане) сохраняемъ названіе старинной кожаной бутылки, *bottle*, для обозначенія стекляныхъ бутылокъ, употребляемыхъ нами въ настоящее время. Приготовленіе глиняныхъ горшковъ, сопротивляющихся дѣйствію огня при кипяченіи, представляетъ одн оизъ величайшихъ хозяйственныхъ изобрѣтеній. Когда и гдѣ было изобрѣтено гончарное искусство, сказать невозможно, ибо появленіе его относится къ крайне древнимъ временамъ. На мѣстахъ древнихъ жилищъ, повсюду, гдѣ употреблялась глиняная посуда, можно находить черепки въ землѣ. Тамъ, гдѣ послѣднихъ не встрѣчается, какъ напримѣръ, между остатками отъ племенъ періода сѣвернаго оленя въ пещерахъ Франціи, можно съ увѣренностью заключить, что эти ранніе дикари не подвинулись еще настолько далеко въ своей цивилизаціи. То же самое вѣрно и относительно австралійцевъ, жителей Огненной Земли, и многихъ другихъ современныхъ дикарей, у которыхъ нѣтъ глиняной посуды, и въ почвѣ странъ которыхъ

не встрѣчается горшечныхъ черепковъ, которые могли бы показать, что такую посуду имѣли ихъ предки. Здѣсь естественно является вопросъ, какимъ образомъ люди впервые наткнулись на мысль дѣлать глиняные горшки? Вѣроятно для этого не требовалось особенно сильнаго напряженія изобрѣтательности, но изобрѣтеніе развивалось медленными шагами въ ранней культурѣ, и существуютъ нѣкоторые факты, приводящіе къ заключенію, что даже горшки начали дѣлаться не сразу. О нѣкоторыхъ грубыхъ племенахъ разсказываютъ, что они обмазываютъ свои деревянные сосуды глиною для того, чтобы эти сосуды могли противустоять дѣйствію огня; между тѣмъ какъ другія, подвинувшіяся болѣе впередъ племена облѣпляютъ глиною тыквенныя бутылки или внутреннюю поверхность корзинокъ; когда корзинка сгоритъ, получается глиняный сосудъ со знаками отъ плетенки, остающимися въ качествѣ орнаментальныхъ разводовъ. Весьма возможно что путемъ подобныхъ промежуточныхъ ступеней самые ранніе гончары дошли наконецъ до мысли, что можно лѣпить и одну глину, а потомъ обжигать ее. Несомнѣнно, въ началѣ эта лѣпка совершалась руками; такъ, въ Америкѣ или Африкѣ можно еще и до сихъ поръ видѣть, какъ туземныя женщины выдѣлываютъ большіе и имѣющіе хорошую форму кувшины или котлы, начиная работу съ дна и накладывая глину кусокъ за кускомъ. Равнымъ образомъ и въ Европѣ, какъ можно видѣть во всякомъ музеѣ древностей, погребальныя урны и другіе глиняные сосуды каменнаго и бронзоваго періодовъ дѣлались ручнымъ способомъ, и даже въ настоящее время туристы, посѣщающіе Гебридскіе острова, могутъ покупать глиняныя чашки и кубки у какой-нибудь старухи, изготовляющей ихъ по способу предковъ, безъ помощи гончарнаго станка, и украшающей ихъ разводами при помощи остроконечной палочки. Однако, гончарный станокъ былъ извѣстенъ людямъ уже съ глубокой древности. Фиг. 73 изображаетъ египетскихъ гончаровъ во время работы, какъ это представлено въ рисункахъ на стѣнахъ гробницъ царей. Можно замѣтить, что они поворачиваютъ колесо руками. Подобнымъ же образомъ описываютъ индусскаго гончара: какъ онъ отправляется на берегъ рѣки, гдѣ теченіе отложило мягкую глину; ему остается только скатать изъ нея комокъ, воткнуть въ землю стержень, уравновѣсить на верхушкѣ его тяжелую деревянную

доску, дать ей толчокъ, приводящій въ вращеніе, и приняться за работу. Усовершенствованіе этого наипростѣйшаго станка состояло въ приведеніи его въ движеніе ногою; на нашихъ гончарныхъ заводахъ работникъ управляетъ станкомъ при помощи колеса и ремня, но принципъ остается тотъ же. Наблюдая съ постояннымъ удовольствіемъ работу горшечника съ его простою машиною, такъ легко придающею формы безформенной массѣ, мы можемъ хорошо понять, почему древнему міру это искусство казалось верхомъ творенія, такъ что египтяне изображали одно изъ своихъ божествъ въ видѣ гончара, придающаго форму человѣку на своемъ станкѣ. Къ числу самыхъ раннихъ и самыхъ успѣшныхъ усилій изящнаго искусства слѣдуетъ отнести формованіе глиняныхъ вазъ, на которыхъ вырѣзали и вылѣпляли узоры или фигуры, и которыя разрисовывали изображеніями боговъ и героевъ или

Фиг. 73. Древній египетскій гончарный станокъ (Бени Гассанъ).

сценъ изъ миѳической или обыденной жизни, такъ что значительная часть нашихъ знаній о такихъ народностяхъ, какъ этруски и даже греки, заимствована съ рисунковъ на ихъ вазахъ—на этихъ почти вѣчныхъ, хотя столь ломкихъ памятникахъ искусства. Значительная часть глиняной посуды всего міра до сихъ поръ еще носитъ первобытный и простѣйшій характеръ и состоитъ изъ простой обожженой глины (*terra cotta* итальянцевъ), безъ всякой глазури, въ родѣ нашихъ цвѣточныхъ горшковъ; она, такимъ образомъ, пориста. Для устраненія этого недостатка иные народы—напримѣръ, перуанцы — стали покрывать ее лакомъ, между тѣмъ какъ даже греки обжигали ее въ горной смолѣ. Великое усовершенствованіе, состоявшее въ муравленіи глины, то есть, въ покрываніи ее стекловидною оболочкою во время обжиганія въ горнѣ, было извѣстно уже древнему Египту и Вавилоніи, въ позднѣйшіе же вѣка муравленая глиняная посуда достигла высокой степени худо-

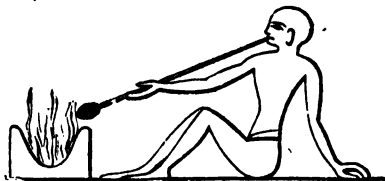
*

жественнаго совершенства въ персидской посудѣ и въ *майоликѣ* (съ Маіорки). Еще болѣе усовершенствованная посуда выдѣлывалась въ Китаѣ болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ, какъ европейскіе гончары дошли наконецъ до секрета подражать ей. Англичане называютъ ее *china* или курьезнымъ именемъ *porcelain* (фарфоръ), которое первоначально обозначало особый родъ восточнаго перламутра. Фарфоровыя блюда изготовляются изъ лучшаго бѣлаго каолина или фарфоровой глины и прокаливаются настолько сильно, что издѣліе становится стекловиднымъ не только на глазируемой поверхности, но и по всей толщѣ. Общій принципъ во всѣхъ этихъ разновидностяхъ глиняной посуды состоитъ въ томъ, что кремнеземъ, который, вмѣстѣ съ глиноземомъ, присутствуетъ во всякой глинѣ, образуетъ плавящіяся кремнекислыя соединенія, которыя въ terra cotta связываютъ самую массу, а въ муравленной глиняной посудѣ и фарфорѣ обволакиваютъ ее на поверхности или по всей толщѣ.

Само стекло представляетъ плавящееся кремнекислое соединеніе подобнаго рода, съ каліемъ, натріемъ или свинцомъ въ качествѣ основанія соли. У Плинія находимъ фантастическій разсказъ, по которому изобрѣтеніе стекла произошло на песчаномъ берегу Финикіи, гдѣ случилось причалить одному торговому кораблю; торговцы, не находя подходящихъ камней, на которыхъ они могли бы кипятить свои котлы, вытащили на берегъ куски селитры, которыми былъ нагруженъ ихъ корабль, вслѣдствіе чего огонь сплавилъ кремнеземъ и щелочь въ стеклянную массу. На самомъ дѣлѣ оказывается, однако, что изготовленіе стекла было извѣстно у египтянъ за нѣсколько вѣковъ до развитія финикійской торговли, и повидимому, финикіяне и другіе народы позаимствовали это техническое производство именно у египтянъ. Фиг. 74 изображаетъ египетскаго выдувальщика стекла. Въ числѣ прочихъ вещей, изготовлявшихся въ Египтѣ, дѣлались фляжки, оплетенныя камышевою сѣткою, весьма похожія на наши теперешнія фляги для оливковаго масла. Древніе египтяне умѣли дѣлать стеклянныя бусы и разнообразныя стеклянныя чашки, съ которыми врядъ ли могутъ соперничать даже венеціанскіе стеклянные продукты. Но современная Европа можетъ предъявить притязанія на введеніе остроумнаго искусства дѣлать стекла для оконныхъ рамъ, посредствомъ верченія на-

каленнаго до-красна, выдутаго шара, пока онъ не разорвется въ кругообразный листъ; а также — и на искусство шлифованія листовъ зеркальнаго стекла,—искусство, которое сдѣлало возможнымъ приготовленіе нашихъ большихъ зеркалъ съ ихъ тыльною поверхностью, покрытою блестящею оловянною амальгамою.

Огонь представляетъ столь важное средство для извлеченія металла изъ руды и его послѣдующей обработки, что въ эту главу можетъ быть естественно включенъ очеркъ употребленія металловъ. Но при обсужденіи того, какимъ образомъ люди дошли до трудныхъ процессовъ плавленія рудъ для извлеченія металловъ, слѣдуетъ припомнить, что иные металлы были найдены въ самородномъ состояніи. Такъ, самородная мѣдь близъ Верхняго Озера уже въ давно минувшіе вѣка употреблялась жив шими въ этой странѣ племенами, которыя обращались съ кусками этого

Фиг. 74. Древнее египетское выдуваніе стекла (Бени-Гассанъ).

металла, какъ съ ковкимъ камнемъ, обдѣлывая его безъ нагрѣванія молоткомъ для приготовленія топоровъ, ножей и браслетовъ. То же самое вѣрно и относительно золота, изъ самородковъ котораго можно выбивать украшенія безъ помощи огня. Возникновеніе обработки металла подобнымъ простымъ путемъ представляетъ только догадку; тѣмъ не менѣе подобная догадка довольно вѣроятна. Желѣзо также встрѣчается въ металлическомъ состояніи, особенно въ аэролитахъ или падающихъ на землю, отъ времени до времени, метеорныхъ камняхъ. Хотя во многихъ случаяхъ этого рода металлъ обыкновенно распадается на куски подъ ударами молота, все-таки, при нагрѣваніи въ кузницахъ до бѣлаго каленія, иное метеорное и другое самородное желѣзо можетъ быть обдѣлываемо въ орудія; оно можетъ быть даже до извѣстной степени обработываемо и безъ нагрѣванія. Иные изъ металлическихъ рудъ имѣютъ такой рѣзко выраженный металлическій видъ, что кузнецъ

могъ попытаться ковать ихъ въ огнѣ, а это и могло повести къ настоящему плавленію. Такъ, магнитная желѣзная руда не только имѣетъ видъ желѣза, но можетъ быть даже накаливаема въ кузницахъ и въ иныхъ случаяхъ изъ нея могли выковывать такія вещи, какъ лошадиныя подковы.

Начали ли люди обработывать сперва мѣдь, или желѣзо— остается пока открытымъ вопросомъ. Въ классическія времена, впрочемъ, существовала увѣренность, что бронза вошла въ употребленіе ранѣе желѣза. Эта бронза представляетъ сплавъ мѣди приблизительно съ одною девятою частью олова для приданія металлу бóльшей твердости — словомъ то, что англійскій рабочій назвалъ бы теперь «пушечнымъ металломъ». Часто цитируемый стихъ Гезіода описываетъ, какъ люди издревле обработывали бронзу, когда чернаго желѣза еще не существовало на свѣтѣ; и Лукрецій, поэтъ-эпикуреецъ, училъ, что послѣ первобытнаго времени, когда люди дрались палками и каменьями, были затѣмъ открыты желѣзо и бронза, причемъ бронза сдѣлалась извѣстною прежде желѣза. Однако, греки и римляне на самомъ дѣлѣ не помнили весьма древнихъ временъ, и въ иныхъ странахъ употребленіе желѣза относится къ весьма раннему времени. Египетскія и вавилонскія надписи упоминаютъ о желѣзѣ наравнѣ съ мѣдью. Въ Британскомъ Музеѣ можно видѣть кусокъ кованнаго желѣза, извлеченный изъ каменной кладки большой пирамиды, и существуютъ египетскіе рисунки, которые даже изображаютъ синюю сталь, висящую у пояса мясника для оттачиванія на ней ножа. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что египтяне, хотя и знали такимъ образомъ желѣзо, но свои плотничьи инструменты большею частью изготовляли изъ бронзы. Греческіе кузнецы эпохи описываемой Гомеромъ также знали желѣзо и даже сталь или закаленное желѣзо, какъ можно заключить изъ знаменитаго выраженія въ Одиссеѣ (IX, 391), гдѣ говорится о шипѣніи топора, погружаемаго кузнецомъ въ холодную воду для приданія крѣпости желѣзу. Тѣмъ не менѣе обычнымъ матеріаломъ не только для брони и щита воина, но и для его копья и меча у нихъ все время служила бронза. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ состояніе техники совершенно непохожее на современное намъ, и стоитъ попытаться понять смыслъ этого различія. Въ объясненіи намъ можетъ помочь

поучительное замѣчаніе въ разсказѣ Кэмпфера о Японіи приблизительно за два столѣтія тому назадъ—замѣчаніе, гдѣ онъ говоритъ, что въ этой странѣ добываются какъ мѣдь, такъ и желѣзо, и что цѣна ихъ почти одинакова, такъ что желѣзныя орудія стоятъ столько же, какъ и мѣдныя. Положеніе вещей въ древнемъ мірѣ могло представлять нѣчто въ родѣ этого. Желѣзо, хотя уже и стало извѣстнымъ, извлекалось изъ руды съ трудомъ, и эпитетъ «многокованное», придаваемый ему Гомеромъ, свидѣтельствуетъ, насколько трудною находили его ковку кузнецы того времени. Но мѣдь находилась въ изобиліи: однимъ изъ общеизвѣстныхъ источниковъ ея былъ островъ Кипръ, откуда происходитъ и ея наименованіе *aes cyprium* (англ. *copper*). Не приходилось также доставать издалека и олово; оловянные рудники находились въ Грузіи, въ Хорассанѣ, и въ другихъ мѣстностяхъ внутренней Азіи, гдѣ, можетъ быть, и было сдѣлано открытіе употреблять олово, какъ средство придать твердость мѣди въ видѣ бронзоваго сплава. Разъ было сдѣлано подобное открытіе, легкость, съ которою можно было плавить бронзу и отливать изъ нея, въ каменныхъ формахъ, такія вещи, какъ топоры,—должна была сдѣлать ее для древняго ремесленника гораздо удобнѣе желѣза. Можетъ быть, это и было настоящею причиною, почему «бронзовый вѣкъ» установился въ большей части Европы и Азіи, а «желѣзный вѣкъ» послѣдовалъ за нимъ лишь тогда, когда лучшая обработка желѣза, его бо́льшая дешевизна и изобиліе, и особенно усовершенствованіе стали, обнаружили то превосходство желѣза передъ бронзою въ выдѣлкѣ орудій и оружія, которое теперь намъ представляется чѣмъ-то само собою разумѣющимся. Остатки озерныхъ построекъ въ Швейцаріи показываютъ, что центральная Европа нѣкогда была обитаема грубыми племенами, употреблявшими каменныя орудія; что въ позднѣйшій періодъ начали господствовать тамъ бронзовые топоры и копья; и что, наконецъ, появилось желѣзо. Такова же была исторія каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго періодовъ, прослѣженная археологами въ могилахъ древней Скандинавіи, причемъ, можетъ быть, туземные народы научились употребленію новыхъ металловъ сами, или оно было внесено въ страну вторгнувшимися завоевателями. Исторіи извѣстны народы, жившіе въ бронзовомъ періодѣ, особенно перуанцы и мексиканцы; во время завое-

ванія испанцы нашли, что они обработывали съ нѣкоторымъ искусствомъ бронзу, но ничего не знали о желѣзѣ; ихъ состояніе было сходно съ положеніемъ массагетовъ центральной Азіи, описанныхъ Геродотомъ, приблизительно за двѣ тысячи лѣтъ ранѣе. Съ другой стороны, большая часть Африки, какъ кажется, не имѣла бронзоваго періода, но отъ каменнаго прямо перешла къ желѣзному. Плавленіе желѣзныхъ рудъ перешло въ Африку, повидимому, съ сѣвера и только еще недавно распространилось у готтентотовъ, которые, въ своихъ разсказахъ, до сихъ поръ еще вспоминаютъ о томъ времени, когда ихъ предки обыкновенно рубили деревья каменьями. Африканцы безъ труда выкапываютъ свою богатую желѣзную руду и плавятъ ее съ дровами въ простыхъ горнахъ, которые иногда представляютъ обыкновенную яму въ землѣ; тяга производится обыкновенно мѣхами. Тамъ можно видѣть первобытные кузнечные мѣхи, сдѣланные изъ цѣльной шкуры козла или другаго животнаго; на одну шкуру, наполненную воздухомъ, нажимаютъ руками или ногами, въ то время какъ опорожненную раскрываютъ, чтобы она снова наполнилась воздухомъ черезъ щель или створку. Это представляетъ плавленіе желѣзной руды въ состояніи весьма близкомъ къ самой грубой и, вѣроятно, самой ранней формѣ. Между разнообразными усовершенствованіями, сдѣлавшими теперь желѣзо болѣе обильнымъ, нежели въ древнія времена, должно упомянуть прежде всего объ употребленіи кокса вмѣсто древеснаго угля при плавленіи; о введеніи чугуна, который, повидимому, былъ уже давно извѣстенъ въ Китаѣ, но въ Англіи сдѣлался обыченъ не ранѣе прошлаго столѣтія; объ употребленіи машинъ для прокатки и ковки. Прогрессъ въ литьѣ стали такъ значителенъ, что недавно оказалось возможнымъ прокладываніе стальныхъ желѣзнодорожныхъ рельсовъ по одному пенни за фунтъ.

О другихъ металлахъ и ихъ вліяніи на цивилизацію мы можемъ упомянуть лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Серебро и золото, какъ драгоцѣнные металлы, были сотоварищами съ самыхъ древнихъ временъ. Свинецъ легко извлекался изъ руды и употреблялся римлянами для кровель и водопроводныхъ трубъ. Сплавъ мѣди съ цинкомъ приготовлялся римлянами не черезъ сплавленіе этихъ двухъ металловъ, но прокаливаніемъ мѣди съ цинковою рудою, называемою галмеемъ; въ результатѣ получалась латунь или

низшій сортъ бронзы. Ртуть была извѣстна древнимъ, которые перегоняли ее изъ красной киновари и понимали пользу ея при извлеченіи золота и серебра, а также употребляли и при золоченіи. Изъ многочисленныхъ металловъ, сдѣлавшихся извѣстными въ новѣйшія времена, иные имѣютъ важное практическое примѣненіе. Такъ, платина представляется весьма цѣнною для выдѣлки сосудовъ, которымъ предстоитъ переносить крайній жаръ и противустоять дѣйствію кислотъ, а алюминій полезенъ по своей замѣчательной легкости. Но все таки мы больше всего продолжаемъ зависѣть отъ металловъ, открытіе которыхъ относится къ глубокой древности; это—желѣзо, мѣдь, олово, свинецъ, серебро и золото.

Упоминаніе объ этихъ двухъ послѣднихъ драгоцѣнныхъ металлахъ приводитъ насъ къ указанію на важную роль, которую играла въ развивающейся цивилизаціи монета, а это относится къ общей исторіи промышленности или торговли. Современный англичанинъ, привыкшій къ лавкамъ и учетнымъ конторамъ, врядъ ли представляетъ себѣ ясно тѣ грубые зачатки, изъ которыхъ возникла наша сложная коммерческая система. Поучительно взглянуть на торговлю въ ея низшей формѣ, въ какой она практикуется среди такихъ племенъ, какъ, напримѣръ, австралійцы. Твердый діоритъ, цѣнный для выдѣлыванія топоровъ, переносится для сбыта черезъ сотни миль; доставляющіе его туземцы получаютъ взамѣнъ его отъ другихъ племенъ какіе нибудь цѣнные продукты изъ ихъ округовъ,—напримѣръ, красную охру для окрашиванія тѣла; эти дикари развились уже на столько, что дозволяютъ мирнымъ торговцамъ безопасно проходить черезъ области племенъ, находящихся въ междоусобной войнѣ, такъ что можно встрѣчать вереницы юношей, изъ которыхъ каждый несетъ на головѣ плиту песчаника, направляясь въ свое далекое жилище, чтобы превратить тамъ этотъ камень въ какой нибудь зернодробитель. Когда чужеземцы посѣщаютъ какое нибудь племя, ихъ принимаютъ на дружественномъ собраніи или корробори, гдѣ происходитъ взаимный обмѣнъ подарками. Несомнѣнно всѣми подразумѣвается, что дары должны представлять справедливый обмѣнъ, и если какая либо изъ сторонъ оказывается недовольною, то возникаетъ ропотъ и ссора. Но въ этомъ обмѣнѣ наигрубѣйшаго рода мы еще не находимъ яснаго представленія объ единицѣ цѣнности, которая представляетъ столь

великій шагъ въ торговлѣ. Болѣе высокая ступень встрѣчается у индѣйцевъ Британской Колумбіи, у которыхъ нитки съ нанизанными раковинами ганквы, носимыя въ качествѣ украшенія, служатъ также денежнымъ знакомъ при торговлѣ; нитка обыкновеннаго средняго качества считается равноцѣнною одной бобровой шкуркѣ. Въ Старомъ Свѣтѣ до насъ дошло много слѣдовъ отъ того времени, когда цѣнность постоянно опредѣлялась въ скотѣ; такъ, въ Илліадѣ, въ описаніи погребальныхъ игръ, мы читаемъ, что большой призовой треножникъ оцѣнивается въ двѣнадцать быковъ, между тѣмъ какъ рабыня, составлявшая второй призъ, стоила только четыре быка. Здѣсь уже признанъ принципъ единицы цѣнности, такъ какъ не только собственникъ быковъ могъ покупать на нихъ треножники и рабовъ, но и всякій, продающій треножникъ стоимостью въ двѣнадцать быковъ, могъ взять въ обмѣнъ трехъ рабовъ, цѣнимыхъ по четыре быка каждый. Различные полезные предметы или украшенія и до сего времени обращаются, какъ знаки для обмѣна, особенно тамъ, гдѣ существуетъ недостатокъ въ монетѣ. Такъ, путешественникъ по Абиссиніи можетъ купить все ему нужное за плитки соли, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ Африки онъ можетъ употреблять какъ деньги желѣзныя листики, куски тканей и нити бусъ. Раковины ужовки монетной (Cypraea moneta) и до сихъ поръ представляютъ мелкую монету въ Южной Азіи, какою онѣ были тамъ съ незапамятныхъ временъ. Всѣ эти вещи болѣе или менѣе грубо играютъ ту роль, которую столь удобно выполняютъ металлическія деньги. Употребленіе монеты возникло изъ того, что въ древнія времена золото и серебро обмѣнивались на товары по вѣсу, какъ это можно видѣть на древне-египетскихъ рисункахъ, гдѣ изображается взвѣшиваніе на вѣсахъ кучекъ золотыхъ и серебряныхъ колецъ, что показываетъ, что эти вещи не были еще настоящими деньгами. Нѣчто подобное продолжается еще теперь въ отношеніи къ значительной части золота и серебра, обращающагося на Востокѣ, гдѣ приходится взвѣшивать маленькіе слитки и опредѣлять, чего они стоятъ. Монета получила начало съ того момента, когда стали дѣлать куски металла опредѣленныхъ вѣса и пробы, отмѣчаемые какимъ-нибудь изображеніемъ или надписью для удостовѣренія того, что ихъ можно брать безъ взвѣшиванія или испытанія. Сдѣлать это, повидимому, было довольно

просто, однако же неизвѣстно, чтобы древніе египтяне и вавилоняне напали на эту мысль. Возможно, что самыми ранними монетами были китайскіе маленькіе золотые кубики съ мѣтками, и куски мѣди въ формѣ рубашекъ и ножей, какъ бы предназначаемые служить представителями настоящихъ рубашекъ и ножей. Монеты, въ своей ранней формѣ, появляются въ Лидіи и Эгинѣ, въ видѣ грубыхъ кружковъ изъ драгоцѣннаго металла, съ знакомъ, вродѣ черепахи, отчеканеннымъ только на одной сторонѣ; на другой же сторонѣ онѣ носятъ только слѣды наковальни или орудія, на которомъ онѣ помѣщались при выбивкѣ; на позднѣйшихъ монетахъ этотъ случайный тыльный узоръ усовершенствовался до орнаментовъ оборотной стороны. Искусство сдѣлало быстрые успѣхи въ монетномъ дѣлѣ, и такимъ образомъ, къ числу самыхъ красивыхъ монетъ въ мірѣ можно отнести золотые рельефные денежные знаки Филиппа Македонскаго, съ увѣнчанной лаврами головой на одной сторонѣ, и запряженной парою коней колесницей на другой. Впослѣдствіи перестали чеканить монеты съ такими высокими рельефами, и именно по той простой причинѣ, что послѣдніе стираются отъ обращенія. Римскій *асъ* не выбивался, но отливался; какъ кажется, въ началѣ онъ былъ фунтомъ мѣди; наименованіе его означаетъ «одинъ» (англ. слово *ace* = «карточный тузъ» означаетъ это и до сихъ поръ). Монетное дѣло было правительственной монополіей съ самыхъ раннихъ временъ, и уже вскорѣ послѣ введенія монеты началось пониженіе нормы и уменьшеніе вѣса ея на пользу королевской казны. Въ какихъ размѣрахъ производилось европейскими королями подобное пониженіе достоинства монеты, можно видѣть изъ того факта, что *libra* или фунтъ серебра дошла до французскаго *livre* или франка, стоящаго десять пенсовъ, и до *pound scots* (шотландскаго фунта), стоящаго двадцать пенсовъ. Не смотря на измѣненіе цѣнности, монеты древнихъ временъ могутъ быть прослѣжены въ Англіи вплоть до настоящаго дня, ибо мы продолжаемъ вести наши счеты на liv s. d. (librae, solidi. denarii) римлянъ (теперь фунты, шиллинги, пенсы).

Въ мелкой торговлѣ и для домашняго обихода металлическія деньги вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію. Но посылать монету за сотни миль для уплаты за товаръ, купленный на далекомъ разстояніи, оказывается дѣломъ весьма хлопотливымъ

и рискованнымъ. Весьма удобную для обращенія замѣну золота и серебра представляютъ банковые билеты — обѣщаніе заплатить столько-то, выпускаемые казною или какимъ-нибудь банкиромъ и циркулирующіе по рукамъ какъ деньги. Оказывается, что китайскій императоръ выпустилъ подобные билеты подлежащіе къ уплатѣ казною уже около восьмаго столѣтія, а въ тринадцатомъ вѣкѣ Марко Поло, знаменитый купецъ-путешественникъ по Татаріи, описалъ деньги великаго хана, состоявшія изъ штемпелеванныхъ кусковъ коры шелковичнаго дерева. Изъ этого разсказа очевидно, что понятіе о бумажныхъ деньгахъ было еще странно уму европейскаго торговца, но съ того времени банковые билеты сдѣлались важною частью денежныхъ знаковъ міра. Еще болѣе полезнымъ оказалось изобрѣтеніе векселей. Предположимъ, что какой-либо купецъ въ Генуѣ посылаетъ шелкъ купцу въ Лондонѣ. Онъ не посылаетъ за своими деньгами въ обмѣнъ за свой товаръ, но на клочкѣ бумаги посылаетъ приказъ должнику черезъ посредство своего кредитора въ Лондонѣ, заплатить послѣднему чрезъ столько-то дней. Этотъ лоскутокъ бумаги и есть вексель; его покупаетъ другой генуэзскій купецъ, которому случилось состоять въ долгу въ Лондонѣ, и который уплачиваетъ свой долгъ, посылая этотъ вексель, подлежащій уплатѣ въ Лондонѣ же. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы пересылать золото взадъ и впередъ для уплаты за грузы, обращающіеся между Лондономъ и Генуею, одинъ долгъ погашается другимъ. Такова въ наипростѣйшей формѣ та система, которая практикуется въ такой мѣрѣ на биржахъ торговыхъ городовъ всего міра, что огромныя торговыя сдѣлки происходятъ на основаніи взаимнаго кредита, причемъ дѣйствительная пересылка золота и серебра совершается лишь въ той мѣрѣ, какая необходима для разсчетовъ между различными странами.

Главный принципъ современной торговли остается все еще какъ разъ тѣмъ, что́ мы видимъ у грубыхъ индѣйцевъ Бразиліи, гдѣ племена, приготовляющія смертоносный стрѣльный ядъ, производятъ его болѣе чѣмъ имъ требуется для своего собственнаго употребленія, для того чтобы обмѣнять излишекъ на копья изъ твердаго дерева, растущаго въ другихъ округахъ, или на койки изъ пальмовыхъ волоконъ, сплетенныхъ племенами другихъ мѣстностей. Богатство создается торговлею точно также, какъ и произ-

водствомъ. Канадскому звѣролову требуется для собственнаго употребленія лишь небольшое количество изъ добытыхъ имъ многочисленныхъ шкуръ, но всѣ онѣ составляютъ богатство для него, ибо торговецъ доставитъ ему въ обмѣнъ одежду и колоніальные товары, и все что ему нужно. Намъ нечего здѣсь останавливаться на общей исторіи торговли, представляющей только развитіе этого простаго принципа, и нечего приводить подробности относительно древнихъ торговыхъ сношеній Египта съ Ассиріею и Индіею, относительно финикійскихъ торговыхъ колоній на Средиземномъ морѣ, древнихъ торговыхъ путей черезъ Азію и Европу, возвышенія князей-торговцевъ Генуи и Венеціи, первыхъ путешествій вокругъ Мыса Доброй Надежды въ Остъ-Индію, открытія Америки, развитія пароваго судоходства по Океану. Особенно интересно для изслѣдователя цивилизаціи обратить вниманіе на то, что странствующій торговецъ въ прежніе вѣка имѣлъ и другое дѣло, врядъ ли менѣе важное нежели доставленіе слоновой кости и ладона и тонкаго полотна изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они были въ изобиліи, въ тѣ мѣста, гдѣ въ нихъ чувствовался недостатокъ. Въ тѣ дни, когда народы были болѣе нежели въ настоящее время замкнуты внутри своихъ границъ или когда они переходили послѣднія только какъ непріятели, для грабежа и разрушенія, —торговецъ былъ еще и носителемъ чужеземнаго знанія и изслѣдователемъ отдаленныхъ странъ. Торговцы много содѣйствовали уничтоженію вѣчнаго соперничества и ссоръ между народами и установленію мирныхъ и обоюдовыгодныхъ сношеній. Сверхъ того, можно показать съ очевидностью, что старинная система національной непріязни поддерживается всякими стѣсненіями торговли, всякими покровительственными пошлинами, устанавливаемыми для форсированія производства товаровъ въ странахъ, дурно къ нимъ приспособленныхъ, и для воспрепятствованія поступленію ихъ въ хорошей и дешевой формѣ изъ странъ, гдѣ они производятся съ наименьшей затратою труда. Въ цивилизаціи не существуетъ дѣятеля болѣе благодѣтельнаго, чѣмъ свободный торговецъ, который доставляетъ обитателямъ каждой страны всѣ выгоды всѣхъ другихъ странъ, и задачею котораго является выполненіе закона, что все, служащее ко всеобщей выгодѣ человѣчества, служитъ также къ частной выгодѣ отдѣльнаго человѣка.

ГЛАВА XII.

Изящныя искусства.

Поэзія: Стихи и размѣръ. Аллитерація и рифма. Поэтическая метафора. Рѣчь, мелодія, гармонія.—Музыкальные инструменты.—Танцы.—Драма.—Ваяніе и живопись.—Древнее и новѣйшее искусство.—Игры.

Для того, кто не вдумывался въ обыкновенную разговорную прозаическую въ рѣчь, стихи съ ихъ размѣромъ и рифмою, и пѣнье, заключающее извѣстный музыкальный мотивъ, можетъ показаться, что эти три способа выраженія ясно отли чаются одинъ отъ другаго. Но при болѣе внимательномъ изслѣдованіи ихъ найдемъ, что они различаются одинъ отъ другаго лишь оттѣнками; и можно уяснить себѣ, какъ переходитъ человѣческая рѣчь во всѣ эти три формы. Дикія племена придаютъ своимъ пѣснямъ нѣкоторую опредѣленную форму, свидѣтельствующую, что они считаютъ эти пѣсни отличными отъ обыкновенной рѣчи. Такъ, австралійцы, чтобы привести себя въ неистовство передъ боемъ. поютъ: «Коли его въ голову! Коли его въ грудь! Коли его въ печень! Коли его въ сердце!» и такъ далѣе, перебирая всѣ остальныя части тѣла врага. Другая австралійская пѣсня поется на туземныхъ похоронахъ; молодыя женщины поютъ первую строку, старухи вторую и всѣ вмѣстѣ третью и четвертую.

«Kardany garro
Mammul garro
Mela nadjo
Nunga broo».

То есть:

«Молодаго брата опять,
Сына опять
Болѣе я
Никогда не увижу».

Здѣсь слова дикой пѣсни уже перестаютъ быть простою прозою, но переходятъ въ стихъ грубаго рода. Всѣ варварскія племена передаютъ подобныя пѣсни изъ поколѣнія въ поколѣніе по памяти и создаютъ новыя. У сѣверо-американскихъ охотниковъ есть пѣсни, которыя должны навести ихъ на слѣдующе утро на слѣдъ медвѣдя, или доставить имъ побѣду надъ врагомъ. Слѣдующее представляетъ переводъ одной новозеландской пѣсни:

«Твое тѣло въ Вэйшематѣ,
Но твой духъ явился сюда
И пробудилъ меня отъ сна.
Хоръ: Га-а, га-а, га-а, га!»

Послѣднее—припѣвъ, состоящій обыкновенно изъ слоговъ лишенныхъ смысла—представляетъ черту, крайне обыкновенную въ пѣсняхъ варваровъ. Насъ, людей новаго времени, часто поражаетъ нелѣпость хоровыхъ припѣвовъ во многихъ нашихъ собственныхъ пѣсняхъ, но эти припѣвы, повидимому, сохранились отъ тѣхъ періодовъ культуры, въ которыхъ находятся австралійскіе дикари, повторяющіе «aƀang! aƀang!» по нѣскольку разъ послѣ каждаго стиха, или какое-нибудь общество краснокожихъ индѣйскихъ охотниковъ, когда оно наслаждается хоровымъ пѣніемъ: «Nyah eh wa! Nyah eh wa!», подъ акомпаниментъ трещотокъ, вродѣ употребляемыхъ нашими дѣтьми.

Правильный метръ стиха, точно размѣреннаго по своимъ слогамъ, появляется только у народовъ, стоящихъ на болѣе высокой ступени культуры. Древніе гимны Веды имѣютъ правильный размѣръ, и это можетъ служить доказательствомъ, какъ далеко подвинулись древніе арійцы изъ дикаго состоянія. Метрическое сходство между самыми древними индусскими, персидскими и греческими стихотвореніями показываетъ самимъ фактомъ, что размѣренный стихъ появился еще въ отдаленныя времена, когда всѣ эти національности находились въ тѣсной связи. Наилучше извѣстенъ намъ стихотворный размѣръ греческихъ и латинскихъ стиховъ, но кромѣ тѣхъ размѣровъ, которые зналъ Горацій, на свѣтѣ есть еще много другихъ. Напримѣръ, когда Лонгфелло придалъ американскимъ сказкамъ стихотворную форму въ своей «Пѣсни Гаяваты», онъ не нашелъ никакого установившагося метрическаго

склада у самихъ индѣйцевъ, культура которыхъ еще не могла выработать такого пріема; поэтому онъ заимствовалъ для своего произведенія особенный размѣръ Калевалы—эпической поэмы, сложенной туземными пѣвцами Финляндіи. Наши собственныя стихотворенія, гдѣ стихъ скандируется по ударенію, отличаются по своему характеру отъ классическаго стопосложенія, гдѣ слоги размѣряются по количеству или длинѣ. Позднѣе изобрѣтенія стихотворнаго размѣра появились другія средства, при помощи которыхъ поэтъ могъ доставлять наслажденіе своимъ слушателямъ новыми эффектами гармонически расположенныхъ звуковъ. Такъ, наши англійскіе предки находили особое удовольствіе въ аллитераціи, гдѣ одна и таже согласная повторяется снова и снова, съ частотою, которая показалась бы утомительною для современнаго вкуса, хотя нашему уху пріятно отъ времени до времени это повтореніе, напр.:

«Suber he seemde and very sagely sad».—*Спенсеръ*.
«He rushed into the field and foremost fighting, fell».—*Байронъ* [1]).

Повидимому, и рифма также представляется сравнительно новою во всемірной исторіи стихосложенія. О ея грубомъ начальномъ состояніи можно судить по слѣдующимъ строкамъ старипнаго латинскаго поэта (можетъ быть, Эннія) приводимымъ Цицерономъ.

«Coelum nitescere, arbores frondescere,
Vetes laetificae pampinis pubescere,
Rami bacarum ubertate incurvescere».

---

[1]) Переводить эти цитаты было бы напрасно, такъ какъ дѣло не въ смыслѣ а въ созвучіи словъ. Для уясненія русскому читателю значенія *аллитераціи*, въ новыхъ русскихъ стихотвореніяхъ почти не встрѣчающейся, приведемъ тѣ примѣры, которые далъ въ «Энц Слов.» 1861 г. Мих. Лар. Михайловъ изъ «Голубиной книги» (съ примѣсью уже рифмы):

Ко той книгѣ *со*бралися
*Со*биралися, *со*ѣзжалися
*Со*рокъ царей со царевичемъ...

Изъ пословицъ:
*Де*нежки на сто*лъ*, *дѣ*вушку за сто*лъ*. Съ *ду*ру какъ съ *ду*бу.
Изъ Слова Даніила Заточника:
Кому *лю*бово, а мнѣ горе *лю*тое. *Прим. ред.*

Такимъ образомъ, рифмы средневѣковыхъ христіанскихъ гимновъ, вродѣ знаменитаго «Dies irae», не представляютъ положительнаго нововведенія; эти гимны только пользовались рифмою болѣе искусно и распространяли ея употребленіе, которое было перенято трубадурами, этими учителями Европы въ отношеніи стихотворнаго искусства.

Лучшія стихотворенія нашихъ дней полны утонченной фантазіи и нѣжной мелодичности, передаютъ привлекательную мысль въ гармонической рѣчи, и служатъ картинами для воображенія и въ тоже время музыкою для уха. Но, кромѣ того, стихи представляютъ еще для изслѣдователя исторіи весьма любопытный предметъ въ томъ отношеніи, что они сохраняютъ въ нашей средѣ способы мышленія самаго древняго міра. Значительная часть поэтическаго искусства состоитъ въ подражаніи формамъ, употреблявшимся на раннихъ ступеняхъ культуры, когда поэзія представляла естественное выраженіе всякаго сильнаго душевнаго движенія или чувства — естественное средство передачи слушателямъ какого-нибудь торжественнаго заявленія или древняго преданія. Современный поэтъ и до сихъ поръ, ради живописности, пользуется метафорами, которыя въ устахъ варвара являлись дѣйствительною помощью для изъясненія его мысли. Это можно видѣть изъ разбора стихотворенія Шелли:

«Какъ удивительна Смерть,
Смерть и ея братъ, Сонъ!
Одна—блѣдная какъ та убывающая луна,
Съ ея мертвенно-синими губами;
Другой—розовый какъ утренняя заря,
Когда, обративъ въ тронъ волны океана,
Она зарумянивается надъ міромъ».

Здѣсь сходство между смертью и сномъ выражается метафорическимъ наименованіемъ ихъ братомъ и сестрою. луна введена для выраженія примѣромъ понятія блѣдности, и утренняя заря—понятія красноты; между тѣмъ какъ для передачи представленія о зарѣ, сіяющей надъ моремъ, вводится уподобленіе возсѣданію ея на тронѣ, и краснота, съ одной стороны, сравнивается съ розой, съ другой—съ румянцемъ. А это и есть именно тотъ самый способъ, кото-

рому слѣдуетъ человѣкъ первобытнаго варварскаго періода, изъясняющійся метафорами, заимствованными изъ природы, не ради поэтической аффектаціи, но просто ради того, чтобы подыскать самыя ясныя слова для передачи своихъ мыслей. Даже наша обыденная проза полна словъ, перешедшихъ теперь въ обычное употребленіе, но обнаруживающихъ слѣды этой древней естественной поэзіи, и этимологъ можетъ, если пожелаетъ, возстановить образы древнихъ поэтическихъ мыслей, создавшіе эти слова.

Читать или декламировать стихи, какъ это дѣлаемъ мы, люди новаго времени, значитъ измѣнять ихъ настоящую природу, такъ какъ первоначально стихи назначались для пѣнія. Само же пѣніе развилось изъ обыкновенной рѣчи. Прислушиваясь внимательно къ происходящему вокругъ насъ разговору, мы можемъ замѣтить, что онъ происходитъ не въ одномъ неизмѣнномъ тонѣ, но что всѣ фразы интонируются до нѣкотораго неполнаго напѣва—что предложенія отмѣчаются то повышеніемъ, то пониженіемъ тона, отличающимъ вопросъ отъ отвѣта и сообщающимъ извѣстный музыкальный акцентъ тѣмъ словамъ, которымъ придается болѣе значенія. Эта полумелодичность обычной рѣчи можетъ быть въ грубыхъ чертахъ записана нотными знаками; она не одинакова въ англійскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, и въ сущности одно изъ средствъ отличить говоръ шотландца отъ англичанина заключается именно въ различномъ интонированіи ими однѣхъ и тѣхъ же фразъ. Когда рѣчь становится торжественною или одушевленною, она все болѣе и болѣе переходитъ въ естественное пѣніе, въ которомъ на собраніяхъ молящихся почти отчетливо слышенъ музыкальный напѣвъ. Интонированіе въ церквяхъ возникло изъ того же самаго естественнаго выраженія религіознаго чувства, но съ теченіемъ времени оно закрѣпилось обычаемъ и было искусственно введено въ правильные интервалы музыкальной гаммы. Подобнымъ же образомъ, искусственный речитативъ оперы представляетъ новѣйшую музыкальную обработку того, что дошло по преданію отъ древняго трагическаго декламированія, нѣкогда волновавшаго толпы слушателей въ греческомъ театрѣ.

Мы склонны считать чѣмъ-то само собою разумѣющимся, что вся музыка должна слагаться изъ тоновъ гаммы; и притомъ именно той гаммы, къ которой мы привыкли съ нашего дѣтства. Но пѣ-

ніе грубыхъ племенъ, вѣроятно, наилучшимъ образомъ представляющихъ это искусство на его первоначальныхъ ступеняхъ, состоитъ изъ менѣе опредѣленныхъ тоновъ, вслѣдствіе чего записываніе ихъ мотивовъ представляетъ много затрудненій. Человѣческій голосъ не скованъ какою-нибудь неподвижною гаммою музыкальныхъ тоновъ, потому что высота его можетъ повышаться и понижаться незамѣтными переходами. Точно также народы, выработавшіе для пѣнья и для инструментальной музыки опредѣленныя гаммы, не употребляютъ всегда одну и ту же гамму. Не легко дать полный отвѣтъ на вопросъ, какимъ образомъ люди пришли къ точнымъ гаммамъ тоновъ. Но одною изъ самыхъ простыхъ гаммъ, на которую они принуждены были обратить вниманіе, была гамма первобытнаго музыкальнаго инструмента—трубы, грубыя формы котораго можно видѣть въ длинныхъ цилиндрахъ изъ дерева или коры, употребляемыхъ лѣсными племенами Южной Америки и Африки. Труба (для которой можетъ служить отрѣзокъ желѣзной газовой трубки въ шесть футъ длины) издаетъ послѣдовательные тоны обыкновеннаго аккорда, которыя могутъ быть изображены c, e, g, c, и на которыхъ трубачъ исполняетъ простые мотивы, столь извѣстные подъ названіемъ сигналовъ. Эта естественная гамма содержитъ самые важные изъ музыкальныхъ интерваловъ—октаву, квинту, кварту и терцію. Другая гамма, состоящая изъ бо́льшаго, сравнительно съ предыдущею, количества музыкальныхъ звуковъ, но изъ меньшаго, сравнительно съ нашею полною гаммою, не менѣе знакома англійскому уху. Это—старинная пятитонная гамма безъ полутоновъ, соотвѣтствующихъ пяти чернымъ клавишамъ фортепіано, и наилучше извѣстная форма которой можетъ быть обозначена c, d, e, g, a, c. Старинныя шотландскія пѣсни сложены по пятитонной гаммѣ, которую въ сущности еще можно встрѣтить въ различныхъ странахъ; такъ, одинъ путешественникъ по Китаю, наблюдая погребальную процессію, былъ изумленъ, услышавъ печальный мотивъ, въ родѣ тѣхъ, которые онъ незадолго передъ тѣмъ слышалъ отъ волынщика на берегу шотландскаго озера. Энгель, въ своей «Музыкѣ древнихъ народовъ», показываетъ, что эта пентатоническая или пятитонная музыка съ древнихъ временъ была въ употребленіи у различныхъ восточныхъ народовъ; такимъ образомъ, всякая истинная шотландская мелодія, въ родѣ «Auld Lang Syne», можетъ дать нѣкоторое

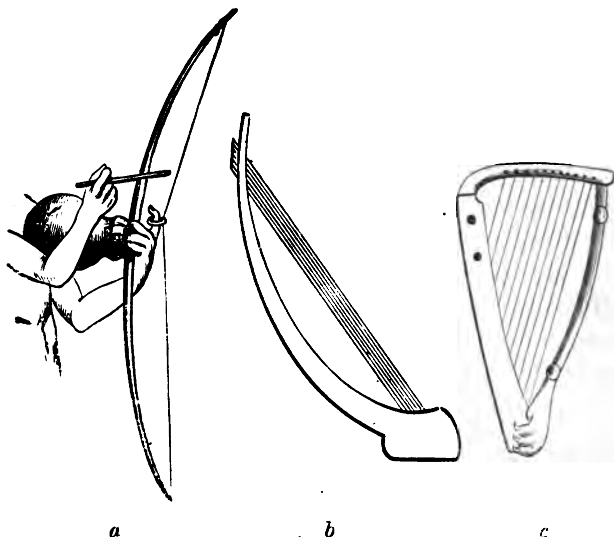
понятіе о древней музыкѣ. Болѣе усовершенствованная семитонная гамма, господствующая въ новомъ обществѣ, почти цѣликомъ заимствована у музыкантовъ классической Греціи, которые аккомпанировали пѣснямъ пѣвца на восьмиструнной лирѣ. Пиѳагоръ, первый подведшій музыкальные тоны подъ законъ чиселъ, высказалъ любопытную фантазію, что разстоянія семи планетъ находятся въ связи съ семью тонами октавы, — представленіе, которое до сихъ поръ смутно переживаетъ среди насъ въ выраженіи «музыка сферъ».

Такимъ образомъ, современная музыка, очевидно, происходитъ отъ древней. Но она прошла великія новыя ступени развитія. Музыка древнихъ почти не шла далѣе мелодіи. Можно было аккомпанировать голосу на какомъ-нибудь инструментѣ въ унисонъ или съ интерваломъ октавы, но гармонія, какъ её понимаютъ современные музыканты, еще не была извѣстна. Слабые начатки ея можно прослѣдить въ средніе вѣка, когда музыканты были поражены результатами, получаемыми при пѣніи одновременно двухъ различныхъ мотивовъ, гармонирующихъ между собою. До сихъ поръ еще среди музыкантовъ практикуется шутка, состоящая въ одновременномъ исполненіи двухъ до нелѣпости несоотвѣтственныхъ другъ другу напѣвовъ,—напримѣръ, «The Campbells are coming» (Идетъ кланъ Кэмпбель) и «The Vesper hymn» (Вечерній гимнъ), — располагая ихъ такъ, что одинъ изъ нихъ представляетъ какъ бы акомпаниментъ для другаго. Старинныя круговыя пѣсни и каноны, пользующіеся популярностью еще и теперь, подобнымъ же образомъ дѣлаютъ изъ одной части мотива гармоническій аккомпаниментъ другой. Римскокатолическая церковная партитурная музыка и протестантское пѣніе конгрегацій съ аккомпаниментомъ органа, имѣли большое вліяніе на перемѣну, вслѣдствіе которой простая мелодія древнихъ развилась въ гармоническую мелодію новаго времени. Разъ вполнѣ понявъ этотъ великій шагъ, изслѣдователь можетъ прослѣдить въ исторіи музыки всѣ ея послѣдовательныя ступени развитія въ партитурномъ пѣніи и въ оркестровой музыкѣ церковной и концертной, пока въ рукахъ великихъ композиторовъ послѣднихъ трехъ вѣковъ не развились всѣ средства современнаго музыкальнаго искусства.

Всѣ музыкальные инструменты настоящаго времени могутъ быть прослѣжены назадъ до болѣе грубыхъ и раннихъ формъ.

Трещотка и барабанъ представляютъ серьезные инструменты среди дикарей; у насъ трещотка перешла въ дѣтскую игрушку, но барабанъ удержалъ свое мѣсто, какъ во время мира, такъ и во время войны. Выше этихъ однозвучныхъ инструментовъ стоитъ труба, которая, какъ мы только-что видѣли, подвигаетъ музыку варваровъ на значительный шагъ впередъ. Свирѣль или флажолетъ въ своей наипростѣйшей формѣ появляется какъ обыкновенный свистокъ; ея дальнѣйшее усовершенствованіе состоитъ въ прибавкѣ отверстій, при помощи которыхъ играющій измѣняетъ длину инструмента для того, чтобы вызвать различные звуки. Обыкновенная свирѣль встрѣчается съ самыхъ отдаленныхъ временъ и во всѣхъ концахъ земли, въ одиночной или двойной формѣ; въ иныхъ случаяхъ на ней играютъ ноздрями вмѣсто рта. Уже въ древнемъ мірѣ ее часто снабжали духовымъ мѣшкомъ изъ кожи, превращая ее такимъ образомъ въ волынку; или когда ее держали бокомъ и играли, прижимая ее вдоль отверстія рта, она превращалась въ флейту. Другой способъ извлеченія звуковъ можно видѣть въ свирѣли Пана, состоящей изъ ряда камышевыхъ трубокъ различной длины,— въ свирѣли, въ древніе классическіе дни всегда соединявшейся съ представленіемъ о прелестяхъ сельской поэзіи, но въ наши дни служащей для вульгарной игры какого-нибудь уличнаго фокусника. Въ современномъ оркестрѣ рожокъ есть труба, снабженная клапонами. Кларнетъ развился изъ стебля травы съ вибрирующимъ язычкомъ или щелью, въ родѣ того, какой дѣти вырѣзаютъ себѣ на поляхъ въ весеннее время. Весь отдѣлъ музыкальныхъ инструментовъ, къ которому принадлежитъ гармоника, дѣйствуетъ при помощи подобныхъ вибрирующихъ язычковъ, и въ своемъ англійскомъ названіи *reeds* (букв. «камыши») сохраняютъ воспоминаніе о своемъ происхожденіи. Въ наибольшихъ размѣрахъ и объемѣ принципъ простой свирѣли или свистка осуществляется въ органѣ; отсюда слѣдуетъ, что непочтительное названіе «ящикъ со свистками» (Kist o'whistles) данное ему шотландцами, не любившими его употребленія въ церквахъ, отличается въ нѣкоторой степени научной правильностью. Не менѣе первобытны наигрубѣйшія формы, въ которыхъ появляются струнные инструменты. Въ Одиссеѣ (XXI, 410) разсказывается, какъ мстительный герой ея, натягивая свой могучій лукъ, сдѣланный изъ дерева и рога, заставляетъ прекрасно

звучать натянутую тетиву его, подобно нѣжному пѣнью ласточки. Можно было бы напередъ догадаться, что натянутый лукъ воина можетъ естественно сдѣлаться музыкальнымъ инструментомъ; онъ и получилъ дѣйствительно такое употребленіе. Дамары въ Южной Африкѣ находятъ удовольствіе въ слабыхъ звукахъ, слышимыхъ при удареніи маленькою палочкою по тугонатянутой тетивѣ лука. Зулусъ презираетъ употребленіе лука какъ боеваго оружія, приличнаго только трусу, но все еще пользуется имъ для музыкаль-

Фиг. 75. Развитіе арфы: *a*, музыкальный лукъ съ тыквеннымъ резонаторомъ; (Южная Африка); *b*, древняя арфа (Египетъ); *c*, средневѣковая арфа съ переднею подпоркою.

ныхъ звуковъ; его музыкальный лукъ, изображенный на фиг. 75 *a*. снабженъ кольцомъ, скользящимъ по тетивѣ для измѣненія звука, а также пустою тыквою, дѣйствующею какъ резонаторъ для усиленія издаваемаго тетивою слабаго звука. Далѣе, если мы взглянемъ на *b* нашей фигуры, то увидимъ, какимъ образомъ изъ подобнаго грубаго музыкальнаго лука могла развиться древняя египетская арфа, когда деревянную спинку стали дѣлать съ пустотою внутри, чтобы замѣнить ею одновременно и дугу лука и резонаторъ, между тѣмъ какъ поперекъ ея стали натягивать нѣсколько

струнъ различной длины. Всѣ древнія арфы—ассирійскія, персидскія и даже древне-ирландскія—дѣлались по этому плану, но мы можемъ съ одного взгляда увидѣть, въ чемъ состояло несовершенство этого устройства: сгибаніе деревянной спинки легко разстроивало струны. Только въ позднѣйшія времена было сдѣлано усовершенствованіе, состоявшее въ пополненіе арфы переднею подпоркою, изображенною въ *c*, и сдѣлавшею весь остовъ негибкимъ и твердымъ. Вглядываясь въ эти три изображенія, мы видимъ, какъ постепенно шло развитіе этого изобрѣтенія; нельзя допустить, чтобы арфа съ переднимъ столбикомъ могла быть изобрѣтена ранѣе другихъ, такъ какъ никто не могъ бы оказаться столь тупымъ, чтобы продолжать дѣланіе арфъ и не снабжать ихъ при этомъ переднею подпоркою, послѣ того какъ однажды мысль о послѣдней пришла людямъ въ голову. Хотя арфа въ настоящее время изготовляется съ бо́льшимъ совершенствомъ, нежели встарь, она все-таки все болѣе и болѣе утрачиваетъ свое старинное мѣсто въ музыкальномъ искусствѣ; причину этого легко усмотрѣть въ томъ обстоятельствѣ, что она вытѣсняется происшедшими отъ нея новѣйшими музыкальными инструментами. Самая форма большаго рояля показываетъ, что это есть ничто иное какъ арфа, которая положена на бокъ въ ящикѣ, и струны которой теперь перебираются не руками, но звучатъ подъ ударами молоточковъ, дѣйствующихъ съ помощью клавіатуры. Такова самая послѣдняя ступень развитія тетивы лука доисторическаго воина.

Танцы могутъ казаться намъ, людямъ новаго времени, легкомысленною забавою; но въ дѣтскій періодъ цивилизаціи пляска была полна страстнаго и торжественнаго значенія. Дикари и варвары употребляютъ пляску, какъ выраженіе своей радости и печали, любви и бѣшенства, даже какъ орудіе магіи и религіи. Лѣсные индѣйцы Бразиліи, вялый нравъ которыхъ могутъ расшевелить лишь немногія другія возбуждающія вліянія, оживляются во время своихъ собраній при лунномъ свѣтѣ, когда они, съ трещотками въ рукахъ, топаютъ подъ тактъ разъ-два-три вокругъ большаго глинянаго горшка, содержащаго опьяняющій напитокъ кави; или мужчины и женщины изображаютъ пляскою грубое ухаживаніе, подвигаясь рядами и дѣлая па въ родѣ первобытной польки; или свирѣпая военная пляска исполняется раскрашенными

и вооруженными воинами, которые маршируютъ рядами туда и сюда съ пѣснями, полными ужасающаго рева. Въ насъ самихъ осталось еще достаточно инстинктовъ дикаря, чтобы чувствовать, какимъ образомъ австралійцы, скача и воя на корробори при свѣтѣ костра въ лѣсу, могутъ привести себя въ неистовство для боя на слѣдующій день. Но при нашихъ цивилизованныхъ понятіямъ намъ не легко уразумѣть, что варварская пляска можетъ имѣть и еще бóльшее значеніе; дикарямъ пляска представляется чѣмъ-то столь реальнымъ, что они ждутъ отъ нея дѣйствія на внѣшній міръ. Такъ, у индѣйцевъ мандановъ, когда охотникамъ не удалось найти буйволовъ,—которые служатъ пищею племени,—то каждый изъ нихъ вынесъ изъ своего жилища спеціально имѣющуюся на этотъ случай маску, сдѣланную изъ буйволовой головы съ рогами и съ хвостомъ, висящимъ назади, и всѣ стали плясать «буйвола». Десять или пятнадцать пляшущихъ образовали кругъ, барабаня при этомъ, и стуча трещотками, съ пѣснями и завываніями; когда одинъ изъ нихъ утомлялся, онъ начиналъ продѣлывать пантомину, представляя, что его убили стрѣлою изъ лука, что съ него сняли шкуру и его разрѣзали на части; между тѣмъ какъ другой, стоявшій наготовѣ со своею буйволовою головою на плечахъ, занималъ мѣсто выбывшаго изъ пляски. Такимъ образомъ, пляска продолжается безостановочно, днемъ и ночью, иногда въ теченіи двухъ-трехъ недѣль, пока, наконецъ, этимъ настойчивымъ усиліямъ не удастся приманить буйволовъ, и на преріи не покажется какой-нибудь табунъ. Описаніе и изображеніе подобной сцены можно найти въ «Сѣверо-американскихъ индѣйцахъ» Кэтлина. Подобный примѣръ показываетъ, что на низшихъ ступеняхъ культуры люди пляшутъ для выраженія своихъ чувствъ и желаній. Все это объясняетъ, какимъ образомъ въ древней религіи пляска сдѣлалась однимъ изъ главныхъ актовъ богослуженія. Религіозныя процессіи двигались съ пѣснями и плясками въ египетскіе храмы, и Платонъ говорилъ, что всякая пляска должна быть такимъ образомъ религіознымъ актомъ. Такъ въ дѣйствительности и было до значительной степени въ древней Греціи, гдѣ критскій хоръ, двигаясь размѣреннымъ шагомъ, пѣлъ гимны Аполлону, и въ Римѣ, гдѣ на ежегодномъ празднествѣ Марса салійскіе жрецы пѣли и, ударяя въ щиты, плясали по ули-

цамъ города. Новая цивилизація, гдѣ священная музыка процвѣтаетъ болѣе чѣмъ когда-либо, большею частью отбросила священную пляску. Чтобы увидѣть послѣднюю почти въ ея древнемъ видѣ, путешественникъ можетъ посѣтить индѣйскіе храмы или отправиться къ Тибетскимъ ламамъ, гдѣ онъ можетъ наблюдать, какъ подъ дикую музыку барабановъ и трубъ изъ раковинъ, ряженные, въ маскахъ изображающихъ животныхъ, изгоняютъ пляскою демоновъ или встрѣчаютъ новый годъ. Остатки отъ подобныхъ обрядовъ, дошедшіе до насъ отъ религіи Англіи до-христіанскаго времени, можно еще видѣть въ пляскѣ дѣвочекъ и мальчиковъ вокругъ огней, зажигаемыхъ въ день Іоанна Крестителя, или въ танцахъ ряженныхъ на Святкахъ; но даже и эти остатки теперь вымираютъ. Танцы церковныхъ пѣвчихъ въ шляпахъ съ перьями и въ костюмахъ пажей временъ Филиппа III, до сихъ поръ еще исполняемые передъ главнымъ алтаремъ Севильскаго каѳедральнаго собора, принадлежатъ теперь къ числу самыхъ рѣдкихъ остатковъ обряда, почти исчезнувшаго изъ христіанства. Въ новомъ мірѣ постепенно выводятся танцы даже какъ забава и граціозное упражненіе. Древнія египетскія изображенія свидѣтельствуютъ, что профессіональные плясуны того времени обладали уже большой ловкостью въ своемъ искусствѣ, достигшемъ, вѣроятно, своей высочайшей художественной выработки въ классической Греціи и Римѣ. Нѣчто, напоминающее старинные картинные сельскіе танцы, можно еще наблюдать на крестьянскихъ праздникахъ въ большей части странъ Европы, кромѣ Англіи; но бальные танцы современнаго общества много утратили какъ въ искусствѣ, такъ и въ граціи.

На низкомъ уровнѣ цивилизаціи пляска и театральное представленіе, очевидно, нераздѣльны. Сѣверо-американскія «собачья пляска» и «медвѣжья пляска» суть мимическія представленія съ комически-вѣрными подражаніями движеніямъ лапъ, катанію по землѣ и кусанію соотвѣтственныхъ животныхъ. Подобнымъ же образомъ, варварамъ даютъ сюжеты для танцевъ различныя сцены охоты и войны, и ихъ жены оставаясь дома, танцуютъ фетишистскій танецъ, подражающій битвѣ, для приданія силы и храбрости своимъ отсутствующимъ мужьямъ. Историки возводятъ происхожденіе драматическаго искусства цивилизованнаго міра къ

священнымъ танцамъ древней Греціи. Такимъ образомъ, на празднествѣ Діонисія, полная чудесъ жизнь бога вина изображалась въ пляскѣ и въ пѣсняхъ, и изъ этихъ торжественныхъ гимновъ и смѣхотворныхъ шутокъ возникли трагедіи и комедіи. Въ классическій періодъ драматическое искусство подраздѣлялось на нѣсколько вѣтвей. Пантомина сохраняла самую древнюю форму, гдѣ танцующій изображалъ тѣлодвиженіями такія пьесы, какъ подвиги Геркулеса, или Кадма, сѣющаго зубы дракона, между тѣмъ какъ хоръ внизу сцены сопровождалъ игру, разсказывая въ пѣніи содержаніе пьесы; современные пантоминные балеты, сохраняющіе остатки этихъ древнихъ представленій, свидѣтельствуютъ, насколько забавны должны были быть древніе театральные боги и герои въ ихъ размалеванныхъ маскахъ. Въ греческой трагедіи дѣло танцовщиковъ и хора отдѣлилось отъ дѣла актеровъ, которые декламировали или пѣли каждый ему принадлежащую роль въ діалогѣ, вслѣдствіе чего актеръ уже получилъ возможность расшевеливать слушателей словами страсти или остроумія, произнося ихъ такимъ тономъ и сопровождая ихъ такими жестами, которые могли вліять на чувства всѣхъ, кто смотрѣлъ и слушалъ. Разъ возникнувъ, греческая трагедія быстро достигла своего высокаго мѣста среди изящныхъ искусствъ; драмы Эсхила и Софокла представляютъ образцы высшаго поэтическаго творчества, и новѣйшія подражанія имъ, въ родѣ Федры Расина, при ихъ исполненіи на сценѣ, могутъ дать нѣкоторое понятіе объ ихъ могущественномъ вліяніи, въ тѣхъ случаяхъ, когда геній актеровъ въ состояніи подниматься до силы эффектовъ, воплощенныхъ въ этихъ произведеніяхъ. Новѣйшая драма принадлежитъ не столько священнымъ представленіямъ средневѣковыхъ мистерій, сколько возрожденію классики, имѣвшему мѣсто четыре вѣка тому назадъ. Видѣвшіе развалины классическихъ театровъ въ Сиракузахъ или на нагорной сторонѣ Тускулума лучше всего поймутъ, что современный театръ обнаруживаетъ свое греческое происхожденіе не только по устройству, но и по греческимъ названіямъ его частей; таковы, *театръ* или мѣсто для зрителей, который все еще сохраняетъ свое удачно-придуманное подковообразное очертаніе; *сцена* съ ея раскрашенною декораціею задняго плана и съ занавѣсомъ спереди; между тѣмъ какъ *оркестръ* или мѣсто для танцевъ, ко-

торый прежде принадлежалъ *хору*, въ настоящее время отведенъ музыкантамъ. Перемѣна въ представляемыхъ на современномъ театрѣ *трагедіи* и *комедіи*, отличающая ихъ отъ пьесъ классическаго міра, заключается частью въ устраненіи натянутой торжественной декламаціи, которая была свойственна прежнимъ представленіямъ, пока они все еще оставались религіознымъ обрядомъ, а ихъ дѣйствующія лица—божественными. Въ рукахъ позднѣйшихъ драматурговъ—въ рукахъ Шекспира прежде всего—драматическіе характеры сдѣлались болѣе человѣческими, хотя и они продолжаютъ изображать человѣческую природу въ ея наиболѣе картинныхъ крайностяхъ и жизнь въ ея самые страстные моменты. Современныя пьесы въ сущности не обязаны быть строго естественными, и могутъ еще обращаться къ сверхъестественному; такъ, въ настоящее время на сценѣ могутъ порхать ангелы или феи—вмѣсто боговъ классической древности, обыкновенно летавшихъ по воздуху при помощи особыхъ машинъ. Въ новѣйшей комедіи дѣйствующія лица одѣваются и разговариваютъ насколько возможно близко къ обыденной жизни; но и здѣсь все-таки, когда слушатели серьезно допускаютъ условіе, что иныя изъ рѣчей, хотя и произнесены вслухъ, сказаны «въ сторону», такъ что ихъ не слышитъ дѣйствующее лицо, стоящее подлѣ говорящаго — они, эти слушатели, показываютъ, что современный міръ не утратилъ своей способности къ условной иллюзіи, на которой основывается все драматическое искусство.

На той же самой способности къ условной иллюзіи, или на воображеніи, основываются и два другія изящныя искусства, ваяніе и живопись. Ихъ настоящая задача заключается не въ точномъ подражаніи дѣйствительности; художникъ стремится только воплотить извѣстную идею, которая должна поразить зрителя. Поэтому, въ какой-нибудь каррикатурѣ, сдѣланной нѣсколькими штрихами карандаша, или въ грубомъ изображеніи, вырѣзанномъ изъ чурбана, часто содержится гораздо болѣе истинной художественности нежели въ нарисованномъ со всѣми подробностями портретѣ, или въ какой-нибудь фигурѣ на выставкѣ восковыхъ слѣпковъ, фигурѣ, которая настолько вѣрна жизни, что посѣтитель, нечаянно натолкнувшись на нее, проситъ у ней извиненія. Живопись и скульптура, повидимому, возникли изъ такихъ же грубыхъ начат-

ковъ, какіе можно теперь наблюдать въ дѣтскихъ попыткахъ рисованія и рѣзьбы. Кусокъ коры или кожа, на которыхъ варварскія племена рисуютъ людей и животныхъ, ружья и лодки, напоминаютъ намъ аспидныя доски и двери сараевъ, на которыхъ англійскія дѣти дѣлаютъ свои первые опыты въ рисованіи. Многія изъ этихъ дѣтей выростутъ и проживутъ всю свою жизнь, не подвинувшись далѣе этой дѣтской ступени. Священникъ одного сельскаго прихода нѣсколько лѣтъ тому назадъ разохотилъ обитателей коттэджей забавляться вырѣзываніемъ изъ дерева различныхъ человѣческихъ фигуръ, въ родѣ работниковъ, занятыхъ копаніемъ или уборкою жатвы. Они понадѣлали такія курьезно-неуклюжія фигуры, и притомъ настолько сходныя съ идолами варварскихъ племенъ, что ихъ работа сохранена какъ образчикъ дѣтскаго состоянія скульптуры и въ настоящее время доступна осмотру въ музеѣ Кьюсскаго сада въ Лондонѣ. Тѣмъ не менѣе, человѣчество, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, особенно располагая продолжительнымъ досугомъ, съ отдаленной древности начало совершенствовать себя въ искусствѣ. Особенно рисунки и рѣзьба фигуръ животныхъ, выполненные древними пещерными людьми въ Европѣ, носятъ на себѣ настолько художественный отпечатокъ, что иные изслѣдователи считали ихъ современною поддѣлкою. Но они признаны подлинными и встрѣчаются въ обширной области, между тѣмъ какъ поддѣлки, которыя дѣйствительно предпринимались съ цѣлью обманывать собирателей, характеризуются именно отсутствіемъ того особеннаго искусства, съ какимъ дикари, жившіе среди сѣверныхъ оленей и мамонтовъ, умѣли схватывать формы и положенія этихъ животныхъ. Два изъ такихъ рисунковъ изображены нами на фиг. 3 и 4, другіе—читатель можетъ найти въ книгѣ Лэббока о «До-историческихъ временахъ». Искусство раскрашиванія должно было возникнуть совершенно естественнымъ путемъ, ибо дикари, разрисовывавшіе себѣ тѣло углемъ, красною глиною, красною и желтою охрою, могли начать мазать тѣми же красками свои вырѣзанныя фигуры. или раскрашивать ими сдѣланные контурами рисунки. Путешественники по Австраліи, укрываясь отъ бури въ пещерахъ, имѣютъ случай удивляться искусству грубыхъ фресокъ на стѣнахъ, — фресокъ, изображающихъ кэнгуру, эму и пляску туземцевъ, между тѣмъ какъ въ Южной

Южной Африкѣ пещеры бушмэновъ покрыты изображеніями самихъ туземцевъ съ луками и стрѣлами, европейскихъ повозокъ на волахъ, и столь страшной для туземцевъ фигуры голландскаго боэра съ его широкополою шляпою и трубкою въ зубахъ. У такихъ народовъ, каковы западные африканцы и полинезійцы, наилучшіе таланты туземныхъ скульпторовъ примѣняются преимущественно къ изображеніямъ демоновъ и божествъ, изготовляемымъ для поклоненія и для того, чтобы служить тѣлами, въ коихъ должны поселяться безплотныя существа. Такимъ образомъ, идолы варваровъ, какъ образчики раннихъ ступеней скульптуры, имѣютъ значеніе въ исторіи искусства, какъ и въ исторіи религіи.

У древнихъ народовъ Египта и Вавилона искусство поднялось уже до высшихъ ступеней. Въ сущности, египетское ваяніе достигло своихъ лучшихъ образцовъ скорѣе въ болѣе ранніе, нежели въ позднѣйшіе вѣка, ибо каменныя статуи болѣе древняго времени стоятъ и ходятъ съ бо́льшею свободою и жизнью въ своихъ членахъ, и холодныя гордыя лица колоссальныхъ изображеній Тотмесовъ и Рамзесовъ (въ родѣ фиг. 19) представляютъ самый величественный идеалъ восточнаго деспота, наполовину тирана, наполовину божества. Въ скульптурныхъ залахъ Британскаго музея можно видѣть, что ранняя школа египетскихъ скульпторовъ находилась на дорогѣ къ греческому совершенству; но она далеко не дошла до него. Съ привычною механическою ловкостью, они изготовляли статуи десятками тысячъ, вытесывая исполинскія фигуры изъ самаго твердаго гранита и порфира, приводящаго въ смущеніе современнаго каменотеса; но ихъ искусство, связанное преданіемъ, не только не становилось свободнѣе, но дѣлалось все болѣе и болѣе натянутымъ и формалистичнымъ. Они умѣли дѣлить свои плоскости на правильные квадраты и выдѣлывали лица и конечности по мѣркѣ, но ихъ установленныя рутиною формы рѣдко доходили до греческихъ линій красоты, и ихъ памятники въ настоящее время считаются драгоцѣнными не какъ образцы художественности, но какъ свидѣтельства исторіи древняго міра. Въ томъ же Британскомъ музеѣ алебастровые барельефы, украшавшіе дворы дворца въ Ниневіи, даютъ замѣчательно ясное понятіе о томъ, какъ жили люди въ Ассиріи, какъ царь выѣзжалъ на своей колесницѣ, или металъ свои стрѣлы въ защищающагося льва, или

ходилъ подъ церемоніальнымъ зонтикомъ, который несли надъ его головою; какъ солдаты переплывали рѣки на надутыхъ воздухомъ шкурахъ, и какъ штурмовый отрядъ взбирался по лѣстницамъ на стѣны крѣпости, въ то время какъ стрѣлки изъ лука осыпали ихъ стрѣлами съ зубчатыхъ стѣнъ, а посаженные на колъ плѣнные были расположены рядами на виду, снаружи стѣнъ. Но въ подобныхъ сценахъ соразмѣрность не представляла особой важности; важна была только передача смысла. Дѣлать стрѣлковъ такими большими, что двое занимали цѣлую стѣну, не казалось ассирійцамъ нелѣпостью въ художественномъ отношеніи; равнымъ образомъ, египтяне не ощущали комизма впечатлѣнія, производимаго на насъ, людей новаго времени, гигантскою фигурою ихъ царя, шагающаго черезъ половину поля битвы и хватающаго разомъ дюжину пигмеевъ-варваровъ, чтобы срубить имъ головы единымъ взмахомъ своего могучаго палаша. Правила искусства, отвергшаго фигуры болѣе древнихъ народовъ вслѣдствіе принужденности формъ и неестественности группировки, развились только въ Греціи. О греческомъ искусствѣ часто пишутъ такимъ образомъ, какъ будто оно само началось съ самаго грубаго состоянія, съ неуклюжихъ идоловъ изъ дерева и глины, пока усиліями своего собственнаго превосходнаго генія греческіе ваятели не начали высѣкать изъ мрамора тѣ формы, которыя до сихъ поръ составляютъ предметъ удивленія всего міра. Но какъ ни былъ великъ геній грековъ, онъ не совершилъ ничего подобнаго. Греческіе народы въ теченіи вѣковъ находились въ соприкосновеніи съ болѣе древними цивилизаціями, развившимися по берегамъ Средиземнаго моря; исходнымъ пунктомъ имъ послужило изученіе созданій искусства въ Египтѣ, Финикіи и Вавилоніи, а затѣмъ ихъ геній освободилъ ихъ отъ неподвижныхъ древнихъ рутинныхъ формъ, побудилъ ихъ изображать жизнь прямо съ натуры и даже создава изъ мрамора идеальныя формы силы и граціи. Египетскіе ваятели не портили краскою шлифованнаго гранита, но многія изъ ихъ статуй были раскрашены; остались слѣды краски и на ассирійскихъ изваяніяхъ и на греческихъ статуяхъ, такъ что мы составили бы себѣ ложное представленіе о греческомъ храмѣ, вообразивъ себѣ, что его мраморные боги и богини обыкновенно отличались ослѣпительною бѣлизною современной скульптурной галлереи. Греческія статуэтки изъ тер-

ракоты въ Британскомъ музеѣ представляютъ образцы древняго изящества женскихъ формъ и одежды; имъ недостаетъ только возстановленія утраченнаго цвѣта, чтобы сдѣлаться самыми красивыми вещицами въ мірѣ.

Въ употребленіи красокъ или въ живописи, египетскія картины обнаруживаютъ нѣкоторый стиль, находящійся на половинѣ пути между самымъ низкимъ и самымъ высокимъ. Сцены древней египетской жизни схвачены на нихъ въ самые характеристическіе моменты; можно видѣть, какъ сапожникъ вытягиваетъ свою дратву, какъ птицеловъ охотится за дикими утками, какъ господа и дамы пируютъ, и какъ ихъ забавляютъ скоморохи и флейтщики. Тѣмъ не менѣе при всей своей остроумной выразительности, египетскіе рисунки не совсѣмъ еще оставили позади себя ту ступень искусства, которую встрѣчаемъ у дикихъ. Въ самомъ дѣлѣ, они все еще остаются скорѣе идеографическимъ письмомъ, нежели картинами, повторяя ряды фигуръ съ головами, ногами и руками, которыя нарисованы по шаблону, и раскрашены красками, какъ дѣлаютъ это дѣти; волоса всѣ черные, кожа вся красно-коричневая, одежда бѣлая и т. д. Переходъ отъ этихъ рисунковъ къ греческимъ поразителенъ; передъ нами уже не шаблонныя фигуры, но группированные этюды настоящихъ людей. Самыя лучшія произведенія греческихъ живописцевъ извѣстны намъ только по выраженіямъ восхищенія въ описаніяхъ древнихъ, но сохранившіеся болѣе заурядные образцы даютъ намъ нѣкоторое представленіе о томъ, чѣмъ могли быть произведенія Зевксиса и Апеллеса. Туристъ, посѣщающій въ первый разъ неаполитанскій музей подходитъ съ изумленіемъ къ картинѣ Александра Аѳинскаго, изображающей играющихъ богинь, къ смѣло набросаннымъ фрескамъ сценъ изъ Иліады и къ группамъ танцовщицъ, изящнымъ по рисунку и краскамъ. Большая часть этихъ картинъ изъ Геркуланума и Помпеи была сдѣлана простыми декораторами построекъ, но эти греческіе живописцы десятаго разряда сохранили преданія великой классической школы и ясно свидѣтельствуютъ, что изъ того же самаго источника унаслѣдовали и мы свое искусство живописи. Живопись новой Европы происходитъ отъ древняго искусства двумя путями. Съ одной стороны, греческая живопись распространилась по римской имперіи и проникла на востокъ, и въ теченіи

вѣковъ находила себѣ главное пристанище въ христіанскомъ искусствѣ въ Константинополѣ; этимъ путемъ выработался византійскій стиль, часто называемый до-рафаэлевскимъ, который, хотя ему и недоставало прежней свободы классическихъ Аѳинъ, всетаки былъ выразителенъ и богатъ красками. Съ другой стороны, когда въ пятнадцатомъ столѣтіи въ Европѣ произошло возрожденіе познанія классическаго искусства и мысли, натянутое изображеніе святыхъ и мучениковъ уступило мѣсто болѣе естественнымъ и граціознымъ формамъ, и подъ руками Рафаэля и Микель-Анджело, Тиціана и Мурильо возникла современная живопись, въ которой снова соединились два, столь долго остававшіяся раздѣленными, теченія, вышедшія изъ одного родника, изъ гречесскаго искусства. Древніе большею частью рисовали на стѣнахъ, по способу нынѣшней живописи al fresco, или на вощеныхъ деревянныхъ доскахъ; они не знали употребленія масла для размѣшиванія въ немъ растертыхъ красокъ. Впервые объ этомъ упоминается въ десятомъ столѣтіи, откуда видно, что исторія о братьяхъ Ванъ-Эйкъ, будто бы придумавшихъ живопись масляными красками въ пятнадцатомъ столѣтіи, не совсѣмъ вѣрна. Но они ввели ее въ обыденное употребленіе, и съ ихъ времени живописцы довели матеріалъ и игру красокъ до такого совершенства, къ которому древніе вѣка, вѣроятно, никогда не приближались. Въ новѣйшія времена акварельная живопись, употреблявшаяся древними художниками для легкихъ эскизовъ и этюдовъ, сдѣлалась также самостоятельнымъ искусствомъ, особенно въ Англіи. Въ одной отрасли живописи новые художники, внѣ всякаго сомнѣнія, превосходятъ древнихъ; это именно въ живописи ландшафтной. Встарь, какъ бы изумительно не были нарисованы фигуры, грубыя рутинныя горы, лѣса и дома на заднемъ планѣ все еще находились въ состояніи близкомъ къ идеографическому письму—они скорѣе служили обозначеніемъ внѣшняго міра, чѣмъ изображали его такимъ, какъ онъ есть. Но въ настоящее время глаза художника обращены къ природѣ, которую онъ передаетъ съ такою вѣрностью, какая была неизвѣстна древнимъ живописцамъ, впервые придавшимъ живыя формы богамъ и героямъ, апостоламъ и мученикамъ.

Намъ слѣдуетъ теперь сказать нѣсколько словъ объ играхъ, такъ какъ игра также относится къ искусствамъ, имѣющимъ въ

виду удовольствіе. Ею занимаются ради самого занятія, а не ради результатовъ занятія. Одинъ разрядъ игръ возникъ самъ собою повсюду: это игры дѣтей, состоящія въ подражаніи жизни, въ которой имъ впослѣдствіи придется дѣйствовать въ серьезъ. Дѣти эскимосовъ играютъ въ постройку домиковъ изъ снѣга, и матери даютъ имъ крошечныя масляныя лампадки съ кускомъ свѣтильни, чтобы они вѣшали эти лампадки внутри построенныхъ домиковъ. Среди дикарей, у которыхъ существуетъ обычай похищать себѣ женъ силою изъ сосѣдняго племени, дѣти играютъ въ умыканіе женъ, совершенно такъ, какъ наши дѣти играютъ въ свадьбу съ священникомъ и подружками невѣсты. На всѣхъ степеняхъ цивилизаціи игрушечное оружіе и игрушечная утварь доставляютъ дѣтямъ одновременно забаву и поученіе; сѣверо-американскій воинъ дѣлалъ для своего сына маленькій лукъ со стрѣлою, какъ скоро ребенокъ былъ способенъ натянуть тетиву; и молодой островитянинъ Южнаго океана бросаніемъ тростника въ катящееся кольцо пріучался метать копье въ послѣдующей жизни. Любопытно видѣть, что послѣ того какъ развивающаяся цивилизація отбросила въ сторону практическое употребленіе какого-нибудь древняго приспособленія, оно можетъ все еще переживать въ видѣ игрушки; такъ, швейцарскія дѣти и теперь еще играютъ въ добываніе огня при помощи стариннаго способа просверливанія одного куска дерева другимъ; а на улицахъ нашихъ деревень дѣти играютъ лукомъ со стрѣлами и пращею, — серьезнымъ оружіемъ своихъ предковъ.

Не совсѣмъ легко сказать, идетъ ли человѣкъ, стоящій на низкой ступени дикаго состоянія, когда-либо далѣе этихъ практическихъ забавъ и изобрѣтаетъ ли онъ игры единственно для удовольствія. Но на дальнѣйшихъ ступеняхъ цивилизаціи такія игры извѣстны съ весьма древнихъ временъ. Иная пустячная игра, разъ пустивъ корни въ умахъ, склонныхъ къ забавѣ, можетъ существовать на свѣтѣ почти вѣчно. Древніе египтяне, какъ свидѣтельствуютъ ихъ рисунки, имѣли обыкновеніе играть въ нашу дѣтскую игру «жгуты», гдѣ одинъ изъ участвующихъ съ завязанными глазами нагибается и долженъ угадать, кто ударилъ его по спинѣ. Египтяне играли также въ отгадываніе числа пальцевъ, поднимаемыхъ двумя играющими — игра, которая до сихъ поръ

распространена въ Китаѣ и Италіи, гдѣ можно слышать чуть не за полночь крики: «три! семь! пять! *mora!*»;. очень жаль, что эта игра не распространяется среди дѣтей въ Англіи, ибо она изощряетъ внимательность глаза и проворство рукъ. Между тѣмъ какъ иныя изъ нашихъ игръ, въ родѣ игры обручами и пусканіе кубарей, перешли въ Старый Свѣтъ тысячи лѣтъ, другія представляютъ относительно недавнее нововведеніе; такъ, искусству запусканія бумажнаго змѣя англійскія дѣти научились отъ китайцевъ, или отъ какого-нибудь другаго народа дальняго Востока, лишь около времени Стюартовъ. Въ другихъ случаяхъ забавы новаго времени оказываются позднѣйшимъ улучшеніемъ старыхъ; распиленныя берцовыя кости, прикрѣпленныя подъ сапогомъ для хожденія по льду, увеселяли лондонскихъ мастеровыхъ за нѣсколько столѣтій до того, когда онѣ были вытѣснены стальными коньками. Игра въ мячъ служитъ любопытнымъ свидѣтельствомъ тому, какъ иная игра можетъ иногда оставаться безъ измѣненій въ теченіи многихъ вѣковъ и затѣмъ внезапно перейти въ какую-нибудь высшую форму. Древніе кидали и ловили мячи на подобіе нашихъ дѣтей въ настоящее время, и знаменитая игра греческихъ и римскихъ мальчиковъ состояла въ «общемъ мячѣ», гдѣ составлялись двѣ стороны, изъ которыхъ каждая старалась схватить мячъ и бросить въ противустоящую. Этою игрою забавляются и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ англійскихъ деревняхъ; ее называютъ собственно «метаніемъ» (hurling), и игра большимъ кожанымъ мячомъ, бросаемымъ ногою, представляетъ разновидность ея. Повидимому, древніе никогда не употребляли палки или лапты при своихъ играхъ въ мячъ. Но около тысячи или полуторы тысячи лѣтъ тому назадъ персы стали играть въ мячъ, сидя верхомъ на лошади, что́, конечно, могло быть выполняемо только съ помощью длинной палки, лапты или ракетки; такимъ путемъ начала свое существованіе утонченная игра *chaugan*, которая съ тѣхъ поръ всегда продолжала существовать на Востокѣ и въ послѣднее время утвердилась и въ Англіи подъ названіемъ *polo*. Разъ была изобрѣтена лапта или ракетка для игры верхомъ на лошади, было легко воспользоваться ею и для игры пѣшкомъ, и такимъ образомъ въ средніе вѣка явился цѣлый рядъ игръ, гдѣ

мячи бросались при помощи лапты (pall-mall, croquet, tennis, hockey, golf, rounders, cricket).

Комнатныя игры имѣютъ также свою любопытную исторію. Бросаніе жребія или игральныхъ костей слишкомъ древне для того, чтобы могло сохраниться какое-нибудь свидѣтельство о его возникновеніи, и можно видѣть еще въ музеяхъ тѣ самыя шашечницы и шашки, которыя служили для игры древнимъ египтянамъ. Греки и римляне также играли въ шашки, хотя ихъ игры не походили на нашу шашечную игру новаго времени. Съ другой стороны, къ древней классической группѣ игръ относятся наша (англійская) мельница или мавританская игра (merells, morris), и Овидій упоминаетъ о дѣтской игрѣ «tit-tat-to». Этими играми забавляются также и въ Китаѣ, и неизвѣстно, гдѣ онѣ были выдуманы впервые. Великое изобрѣтеніе въ области требующихъ соображенія игръ было сдѣлано лѣтъ тысячу тому назадъ или около того, когда какой-то индусъ, имя котораго утрачено, усѣлся за древнюю шашечницу съ шашками и выработалъ изъ нихъ военную игру, гдѣ встрѣчались въ боевомъ порядкѣ съ каждой стороны король и его генералы, со слонами, колесницами, кавалеріею и пѣшими солдатами. Таковы были самые ранніе шахматы, которые съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями перешли въ современную европейскую шахматную игру, продолжающую удерживать передовое мѣсто среди всѣхъ игръ, напрягая умъ до его самыхъ крайнихъ усилій въ предусмотрительности и комбинированіи. Наши шашки новаго времени представляютъ родъ упрощенныхъ шахматовъ, гдѣ всѣ шашки представляютъ пѣшекъ, пока не перейдутъ черезъ все поле и не сдѣлаются дамками. Встрѣчающійся въ историческихъ книгахъ разсказъ о томъ, что карты были изобрѣтены во Франціи для увеселенія Карла VI, представляетъ выдумку, такъ какъ онѣ были извѣстны на Востокѣ за много столѣтій ранѣе этого. Но во всякомъ случаѣ европейцы устроили съ ними такія комбинаціи искусства и ніансовъ, которыя превосходятъ все придуманное ихъ азіатскими изобрѣтателями. Упражняющія тѣло или умъ игры имѣли высокую цѣну въ цивилизаціи какъ средство воспитанія человѣческихъ способностей. На совершенно иной почвѣ стоятъ азартныя денежныя игры; съ самаго начала онѣ были только обманомъ и бѣдствіемъ. Въ наше время

врядъ ли можно найти болѣе достойное жалости знаменіе медленности распространенія научныхъ понятій, какое представляютъ прилично одѣтыя толпы вокругъ игорнаго стола въ Монако—толпы, болтающія о серіяхъ удачъ и воображающія, что существуетъ какая-нибудь разница въ ставкѣ на черное или на красное поле. Это продолжается, хотя даже нашимъ школьникамъ теперь преподаютъ истинное ученіе о вѣроятностяхъ и то, какъ высчитать неизмѣняющійся процентъ еженедѣльныхъ ставокъ, которыя загребетъ себѣ лопаткою крупье и которыя невозвратимы.

ГЛАВА XIII.

Наука.

Наука. — Счетъ и ариѳметика. — Измѣреніе и взвѣшиваніе. — Геометрія. — Алгебра.—Физика.—Химія.—Біологія —Астрономія.—Географія и геологія.—Методы умозаключенія.—Магія.

Наука есть точное, правильное, систематизированное знаніе. Дикари и варвары обладаютъ обширнымъ количествомъ ходячихъ знаній и, дѣйствительно, безъ нихъ борьба за жизнь была бы совершенно невозможна. Грубому человѣку извѣстно многое насчетъ свойствъ вещества; о томъ, что огонь жжетъ, и вода мочитъ, что тяжелый предметъ тонетъ, а легкій плаваетъ, какой камень можетъ служить для топора и какое дерево для топорища, какія растенія годны въ пищу и какія—ядъ, каковы привычки животныхъ, за которыми онъ охотится или которыя могутъ сами напасть на него. У него есть понятія о томъ, какъ нужно лечить, и еще лучшія понятія о томъ, какъ убивать. Въ извѣстномъ грубомъ смыслѣ, онъ оказывается физикомъ—въ добываніи огня, химикомъ въ приготовленіи пищи, хирургомъ—въ перевязкѣ ранъ, географомъ—въ знаніи своихъ рѣкъ и горъ, математикомъ—въ счетѣ по пальцамъ. Все это—знанія, и именно на этихъ основаніяхъ начала строиться и настоящая наука, когда возникло письменное искусство и общество вступило въ періодъ цивилизаціи. Намъ предстоитъ здѣсь прослѣдить въ общихъ чертахъ возникновеніе науки и ея прогрессъ. Такъ какъ научные методы вошли въ употребленіе, главнымъ образомъ, благодаря счету и измѣренію, то мы должны, прежде всего, разсмотрѣть, какъ научились люди считать и измѣрять.

Считать умѣютъ даже тѣ, кто не можетъ говорить, какъ это ясно показываетъ примѣръ глухонѣмаго мальчика Массьё, который, между другими воспоминаніями о своемъ дѣтствѣ до того времени, когда его воспиталъ аббатъ Сикаръ, написалъ: «я зналъ числа еще до того, какъ стали со мною заниматься; меня научили имъ мои пальцы». Мы сами въ дѣтскомъ возрастѣ начинаемъ учиться ариѳметикѣ по нашимъ пальцамъ, и прибѣгаемъ къ нимъ по временамъ и въ взрослые годы, откуда нетрудно будетъ понять, какимъ образомъ какой-нибудь дикарь, языкъ котораго не содержитъ словъ для обозначенія числа свыше трехъ, все-таки съумѣетъ сосчитать рядъ, скажемъ, изъ пятнадцати убитыхъ и раненыхъ, отсчитывая по пальцу для каждаго человѣка и, наконецъ, поднимая свою руку три раза кряду, чтобы показать окончательный результатъ. Слѣдующій вопросъ состоитъ въ томъ, какимъ образомъ были изобрѣтены названія чиселъ. Отвѣты на это даютъ многіе языки, свидѣтельствующіе самымъ очевиднымъ образомъ, что къ обособленію именъ числительныхъ привелъ счетъ по пальцамъ на рукахъ и ногахъ. Когда зулусу нужно выразить число шесть, онъ говоритъ *tatisitupa*, что означаетъ «взять большой палецъ руки»; это значитъ, что говорящій сосчиталъ всѣ пальцы на лѣвой рукѣ и началъ теперь съ большого пальца правой. Когда онъ доходитъ до семи, — напримѣръ, для того, чтобы сказать, что его хозяинъ купилъ семь быковъ, — онъ говоритъ *u kombile*, то есть, «онъ указалъ»; это означаетъ, что при счетѣ онъ дошелъ до указательнаго пальца. Такимъ образомъ, въ различныхъ частяхъ свѣта числительными сдѣлались «рука», «нога», «человѣкъ». Примѣръ того, какъ они употребляются, можно взять изъ языка таманаковъ съ Ориноко; у нихъ терминъ для пяти означаетъ «цѣлая рука», шесть есть «одинъ съ другой руки» и такъ далѣе до десяти или «обѣихъ рукъ»; затѣмъ «одинъ съ ноги» есть одиннадцать, и такъ далѣе до «цѣлой ноги» или пятнадцати, «одного съ другой ноги» или шестнадцати, и отсюда переходя къ «одному человѣку», означающему двадцать: «одинъ съ руки другаго человѣка» означаетъ двадцать одинъ, и такимъ образомъ счетъ идетъ до «двухъ человѣкъ», означающихъ сорокъ и т. д. и т. д. Это состояніе вещей научаетъ насъ одной истинѣ, которая иногда отрицалась,—именно тому, что низшія расы людей, подобно намъ

самимъ, обладаютъ способностью движенія впередъ или самоусовершенствованія. Очевидно, что было время, когда предки этихъ людей не имѣли словъ для пятнадцати или шестнадцати, или даже для пяти или шести, такъ какъ если бы они имѣли эти слова, они не могли бы быть столь глупы, чтобы замѣнить ихъ настоящими нескладными фразами, гдѣ говорится о рукахъ, ногахъ и цѣлыхъ людяхъ. Мы видимъ, что было время, когда, не имѣя другихъ средствъ къ считанію подобныхъ чиселъ, кромѣ своихъ пальцевъ на рукахъ и ногахъ, они нашли, что имъ стоитъ только высказать словами то, что они дѣйствительно дѣлали при счетѣ, и выраженіе въ родѣ «обѣихъ рукъ» можетъ служить какъ имя числительное для десяти. Впослѣдствіи они удержали эти слова какъ числительныя, когда первоначальный ихъ смыслъ утратился, подобно неграмъ Вей, которые число двадцать называютъ *mo bande*, позабывъ о томъ что оно должно собственно означать «одинъ человѣкъ оконченъ». Языкъ народовъ, уже давно достигшихъ цивилизаціи, рѣдко обнаруживаетъ такъ очевидно первоначальное значеніе своихъ числительныхъ именъ,—можетъ быть потому, что послѣднія имѣютъ столь древнее происхожденіе и могли подвергнуться столь значительнымъ измѣненіямъ. Но во всѣхъ языкахъ міра, дикаго или цивилизованнаго, съ исключеніями слишкомъ маловажными, чтобы останавливаться на нихъ здѣсь, существуютъ неизгладимыя доказательства того, что числительныя возникли изъ первобытнаго счета по пальцамъ рукъ и ногъ. Послѣднее всегда приводило людей къ счету пятками, десятками или группами по двадцати, и люди продолжаютъ такое счисленіе и теперь. Пятеричная система счисленія употребительна у племенъ въ родѣ сенегальскихъ негровъ, которые считаютъ: одинъ, два, три, четыре, пять, пять-одинъ, пять-два и т. д.; мы никогда не считаемъ числа подобнымъ образомъ на словахъ, но мы пишемъ ихъ такъ римскими цифрами. Десятичная система есть самая употребительная на свѣтѣ и наше обычное счисленіе принадлежитъ именно къ ней; такимъ образомъ, восемьдесятъ три есть «восемь десятковъ и три». Двадцатеричное счисленіе, составляющее обычный способъ во многихъ языкахъ, оставило свои слѣды и среди десятичнаго счисленія цивилизованной Европы, каковы англійское «fourscore and three (83), французское quatre vingt trois», то есть «четыре двадесятка

и три». Такимъ образомъ, врядъ ли возможно сомнѣваться, что современный міръ унаслѣдовалъ прямо отъ первобытнаго человѣка его самую раннюю ариѳметику, производившую свои дѣйствія на природномъ счислительномъ приборѣ — на рукахъ и ногахъ. Это также объясняетъ (стр. 22), почему цивилизованный міръ употребляетъ числовую систему, основанную на неудобномъ числѣ десять, которое не дѣлится ни на три, ни на четыре. Еслибы намъ пришлось создавать нашу ариѳметику сызнова, мы основали бы ее скорѣе на дуодецимальной системѣ, и стали бы употреблять вмѣсто десятковъ и сотенъ дюжины и гросы (дюжина дюжинъ).

Выработка названій для чиселъ была великимъ шагомъ впередъ, но въ ариѳметикѣ слова врядъ ли могутъ служить далѣе самыхъ простыхъ случаевъ, какъ можетъ убѣдиться всякій, попробовавъ помножать на словахъ «семь тысячъ восемьсотъ три» на «двѣсти семнадцать», и не помогая себѣ мысленнымъ превращеніемъ ихъ въ цифры. Какимъ образомъ люди дошли до употребленія числовыхъ знаковъ? Начало отвѣта на этотъ вопросъ можетъ быть получено изъ идеографическаго письма варварскаго періода, гдѣ, напримѣръ, сѣверо-американскій воинъ ставитъ четыре маленькихъ черточки, чтобы показать, что онъ скальпировалъ четырехъ человѣкъ. Для небольшихъ чиселъ это удобно, но становится крайне неудобнымъ для бо́льшихъ. Поэтому, еще при дѣтскомъ состояніи письменнаго искусства, древніе пришли къ мысли составить специальные знаки для своихъ пятковъ, десятковъ, сотенъ и т. д., оставляя употребленіе простыхъ черточекъ только для обозначенія немногихъ остальныхъ единицъ. Это хорошо видно на фиг. 76, которая показываетъ, какъ производилась нумерація въ древнемъ Египтѣ и Ассиріи. Этотъ древній методъ еще не вымеръ, такъ какъ римскіе числовые знаки I, V, X, L, до сихъ поръ еще общеупотребительные, располагаются почти по тому же принципу. Другой пріемъ, возникшій изъ азбуки, заключался въ томъ, что брали буквы по порядку и изображали ими числа. Такимъ образомъ, стихи псалма CXIX перенумерованы буквами еврейской азбуки, а книги Иліады — буквами греческой. При помощи этихъ разнообразныхъ методовъ нумераціи ариѳметика древнихъ цивилизованныхъ народовъ сдѣлала большіе успѣхи. Тѣмъ не менѣе всѣ эти способы нумераціи были слишкомъ неудобны

сравнительно съ нумераціею новаго міра. Стоитъ только написать MMDCLXIX и помножить на CCCXLVIII или βχ'ξθ на τμη — и въ нѣсколько минутъ мы не преминемъ убѣдиться въ превосходствѣ нашихъ цифръ.

Чтобы понять, какимъ образомъ пришли къ изобрѣтенію цифръ, необходимо вернуться къ болѣе грубому состоянію общества. Въ Африкѣ можно видѣть на рынкѣ негритянскихъ торговцевъ, ведущихъ свои счеты при помощи голышей; когда они доходятъ до пяти, они откладываютъ камешки въ сторону, въ видѣ отдѣльной маленькой кучки. На островахъ Южнаго океана было замѣчено, что туземцы, считая и доходя до десяти, откладываютъ въ сторону не всю кучку изъ десяти предметовъ, но только одинъ ку-

Египетъ.

= 1 = 10 = 100 = 1000

= 4359

Ассирія.

= 1 = 10 = 100 (10 × 100) = 1000

= 2451

Фиг. 76. Древняя египетская и ассирійская нумерація.

сокъ кокосоваго черешка, изображая имъ десятокъ, и затѣмъ бо́льшій кусокъ, когда имъ нужно обозначить десять десятковъ или сотню. Между тѣмъ для насъ очевидно, что подобное употребленіе различныхъ родовъ отмѣтокъ не необходимо; все, что требуется сдѣлать считающему при помощи камешковъ или бобовъ, это — держать въ отдѣльности свою кучку единицъ, кучку десятковъ, кучку сотенъ и т. д. Употребленіе такихъ вещей какъ камни, для счетныхъ марокъ, которые и до сихъ поръ переживаютъ въ Англіи среди неграмотной части населенія, въ древнемъ мірѣ было настолько обычно, что греческое слово для считанія было *psephizein* отъ *psephos*=«камень», и соотвѣтственное латинское слово было *calculare* отъ *calculus*=«камень»; такимъ обра-

зомъ и наше англійское слово *calculate* = «считать» является памятникомъ весьма ранняго состоянія ариѳметики. Но для того, чтобы вести въ порядкѣ подобный счетъ камнями, нуженъ родъ абака или счислительной доски съ раздѣленіями. Послѣдняя дѣлалась различной формы; такъ, римскій абакъ былъ снабженъ рядами отверстій для колышковъ или шишекъ, а китайскій swanpan заключаетъ шарики, надѣтые на проволоки, и которыми туземные счетчики въ торговыхъ конторахъ считаютъ съ быстротою и точностью, оставляющею далеко за собою европейскаго конторщика съ его карандашемъ и бумагою. Возможно, что именно изъ Китая и русскіе торговцы позаимствовали свои счеты, съ помощью которыхъ они также дѣлаютъ свои вычисленія; говорятъ, что одинъ французъ, увидѣвъ счеты въ Россіи во время наполеоновскаго вторженія, былъ пораженъ мыслью, что они могутъ отлично

Β	Δ	Α		Θ	Γ
II	IV	I		IX	III
2	4	1		9	3

Фиг. 77. Методъ счисленія посредствомъ счетныхъ марокъ и знаковъ на абакѣ

служить для обученія ариѳметикѣ маленькихъ дѣтей; поэтому онъ ввелъ ихъ во Франціи, а отсюда они нашли себѣ дорогу и въ англійскія элементарныя школы. Какой бы родъ абака ни употреблялся, принципъ его остается одинъ и тотъ же и заключается въ томъ, что доска дѣлится на столбцы такъ, чтобы въ одномъ столбцѣ камни, бобы, колышки или шарики изображали единицы, въ другомъ десятки, въ третьемъ сотни и т. д., какъ на фиг. 77. Здѣсь три камня въ правомъ столбцѣ изображаютъ 3, девять въ слѣдующемъ—90, одинъ въ четвертомъ—1000 и т. д. Слѣдующее усовершенствованіе состояло въ устраненіи неудобныхъ камней или бобовъ, и въ записываніи чиселъ въ столбцахъ, какъ это изображено на нашей фигурѣ греческими и римскими числовыми зна-

ками. Но теперь счетчикъ могъ уже обойтись безъ неуклюжаго прибора; ему остается только начертить линіи на бумагѣ и сдѣлать столбцы для единицъ, десятковъ, сотенъ и т. д. Читатель замѣтилъ, конечно, что для соблюденія принципа абака вовсе не необходимо, чтобы каждый слѣдующій столбецъ былъ въ десять разъ больше противъ предшествующаго. Онъ можетъ быть больше въ двѣнадцать, или двадцать, или въ какое угодно число разъ, и въ дѣйствительности столбцы въ нашихъ счетныхъ книгахъ для *L* (фунты стерлинги), *s* (шиллинги), *d* (пенсы) или *cwts* (центнеры), *grs* (гроссы), *lbs* (фунты) — представляютъ переживающихъ представителей древняго метода абака. Такой счетъ все-таки страдалъ тѣмъ недостаткомъ, что числа не могли обойтись безъ столбцовъ, ибо даже когда каждое число отъ единицы до девяти имѣетъ отдѣльную цифру для своего обозначенія, все-таки тамъ и сямъ столбецъ можетъ остаться пустымъ (какъ это нарочно сдѣлано на фиг. 77), что, въ случаѣ устраненія столбцевъ, привело бы все въ совершенную путаницу. Въ настоящее время намъ представляется самымъ простымъ дѣломъ вставить знакъ для обозначенія пустаго столбца, какъ это мы и научились дѣлать съ помощью нуля или 0, вслѣдствіе чего число, изображенное на абакѣ, можетъ быть теперь написано безъ всякихъ столбцовъ—241093. Это изобрѣтеніе знака для «ничего» въ практическомъ отношеніи было однимъ изъ величайшихъ шаговъ когда-либо сдѣланныхъ въ наукѣ. Именно употребленіе нуля составляетъ всю разницу между древнею ариѳметикою и нашимъ удобнымъ счисленіемъ. Мы приписываемъ это изобрѣтеніе арабамъ, употребляя терминъ «арабскія цифры», между тѣмъ какъ сами арабы называютъ ихъ индійскими; то и другое названіе заключаютъ въ себѣ долю истины, такъ какъ одни народы учились ариѳметикѣ у другихъ. Но это не доходитъ до корня дѣла, и до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ вопросъ, были ли цифры изобрѣтены въ Азіи, или начало ихъ можно относить въ Европѣ къ ариѳметикамъ школы Пиѳагора. Что касается, впрочемъ до главнаго пункта, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ариѳметика новаго времени происходитъ отъ древняго счета по столбцамъ абака, улучшеннаго писаніемъ точки или нуля для обозначенія порожняго столбца; и съ помощью этого знака маленькія дѣти въ настоящее время могутъ легко производить вычисле-

нія, которыя были серіознымъ трудомъ для ариѳметиковъ древняго міра.

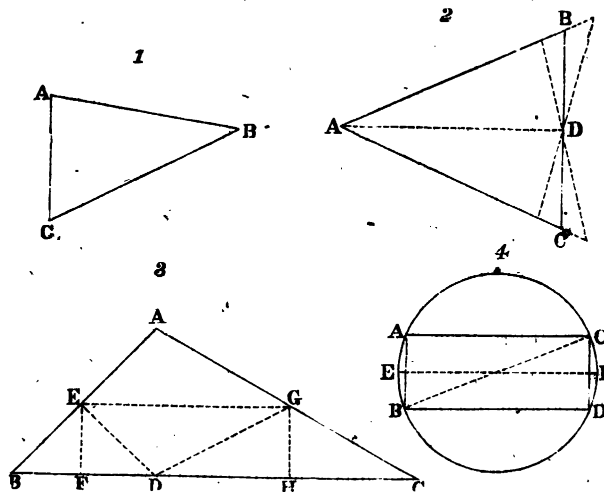
Переходимъ теперь къ искусству измѣренія. Можно легко догадаться заранѣе, что человѣкъ впервые сталъ производить измѣренія—какъ и впервые считать—при помощи своего собственнаго тѣла. Когда варвары узнавали, при помощи ширины своихъ пальцевъ, насколько одно копье длиннѣе другаго, или когда при постройкѣ хижины они догадались, какъ нужно поставить одну ногу передъ другою, чтобы получить разстояніе между двумя колами—они возвели искусство измѣренія на его первую ступень. Мы и до сихъ поръ иногда пользуемся этимъ методомъ для грубой работы, напримѣръ, опредѣляя высоту лошади положеніемъ рукъ, или вымѣряя шагами величину ковра. Если выбирать въ мѣрильщики людей средняго роста, то можно достигнуть этимъ путемъ довольно правильнаго измѣренія. Врядъ ли возможно сомнѣваться, что первобытный способъ былъ именно таковъ, такъ какъ цивилизованныя націи, обладающія болѣе точными средствами, до сихъ поръ еще пользуются названіемъ тѣлесныхъ мѣръ. Кромѣ *локтя*, *ладони*, *стопы (фута)*, *пяди*, *ногтя*, — о которыхъ уже было упомянуто на стр. 22, — мы имѣемъ въ англійскомъ языкѣ *ell* (раннее значеніе котораго «плечо» или «предплечіе» видно въ *elbon* «сгибъ плеча» или «локоть»), далѣе *fathom* или веревка, вытянутая распростертыми руками на подобіе того, какъ дѣлается матросами, и *pace* или двойной шагъ (латинское *passus*), тысяча которыхъ (*mille*) составляетъ *mile* — «миля». Но хотя эти наименованія и сохраняютъ воспоминаніе о раннемъ измѣреніи помощью членовъ человѣческаго тѣла, они въ настоящее время употребляются только въ качествѣ удобныхъ названій для единицъ мѣры, къ которымъ человѣческіе члены случайно могутъ подходить довольно близко по своей величинѣ; предполагать же, что, напримѣръ, человѣческая стопа имѣетъ въ длину футъ какъ правило, было бы большимъ заблужденіемъ. Наши новыя измѣренія производятся при помощи образцовыхъ мѣръ, которыя мы, съ бóльшими или меньшими измѣненіями, унаслѣдовали отъ древнихъ. Великимъ шагомъ въ цивилизаціи было, когда египтяне и вавилоняне ввели въ употребленіе куски дерева или металла точной длины, долженствовавшіе служить образцами мѣръ. До сихъ поръ еще можно видѣть

египетскіе локти съ ихъ подраздѣленіями, и комната царя въ большой пирамидѣ имѣетъ весьма точно 20 локтей въ длину, 10 въ ширину; локоть равняется 20,63 англ. дюймамъ. Нашъ футъ почти не измѣнился въ теченіи послѣднихъ вѣковъ, и не очень разнится отъ греческаго и римскаго фута. Французы во время своей первой революціи сдѣлали смѣлую попытку отбросить древнія традиціонныя мѣры и обратиться прямо къ природѣ, и такимъ образомъ установили *метръ*, который составляетъ одну десятимилліонную часть разстоянія между полюсомъ и экваторомъ. Вычисленіе, однако, оказалось неточнымъ, такъ что метръ въ настоящее время на самомъ дѣлѣ представляетъ образцовую мѣру стараго характера, но удобство употребленія однихъ и тѣхъ же мѣръ настолько велико, что метръ съ его подраздѣленіями входитъ все болѣе и болѣе въ употребленіе для научныхъ работъ по всему міру. Употребленіе вѣсовъ съ разновѣсками и мѣръ жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ началось у цивилизованныхъ народовъ уже въ самыя раннія извѣстныя эпохи. Наши современныя единицы мѣръ могутъ быть до извѣстнаго предѣла прослѣжены назадъ къ таковымъ единицамъ древняго міра; такъ напримѣръ, фунтъ и унція, галлонъ и пинта происходятъ отъ древнихъ римскихъ вѣсовъ и мѣръ.

Отъ измѣренія длины футами люди должны были скоро перейти къ вычисленію поверхностей, — напримѣръ, какой нибудь продолговатой площади - въ квадратныхъ футахъ. Но для вычисленія поверхности менѣе простыхъ фигуръ потребовались болѣе сложныя геометрическія правила. Честь изобрѣтенія геометріи, т. е. «землемѣрія», греки приписывали египтянамъ; возможно, что въ древнемъ разсказѣ, по которому это искусство получило начало вслѣдствіе необходимости дѣлить на участки удобренныя иломъ поля на берегахъ Нила, содержится извѣстная доля истины. Въ Британскомъ Музеѣ находится древнеегипетское руководство къ измѣренію (Риндскій папирусъ), одна изъ древнѣйшихъ книгъ къ мірѣ, первоначально написанная болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ до временъ Евклида и показывающая, чтó знали и чего не знали въ это время египтяне въ области геометріи Изъ ея фигуръ и примѣровъ оказывается, что они употребляли квадратныя мѣры, но вычисляли ихъ лишь грубымъ образомъ; напримѣръ, чтобы измѣрить площадь треугольнаго поля ABC, фиг. 78 (1), они помножали половину

АС на АВ, что было бы правильно только въ томъ случаѣ, если бы уголъ ВАС былъ прямой. Когда египтянамъ требовалось получить площадь круглаго поля, они вычитали одну девятую часть діаметра и брали квадратъ остатка; такъ, если діаметръ равнялся 9 перчамъ (perch = $5^1/_2$ ярдовъ), то они находили, что кругъ содержитъ 64 квадратныхъ перча, что читатель, при повѣркѣ, найдетъ удовлетворительнымъ приближеніемъ къ дѣйствительности. Все это было весьма замѣчательно для начатковъ геометріи, и можно повѣрить свидѣтельству, что греческіе философы, въ родѣ Ѳалеса и Пиѳагора, пріѣхавъ въ Египетъ, научились мудрости у жрецовъ—геометровъ этой страны. Но эти египетскіе математики, будучи членами жреческаго сословія, стали считать свои правила священными, слѣдовательно, неподлежащими усовершенствованію между тѣмъ какъ ихъ греческіе ученики, не связанные никакимъ правовѣріемъ въ наукѣ, могли свободно двинуться далѣе къ выработкѣ болѣе совершенныхъ методовъ. Такимъ образомъ, греческая геометрія достигла результатовъ, дошедшихъ до насъ въ великомъ трудѣ Евклида, который воспользовался теоремами, извѣстными его предшественникамъ, прибавляя новыя и доказывая все въ логическомъ порядкѣ. Однако нужно думать, что элементарная геометрія въ дѣйствительности не была изобрѣтена при помощи опредѣленій, аксіомъ и разсужденій, въ родѣ употребляемыхъ Евклидомъ. Ея начатки на самомъ дѣлѣ возникли изъ обыденной практической работы землемѣровъ, каменьщиковъ, плотниковъ и портныхъ. Это можно увидѣть изъ геометрическихъ правилъ строителей алтарей въ древней Индіи, — правилъ, которыя указываютъ каменьщику на черченіе на планѣ такихъ то и такихъ линій, на установку шестовъ на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга и протягиваніе веревокъ между ними. Поучительно видѣть, что нашъ (англійскій) терминъ *straight line* (прямая линія) все еще обнаруживаетъ слѣды подобнаго ранняго практическаго значенія, *line* = «линія» есть *linen shread* (нить изъ льна), и *straight* — (прямая) есть причастіе отъ древняго глагола *to stretch* (натягивать). Если мы туго натянемъ нитку между двумя колышками, то увидимъ, что натянутая нить будетъ короче другихъ; это позволяетъ догадываться, какимъ образомъ дошли до опредѣленія прямой линіи какъ кратчайшаго разстоянія между двумя точками.

Равнымъ образомъ, каждый плотникъ знаетъ свойства прямого угла и привыкъ къ параллельнымъ линіямъ или такимъ, которыя остаются одинаково отдаленными одна отъ другой. Для портнаго прямой уголъ представляется нѣсколько инымъ путемъ. Предположимъ, что онъ вырѣзываетъ вдвое сложенный кусокъ ткани для того, чтобы развернуть его въ клинъ или клиновидный кусокъ BAC на фиг. 78 (2). Онъ долженъ отрѣзать ADB подъ прямымъ угломъ или иначе его кусокъ по разворачиваніи будетъ имѣть или выемку или выступъ, какъ это видно изъ нашей фигуры. Срѣзывая

Фиг 78. Зачаточная практическая геометрія. 1) Разносторонній треугольникъ, 2) сложенный прямой уголъ; 3) сложенный треугольникъ; 4) прямоугольникъ, вставленный въ кругъ.

его прямо, такъ что BDC развертывается въ прямую линію, онъ не можетъ ни видѣть, что стороны AB и AC, и углы ABC и ACB должны непремѣнно быть равны между собою, такъ какъ при самой кройкѣ, они были наложены сторона на сторону, уголъ на уголъ. Такимъ образомъ, путемъ того, что можно назвать портняжной геометріею, онъ приходитъ къ теоремѣ Евклида I 5, которая въ настоящее время извѣстна подъ названіемъ «мостаословъ». Подобныя легко усвоиваемыя свойства фигуръ должны были сдѣлаться практически извѣстными весьма рано. Но вѣрно

также, что древніе долго не знали такихъ вопросовъ, которые въ настоящее время относятся къ элементарному обученію. Такъ, мы только что упомянули, что египетскіе межевщики оказались не въ состояніи установить точное правило для измѣренія треугольнаго поля. Между тѣмъ, если бы имъ пришло въ голову вырѣзать изъ листа папируса діаграму треугольника, какъ это мы можемъ сдѣлать съ треугольникомъ ABC на фиг. 78 (3), и сложить ее какъ показано на фигурѣ, то они нашли бы. что она складывается въ прямоугольникъ EFHG, и что слѣдовательно, площадь ея есть произведеніе основанія на половину высоты. Они могли бы увидѣть, что это не какая нибудь случайность, но свойство, принадлежащее всѣмъ треугольникамъ, между тѣмъ какъ въ то же самое время оказалось бы, что три угла A, B и C, всѣ складываясь вмѣстѣ въ D, составляютъ два прямыхъ угла. Хотя болѣе древніе египетскіе геометры, повидимому, не дошли ни до одного изъ этихъ свойствъ треугольника, греческіе геометры какимъ то путемъ ознакомились съ ними еще до временъ Евклида. Древніе историки, разсказывавшіе о происхожденіи математическихъ открытій, повидимому, не всегда понимали то, что они говорили. Такъ, о Ѳалесѣ они говорятъ, что онъ первый вписалъ прямоугольный треугольникъ въ кругъ, послѣ чего онъ принесъ въ жертву быка. Но такой превосходный математикъ врядъ ли могъ не знать того, что имѣлъ случай узнать всякій толковый плотникъ, которому приходилось симметрически пригонять продолговатую доску въ кругъ; это заключаетъ въ себѣ вопросъ прямоугольнаго треугольника вписаннаго въ полукругѣ, какъ это видно изъ (4) на нашей фигурѣ. Можетъ быть на самомъ дѣлѣ разсказъ означалъ, что Ѳалесъ первый выработалъ геометрическое доказательство этой теоремы. Тоже разсказываютъ и о Пиѳагорѣ, а другой варьянтъ говоритъ, что онъ принесъ въ жертву гекатомбу, открывъ что квадратъ гипотенузы прямоугольнаго треугольника равняется суммѣ квадратовъ двухъ остальныхъ сторонъ (Евклидъ, I. 47). Этотъ разсказъ имѣетъ мало вѣроятія по отношенію къ философу, запрещавшему принесеніе въ жертву какихъ бы то ни было животныхъ. Что касается до самаго предложенія, то оно могло представиться на практикѣ каменщикамъ, работавшимъ съ квадратными камнями для мостовой или черепицами; такъ, когда основаніе имѣетъ въ длину три черепицы,

а перпендикуляръ четыре, гипотенуза будетъ пять, и для построенія на ней квадрата потребовалось бы столько черепицъ, сколько нужно для построенія квадратовъ изъ нихъ на остальныхъ обѣихъ сторонахъ вмѣстѣ. Воспользовался ли Пиѳагоръ указаніемъ подобныхъ практическихъ правилъ, или онъ былъ приведенъ къ этой теоремѣ путемъ изученія ариѳметическихъ квадратныхъ чиселъ, во всякомъ случаѣ онъ могъ быть первымъ, кто установилъ, какъ общій законъ, это свойство прямоугольнаго треугольника, отъ котораго зависитъ вся тригонометрія и аналитическая геометрія.

Изъ древней исторіи математики, извѣстно только то, что основателями этой науки были египтяне съ ихъ практическимъ межеваніемъ и вавилоняне, искусство которыхъ въ ариѳметикѣ явствуетъ изъ составленныхъ ими и до сихъ поръ сохранившихся таблицъ квадратныхъ и кубическихъ чиселъ. Затѣмъ греческіе философы, бывшіе сначала учениками этихъ древнѣйшихъ школъ, вскорѣ оставили своихъ учителей позади себя и подняли *математику*—какъ подразумѣваетъ самое названіе—до высоты «ученія» или «руководства» человѣческаго ума къ строгому и точному мышленію. На своихъ первыхъ ступеняхъ математика главнымъ образомъ состояла изъ ариѳметики и геометріи, и такимъ образомъ имѣла дѣло съ извѣстными числами и количествами. Но уже въ древніе вѣка египтяне и греки начали вырабатывать методъ обращенія съ числомъ безъ опредѣленія его нумерической величины, а индусскіе математики, идя далѣе въ томъ же самомъ направленіи, ввели въ употребленіе методъ, въ настоящее время называемый алгеброю. Должно замѣтить, что употребленіе буквъ какъ знаковъ для алгебраическихъ чиселъ не было изобрѣтеніемъ, сдѣланнымъ сразу при помощи счастливой догадки, но развилось изъ болѣе ранняго и болѣе неуклюжаго пріема. Изъ одной санскритской книги оказывается, что уважаемые учителя начали обозначать неизвѣстныя количества посредствомъ термина «столько-то» или посредствомъ названій цвѣтовъ, «черный», «синій», «желтый», а впослѣдствіи для краткости вошли въ употребленіе одни первые слоги этихъ словъ. Такъ, если бы намъ нужно было выразить «дважды квадратъ неизвѣстнаго количества» и мы назвали бы его «столько-то въ квадратѣ дважды», а затѣмъ сократили бы это до *сто N. кв. 2*, то это было бы весьма сходно съ тѣмъ, что дѣлалъ индусъ, рѣшая, напримѣръ,

слѣдующую задачу, приводимую въ *Индусской Алгебрѣ* Кольбрука: «квадратный корень половины числа роя пчелъ отправился въ кустъ жасмина; а также и восемь девятыхъ всего роя; одна самка шепчется съ однимъ оставшимся самцомъ, жужжащимъ внутри лотуса, въ которомъ онъ застрялъ, будучи привлеченъ къ нему его ночнымъ ароматомъ. Скажи, милая женщина, каково было число пчелъ?» Это индусское уравненіе рѣшается неуклюжимъ способомъ по недостатку удобныхъ знаковъ = + —, которые были изобрѣтены позже въ Европѣ, но отрицательныя количества отмѣчены и оно рѣшается по способу обыкновеннаго квадратнаго уравненія. Этому удивительному индусскому методу научились арабскіе математики, а черезъ нихъ онъ сдѣлался извѣстнымъ средневѣковой Европѣ. Арабское наименованіе, данное этому методу есть *al-jabr wa-l-mukabalah*, то есть «соединеніе» и «противуположеніе», что означаетъ производимыя теперь перенесенія количествъ изъ одной части уравненія въ другую; отсюда и происходитъ нынѣшнее слово *алгебра*. Высшая математика вполнѣ установилась въ Европѣ не ранѣе приблизительно семнадцатаго вѣка, когда Декартъ привелъ въ систему приложеніе алгебры къ геометріи, и когда изысканія Галилея относительно пути шара или брошеннаго камня вызвали идеи, поведшія къ флюксіямъ Ньютона и къ дифференціальному исчисленію Лейбница, съ помощью которыхъ математика возвысилась до того положенія и значенія, которое она получила въ новое время. Математическіе символическіе знаки не утратили слѣдовъ своей первоначальной формы сокращенныхъ словъ; такъ, *n* до сихъ поръ ставится вмѣсто *number* (число), и *r* вмѣсто *radius*, между тѣмъ какъ $\sqrt{\ }$, представляющее скорописное *r*, играетъ роль *radix* (корня), а $\int$, старинное *S*, ставится вмѣсто (*summa*) при интегрированіи.

Математически обработанныя механика и физика въ настоящее время составляютъ самый фундаментъ нашего познанія вселенной. Но въ древній варварскій періодъ люди имѣли о нихъ только самыя грубыя понятія. Дикарь настолько понимаетъ путь, описываемый метательнымъ снарядомъ, что прицѣливается и попадаетъ въ цѣль; понимаетъ также, какъ воспользоваться принципомъ рычага, когда онъ насаживаетъ свой топоръ на длинное скорѣе

чѣмъ на короткое топорище. Но онъ едва ли доходитъ до возведенія этихъ практическихъ понятій въ принципъ или законъ. Даже древніе цивилизованные народы Востока, насколько извѣстно, не съумѣли придти къ научному изученію законовъ механики, хотя они умѣли поднимать камни съ помощью рычага, вертикально устанавливать свои стѣны съ помощью отвѣса и взвѣшивать золото на вѣсахъ. Въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ насъ то, что если бы они знали такіе законы, то греки навѣрное научились бы имъ у нихъ, между тѣмъ, какъ мы находимъ, что эти науки рождаются именно у греческихъ философовъ. Они начали обсуждать вопросы механики во времена Аристотеля, — хотя они обсуждали ихъ далеко не всегда вѣрно; такъ, они полагали, что тѣло притягивается къ центру міра, но что чѣмъ больше его вѣсъ, тѣмъ скорѣе оно будетъ падать. Главнымъ основателемъ научной механики былъ Архимедъ, который выработалъ изъ опытовъ надъ безмѣномъ законъ рычага и вывелъ отсюда случаи уравновѣшиванія всѣхъ частицъ тѣла около общаго центра, называемаго теперь центромъ тяжести тѣла; онъ далъ даже общую теорію плаванія тѣлъ, — которую едва могли понять математики среднихъ вѣковъ. Въ сущности наука механики послѣ классическаго періода раздѣлила общую участь всѣхъ знаній въ теченіи всего продолжительнаго мертваго періода, когда было позабыто столь многое, и когда то, что еще оставалось въ памяти, находилось въ рабствѣ у схоластической теологіи. Современнаго читателя иногда удивляетъ, что «мудрость древнихъ» все еще отъ времени до времени выставляется въ качествѣ научнаго авторитета. Но средневѣковые ученые, по многимъ научнымъ вопросамъ знавшіе менѣе древнихъ грековъ, могли дѣйствительно смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ учителей. Любопытно взглянуть на книгу Герберта (папы Сильвестра II), который былъ однимъ изъ передовыхъ математиковъ десятаго столѣтія, и который бьется надъ измѣреніемъ площади треугольника, подобно какому нибудь древнему египтянину, тогда какъ установленный Евклидомъ болѣе точный методъ уже былъ хорошо извѣстенъ еще въ классическія времена. Физика, какъ наука, могла бы совершенно исчезнуть, если бы, въ теченіи того времени, когда древняя сокровищница знаній была утрачена для хри-

стіанства, хранителями ея не сдѣлались мусульманскіе философы, которые даже прибавили къ ея запасамъ новые вклады. Ихъ заслуги въ этомъ отношеніи не всегда достаточно цѣнились. О Галилеѣ разсказываютъ интересный анекдотъ, будто бы онъ изобрѣлъ маятникъ, вслѣдствіе своихъ наблюденій надъ постоянными качаніями большихъ висячихъ лампадъ въ каѳедральномъ соборѣ въ Пизѣ; на самомъ же дѣлѣ оказывается, что шестью столѣтіями ранѣе Эбнъ Юнисъ и другіе арабскіе астрономы уже употребляли маятникъ, какъ измѣритель времени, при своихъ наблюденіяхъ. Изъ всѣхъ заслугъ Галилея въ области науки, вѣроятно, величайшею было то, что онъ установилъ болѣе ясныя понятія о силѣ и движеніи. Люди съ древнихъ временъ обманывались свидѣтельствомъ своихъ чувствъ и ошибочно полагали, что сила движущагося тѣла постепенно истощается, и что оно останавливается само собою; но это понятіе о силѣ было измѣнено подъ вліяніемъ новаго принципа, по которому для остановки движущагося тѣла нужно столько же силы, сколько и для приведенія его въ движеніе, такъ что если бы противодѣйствующая сила не замедляла стрѣлы или колеса, то первая летѣла бы, а послѣднее катилось бы до безконечности. Въ этотъ періодъ приложенія математики къ наукѣ быстро послѣдовали одно за другимъ различныя новыя открытія. Если бы Архимедъ могъ снова возвратиться къ жизни, онъ увидѣлъ бы, что наконецъ началось движеніе впередъ,—когда съ помощью барометра Торричелли стали опредѣлять давленіе воздуха, и когда Стевинъ изъ Брюггэ открылъ принципъ параллелограмма силъ. Понятіе о притягательной силѣ проникло въ умы мыслителей вслѣдствіе наблюденія, какъ магнитъ притягиваетъ на разстояніи желѣзо, и какъ стекло и другія вещества получаютъ притягательное свойство, если ихъ натереть. Такимъ образомъ, открылся путь для Ньютона съ его вычисленіемъ дѣйствія тяготѣнія какъ подобной притягательной силы, и съ его объясненіемъ движенія небесныхъ тѣлъ помощью этой силы—объясненіемъ, установившимъ для всего видимаго міра одинъ міровой законъ. Между великими законами, установившимися въ физикѣ въ настоящее время, находится законъ сохраненія энергіи, по которому сила не создается и не уничтожается ни въ процессахъ природы, ни въ машинахъ человѣка, но превращается въ какую нибудь новую форму,

эквивалентную другимъ, ей предшествовавшимъ. Умы мыслителей часто устремлялись на изобрѣтеніе вѣчнаго двигателя, который постоянно возсоздавалъ бы самъ себя. Но въ настоящее время эта идея настолько оставлена, что когда какой нибудь прожектеръ предлагаетъ нелѣпую машину, то ему достаточно отвѣтить только указаніемъ, что если бы его машина могла дѣйствовать, было бы возможно и вѣчное движеніе. Механику новаго времени приходится только примѣнять, наиболѣе желательнымъ для него способомъ, тѣ запасы силы, которыя даетъ въ его распоряженіе природа, и, оставаясь въ этихъ надлежаще понятыхъ границахъ, онъ все болѣе и болѣе развиваетъ свою технику.

Между формами проявленія энергіи находятся звукъ, свѣтъ, теплота и электричество. Классическіе философы смутно знали, что звукъ распространяется на подобіе волнъ; и соотношеніе между длиною струны арфы и ея тономъ было подведено подъ ариѳметическій законъ Пиѳагоромъ, который измѣрилъ это соотношеніе при помощи все еще употребляемаго нами инструмента, называемаго монохордомъ. Но измѣреніе скорости звука, объясненіе высоты музыкальнаго звука количествомъ колебаній и созданіе науки о звукѣ—принадлежитъ новѣйшимъ изслѣдователямъ. О свѣтѣ древніе знали нѣсколько болѣе. Ихъ полированныя плоскія и вогнутыя металлическія зеркала научили ихъ первымъ основнымъ принципамъ отраженія свѣта. Имъ было кое что извѣстно также относительно преломленія, и они уже знали обыкновенный опытъ съ кольцомъ, которое помѣщаютъ въ сосудъ и наливаютъ туда воды, пока кольцо не сдѣлается видимымъ глазу наблюдателя. При Ниневійскихъ раскопкахъ найдено двояко выпуклое стекло изъ горнаго хрусталя; греки и римляне были хорошо знакомы съ чечевицеобразными стеклами. Можно только удивляться, что ни арабскіе астрономы, знавшіе столь многое изъ оптики, ни Роджеръ Бэконъ, давшій въ тринадцатомъ вѣкѣ обстоятельное изложеніе ихъ знаній, по-видимому, никогда не попробовали сочетанія двухъ оптическихъ стеколъ для образованія телескопа. Телескопъ упоминается ясно впервые не ранѣе семнадцатаго вѣка въ Голландіи, и Галилей, услышавъ о немъ, сдѣлалъ знаменитый инструментъ, съ помощью котораго онъ увидѣлъ луны Юпитера и произвелъ переворотъ въ представленіяхъ людей о вселенной. Микроскопъ и телескопъ могутъ быть

названы обратными формами одинъ для другаго, и изобрѣтеніе ихъ почти совпало. При помощи двухъ этихъ инструментовъ предѣлы человѣческаго зрѣнія—сравнительно съ силою невооружоннаго глаза—раздвинулись настолько обширно, что въ настоящее время можно наблюдать всѣ ступени развитія жизни животныхъ, имѣющихъ менѣе одной десятитысячной дюйма въ длину, между тѣмъ какъ звѣзды, разстояніе которыхъ отъ земли считается сотнями тысячъ билльоновъ миль, внесены теперь на карты вселенной. Радуга повела къ вопросу о разложеніи свѣта и къ теоріи цвѣтовъ. Ученіе, по которому свѣтъ представляется какъ бы яркими частичками, истекающими по прямымъ линіямъ изъ свѣтящагося тѣла, оказалось не въ состояніи объяснить явленія въ родѣ уничтоженія свѣта свѣтомъ при явленіяхъ интерференціи и уступило мѣсто теоріи свѣтовыхъ волнъ эфира, имѣющихъ весьма малую величину и весьма большую скорость. Въ наши дни линіи спектра сдѣлались средствомъ распознавать свѣтящееся вещество, такъ что астрономъ, телескопъ котораго открываетъ слабый свѣтъ какого нибудь туманнаго пятна въ глубинахъ неба, можетъ узнать его составъ при помощи спектроскопа подобно тому, какъ если бы это было пламя газа на столѣ его лабораторіи. Въ тѣсной связи съ наукою о свѣтѣ стоитъ наука о теплотѣ. Теплота и свѣтъ не только имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ—солнце или огонь, но можно было видѣть, что они подлежатъ однимъ и тѣмъ же законамъ, когда было замѣчено, что зеркало или оптическое стекло, собиравшія свѣтовые лучи въ одну яркую точку, собирали въ тотъ же самый фокусъ и столько теплоты, что она зажигала дерево. Великимъ шагомъ къ изученію теплоты послужило изобрѣтеніе тепломѣра или термометра. Неизвѣстно, кѣмъ оно было сдѣлано впервые, но это произошло приблизительно три столѣтія тому назадъ, и его самая ранняя форма могла состоять изъ резервуара съ трубкою, въ которой повышается и падаетъ окрашенная вода—приборъ, который и до сихъ поръ доставляетъ крайне удобный способъ демонстрировать въ аудиторіи принципъ, на которомъ устроенъ термометръ. Ученіе о теплотѣ, какъ результатѣ волнообразнаго движенія, объясняетъ, какимъ образомъ теплота является превращенною энергіею, такъ что можно заставить паровой молотъ, приводимый въ движеніе теплотою, расходуемою въ печи, ковать холодное желѣзо,

пока оно не раскалится до бѣла; такимъ образомъ, часть силы, происшедшей изъ теплоты, превращается снова въ теплоту, причемъ вмѣстѣ съ послѣднею снова появляется другая форма лучистой энергіи—свѣтъ. Наконецъ, исторія электричества начинается съ того момента, когда древніе стали дивиться на янтарь, притягивающій, когда его натереть, кусочки соломы, и на магнитъ, притягивающій куски желѣза. Указываніе магнитомъ сѣвера и юга, какъ кажется, ранѣе всего было замѣчено китайцами, откуда въ средніе вѣка возникло его всемірное употребленіе въ мореплаваніи. Электрическая машина представляетъ собою древній опытъ съ натираніемъ куска янтаря только въ увеличенныхъ размѣрахъ. Но открытія, связанныя съ именами Вольты и Гальвани, указали новый методъ развитія электричества путемъ химической реакціи въ баттареѣ; змѣй Франклина доказалъ, что молнія есть только большая электрическая искра. Эрстедова проволока съ проходящимъ по ней токомъ, отклоняющая магнитную стрѣлку, показала связь электричества съ магнетизмомъ, и повела къ изобрѣтеніямъ въ томъ направленіи, которому міръ обязанъ электрическимъ телеграфомъ и многими вещами кромѣ него.

Перейдемъ теперь къ химіи. Ея начала лежатъ въ практическихъ процессахъ, въ родѣ выплавки металла изъ руды, сплавленія песка и соды въ стекло, и дубленія кожъ при помощи вяжущей шелухи или коры. Древнѣйшіе цивилизованные народы знали эти и многіе другіе пріемы химическихъ производствъ; техники Греціи и Рима научились не только имъ, но отъ времени до времени прибавляли къ запасу знаній еще новые процессы; такъ, извѣстно, что они стали перегонять ртуть изъ киновари и обрабатывать мѣдь уксусомъ для приготовленія яри-мѣдянки. Рядомъ съ этими практическими рецептами въ ранніе вѣка цивилизаціи возникли также и первыя смутныя очертанія научной химіи; греческіе философы выразили свои понятія о состояніяхъ вещества представленіемъ о четырехъ стихіяхъ: огнѣ, воздухѣ, водѣ и землѣ, они также узнали или придумали сами ученіе о составѣ вещества изъ атомовъ,—принципъ, который въ современныхъ курсахъ химіи получилъ болѣе значительную роль чѣмъ когда либо прежде. Преемниками грековъ сдѣлались арабскіе алхимики и ихъ ученики изъ средневѣковаго христіанскаго міра. Ихъ увѣренность, что ма-

терія можетъ быть измѣнена въ своемъ составѣ или въ своей формѣ, заставила многихъ изъ нихъ проводить свою жизнь среди перегонныхъ кубовъ и печей въ попыткахъ обратить неблагородные металлы въ золото. Для современныхъ химиковъ, которые не были бы удивлены, если бы было найдено, что многіе изъ такъ называемыхъ элементовъ оказываются различными формами одного и того же вещества, идея алхимиковъ не представляется совершенно неразумною сама по себѣ; въ практическомъ же отношеніи она повела алхимиковъ къ исканію истины путемъ опыта, вслѣдствіе чего, хотя они и не нашли философскаго камня, но были вознаграждены открытіемъ такихъ тѣлъ, какъ алкоголь, амміакъ, сѣрная кислота. Ихъ методъ, основанный на изслѣдованіи реальныхъ фактовъ, все болѣе и болѣе очищался отъ нелѣпостей магіи, съ которыми онъ былъ сплетенъ при своемъ развитіи, и алхимикъ приготовилъ путь для позднѣйшаго химика. Новое химическое знаніе болѣе всего было подвинуто впередъ объясненіемъ процессовъ, происходящихъ при горѣніи, ржавленіи и дыханіи. Почему воздухъ въ пріемникѣ, вслѣдствіе сгаранія въ немъ свѣчи или пребыванія въ немъ мыши, портится такъ, что потомъ не можетъ поддерживать ни горѣнія, ни жизни? Почему въ то время, какъ нѣкоторыя вещества, напримѣръ, уголь, повидимому, исчезаютъ отъ дѣйствія огня, другія, каковы свинецъ или желѣзо, превращаются въ вещества, имѣющія вѣсъ больше прежняго? Отвѣты на подобные вопросы приготовили путь для болѣе ясныхъ понятій о химическихъ соединеніяхъ; но прошло еще много времени прежде чѣмъ были поняты опредѣленные законы сродства и пропорцій, по которымъ совершаются эти соединенія. Тотъ, кто уже достаточно знакомъ съ химіею, можетъ съ пользою затратить какой нибудь часъ на просматриваніе старыхъ химическихъ книгъ, гдѣ списокъ веществъ представляетъ хаотическую путаницу, такъ какъ вещества не приведены еще въ порядокъ, сообразно атомистической теоріи Дальтона.

Отъ химическихъ свойствъ вещества переходимъ къ природѣ живыхъ веществъ. Съ самаго начала внимательное наблюденіе человѣка привлекали къ себѣ болѣе очевидныя области біологіи. По скольку зоологія и ботаника ограничиваются наблюденіемъ формъ и привычекъ животныхъ и растеній, дикари и варвары оказываются

достаточно свѣдущими въ нихъ. Такіе народы, каковы, напримѣръ, туземцы южно-американскихъ лѣсовъ, имѣютъ названія для каждой птицы или звѣря; голосъ, жилище и переселенія этихъ животныхъ они знаютъ съ такою точностью, что могутъ изумлять европейскаго натуралиста, которому служатъ проводниками въ лѣсной чащѣ. Списокъ бразильскихъ туземныхъ названій животныхъ и растеній — названій, которыя заключаютъ любопытныя описанія ихъ свойствъ — могъ бы составить небольшой томъ. Такъ, *jaguara pitina* или пятнистый ягуаръ отличается отъ *jaguarete* или большаго ягуара; *capybara* означаетъ существо «живущее въ травѣ», *ipe-caa-goene* или «маленькое подорожное рвотное растеніе» есть наша *ипекакуана*. Человѣчество повсюду обладаетъ популярною естественною исторіею этого рода. Тоже самое и въ отношеніи анатоміи. Когда дикарь убиваетъ оленя, взрѣзаетъ его, варитъ мясо, сердце, печень, изготовляетъ одежду и ремни изъ его шкуры, вырѣзываетъ наконечники для гарпунъ и шила изъ его длинныхъ костей и употребляетъ жилы какъ нитки, то само собою разумѣется, что онъ долженъ обладать удовлетворительнымъ грубымъ знаніемъ анатоміи животнаго. Варваръ-воинъ и варваръ-врачъ, кромѣ этой анатоміи мясника, обладаетъ знакомствомъ и съ устройствомъ человѣческаго тѣла, какъ это можно видѣть изъ описанія ранъ героевъ Иліады, гдѣ копье попадаетъ одному въ грудобрюшную преграду подъ сердцемъ, а у другаго перерываются связки плеча, что́ заставляетъ безпомощно повиснуть его руку. Подобныя грубыя знанія у грековъ перешли на научную ступень, когда Аристотель писалъ свою книгу о животныхъ, а Гиппократъ взялъ медицину изъ рукъ жрецовъ и колдуновъ, чтобы превратить ее въ методъ леченія діэтою и лекарствами. Въ теченіи этого классическаго періода стали лучше понимать и отправленія тѣла, какъ это видно, напримѣръ, изъ того, что перестали смѣшивать нервы, идущіе отъ головнаго мозга и входящіе въ него, съ сухожиліями, тянущими члены, хотя все еще продолжали употреблять для обоихъ одно и тоже греческое слово *neuron* (нервъ). Любопытно замѣтить, какъ долго древніе не могли понять, что́ такое мышца и какъ она дѣйствуетъ. Они вовсе не понимали кровообращенія, хотя у нихъ было кое-какое представленіе объ этомъ, что видно изъ знаменитаго отрывка въ «Тимеѣ», у Платона, гдѣ сердце сравнивается

съ фонтаномъ, посылающимъ кровь всюду для питанія тѣла, которое подобно саду, изборожденному оросительными канавами. Какъ ни несовершенны были древнія знанія, все-таки можно ясно видѣть, что на нихъ основывается новая наука. Такъ, медицинскіе термины системы Галена, въ родѣ *діагноза* болѣзни, употребляются и до сихъ поръ; и въ сущности многія слова древняго врача перешли въ обыденную рѣчь, какъ напримѣръ, когда говорятъ, что такой-то находится въ *sanguine humour* (въ оживленномъ настроеніи); это возвращаетъ насъ далеко назадъ къ тому времени, когда «гуморы» или жидкости тѣла считались способными вызывать то или другое настроеніе духа, и когда сангвиническій или «кровяной» гуморъ имѣлъ свойство сообщать оживленіе или пылкость. Но въ знаніи тѣла новѣйшіе изслѣдователи далеко опередили древнихъ, такъ какъ теперь микроскопъ дѣлаетъ видимыми мельчайшіе сосуды и ткани, и открыты процессы кровообращенія и дыханія, химизмъ пищеваренія и движеніе нервныхъ токовъ. Естественная исторія все еще продолжаетъ развиваться въ смыслѣ принциповъ Аристотеля, прослѣдившаго жизнь отъ мертвой матеріи черезъ ряды растеній и животныхъ. Новѣйшіе натуралисты, какъ напримѣръ, Линней, настолько усовершенствовали старинную классификацію, что сдѣлалось теперь возможнымъ взять растеніе или животное, котораго никогда прежде мы не видали, и имени котораго мы никогда не слыхали, и изслѣдовавши его, опредѣлить, что оно должно принадлежать къ такому-то роду и виду. Сверхъ того, натуралисты всегда старались понять, почему тысячи видовъ располагаются въ группы или роды, причемъ виды въ каждомъ родѣ имѣютъ нѣкоторое общее сходство, и почему роды въ свою очередь слагаются въ высшіе группы или порядки. Мысль, что сходство между видами, составляющими родъ, есть семейное сходство, зависящее отъ того, что эти виды представляютъ въ сущности измѣнившихся потомковъ одной и той же расы или общаго корня—составляетъ основаніе той теоріи развитія или эволюціи, которая въ теченіи многихъ вѣковъ существовала въ умахъ естествоиспытателей и въ настоящее время получила столь широкое преобладаніе. Здѣсь не мѣсто обсуждать ученіе о происхожденіи или развитіи (см. стр. 42), но стоитъ припомнить, что самое слово *genus* (родъ) первоначально означало происхожденіе или

родство, такъ что натуралистъ, который ставитъ рядомъ лошадь, осла, зебру, кваггу, какъ принадлежащихъ къ одному роду equus, въ дѣйствительности внушаетъ намъ мысль, что всѣ они произошли отъ одного предка и представляются отдаленными родичами другъ другу—что́ и составляетъ основу теоріи развитія.

Міръ, въ которомъ мы живемъ, составляетъ предметъ астрономіи, географіи, геологіи. Легко понять, повидимому, какимъ образомъ зачатки этихъ наукъ возникли изъ свидѣтельства чувствъ человѣка. Дѣти, живущія безъ всякаго ученія въ какой нибудь дикой лѣсной странѣ, допустили бы, какъ нѣчто само собою разумѣющееся, что земля представляетъ круглую площадь, которая болѣе или менѣе не ровна, и накрыта сверху куполомъ или небесною твердью, поднимающеюся съ горизонта. Такимъ образомъ, естественное и первобытное понятіе о мірѣ таково, что онъ похожъ на круглое блюдо съ крышкою. Можно найти грубыя племена во многихъ странахъ, которыя думаютъ именно такимъ образомъ и разработываютъ это представленіе такъ, чтобы объяснить себѣ всѣ явленія, въ родѣ дождя, который для нихъ есть вода, падающая сверху сквозь дыры въ небесной кровлѣ. Эта небесная твердь усѣяна прикрѣпленными къ ней звѣздами и находится въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ земли. Ничто не наводитъ дикаря на мысль, что солнце находится на громадное разстояніе дальше отъ него нежели облако, въ которое оно повидимому погружается. Дикарю кажется, что солнце опускается на западѣ въ море, или въ нѣкоторое отверстіе на горизонтѣ и подобнымъ же образомъ появляется на востокѣ, вслѣдствіе чего закатъ и восходъ солнца побуждаетъ умы первыхъ грубыхъ астрономовъ къ вѣрованію въ подземный міръ или адскую область, черезъ которую солнце проходитъ въ теченіи ночи, и которая многимъ народамъ казалась жилищемъ душъ умершихъ людей, когда они послѣ яркаго дня жизни погружаются, подобно солнцу, въ ночь смерти. Солнце и луна движутся по небу какъ живые боги, или по крайней мѣрѣ ихъ влекутъ или руководятъ подобныя небесныя силы; присутствіе же живыхъ существъ на небѣ кажется особенно очевиднымъ при затмѣніяхъ, когда невидимыя чудовища схватываютъ или проглатываютъ солнце или луну. Все это очень естественно; настолько естественно, въ самомъ дѣлѣ, что болѣе правильная астрономія не искоренила

еще подобныхъ представленій даже въ Европѣ. Немного лѣтъ тому назадъ одинъ школьный учитель, отважившійся читать лекцію объ астрономіи на западѣ Англіи, вызвалъ противъ себя неудовольствіе сельскихъ жителей, когда этотъ молодой человѣкъ вздумалъ увѣрять ихъ, что земля кругла и движется, между тѣмъ какъ они жили на ней всю свою жизнь и отлично знали, что она плоска и стоитъ неподвижно. Одна часть самой ранней астрономіи, которая оказалась настолько дѣльною, что удержалась съ того періода, заключается въ измѣреніи времени посредствомъ солнца, луны и звѣздъ. День и мѣсяцъ устанавливаются сразу. Менѣе точное средство для разсчета времени представляютъ времена года, каковы дождливое время, или зимнее, или время развитія растительности; такъ дикарь говоритъ о смерти своего отца, что она послѣдовала три дождливыхъ сезона или три зимы тому назадъ. Грубыя племена, наблюдающія звѣзды, чтобы находить по нимъ дорогу, замѣчаютъ также, что времена года отмѣчаются восхожденіемъ или захожденіемъ особенныхъ звѣздъ или созвѣздій. Такъ, туземцы Южной Австраліи называютъ созвѣздіе Лиры «Птицею Лонъ (Loan), ибо они замѣтили, что когда оно садится вмѣстѣ съ солнцемъ, начинается время для доставанія яицъ этой птицы. Само собою разумѣется, что крупные факты годоваго круга, измѣненія высоты солнца въ полдень, и удлиненіе и укороченіе дней, должны были быть замѣчены всѣми, такъ что даже у народовъ, еще не измѣрившихъ ихъ съ какою нибудь точностью, все-таки существуетъ, хотя бы и неопредѣленное, понятіе о годѣ. Далѣе, внутри года производится, съ нѣкоторою правильностію, распредѣленіе послѣдовательныхъ лунъ или мѣсяцевъ; такъ ожибвы считаютъ по порядку: луну дикаго риса, луну падающихъ листьевъ, луну льда, луну лыжъ и такъ далѣе. Но подобные лунные мѣсяцы пригоняются къ году какъ попало. Въ самомъ дѣлѣ нецивилизованный календарь именно тѣмъ и отличается, что, хотя дни, мѣсяцы и годы извѣстны людямъ, но дни еще не сгруппированы правильно въ мѣсяцы, и не установлено, изъ сколькихъ мѣсяцевъ, и еще менѣе изъ сколькихъ дней состоитъ годъ.

Если мы отъ этого календаря обратимся къ астрономіи древнихъ культурныхъ народовъ, то найдемъ, что какъ наблюденія, такъ и вычисленія совершили большіе успѣхи. Тѣмъ не менѣе

астрономы - жрецы, наблюдавшіе и записывавшіе видъ неба въ теченіи вѣковъ, все еще не освободились отъ представленій своихъ праотцовъ варваровъ относительно того, на что похожъ міръ, разсматриваемый какъ цѣлое. Въ египетской «Книгѣ Мертвыхъ» души умершихъ нисходятъ вмѣстѣ съ богомъ солнца черезъ западныя ворота и путешествуютъ съ нимъ по полямъ и рѣкамъ подземнаго міра; равнымъ образомъ и ассирійскія свидѣтельства сообщаютъ о подземныхъ областяхъ, куда Иштаръ спускается въ темное жилище летающихъ призраковъ, въ которое люди входятъ, но изъ котораго они уже не могутъ выйти. Не смотря на эту первобытную астрономію, которой придерживались египтяне, они установили большую пирамиду по отношенію къ четыремъ странамъ свѣта съ замѣчательною точностью. При вычисленіи года, они не только прибавляли къ 12 луннымъ мѣсяцамъ, изъ 30 дней каждый, 5 вставочныхъ или дополнительныхъ дней, чтобы составить 365, но, придя къ заключенію, что и это не было достаточно точно, они отмѣчали измѣненія года, пока не завершался полный циклъ въ 1461 годъ, опредѣленный временемъ восхода Сиріуса. Еще далѣе подвинулась астрономія халдеевъ съ ихъ отчетами о затмѣніяхъ, обнимающими болѣе 2000 лѣтъ. Въ астрономіи варваровъ, пять планетъ — Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ — привлекали мало вниманія, сравнительно съ солнцемъ и луною. Но у халдеевъ всѣ семь планетъ составляли одну группу, какъ предметъ поклоненія и наблюденія, и послужили исходною точкою для священнаго значенія семи, которое отсюда распространилось по всей мистической философіи древнихъ. Возможно, что именно у вавилонянъ астрономическое изученіе движеній планетъ повело къ теоріи, что они движутся по семи хрустальнымъ сферамъ; до сего дня люди продолжаютъ еще говорить о бываніи «на седьмомъ небѣ». Слѣдующій великій шагъ въ астрономіи имѣлъ мѣсто, когда долго накоплявшееся сокровище знанія вавилонянъ и египтянъ перешло въ руки грековъ, — чтобы быть разработаннымъ при помощи точныхъ геометрическихъ методовъ. Греческіе астрономы были знакомы съ понятіемъ о томъ, что земля представляетъ шаръ; они вычисляли ея окружность и, помѣщая ее обыкновенно въ центръ вселенной, измѣрили видимыя движенія небесныхъ тѣлъ. Эта система, въ своей наиболѣе совершенной

формѣ извѣстная подъ именемъ системы Птолемея, удерживала свое мѣсто до конца среднихъ вѣковъ, когда она вступила въ соперничество съ системою Коперника, предположившаго центральное солнце, вокругъ котораго обращаются земля и остальныя планеты. Намъ нѣтъ надобности пересказывать здѣсь, какимъ образомъ послѣдняя система въ рукахъ Кеплера и Ньютона сдѣлалась механическою теоріею міра и какъ человѣкъ наконецъ освободился отъ самообольщенія, что его маленькая планета представляетъ средоточіе всего міра.

Географія представляетъ знаніе практическаго характера,— знаніе, въ которомъ довольно свѣдущи самыя грубыя племена, насколько дѣло идетъ о положеніи ихъ собственной страны, теченія рѣкъ, горныхъ проходовъ, числа дней требуемыхъ для перехода черезъ лѣсъ и пустыни, чтобы достигнуть какого-нибудь отдаленнаго мѣста охоты, или холмовъ, гдѣ можно найти твердый камень для топоровъ. Какъ бы ни былъ мало цивилизованъ извѣстный народъ, онъ всегда даетъ наименованіе своимъ горамъ и рѣкамъ, въ родѣ какого-нибудь «краснаго холма» или «боброваго ручья». Въ сущности атласы содержатъ сотни мѣстныхъ названій, имѣвшихъ нѣкогда значеніе на языкахъ, на которыхъ болѣе не говоритъ ни одинъ человѣкъ. Научная географія начинается съ той эпохи, когда люди доходятъ до черченія картъ — искусства, которое едва ли доступно дикарю, если его этому не научатъ, но которое было извѣстно первымъ цивилизованнымъ народамъ; древнѣйшую извѣстную карту представляетъ египетскій планъ золотыхъ рудниковъ Эѳіопіи. Самое раннее упоминаніе о географѣ, попытавшемся начертить карту міра, встрѣчаемъ у Геродота, который разсказываетъ о бронзовой доскѣ Аристагора съ изображеніемъ поверхности всей земли, морей и всѣхъ рѣкъ. Но міръ, извѣстный древнимъ, представлялъ весьма ограниченную область, расположенную вокругъ ихъ собственной страны. Развитіе географіи съ отчетливостью выступаетъ передъ нашими глазами при разсмотрѣніи карты въ *Juventus Mundi* (Юность міра) Гладстона, представляющей міръ согласно гомеровскимъ поэмамъ, съ его группою народовъ расположенныхъ вокругъ Средиземнаго моря и опоясывающею все это великою рѣкою - Океаномъ. Впослѣдствіи, въ мірѣ, который былъ извѣстенъ такимъ географамъ какъ Страбонъ,

земля образуетъ обширный оваль, простирающійся отъ Геркулесовыхъ столбовъ до далекой Индіи и отъ тропической Африки до полярной Европы. Объясненіе того, какимъ образомъ суша и море получили свое настоящее размѣщеніе, составляетъ задачу геологіи. Послѣдняя принадлежитъ къ числу самыхъ новѣйшихъ наукъ, но все-таки ея вопросы уже давно заставляли призадумываться грубыхъ людей. Даже гренландцы и туземцы острововъ Южнаго океана замѣтили ископаемые остатки организмовъ внутри страны и высоко на горахъ и объясняютъ ихъ происхожденіе тѣмъ, что земля была нѣкогда покрыта водою, или что море поднималось до большой высоты и залило горы, отложивъ на самыхъ вершинахъ ихъ остатки рыбъ. Въ младенчествѣ греческой науки Геродотъ сдѣлалъ болѣе вѣрное предположеніе о долинѣ Египта, что она образовалась путемъ отложенія нильскаго ила, между тѣмъ какъ раковины на горахъ доказывали, по его мнѣнію, что море находилось нѣкогда тамъ, гдѣ теперь распростерта суша. Должно было, однако, пройти двѣ тысячи лѣтъ прежде чѣмъ это направленіе мысли нашло продолжателей среди геологовъ новаго времени, для которыхъ земля теперь раскрываетъ длинную исторію отложенія и смыванія, поднятія и опусканія ея пластовъ, и смѣну растеній и животныхъ, существовавшихъ на ней съ отдаленныхъ вѣковъ.

Изъ этого обзора различныхъ вѣтвей науки становится яснымъ, что успѣхи ихъ изъ вѣка въ вѣкъ шли путемъ болѣе полнаго наблюденія фактовъ и болѣе точнаго умозаключенія на основаніи добытыхъ данныхъ. Теорія умозаключенія или логика представляетъ самостоятельную науку, но, подобно другимъ наукамъ, она получила начало какъ искусство, которымъ человѣкъ занимался, не останавливаясь на вопросѣ, какъ и почему онъ это дѣлалъ. Онъ выводилъ свои умозаключенія во время мышленія или въ бесѣдѣ съ другими за несказанное число вѣковъ до того времени, когда у него явилась мысль установить правила, какимъ образомъ должно совершаться умозаключеніе. Въ сущности, рѣчь и разумъ работаютъ вмѣстѣ. Языкъ, различающій существительное, прилагательное и глаголъ, представляетъ уже могущественный аппаратъ для умозаключенія. Люди совершили далеко не заурядный шагъ впередъ въ направленіи къ научному методу, когда ихъ языкъ далъ имъ возможность различить роды дерева какъ тяжелые или легкіе и со-

ставлять предложенія въ родѣ того, что легкое дерево плаваетъ, тяжелое тонетъ. Умозаключенію придали научный характеръ главнымъ образомъ греческіе философы, и Аристотель привелъ аргументацію въ извѣстную правильную систему, выработавъ методъ силлогизмовъ. Конечно, простѣйшія формы послѣднихъ были всегда свойственны обыденному умозаключенію, и дикарь, зная, что накаленные до-красна уголья жгутъ тѣло, не имѣлъ бы повода благодарить логика за объясненіе ему, что вслѣдствіе этого принципа всякій отдѣльный до-красна накаленный уголь обожжетъ ему пальцы. Не должно предполагать, что возникновеніе логики какъ науки имѣло послѣдствіемъ немедленное прекращеніе неправильной аргументаціи, и греки вызвали общее движеніе впередъ въ области знанія скорѣе тѣмъ, что они приступили къ практическому вырабатыванію точнаго умозаключенія, особенно въ математикѣ. Важность науки была признана, когда началъ процвѣтать знаменитый Александрійскій музей, прототипъ позднѣйшихъ университетовъ, съ его огромными библіотеками, съ лабораторіями, ботаническимъ и зоологическимъ садами. Сюда стекались тысячи учащихся, чтобы заниматься здѣсь математикою, химіею, анатоміею, подъ руководствомъ профессоровъ, скоплявщихся здѣсь для того, чтобы одновременно учить другихъ и учиться самимъ. Оглядываясь на исторію науки въ теченіи осьмнадцати-вѣковаго періода, истекшаго послѣ этого времени процвѣтанія, мы замѣчаемъ, что хотя и имѣлъ мѣсто нѣкоторый успѣхъ, но онъ все-таки не былъ таковъ, какъ можно было ожидать, и, вообще говоря, дѣла приняли плохой оборотъ. Господствовавшій въ Европѣ періодъ такъ называемой схоластики имѣлъ неблагопріятное вліяніе на науку отчасти вслѣдствіе того, что чрезмѣрное уваженіе къ авторитету прошедшихъ временъ сковывало умы, и отчасти вслѣдствіе того, что ученые преемники Аристотеля дошли до такой крайней вѣры въ силу аргументаціи, что стали воображать возможнымъ рѣшеніе міровыхъ задачъ при помощи одного разсужденія о нихъ, безъ увеличенія запаса дѣйствительныхъ знаній. Великое движеніе новой философіи, съ которымъ соединяется имя Бэкона, какъ одного изъ главныхъ ея истолкователей, снова вернуло людей къ здравому старинному методу работать одновременно путемъ опыта и путемъ мышленія, но только теперь при опытѣ стали лучше искать и точ-

нѣе наблюдать, и самые опыты стали производить по указаніямъ мысли въ болѣе систематическомъ порядкѣ. Мы, живущіе въ такое время, когда каждая недѣля приноситъ новыя сокровища фактовъ природы и вноситъ новую стройность въ объединяющіе ихъ законы,—располагаемъ наилучшимъ практическимъ доказательствомъ въ пользу того, что въ настоящее время наука движется по правильному пути.

Желающій сравнить умственные пріемы грубыхъ и древнихъ народовъ съ нашими собственными, можетъ обратиться къ одному предмету, который въ настоящее время пренебрегается вслѣдствіе своей практической безполезности, но который крайне поучителенъ въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ, какъ работаетъ не научный умъ. Это—магія. На болѣе ранней ступени знанія люди полагались гораздо больше нашего на умозаключеніе путемъ аналогіи или путемъ простой ассоціаціи представленій. При переходѣ отъ того, чтó уже извѣстно, къ чему-нибудь новому, аналогія или умозаключеніе по сходству всегда была – и остается еще и теперь—естественнымъ проводникомъ для ума въ его поискахъ за истиною. Только результаты ея должны быть провѣрены опытомъ. Когда австралійцы подбирали черепки разбитыхъ бутылокъ, оставленныхъ европейскими матросами, то сходство этого новаго матеріала съ ихъ собственными каменными осколками сразу привело дикарей къ испытанію ихъ въ качествѣ наконечниковъ копій. Опытъ показалъ, что въ этомъ случаѣ умозаключеніе по аналогіи оказалось вѣрнымъ, ибо битое стекло вполнѣ удовлетворяло цѣли. Подобнымъ же образомъ сѣверо-американскіе индѣйцы, за недостаткомъ табаку, подъискиваютъ какое-нибудь болѣе или менѣе сходное съ нимъ растеніе,—напримѣръ, ивовую кору—которое могло бы сослужить имъ ту же службу. Практическое знаніе природы, которымъ обладаетъ дикарь, такъ велико, что оно не могло быть накопляемо только путемъ случайныхъ наблюденій; дикари должны были въ теченіи вѣковъ постоянно замѣчать и испытывать новые предметы для того, чтобы видѣть, насколько ихъ свойства соотвѣтствуютъ свойствамъ отчасти сходныхъ съ ними уже извѣстныхъ предметовъ. И тамъ, гдѣ дѣло можетъ быть приведено къ практическому испытанію или провѣркѣ путемъ опыта, подобный методъ изслѣдованія совершенно наученъ. Но грубому человѣку хочется узнать и сдѣлать

гораздо болѣе трудныя вещи: напримѣръ, онъ хочетъ знать, какъ находить мѣста, гдѣ въ изобиліи водится дичь; или не приближаются ли его враги; или какъ предохранить себя отъ молніи; или какъ повредить тому, кого онъ ненавидитъ, но въ кого онъ не можетъ метнуть копья безъ опасности для себя. Въ подобныхъ дѣлахъ, превышающихъ его ограниченныя знанія, онъ удовлетворяется дѣйствіемъ на основаніи мыслимаго сходства или мыслимой аналогіи, и отсюда выростаетъ магія. Вглядываясь въ «тайныя науки», легко усмотрѣть въ нихъ принципы, которые становятся совершенно понятными, если кто можетъ воспроизвести въ своемъ умѣ то дѣтское умственное состояніе, которому свойственны эти принципы. Ничто не обнаруживаетъ этого съ такою ясностью какъ правила астрологіи, хотя она далеко не представляетъ магіи самаго грубаго сорта. Согласно астрологіи, человѣкъ, рожденный подъ знакомъ Тельца, вѣроятно, будетъ имѣть широкій лобъ и толстыя губы, будетъ грубъ и безчувственъ, но буенъ и неистовъ въ бѣшенствѣ. Если онъ родился подъ знакомъ Вѣсовъ, у него будетъ справедливый и уравновѣшенный умъ. Все это совершится потому, что двумъ особеннымъ созвѣздіямъ случилось получить наименованіе тельца и вѣсовъ; при этомъ воображаютъ, что дитя, часъ рожденія котораго имѣетъ астрономическую связь нѣкотораго рода къ подобнымъ созвѣздіямъ, долженъ имѣть характеръ, похожій на качества настоящаго тельца или быка или настоящихъ вѣсовъ. Тоже и по отношенію къ планетамъ. Если ребенокъ находится подъ вліяніемъ Марса въ его наилучшемъ видѣ, ребенокъ будетъ смѣлъ и неустрашимъ, но если планета находится въ «низшемъ достоинствѣ»—онъ будетъ хвастливымъ, безстыднымъ забіякой, всегда готовымъ грабить и убивать. Если бы онъ родился, когда Венера находилась въ своемъ восхожденіи, онъ былъ бы совершенно инымъ человѣкомъ, съ миловиднымъ лицомъ и нѣжнымъ голосомъ, умѣющимъ говорить слова любви. Какъ это все ни нелѣпо практически, оно все-таки не непонятно. Здѣсь замѣчается извѣстный ходъ мысли, который можно прослѣдить довольно легко, хотя этотъ ходъ врядъ ли годенъ даже для шутки и подавно негоденъ для серьезнаго разсужденія. Но именно такова магія, до сихъ поръ распространенная по всему варварскому міру. Сѣвероамериканскій индѣецъ, желающій убить завтра медвѣдя, вѣшаетъ

грубое изображенiе животнаго, сдѣланное изъ травы, и стрѣляетъ въ него, полагая, что это символическое дѣйствiе повлечетъ за собою и реальное событiе. Австралiйцы на погребенiи, чтобы узнать, въ какомъ направленiи они могутъ найти злаго колдуна, убившаго ихъ друга, принимаютъ за знаменiе направленiе, по которому отклоняется пламя костра на могилѣ. Зулусъ, собирающiйся покупать скотъ, жуетъ кусочекъ дерева, съ цѣлью размягчить жестокое сердце продавца, съ которымъ онъ торгуется. Разсказы о подобныхъ дѣйствiяхъ могли бы наполнить цѣлый томъ, и эти дѣйствiя вовсе не имѣютъ характера какихъ-нибудь искаженныхъ остатковъ древнихъ понятiй, такъ какъ нѣтъ никакихъ основанiй полагать, что въ нихъ когда-либо заключалось болѣе смысла, нежели это можно прямо видѣть въ настоящее время. Они могли возникнуть изъ несвязныхъ логическихъ разсужденiй дикаря въ родѣ слѣдующаго: вещи, похожiя другъ на друга, имѣютъ и сходное дѣйствiе; стрѣлянiе въ это изображенiе медвѣдя похоже на стрѣлянiе въ настоящаго медвѣдя; слѣдовательно, если я застрѣлю изображенiе, я застрѣлю и настоящаго медвѣдя. Справедливо, что подобныя магическiя дѣйствiя, при провѣркѣ фактами, оказываются лишенными всякаго влiянiя. Но если бы кто-нибудь удивился тому, какъ, не смотря на это, магическiя дѣйствiя такъ широко распространены въ человѣчествѣ, то ему можно отвѣтить, что они продолжаютъ существовать даже въ нашей собственной странѣ среди людей, слишкомъ невѣжественныхъ для провѣрки ихъ фактами—среди сельскихъ жителей, которые вѣрятъ, что ихъ корова умерщвлена злыми пожеланiями сосѣда, и которые, дѣйствуя строго по принципамъ дикаря, пытаются наказать злодѣя, вѣшая въ трубу злобно истыканное булавками сердце, чтобы оно высохло въ дыму и чтобы такимъ же образомъ острыя боли измучили недоброжелателя и изсушили его въ конецъ.

Изслѣдователя можетъ заинтересовать магiя еще и съ другой стороны, совершенно отличной отъ предъидущей. Какъ бы ни были безсвязны и нелогичны раннiя разсужденiя человѣка, какъ бы медленно ни совершенствовалъ онъ ихъ подъ влiянiемъ опыта, тотъ фактъ, что мысль стремится сдѣлаться ясною, остается закономъ человѣческаго прогресса. Такимъ образомъ, даже фантазiи магiи послужили источникомъ истиннаго знанiя. Немного

можно найти болѣе нелѣпыхъ магическихъ предразсудковъ нежели китайская геомансія или правило «вѣтра и воды», которымъ пользуются при избраніи счастливаго мѣста для постройки дома. Какъ ни нелѣпо это древнее искусство, оказывается, что его учители ранѣе всего стали употреблять магнитный компасъ для опредѣленія аспектовъ неба, такъ что, повидимому, мореплаватель получилъ своего руководителя при изслѣдованіи міра — изъ рукъ колдуна. Всѣмъ извѣстно, что точная наука многимъ обязана астрологіи, изслѣдователи которой въ Халдеѣ систематически наблюдали звѣзды и отмѣчали свои наблюденія, отыскивая предзнаменованія войны или чумы, и составляя списки счастливыхъ и несчастныхъ дней. Древній магическій характеръ оставался связаннымъ съ астрономіей и до новыхъ временъ, когда астрологи въ родѣ Тихо-Браге и Кеплера, вѣрившіе, что судьба людей можетъ быть предсказана по планетамъ, помогли своими наблюденіями и вычисленіями предсказать движенія самихъ планетъ. Такимъ образомъ, человѣку остается только продолжать свои наблюденія и свое мышленіе, и онъ можетъ быть увѣренъ, что современемъ его заблужденія устранятся, между тѣмъ какъ истина, имъ добытая, останется и будетъ развиваться.

ГЛАВА XIV.

Міръ духовъ.

Религія низшихъ расъ:—Души.—Погребеніе.—Будущая жизнь.—Переселеніе душъ.—Божественные предки.—Демоны.—Духи природы.—Боги.—Поклоненіе богамъ.—Нравственное вліяніе.

Общій очеркъ многочисленныхъ религій человѣчества не входитъ въ планъ этого сочиненія. Антропологъ, для котораго религіи народовъ составляютъ лишь нѣкоторую часть ихъ жизни, можетъ наилучшимъ образомъ ознакомиться съ общими принципами этихъ религій, начавъ съ простыхъ представленій низшихъ расъ о мірѣ духовъ. То есть, онъ долженъ изслѣдовать, какъ и почему эти расы вѣрятъ въ душу и ея существованіе послѣ смерти, въ духовъ, творящихъ добро и зло въ мірѣ, и въ возвышающихся надъ ними боговъ, которые наполняютъ вселенную, приводятъ ее въ дѣйствіе и управляютъ ею. Передъ всякимъ, узнающимъ отъ дикарей и варваровъ, что означаетъ для нихъ ихъ вѣрованіе въ духовныя существа, открывается такое состояніе культуры, гдѣ религія грубыхъ племенъ составляетъ въ то же самое время ихъ философію, содержащую такое объясненіе ихъ самихъ и міра, въ которомъ они живутъ, какое въ состояніи воспринять необразованный умъ.

Намъ будетъ не трудно понять представленіе о душѣ, котораго придерживаются некультурныя расы, и которое составляетъ основу ихъ религіи, если мы въ состояніи вообразить себя на ихъ мѣстѣ, чуждыми самыхъ зачатковъ науки и пытающимися добраться до смысла жизни при помощи того, что, повидимому, сообщаютъ внѣшнія чувства. Великій вопросъ, который безотвязно напраши-

вается на ихъ мысль, и на который мы сами, со всѣми нашими знаніями, не могли бы отвѣтить даже на половину, заключается въ томъ, что̀ такое представляетъ собою эта жизнь, которая иногда присутствуетъ въ насъ, но не всегда. Человѣкъ, который за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ ходилъ, говорилъ, обладая полною дѣятельностью чувствъ, внезапно становится неподвижнымъ и безсознательнымъ, погружаясь въ глубокій сонъ, но затѣмъ черезъ нѣкоторое время пробуждается отъ него съ обновленными силами. При другихъ условіяхъ жизнь прекращается съ бо̀льшею полнотою—когда кто нибудь впадаетъ въ обморокъ или летаргію, причемъ, повидимому, прекращается біеніе сердца, останавливается дыханіе, и человѣкъ, лежащій въ мертвенной блѣдности и безъсознанія, не можетъ быть разбуженъ; это можетъ продолжаться минуты или часы, или даже дни, и все-таки, въ концѣ концовъ, больной оживаетъ. Варвары обыкновенно говорятъ, что подобный человѣкъ временно умираетъ, но душа затѣмъ снова возвращается къ нему. Распознаваніе настоящей смерти отъ подобныхъ летаргій представляется для нихъ крайне затруднительнымъ. Они обращаются къ трупу съ рѣчью, стараются пробудить его и даже кормятъ его, и только когда онъ начинаетъ разлагаться и требуетъ потому удаленія изъ среды живыхъ, — только тогда приходятъ они наконецъ къ увѣренности, что жизнь покинула его, чтобы уже не возвращаться. Что же такое эта душа или жизнь, которая исчезаетъ и возвращается во снѣ, летаргіи и смерти? Грубому мыслителю представляется, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить самимъ свидѣтельствомъ его чувствъ. Когда человѣкъ видѣвшій какой-нибудь сонъ пробуждается, то онъ думаетъ, что не во снѣ только, но и на самомъ дѣлѣ онъ отправлялся куда-то, и къ нему являлись другіе люди. Такъ какъ однако по опыту хорошо извѣстно, что его тѣло не пускалось въ подобныя странствованія, то естественнымъ объясненіемъ является, что живущее *я* или душа всякаго человѣка представляетъ его призракъ или тѣнь, которая можетъ покидать его тѣло и видѣть или быть видимою во снѣ. Даже бодрствующіе люди при дневномъ свѣтѣ видятъ иногда подобные человѣческіе призраки, въ формѣ того, что̀ называется видѣніемъ или галлюцинаціею. Въ вѣрованіи, что душа не умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, но продолжаетъ жить и послѣ оставленія его, они укрѣпляются тѣмъ

обстоятельствомъ, что призракъ умершаго продолжаетъ являться оставшимся въ живыхъ въ грезахъ и видѣніяхъ. Что люди дѣйствительно имѣютъ подобные принадлежащіе имъ безплотные образы, дикарю-философу извѣстно и изъ другихъ источниковъ; онъ наблюдалъ отраженіе такого образа въ спокойно стоящей водѣ, онъ видѣлъ тѣнь, слѣдующую за людьми на солнцѣ, то изчезающую изъ виду, то снова появляющуюся вскорѣ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ иногда онъ видѣлъ живое дыханіе, въ видѣ легкаго облака, которое разсѣевается, хотя его еще можно ощутить. Такова въ немногихъ словахъ теорія душъ у дикарей и у варваровъ, теорія, гдѣ жизнь, мысль, дыханіе, тѣнь, отраженіе, грезы, видѣнія—сближаются и объясняютъ другъ друга однимъ изъ тѣхъ смутныхъ и сбивчивыхъ путей, которые удовлетворяютъ неопытнаго мыслителя. Зулусъ говоритъ, что во время смерти тѣнь человѣка покидаетъ его тѣло, становится однимъ изъ духовъ предковъ; и вдова разсказываетъ, какъ ея мужъ приходилъ къ ней во снѣ и угрожалъ убить ее, если она не будетъ заботиться о его дѣтяхъ; или сынъ описываетъ, какъ призракъ его отца явился къ нему во снѣ, и какъ затѣмъ души ихъ обѣихъ, живаго и мертвеца, отправились вмѣстѣ посѣтить какое нибудь отдаленное селеніе ихъ племени. Малайцы не любятъ будить спящихъ, чтобы не причинить какого нибудь вреда, не потревожить его тѣло въ то время, когда душа находится внѣ послѣдняго. Оджибы описываютъ, какъ умеръ одинъ изъ ихъ вождей, но въ то время, когда они сторожили его тѣло, тѣнь вождя на третью ночь снова вошла въ него, и онъ всталъ и разсказалъ имъ, какъ онъ отправлялся въ путешествіе къ Рѣкѣ Смерти, но былъ остановленъ и снова отосланъ обратно къ своему народу. Туземцы Никарагуа, на распросы испанцевъ объ ихъ религіи, отвѣтили, что когда мужчина или женщина умираютъ, изо рта его выходитъ нѣчто, похожее на умершаго и не умирающее, но тѣло остается здѣсь; изо рта выходитъ собственно не сердце, но дыханіе, которое называется жизнью. Низшія расы иногда избѣгаютъ подобной путаницы мыслей, какая замѣчается въ послѣднемъ примѣрѣ, разсматривая дыханіе, призраки грезъ и другія видѣнія, какъ самостоятельныя и отдѣльныя души. Такъ, иные гренландцы насчитываютъ у человѣка двѣ души, его тѣнь и его дыханіе; туземцы Фиджи утверждаютъ, что

«темный духъ» или тѣнь всегда отправляются въ подземный міръ, но «свѣтлый духъ» или отраженіе, видимое въ водѣ, остается вблизи того мѣста, гдѣ человѣкъ умираетъ. Читатель можетъ припомнить примѣры, показывающіе, какъ подобныя понятія о душѣ продолжали существовать почти безъ измѣненій и въ классическомъ мірѣ; какъ въ Иліадѣ мертвый Патроклъ приходитъ къ спящему Ахиллесу, который тщетно пытается схватить его любящими руками, но душа, подобно дыму, исчезаетъ сквозь землю; или какъ Гермотимъ, прорицатель, обыкновенно оставлялъ свое тѣло, пока наконецъ его душа, вернувшись изъ одного подобнаго путешествія въ міръ духовъ, не нашла, что его жена сожгла тѣло на погребальномъ кострѣ, и что онъ сдѣлался безтѣлеснымъ духомъ. На этой ступени понятіе о душѣ было воспринято греческими философами и облеклось въ болѣе утонченныя метафизическія формы; жизнь и мысль были отдѣлены одна отъ другой чрезъ раздѣленіе одной души на двѣ, - на живущую и разумную душу, и представленіе о душѣ какъ о тонкомъ эфирномъ веществѣ уступило мѣсто опредѣленію невещественной души, представляющей духъ безъ вещества. Изслѣдователь метафизики можетъ прослѣдить съ интересомъ обсужденіе этихъ *трансцендентальныхъ* задачъ въ древней и новой философіи, но наилучшимъ доказательствомъ того, какъ болѣе ранняя и грубая теорія души удовлетворяла необразованный умъ, можетъ служить тотъ фактъ, что и до сего времени она остается существеннымъ вѣрованіемъ большинства человѣческой расы. Даже среди самыхъ цивилизованныхъ народовъ языкъ все еще обнаруживаетъ ея слѣды, какъ напримѣръ, когда мы говоримъ, что человѣкъ находится въ экстазѣ или «внѣ себя», и что онъ «приходитъ въ себя», или когда души мертвыхъ называютъ *«тѣнями»* или *«духами»*, (т. е. дыханіемъ), или *призраками*—термины, представляющіе памятникъ самыхъ раннихъ человѣческихъ теорій жизни.

Иной читатель можетъ подумать, что дикарю-философу слѣдовало бы на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ вѣровать, что и его лошадь или собака также имѣютъ душу, призракъ, похожій на ихъ тѣло. Дѣйствительно, низшія расы всегда такъ думали и думаютъ до сихъ поръ, и онѣ ведутъ это разсужденіе далѣе такимъ путемъ, который удивляетъ современный умъ, хотя этотъ

нуть совершенно состоятеленъ съ точки зрѣнія варвара. Если человѣческая душа, видимая во снѣ, представляетъ дѣйствительно существующій предметъ, въ такомъ случаѣ и копье, и щитъ, которые она носитъ, и плащъ на ея плечахъ являются тоже дѣйствительно существующими предметами, и всѣ неодушевленныя вещи должны имѣть свои тонкія летучія призрачныя души. Таковы души челноковъ, оружія и глиняныхъ горшковъ, которыя воображеніе фиджійцевъ видитъ плывущими въ безпорядкѣ по рѣкѣ и назначенными для будущей жизни; таковы же тѣ призраки погребальныхъ подарковъ, которыми, по мнѣнію оджибовъ, нагружаются души умершихъ при ихъ путешествіи въ страну духовъ: мужчины несутъ съ собою свои призрачныя ружья и трубки, женщины—свои корзины и гребки, дѣти—свои игрушечные луки со стрѣлами. Самое ясное представленіе о томъ, какъ варварская религія включаетъ въ себя вмѣстѣ души людей, животныхъ и вещей, даютъ намъ погребальныя жертвоприношенія, которыя, въ той или другой формѣ, сохраняются въ видѣ воспоминаній или совершаются еще въ дѣйствительности во всѣхъ частяхъ земнаго шара. Въ Перу, гдѣ жены умершаго государя вѣшались для того, чтобы продолжать служеніе ему и за гробомъ, и гдѣ многіе изъ его прислужниковъ погребались вмѣстѣ съ нимъ, чтобы ихъ души послѣдовали за его душею,—люди заявляли, что видѣли уже давно умершихъ лицъ, которыя ходили со своими принесенными въ жертву женами и были украшены тѣми самыми вещами, которыя были положены съ ними въ могилу. Такъ, немного лѣтъ тому назадъ на Мадагаскарѣ разсказывали, что видѣли призракъ царя Радамы, который былъ одѣтъ въ погребенный съ нимъ мундиръ и сидѣлъ верхомъ на одной изъ лошадей, убитыхъ на его могилѣ. Имѣя передъ собою подобные недавніе примѣры, мы можемъ легко понять древніе погребальные обряды, слѣды которыхъ остаются въ погребальныхъ курганахъ на нашихъ холмахъ, со скелетами прислужниковъ, лежащими вокругъ вождя, съ бронзовымъ оружіемъ и золотыми наручниками. Классическая литература изобилуетъ мѣстами, свидѣтельствующими, насколько вѣрно современный варваръ служитъ представителемъ древняго; таково сожженіе Патрокла съ троянскими плѣнными, лошадьми и собаками, разсказъ Геродота о скифскихъ похоронахъ, и его же повѣствованіе о томъ, какъ призракъ

Мелиссы являлся, дрожа отъ холода, потому что ея одежды не были сожжены вмѣстѣ съ нею во время погребенія. Въ Индіи существуютъ округа, гдѣ суттія или «добрая жена» еще и теперь сожигается на погребальномъ кострѣ ея мужа. Въ Европѣ еще долго послѣ того, какъ жены и рабы перестали такимъ путемъ слѣдовать за своимъ умершимъ хозяиномъ, все еще продолжали убивать лошадь воина на его могилѣ и погребать ее вмѣстѣ съ нимъ. Такъ было сдѣлано еще въ 1781 году въ Трирѣ, гдѣ генералъ, по имени Фридрихъ Казиміръ, былъ похороненъ согласно церемоніалу тевтонскаго ордена; и въ Англіи трогательная церемонія участія лошади въ похоронной процессіи солдата—представляетъ послѣдній остатокъ древняго жертвоприношенія. Можно еще встрѣтить и другіе странные остатки древнихъ погребальныхъ обычаевъ. Существуютъ нѣмецкія деревни, гдѣ крестьяне одѣваютъ сапоги на ноги трупа («hellshoon») «адскіе сапоги», которыми снабжались древніе норманны для ихъ опаснаго путешествія на тотъ свѣтъ, а въ другихъ мѣстахъ въ гробъ кладутъ иголку съ ниткою для починки разорванной одежды, между тѣмъ какъ по всей Европѣ—напримѣръ на ирландскомъ *wake* («похоронное бдѣніе»)—въ руку мертвому вкладывается какая-нибудь монета для уплаты за проходъ.

Мы только-что упомянули о древнихъ погребальныхъ курганахъ. Видя, какъ варвары почитаютъ души умершихъ и страшатся ихъ, мы можемъ понять тѣ попеченія, которыми они окружаютъ тѣло покойника, оставляя хижину для жилища усопшему, или высушивая его трупъ и ставя его на подмостки, или зарывая его въ челнокѣ или гробѣ, или выстраивая крѣпкую могилу надъ нимъ, или надъ его пепломъ, если народъ придерживается обычая сожженія труповъ. До-историческія погребальныя насыпи въ нашей странѣ до сихъ поръ вызываютъ въ насъ удивленіе тѣмъ количествомъ труда, какого онѣ должны были стоить ихъ древнимъ строителямъ. Больше всего бросаются въ глаза большіе погребальные курганы изъ земли или кэрны (cairns) изъ камней. Повидимому, иные изъ самыхъ большихъ относятся къ каменному періоду. Но ихъ употребленіе пережило бронзовый вѣкъ и перешло въ желѣзный; въ Горной Шотландіи память о древнемъ обычаѣ еще настолько сильна, что до сихъ поръ провожающіе, не имѣя возможности построить кэрнъ надъ могилою на кладбищѣ,

иногда устраиваютъ небольшую каменную насыпь на томъ мѣстѣ, гдѣ похоронная процессія останавливается по дорогѣ. Внутри этихъ древнихъ погребальныхъ насыпей или *barrows*, можно найти клѣтку или грубый ящикъ изъ каменныхъ плитъ для погребенія тѣла, или камеру изъ грубыхъ камней, снабженную иногда галлереями. Многія подобныя каменныя сооруженія находятся надъ поверхностью земли—особенно *долмены*, то есть каменные столы, составленные изъ трехъ или четырехъ большихъ вертикально-стоящихъ камней, съ камнемъ, служащимъ крышею и покоящимся на нихъ; таковъ, напримѣръ, Китсъ-Коти Гоузъ (Kit's Coty House) недалеко отъ Рочестера. Вырытые изъ нихъ остатки показываютъ, что долмены были могилами. Другой родъ раннихъ каменныхъ памятниковъ представляютъ *менгиры*, то есть, одиночно поставленные высокіе камни. Оказывается, что кчассіи въ сѣверо-восточной Индіи продолжаютъ до новѣйшаго времени ставить подобные грубые столбы въ качествѣ памятниковъ своимъ покойникамъ; отсюда можно основательно заключить, что то же назначеніе имѣли подобные памятники и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Бретани. Еще другой родъ грубыхъ каменныхъ построекъ хорошо извѣстенъ въ Европѣ подъ именемъ *кромлеховъ* или каменныхъ круговъ, образованныхъ кругообразно поставленными вертикальными камнями, каковъ Стантонъ-Дрю, недалеко отъ Бристоля. Есть доказательства, что каменные круги часто находятся въ связи съ погребеніемъ, ибо они иногда окружаютъ погребальную насыпь или содержатъ долменъ въ серединѣ. Но въ виду того, что существуетъ наклонность обращать могилы въ храмы, гдѣ поклоняются духу погребеннаго вождя или пророка, становится вѣроятнымъ, что подобные круги изъ камней могли служить также и храмами, какъ это наблюдается въ настоящее время въ Южной Индіи, гдѣ дѣйствительно приносятъ въ жертву пѣтуха деревенскому божеству, изображаемому большимъ камнемъ въ серединѣ кромлеха. Грубые каменные памятники можно прослѣдить на картѣ по замѣчательной линіи, идущей изъ Индіи къ Сѣверной Африкѣ и къ Западной сторонѣ Европы (см. карту Фергюссона). Назначеніе ихъ всѣхъ еще не вполнѣ понятно, особенно назначеніе ряда большихъ камней въ Карнакѣ и Абэри, и также значеніе стонгендже съ его большими вертикальными и поперечными камнями. Но, какъ мы

только-что указали, существуютъ факты, достаточно объясняющіе значеніе долменовъ, менгировъ и кромлеховъ. Фантастическія соображенія старинныхъ археологовъ, въ родѣ того, что долмены представляютъ собою алтари друидовъ, уступаютъ мѣсто трезвому изслѣдованію, какое читатель можетъ найти, напримѣръ, въ «Доисторическихъ Временахъ» Лэббока.

Спрашивается теперь, что дѣлается съ душою послѣ смерти, согласно ученію религіи варваровъ, оставившей столь ясные слѣды среди насъ? Отвѣты многочисленны, но всѣ они сходятся между собою въ томъ, что духи должны пребывать гдѣ-нибудь, откуда они могутъ являться навѣщать живыхъ, особенно въ ночное время. Иныя племена говорятъ, что душа продолжаетъ обитать въ той хижинѣ, гдѣ умеръ человѣкъ, почему хижина и покидается живыми; или душа его пребываетъ близь мѣста погребенія, которое иногда есть мѣсто деревенскихъ сборищъ, гдѣ души предковъ могутъ смотрѣть благосклонно на потомковъ, подобно старикамъ, сидящимъ около деревенскаго луга и наблюдающимъ забавы молодежи; или духи могутъ улетать куда нибудь въ область мертвыхъ, въ глухіе лѣса или на вершины горъ, или на далекіе острова за моремъ, или на равнины, находящіяся надъ небомъ, или въ подземную глубину, куда сходитъ на ночь и солнце. Иные народы, въ родѣ зулусовъ, могутъ даже указать отверстія, черезъ которыя можно спуститься по какой-нибудь пещерѣ въ подземный міръ мертвыхъ — представленіе, хорошо извѣстное въ примѣненіи къ Авернскому озеру, и существующее до нашихъ дней въ Чистилищѣ св. Патрика въ Лофъ-Диргѣ. По ходу фантазіи, прослѣдить который легко, часто полагаютъ, что жилище мертвыхъ находится въ связи съ тою далекою страною на Западѣ, гдѣ по ночамъ умираетъ солнце. Островитяне, въ родѣ маори, воображаютъ, что души отправляются съ самаго западнаго мыса Новой Зеландіи, совершенно подобно тому какъ на берегу Бретани, гдѣ мысъ Raz выступаетъ на Западѣ въ океанъ, находится «заливъ душъ» — мѣсто, откуда души умершихъ переправляются черезъ море. Многія грубыя племена считаютъ міръ духовъ тою пріятною страною, которую они иногда видятъ въ сновидѣніяхъ, страною, гдѣ усопшіе живутъ въ своихъ призракахъ-деревняхъ, гдѣ водится множество дичи и рыбы, и всегда свѣтитъ солнце; но другія пред-

ставляютъ себѣ эту страну мрачною областью тѣней, подземнымъ пещернымъ міромъ ночи. Оба представленія знакомы намъ изъ поэзіи—одно въ формѣ земнаго рая легендъ, другое — изъ тѣхъ мѣстъ поэмъ Гомера, которыя описываютъ посѣщеніе Одиссеемъ безкровныхъ призраковъ въ унылом сумракѣ Гадеса; или по тѣмъ тѣнямъ умершихъ, которыя находятся въ Чистилищѣ и удивляются, видя тамъ Данте, облеченное плотью тѣло котораго, непохожее на ихъ собственныя прозрачныя формы, заслоняетъ солнечный свѣтъ и бросаетъ тѣнь.

До сихъ поръ мы говорили о безплотныхъ душахъ или призракахъ умершихъ, но съ ихъ природою согласуется также то обстоятельство, что они могутъ вступать въ новыя тѣла и жить снова на землѣ. Дѣйствительно, одно изъ самыхъ обычныхъ вѣрованій у низшихъ расъ состоитъ именно въ томъ, что души умершихъ предковъ снова рождаются въ дѣтяхъ—представленіе, которымъ объясняютъ тотъ фактъ, что дѣти имѣютъ сходство съ семействомъ матери или отца. Напримѣръ, негры іорубы встрѣчаютъ новорожденное дитя привѣтствіемъ: «ты пришелъ!» и затѣмъ принимаются за рѣшеніе вопроса, какая именно душа предка вернулась къ жизни въ новомъ тѣлѣ. Отсюда не слѣдуетъ, впрочемъ, что тѣло, въ которомъ душа отыскиваетъ себѣ новое жилище, непремѣнно должно быть человѣческимъ; она можетъ войти въ медвѣдя или шакала, или улетѣть въ видѣ птицы, или, какъ думаютъ зулусы, она можетъ перейти въ одну изъ тѣхъ безвредныхъ змѣй, которыя ползаютъ по ихъ хижинамъ, любя теплоту семейнаго очага, какъ любили ее предки, когда были стариками, и продолжаютъ благосклонно принимать пищу, даваемую имъ внучатами. Въ такихъ простыхъ формахъ у низшихъ расъ появляется понятіе о переселеніи душъ, которое въ брахманизмѣ и буддизмѣ становится великою религіозною доктриною.

Возвратимся къ душамъ умершимъ, носящимся въ видѣ призраковъ. Гдѣ бы онѣ ни жили, люди естественно вѣрятъ, что онѣ продолжаютъ принимать участіе въ дѣлахъ живыхъ, и ихъ семейства поддерживаютъ съ ними дружелюбныя сношенія. Такъ, въ Сѣверной Америкѣ какая нибудь манданская женщина по цѣлымъ часамъ разговариваетъ со своимъ умершимъ мужемъ или ребенкомъ; а китаецъ о всякомъ семейномъ событіи, въ родѣ свадьбы,

возвѣщаетъ духамъ своихъ предковъ, присутствующимъ въ плиткахъ, служащихъ имъ памятникомъ. Съ призраками умершихъ родственниковъ не только разговариваютъ, но и кормятъ ихъ; семейство предлагаетъ имъ куски пищи, когда оно садится за свою трапезу, и разъ въ годъ устраиваетъ спеціальное пиршество въ честь мертвыхъ, когда, какъ оно воображаетъ, невидимо присутствуютъ и вкушаютъ пищу души предковъ всѣхъ предшествующихъ поколѣній. Такія жертвы умершихъ не только совершаются по всему дикому и варварскому міру, но продолжаютъ существовать и при высшей цивилизаціи, и ихъ слѣды встрѣчаются еще въ Европѣ. Русскій крестьянинъ, воображающій, что души его предковъ прячутся позади иконъ въ маленькой божницѣ, кладетъ для нихъ на полку крошки пирога. Стоитъ только англичанамъ переѣхать Ла-Маншъ, чтобы увидѣть, какъ древнее пиршество въ честь мертвыхъ сохраняетъ свой первобытный характеръ въ поминальный день, служащій его современнымъ представителемъ; даже на (парижскомъ) кладбищѣ Père Lachaise до сихъ поръ кладутся на могилы печенія и пирожныя, а въ Бретани крестьяне не забываютъ вечеромъ въ этотъ день развести огонь и оставить куски ужина на столѣ для душъ умершихъ родственниковъ, которыя явятся посѣтить свою семью. Все это относится къ поклоненію предкамъ или къ религіи обоготворенныхъ покойниковъ, которая съ отдаленной древности составляла—какъ даже составляетъ и теперь—господствующее вѣрованіе бóльшей половины человѣчества. Но это поклоненіе проистекаетъ не изъ одной только семейной привязанности, ибо духи умершихъ считаются божественными существами, могущественными какъ для блага, такъ и для вреда. Сѣвероамериканскій индѣецъ, который молится духамъ своихъ предковъ, чтобы они послали ему хорошую погоду или удачу въ охотѣ — случайно попадая въ огонь, вѣритъ, что онъ пренебрегъ сдѣлать какое нибудь приношеніе духамъ, и что они толкнули его въ пламя въ наказаніе за это. Гвинейскіе негры, аккуратно приносящіе пищу и питье изображеніямъ своихъ умершихъ родственниковъ, прибѣгаютъ къ нимъ за помощью во всѣхъ испытаніяхъ жизни; и во времена опасности или бѣдствія намъ можно видѣть толпы мужчинъ и женщинъ на вершинахъ холмовъ или на опушкѣ лѣса, взывающихъ самымъ жалобнымъ и трогательнымъ тономъ къ ду-

хамъ своихъ предковъ. Подобныя свидѣтельства помогаютъ намъ понять, какое дѣйствительное значеніе заключается въ поклоненіи предкамъ, составляющимъ для китайца или индуса первѣйшее дѣло въ жизни, и какимъ образомъ благочестивые обряды въ честь умершихъ предковъ или ларъ составили именно ту связь, которая удерживала вмѣстѣ членовъ римской семьи. Нашъ современный умъ уже утратилъ способность усвоить эти представленія, и часто думаютъ, что апоѳеозъ умершаго римскаго императора былъ только простымъ дѣломъ безумной гордости, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ въ этомъ выражалось понятное всякому варвару представленіе, что великій вождь по смерти долженъ превращаться въ столь же великое божество.

Изъ понятія варваровъ о душѣ вытекаетъ, какъ естественное слѣдствіе, что они воображаютъ тѣни или духи своихъ умершихъ такими дѣятельными и могущественными существами; но это требуетъ нѣсколькихъ пояснительныхъ словъ. Подобно тому какъ въ теченіи жизни душа обладаетъ властью надъ тѣломъ, такъ и послѣ смерти, становясь духомъ, она согласно этому вѣрованію сохраняетъ свою дѣятельность и силу. Подобные призраки, вмѣшивающіеся въ дѣла живыхъ людей, обыкновенно называются добрыми или злыми духами или демонами. Яснаго различія между призраками и демонами не дѣлается въ дѣйствительности; дикари обыкновенно полагаютъ, что демоны, имъ помогающіе или ихъ терзающіе, и суть именно души умершихъ людей. Добрый или злой человѣкъ удерживаетъ и послѣ смерти характеръ, который онъ имѣлъ во время прежней жизни. Не такъ давно, въ южной Индіи, гдѣ туземцы поклоняются демонамъ, было найдено, что они недавно построили молельню, божествомъ которой оказался одинъ англійскій офицеръ, страстный и искусный охотникъ, поклонники котораго, памятуя о его вкусахъ при жизни, постоянно возлагали на его алтарь остъ-индскія сигары и коньякъ. Одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть добрымъ духомъ по отношенію къ своимъ друзьямъ и злымъ по отношенію къ врагамъ; и даже для своего народа онъ можетъ быть иногда добръ, иногда жестокъ; такъ, зулусы вѣруютъ, что тѣни мертвыхъ воиновъ ихъ племени находятся среди ихъ въ битвѣ и ведутъ ихъ къ побѣдѣ; но если эти призрачные союзники гнѣваются и убѣгаютъ, бой будетъ про-

игранъ. Когда американскіе индѣйцы или африканскіе негры вѣруютъ, что воздухъ вокругъ нихъ кишитъ сонмами невидимыхъ духовъ, это не представляется безсмыслицею. Они хотятъ этимъ сказать, что жизнь полна случайностей, которыя не происходятъ сами собою; и когда по своей грубой философіи они рѣшаютъ, что эти случайности зависятъ отъ духовъ, то этимъ они находятъ самыя явственныя причины, какія только можетъ уразумѣть ихъ умъ. Самымъ яснымъ образомъ это видно въ вѣрованіяхъ нецивилизованныхъ людей относительно болѣзней. Мы уже замѣтили выше, что обморокъ или летаргію они объясняютъ предположеніемъ, что душа временно покидаетъ тѣло; здѣсь же мы можемъ теперь прибавить, что подобнымъ же образомъ и слабость или упадокъ здоровья приписывается выходу изъ человѣка души или части ея. Въ этихъ случаяхъ обычнымъ методомъ леченія является возвращеніе души на ея мѣсто; такъ сѣвероамериканскій знахарь дѣлаетъ видъ, что онъ ловитъ бѣглую душу своего паціента и сажаетъ ее обратно ему въ голову; или на Фиджи можно видѣть, какъ больной туземецъ лежитъ на скалѣ и взываетъ къ своей собственной душѣ, умоляя ее вернуться къ нему. Но при другихъ состояніяхъ болѣзни поступки больнаго скорѣе побуждаютъ думать о немъ, какъ о человѣкѣ, въ которомъ находится душа, не ему принадлежащая. Во всякой болѣзни, сопровождаемой большими страданіями, особенно когда больной мечется и трясется въ лихорадкѣ, или корчится въ судорогахъ на землѣ, или когда въ бреду онъ перестаетъ думать своими мыслями или говорить своимъ голосомъ, когда его черты искажены и странны, когда въ дикомъ бредѣ слышатся какія-то необыкновенные тоны—наиболѣе естественнымъ объясненіемъ уму дикаря является соображеніе, что въ него вошелъ или имъ овладѣлъ какой нибудь другой духъ. Всякій, наблюдавшій симптомы гистероэпилептической больной или маніака, увидитъ, какъ естественно, при младенческомъ состояніи медицинской науки, одержаніе демономъ должно было сдѣлаться общепринятою теоріею заболѣванія, и экзорцизмъ или изгнаніе этихъ демоновъ—обычнымъ методомъ леченія. Именно такъ и есть у дикарей; такъ, больной австраліецъ вѣритъ, что въ него вошелъ и выѣдаетъ ему печень какой нибудь разгнѣванный духъ умершаго человѣка, или въ патагонской хижинѣ изъ шкуръ

можно видѣть, какъ знахари пляшутъ, кричатъ и барабанятъ, чтобы выгнать злаго демона изъ человѣка, свалившагося отъ лихорадки. Подобныя понятія были очень распространены въ древнемъ мірѣ, какъ это можно, напримѣръ, видѣть изъ хорошо извѣстной египетской плиты временъ Рамзеса XII (12-го вѣка до Р. Х.), хранящейся въ парижской библіотекѣ и переведенной въ *Records of the Past*, гдѣ египетскій богъ Хонсъ былъ посланъ, въ своемъ ковчегѣ, исцѣлить маленькую принцессу Бентарешъ, страдавшую судорогами въ членахъ. Когда онъ пришелъ, демонъ сказалъ: «великій боже, прогоняющій демоновъ, я твой рабъ и пойду туда, откуда пришелъ». Тогда принесли жертву этому духу, и онъ удалился съ миромъ, оставивъ паціентку выздоровѣвшею. Насколько мы можемъ проникнуть въ глубь исторіи медицины, мы всюду встрѣчаемъ борьбу между этою древнею теоріею демоническаго происхожденія болѣзней и болѣе новыми воззрѣніями врачей, съ ихъ діэтою и лекарствами; и хотя врачи въ настоящее время одержали верхъ, все-таки у всѣхъ народовъ, кромѣ наиболѣе цивилизованныхъ, можно встрѣтить оставшіяся безъ всякаго измѣненія древнія представленія. Когда профессоръ Бастіанъ, извѣстный антропологъ, путешествовалъ по Бирманской Имперіи, его поваръ имѣлъ припадокъ апоплексіи. и его жена употребляла всѣ усилія, чтобы умиротворить оскорбленнаго чѣмъ-то демона, навлекшаго болѣзнь; она приносила ему въ жертву кучки окрашеннаго риса и творила молитвы, въ родѣ слѣдующихъ: «О, не ѣзди на немъ! Ахъ, пусти его! Не хватай его такъ жестоко! Ты получишь рису! Ахъ, какъ это вкусно!» Въ странахъ, гдѣ господствуетъ подобная теорія болѣзни, собственный бредъ больнаго бываетъ проникнутъ ею и подтверждаетъ ее самымъ разительнымъ образомъ. Убѣжденные въ реальности своихъ демоновъ не менѣе окружающихъ лицъ, больные узнаютъ ихъ въ образахъ, которые они видятъ во снѣ или въ бреду и, что еще важнѣе, подъ вліяніемъ иллюзій или разстроеннаго воображенія, они настолько теряютъ самосознаніе, что начинаютъ разговаривать голосами воображаемыхъ демоновъ, сидящихъ въ ихъ тѣлѣ, и отвѣчать за нихъ, совершенно такъ, какъ это было съ больною принцессою въ Сиріи три тысячи лѣтъ тому назадъ. Англичане въ Индіи и на далекомъ Востокѣ часто имѣютъ случай присутствовать при этихъ

странныхъ и глубоко древнихъ сценахъ, и слышать, какъ голосъ демона шепчетъ, или взвизгиваетъ, или реветъ устами паціента, завѣряя, что онъ такой-то духъ, и сообщая, зачѣмъ онъ пришелъ; наконецъ удовлетворившись тѣмъ, что ему было нужно, или побѣжденный чарами и заклинаніями изгонятеля духовъ, демонъ соглашается уйти, и тогда паціентъ прекращаетъ свои безумныя взвизгиванія и неистовства, его судорожныя кривлянія успокоиваются, и онъ погружается въ сонъ отъ истощенія, просыпаясь часто со временнымъ облегченіемъ, если его болѣзнь была такова, гдѣ психическое леченіе оказывается дѣйствительнымъ. Впрочемъ, за иллюстраціями для этой ранней теоріи болѣзни нѣтъ необходимости отправляться въ Индію или Китай. Въ Испаніи священники и до сихъ поръ продолжаютъ изгонять бѣсовъ изо ртовъ и ногъ эпилептическихъ больныхъ,—хотя это вѣроятно прекратится черезъ небольшое число лѣтъ, такъ какъ теперь узнали, какъ успѣшно можно лечить эту до сихъ поръ неизлечимую болѣзнь пріемомъ бромистаго калія.

Понятіе о духахъ служитъ для объясненія событій и въ другихъ случаяхъ. Фактъ, что нѣкоторые необычно свирѣпые волки и тигры оказываются «людоѣдами», объясняется вѣрованіемъ, что души злыхъ людей покидаютъ свое тѣло по ночамъ и входятъ въ тѣла дикихъ звѣрей, чтобы нападать на своихъ ближнихъ: это—человѣко-тигры и человѣко-волки или оборотни, живущіе еще и до сихъ поръ въ народныхъ предразсудкахъ Индіи и Россіи. Далѣе, мы всѣ знаемъ, что многіе люди становятся блѣдными, малокровными и чахнутъ; въ славянскихъ странахъ полагаютъ, что это причиняется сосущими кровь демонами кошмара, страшныя посѣщенія которыхъ паціентъ чувствуетъ во время сна; эти существа остроумно принимаются за демоническія души, пребывающія въ трупахъ, кровь которыхъ поэтому остается въ жидкомъ видѣ долгое время спустя послѣ смерти; ихъ называютъ вампирами. Мы уже высказали выше мысль, что первобытные люди въ своихъ представленіяхъ о душахъ и духахъ имѣютъ свои первыя ясныя понятія о причинѣ всего происходящаго; во всякомъ случаѣ это вѣрно въ той мѣрѣ, что грубыя племена въ дѣйствіяхъ духовъ, находящихся вокругъ нихъ, находятъ причину для всякой спотычки о камень, для всякаго страннаго звука или впечатлѣнія, для вся-

каго случая, когда они сбиваются съ дороги въ лѣсу. Такимъ образомъ, во множествѣ хорошихъ и дурныхъ случайностей, съ которыми варваръ встрѣчается съ часу на часъ, онъ видитъ работу многихъ дружественныхъ или враждебныхъ духовъ. Въ частности, его собственное счастіе или удача принимаетъ форму духа-охранителя, который принадлежитъ ему и всюду слѣдуетъ за нимъ. Такимъ духомъ можетъ быть душа умершаго отца, смотрящая за сыномъ, какъ это думали грубые тасманійцы; или это такой духъ-покровитель какъ у сѣверо-американскаго воина, который постится до тѣхъ поръ, пока не увидитъ его во снѣ, или это можетъ быть какъ *геній* древняго римлянина, – духъ, рожденный вмѣстѣ съ нимъ, какъ товарищъ и хранитель во всю его жизнь. Геній Августа былъ божественное существо, которому нужно было молиться и приносить жертвы; но насколько мы, люди новаго времени, оставили позади себя мысли древнихъ, продолжая употреблять ихъ слова, любопытно видѣть изъ измѣнившагося значенія, которое мы подразумѣваемъ, говоря о геніѣ Гэнделя или Тэрнера. Не менѣе поразительна перемѣна, происшедшая въ нашихъ мысляхъ и относительно окружающаго насъ міра, неба и моря, горъ и лѣсовъ. Мы научились наблюдать дѣйствіе физическихъ законовъ тяготѣнія и теплоты, роста и разложенія, и только съ нѣкоторымъ усиліемъ можемъ заставить свое воображеніе перенестись къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда люди искали причины явленій природы въ безконечномъ множествѣ безплотныхъ существъ. Между тѣмъ это вѣрованіе очень просто вытекаетъ изъ теоріи души, ибо на этихъ духовъ смотрятъ, какъ на души, управляющія природою подобно тому, какъ человѣческая душа управляетъ человѣческимъ тѣломъ. Они выбрасываютъ огонь изъ вулкана; они вырываютъ деревья въ лѣсу во время урагана; они кружатъ челнокъ въ водоворотѣ; они населяютъ деревья и заставляютъ ихъ рости. Низшія расы не только говорятъ о подобныхъ духахъ природы, но и обращаются съ ними совершенно какъ съ особыми личностями; это свидѣтелвствуетъ, что они созданы по типу человѣческихъ душъ. Путешественники новаго времени видѣли, какъ сѣверо-американцы, гребя на лодкахъ по опасному мѣсту на рѣкѣ, бросаютъ въ нее щепоть табаку и творятъ молитву о дозволеніи проѣхать, обращенную къ рѣчному духу. Африканскій дровосѣкъ, дѣлая

первый ударъ топоромъ въ большое дерево, принимаетъ предосторожность и наливаетъ на землю немного пальмоваго масла — для того, чтобы разгнѣванный духъ дерева, выходя изъ него, могъ остановиться и подлизать масло, въ то время какъ дровосѣкъ убѣжитъ для спасенія своей жизни. Состояніе ума, которому свойственны эти представленія о духахъ природы, должно было почти съ тою же ясностью помниться грекамъ, когда они все еще продолжали воображать себѣ, какъ нимфы очаровательныхъ долинъ, ручьевъ и цвѣтущихъ луговъ приходятъ на совѣщаніе олимпійскихъ боговъ и садятся тамъ на свѣтлыя сидѣнія; или какъ дріады ростутъ вмѣстѣ съ тѣнистыми соснами и дубами и испускаютъ вопли отъ боли, когда въ стволъ дерева вонзается топоръ дровосѣка. Англо-саксонскій словарь сохранилъ любопытное слово *woodmare* для «эхо» (*wund-moer* — лѣсная нимфа)—памятникъ о томъ времени, когда англичане вѣрили, какъ вѣруетъ еще варваръ, что эхо представляетъ голосъ откликающагося духа; слово *mare* для духа или демона появляется также въ *nightmare* кошмаръ, душащій демонъ сновидѣній, который былъ такимъ же дѣйствительнымъ существомъ для нашихъ предковъ; какимъ онъ остается для туземцевъ Австраліи въ настоящее время. Устраненные естествознаніемъ древніе духи природы все еще находятъ себѣ пріютъ въ поэзіи и въ народныхъ сказаніяхъ; Лорелей представляетъ только обновленный варіантъ рѣчнаго демона, который топитъ пловца въ водоворотѣ; исцѣляющіе водяные духи древнихъ священныхъ источниковъ приняли только имена христіанскихъ святыхъ, маленькіе эльфы и феи рощъ представляютъ лишь смутныя воспоминанія древнихъ лѣсныхъ духовъ. Читатели «Физіографіи» Гэксли, можетъ быть, удивятся, узнавъ въ волшебныхъ сказкахъ тѣхъ самыхъ духовъ природы, подъ личными формами которыхъ доисторическій человѣкъ представлялъ себѣ силы природы.

Рядомъ съ толпою душъ, демоновъ и духовъ природы, религіи всѣхъ племенъ признаютъ высшихъ духовъ или боговъ. Тамъ, гдѣ господствуетъ поклоненіе предкамъ, этотъ божественный санъ можетъ быть достигнутъ душами великихъ вождей или воиновъ или всякой прославившейся личности. Такъ, монголы поклоняются, какъ добрымъ божествамъ, великому Чингисъ-хану и его царскому семейству. Китайцы заявляютъ, что Пангъ, котораго почитаютъ какъ

свое покровительственное божество плотники и строители, былъ знаменитымъ техникомъ, жившимъ много лѣтъ тому назадъ въ провинціи Шангтунгъ, между тѣмъ какъ Квангъ-те, богъ войны, былъ замѣчательнымъ солдатомъ, жившимъ при династіи Гянъ. Идея божественности предковъ можетъ развиться такъ далеко, что получится идея верховнаго божества; такъ, зулусы, восходя отъ одного предка-духа къ другому, говорятъ объ Ункулункулу, о Старомъ Старикѣ, какъ о создателѣ міра; или бразильскія племена говорятъ, что Тамей дѣдъ, первый человѣкъ, жилъ среди ихъ и научилъ ихъ воздѣлывать землю, потомъ поднялся на небо, гдѣ онъ приметъ ихъ души послѣ смерти. Въ числѣ духовъ природы варваръ также явно отмѣчаетъ великихъ боговъ, управляющихъ вселенною. Высочайшее божество африканскихъ негровъ есть небо, которое посылаетъ дождь и заставляетъ рости траву, и просыпаясь по утрамъ, они благодарятъ его за то, что оно открыло дверь и впустило солнце. Такимъ образомъ, они находятся на той же ступени развитія мысли, какъ и наши арійскіе предки, великое божество которыхъ Діу, воспѣтое въ гимнахъ Веды, было одновременно олицетвореннымъ твердымъ небомъ, изъ котораго исходятъ дождь и громъ, и богомъ неба, одушевляющимъ его. Это божество остается даже со своимъ именемъ въ греческомъ *Зевсѣ* и въ латинскомъ *Юпитерѣ*, отцѣ небесномъ; обѣ религіи удерживаютъ его двойственный смыслъ неба и бога неба, принадлежащій варварскому богословію, которое могло и допускать жизнь въ массахъ небеснаго свода или тверди, могло и объяснять эту жизнь живущимъ тамъ божествомъ, созданнымъ по типу человѣческой души. Лучше всего можно понять, что подразумѣвалось подъ богомъ неба, если мы представимъ себѣ его какъ душу небесной тверди. Между всѣми окружающими насъ остатками религіи варваровъ трудно найти что нибудь поразительнѣе фразъ, которыя до сихъ поръ еще признаютъ живое небо за божество; таковы: «Да проститъ меня небо!» «Месть небесъ постигаетъ его». Дождь и громъ большею частью признаются дѣлами бога неба; такъ, Зевсъ мечетъ свою громовую стрѣлу и посылаетъ ливни. Но иные народы имѣютъ спеціальнаго бога дождя, каковы хонды въ Орисеѣ, которые молятся Пидзу-Пенну, чтобы онъ полилъ ихъ поля водою черезъ свое рѣшето. Другіе имѣютъ національнаго

бога грома, каковы іорубы, которые говорятъ, что ихъ Шанго съ блескомъ молніи и трескомъ грома бросаетъ на землю свои громовые топоры, т. е. тѣ цельты, которые они откапываютъ въ землѣ; мы, англичане, сохраняемъ память о богѣ грома или Торѣ, въ нашемъ (англійскомъ) словѣ *Thurshay* — «четвергъ», представляющемъ переводъ *Dies Iovis*. Земля, мать всѣхъ вещей, занимаетъ свое мѣсто въ варварскомъ богословіи; такъ, благочестивые индѣйцы Оджибвы, выкапывая свои лекарственныя травы, никогда не забываютъ оставить какое нибудь приношеніе прабабушкѣ землѣ. Ни одна фантазія о природѣ не можетъ быть яснѣе представленія, что отецъ-небо и мать-земля суть всюду родители всего сущаго; никакой образъ не можетъ представить ихъ таковыми болѣе естественно, чѣмъ китайская свадьба, когда женихъ и невѣста повергаются ницъ передъ небомъ и землею. Богиня земли вполнѣ ясна въ классической религіи, Demeter, Terra Mater, и, вѣроятно, послѣдній слѣдъ поклоненія ей среди насъ можетъ заключаться въ оставленіи послѣдняго недожатаго снопа въ полѣ или торжественный переносъ дожиночнаго снопа въ домъ хозяина жатвы. Самое ясное представленіе о богѣ моря въ новое время можно найти среди негровъ на Гвинейскомъ берегу; здѣсь туземные царьки, умоляя его не быть бурнымъ, бросаютъ въ море какъ жертву рисъ, ткани, бутылку рома и даже рабовъ. Подобнымъ же образомъ какой нибудь греческій или римскій полководецъ приносилъ въ жертву быка Посейдону или Нептуну, прежде чѣмъ ввѣрить себя опаснымъ морскимъ волнамъ. Для людей, которые могли такимъ образомъ смотрѣть на небо, землю, и море, какъ на одушевленныя разумныя существа, наиболѣе ясную божественную личность имѣетъ солнце, когда оно даетъ міру свѣтъ и жизнь, встаетъ и переходитъ небо и спускается на ночь въ подземный міръ, изъ котораго оно поднялось. Есть оригинальная простота въ разсказѣ одной самоѣдки о ея ежедневныхъ молитвахъ; по восходѣ солнца, кланяясь ему, она говорила: «Когда ты, боже, встаешь, я тоже встаю съ постели», и вечеромъ: «когда ты, боже, ложишься, я тоже отправляюсь на покой». Богъ солнца появляется въ самыя отдаленныя историческія времена; такъ на рисункахъ египетскихъ ящиковъ съ муміями, можно видѣть Ра, Солнце, путешествующее на

своей ладьѣ по верхнимъ и нижнимъ областямъ вселенной. Каждое утро можно видѣть, какъ брахманы, эти современные древніе, становятся на одну ногу, вытянувъ руки впередъ, и обращаясь лицомъ къ востоку; это они поклоняются солнцу; къ числу самыхъ древнихъ молитвъ, дошедшихъ до насъ безъ измѣненія отъ древняго арійскаго міра, относится ихъ ежедневно повторяемая молитва солнцу: «Размыслимъ о желанномъ свѣтѣ божественнаго Солнца; да пробудитъ оно наши умы!» Богъ или богиня луны отмѣчаетъ празднества грубыхъ лѣсныхъ племенъ, которыя пляшутъ при свѣтѣ полнаго мѣсяца Нерѣдко луна ставится выше солнца, какъ это было, напримѣръ, въ древней Вавилоніи — можетъ быть по астрономическимъ причинамъ. Но болѣе обыкновенно на первомъ планѣ стоитъ Солнце, что представляется намъ болѣе естественнымъ; обыкновенно солнце и луна считаются парою — братомъ и сестрою, или мужемъ и женою. Легко понять, почему въ знаменитомъ храмѣ, въ Сиріи, солнце и луна не имѣли изображеній, подобныхъ изображеніямъ всѣхъ другихъ боговъ, такъ какъ они были видимы всѣмъ людямъ сами. Несомнѣнно, именно по той же причинѣ изъ всѣхъ древнихъ боговъ природы они одни встрѣчаютъ еще личное поклоненіе среди насъ; въ Германіи и Франціи можно до сихъ поръ еще видѣть, какъ крестьяне снимаютъ шляпы передъ восходящимъ солнцемъ, а въ Англіи новая луна привѣтствуется поклономъ или присѣданіемъ, а также любопытнымъ обычаемъ «переворачиванія серебра», что повидимому, представляетъ воспоминаніе о приносимомъ въ жертву лунѣ ей свойственнаго металла. Огонь, хотя онъ врядъ-ли достигаетъ сана первостепеннаго божества, разсматривается какъ личное существо, и ему поклоняются какъ за зло, такъ и за добро, приносимое имъ человѣку, и какъ служителю высшихъ боговъ У арійскихъ народовъ первое слово Веды есть имя Агни, бога Огня (латинское *ignis*), божественнаго жреца при жертвоприношеніи; типическими огнепоклонниками являются парсы, представители религіи древней Персіи, самое священное мѣсто которыхъ есть храмъ у горящихъ источниковъ Баку (стр. 273); у древнихъ грековъ Гестія, священный очагъ, получала въ пищу жиръ и возліянія сладкаго вина, и ея имя и служеніе ей перешло въ Римъ, въ храмъ Весты, съ вѣчнымъ огнемъ въ ея святилищѣ. Боги вѣтровъ

столь же извѣстны сѣверо-американскимъ индѣйцамъ и островитянамъ Южнаго Океана, какъ они были извѣстны грекамъ, изъ религіи которыхъ они дошли до насъ, такъ что дитя каждаго пахаря слышитъ теперь о суровомъ Бореѣ и нѣжномъ Зефирѣ. Чтобы заключить этотъ списокъ, скажемъ, что рѣки представлялись настолько высшими существами, сравнительно съ маленькими духами ручьевъ, что онѣ часто имѣли собственные храмы и собственныхъ жрецовъ, какъ напримѣръ, Скамандръ и Сперхей; люди клялись ими, такъ какъ онѣ могли схватить и утопить клятвопреступника въ своихъ пучинахъ, и для индуса до сихъ поръ самою страшною клятвою является клятва какою нибудь божественною рѣкою—болѣе всего Гангомъ.

Подобное перечисленіе боговъ, огромныхъ душъ неба, земли и моря, солнца и луны, и остальныхъ великихъ силъ природы, причемъ каждое существо имѣетъ свою божественную личность, свою сознанную цѣль и работу въ мірѣ,—способствуетъ много объясненію многобожія, какъ оно встрѣчается во всѣхъ частяхъ земнаго шара. Объясненіе всѣхъ частностей его, однако, невозможно, потому что какъ въ племенахъ, такъ и въ свойствахъ многихъ боговъ произошло смѣшеніе. Божество, которому поклоняются во многихъ храмахъ, склонно къ распаденію на нѣсколько отдѣльныхъ божествъ, и люди продолжаютъ поклоняться послѣднимъ подъ различными именами, послѣ того какъ позабылось ихъ первоначальное значеніе. У націй, которыя слились между собою, вслѣдствіе союза или завоеванія, смѣшиваются между собою и религіи, и различные боги утрачиваютъ обособленность своей личности. Классическій словарь переполненъ примѣрами подобнаго рода. Громоносное небо и дождливое небо, *Jupiter Tonans* и *Jupiter Pluvius*, были впослѣдствіи обожаемы, какъ два отдѣльныя существа. Латинскій Нептунъ и греческій Посейдонъ, слившись во едино, потому что они оба были богами моря, образуютъ любопытное божественное сложное существо. Подъ именемъ Меркурія, бога торговли, появляется другое древнее божество, греческій Гермесъ, посланникъ боговъ, провожатый умершихъ въ страну Гадеса, богъ воровъ и купцовъ, письменъ и науки, который въ свою очередь представляетъ слѣды составленія его изъ нѣсколькихъ еще болѣе древнихъ божествъ, въ числѣ которыхъ находится древне-египетскій богъ

письменъ Тотъ, съ головою ибиса. Это можетъ дать понятіе о той путаницѣ, которая возникаетъ въ религіи, какъ скоро поклонники перестаютъ думать о божествѣ согласно его первоначальному смыслу и назначенію, и знаютъ о немъ только какъ о такомъ-то богѣ, изображеніе котораго стоитъ въ такомъ-то храмѣ. Слѣдуетъ удивляться не тому, что въ настоящее время трудно опредѣлить происхожденіе столь многихъ древнихъ боговъ, но скорѣе тому, что еще столь многіе изъ нихъ показываютъ съ такою ясностью, чѣмъ они были съ самаго начала — божественнымъ-ли предкомъ, или солнцемъ, или небомъ, или рѣкою. Боги религіи варваровъ столь же ясно показываютъ, что въ умахъ грубыхъ богослововъ работаетъ одна мысль, которой было суждено пріобрѣсти огромное значеніе на высшихъ ступеняхъ цивилизаціи. Разсматривая міръ какъ поле битвы между добрыми и злыми духами, иныя религіи представляютъ, что это двѣ борющіяся между собою арміи, съ высшими добрыми и злыми богами надъ ними, и что выше ихъ всѣхъ стоятъ верховныя добрыя и злыя божества. Эта система дуализма, какъ ее называютъ, въ религіи древней Персіи вырабатывается въ борьбу между силами свѣта и тьмы подъ верховнымъ господствомъ Ахурамазды и Анграмаиніи, добраго и злаго духовъ. Въ религіяхъ варваровъ появляется также въ грубыхъ формахъ система божественной іерархіи, столь хорошо извѣстная въ религіяхъ болѣе культурныхъ народовъ. Подобно тому, какъ среди самихъ поклонниковъ существуютъ рядовые люди и вожди надъ ними, и великіе правители или цари надъ всѣми, съ высшими и низшими чиновниками для исполненія ихъ приказаній; такъ и среди своихъ боговъ вѣрующіе устанавливаютъ систему низшихъ и высшихъ разрядовъ божествъ, ставя превыше всего верховное божество. Не всюду согласны, какому именно божеству должна принадлежать эта верховность. Какъ уже было сказано, люди, считающіе души умершихъ своими богами, могутъ признавать такимъ высочайшимъ существомъ душу какого-нибудь предка, превращеннаго въ создателя и правителя міра. Часто—и вполнѣ естественно—верховнымъ создателемъ и правителемъ вселенной считаютъ бога неба. Среди народовъ Западной Африки иные говорятъ, что Небо творитъ свою волю чрезъ своихъ слугъ, низшихъ духовъ воздуха, но другіе считаютъ его слишкомъ вы-

сокимъ, чтобы оно стало много безпокоиться о земныхъ дѣлахъ. Въ ученіи негровъ Конго проявляется глубокомысленная, хотя и безотрадная философія жизни. Они говорятъ, что въ житейскихъ дѣлахъ до сихъ поръ дѣйствуетъ толпа добрыхъ и злыхъ духовъ, душъ умершихъ, и что большею частью торжествуютъ злые духи; но отъ времечи до времени, когда они дѣлаютъ свѣтъ невыносимымъ, великое Небо пробуждается, устрашаетъ злыхъ духовъ своимъ громомъ и мечетъ свои громовыя стрѣлы въ самыхъ упрямыхъ изъ нихъ; затѣмъ оно снова успокоивается и предоставляетъ духамъ управлять міромъ по прежнему. Болѣе пріятное зрѣлище духовъ природы, дѣйствующихъ подъ руководствомъ неба, знакомо намъ по гомеровскому собранію боговъ на Олимпѣ, гдѣ Зевсъ, олицетворенное небо, возсѣдаетъ на тронѣ, повелѣвая богами земли, воздуха и моря. Въ другихъ странахъ верховнымъ божествомъ считается Солнце; такимъ оно является у многихъ горныхъ племенъ Индіи, гдѣ оно управляетъ богами лѣса и равнины, племенными богами и душами предковъ. Или, какъ у туземныхъ племенъ Сѣверной Америки, можетъ существовать Великій Духъ, который составляетъ какъ бы душу вселенной, имъ созданной и все еще управляемой, и главенствуетъ даже надъ такими могущественными богами природы, каковы солнце и луна. Изучая религіи и философію древняго цивилизованнаго міра, читатель найдетъ, что мысль человѣка работаетъ тѣми же двумя путями въ направленіи къ пантеизму или монотеизму, смотря потому, представляется ли ей вся вселенная однимъ обширнымъ тѣломъ, одушевляемымъ одною божественною душою, или она поднимаетъ до той же божественной высоты одно божество, которое верховно царитъ надъ всѣмъ остальнымъ міромъ. Слѣдить за развитіемъ этой мысли не входитъ въ предѣлы, нами себѣ здѣсь поставленные.

Взглянемъ теперь на главные акты варварскаго культа, понять которые нетрудно, если мы будемъ постоянно помнить, что божества, для которыхъ они назначаются, представляютъ собою или настоящія, или преобразованныя человѣческія души, или существа, созданныя по образу и подобію человѣческихъ душъ. Молитва встрѣчается даже среди дикарей; дѣйствительно, вполнѣ естественно, что поклонникъ долженъ обращаться съ почтительными словами и просьбами о помощи къ божественному существу, пред-

ставляющему, можетъ быть, его собственнаго дѣда. Молитвы варваровъ были неоднократно подслушиваемы и записаны. Такъ, у зулусовъ, приносящій жертву говоритъ: «Вотъ вамъ вашъ быкъ, вы, духи нашего народа. Прошу васъ о здоровомъ тѣлѣ, чтобы я могъ жить хорошо; и ты, такой-то, поступай со мною милостиво, и ты, такой-то» (называя по имени умершихъ членовъ семьи). Нижеслѣдующее составляетъ часть молитвы хондовъ, при принесеніи человѣческой жертвы богинѣ Земли: «Насчетъ нашего скота, овецъ, свиней и хлѣба мы достали жертву и приносимъ ее тебѣ. Просимъ, обогати насъ теперь. Умножь наши стада такъ, чтобы они не вмѣщались въ хлѣвъ; умножь нашихъ дѣтей такъ, чтобы заботы о нихъ стали не подъ силу родителямъ, и чтобы это видно было по ихъ опаленнымъ рукамъ; пусть наши головы всегда стукаются о безчисленные мѣдные горшки, свѣшивающіеся съ нашихъ крышъ; пусть крысы укладываютъ свои норы кусками багряной ткани и шелка; пусть всѣ коршуны въ странѣ усядутся на деревьяхъ нашей деревни, привлеченные звѣрями, которыхъ мы будемъ убивать ежедневно. Мы не вѣдаемъ, о чемъ лучше для насъ просить тебя. Ты знаешь, что́ для насъ лучше. Дай же намъ это». Эти два образца молитвъ выбраны потому, что они показываютъ, какъ тѣсно связана молитва съ жертвоприношеніемъ, какъ вѣрующіе дѣлаютъ приношеніе и при этомъ просятъ о милости — такъ какъ было бы сдѣлано и по отношенію къ живому начальнику. Варварскія жертвоприношенія не представляютъ простыхъ формальныхъ знаковъ почтенія; они состоятъ большею частью изъ пищи и будутъ потреблены божествомъ, хотя послѣднее, будучи духомъ, способно принимать только духъ, ароматъ или сущность пищи; или оно вдыхаетъ паръ или дымъ, восходящій отъ огня алтаря, безплотную пищу изъ того же самаго тонкаго эѳирнаго вещества, изъ какого состоитъ, по понятію вѣрующаго, самъ духъ или богъ. Обрядъ жертвоприношенія утрачиваетъ свой грубый смыслъ кормленія божествъ только въ высшихъ религіяхъ, гдѣ хотя и происходитъ еще жертвенное возліяніе и сожигается еще быкъ на алтарѣ, но это дѣйствіе есть только принесеніе въ даръ чего-нибудь высоко цѣнимаго поклонникомъ, и представляетъ только знакъ обожанія, угоднаго божеству.

Существуетъ много путей, которыми поклонникъ можетъ под-

держивать личныя сношенія съ своими божествами. Послѣднія, будучи душами или духами, конечно, могутъ быть видимы по временамъ во снѣ и въ видѣніяхъ, особенно для своихъ жрецовъ или пророковъ, которые такимъ образомъ получаютъ (или притворяются, что получаютъ) отъ нихъ божественные отвѣты или прорицанія. Будучи душою, богъ можетъ входить въ человѣческое тѣло и дѣйствовать и говорить черезъ него, и вслѣдствіе этого гистероэпилептическіе симптомы, которые, какъ мы видѣли, приписываются злому демону, одержащему паціента, разсматриваются въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, когда духъ проявляющійся въ больномъ признается за божество, пришедшее вдохновлять своего служителя и говорить его голосомъ. Судороги, неземной голосъ, которымъ одержимый жрецъ отвѣчаетъ отъ имени находящагося въ немъ божества, и его оцѣпененіе, когда богъ покидаетъ его, — все это подходитъ одно къ другому, и во всѣхъ частяхъ міра можно найти жрецовъ-оракуловъ и прорицателей во имя близкихъ имъ духовъ,—субъектовъ, повидимому, дѣйствительно больныхъ тѣломъ и душою, на столько же подверженныхъ иллюзіи своихъ собственныхъ чувствъ, на сколько искусныхъ въ обманываніи своихъ почитателей притворными симптомами и хитрыми отвѣтами. Вдохновеніе или вдыханіе духа въ тѣло какого-нибудь жреца или прорицателя представляется такимъ людямъ простымъ механическимъ дѣйствіемъ, въ родѣ наливанія воды въ кружку. Равнымъ образомъ, какъ и при обыкновенномъ переселеніи душъ, божество считается способнымъ входить въ тѣло какого-нибудь животнаго; такъ оно летаетъ съ мѣста на мѣсто въ видѣ священной птицы, или живетъ въ божественной змѣѣ, которую кормятъ и обожаютъ негры Невольничьяго берега. Это ведетъ къ вѣрованію, которое представляется еще болѣе страннымъ нашему уму. Англичанинъ новаго времени удивляется, какимъ образомъ человѣческое существо, какъ бы невѣжественно оно ни было, можетъ падать ницъ передъ палкою, воткнутою въ землю, или предъ камнемъ, подобраннымъ у дороги, и можетъ даже разговаривать съ ними и предлагать имъ пищу; но когда индусъ или африканецъ объясняютъ свое вѣрованіе, что эта палка или этотъ камень представляетъ пріемникъ, въ которомъ на время воплотился божественный духъ, то это показываетъ, что въ его дѣйствіяхъ есть разумный

смыслъ. Изображенія боговъ, отъ грубо вырѣзанныхъ изъ дерева фигуръ предковъ, выставляемыхъ въ хижинахъ остяковъ, до греческихъ статуй, созданныхъ Фидіемъ или Праксителемъ и представляющихъ бога неба или бога солнца, большею частью дѣлаются по образу и подобію человѣка, —и это еще одно добавочное доказательство того, что эти боги природы копируются съ человѣка. Когда такія изображенія служатъ для представленія боговъ, поклонникъ можетъ видѣть въ нихъ только знаки или портреты, но обыкновенно его философія духовъ приводитъ къ тому, что онъ начинаетъ считать ихъ временными тѣлами для своихъ божествъ. Таитійскій жрецъ, если его спрашиваютъ о его выточенномъ деревянномъ идолѣ, объясняетъ, что его богъ не всегда содержится въ изображеніи, но прилетаетъ въ него только по временамъ, въ видѣ священной птицы, и по временамъ выходитъ изъ идола и вступаетъ въ тѣло его, жреца, чтобы дѣлать священныя прорицанія его голосомъ. Это переноситъ насъ къ тѣмъ временамъ, когда, пятнадцать столѣтій тому назадъ. Минуцій Феликсъ описывалъ, какъ языческіе боги входятъ въ свои идолы и упитываются испареніями алтарей или вползаютъ какъ тонкіе духи въ тѣла людей, чтобы корчить ихъ члены и сводить ихъ съума, или заставляютъ своихъ жрецовъ неистовствовать и кружиться. Наконецъ, грубыя племена могутъ вѣрить и поклоняться духамъ, обходясь безъ выстраиванія домовъ для нихъ и безъ установки столовъ для ихъ угощенія. Тѣмъ не менѣе, подобные храмы и алтари появляются въ религіи варваровъ съ отдаленныхъ временъ и до сихъ поръ остаются все съ такимъ же совершенно человѣческимъ характеромъ поклоненія, какъ всегда; такъ, въ Индіи служители Вишну обмываютъ и одѣваютъ его изображеніе, и выставляютъ его на почетное мѣсто въ его храмѣ съ отборнымъ угощеніемъ передъ нимъ, и съ музыкантами и танцовщицами для его развлеченія. Это тѣмъ болѣе поучительно для насъ, что мы знаемъ Вишну ранѣе искаженія его первоначальнаго значенія, когда онъ былъ богомъ солнца, одушевляющимъ началомъ или душою его въ формѣ человѣческой личности, и такимъ образомъ—остаткомъ до-исторической философіи природы.

До сихъ поръ мы разсматривали религіи варваровъ только какъ подобную раннюю систему философіи природы и ничего не

говорили о нравственномъ ученіи, которое въ настоящее время представляется столь существеннымъ для каждой религіи. Философская сторона религіи отдѣлена нами отъ нравственной не только потому, что при разсматриваніи ихъ въ отдѣльности можно получить болѣе ясный взглядъ на дѣло, но и потому, что многія религіи низшихъ расъ имѣютъ въ сущности весьма малое отношеніе къ нравственному поведенію человѣка. Туземный африканецъ или американецъ могутъ имѣть опредѣленныя вѣрованія въ души и въ другихъ духовъ, какъ въ причины своей жизни и событій окружающаго міра, и могутъ поклоняться этимъ духовнымъ или божественнымъ существамъ, добиваясь ихъ благосклонности или умиротворяя ихъ гнѣвъ молитвами или жертвоприношеніями. Но хотя эти боги и могутъ требовать отъ него исполненія долга по отношенію къ нимъ, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы они озабочивались исполненіемъ его обязанностей по отношенію къ его сосѣдямъ. Среди такихъ народовъ, если человѣкъ грабитъ или убиваетъ; то отмщеніе за это предоставляется дѣломъ обиженной стороны и ея друзей; если онъ скупъ, вѣроломенъ, жестокъ, онъ можетъ понести наказаніе за это или можетъ быть отвергнутъ съ презрѣніемъ всѣми порядочными людьми; но вовсе не необходимо, чтобы на него смотрѣли при этомъ, какъ на ненавистнаго богамъ; и дѣйствительно, подобный человѣкъ часто оказывается какимъ нибудь великимъ знахаремъ или жрецомъ. Равнымъ образомъ, полагая, что душа продолжаетъ существовать послѣ смерти, носясь какъ тѣнь или демонъ среди живыхъ, или переходя въ мрачный подземный міръ или въ свѣтлую область духовъ, дикари часто представляютъ себѣ состояніе души скорѣе какъ сохраненіе ея земнаго характера и положенія, нежели въ формѣ награды или наказанія за земную жизнь. Если иные изъ читателей найдутъ труднымъ понимать подобное богословіе, отдѣленное отъ нравственнаго ученія, то имъ можно напомнить, какъ среди болѣе цивилизованныхъ народовъ религіи могутъ понижаться до такого же состоянія вслѣдствіе того, что они перестаютъ проводить въ жизни нравственные законы, ими исповѣдуемые; такъ, индусъ можетъ вести самую нечестивую жизнь, но жрецы за приношенія примиряютъ его съ богами, или въ Европѣ разбойники часто оказываются отмѣнно набожными посѣтителями церквей. Вообще говоря, вѣрованія выс-

шихъ народовъ имѣютъ бо́льшее или лучшее нравственное вліяніе, нежели вѣрованія болѣе грубыхъ племенъ. Тѣмъ не менѣе, практическое дѣйствіе религіи на жизнь людей начинаетъ уже сказываться даже среди дикарей. Поклоненіе умершимъ естественно побуждаетъ къ доброй нравственности, такъ какъ предокъ, который при жизни заботился, чтобы члены его семьи поступали справедливо одинъ относительно другаго, не оставляетъ этого благосклоннаго попеченія и тогда, когда онъ становится божественнымъ духомъ, властнымъ какъ для милости, такъ и для наказанія. Это поклоненіе тѣнямъ не вноситъ новыхъ доктринъ или реформъ; потому что потомки сознаютъ, что ничто не вызываетъ большаго неудовольствія божественнаго предка, какъ измѣненіе старыхъ обычаевъ, къ которымъ онъ былъ привыченъ. Но вслѣдствіе этого поддерживанія старинныхъ семейныхъ добродѣтелей, поклоненіе предкамъ обнаруживаетъ вліяніе на многіе народы, среди которыхъ оно господствуетъ; отъ зулуса, вѣрующаго, что онъ не долженъ дурно поступать со своими братьями, иначе отецъ придетъ къ нему во снѣ и заставитъ его заболѣть—до китайца, который всегда живетъ въ присутствіи семейныхъ духовъ, и боится сдѣлать зло, чтобы они не дали ему впасть въ бѣдствіе и умереть. Въ великихъ религіяхъ древняго міра, гдѣ могущественное жреческое сословіе составляетъ интеллигенцію, воспитателей и руководителей общества, мы находимъ признаніе нравственнаго ученія, какъ одной изъ великихъ обязанностей религіи. Боги берутъ на себя наказаніе нечестивыхъ; богъ неба поражаетъ клятвопреступника своею громовою стрѣлою, и національный богъ посылаетъ на убійцу болѣзнь и смерть. Ученіе о переселеніи душъ вліяетъ какъ нравственная сила; такъ, индусскія книги угрожаютъ грѣшникамъ, что они будутъ рождены еще разъ въ другихъ тѣлахъ въ наказаніе за грѣхи, совершенные ими въ настоящей жизни, причемъ злые родятся слѣпыми или калѣками, клеветники будутъ имѣть зловонное дыханіе, и конокрады будутъ хромать, жестокій человѣкъ перейдетъ въ хищнаго звѣря, хлѣбокрадъ въ крысу; и такимъ образомъ, пожиная плоды прежнихъ дѣйствій своихъ, люди должны будутъ нести послѣдствія своихъ дѣлъ; души, погруженныя во мракъ, будутъ понижаться до скотовъ, между тѣмъ какъ добрыя души, въ рядѣ послѣдовательныхъ рожденій повысятся до того, что сдѣлаются

богами. Еще болѣе широкимъ распространеніемъ пользуется ученіе, что за жизней человѣка слѣдуетъ загробный судъ, причемъ грѣшники осуждаются на бѣдствіе, и только тѣ, кто жилъ праведно на землѣ, могутъ достигнуть блаженства. Какъ господствовало это ученіе въ древнемъ Египтѣ, свидѣтельствуютъ до сихъ поръ свитки папируса Книги Мертвыхъ, картины и гіеролифическія формулы на ящикахъ мумій. Такъ, во всякомъ музеѣ мы можемъ видѣть сцену взвѣшиванія души усопшаго и судъ надъ нимъ у Озириса, судьи мертвыхъ, съ сорока двумя помощниками, между тѣмъ какъ Тотъ, богъ письменъ, стоитъ подлѣ для занесенія грознаго приговора на свои дощечки. Въ столбцахъ гіероглифовъ перечислены преступленія, отъ которыхъ должна оправдаться душа; это — любопытная смѣсь того, что можно было бы назвать обрядовыми и нравственными грѣхами, среди которыхъ находятся слѣдующіе: «Я не дѣлалъ тайно зла людямъ. Я не говорилъ лжи на судѣ правды. Я не сдѣлалъ никакого нечестиваго дѣла. Я не заставлялъ рабочаго человѣка трудиться болѣе, чѣмъ ему полагается въ день. Я не оклеветалъ раба передъ его господиномъ. Я не убивалъ. Я не плутовалъ для обмана людей. Я не поддѣлывалъ мѣръ страны. Я не повреждалъ изображеній боговъ. Я не бралъ кусковъ перевязи съ мертвыхъ. Я не совершалъ прелюбодѣянія. Я не лишалъ молока уста грудныхъ младенцевъ. Я не охотился за дикими животными на пастбищѣ. Я не ловилъ въ сѣти священныхъ птицъ. Я чистъ, я чистъ, я чистъ!» Такимъ образомъ, среди культурныхъ народовъ древняго міра уже въ самый ранній историческій періодъ богословіе соединилось съ этикою, религія, какъ нравственная сила, получила господство надъ обществомъ.

Мы показали такимъ образомъ, что анимизмъ или теорія душъ представляетъ начало изъ котораго возникли различныя системы духовъ и божествъ въ религіяхъ варварскихъ и древнихъ народовъ, и отмѣтили также какъ уже среди грубыхъ расъ подобныя вѣрованія начинаютъ дѣйствовать на нравственное поведеніе. Передъ нами находятся здѣсь, въ наипростѣйшемъ видѣ, двѣ стороны религіи — философская и нравственная, которыя читатель долженъ постоянно удерживать въ памяти при дальнѣйшемъ изученіи религій міра. При разсматриваніи исторіи извѣстной религіи,

ему предстоитъ рѣшить, въ какой мѣрѣ послѣдняя служила этимъ двумъ великимъ назначеніямъ—съ одной стороны назначенію учить человѣка пониманію самаго себя, міра его окружающаго и грозной и безграничной силы, проникающей все сущее, — а съ другой стороны, назначенію практически руководить человѣкомъ и укрѣплять его при выполненіи налагаемыхъ жизнью обязанностей. Изслѣдователю будетъ часто представляться одинъ вопросъ: какимъ образомъ вѣрованія, нѣкогда могущественныя и искреннія, приходятъ въ упадокъ, и на ихъ мѣсто являются другія? Конечно, въ не малой степени подобныя перемѣны обусловливались завоеваніемъ, какъ было, напримѣръ, въ Персіи, гдѣ религія Мохаммеда почти окончательно искоренила древнія вѣрованія зороастра временъ Кира и Дарія. Но мечъ завоевателя представляетъ только орудіе, при помощи котораго религіи устанавливались и низвергались насильственно; истинныя же причины скрыты глубже въ умахъ людей. Одного историческаго взгляда на развалины древнихъ религій достаточно, чтобы увидѣть, что онѣ разрушались вслѣдствіе внутреннихъ причинъ. Жрецы Египта, бывшіе нѣкогда представителями самаго передоваго знанія ихъ времени, вообразили, что человѣчеству нечему болѣе учиться, и стали охранять свое преданіе отъ всякой новѣйшей мудрости, пока міръ не прошелъ мимо ихъ и не оставилъ ихъ погрязнувшими въ суевѣріи. Жрецы Греціи отправляли свой культъ въ великолѣпныхъ храмахъ и были окружены богатствомъ и почестями, но люди, искавшіе тайны какъ жить лучше, нашли, что святилище не ставитъ себѣ этой задачи и отвергнулись отъ нихъ, чтобы обратиться къ философамъ. Если извѣстная религія не въ состояніи сохранять свое мѣсто въ передовыхъ рядахъ науки и нравственности, то она можетъ лишь мало по малу въ теченіи вѣковъ утрачивать свое значеніе для народа, но никакая государственная сила и никакое богатство храмовъ не спасутъ ея отъ необходимости при случаѣ уступить вѣрованію, воспринимающему въ себя высшее знаніе и научающему человѣка лучшей жизни.

ГЛАВА XV.

Исторія и миѳологія.

Преданіе.—Поэзія.—Фактъ въ вымыслѣ. — Древнѣйшія поэмы и письменныя произведенія.—Древняя хроника и исторія.—Миѳы —Истолкованіе миѳовъ.— Распространеніе миѳовъ.

Къ исторіи мы уже болѣе не обращаемся за свидѣтельствами о самыхъ раннихъ періодахъ жизни человѣчества. Какъ показываетъ первая глава этого тома, мы, люди новаго времени, знаемъ, чтó было скрыто отъ самыхъ древнихъ народовъ относительно еще древнѣйшихъ древнихъ. Однако, отсюда не слѣдуетъ, что древняя исторія утратила свою цѣну. Напротивъ того, теперь существуютъ лучшія, чѣмъ когда-либо, средства подтвердить то, чтó дѣйствительно вѣрно въ ней, при помощи такихъ свидѣтельствъ, какъ свидѣтельства древнихъ памятниковъ и языковъ, и къ тому же въ настоящее время для историка открылись массы весьма раннихъ сочиненій. Никогда не было болѣе необходимо имѣть ясное представленіе о томъ, чему могутъ научить насъ преданіе, поэзія и писанныя свидѣтельства относительно тѣхъ временъ, когда начинается исторія.

Ранняя исторія народовъ состоитъ болѣе или менѣе изъ преданій, дошедшихъ по памяти отъ вѣковъ предшествовавшихъ искусству письма. Нашъ собственный опытъ не можетъ научить насъ многому относительно того, какова можетъ быть цѣнность подобнаго изустнаго преданія, такъ какъ въ цивилизованномъ мірѣ оно настолько вышло изъ употребленія, что въ настоящее время мы знаемъ весьма мало о событіяхъ случившихся ранѣе времени нашего прадѣда, какъ скоро случившееся не было запи-

сано. Но искусство письма еще не распространилось по всему земному шару, и все еще остаются народы, вся исторія которыхъ состоитъ лишь изъ преданія перешедшаго отъ ихъ предковъ. Такъ, островитяне Южнаго океана, до совершенно недавняго времени неумѣвшіе писать, были интеллигентными варварами, охотно передававшими потомкамъ воспоминанія о минувшихъ дняхъ, и въ одномъ или двухъ случаяхъ, которые было возможно провѣрить среди нихъ, оказалось, что память какъ будто дѣйствительно можетъ сохранять историческія свѣдѣнія довольно долго и вѣрно. Миссіонеръ Уитми (Whitmee) сообщаетъ, что на островѣ Ротумѣ находилось весьма старое дерево, подъ которымъ, согласно преданію, было зарыто каменное сидѣнье одного знаменитаго вождя; недавно это дерево было вырвано бурею и дѣйствительно подъ корнями дерева оказалось упомянутое каменное сидѣнье вождя, которое должно было быть скрыто отъ глазъ людей въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. На Эллиской группѣ острововъ туземцы заявляли, что ихъ предки много поколѣній тому назадъ пришли изъ одной долины отдаленнаго острова Самоа, и они сохраняли старый, изъѣденный червями жезлъ, части котораго удерживались отъ распаденія при помощи деревянныхъ заплатъ, и который на ихъ собраніяхъ ораторъ держалъ въ рукѣ, какъ знакъ того, что онъ имѣетъ право говорить; этотъ жезлъ былъ взятъ недавно въ Самоа и оказался сдѣланнымъ изъ растущаго тамъ дерева, причемъ среди жителей долины, о которой идетъ дѣло, сохранилось преданіе, что нѣкогда изъ нея вышла большая колонія жителей, отправившихся въ морскую экспедицію и уже болѣе не возвратившихся. Между этими полинезійскими преданіями наилучше извѣстны тѣ, которыя передаютъ маорисы о заселеніи Новой Зеландіи ихъ предками. Они говорятъ, что послѣ междоусобной войны ихъ праотцы эмигрировали изъ Гавайки на лодкахъ, по направленію къ сѣверо-востоку; они приводятъ имена строителей и команды этихъ судовъ и показываютъ мѣста, гдѣ они высадились на берегъ; они повторяютъ поколѣніе за поколѣніемъ имена вождей, происшедшихъ отъ пріѣхавшихъ въ лодкахъ, насчитывая такимъ образомъ восемнадцать поколѣній или отъ 400 до 500 лѣтъ съ того времени, какъ пришельцы завладѣли островомъ. Несмотря на то, что, какъ и можно было ожидать, преданія раз-

личныхъ округовъ разногласятъ во многихъ отношеніяхъ, они принимаются какъ документъ, въ силу котораго туземцы владѣютъ землями по праву своихъ предковъ, высадившихся въ каноэ «Акула» (*Arava*) и «Божій Глазъ» (*Matu-atua*), и врядъ ли возможно сомнѣваться, что подобныя генеалогіи, постоянно повторяемыя среди людей, землевладѣніе которыхъ зависѣло отъ нихъ, опираются на дѣйствительные факты. Тѣмъ не менѣе, эти преданія маорисовъ наполовину состоятъ изъ самыхъ дикихъ сказокъ о чудесахъ; когда строитель одной изъ лодокъ срубаетъ большое дерево, чтобы сдѣлать остовъ судна, то по возвращеніи въ лѣсъ на слѣдующее утро онъ находитъ, что въ теченіи ночи дерево снова стало на свое прежнее мѣсто; и когда лодка была готова и спущена въ море, на берегу остался волшебникъ, но, по прибытіи лодки въ Новую Зеландію, оказалось, что волшебникъ стоитъ уже на берегу, переплывъ туда черезъ океанъ ранѣе переселенцевъ на спинѣ морскаго чудовища на подобіе Аріона на дельфинѣ. Эти преданія варварскаго народа новаго времени могутъ дать намъ довольно вѣрное представленіе о смѣси дѣйствительнаго воспоминанія и миѳической фантазіи въ ранней исторіи Египта и Греціи, исторіи, которая дошла по преданію отъ того далекаго прошлаго, когда еще не существовало писца даже для вырѣзыванія на каменной плитѣ именъ царей.

Традиція получаетъ еще бо́льшую прочность, когда она передается въ неизмѣнныхъ словахъ, что́ бываетъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда поэты придаютъ преданію стихотворную форму. Даже въ настоящее время въ Англіи иное выдающееся событіе превращается въ балладу и распѣвается по всей странѣ. Въ дни, предшествовавшіе книгопечатанію, значеніе поэта какъ историка было гораздо выше нежели впослѣдствіи, и многія старинныя европейскія пѣсни носятъ печать истинной хроники. Бретонскія старинныя пѣсни часто придерживаются исторіи весьма вѣрно; напримѣръ, въ одной изъ нихъ упоминается о томъ, что у Бертрана дю-Гэсклэна волоса были похожи на львиную гриву, и въ другой описывается, что Жанна де-Монфоръ (Jeanne la Flamme), отправляясь изъ Геннибона съ мечемъ и горящими головнями, чтобы зажечь французскій лагерь, надѣла на себя то военное вооруженіе, которое она дѣйствительно носила, какъ это доказываютъ другія

историческія свидѣтельства. Но хотя поэтъ и менестрель сохраняютъ много картинныхъ событій въ родѣ только-что приведенныхъ, у нихъ нѣтъ совѣстливости историка относительно сообщаемыхъ ими фактовъ. Желая взволновать своихъ слушателей или понравиться имъ, польстить національной гордости своего народа и фамильной гордости вождя, въ залахъ котораго онъ пѣлъ, пѣвецъ вносилъ въ свои пѣсни дѣйствительныя имена и событія, но располагалъ ихъ такъ, какъ это лучше подходило къ драматическому ходу его разсказа, или даже и прямо сочинялъ исторію. Великая германская эпопея, Niebelungen Lied, начинается въ Бургундіи, гдѣ три короля держатъ совѣтъ въ Вормсѣ на Рейнѣ; ихъ сестра—миловидная Кримхильда, мужъ которой, Зигфридъ, предательски убитъ у ручья копьемъ Гагена; послѣ этого она выходитъ замужъ за Аттилу, царя гунновъ, и кровавый разсказъ, кончаясь ея местью и смертью, оставляетъ Аттилу и Теодориха изъ Верона (Этцеля и Дитриха изъ Берна) вмѣстѣ плачущими надъ ихъ умерщвленными воинами. Мѣста и личности здѣсь носятъ настолько историческій характеръ, что могли бы составить исторію въ формѣ поэмы, если бы только исторія могла быть составлена при помощи подобныхъ сказаній; но читавшіе Гиббона знаютъ, что Аттила въ дѣйствительности умеръ за два года до рожденія Теодориха. На самомъ дѣлѣ эта поэма представляетъ только поздній варіантъ одного сказанія, въ болѣе ранней формѣ сохранившагося въ Скандинавіи, въ видѣ саги о Вользунгахъ. Королевскій дворъ въ Вормсѣ, турниръ и всѣ остальныя историческія имена и мѣстныя обстоятельства введены только для того, чтобы придать разсказу поэтическую сущность и окраску. Если поэты отваживались такъ поддѣлывать исторію въ средніе вѣка, когда уже существовали лѣтописи, которыя могли бы обличить ихъ, то какимъ же образомъ мы можемъ отличить фактъ отъ вымысла въ поэмахъ тѣхъ вѣковъ, когда еще отсутствовалъ контроль исторіи? Иліада и Одиссея могутъ содержать много воспоминаній о дѣйствительныхъ людяхъ и ихъ дѣяніяхъ: можетъ быть, въ Микенахъ въ самомъ дѣлѣ царствовалъ какой-нибудь Агамемнонъ; могла происходить и дѣйствительная осада Трои, — можетъ быть даже какъ разъ около того вала, откуда Шлиманнъ выкопалъ золотыя чаши и ожерелья. Но, извлеченіе исторической истины изъ поэмъ Го-

мера, гдѣ естественныя событія столь безпощадно перемѣшаны съ чудесами, какъ въ историческихъ легендахъ—представляется слишкомъ трудною задачею. Крайне трудно судить, въ какой степени безпристрастно сохраняется лѣтопись древнихъ народовъ въ устахъ какого-нибудь пѣвца, у котораго, какъ это указываетъ м-ръ Гладстонъ въ своемъ *Primer of Homer*, было положено за правило, что никакой сколько-нибудь выдающійся греческій вождь не можетъ быть никогда убитъ какимъ-нибудь троянцемъ въ честномъ бою. Если бы изъ древней поэзіи нельзя было извлечь ничего, кромѣ извращенныхъ воспоминаній объ историческихъ событіяхъ, то самымъ благоразумнымъ дѣломъ для антрополога было бы совсѣмъ оставить поэзію въ сторонѣ. Однако, съ другой точки зрѣнія, она представляется однимъ изъ самыхъ полныхъ и точныхъ источниковъ знанія.

Хотя разсказъ поэта можетъ быть вымысломъ, но упоминаемое имъ можетъ быть исторіею. Въ именахъ народовъ, странъ и городовъ, онъ безсознательно изображаетъ передъ нами свѣтъ и его обитателей, каковы они были въ его время. Списокъ кораблей и людей во второй книгѣ Иліады представляетъ карту береговъ Средиземнаго моря и обзоръ ихъ населенія. Гомеръ знаетъ объ египтянахъ, объ ихъ орошеніяхъ полей и ихъ искусствѣ во врачебномъ дѣлѣ, и о славныхъ своими кораблями финикіянахъ и объ ихъ пурпурныхъ тканяхъ. Имя Кадма принадлежитъ финикійскому языку и обозначаетъ «восточный», между тѣмъ какъ «семивратныя» Өивы, выстроенныя его спутниками, показываютъ, что они воздавали то почитаніе мистическому числу семь, которое ведетъ свое происхожденіе отъ поклоненія семи планетамъ въ Вавилонѣ. Врядъ ли могъ думать поэтъ, когда онъ разсказывалъ свои сказки, полныя чудесами, имѣя около себя данную обстановку дѣйствительнаго міра, какъ будущіе вѣка будутъ цѣнить именно это свидѣтельство о дѣйствительной жизни. Одиссей, который вцѣпился подъ брюхо большому барану или отправляется въ страну Гадеса къ блѣднымъ тѣнямъ умершихъ, представляетъ чистый миөъ. Между тѣмъ описаніе Полифема представляетъ одну изъ немногихъ древнихъ картинъ нравовъ низшихъ варваровъ, а посѣщеніе Гадеса—есть глава изъ религій древнихъ грековъ, свидѣтельствующая о томъ, что думали люди объ унылой загробной жизни духовъ. Тоже можно

сказать и въ отношеніи къ описаніямъ жизни и нравовъ. Навзикая, царская дочь, ѣдетъ на телѣгѣ, запряженной парою муловъ, къ рѣкѣ и везетъ съ собою бѣлье для стирки. Одиссей идетъ по улицамъ мореходныхъ Фэаковъ, дивясь на гавань, крѣпкія стѣны и укрѣпленія, а потомъ переступаетъ бронзовый порогъ дворца Алкиноя и войдя, обнимаетъ колѣна царицы Аретеи; затѣмъ онъ садится на очагъ среди пепла, пока царь, памятуя о Зевсѣ Громовержцѣ, близкомъ и заботящемся о просителѣ, не беретъ гостя за руку и не заставляетъ его сѣсть возлѣ себя, на блестящее сидѣніе своего собственнаго сына. Такимъ образомъ, слѣдя за романическими приключеніями хитроумнаго Одиссея, мы видимъ, словно въ рядѣ движущихся туманныхъ картинъ, какъ герои древнихъ дней ходили съ копьемъ въ рукѣ и своими быстроногими собаками у пятъ; какъ у входной двери дома они сбрасывали свои одежды, чтобы перейти въ баню, и выходили оттуда, намазавъ тѣло масломъ, къ пиршеству, за которымъ они безъ всякихъ такихъ утонченностей, каковы тарелки или ножи, ѣли до сыта жареное мясо и хлѣбъ; какъ они развлекались, бросая диски на гладкой лужайкѣ, или нѣжились на шкурахъ, разосланныхъ на солнцѣ, играя въ мельницу; какъ при торжественныхъ богослуженіяхъ они дѣлали возліянія изъ темнаго вина и сожигали мясо при жертвоприношеніяхъ, вознося молитвы о томъ, чего жаждали ихъ сердца, но зная, что боги, внимая имъ, это дадутъ и въ томъ откажутъ. Все это не только исторія, но самая лучшая исторія. Въ глазахъ изслѣдователя культуры даже столь поражающая умы новыхъ людей дикая смѣсь естественнаго съ сверхъестественнымъ представляется свидѣтельствомъ о раннемъ состояніи религіозной мысли. Боги сходятся на совѣтъ въ палатахъ Зевса, собирателя тучъ, для того чтобы разрѣшить, что должно сдѣлать со сражающимися арміями ихъ поклонниковъ, стоящихъ на равнинахъ внизу. Божественныя существа принимаютъ участіе въ самой дракѣ смертныхъ бойцовъ; Посейдонъ вытаскиваетъ копье съ бронзовымъ наконечникомъ изъ щита у Энея, поднимаетъ троянскаго героя и уноситъ его невредимымъ надъ головами бойцовъ; даже богини ссорятся между собою, какъ простые смертныя забіяки; напримѣръ, Гера вырываетъ лукъ и колчанъ у Артемиды и съ презрительнымъ смѣхомъ бьетъ ее ими по лицу, пока дѣвственная охотница

не удаляется въ слезахъ, оставляя свой лукъ позади. Было бы большою ошибкою думать, что все это казалось простою выдумкою или поэтическимъ украшеніемъ тѣмъ людямъ, которые первые услышали эти чудесныя рапсодіи. Эти люди находились въ переходномъ состояніи религіи, описанномъ въ прошлой главѣ (см. стр. 360), когда духовныя существа, которыя ихъ болѣе грубымъ предкамъ служили олицетворенными причинами существованія природы и ея явленій, уже начали утрачивать свою ясность, но все еще продолжали считаться божествами, управлявшими природою и вмѣшивающимися въ жизнь людей. Если мы противупоставимъ подобное состояніе мысли современному разсужденію, это поможетъ намъ уяснить себѣ одно изъ величайшихъ событій во всей исторіи, — переходъ человѣческой мысли отъ миѳологическаго склада къ историческому. Эта перемѣна произошла не сразу, но постепенно совершалась въ теченіи многихъ вѣковъ. Врядъ ли можно найти болѣе поучительную главу въ «Исторіи Греціи» Грота, нежели та, гдѣ онъ описываетъ философскій вѣкъ, когда греки начали замѣчать со смущеніемъ и болью, что гомеровы поэмы, сдѣлавшіяся для нихъ священными книгами, плохо согласуются съ ихъ собственнымъ жизненнымъ опытомъ, вслѣдствіе чего они стали задавать себѣ вопросъ: могъ ли дѣйствительно такъ измѣниться міръ съ того времени, когда люди садились за одинъ и тотъ же столъ съ богами?.

Съ той же точки зрѣнія должно быть разсматриваемо многое изъ того, что называется древнею исторіею. Къ исторической критикѣ, то есть къ сужденію, прибѣгаютъ не для того, чтобъ не вѣрить сообщаемому, но для того, чтобы вѣрить ему. Ея цѣль состоитъ не въ томъ, чтобы отыскивать ошибки у автора, но въ томъ, чтобы удостовѣриться, какая доля того, что онъ говоритъ, можетъ быть основательно признана истиною. Такимъ образомъ, современный читатель можетъ имѣть болѣе здравое мнѣніе о ранней римской исторіи, чѣмъ имѣли сами римляне во время Ливія и Цицерона. Мы видимъ яснѣе ихъ, что производить названіе Рима отъ человѣка, называемаго Ромуломъ, имѣетъ менѣе вѣроятія. нежели допустить, что имя Ромула было вымышлено для объясненія, почему городъ былъ названъ Римомъ. Весь знаменитый разсказъ о волчицѣ, выкормившей Ромула и Рема, утрачиваетъ для

новаго времени всякое значеніе, когда мы узнаемъ, что все это только варіантъ той самой сказки, которую передалъ Геродотъ, какъ исторію рожденія Кира. Однако, и здѣсь можно видѣть косвенныя историческія указанія даже тамъ, гдѣ событія представляются въ высшей степени сомнительными. Хотя, можетъ быть, на свѣтѣ никогда не существовало такого человѣка какъ Ромулъ, легенда о томъ, что онъ намѣтилъ мѣсто городскихъ стѣнъ своимъ бронзовымъ плугомъ, представляетъ собою вѣрное указаніе на обрядъ, съ которымъ въ древности приступали къ постройкѣ городовъ. Даже къ болѣе поздней исторіи, когда у историка уже находились подъ рукою писанныя свидѣтельства, часто приходится относиться подобнымъ же образомъ. Предположимъ, что въ школѣ читаютъ 35-ую книгу Ливія. Подобныя вещи, какъ клятва Анибала, и приготовленія къ войнѣ съ Антіохомъ, принимаются, внѣ всякаго вопроса, какъ вѣрная исторія. Но когда дѣло доходитъ до разсказа, что въ это время быкъ, принадлежавшій одному изъ консуловъ, испустилъ страшныя слова: «Roma, cave tibi!»—въ классѣ раздается смѣхъ. Со стороны учителя было бы недостаточно пропустить эту сказку, какъ простую нелѣпицу Ливія. Онъ долженъ показать, что историкъ, вѣроятно, заимствовалъ ее изъ какого нибудь оффиціальнаго отчета о чудесахъ; стало быть, во всякомъ случаѣ она представляетъ хорошее историческое свидѣтельство о существованіи у людей древняго Рима вѣры не только въ то, что быкъ можетъ говорить, но и въ то, что подобное явленіе имѣетъ значеніе божественнаго предзнаменованія; что комедіи подобнаго рода у римлянъ сдѣлались настолько частью національной религіи и правленія, что авгуры заботились о правильной постановкѣ подобныхъ знаменій для руководства правителямъ государства, или покрайней мѣрѣ для доставленія имъ возможности обманывать народныя массы. Такимъ образомъ, отрывки исторіи, на первый взглядъ представляющіеся самыми наивными и ложными могутъ оказаться солидными фактами въ исторіи цивилизаціи.

Нѣтъ никакой нужды, очевидно, чтобы творенія, служащія свидѣтельствами о жизни древняго міра, дѣйствительно имѣли въ виду дать исторію. Если только до насъ доходятъ достовѣрныя слова и мысли древнихъ о чемъ бы то ни было, люди новаго времени могутъ уже сами извлекать изъ нихъ историческія данныя.

Такъ, санскритскіе гимны, собранные въ Ведѣ, служатъ свидѣтельствомъ объ ежедневной жизни распѣвавшихъ ихъ раннихъ арійцевъ. Потому что, когда гимнъ богамъ вѣтровъ выставляетъ послѣднихъ разъѣзжающими въ колесницахъ съ крѣпкими ободами у колесъ, хорошо обдѣланными возжами и щелканіемъ бича, для читателя новаго времени очевидно, что арійскій народъ, среди котораго было сложенъ этотъ гимнъ, долженъ былъ самъ разъѣзжать на подобныхъ же колесницахъ. Тамъ, гдѣ свѣтлые боги, носятъ золотыя цѣпи на своей груди ради красоты, носятъ копья на плечѣ и кинжалы у пояса—этотъ миѳическій образъ даетъ дѣйствительную картину одежды арійскаго воина. Такимъ образомъ, страница за страницею, эта книга доисторическихъ гимновъ развертываетъ передъ нами древнюю патріархальную жизнь арійцевъ со стадами скота, бродящими по широкимъ пастбищамъ или запертыми въ зимнихъ хлѣвахъ; съ паханіемъ полей и собираніемъ жатвы; съ семейными связями и юридическими правами; съ поклоненіемъ великимъ богамъ природы — богамъ неба и земли, солнца и зари, огня, воды и вѣтровъ, съ горячею вѣрою въ свѣтлыя области безсмертныхъ покойниковъ; съ почитаніемъ милостыни и хвалою праведному человѣку. Въ священныхъ книгахъ древнихъ персовъ — въ книгахъ собранныхъ въ Авестѣ дошли до насъ древнія преданія другой вѣтви арійскаго племени, которая, отдѣлившись отъ своихъ брахманскихъ родичей. послѣдовала вѣрѣ Заратуштры. Глубокій расколъ между двумя религіями видѣнъ въ томъ, что послѣдователи Заратуштры превратили свѣтлыхъ боговъ (*deva*) брахмановъ въ злыхъ демоновъ (*daeva*). Ихъ ужасъ передъ оскверненіемъ священнаго огня сожиганіемъ труповъ, практикуемымъ брахманами и по сіе время, уже давно привелъ ихъ къ отдаванію мертвыхъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ и птицамъ, питающимся падалью, какъ парсы дѣлаютъ и въ настоящее время въ своихъ «башняхъ молчанія». Въ началѣ Авесты, какъ первая и наилучшая изъ хорошихъ странъ. созданныхъ добрымъ божествомъ, упоминается страна, называемая *Айріана-Веджо*, «Арійское сѣмя», на которую впослѣдствіи злое божество наслало проклятіе въ видѣ десяти мѣсячной зимы; это описаніе климата производитъ впечатлѣніе какъ будто древніе персы помѣщали свою раннюю арійскую родину на унылыхъ склонахъ Центральной Азіи, близъ истоковъ Окса и Як-

сарта. Тамъ и сямъ среди этихъ священныхъ стиховъ замѣчаются слѣды образа жизни этихъ гордыхъ и бѣшеныхъ табунщиковъ и земледѣльцевъ, весьма мало похожихъ на развратныхъ персовъ и бережливыхъ парсовъ новѣйшихъ временъ. Ихъ увлеченіе тяжелымъ трудомъ воздѣлыванія земли для того, чтобы она годилась для жилища человѣка, проявляется въ оригинальныхъ чертахъ тамъ, гдѣ они воспѣваютъ наслажденіе, испытываемое землею, когда земледѣлецъ осушаетъ сырую почву и орошаетъ сухую, и какъ она приноситъ богатство тому, кто обрабатываетъ ее правою рукою и лѣвою, лѣвою рукою и правою:

«Когда зерно проростаетъ, тогда демоны шипятъ,
Когда оно побѣги пускаетъ, тогда демоны кашляютъ,
Когда поднимаются стебли, тогда демоны плачутъ,
Когда выходятъ толстые колосья, тогда демоны улетаютъ».

Сердитыя собаки, оберегающія овчарню отъ волка и деревню отъ вора, были настолько необходимы человѣку, что въ этой книгѣ содержатся особенныя торжественныя предписанія относительно ихъ—какъ нужно, если собака не лаетъ и не разсудительна, надѣвать ей намордникъ и привязывать ее, и какое наказаніе долженъ понести человѣкъ, дающій собакѣ дурную пищу; это также грѣшно—говорится тамъ далѣе — какъ если бы онъ сдѣлалъ это по отношенію къ зажиточному домохозяину. Можно представить себѣ вѣрную дѣйствительности картину дюжихъ фермеровъ, составившихъ эти законы, чтобы они повторялись дѣтьми ихъ дѣтей и передавались будущимъ вѣкамъ.

Между тѣмъ какъ эти грубые арійцы передавали воспоминанія о прошломъ при помощи устнаго слова въ своихъ священныхъ пѣснопѣніяхъ, болѣе культурные народы съ давнихъ поръ начали записывать свѣдѣнія о событіяхъ своего времени. Наилучшій способъ составить себѣ понятіе, на что была похожа эта самая ранняя исторія, записываемая современниками, это — просмотрѣть переводъ египетскихъ и ассирійскихъ документовъ въ *Records of the Past*, изданныхъ подъ руководствомъ англійскаго общества библейской археологіи. Тамъ можно найти, напримѣръ, переведенную д-ромъ Бэрчемъ (Birch) надпись, разсказывающую о походахъ Уны, корононосца при царѣ Тета, за 2000 лѣтъ до Р. Х.

(см. стр. 3), и отчетъ на стѣнахъ святилища въ Карнакѣ о битвѣ при Маже́ддо, гдѣ Тотмесъ III, приблизительно за 1500 лѣтъ до Р. Х., разбилъ войска Ассиріи и Мессопотаміи и открылъ путь во внутренность Азіи. Мы читаемъ, какъ царь, идя со своею арміею изъ Газы, достигъ южной стороны Маже́ддо на берегу Кины [1]), гдѣ онъ разбилъ свои шатры и произнесъ рѣчь передъ всѣми своими войсками: «Поспѣшите, надѣньте шлемы, ибо на утро я ринусь въ бой съ презрѣннымъ непріятелемъ!» Паролемъ было: «Крѣпко, крѣпко, карауль, карауль, карауль бдительно царскую палатку!» На утро праздника новолунія—царь отправился въ бой на своей золотой и украшенной колесницѣ, среди всѣхъ воиновъ; богъ Амунъ былъ защитою его дѣятельнымъ членамъ, и царь восторжествовалъ надъ непріятелемъ; побѣжденные пали ницъ передъ нимъ, бросили своихъ коней и колесницы и спаслись бѣгствомъ въ укрѣпленіе, гарнизонъ котораго, остававшійся въ укрѣпленіи, поснималъ съ себя одежду, чтобы при помощи ея перетащить бѣглецовъ черезъ стѣны. Египтяне начали избивать своихъ враговъ, такъ что послѣдніе лежали рядами какъ рыбы, послѣ чего побѣдители вошли въ крѣпость Маже́ддо, куда пришли вожди страны принося дань, серебро и золото, ляписъ-лазури и алебастръ, сосуды съ виномъ и стада. Списокъ добычи, составленный съ замѣчательною подробностью, перечисляетъ живыхъ плѣнныхъ 240, рукъ (отрѣзанныхъ объ мертвыхъ) 83, кобылъ 2041, молодыхъ кобылокъ 191, одинъ золотой ковчегъ, 892 колесницы «презрѣнной» арміи и такъ далѣе. Позднѣйшая часть надписи увѣковѣчиваетъ щедрые дары, принесенные побѣдоноснымъ царемъ богу Аменъ-Ра, — поля и сады для снабженія плодами ихъ его храма, гусей—для наполненія его озеръ и для доставленія ему навсегда ежедневно на закатѣ солнца пары начиненныхъ птицъ, и тоже самое по отношенію къ хлѣбамъ и кружкамъ пива для ежедневной поставки. Какъ заявляетъ царь въ своей надписи, онъ не похваляется тѣмъ, что онъ сдѣлалъ, и не говоритъ, что сдѣлано болѣе нежели было на самомъ дѣлѣ, такъ какъ это вызвало бы опроверженіе.

---

[1]) Мы пишемъ *Маже́ддо* и *Кина* по правописанію Масперо («Hist. anc. des peuples de l'Orient» 2 ed. 1876, 204), у котораго встрѣчаемъ Mageddo и Qina. У Тэйлора—Megiddo и Kaner. *Прим. ред.*

Здѣсь мы видимъ, что сдерживающая сила общественнаго мнѣнія уже начинаетъ вліять на исторію. Конечно, оно не принуждаетъ къ точной истинѣ, дозволяетъ преувеличеніе національныхъ побѣдъ и утаиваніе пораженій, но даже и тщеславные лѣтописцы Египта врядъ ли отважились бы записывать событія, не имѣющія никакого фактическаго основанія. Обращаясь къ надписямъ Вавилона и Ассиріи, мы можемъ взять для примѣра одинъ изъ храмовыхъ кирпичей знаменитаго города Ура Халдейскаго, нынѣ называемаго Мугейръ; на этомъ кирпичѣ находятся слова, изображенныя клинообразными письменами:

(Богу) Уру, старшему сыну Бела, его царя,
Урукъ, могучій человѣкъ, бѣшеный воинъ,
Царь (города) Ура, царь Сумира и Аккада
Бит-тимгалъ домъ своего восхищенія построилъ.

Сумиръ и Аккадъ, здѣсь упоминаемые, были мѣстами древней халдейской цивилизаціи. Уже въ XVI вѣкѣ до Р. Х. Гаммураби покорилъ эти народы—великое событіе, такъ какъ вслѣдствіе его произошло важное измѣненіе: ихъ древняя культура и религія были поглощены завоевательнымъ ассирійскимъ царствомъ. Въ одной изъ своихъ надписей этотъ вавилонскій царь говоритъ: «Благосклонность Бела подчинила моей власти народы Сумира и Аккада; для нихъ я заново вырылъ каналъ, называемый моимъ именемъ, радость людей, потокъ изобильныхъ водъ для народа; всѣ берега его я возстановилъ заново; возвелъ новыя поддерживающія стѣны; снабдилъ вѣчными водами народы Сумира и Аккада».

При помощи подобныхъ записей современниковъ, историки въ состояніи теперь провѣрить сообщенные списки древнихъ царей и составить нѣчто въ родѣ непрерывнаго ряда династій въ Египтѣ и Вавилоніи съ основанія великихъ городовъ Мемфиса и Ура. Мы можемъ указать, гдѣ свидѣтельства и преданія израильтянъ, записанныя въ позднѣйшіе вѣка въ историческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта, приходятъ въ соприкосновеніе съ древнею исторіею, какъ о ней свидѣтельствуютъ памятники. Преданіе евреевъ говоритъ (Бытія XI, XII), что ихъ предки жили въ халдейскомъ округѣ Уръ и въ Египтѣ, что́ служитъ доказательствомъ ихъ сношеній съ двумя великими народами древняго міра. Упоминаніе въ Исходѣ

(I, II) о томъ, что израильтяне были принуждены строить для Фараона городъ, называемый Рамзесомъ, указываетъ, что ихъ рабство относится ко времени Великаго Рамзеса II изъ XIX династіи, повидимому, приблизительно за 1400 лѣтъ до Р. Х., что составляетъ точку соприкосновенія между египетскою и еврейскою хронологіею. Въ книгѣ Царствъ появляются позднѣйшія лица и событія, хорошо извѣстныя по современнымъ имъ свидѣтельствамъ другихъ странъ; сюда относится, напримѣръ, упоминаніе о Шишакѣ, царѣ египетскомъ, который сражался противу Ровоама и разграбилъ храмъ (I, Цар., XIV, 25). Представляется вѣроятнымъ, что разсказъ Геродота о томъ, какъ войско ассирійскаго царя Сеннахериба было обращено въ бѣгство вслѣдствіе того, что мыши перегрызли луки солдатъ—есть варіантъ великаго бѣдствія съ Сеннахерибомъ, о которомъ Библія даетъ другой разсказъ (2 Цар. XIX).

Въ сочиненіяхъ Геродота передъ изслѣдователемъ развертывается картина древняго міра, какъ онъ былъ извѣстенъ греческому путешественнику и географу V вѣка передъ Р. Х. Отецъ исторіи,— какъ его называли — писалъ не какъ лѣтописецъ собственнаго народа, но придерживаясь широкихъ взглядовъ антрополога, которому было интересно всякое знаніе, касающееся человѣчества. Новѣйшія открытія настолько подтвердили его сообщенія, что это даетъ намъ право довѣрять древнимъ историкамъ, когда они, подобно Геродоту, тщательно отличаютъ легенду или слухъ отъ того, что было разслѣдовано ими самими. Такъ, Геродотъ разсказываетъ странную исторію о самозванцѣ, который выдавалъ себя за Смердиса и возсѣдалъ на тронѣ Персіи до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ узнанъ по своимъ отрѣзаннымъ ушамъ, и Дарій убилъ его. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ были прочтены клинообразныя надписи, высѣченныя на стѣнѣ одной высокой скалы близъ Бегистана въ Персіи, онѣ оказались какъ разъ свидѣтельствомъ, сдѣланнымъ царемъ Даріемъ на трехъ языкахъ страны, причемъ это свидѣтельство сходится съ разсказомъ, приводимымъ у Геродота, достаточно близко для того, чтобы показать, какъ онъ дѣйствительно хорошо зналъ о ходѣ событій въ Персіи за цѣлое столѣтіе до своего времени. Но еще замѣчательнѣе провѣрка, которой можно подвергнуть разсказъ Геродота, за-

писанный, по его показанію, со словъ египетскихъ жрецовъ и относящійся къ ихъ царямъ, правившимъ за 2000 лѣтъ передъ тѣмъ. Подъ ихъ диктовку онъ записалъ имена царей страны пирамидъ— Хеопса, Кеффрена и Микерина. Въ позднѣйшіе вѣка критики иногда выражали сомнѣніе, принадлежало ли существованіе этихъ царей дѣйствительности или баснѣ, но когда утраченный смыслъ египетскихъ іероглифовъ былъ снова открытъ новѣйшими учеными, они прочли тѣ самыя имена, которыя въ свое время слышалъ греческій историкъ. Наилучшія древнія историческія свидѣтельства способны встрѣтить подобное подтвержденіе въ долго остававшихся утраченными памятникахъ. Ѳукидидъ разсказываетъ (VI, 54), что Пизистратъ (младшій) поставилъ два алтаря, съ одного изъ которыхъ надпись была стерта аѳинянами, но на другомъ — говоритъ историкъ — можно прочесть еще и теперь, хотя буквы видны плохо: «этотъ памятникъ своего архонства Пизистратъ, сынъ Гиппія, поставилъ въ притворѣ Аполлона Пиѳійскаго». Проф. Ньютонъ сообщаетъ, что этотъ самый камень былъ найденъ въ 1878 году на одномъ дворѣ близъ Илисса. Какую живую реальность придаютъ исторіи подобные памятники, можетъ лучше всего понять тотъ изслѣдователь, который прямо отъ своихъ книгъ отправится въ Британскій музей и увидитъ между древними монетами большую голову Александра Великаго съ бараньими рогами, увѣковѣчивающую тотъ любопытный эпизодъ изъ его жизни, когда онъ былъ провозглашенъ сыномъ Зевса Аммона; или когда изслѣдователь обратитъ съ удивленіемъ вниманіе на золотыя монеты, доказывающія, что Цимбелинъ, въ настоящее время лучше всего извѣстный по Шекспиру, былъ дѣйствительно британскимъ царемъ, который чеканилъ монеты со своимъ именемъ.

Взглянувъ такимъ образомъ на источники ранней исторіи, насколько она относится къ изученію человѣка, мы не имѣемъ надобности переходить на избитую почву позднѣйшей исторіи. Намъ остается сказать о миѳѣ, этомъ камнѣ преткновенія, о который такъ часто оступались историки. Нельзя смотрѣть на миѳъ, только какъ на заблужденіе и безуміе; напротивъ, онъ представляетъ интересный продуктъ человѣческаго ума. Это — мнимая исторія, вымышленный разсказъ о событіяхъ, никогда не случавшихся. Историки, особенно писавшіе въ ранніе вѣка,

записывали преданія о дѣйствительныхъ событіяхъ, такъ перепутанныхъ съ миѳами, что рѣшеніе, чему вѣрить и чтó отвергать, представляетъ теперь одну изъ самыхъ труднѣйшихъ задачъ для изслѣдователя. Ему приходится считать себя счастливымъ, когда онъ можетъ употребить критерій возможности и рѣшить, что такое-то событіе никогда не случалось, потому что онъ достаточно знаетъ о ходѣ природы, чтобы съ увѣренностью отвергнуть самую возможность его. Напримѣръ, культурные народы узнали изъ науки, что небо, кажущееся синимъ куполомъ или твердью надъ ихъ головами, въ дѣйствительности не представляетъ твердаго свода, какимъ его считали древніе, но оказывается только разрѣженнымъ воздухомъ и водяными парами. Послѣдствіемъ такого знанія было то, что люди должны были вычеркнуть изъ своей исторіи древніе миѳы о богахъ, живущихъ во дворцахъ на небѣ и имѣющихъ тамъ совѣщанія; о людяхъ, взбиравшихся или взлетавшихъ на небо съ земли; о гигантахъ, громоздившихъ гору Оссу на Пеліонъ, чтобы взять приступомъ заоблачныя высоты и вступить въ битву съ богами, находящимися надъ ними. Кромѣ этого способа открытія миѳа, какъ сообщающагó то, что никогда не могло случиться, существуютъ и другія средства къ обнаруженію его. Часто можно убѣдиться, что тотъ или другой разсказъ въ дѣйствительности не представляетъ исторіи, если мы знаемъ причины, которыя повели къ его измышленію.

Мы знаемъ, какъ сильно въ насъ желаніе находить объясненіе для всего на свѣтѣ. Подобное желаніе столь же сильно и у варваровъ, и согласно этому они придумываютъ такія объясненія, какія могутъ удовлетворить ихъ умы. Но они способны дѣлать и дальнѣйшій шагъ, и ихъ объясненія превращаются въ форму разсказовъ съ именами лицъ и мѣстъ, становясь такимъ образомъ полными миѳами. Образованные люди въ настоящее время не считаютъ честнымъ дѣломъ составленіе фиктивной исторіи подобнымъ путемъ; но люди съ недисциплинированнымъ умомъ, находящіеся въ томъ состояніи, которое называютъ миѳослагательнымъ, которое существовало начиная съ періода дикости и еще не совсѣмъ изчезло среди насъ, безцеремонно превращаютъ свои догадки о томъ, чтó могло случиться, въ самые оживленные разсказы о томъ, что по ихъ словамъ случилось. Такъ, когда сравнительная анатомія была еще

почти неизвѣстна, люди находя въ землѣ огромныя ископаемыя кости, считали ихъ остатками огромныхъ животныхъ и огромныхъ людей или великановъ, жившихъ прежде на землѣ. Наука новаго времени рѣшаетъ, что это мнѣніе было вѣрно, поскольку дѣло касается звѣрей, которые оказались древними видами слона, носорога, и т. п., но не вѣрно относительно великановъ, такъ какъ ни одна изъ большихъ костей въ дѣйствительности не принадлежала никакому созданію, схожему съ человѣкомъ. Но пока существовало вѣрованіе, что это были кости гигантовъ, человѣческое воображеніе работало надъ созданіемъ разсказовъ объ этихъ великанахъ и ихъ ужасныхъ дѣяніяхъ, разсказовъ, которые и до сихъ поръ еще встрѣчаются во всѣхъ частяхъ земнаго шара, въ видѣ преданій о дѣйствительныхъ событіяхъ. Такъ, сіусы западныхъ прерій Сѣверной Америки говорятъ, что ихъ страна была нѣкогда обитаема огромными животными, куски костей которыхъ они до сихъ поръ сохраняютъ для волшебства, а также они разсказываютъ и о гигантѣ Гаока, который могъ шагать черезъ широчайшія рѣки и высочайшія деревья, и въ честь котораго они пляшутъ и пьютъ на своихъ празднествахъ. Оказывается, что основаніемъ для этого туземнаго вѣрованія въ древнихъ чудовищныхъ звѣрей послужили ископаемыя кости, весьма вѣроятно, принадлежавшія мастодонту; а что въ разсказъ попали и гиганты, этому не приходится намъ особенно удивляться, стоитъ вспомнить только, что не далѣе какъ въ прошломъ вѣкѣ, пуританскій проповѣдникъ д-ръ Коттонъ-Матеръ (Mather), прислалъ въ наше Королевское Общество извѣстіе объ открытіи въ Новой Англіи такихъ костей, которыя, какъ онъ доказывалъ, были остатками допотопныхъ исполиновъ.

Другимъ предметомъ, доставившимъ работу воображенію миѳослагателей во всѣхъ частяхъ свѣта, является тотъ фактъ, что люди живутъ племенами или народами, изъ которыхъ каждый извѣстенъ подъ особеннымъ наименованіемъ, какъ напримѣръ, оджибы, афганы, франки. Самый легкій и любимый способъ объясненія этого факта заключается въ предположеніи, что каждое племя или народъ имѣли предка или вождя съ подобнымъ именемъ, вслѣдствіе чего его потомки или послѣдователи унаслѣдовали отъ него названіе племени. Дѣйствительно, иногда это имѣетъ мѣсто,

но въ большинствѣ случаевъ мнимое преданіе о подобномъ эпонимическомъ или именномъ предкѣ возникаетъ вслѣдствіе того, что составители генеалогіи сначала вымышляютъ существованіе такого лица изъ имени племени и затѣмъ разсматриваютъ его какъ историческую личность. Иногда можно уловить ихъ во время самого процесса подобнаго вымышленія. Такъ, среди туземцевъ Бразиліи и Парагвая, иныя племена называются *Тупи*, другія *Гуарани*; для объясненія этого раздѣленія разсказывается преданіе, что два брата по имени *Тупи* и *Гуарани* явились въ Бразилію изъ за моря и со своими дѣтьми начали заселять страну; но говорящій попугай вызвалъ между женами двухъ братьевъ споръ, который разросся въ ссору и кончился раздѣленіемъ; Тупи остался въ странѣ, а Гуарани со своимъ семействомъ отправился въ область Ла-Платы. Между тѣмъ оказалась возможность провѣрки для этого разсказа, такъ какъ Марціусъ говоритъ, что имя *гуарани*, означающее «воинъ», впервые было дано южнымъ индѣйцамъ іезуитами, собиравшими ихъ въ своихъ миссіяхъ; такимъ образомъ разсказъ о двухъ братьяхъ-предкахъ долженъ представлять собою миѳъ новѣйшаго издѣлія. Подобные эпонимическіе миѳы о предкахъ народовъ не только создавались въ древнія времена, но и вошли въ лѣтописи народовъ Стараго Свѣта, какъ дѣйствительная исторія. Изслѣдователь классической древности знаетъ легенды о братьяхъ-близнецахъ *Данаѣ* и *Египтѣ*, предкахъ *данаевъ* (грековъ) и *египтянъ*, и о *Эллинѣ*, отцѣ эллиновъ, три сына котораго *Эолъ*, *Доръ* и *Ксанѳъ* были отцами эолійцевъ, дорійцевъ и т. д

Разсмотрѣвъ эти два часто встрѣчающіеся рода миѳовъ, возникающихъ изъ ископаемыхъ костей и изъ названій народовъ, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, какъ оба рода миѳовъ сошлись въ нашей собственной странѣ. Исторія бриттовъ, составленная въ XII-мъ вѣкѣ Готфридомъ Монмутскимъ, разсказываетъ, что въ древнія времена нашъ островъ назывался Альбіономъ и былъ обитаемъ только немногочисленными гигантами; но Брутъ, изгнанный троянскій князь, высадился на него со своими приверженцами и назвалъ страну *Британіею*, по своему имени, а сотоварищей — *британцами*. Съ нимъ пришелъ вождь по имени *Гориней*, и назвалъ доставшуюся ему страну *Коринея*, а свой народъ *коринейцами*, то есть корнуэльцами (*Cornish*). Въ этой части страны ис-

полины были особенно многочисленны, и одинъ изъ нихъ по имени *Goemagot* (въ другихъ мѣстахъ называемый *Gogmagog*), былъ ростомъ въ 12 локтей и могъ выдергивать дубъ какъ орѣховую палку. Однажды когда была битва, и британцы побѣдили толпу гигантовъ и перебили ихъ всѣхъ за исключеніемъ этого самаго огромнаго чудовища, онъ и Кориней вступили въ единоборство, въ которомъ Кориней схватилъ исполина за руки и побѣжалъ съ нимъ на вершину утеса, называемаго теперь Го (Hoe), близъ Плимута; оттуда онъ бросилъ великана въ море, отчего — говоритъ лѣтописецъ — мѣсто это и по сей день именуется «Goemagot's leap» = «Гоэмаготовымъ прыжкомъ». Какъ ни причудлива эта легенда, найти ея значеніе не представляется затруднительнымъ. Существовала мода вести начало народовъ отъ Трои; *Брутъ* и *Кориней* были вымышлены для объясненія именъ *Британіи* и *Корнуэльса*; *Гоэмаготъ* или *Гогмагогъ* представляетъ библейскихъ *Гога* и *Магога*, которые здѣсь слились въ одно лицо и которые въ преданіи признавались за гигантовъ. Но откуда разсказъ о томъ, что Гогмагогъ былъ брошенъ съ утеса Го, близъ Плимута? Отвѣтъ, повидимому, заключается въ томъ, что въ этомъ мѣстѣ находятъ кости ископаемыхъ животныхъ именно такихъ, въ которыхъ признавали остатки гигантовъ. Даже въ новѣйшія времена, когда производились раскопки на Го для возведенія укрѣпленій, были найдены огромныя челюсти и зубы, которые общественнымъ мнѣніемъ были тотчасъ же признаны за остатки великана Гогмагога.

Таковы примѣры миѳовъ, наиболѣе доступныхъ цивилизованнымъ умамъ новаго времени, такъ какъ они представляютъ почти одни умозаключенія или догадки относительно того, что могло случиться въ дѣйствительности — догадки, разработанныя съ картинными подробностями, придающими имъ видъ дѣйствительности. Но для того чтобы понять другой родъ миѳовъ, мы должны привести нашъ умъ въ такое настроеніе, которое чуждо условіямъ научнаго разсужденія въ школѣ, но сходно съ тѣмъ, которое вызывается разсказами сказокъ въ дѣтской комнатѣ въ сумеркахъ, или чтеніемъ поэтическаго произведенія въ лѣсу, въ лѣтній вечеръ. Предшествовавшія главы показали, какъ въ древнія времена и среди людей, чуждыхъ культурѣ серіозно вѣрили въ понятія такого рода, которыя среди насъ еще существуютъ только какъ

*

произведенія поэтической фантазіи. Когда для первобытнаго философа явленія окружающаго его міра лучше всего объяснялись допущеніемъ въ немъ жизни природы сходной съ жизнью человѣка, и божественныхъ душъ природы, сходныхъ съ человѣческими душами,— тогда солнце казалось ему личнымъ владыкою, гордо восходящимъ по небу утромъ, и въ утомленіи и грусти нисходящимъ въ подземный міръ на ночь; бурное море было страшнымъ богомъ, готовымъ поглотить отважнаго пловца; лѣсные звѣри были наполовину людьми по мысли и рѣчи; даже деревья въ лѣсу были вещественными обиталищами для духовъ, и дровосѣкъ, которому шелестъ ихъ листьевъ казался голосами, и ихъ колеблющіяся вѣтви—манящими руками, рубилъ ихъ стволы съ полувиновнымъ сознаніемъ совершенія убійства. Міръ тогда представлялся «такимъ матеріаломъ, изъ котораго творятся грезы»; происходили превращенія тѣла и переселенія души; человѣкъ или богъ могли обращаться въ звѣря, рѣку или дерево; скалы могли оказываться людьми, превращенными въ камни, и палки – превращенными змѣями. Такое состояніе мысли быстро исчезаетъ, но существуютъ еще племена, и до сего дня живущія въ немъ, и они показываютъ, каковъ складъ ума людей, слагающихъ миѳы о природѣ. Когда разсказчикъ живетъ въ подобной странѣ грезъ, всякая поэтическая фантазія становится предлогомъ для волшебной сказки, и хотя (можно было бы думать) онъ долженъ сознавать, что въ немъ работаетъ фантазія и что излагаемыя имъ приключенія представляютъ не совсѣмъ исторію, — однако, когда онъ умеръ, и его разсказы начинаютъ повторяться пѣвцами и жрецами въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, становится непочтительнымъ или даже святотатственнымъ усумниться въ истинѣ его произведеній. Такъ было по всему міру, и греческіе миѳы о великихъ богахъ природы, — миѳы, къ которымъ Ксенофанъ и Анаксагоръ отважились отнестись съ недовѣріемъ, имѣвшимъ столь дурныя послѣдствія для нихъ — были такими же издѣліями, какъ и миѳы современныхъ варваровъ въ родѣ островитянъ Южнаго океана. Разсмотримъ нѣсколько миѳовъ о природѣ, избирая такіе, которые наиболѣе прозрачно показываютъ, какимъ образомъ они произошли.

Таитійцы разсказываютъ о своемъ богѣ моря, Гиро, что однажды, когда его поклонники плыли по океану, онъ былъ убаюканъ и

заснулъ въ пещерѣ въ глубинѣ водъ; тогда богъ вѣтра поднялъ яростную бурю, чтобы разрушить челнокъ, но пловцы молились Гиро, пока послѣдній не поднялся на поверхность и не утишилъ бури, послѣ чего поклонники его благополучно достигли до пристани. Подобнымъ же образомъ у Гомера богъ моря Посейдонъ, живущій въ пещерахъ океана, спускаетъ вѣтры, чтобы бросать по ревущимъ волнамъ утлую ладью Одиссея, пока не является на его спасеніе Ино, которая повелѣваетъ ему раздѣться и плыть къ Феакскому берегу. Оба разсказа представляютъ словесныя картины бурнаго моря, переданныя языкомъ миѳа о природѣ, только съ различными оборотами мысли. Новозеландцы разсказываютъ о Мауи, запирающемъ всѣ вѣтры, кромѣ одного дикаго западнаго вѣтра, который онъ не можетъ поймать, чтобы запереть въ пещерѣ при помощи приваленнаго къ ея входу большаго камня; все, что онъ можетъ сдѣлать это—пригонять его домой только по временамъ, и тогда западный витеръ скрывается въ пещерѣ и на время умираетъ. Все это—миѳическое описаніе погоды, означающее, что другіе вѣтры дуютъ только по временамъ, западный же вѣтеръ господствуетъ и силенъ. Эти новозеландцы никогда не слыхали о классическомъ миѳѣ Эола и пещеры вѣтровъ, а между тѣмъ какъ близко подошли они къ той же самой миѳической картинѣ, предполагающей, что вѣтры выходятъ изъ подобныхъ отдушинъ на бокахъ горъ. Вестиндскіе негры разсказываютъ о великой ссорѣ между Огнемъ и Водою, какъ огонь медленно подошелъ, былъ остановленъ потокомъ, пока не позвалъ къ себѣ на помощь вѣтеръ, который понесъ его черезъ все, и тогда послѣдовалъ великій бой, на который богъ смотрѣлъ изъ-за своего облачнаго занавѣса. Нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы эти негры рабы когда-либо слышали о двадцать первой пѣснѣ Иліады, откуда они могли бы узнать, какъ тоже древнее состязаніе стихій описывается въ формѣ великой битвы между богомъ огня и рѣками, когда на помощь огню были посланы вѣтры, помчавшіе свирѣпое пламя впередъ, и угри и другія рыбы прятались туда и сюда, почувствовавъ на себѣ палящее дыханіе огненныхъ языковъ.

Полосы свѣта, испускаемыя солнцемъ черезъ промежутки между облаками, повидимому, поразили людей въ Европѣ своимъ сходствомъ съ веревкою, перекинутою черезъ блокъ въ старинныхъ

колодцахъ съ бадьею, ибо это явленіе на народномъ языкѣ называется «солнце тянетъ воду». Полинезійцы также усматриваютъ сходство лучей съ веревками, и полагаютъ, что солнце прикрѣплено ими; они разсказываютъ миѳъ о томъ, какъ солнце нѣкогда двигалось по небу быстрѣе, пока одинъ богъ не поставилъ на горизонтѣ силка, и не поймалъ солнце во время восхода, такъ что въ настоящее время оно движется по назначенному ему ежедневному пути медленно и въ путахъ. Англійское выраженіе, что солнце «проглатывается ночью», въ настоящее время представляетъ только метафору, но оно выражаетъ понятіе, которое въ древнія и варварскія времена принималось людьми въ болѣе прямомъ смыслѣ. Маорисы выработали его въ разсказъ о смерти своего божественнаго героя Мауи. Вы можете видѣть— говорятъ они — прародительницу Мауи, великую женщину-ночь, сверкающую и какъ бы закрывающуюся и открывающуюся на горизонтѣ, гдѣ сходятся небо и море; Мауи вползъ въ ея тѣло и прошелъ бы черезъ него безъ всякаго вреда, но какъ разъ въ этотъ мигъ маленькая мухоловка, *Tiwakawaka*, вылетѣла со своимъ веселымъ пѣніемъ, разбудила ночь, и послѣдняя пожрала Мауи. Что это дѣйствительно миѳъ о закатѣ солнца, умирающаго при погруженіи въ мракъ, доказывается упоминаніемъ птицы, которая имѣетъ особенность пѣть на солнечномъ закатѣ. Изъ всѣхъ миѳовъ о природѣ, существующихъ на свѣтѣ, немногіе распространены столь широко, какъ миѳы о днѣ и ночи, гдѣ, съ миѳической вѣрностью, пожранныя жертвы впослѣдствіи извергаются обратно или освобождаются. Зулусскій разсказъ описываетъ чрево чудовища въ видѣ страны, гдѣ есть холмы и дома, и скотъ, и живые люди, и когда чудовище растрескивается, всѣ созданія выходятъ изъ мрака; причемъ, съ вѣрно-подмѣченною чертою природы, показывающею, что разсказчикъ думаетъ о зарѣ, пѣтухъ выходитъ первый, крича: «*kukuluku!* я вижу свѣтъ!» Нашъ англійскій варіантъ древняго миѳа представляетъ дѣтская сказка о Красной Шапочкѣ, но она испорчена опусканіемъ конца (который лучше сохраненъ нѣмецкими няньками), согласно которому, когда охотникъ распоролъ брюхо спящему волку, изъ него вышла маленькая дѣвочка въ своемъ красномъ атласномъ платьѣ, здравая и невредимая.

Подобныя исторіи фантастичны, но воображеніе миѳослагателей

можетъ идти еще далѣе. До сихъ поръ описанныя нами миѳическія личности оказывались видимыми предметами, въ родѣ солнца, или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ нибудь доступнымъ нашимъ чувствамъ и составлявшимъ нѣчто реальное, въ родѣ вѣтра или дня. Но когда поэтъ увлекается своимъ построеніемъ миѳа, то все, что онъ въ состояніи выразить существительнымъ, и къ чему онъ можетъ прибавить глаголъ, все это можетъ быть разсматриваемо имъ какъ личность. Если онъ можетъ сказать: лѣто приходитъ, сонъ осѣняетъ людей, надежда возникаетъ, справедливость требуетъ, то онъ можетъ выставить лѣто и сонъ, надежду и справедливость въ видѣ человѣческихъ фигуръ, одѣть ихъ и заставить ходить и говорить. Такимъ образомъ, составленію миѳа способствуетъ то, что профессоръ Максъ Мюллеръ назвалъ «болѣзнью языка». Это, однако, не все. Въ послѣдней главѣ мы видѣли, какъ понятіе о душѣ или духѣ помогаетъ людямъ приходить къ понятію о причинѣ. Когда причина чего нибудь представляется уму первобытныхъ людей въ видѣ духа или души, то этой причинѣ или духу лѣта, сна, надежды и справедливости, легко получить форму личности. Не зная этого, невозможно понимать надлежащимъ образомъ старинную поэзію. Гомеръ могъ воображать на поляхъ битвы страшную Керъ, фигура которой была изображена на щитѣ Ахиллеса, съ наброшенною на плечи окровавленною одеждою, въ то время, когда она схватила смертельно раненаго воина, или тащила тѣло за ноги изъ сражающейся толпы. Это существо представляетъ не только реализированное слово, но еще олицетворяемую причину, духа-причину, почему убитъ одинъ воинъ, а не другой. Понятіе о немъ настолько распространено въ арійской миѳологіи, что оно появляется снова у норманновъ, гдѣ Одинъ въ каждую битву посылаетъ дѣвъ, прислуживающихъ духамъ героевъ на пиршерствахъ и наполняющихъ имъ кубки пивомъ; эти дѣвы-Валкиріи, которыя руководятъ побѣдою и избираютъ тѣхъ воиновъ, которые должны пасть. Другая, хорошо извѣстная группа миѳовъ, показываетъ, какъ въ умахъ древнихъ людей личную форму принимало то, что намъ, людямъ новаго времени, представляется только понятіемъ, выраженнымъ въ словѣ. Въ классическихъ книгахъ Греціи и Рима мы читаемъ о трехъ пряхахъ судьбы, о Мойрахъ или Паркахъ, и ихъ скандинавскіе двойники появляются въ Эддѣ

въ видѣ трехъ мудрыхъ женщинъ, живущихъ близъ источника, находящагося подъ міровымъ ясенемъ Игдразиломъ,—въ видѣ Норнъ, опредѣляющихъ жизнь людей. Объясненіе этихъ трехъ миѳическихъ существъ заключается въ томъ, что они олицетворяютъ прошедшее, настоящее и будущее, какъ показываютъ самыя имена, которыя они носятъ: «было», «есть» и «будетъ» (*Urdhr*, *Verdhandi*, *Skuld*).

Сказанія постоянно измѣняютъ и утрачиваютъ свое значеніе, и изъ вѣка въ вѣкъ новые пѣвцы и разсказчики перелагаютъ древніе миѳы въ новыя формы, чтобы приспособить ихъ къ новымъ слушателямъ. Принимая въ соображеніе, какъ такимъ путемъ растутъ и измѣняются сказанія, можно ожидать, что столь же часто источники ихъ могутъ безвозвратно утратиться, какъ и сохраниться. Хотя, какъ это мы видѣли, нерѣдко можно найти эти источники, однако подобное исканіе должно производиться съ осторожностью. Остроумные авторы слишкомъ склонны сразу опредѣлить миѳическій источникъ всякой сказки, точно это можетъ быть сдѣлано при помощи ловкаго угадыванія. Даже въ томъ случаѣ, когда предъ нами какая нибудь безсмыслица, никогда не претендовавшая на какое нибудь иное значеніе, иной истолкователь оказывается способнымъ подъискать для нея серьезное происхожденіе. Такъ, одинъ ученый, но слишкомъ отважный миѳологъ объявляетъ, что наша извѣстная дѣтская присказка «корова прыгнула черезъ луну», представляетъ остатокъ древняго миѳа о природѣ, описывающаго въ видѣ коровы облако, застилающее луну. Толкованіе миѳовъ положительно требуетъ не однихъ простыхъ догадокъ; должны существовать причины, почему данная догадка болѣе вѣроятна, нежели любая другая. Было бы слишкомъ смѣло рѣшить, что Прометей, изобрѣтатель огня, представляетъ олицетвореніе деревяннаго сверла для добыванія огня, если-бы не было извѣстно, что санскритское названіе этого прибора есть *pramantha*; сближая то и другое, соотвѣтствіе имени и сущности дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что мы дѣйствительно имѣемъ передъ собою настоящій источникъ сказанія о Прометеѣ. Мы можемъ избрать другой примѣръ изъ миѳологіи Индіи,—сказаніе о Ваманѣ, крошечномъ брахманѣ, который, чтобы наказать гордость царя Бали, проситъ у него столько земли, сколько онъ можетъ отмѣ-

рить въ три шага, и когда эта милость дарована, карликъ принимаетъ исполинскія формы Вишну, и шагнувъ однимъ шагомъ черезъ землю, другимъ черезъ воздухъ и третьимъ черезъ небо, изгоняетъ Бали въ адскія области, гдѣ онъ царствуетъ до сихъ поръ. Эта самая замѣчательная изъ всѣхъ сказокъ о Мальчикѣ съ пальчикъ, какъ кажется, представляетъ дѣйствительно миѳъ о солнцѣ, которое поднимается маленькимъ кружкомъ на горизонтѣ, затѣмъ разростается въ своемъ величіи и силѣ и проходитъ по всей вселенной. Потому что Вамана, «карликъ», представляетъ одно изъ воплощеній Вишну, а Вишну былъ первоначально солнцемъ. Въ священныхъ пѣсняхъ Веды представленіе о его трехъ шагахъ можетъ быть найдено ранѣе, чѣмъ оно разраслось въ сказаніе, и когда оно было еще только поэтическою метафорою солнца, протекающаго воздушныя сферы въ три шага. «Вишну перешелъ (землю), трижды поставилъ онъ свою ногу; земля была сокрушена подъ его пыльнымъ шагомъ. Три шага отсюда сдѣлалъ Вишну, невредимый хранитель, поддерживающій святыню».

Остается посмотрѣть, какъ распространяются миѳы. Когда бы ни разсказывалось интересное сказаніе—дѣйствительное или придуманное, все равно—оно становится частью запаса разсказчика, который вставляетъ въ разсказъ всякое новое подходящее имя и часто успѣваетъ укоренить его не только въ народномъ сказаніи, но даже и въ исторіи. Существуетъ отрывокъ изъ Демарата, сохраненный въ собраніи Стобея, гдѣ разсказывается съ греческими именами, въ качествѣ эпизода изъ исторіи Аркадіи, величавое сказаніе, которому мы научились какъ событію изъ римской исторіи, сказаніе о Гораціяхъ и Куріаціяхъ. Повидимому, римская исторія только позаимствовала его изъ болѣе ранняго разсказа, точно такъ какъ новѣйшая швейцарская исторія позаимствовала изъ болѣе древняго народнаго сказанія свою легенду о стрѣлкѣ изъ лука и яблокѣ, чтобы изукрасить своего національнаго героя Телля. Чтобы показать, какъ легенда составляется изъ многихъ историческихъ и миѳическихъ источниковъ сразу, разложимъ на части одну изъ знаменитыхъ дѣтскихъ сказокъ Европы Синяя борода былъ историческое лицо. Это былъ Жиль-де-Ретцъ, сіэръ де-Лаваль, маршалъ Франціи, получившій прозвище Синей Бороды вслѣдствіе того, что борода у него имѣла черно-синій отливъ. Будучи убѣж-

денъ однимъ италіянскимъ алхимикомъ, что силы его могутъ быть возстановлены купаніемъ въ крови маленькихъ дѣтей, онъ, ради этой отвратительной цѣли, заманивалъ множество дѣтей въ свой замокъ Шантри на Луарѣ, развалины котораго видны и въ настоящее время. Наконецъ, страшныя подозрѣнія поселянъ насчетъ того, что происходило, были доказаны и это чудовище было сожжено на кострѣ въ Нантѣ въ 1440 году. Во всемъ этомъ, однако, нѣтъ ни слова объ умерщвленныхъ имъ женахъ. Дѣйствительно историческій Синяя Борода, какъ чудовищный убійца, по видимому унаслѣдовалъ древнюю сказку, касающуюся женоубійцы бретонской легенды, Комора проклятаго, графа Поэрскаго, имя и дѣянія котораго легендарныя лѣтописи относятъ ко времени приблизительно за тысячу лѣтъ ранѣе, и который описывается ими какъ узурпаторъ и тиранъ, женившійся множество разъ и убивавшій одну жену за другою, пока, наконецъ, когда онъ убилъ прекрасную Трифину, его настигла месть и онъ былъ разбитъ и убитъ рукою законнаго владѣльца. Не легко сказать, представляетъ ли это варіантъ какого нибудь еще болѣе древняго сказанія, или есть какое нибудь историческое основаніе для всего этого; еслибы Генрихъ VIII англійскій жилъ въ то время, подобная легенда моглабы окружить его имя. Другія черты новѣйшаго Синей Бороды появляются уже въ исторіи Трифины,—какова ея посылка за помощью къ своимъ родственникамъ, когда она узнаетъ объ опасности, ей грозящей, и ея открытіе умерщвленія прежнихъ женъ. Послѣднее, впрочемъ, происходитъ не такъ какъ въ новѣйшей формѣ легенды; Трифина спускается въ часовню помолиться въ часъ опасности, и здѣсь передъ нею открываются гробницы четырехъ умерщвленныхъ женъ, и ихъ тѣла поднимаются изъ гробовъ, причемъ каждая держитъ въ рукахъ ножъ, или веревку, или другое оружіе, которымъ она была лишена жизни. Вмѣсто этой энергической ужасающей сцены, современный варіантъ вноситъ давно знакомый эпизодъ о запретной комнатѣ, который издавна составлялъ собственность разсказчиковъ для пусканія его въ ходъ въ подходящихъ случаяхъ, и который можно найти въ «Арабскихъ ночахъ». Старинная легенда о Трифинѣ имѣетъ характеристическій конецъ Мужъ-злодѣй гонится за Трифиною въ лѣсъ и отрубаетъ ей тамъ голову, но святой Гильдасъ приказываетъ ея тѣлу нести голову

обратно въ замокъ Комора, который онъ разрушаетъ, бросивъ въ него горсть песку, затѣмъ онъ снова приставляетъ голову Трифинѣ, и она удаляется въ монастырь провести тамъ остатокъ своихъ дней. Разсказчики позднѣйшихъ временъ предпочли болѣе веселое, хотя и болѣе пошлое окончаніе.

Только что приведенная легенда съ чудесами возвращаетъ насъ снова къ историческому употребленію миѳа, о чемъ говорилось выше въ этой главѣ. Разсказъ о св. Гильдасѣ, который ведетъ прекрасную Трифину обратно въ замокъ съ ея головою въ рукахъ, и потомъ приставляетъ ей голову къ плечамъ — вошелъ въ исторію. Онъ свидѣтельствуетъ объ умственномъ складѣ того вѣка, когда считалось весьма назидательнымъ разсказывать о подобныхъ чудесахъ совершенныхъ святыми людьми, такъ какъ тогда вѣрили, что святые люди могутъ дѣйствительно творить ихъ. Древніе разсказы, представляющіеся нелѣпыми нашему уму, могутъ такимъ образомъ имѣть историческую цѣну, указывая на тѣ времена, когда ихъ составляли вслѣдствіе того, что они считались возможными. Это вѣрно даже относительно басенъ Эзопа. При томъ состояніи мысли, когда вѣрятъ, что человѣческія души могутъ жить въ тѣлахъ животныхъ, когда волкъ можетъ имѣть въ себѣ душу нашего врага, или когда нашъ дѣдъ можетъ ползать на очагѣ въ тѣлѣ какой нибудь змѣи — разсказы о животныхъ одаренныхъ разумомъ представляются самыми разумными. У буддистовъ, гдѣ разсказы о звѣряхъ рано превратились въ нравственныя басни, они передаются, какъ сказанія о многочисленныхъ рожденіяхъ или переселеніяхъ въ разныя тѣла великаго основателя религіи. Самъ Будда, въ тѣлѣ птицы, вынулъ кость изъ пасти льва и былъ вознагражденъ за это сообщеніемъ, что онъ долженъ почесть себя счастливымъ отдѣлавшись столь легко. Будда же, рожденный въ тѣлѣ крестьянина, слушалъ рѣчь осла въ львиной шкурѣ и сказалъ ему, что онъ только оселъ. Что все это кажется для милліоновъ людей частью священнаго для нихъ писанія—представляетъ крайне интересный фактъ при изученіи цивилизаціи, предостерегая насъ отъ пренебреженія къ какому нибудь разсказу, какъ неимѣющему цѣны только потому, что онъ получилъ форму миѳа. Для пониманія мыслей народовъ прежняго міра ихъ миѳы говорятъ намъ весьма многое, что врядъ ли могло быть узнано изъ ихъ исторіи.

ГЛАВА XVI.

Общество.

Ступени общественнагq развитія.—Семья.—Нравственность низшихъ расъ.—Общественное мнѣніе и обычай.—Нравственный прогрессъ —Месть и правосудіе.—Война.—Собственность.—Судебные обряды.—Власть и отвѣтственность семьи —Патріархальные и военные вожди. — Націи —Общественные классы. Правленіе.

Въ извѣстіяхъ о преступленіяхъ, появляющихся ежедневно въ газетахъ нашей цивилизованной страны, часто встрѣчаются такія выраженія какъ *дикое* бѣшество, *варварская* жестокость. Эти два слова въ обычномъ разговорѣ стали обозначать такіе поступки, которые наиболѣе свирѣпы, грубы и жестоки. Несомнѣнно, что жизнь менѣе цивилизованныхъ людей, *дикарей* и *варваровъ*, вообще говоря, болѣе свирѣпа, груба и жестока нежели наша, но разница между нами и ими заключается вовсе не въ этомъ. Какъ доказали предшествовавшія главы, дикія и варварскія племена часто болѣе или менѣе ясно обнаруживаютъ ступени культуры, черезъ которыя перешли въ древнія времена наши собственные предки, и ихъ обычаи и законы часто объясняютъ намъ смыслъ и основаніе нашихъ обычаевъ и законовъ, съ такой стороны, которую намъ трудно было бы угадать инымъ путемъ. Какъ само собой понятно, здѣсь не можетъ быть даже и рѣчи о приведеніи хотя бы перечня сложныхъ системъ общества; все, что можно сдѣлать, это—выставить передъ читателемъ нѣкоторые изъ руководящихъ принциповъ, общества въ древней и въ современной жизни.

Человѣчество никогда не могло жить въ видѣ простой толпы личностей, занятыхъ, каждый, своимъ особеннымъ дѣломъ. Обще-

ство всегда слагается изъ семей или хозяйствъ, связанныхъ родственными узами, подчиненныхъ правиламъ брака и обязанностямъ родителей и дѣтей [1]). Однако формы этихъ правилъ и обязанностей были весьма разнообразны. Браки могутъ быть постояннымъ и временнымъ спариваніемъ или союзами, гдѣ мужъ можетъ имѣть нѣсколько женъ и жена нѣсколько мужей. Часто бываетъ весьма трудно понять семейную группу и ея связи въ грубомъ и древнемъ мірѣ. Такъ, для насъ представляется само собою разумѣющимся дѣломъ вести семейное происхожденіе по мужской линіи, и въ настоящее время на это указываетъ самымъ яснымъ путемъ принятіе сыномъ фамиліи отца. Но на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи на обоихъ полушаріяхъ многія племена принимаютъ, какъ нѣчто само собою понятное, какъ разъ противуположное представленіе. Въ большинствѣ австралійскихъ племенъ дѣти принадлежатъ къ клану матери, а не отца; такъ что въ войнахъ между туземцами отецъ и сынъ постоянно встрѣчаются какъ естественные враги. Достоинство вождя часто переходитъ по царской материнской линіи, какъ напримѣръ, у Нэтчезовъ, имѣвшихъ свои храмы солнца въ той мѣстности, которая въ настоящее время носитъ названіе Луизіаны. Однако, этотъ широко распространенный обычай наслѣдованія по женской линіи, какъ ни глубоко лежитъ онъ въ исторіи общества, былъ настолько забытъ древними цивилизованными народами, что когда Геродотъ встрѣтилъ его у ликійцевъ, принимавшихъ имена своихъ матерей и слѣдившихъ свои родословныя только по женской линіи, то историкъ вообразилъ, что это былъ нѣкоторый особенный обычай отличавшій ликійцевъ отъ всѣхъ другихъ народовъ. Въ дикомъ и варварскомъ мірѣ широко распространено правило, называемое Мак-Леннаномъ «Экзогаміею» или «бракомъ извнѣ» и запрещающее мужчинѣ брать себѣ жену изъ собственнаго клана—дѣйствіе, считаемое преступнымъ и даже наказуемое иногда смертью. Страннымъ контрастомъ съ распространеннымъ понятіемъ, что дикая жизнь не знаетъ правилъ, пред-

---

[1]) Въ настоящее время изслѣдованія сера Джона Лэббока, Маргона и другихъ почти безспорно доказали, что извѣстнымъ намъ позднѣйшимъ формамъ съ исключительнымъ брачнымъ союзомъ предшествовала въ человѣчествѣ другая форма общежитія, которую называютъ «общественнымъ бракомъ» или «гетэризмомъ». *Прим. ред.*

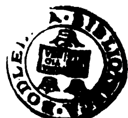
ставляется фактъ встрѣчающійся у австралійскихъ племенъ, гдѣ каждый мужчина обязанъ брать жену въ особомъ кланѣ, представляющемъ такъ сказать кланъ женъ по отношенію къ его собственному. У Ирокезовъ Сѣверной Америки дѣти принимаютъ имя клана или тотемъ матери; такъ, если она изъ Медвѣжьяго Клана, то ея сынъ будетъ Медвѣдь и сообразно этому онъ не можетъ вступить въ бракъ съ Медвѣжьею дѣвушкою, но долженъ взять себѣ жену изъ клана Оленей или Цаплей. Подобные обычаи встрѣчаются и у высшихъ народовъ, считающихъ происхожденіе по мужской линіи. Такъ, въ Индіи брахманъ не можетъ взять себѣ жену, имя клана которой (ея «коровій хлѣвъ» какъ они выражаются) одинаковъ съ именемъ его клана; равнымъ образомъ, китаецъ не можетъ взять себѣ въ жены дѣвушку, носящую одинаковую съ нимъ фамилію. Хотя семейные и племенные обычаи дикаго и варварскаго міра представляются слишкомъ запутанными для того, чтобы вполнѣ обсуждать ихъ здѣсь, существуютъ, однако, нѣкоторые поучительные пункты, на которые мы должны обратить вниманіе нашихъ читателей. Бракъ на раннихъ ступеняхъ общества представляетъ гражданскій договоръ. Такъ, у дикихъ охотничьихъ племенъ въ Никарагуа, юноша, желающій взять себѣ въ жены извѣстную дѣвушку, убиваетъ оленя и кладетъ его съ кучею дровъ у дверей хижины ея родителей; это символическое дѣйствіе изображаетъ его предложеніе охотиться и исполнять мужскую работу; если даръ принимается, то бракъ заключенъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ церемоній. Среди народовъ съ высшею культурою происходятъ болѣе формальныя обѣщанія и церемоніи, съ пиршествами и собраніями родственниковъ; и затѣмъ — какъ и въ другихъ важныхъ житейскихъ дѣлахъ,—приглашается еще священникъ для призыва божественнаго благословенія и для освященія союза. Тамъ, гдѣ совершаются подобныя вещи, брачный обрядъ сдѣлался весьма несходнымъ съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ грубыя времена брака черезъ умыканіе,—въ родѣ того, какой можно видѣть въ настоящее время среди жестокихъ лѣсныхъ племенъ въ Бразиліи, гдѣ воины дѣлаютъ набѣги на отдаленныя деревни и приводятъ себѣ женъ домой насильно. Древнее преданіе хорошо знаетъ этотъ обычай, какъ въ томъ случаѣ, когда люди колѣна Веніамина увозятъ дочерей Силоама, пляшущихъ на празднествѣ, или въ знаменитомъ римскомъ сказаніи о похищеніи

сабинянокъ, — въ сказаніи, излагающемъ въ исторической формѣ умыканіе женъ, остававшееся въ римскомъ обычаѣ въ видѣ простаго обряда. Насколько оно было общепринятымъ въ древнемъ мірѣ обычаемъ, яснѣе всего свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что оно продолжало поддерживаться какъ формальность даже тогда, когда въ дѣйствительности стали господствовать уже смягченные нравы. Оно перешло въ подобное состояніе у спартанцевъ, о которыхъ Плутархъ говоритъ, что хотя бракъ въ дѣйствительности былъ дружественною сдѣлкою между семьями, друзья жениха все-таки разыгрываютъ сцену похищенія невѣсты силою. Нѣсколько поколѣній тому назадъ тотъ же самый обычай поддерживался и въ Уэльсѣ, гдѣ женихъ и его друзья, верхомъ на коняхъ и вооруженные словно на войну, увозили невѣсту съ собою; а въ Ирландіи существовалъ даже обычай метать копья въ провожатыхъ невѣсты, хотя на такомъ разстояніи, чтобы никого не ранить—развѣ кое-когда нечаянно, какъ это случилось, когда нѣкій лордъ Гозсъ (Hoath) потерялъ глазъ; какъ кажется, этотъ несчастный случай и положилъ конецъ этому любопытному остатку древности. Слѣдствіемъ умноженія частной собственности явился обычай покупки женъ — какъ напримѣръ, у зулусовъ, гдѣ женихъ торгуется съ родственниками дѣвушки, предлагая за нее пять или десять быковъ. Таково было обыкновеніе въ Англіи у нашихъ праотцевъ варварскаго періода, какъ это видно изъ уэльскаго закона Ине. «Если человѣкъ купитъ себѣ жену» и т. д. Нѣсколько позже Канутъ запретилъ продавать дѣвушекъ въ жены, но мужъ могъ давать за нее сколько самъ пожелаетъ. Какимъ образомъ деньги, нѣкогда платившіяся, какъ цѣна невѣсты, перешли въ приданое для нея — представляетъ интересный вопросъ въ исторіи права; нѣкоторое обезпеченіе этого рода сдѣлалось необходимымъ, когда вдову перестали обезпечивать бракомъ съ братомъ покойнаго мужа, что практиковалось въ болѣе грубомъ состояніи общества.

Мы начали съ брака потому, что отъ него зависитъ семья, на которой основывается все устройство общества. Сказанное о болѣе грубыхъ родахъ семейнаго союза среди дикарей и варваровъ показываетъ, что отъ нихъ нельзя ожидать превосходнаго состоянія тѣхъ благоустроенныхъ семейныхъ хозяйствъ, которымъ цивилизованное общество обязано столь многимъ въ отношеніи своихъ

хорошихъ качествъ и своего благосостоянія. Однако, нѣкоторый идеалъ семейной нравственности извѣстенъ и практикуется даже среди самыхъ грубыхъ клановъ людей, если только они не растлѣны окончательно пороками и нищетою и не распадаются на части. Ихъ обычаи — если судить по нашимъ понятіямъ — грубы и жестоки; однако, семейная связь привязанности и общаго интереса уже образовалась, и уже заложены основанія нравственнаго долга въ терпѣливой нѣжности матери, въ отчаянной храбрости отца при защитѣ домашняго очага, въ ихъ общей обыденной заботѣ о малюткахъ, въ привязанности братьевъ и сестеръ другъ къ другу, во взаимной снисходительности, во взаимной готовности помочь и въ общемъ взаимномъ довѣріи. Отъ семьи это распространяется на болѣе широкій кругъ. Естественный путь, которымъ создается племя, представляетъ образованіе его изъ семьи или группы, которая съ теченіемъ времени увеличивается и подраздѣляется на многія хозяйства, все еще признающія одно другое за родню; и это родство, какъ связь для цѣлаго племени, сознается всѣми настолько глубоко, что даже, когда происходитъ смѣшеніе различныхъ племенъ, часто вымышляютъ общаго предка, лишь бы только создать воображаемую связь для всей группы. Такимъ образомъ, *kindred* (родство) и *kindness* (доброжелательство) идутъ рука объ руку—два слова, общее производство которыхъ самымъ удачнымъ образомъ выражаетъ одно изъ главныхъ основныхъ началъ общественной жизни.

Въ числѣ уроковъ, которымъ можно было бы научиться изъ жизни грубыхъ племенъ, находится и примѣръ того, какъ общество можетъ обходиться безъ полиціи для сохраненія порядка. Очевидно, что даже всего ниже стоящіе люди не могутъ жить исключительно при помощи того, что нѣмцы называютъ «Faustrecht», кулачнымъ правомъ, и что мы (англичане) называемъ *club-law*, «правомъ дубины». Сильный дикарь не врывается въ хижину своего болѣе слабаго сосѣда и не завладѣваетъ ею, изгоняя хозяина ея въ лѣсъ при помощи пущеннаго ему вслѣдъ дротика съ каменнымъ наконечникомъ. Безъ нѣкотораго взаимнаго контроля, стоящаго выше простаго права сильнѣйшаго, племя распалось бы въ одну недѣлю, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ дикія племена продолжаютъ существовать цѣлые вѣка. При бла-

гопріятныхъ обстоятельствахъ, гдѣ пища не слишкомъ скудна, и война не слишкомъ истребительна, жизнь низшихъ варварскихъ расъ можетъ быть хороша и счастлива въ своемъ родѣ. На Вестъ-Индскихъ островахъ, гдѣ впервые высадился Колумбъ, жили племена, которыхъ считали самыми мягкими и доброжелательными во всемъ человѣчествѣ. Путешественникъ Шомбургкъ, хорошо знавшій домашнюю жизнь воинственныхъ карибовъ, рисуетъ напоминающую земной рай картину ихъ нравовъ, когда они не были еще испорчены пороками бѣлыхъ людей; онъ видѣлъ среди нихъ миръ и веселье и простую семейную привязанность, неподдѣльную дружбу и признательность, не терявшія своей искренности отъ того, что они не выражались громкими словами; цивилизованному міру — говоритъ онъ — не приходится учить ихъ нравственности, ибо хотя они и не говорятъ, они живутъ въ ней. На другомъ полушаріи, голландскій изслѣдователь Копсъ даетъ весьма сходное съ предыдущимъ описаніе папуасовъ въ Дори, которые живутъ въ домахъ, построенныхъ на сваяхъ надъ водой, на подобіе древнихъ озерныхъ людей Швейцаріи; онъ говоритъ о ихъ кротости, ихъ наклонности къ правдѣ и справедливости, о ихъ твердыхъ нравственныхъ правилахъ, о ихъ почтеніи къ престарѣлымъ людямъ и ихъ любви къ своимъ дѣтямъ, о томъ, что они не запираютъ домовъ, такъ какъ воровство у нихъ считается тяжкимъ преступленіемъ и встрѣчается весьма рѣдко. Среди грубыхъ неиндусскихъ племенъ Индіи, англійскіе чиновники съ удивленіемъ находятъ доброту и веселость у грубыхъ горцевъ и жителей джонглей и ихъ крайнюю честность на словахъ и на дѣлѣ. Такъ сэръ Уольтеръ Элліотъ упоминаетъ объ одномъ низко-стоящемъ бѣдномъ племени въ Южной Индіи, которое фермеры нанимаютъ для охраненія своихъ полей, хорошо зная, что эти люди скорѣе умрутъ съ голода, нежели украдутъ одно зерно изъ ввѣреннаго ихъ попеченію; и они такъ правдивы, что ихъ свидѣтельство немедленно рѣшаетъ споры даже съ ихъ болѣе богатыми сосѣдями, такъ какъ всѣ говорятъ: «курубаръ всегда говоритъ правду». Конечно, эти разсказы о карибахъ и папуасахъ показываютъ ихъ съ дружественной стороны, между тѣмъ какъ сражавшіеся съ ними называютъ ихъ чудовищами звѣрства и вѣроломства. Но жестокость и хитрость въ войнѣ представляются имъ справедливыми и достой-

ными похвалы, и мы разсматриваемъ здѣсь лишь ихъ мирную домашнюю жизнь. Ясно, что низшіе варвары могутъ стоять на довольно высокомъ нравственномъ уровнѣ, и это тѣмъ болѣе поучительно, что показываетъ намъ, такъ сказать, природную нравственность. Ихъ религія, состоящая преимущественно въ умилостивленіи душъ предковъ и духовъ природы, не имѣетъ того сильнаго нравственнаго вліянія, какое она обнаруживаетъ у высшихъ народовъ; въ сущности ихъ поведеніе относительно ближнихъ весьма мало обусловливается божественными заповѣдями или боязнью божественной кары. Оно больше зависитъ отъ того, насколько благополучна или бѣдственна ихъ жизнь. Когда нужда или бѣдствія войны разрушаютъ ихъ благосостояніе, они (какъ и тѣ, которые стоятъ выше ихъ) становятся болѣе жестокими и себялюбивыми въ своихъ дѣйствіяхъ; нравственныя привычки всегда низки у лишенныхъ всякихъ жизненныхъ удобствъ ордъ дикарей, ежедневная борьба которыхъ за существованіе слишкомъ сурова, чтобы въ нихъ могли развиться болѣе мягкія чувства. Сверхъ того, между низшими и высшими племенами людей существуетъ еще та разница, что тупоумный варваръ не обладаетъ способностью мысли достаточною для того, чтобы подняться до высшаго нравственнаго идеала цивилизованнаго человѣка. Дикій лѣсной человѣкъ, забывающій о вчерашнемъ днѣ и не заботящійся о завтрашнемъ, нѣжащійся въ своей койкѣ, когда насущныя потребности его удовлетворены, еще не возвысился до той работы памяти и предвидѣнія, которая вѣчно развертываетъ передъ нашимъ умомъ панорамы нашей прошлой и будущей жизни и которая заставляетъ насъ мысленно становиться на мѣсто нашихъ ближнихъ и переживать ихъ радости и печали. Значительная доля зла, совершающагося на землѣ происходитъ отъ недостатка воображенія. Если бы пьяница могъ видѣть передъ собою бѣдствія слѣдующаго часа приблизительно съ такою живостью, съ какою чувствуетъ настоящій позывъ къ водкѣ, то первое пересилило бы послѣдній. Часто, въ самый бѣшеный моментъ гнѣва, мечъ обратно влагался въ ножны, когда въ умѣ человѣка возникала пророческая картина женщинъ, плачущихъ вокругъ окровавленнаго трупа. У низшихъ расъ людей настолько недостаетъ предусмотрительности для сопротивленія страсти и искушенію, что нравственное равно-

вѣсіе племени легко нарушается, между тѣмъ какъ они глупо-жестоки вслѣдствіе отсутствія у нихъ умственнаго сочувствія къ страданію другаго, подобно тому какъ дѣти жестоки къ животнымъ, вслѣдствіе того что они не въ состояніи вообразить себѣ страданія этихъ существъ. Факты, извѣстные намъ въ настоящее время относительно жизни дикарей, препятствуютъ намъ повторять мечты философовъ прошлаго вѣка, выставлявшихъ «благороднаго дикаря» настоящимъ образцомъ добродѣтели, заслуживающимъ подражанія со стороны цивилизованныхъ народовъ. Тѣмъ не менѣе дѣйствительность остается вполнѣ поучительною, такъ какъ она показываетъ, что законы добродѣтели и счастья оказываются дѣйствующими въ простыхъ формахъ и среди племенъ, которыя дѣлаютъ топоры изъ заостренныхъ камней и трутъ палку о палку для добыванія огня. Ихъ жизнь, въ ея лучшемъ видѣ, показываетъ съ необыкновенною ясностью великій принципъ этики, что нравственность и счастье идутъ рука объ руку,—что, на дѣлѣ, нравственность есть методъ достиженія счастія.

Не должно предполагать, что при какомъ либо состояніи цивилизаціи поведеніе человѣка зависитъ вполнѣ отъ его собственнаго нравственнаго чувства добра и зла. Контролирующія силы общества дѣйствуютъ даже среди дикарей—только въ болѣе зачаточныхъ формахъ нежели среди насъ. Общественное мнѣніе представляетъ уже великую силу, и слѣдуетъ особенно обратить вниманіе на способъ, которымъ оно дѣйствуетъ. Отдѣльная личность слишкомъ склонна заботиться о своемъ личномъ интересѣ и о благѣ своихъ близкихъ друзей, но эти частныя побужденія отпадаютъ, когда нѣсколько умовъ работаютъ вмѣстѣ, и когда общественное мнѣніе съ высшимъ себялюбіемъ защищаетъ общее благо, побуждая отдѣльную личность отложить въ сторону ея частныя желанія и жертвовать своею собственностью и даже жизнью въ виду общаго интереса. Все племя какъ одно цѣлое можетъ раздавить своимъ презрѣніемъ низкихъ и трусливыхъ, или дать въ награду славу, изъ-за которой отважные члены рискуютъ всѣми благами и самою жизнью. Путешественники замѣтили, что женщины, какъ бы онѣ ни были угнетены, умѣютъ давать почувствовать свое вліяніе въ этомъ направленіи, и многіе воины, сердце которыхъ дрогнуло передъ лицомъ непріятеля, удержались отъ бѣгства, подумавъ

*

о насмѣшкахъ дѣвушекъ въ случаѣ, если бы они пришли къ себѣ въ деревню безъ ранъ, но съ позоромъ. Это давленіе со стороны общественнаго мнѣнія принуждаетъ людей дѣйствовать согласно обычаю, который даетъ правила относительно того, чтó должно и чего не должно дѣлать въ большинствѣ случаевъ жизни. Изслѣдователи дикихъ странъ, не находя полицейскаго механизма, къ которому они привыкли у себя дома, иногда слишкомъ смѣло заключали, что дикари живутъ безъ стѣсненій, слѣдуя каждый своему собственному произволу. Мы уже замѣтили, что это ошибочно, такъ какъ жизнь въ нецивилизованномъ мірѣ на каждомъ шагу скована цѣпями обычая. Въ значительной степени очевидно, что обычай возникъ въ виду блага общества или того, что считалось благомъ для него. Напримѣръ, въ дикихъ странахъ вообще считается хорошимъ дѣломъ оказывать гостепріимство всѣмъ приходящимъ, такъ какъ каждый знаетъ, что когда нибудь онъ самъ можетъ имѣть въ немъ нужду. Но представляется-ли обычай явно полезнымъ или нѣтъ, разъ онъ утвердился, съ нимъ приходится сообразоваться, и даже когда его цѣль позабыта. Иногда дикарямъ приходится отрѣзать себѣ суставы пальцевъ или подвергать себя такимъ продолжительнымъ и суровымъ постамъ, что многіе изъ нихъ умираютъ; но часто единственною причиною, которую они могутъ привести для объясненія нанесенія себѣ страданія, служитъ тотъ фактъ, что таковъ былъ обычай ихъ предковъ. Въ иныхъ частяхъ Австраліи обычай запрещалъ молодымъ охотникамъ употреблять многіе роды дичи и лучшія части большихъ звѣрей, сохраняя это для стариковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это дѣлалось въ извѣстной мѣрѣ, для общаго блага, потому что опытные старики, уже неспособные къ тягостямъ охоты, были въ состояніи оставаться въ станѣ, дѣлать сѣти и оружіе, учить растущее поколѣніе и быть хранителями народной мудрости и почетными совѣтниками племени. Ничто не могло бы доказать болѣе очевидно, какъ далеко общество отъ господства одной грубой силы даже среди подобныхъ дикихъ жителей пустыни.

Такимъ образомъ, общества, какъ бы древни и грубы они ни были, всегда имѣютъ свои правила относительно хорошихъ и дурныхъ поступковъ. Но, что касается до того, какіе поступки должно считать хорошими и какіе дурными, изслѣдователь исторіи дол-

женъ избѣгать заблужденія, которое пословица называетъ мѣряніемъ на свой аршинъ. Воздерживаясь отъ приговора надъ обычаями народовъ, стоящихъ на другихъ степеняхъ культуры, на основаніи своего собственнаго новаго идеала, онъ долженъ призывать свое знаніе на помощь своему воображенію, такъ чтобы видѣть учрежденія съ той точки зрѣнія, которой они принадлежатъ, и въ тѣхъ результатахъ, которыя отъ нихъ получаются. Только такимъ образомъ можетъ быть уяснено, что правила о хорошемъ и дурномъ, о справедливомъ и несправедливомъ, не одинаковы для всѣхъ людей во всѣ времена. Для разъясненія примѣромъ этого положенія посмотримъ, какъ поступаютъ люди на различныхъ путяхъ цивилизаціи съ своими стариками. Иныя изъ низшихъ расъ окружаютъ своихъ стариковъ заботами даже послѣ впаденія ихъ въ слабоуміе, обращаясь съ ними почти съ нѣжнымъ вниманіемъ и весьма часто ухаживая за ними до самой ихъ смерти, когда почтеніе къ живому предку переходитъ въ поклоненіе ему какъ одному изъ духовъ предковъ. Но у другихъ племенъ любовь дѣтей прекращается ранѣе, какъ это видно среди дикихъ бразильцевъ, которые ударомъ палицы по головѣ кончаютъ существованіе своихъ больныхъ и стариковъ и даже съѣдаютъ ихъ, находя ли заботу о нихъ слишкомъ обременительнымъ дѣломъ или дѣйствительно думая—какъ они говорятъ это—оказать услугу своимъ жертвамъ, прекращая жизнь, не увеселяемую болѣе ни битвою, ни празднествами, ни пляскою. Мы можемъ ясно представить себѣ положеніе вещей среди скитающихся племенъ. Орда должна передвигаться въ поискахъ за дичью; несчастное слабѣющее существо не можетъ выдерживать похода; охотники и тяжело нагруженныя женщины не могутъ нести его; онъ долженъ быть оставленъ позади. Многіе путешественники видѣли въ пустынѣ подобныя раздирающія душу сцены, какую видѣлъ, напримѣръ, Катлинъ, когда онъ прощался съ сѣдовласымъ старымъ вождемъ племени Пунка, почти совершенно слѣпымъ и высохшимъ, такъ что оставались лишь кожа да кости; дрожа, жался онъ къ костру изъ нѣсколькихъ сучьевъ, прикрытый лишь буйволовой кожею, растянутой на палкахъ, имѣя для пищи лишь чашку воды и нѣсколько полуобглоданныхъ костей. Этотъ старый воинъ былъ покинутъ по собственному желанію, когда племя двинулось отыскивать новыя мѣста для охоты — по-

добно тому, какъ много лѣтъ тому назадъ онъ самъ—по его словамъ, — оставилъ умирать своего отца, когда послѣдній сдѣлался уже ни къ чему негоднымъ. Когда народъ обращается къ осѣдлому состоянію земледѣльцевъ и достигаетъ нѣкотораго богатства и житейскихъ удобствъ, необходимость перестаетъ оправдывать убійство стариковъ или ихъ оставленіе безъ помощи. Однако исторія показываетъ, какъ долго этотъ обычай держался даже въ Европѣ, отчасти въ силу человѣчнаго намѣренія положить конецъ продолжительному страданію, но болѣе вслѣдствіе переживанія обычая, унаслѣдованнаго отъ болѣе жестокихъ и грубыхъ эпохъ. Венды, жившіе въ странѣ, составляющей теперь часть Германіи, придерживались исключительнаго обряда умерщвлять стариковъ и больныхъ, варя и съѣдая ихъ, подобно тому, какъ дѣлали древніе массагеты, описываемые Геродотомъ. Въ Швеціи въ церквяхъ хранились особыя неуклюжія деревянныя палицы, называвшіяся «семейными»,—иныя сохранились и до нашего времени,—которыми въ старинныя времена родственники торжественно убивали престарѣлыхъ и безнадежно больныхъ людей. Интересно прослѣдить въ старинныхъ германскихъ свидѣтельствахъ переходъ отъ подобнаго древняго варварства къ болѣе мягкимъ обычаямъ. когда хилый, старый отецъ семейства, раздѣливъ свое имущество между дѣтьми, долженъ былъ затѣмъ, окруженный ихъ попеченіями, сидѣть на «кошачьемъ мѣстѣ» у очага. Однимъ изъ признаковъ прогрессирующей цивилизаціи было возростающее сознаніе святости человѣческой жизни даже помимо ея пользы и удовольствія, и подъ вліяніемъ этого чувства стали смотрѣть наконецъ съ ужасомъ на насильственное прекращеніе существованія даже тягостнаго и страдальческаго — прекращеніе, къ которому наши предки прибѣгали безъ угрызеній совѣсти.

Должно помнить также, что древнія правила нравственнаго поведенія не были одинаковы по отношенію ко всѣмъ людямъ. Человѣкъ зналъ свой долгъ относительно своего сосѣда, но не всѣ люди были его сосѣдями. Это ясно видно изъ исторіи человѣческихъ понятій объ убійствѣ и воровствѣ. Убійство врядъ ли признается законами какого нибудь народа за преступленіе само по себѣ; напротивъ, при извѣстныхъ условіяхъ, особенно при самозащитѣ, войнѣ, мести, казни и жертвѣ, оно считалось дозволи-

тельнымъ или достохвальнымъ дѣяніемъ. Тѣмъ не менѣе неизвѣстно ни одного племени, какъ бы низко и звѣрско оно ни было, которое полагало бы, что люди могутъ убивать другъ друга безъ всякаго разбора, такъ какъ при такомъ беззаконіи распалось бы даже дикое общество пустынь и лѣсныхъ чащъ. Такимъ образомъ, всѣ люди признаютъ какой нибудь законъ «не убей», и вопросъ заключается въ томъ, какъ прилагается этотъ законъ. Поучительно взглянуть, какъ онъ дѣйствуетъ среди тѣхъ свирѣпыхъ племенъ, которые одобряютъ убійство просто какъ доказательство мужества. Такъ, молодому сіусскому индѣйцу, пока онъ никого не убилъ, не разрѣшается втыкать перья въ головной уборъ и носить титулъ храбреца или воина; онъ съ трудомъ можетъ отыскать себѣ жену, пока онъ не «добылъ пера». Подобнымъ же образомъ молодой даякъ съ Борнео не можетъ достать себѣ жены, пока онъ не снялъ одной головы, и тоже относится къ черепу или скальпу, которые нагасскій воинъ въ Ассамѣ долженъ принести домой, дѣлаясь этимъ правоспособнымъ по отношенію къ татуировкѣ и къ браку съ женщиной, которая, можетъ быть, ждала цѣлые годы этого безобразнаго свидѣтельства на вступленіе въ бракъ. Не было необходимости добыть этотъ трофей непремѣнно съ врага; и его можно было достать при помощи самаго низкаго предательства, только бы жертва не принадлежала къ собственному племени убійцы. Между тѣмъ эти сіусы въ своей средѣ считаютъ убійство преступленіемъ, за исключеніемъ случаевъ кровной мести, и даяки наказываютъ за убійство. Такое состояніе вещей не представляетъ въ себѣ въ дѣйствительности ничего противорѣчиваго; на самомъ дѣлѣ, все объясненіе заключается въ одномъ словѣ: «племя». Племя устанавливаетъ свой законъ не на основаніи отвлеченнаго принципа, что убійство человѣка хорошо или дурно, но ради своего собственнаго сохраненія. Его существованіе зависитъ отъ отстаиванія себя въ борьбѣ на жизнь и смерть съ сосѣдними племенами, и такимъ образомъ оно устанавливаетъ общественную премію за доказательство воинской доблести въ бою противъ непріятеля, хотя въ позднѣйшіе дни вырожденія оно дозволяетъ презрѣнное выполненіе формальности доставленіемъ въ качествѣ воинскаго трофея головы какой нибудь старухи или злополучнаго подкарауленнаго изъ за куста иноплеменника. Въ этомъ простомъ противупо-

ложеніи соплеменника иноплеменнику изслѣдователь найдетъ ключъ къ понятію о справедливомъ и несправедливомъ, проходящему черезъ всю древнюю исторію и постепенно переходящему въ болѣе широкія и благородныя воззрѣнія. Старинное положеніе вещей хорошо уясняется латинскимъ словомъ *hostis*, которое первоначально означало «чужаго человѣка», и совершенно естественно перешло къ значенію «врага». Справедливымъ считалось не только убіеніе врага въ открытой войнѣ; но древній законъ приходитъ къ ученію, что умерщвленіе своего соплеменника и умерщвленіе иноплеменника представляютъ преступленія совершенно различнаго порядка, причемъ умерщвленіе раба представляетъ только разрушеніе собственности. Даже и теперь житель колоній фактически не допускаетъ, что убить темнокожаго или чернаго чернаго человѣка тоже самое что убить бѣлаго соотечественника. Тѣмъ не менѣе идея святости человѣческой жизни распространяется все шире и шире по свѣту, какъ принципъ, приложимый къ человѣчеству вообще.

Исторія понятія о воровствѣ и грабежѣ развивается отчасти въ томъ же самомъ направленіи. Въ низшей цивилизаціи извѣстенъ законъ «не украдь», но онъ прилагается къ соплеменникамъ и друзьямъ, а не къ чужеземцамъ и врагамъ. Говоря объ атахъ Британской Колумбіи, Спротъ замѣчаетъ, что какая нибудь вещь, отданная на храненіе индѣйцу на слово, будетъ совершенно безопасна, между тѣмъ воровство у нихъ представляетъ обыкновеннѣйшій порокъ, насколько дѣло касается собственности другихъ племенъ или бѣлыхъ людей. Но, говоритъ онъ, было бы несправедливо считать воровство среди этихъ дикарей преступнымъ въ той же степени, какъ у насъ, такъ какъ у нихъ не существуетъ никакого нравственнаго или общественнаго закона, запрещающаго воровство у чужаго племени, вошедшее въ обычай въ теченіи вѣковъ. Такъ, хотя африканцы въ предѣлахъ своего собственнаго племени имѣютъ строгія правила относительно собственности, путешественники описываютъ, какъ какой нибудь зулусскій военный отрядъ, украдкою пробравшись къ отдаленной деревнѣ и умертвивъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, оставляетъ за собою ограбленный крааль, пылающій на горизонтѣ, и возвращается домой въ восторгѣ съ награбленною добычею. Древній законъ воинственнаго народа хорошо проявляется у древнихъ германцевъ въ знамени-

той фразѣ Цезаря: «Грабежи за предѣлами каждой общины не считаются постыднымъ дѣломъ, но восхваляются какъ средство для упражненія юношей и уменьшенія лѣности». Даже среди новой цивилизаціи объявленіе войны можетъ все еще возвращать общество къ раннимъ ступенямъ грабежа и призовыхъ денегъ. Но въ мирное время безопасность собственности какъ и жизни становится все болѣе и болѣе прочною. Договоры о выдачѣ, по которымъ преступники, лишаясь своего прежняго убѣжища заграницею, теперь предаются въ руки судовъ той страны, гдѣ они совершили преступленіе, знаменуютъ современное стремленіе къ объединенію народовъ въ одно общество, признающее за всѣми своими членами взаимныя права и обязанности.

До сихъ поръ мы разсматривали понятія о справедливомъ и несправедливомъ главнымъ образомъ, какъ результатъ нравственныхъ чувствъ самого человѣка и общественнаго мнѣнія. Но во всѣ времена признавались необходимыми и болѣе сильныя средства для контроля надъ поведеніемъ человѣка. Въ настоящее время одною изъ обычныхъ обязанностей цивилизаціи считается обязанность имѣть уголовный законъ для наказанія преступниковъ пенею, тюремнымъ заключеніемъ, ударами и даже смертью. Эта система однако возникла только постепенно, и въ исторіи можно найти ясные слѣды того, какимъ образомъ она развилась изъ первобытнаго состоянія вещей, когда еще не существовало ни профессіональныхъ судей, ни палачей, но когда творить судъ и расправу собственными руками было правомъ и обязанностью каждаго человѣка; принципомъ этого суда и этой расправой было то, что мы теперь называемъ местью. Это право мести вступаетъ въ дѣйствіе, когда въ варварской жизни совершилось убійство подъ вліяніемъ бѣшеной страсти. Дѣйствіе этого права, какъ великой общественной силы, можно хорошо наблюдать среди австралійцевъ. Какъ говоритъ сэръ Джорджъ Грэй въ своемъ разсказѣ объ этомъ, отмщеніе за смерть ближайшихъ родственниковъ является самою священною обязанностью, къ совершенію которой призывается туземецъ. Еслибы онъ оставилъ эту обязанность невыполненною, надъ нимъ будетъ издѣваться всякая старуха; если онъ неженатъ, ни одна дѣвушка не станетъ даже разговаривать съ нимъ; если у него есть жены, онѣ бросятъ его; его мать будетъ стонать и плакать, что

родила такого выродка сына; его отецъ будетъ обращаться съ нимъ презрительно, и онъ сдѣлается предметомъ всеобщаго презрѣнія. Но что же приходится дѣлать, если убійца исчезъ, какъ это такъ легко можетъ случиться въ подобной дикой и рѣдко населенной странѣ? Туземный обычай приходитъ къ древнему ученію, что отвѣтственна вся семья преступника; такъ что когда становится извѣстно, что убитъ человѣкъ, и особенно когда настоящій преступникъ исчезъ, его родственники спасаются бѣгствомъ; даже дѣти семи лѣтъ отъ роду знаютъ, приходится ли убійца имъ сродни. и если приходится — немедленно скрываются. Здѣсь мы приходимъ къ двумъ принципамъ, которые всякій изучающій право, долженъ ясно держать въ памяти, если онъ слѣдитъ за исторіею права, начиная съ самыхъ раннихъ ступеней его. Въ первобытномъ законѣ кровной мести онъ видитъ, что общество ради своего блага пользуется инстинктомъ мести, который человѣкъ раздѣляетъ съ низшими животными; и признавая всю семью отвѣтственною за дѣянія одного изъ ея членовъ, общество пользуется силою семейнаго вліянія на каждую личность, какъ средствомъ поддерживать миръ между людьми. Никто, видя вліяніе кровной мести, не можетъ отрицать ея практической разумности и ея пользы для сдерживанія людей отъ насилія на той ступени, гдѣ не существуетъ еще особенныхъ судей и палачей. Въ сущности среди всѣхъ дикарей и варваровъ кровный мститель, какъ бы мало онъ ни сознавалъ это въ своемъ дикомъ бѣшенствѣ, исполняетъ свою долю обязанности избавленія своего народа отъ гибели, вслѣдствіе кровавыхъ дѣлъ. Къ несчастью, его полезности часто вредитъ невѣжество и заблужденіе, которыя обращаютъ его месть на невинныхъ. Эти австралійцы принадлежатъ къ числу многихъ дикихъ племенъ, которыя не могутъ понять, какъ кто нибудь можетъ умереть, если онъ не убитъ; вслѣдствіе чего они объясняютъ такъ называемую нами естественную смерть убѣжденіемъ, что покойника убилъ какой нибудь врагъ при помощи волшебства, поранивъ его невидимымъ оружіемъ или пославъ демона болѣзни выѣдать его внутренности. Такимъ образомъ, когда человѣкъ умираетъ, его родственники принимаются за розыскиваніе, при помощи гаданія, злаго колдуна, причинившаго ему смерть. и когда они остановились на комъ нибудь, какъ на такомъ тайномъ врагѣ,

мститель отыскиваетъ его и убиваетъ; тогда, конечно, слѣдуетъ отомщеніе съ другой стороны и происходитъ наслѣдственная вражда. Такова одна изъ главныхъ причинъ злобной ненависти между племенами, которая поддерживаетъ дикарей въ непрерывныхъ опасеніяхъ и безпокойствѣ.

Переходя къ высшимъ уровнямъ цивилизаціи, мы все еще встрѣчаемъ право кровной мести и у культурныхъ народовъ древняго міра, но оно уже постепенно видоизмѣняется цивилизаціею, которая со временемъ его искореняетъ окончательно. Такъ, законъ евреевъ, все еще допуская кровное мщеніе, учреждаетъ города убѣжища, и устанавливаетъ, что на нравственно невиннаго убійцу не слѣдуетъ смотрѣть какъ на злонамѣреннаго. Среди народовъ. гдѣ скопились уже богатства, и особенно гдѣ люди дошли до оцѣнки ихъ на деньги, древній бѣшеный крикъ о мести кровью переходитъ въ требованіе вознагражденія. Въ Аравіи и до сего дня можно видѣть рядомъ болѣе раннія и позднѣйшія ступени этого развитія; въ то время какъ бродячія племена бедуиновъ пустыни продолжаютъ вести кровавую распрю изъ поколѣнія въ поколѣніе съ дикимъ звѣрствомъ, городскіе жители сознаютъ, что жизнь врядъ ли была бы возможною, когда каждаго станутъ выжидать убійцы за угломъ каждой улицы, вслѣдствіе чего они берутъ плату за кровь и прекращаютъ распрю. Это состояніе вещей поучительно въ томъ отношеніи, что таково же было положеніе дѣлъ среди нашихъ раннихъ собственныхъ предковъ, когда по германскому праву все еще существовала для человѣка обязанность мести за зло, причиненное ему или его роднымъ—если только онъ не пошелъ на денежную сдѣлку. Англосаксонское слово для подобной мировой сдѣлки было *wer-gild*, чтó, вѣроятно, означало «деньги за человѣка» — 200 шиллинговъ за свободнаго человѣка, менѣе за низшихъ людей, и менѣе за уэльсца, чѣмъ за англичанина. Далѣе, тамъ, гдѣ правила мести еще требуютъ жизни за жизнь,— за меньшія обиды также расплачиваются по способу представляемому римскимъ *lex talionis*, или «закономъ подобнаго», откуда наше англійское *retaliation* = «возмездіе». Это ясно устанавливается еврейскимъ закономъ «жизнь за жизнь, око за око, зубъ за зубъ, рана за рану, ударъ ремнемъ за ударъ». Возмездіе остается еще закономъ въ Абиссиніи, гдѣ еще недавно одна мать преслѣ-

довала мальчика, случайно свалившагося съ плодоваго дерева на ея маленькаго сына и убившаго его; судьи рѣшили, что она имѣетъ право послать другаго своего сына на вершину дерева, чтобы онъ оттуда упалъ на мальчика, нечаянно причинившаго смерть ея первому сыну,—каковымъ правомъ она, впрочемъ, воспользоваться не захотѣла. Конечно, возмездіе стало постепенно смягчаться и превратилось въ пеню; такъ, старинные англійскіе законы обезпечиваютъ, что если кто либо отрѣжетъ другому кулакъ или стопу, виновникъ долженъ вознаградить потерпѣвшаго половиною цѣны цѣлаго человѣка; за большой палецъ—половинной цѣны руки, и такъ далѣе до 5 шиллинговъ за мизинецъ и 4 пенсовъ за ноготь мизинца. Въ наше время право перешло на высшую ступень, гдѣ государство беретъ на себя обязанность наказывать всякій серьезный вредъ, наносимый его гражданамъ. Читая какой нибудь кровавый разсказъ о корсиканской *Vendetta*, мы врядъ ли вспоминаемъ, что передъ нами остатокъ стариннаго права, продолжающаго существовать на дикомъ гористомъ островѣ. А между тѣмъ нашъ уголовный законъ развился изъ подобной частной мести, какъ это все еще очевидно для тѣхъ, кто обращаетъ вниманіе на слѣды прошлаго, когда слышитъ выраженія въ родѣ «мести закона», или задумывается надъ тѣмъ, что̀ означаетъ судебная формула, въ силу которой частное лицо обязуется преслѣдовать обидчика, какъ будто пострадавшій все еще, какъ въ давно минувшіе вѣка, имѣетъ въ виду месть или полученіе вознагражденія. Въ настоящее время въ дѣйствительности само государство стремится наказать преступника въ виду общественнаго правосудія. Кровавый мститель, нѣкогда бывшій стражемъ общественной безопасности, въ настоящее время былъ бы наказанъ самъ, какъ преступникъ, если бы онъ прибѣгъ къ самоуправству, а моралисты имѣя предъ собою измѣнившіяся общественныя условія, устанавливаютъ правило, что месть грѣшна.

Однако законъ, хотя онъ и занялъ столь благотворно мѣсто частной мести, не вполнѣ еще подчинилъ себѣ болѣе крупныя ссоры, именно ссоры между государствами. Связь частной мести съ общественной войною ясно видна среди грубыхъ племенъ, напримѣръ, у обитателей бразильскихъ лѣсовъ. Когда убійство совершается внутри племени, тогда, конечно, месть представляетъ

дѣло двухъ прикосновенныхъ къ убійству семей, но если убійца принадлежитъ къ другому клану или племени, тогда его дѣло становится преступленіемъ противъ цѣлаго общества. Потерпѣвшая обиду община собирается на совѣтъ и большею частью — если только отваживается — рѣшаетъ въ пользу войны; затѣмъ высылается военный отрядъ, гдѣ впереди всѣхъ въ бой бросаются ближайшіе родственники убитаго, тѣла которыхъ окрашены въ черный цвѣтъ, чтобы выказать, что они исполняютъ смертоносный долгъ. Обычный путь, которымъ начинается война между сосѣдними племенами, представляетъ ссора или нарушеніе границъ, затѣмъ съ той или другой стороны оказывается кто-нибудь убитымъ, месть за его смерть разростается въ кровавую распрю, и племенная война всегда готова вспыхивать изъ поколѣнія въ поколѣніе. Это варварское состояніе вещей продолжало долго существовать и въ исторіи Европы. По древнему германскому праву, всякій свободный человѣкъ, пострадавшій въ тѣлѣ, въ чести или въ имуществѣ, могъ, съ помощью своей родни, отмщать за себя, если только онъ не соглашался на законную сдѣлку; другими словами, онъ имѣлъ право частной войны. Поворотнымъ пунктомъ въ англійской исторіи было, когда король Эдмундъ издалъ законъ для ограниченія этихъ «неправедныхъ войнъ»; но они прекратились не сразу, особенно въ Нортумберлэндѣ, и мы знаемъ, какъ они продолжались даже въ новѣйшія времена между кланами въ дикой шотландской нагорной странѣ. Еще долго послѣ того, какъ простой свободный человѣкъ пересталъ воевать со своими сосѣдями, нѣкоторые дворяне отстаивали свое старинное право. Даже еще при Эдуардѣ VI, лордъ Бэркли (Berkeley) и его приверженцы дали сраженіе лорду Лайлю (Lisle) въ Нибли-Гринѣ, въ Глостерширѣ. Лордъ Лайль былъ убитъ, и въ концѣ концовъ лордъ Бэркли покончилъ дѣло денежною сдѣлкою съ его вдовою. Фриманъ, упоминая въ своей «Сравнительной политикѣ» объ этомъ любопытномъ событіи изъ исторіи пятнадцатаго вѣка, считаетъ его послѣднимъ англійскимъ примѣромъ какъ частной войны, такъ и платы *wergild'a*. Англійскій законъ, запретившій частныя войны, представляется однимъ изъ величайшихъ шаговъ въ національномъ прогрессѣ. Въ настоящее время государство замѣняетъ варварскія средства частной мести и частной

войны судебнымъ разбирательствомъ на законныхъ судахъ. Но государства продолжаютъ рѣшать свои ссоры войною, которая тогда становится тѣмъ же — только въ бóльшихъ размѣрахъ — чѣмъ бывала кровавая распря между кланами.

Подобно уголовнымъ законамъ, гражданскіе законы о собственности можно возвести къ первобытнымъ понятіямъ. Вѣрное представленіе о раннихъ отношеніяхъ собственности можно получить путемъ изученія подобныхъ установленій, существующихъ еще въ нецивилизованномъ мірѣ и въ настоящее время. Среди низшихъ расъ, дѣлаемое нашими юристами различіе между недвижимою и движимою собственностью проявляется весьма ясно. Землею пользуются всѣ, но никто не можетъ быть ея исключительнымъ собственникомъ. Наипростѣйшій земельный законъ, представляющійся вмѣстѣ съ тѣмъ постановленіемъ о правѣ охоты, встрѣчается у племенъ, живущихъ главнымъ образомъ охотою и рыбною ловлею. Такъ, въ Бразиліи каждое племя имѣетъ свои границы, отмѣчаемыя скалами, деревьями, проточною водою или даже искусственными межевыми знаками, и нарушеніе границы при погонѣ за дичью считается столь серьезнымъ дѣломъ, что преступникъ можетъ быть убитъ на мѣстѣ. При подобномъ состояніи общества, въ какой бы то ни было части свѣта, каждый человѣкъ имѣетъ право охотиться внутри предѣловъ своего собственнаго племени, и дичь становится частною собственностью только тогда, когда убита. Такимъ образомъ, здѣсь существуетъ явственное юридическое понятіе объ общей земельной собственности, принадлежащей клану или племени. Существуетъ также ясное понятіе о семейной собственности: хижина принадлежитъ семьѣ или группѣ семей, ее построившей; и когда эта группа отгородила и обработала кусокъ земли близь хижины, онъ также перестаетъ быть общественною собственностью и становится собственностью семейною, по крайней мѣрѣ, пока семья занимаетъ его. Каждой семьѣ принадлежитъ также утварь въ хижинѣ, въ родѣ коекъ, мельничныхъ камней и глиняныхъ горшковъ. Въ тоже самое время появляется и личная собственность, хотя все еще подъ властью семьи, проявляемою въ лицѣ отца или главы ея. Личная собственность состоитъ главнымъ образомъ изъ того, что каждый носитъ на себѣ или при себѣ — изъ оружія, украшеній, скудной одежды обоихъ

половъ,—изъ вещей, съ которыми члены семьи имѣютъ нѣкоторое право сдѣлать что угодно въ теченіи жизни, и которыя послѣ смерти они большею частью уносятъ съ собою въ загробный міръ (см. стр. 345). Здѣсь, стало быть, мы видимъ, что варвары уже знакомы съ понятіями объ общей поземельной собственности, о свободной поземельной собственности семьи (freehold), о семейной и личной движимой собственности, — съ понятіями, которыя проходятъ по всѣмъ системамъ древняго права. Эти понятія встрѣчаются, впрочемъ, въ разныхъ формахъ. Такъ, въ сельскихъ общинахъ, которыя играли такую значительную роль при заселеніи Азіи и Европы, и слѣды которыхъ встрѣчаются еще и въ Англіи новаго времени, не только мѣста охоты и луга составляли общую собственность, но семьи не были даже собственниками запаханныхъ полей, которыя обработывались сообща или по временамъ передѣлялись на участки между отдѣльными хозяйствами, такъ что выдѣленная семейная собственность распространялась лишь на домъ и на огородъ. Въ различныя эпохи исторіи; возникновеніе военныхъ націй произвело переворотъ въ болѣе раннихъ способахъ землевладѣнія. Въ завоеванныхъ странахъ, земли побѣжденныхъ раздавались королемъ или предводителемъ начальникамъ его отрядовъ или рядовымъ воинамъ, съ обязанностью за это отправлять военную службу; крупнѣйшій и наилучше извѣстный примѣръ этого рода представляетъ феодальная система средневѣковой Европы. Поучительно замѣтить, что въ Англіи, еще до норманскаго завоеванія, народная земля, общая государственная собственность, уже начала переходить въ руки короля такъ, что послѣдній могъ раздавать ее по своему усмотрѣнію. Или, въ военномъ государствѣ государь могъ сдѣлаться собственникомъ всей земли, дозволяя своимъ подданнымъ владѣть участками ея за уплату ежегодной дани или налога—система, хорошо извѣстная древнему Египту и современной Индіи. Въ римской исторіи мы находимъ, что государство или семьи владѣютъ большими землями, раздавая участки ихъ, въ видѣ фермъ, арендаторамъ, уплачивающимъ за это частью произведеній. Здѣсь мы видимъ возникновеніе ренты—отношенія, которыя были неизвѣстны первобытному праву. Въ то время какъ происходили эти перемѣны во владѣніи землею, движимая собственность пріобрѣтала все болѣе и болѣе важное зна-

ченіе. Военноплѣнные, обращенные въ рабовъ для воздѣлыванія почвы, сдѣлались частью имущества семьи, а пастушеская жизнь ввела скотъ не только для употребленія въ пищу, но и для паханія полей. Производство цѣнныхъ предметовъ, разростаніе торговли, накопленіе богатствъ и введеніе въ употребленіе денегъ прибавили къ этому другіе виды имущества. Если мы взглянемъ на наши новые способы обращенія съ собственностью, то увидимъ, какія громадныя перемѣны мы произвели въ ней, вслѣдствіе изъятія ея изъ рукъ семей и дозволенія личному собственнику удерживать ее и распоряжаться ею — порядокъ столь подходящій къ нашему вѣку дѣятельной промышленной предпріимчивости. Даже земля покупается и продается отдѣльными лицами, хотя законъ, обставляя передачу поля и дома другою процедурою, бо́льшими формальностями и бо́льшею стоимостью нежели передачу брилліантоваго ожерелья или сотни цыбиковъ чая, сохраняетъ слѣды древней системы, при которой переходъ земли изъ рукъ однаго владѣльца въ руки другаго—если только этотъ переходъ былъ возможенъ—вообще происходилъ съ затрудненіями и съ согласія многихъ лицъ. Весьма поучительно замѣтить, какъ не смотря на всѣ измѣненія старинная семейная система семейной собственности все еще продолжаетъ держатся. Это можно хорошо видѣть потому, что́ дѣлается съ собственностью человѣка, когда онъ умираетъ. Наипростѣйшими являются два самые обычные способа ранняго времени, именно: или семейство продолжаетъ жить съ нераздѣленною собственностью, или имущество раздѣляется между дѣтьми или между сыновьями. Когда старшій сынъ представляетъ патріархальнаго главу семьи, онъ, для поддержанія этого достоинства, можетъ получать экстренную или двойную долю во имя своего «первородства»; это представляетъ хорошо извѣстный древній обычай, общій арійскимъ и семитическимъ народамъ, такъ какъ онъ встрѣчается какъ въ индусскихъ законахъ Ману, такъ и во Второзаконіи. Во Франціи до нашихъ дней этотъ древній принципъ дѣленія имущества поддерживается закономъ, и члены семьи получаютъ по праву свои доли. Въ Англіи сила духовныхъ завѣщаній сдѣлалась столь громадною, что теоретически человѣкъ можетъ отказать все свое имущество кому ему угодно; но на практикѣ это удерживается въ извѣст-

ныхъ границахъ нравственнымъ чувствомъ и общественнымъ мнѣніемъ, которые осудили бы какъ неестественный для человѣка поступокъ подобное лишеніе средствъ дѣтей для обогащенія посторонняго человѣка или какого нибудь госпиталя. Если англичанинъ умираетъ, не оставивъ завѣщанія, законъ признаетъ право его семьи, раздѣляя между членами ея его движимую собственность по справедливости. Иначе бываетъ съ земельною или недвижимою собственностью, которая въ большинствѣ случаевъ переходитъ къ старшему сыну. Почему законъ такимъ образомъ признаетъ за всѣми остальными членами семьи право на деньги, но не на земли, — представляетъ весьма интересный историческій вопросъ. Читатель «Древняго Права» Мэна, узнаетъ, какъ около тысячи лѣтъ тому назадъ въ Европѣ, земли, составлявшія лены, стали переходить къ старшему сыну вовсе не для того, чтобы обогащать его, но для того, чтобы всѣ родственники могли жить вмѣстѣ на его землѣ и защищать ее подъ предводительствомъ его, какъ вождя маленькаго клана. Если въ новѣйшія времена глава семьи сталъ собственникомъ семейнаго помѣстья исключительно на пользу себѣ одному, то это случилось только потому, что старые законы, дѣйствуя при новыхъ обстоятельствахъ, способны приводить къ результатамъ, которыхъ никогда не предвидѣли ихъ первоначальные составители. Первородство господствовало не во всей Англіи; въ иныхъ частяхъ ея продолжали существовать отъ временъ предшествовавшихъ феодализму болѣе древніе обычаи семейнаго наслѣдованія. Наилучше извѣстенъ изъ нихъ обычай, по которому по смерти отца земля раздѣлялась между его сыновьями поровну, какъ это имѣло мѣсто во времена Эдуарда Исповѣдника согласно свидѣтельству кадастровой книги (Domesday Book). Это правило извѣстно теперь подъ именемъ gavelkind или кентскаго обычая, но оно встрѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ; напримѣръ, Кэнтишъ-Тоунъ (Kentish-Town) на сѣверѣ Лондона получилъ свое наименованіе, какъ полагаютъ, отъ земель, находившихся тамъ въ подобномъ владѣніи. Въ Англіи существуетъ даже обычай наслѣдованія, повидимому, принадлежащій еще болѣе раннему состоянію общества. Это обычай *borough-english*, по которому— напримѣръ, въ Гакни или Эдмонтонѣ, если человѣкъ умираетъ безъ завѣщанія, то земля переходитъ къ его младшему сыну. Это

право младшаго, какъ ни странно оно намъ, до сихъ поръ еще встрѣчается кое гдѣ въ Европѣ и Азіи. Этотъ обычай наслѣдованія представляется разумнымъ для поселенцевъ въ новой странѣ, гдѣ есть еще достаточно земли, которую стоитъ только занять, и гдѣ сыновья, выростая и женясь, выселяются и основываютъ свои собственныя усадьбы. Но самый младшій остается дома и несетъ заботы о старыхъ отцѣ и матери. Онъ есть «хранитель очага», какъ говорятъ монголы, и по смерти стариковъ является естественнымъ наслѣдникомъ семейнаго дома. Это одинъ изъ сотенъ примѣровъ обычаевъ, которые могутъ казаться произвольными и неразумными, потому что они утратили свой смыслъ, продолжая существовать послѣ того строя жизни, которому они собственно принадлежали.

Въ прежнее время, когда еще не было юристовъ и кодексовъ, торжественные акты и права дѣлались ясными для всѣхъ при посредствѣ живописныхъ обрядовъ, способныхъ запечатлѣться въ умахъ неграмотныхъ людей. Многія изъ старинныхъ церемоній сохранились и теперь, и обнаруживаютъ свое значеніе столь же ясно какъ и прежде. Напримѣръ, когда двѣ стороны желаютъ закрѣпить миръ или дружбу между собою, они совершаютъ обрядъ смѣшиванія крови,—такъ чтобы сдѣлаться кровными родственниками. Въ настоящее время путешественники часто вступаютъ въ такое кровное родство съ различными варварскими племенами. Разсказъ о восточныхъ африканцахъ, совершающихъ этотъ обрядъ, описываетъ, какъ двое садятся вмѣстѣ на шкурѣ, чтобы имъ принадлежала «одна кожа», и затѣмъ одинъ у другаго дѣлаютъ маленькіе надрѣзы на груди, лижутъ смѣшанную кровь и втираютъ ее въ раны одинъ другому. Такимъ образомъ, мы находимъ, что все еще продолжаетъ сохраняться та форма договора, которая, по описанію Геродота, была въ употребленіи у древнихъ ликійцевъ и скиѳовъ, и которая упоминается также въ сагахъ древнихъ норманновъ и въ древнихъ ирландскихъ сказаніяхъ. Было бы невозможно высказать болѣе ясно важнѣйшій принципъ нравственнаго ученія древняго міра, согласно которому человѣкъ долженъ быть другомъ, не людямъ воообще, а только своей родни, вслѣдствіе чего посторонній человѣкъ, чтобы получить право на ласку и искреннее отношеніе, долженъ сдѣлаться родственникомъ по крови.

Въ силу подобнаго же строя мыслей даже грубыя племена признавали ѣду и питье вмѣстѣ за актъ заключенія дружественнаго союза, такъ какъ гость становился въ нѣкоторомъ родѣ однимъ изъ домашнихъ и, въ нравственномъ отношеніи, съ нимъ должно поступать какъ съ членомъ семьи. Это можетъ помочь объясненію той важности, которую люди повсюду придаютъ факту совмѣстнаго обѣданія. Среди милліоновъ населенія Индіи въ настоящее время самое устройство общества вращается на кастовыхъ правилахъ, съ кѣмъ человѣкъ можетъ и съ кѣмъ не можетъ обѣдать. Изъ брачныхъ обрядовъ одинъ изъ хорошо извѣстныхъ на далекомъ Востокѣ состоитъ въ томъ, что чета становится мужемъ и женою, поѣвъ вмѣстѣ изъ одной тарелки. Какимъ образомъ обрядъ получилъ смыслъ путемъ еще болѣе разительной метафоры, видно изъ индусской свадьбы, гдѣ полы одежды жениха и невѣсты связываются вмѣстѣ въ знакъ союза, и невѣста наступаетъ ногою на камень, чтобы показать, что она будетъ также постоянна какъ камень. У англійскихъ бродягъ прошлаго столѣтія существовалъ, какъ описываютъ, обычай, состоящій въ томъ, что мужчина и женщина соединяли руки надъ тѣломъ мертваго жоивтнаго, обѣщая, такимъ образомъ, что они будутъ соединены, пока смерть не разлучитъ ихъ. Къ числу драматическихъ обрядовъ, извѣстныхъ европейскому праву, относятся сцены въ римскомъ судѣ, гдѣ владѣлецъ предъявлялъ свои притязанья на раба, выступая впередъ и прикасаясь къ нему палкою, изображающею копье; или въ древне-германскомъ обычаѣ перехода участка земли передачею старымъ собственникомъ новому изъ рукъ въ руки куска дерна съ лужайки, съ воткнутою въ него зеленою вѣтвью; или въ юридическомъ дѣйствіи феодальныхъ временъ, когда вассалъ помѣщалъ свои руки между руками сюзерена, и такимъ образомъ «отдавалъ себя въ его руки», становился его подручникомъ.

Въ древнемъ правѣ существовали иные обряды, которые были реальнѣе подобнаго языка жестовъ. Варварскіе законы уже въ раннія времена начали призывать на помощь магическія и божественныя силы, рѣшая трудныя задачи—открыть виновныхъ, вынудить правду отъ свидѣтелей и сдѣлать обѣщаніе обязательнымъ. Это повело къ широко распространенной системѣ ордалій (судебныхъ

испытаній) и клятвѣ. Иныя ордаліи дѣйствительно служили для открытія истины вслѣдствіе ихъ вліянія на совѣсть виновныхъ. Это относится, напримѣръ, къ горсти риса, которую должны взять въ ротъ всѣ члены заподозрѣннаго дома въ Индіи, и проглотить которую вору часто препятствуетъ его нервная боязнь. Тоже дѣлалось въ Англіи съ *corsnaed* или испытательнымъ ломтемъ освященнаго хлѣба или сыра; даже теперь крестьяне не забыли еще старой формулы, «чтобы мнѣ подавиться этимъ кускомъ, если я лгу!». Другую изъ немногихъ ордалій, еще остающихся въ народной памяти, можно видѣть въ тѣхъ случаяхъ, когда въ какомъ нибудь отдаленномъ фермерскомъ домѣ всѣхъ заподозрѣнныхъ въ воровствѣ заставляютъ держать библію, которая привязана къ ключу и должна повернуться въ рукахъ вора; въ такой формѣ поддерживается гаданіе, практиковавшееся въ классическомъ мірѣ съ рѣшетомъ, привѣшеннымъ къ остріямъ раскрытыхъ ножницъ. Ордаліи отжили свой вѣкъ и въ настоящее время изгнаны изъ законовъ большинства цивилизованныхъ народовъ. Въ наши дни для того, чтобы видѣть признанное закономъ испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ, приходится отправляться въ такія страны какъ Аравія; въ Англіи оно практиковалось въ тѣ дни, когда разсказывалась легенда о королевѣ Эммѣ, ходившей по накаленнымъ до красна сошникамъ отъ плуга; теперь это древнее представленіе продѣлывается фокусниками въ циркахъ. Однако даже въ недавніе годы извѣстны случаи, когда англійскіе поселяне погружали въ воду какую нибудь старую женщину, заподозрѣнную въ колдовствѣ, не сознавая, что они повторяютъ старинное испытаніе водою, въ которомъ священная стихія отвергаетъ нечестиваго и принимаетъ праведнаго, такъ что виновный плаваетъ, а невинный тонетъ; этотъ судебный обрядъ составляетъ часть индусской книги законовъ Ману; въ англійскомъ правѣ до начала XIII-го столѣтія онъ представлялъ легальное средство испытанія лицъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ или грабежѣ. Ордаліи, при которыхъ подвергнутый имъ призываетъ на себя какое либо бѣдствіе, если онъ виноватъ, очень близко по своей сущности съ клятвами. Однако при клятвѣ обыкновенно призывается свыше будущая кара, въ этой жизни или загробной; такъ, въ русскихъ судахъ въ Сибири можно видѣть любопытное зрѣлище принесенія присяги остяками, когда въ залу

суда вносится медвѣжья голова, чтобы остякъ могъ укусить ее, заклиная этимъ медвѣдя укусить его, въ случаѣ если свидѣтель сдѣлаетъ ложное показаніе. Судебныя присяги въ нашей странѣ носятъ въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ слѣды глубокой древности. Въ Шотландіи свидѣтель поднимаетъ свою руку къ небу — жестъ, которымъ грекъ и еврей брали во свидѣтели верховное божество и призывали божественное мщеніе на голову клятвопреступника. Въ Англіи цѣлованіе книги (священнаго писанія) происходитъ изъ обычая прикасаться къ священному предмету, подобно тому какъ древній римлянинъ прикасался къ алтарю, или Герольдъ къ ящику съ мощами. Форма «Да поможетъ мнѣ Богъ» (So help me Got) унаслѣдована отъ древняго тевтоно-скандинавскаго права, по которому древній норманъ, прикасаясь къ окровавленному кольцу на алтарѣ клялся «Да поможетъ мнѣ Фрей и Ніордтъ, и всемогущій богъ (то есть, Торъ)». Первый и послѣдній были древними англійскими богами, имена которыхъ мы (англичане) сохраняемъ въ словахъ *Friday* (пятница) и *Thursbay* (четвергъ).

Перейдемъ теперь къ послѣднему предмету этой книги - къ исторіи управленія. Какъ ни сложно политическое устройство цивилизованныхъ народовъ, изученіе его становится легче, когда мы найдемъ простыя формы его уже въ дикой и варварской жизни. Какъ мы уже видѣли, основою общества служитъ самоуправленіе семьи. Представителемъ ея власти бываетъ обыкновенно глава дома; такъ, среди низшихъ варварскихъ племенъ въ бразильскихъ лѣсахъ, отецъ можетъ дѣлать что ему угодно со своими женами и дѣтьми, даже продавать ихъ въ рабство, и сосѣди не имѣютъ ни права, ни желанія вмѣшиваться въ его распоряженія. Даже то, что цивилизованные народы въ настоящее время принимаютъ какъ нѣчто само собою разумѣющееся — что каждое человѣческое существо появляющееся на свѣтъ имѣетъ право на жизнь, — даже это врядъ ли признается среди низшихъ расъ. При такой полной трудностей и лишеній жизни, какую ведутъ австралійцы и многія другія дикія племена, новорожденныхъ дѣтей часто устраняютъ въ силу крайней нужды, потому что родители имѣютъ уже около себя столько ртовъ, сколько они въ состояніи прокормить. Что у подобныхъ племенъ дѣтоубійство происходитъ скорѣе отъ трудности жизни, нежели отъ жестокосердія,

часто можно видѣть изъ того, что родители идутъ въ огонь и воду, чтобы спасти то самое дитя, насчетъ котораго, нѣсколько недѣль тому назадъ, онѣ сомнѣвались, слѣдуетъ ли ему жить или умереть. Даже тамъ, гдѣ борьба за существованіе перестаетъ быть такою суровою, печальный обычай дѣтоубійства остается еще довольно обыкновеннымъ. Ничто не показываетъ яснѣе, что европейскіе народы прошли черезъ варварское состояніе, какъ законъ, который встрѣчается и у древнихъ римлянъ и у нашихъ предковъ германцевъ, и по которому отъ отца семьи зависѣло рѣшеніе, слѣдуетъ ли новорожденнаго ребенка воспитать или покинуть. Разъ ребенокъ сдѣлался членомъ семьи, его жизнь нѣсколько болѣе обезпечена; и когда молодой варваръ подростаетъ, становится воиномъ, и затѣмъ самъ главою новаго дома, онъ обыкновенно—свободный человѣкъ. Но древнѣйшій римскій законъ дозволяетъ главѣ семьи повелѣвать со строгостью почти недоступною нашимъ новымъ понятіямъ, такъ какъ отецъ могъ тѣлесно наказывать или предавать смерти своихъ взрослыхъ сыновей, насильно женить ихъ и насильно разводить съ женами, и даже продавать ихъ. Съ прогрессомъ цивилизаціи въ Римѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, сыновья постепенно пріобрѣли личныя и имущественныя права; и при сравненіи жизни древняго міра съ нашею собственною, становится очевидно, что христіанство, заботясь не о семейныхъ правахъ, но объ индивидуальныхъ душахъ, стремилось къ свободѣ личности. При всемъ развитіи личной свободы въ современной жизни, лучшія черты семейнаго деспотизма остаются въ силѣ; дѣти продолжаютъ воспитываться для своихъ будущихъ обязанностей, состоя подъ родительской властью, и законъ соблюдаетъ крайнюю осторожность въ дарованіи дѣтямъ личныхъ правъ относительно родителей, чтобы не ослабить самый цементъ, связующій общество въ одно цѣлое. Такъ какъ однако семья перестала быть такимъ самостоятельнымъ государствомъ внутри себя, какимъ она была прежде, то личность стала отвѣтственною за свои поступки. Мы видѣли, какъ въ грубомъ обществѣ, при совершеніи какого нибудь преступленія, семья потерпѣвшаго обращаетъ свое мщеніе на семью преступника. Новыя понятія о правѣ могутъ научить насъ, что это несправедливо,—что при этомъ невинный наказывается вмѣсто виновнаго. Но въ низшей варвар-

ской жизни на дѣлѣ это представляетъ наилучшій способъ поддержанія порядка, и для тѣхъ, кто живетъ подъ этимъ обычаемъ, онъ представляется справедливымъ и естественнымъ, какъ это, напримѣръ, имѣетъ мѣсто у австралійцевъ; здѣсь, когда членъ извѣстной семьи совершилъ убійство, остальные члены признаютъ само собою разумѣющимся, что они также виновны. Это понятіе вовсе не ограничивается одними дикими племенами и изслѣдователь знакомится съ нимъ и въ законахъ древнихъ народовъ, каковы греки и римляне. Здѣсь будетъ достаточно привести только замѣчательное мѣсто изъ еврейскаго закона, которое одновременно свидѣтельствуетъ, въ чемъ состоялъ древній принципъ, и преобразуетъ его, внося въ законъ понятія высшаго права. «Отцы не должны быть предаваемы смерти за дѣтей, и дѣти не должны быть предаваемы смерти за отцовъ; каждый человѣкъ долженъ быть предаваемъ смерти за свое собственное преступленіе» (Второзак. XXIV. 16).

Гдѣ бы путешественникъ по дикимъ странамъ ни встрѣтилъ нѣсколько семействъ, бродящихъ вмѣстѣ по пустынѣ, или гдѣ бы ни натолкнулся онъ на кучку хижинъ у ручья въ тропическомъ лѣсу, всюду онъ найдетъ,—если вглядится достаточно внимательно—нѣкоторыя зачатки управленія; такъ какъ всюду есть какое нибудь дѣло, касающееся всей маленькой общины въ родѣ выбора мѣста для стоянки, или въ родѣ улаживанія ссоры, возникшей изъ за рыбной ловли съ сосѣднимъ племенемъ дальше по теченію рѣки. Даже у гренландцевъ—у этого, можетъ быть, наименѣе управляемаго народа во всемъ мірѣ—было замѣчено, что если нѣсколько семействъ живутъ всю зиму вмѣстѣ, одному какому нибудь умѣющему угадывать погоду старому рыбаку даютъ мѣсто на сѣверномъ концѣ снѣговаго дома и поручаютъ смотрѣть за остальными обитателями и заботиться, чтобы они чинили снѣговыя стѣны и уходили изъ дома и приходили вмѣстѣ, чтобы не тратить тепла; равнымъ образомъ, когда они выходятъ отрядами на охоту, въ предводители отряда избирается какой нибудь опытный путеводитель. Подобные вожаки или вожди, въ которые выбираются самые важные или смѣтливые люди, встрѣчаются обыкновенно у дикихъ племенъ; но подобное лицо имѣетъ мало или вовсе не имѣетъ власти надъ семьями и достигаетъ сво-

ихъ цѣлей путемъ убѣжденія и при помощи общественнаго мнѣнія. Естественно, семья подобнаго вожака также имѣетъ значеніе, или если еще не имѣетъ, то онъ старается придать ей таковое, и такимъ образомъ въ его должности обнаруживается стремленіе сдѣлаться наслѣдственною. У племенъ, организованныхъ на началахъ родства по женской линіи, гдѣ собственный сынъ вождя можетъ оказаться лишеннымъ права наслѣдованія, новымъ вождемъ обыкновенно избирается младшій братъ прежняго или племянникъ съ материнской стороны. При существованіи гораздо болѣе близкаго намъ обычая наслѣдованія по отцовской линіи, самый ростъ семьи приводитъ къ установленію патріархальнаго правленія. Предположимъ, что одна какая нибудь семья переходитъ на новое мѣсто и основываетъ новое поселеніе; оно возникаетъ подъ управленіемъ отца, который по мѣрѣ того, какъ выстраиваются новыя и новыя хижины вокругъ перваго дома, остается главою разрастающагося клана; но когда онъ старѣетъ, его старшій сынъ начинаетъ все болѣе и болѣе дѣйствовать отъ его имени, и по смерти его, признается наслѣдующимъ главенство общины. Здѣсь такимъ образомъ видѣнъ процессъ возвышенія наслѣдственнаго вождя или патріарха племени, перваго по сану какъ представителя предка, и облеченнаго большею или меньшею дѣйствительною властью. Но здѣсь существуетъ и фактическая возможность, смѣстить его преемника, если послѣдній оказывается слишкомъ робкимъ, или своевольнымъ, или тупымъ, причемъ сажаютъ на его мѣсто его дядю или брата, хотя линія наслѣдованія этимъ не измѣняется. Патріархальная система широко распространена во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Она не ограничивается какою нибудь особенною расою или народомъ, но можетъ быть и въ настоящее время изучаема какъ среди темнокожихъ горцевъ Индіи, такъ и среди негровъ западной Африки. Особенно хорошо извѣстна она намъ изъ Ветхаго Завѣта, показывающаго ее въ той формѣ, какую она принимаетъ у пастушескаго народа, и какую еще можно наблюдать съ небольшими измѣненіями у арабовъ пустыни, кланы и племена которыхъ управляются ихъ патріархами, шейхами или старшинами. Не въ меньшей степени лежитъ она въ основаніи политическихъ учрежденій арійской расы, гдѣ остатки ея могутъ быть еще прослѣжены въ

сельскихъ общинахъ Индіи и Россіи; тамъ, деревенскій старшина предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ «сѣдыхъ головъ», какъ современный представитель древняго патріарка со старѣйшинами младшихъ вѣтвей клана около него. При подобномъ кроткомъ правленіи, люди съ неразвитыми потребностями могутъ благополучно жить во время міра, пребывая въ добродушномъ коммунизмѣ, который возможенъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни богатыхъ ни бѣдныхъ. Слабая сторона подобнаго общества состоитъ въ томъ, что оно врядъ ли можетъ прогрессировать, такъ какъ тамъ, гдѣ общество управляется обычаемъ предковъ, руководимымъ прадѣдами — развитіе цивилизаціи останавливается. Повсюду въ мірѣ война дѣлаетъ необходимымъ нѣкоторое болѣе сильное и болѣе разумное правленіе. Измѣненія, превратившія потомковъ дикихъ ордъ въ цивилизованныя націи въ значительной мѣрѣ были результатомъ дѣятельности военныхъ вождей.

Когда среди подобныхъ некультурныхъ племенъ вспыхиваетъ война, мирный правитель отодвигается къ сторону и на его мѣсто выбирается предводитель; или, у воинственныхъ племенъ, военный вождь можетъ быть дѣйствующимъ главою во всякое время. Конечно, онъ есть испытанный воинъ, и его выносливость можетъ быть даже подвергаема спеціальному испытанію, какъ, напримѣръ, это дѣлается у карибовъ, гдѣ кандидатъ въ военные вожди испытывается тѣмъ, что его безпощадно стегаютъ плетьми и царапаютъ, коптятъ въ койкѣ надъ огнемъ изъ зеленыхъ листьевъ и зарываютъ по поясъ въ муравейникъ. Въ Америкѣ мы даже встрѣчаемъ принципъ соисканія на званіе царя; такъ, чилійскія племена выбираютъ себѣ въ правители человѣка, который можетъ поднять на плечо самое большое дерево и нести его дальше всѣхъ остальныхъ соискателей. Въ этихъ грубыхъ странахъ происходитъ удивительная перемѣна, когда война превращаетъ толпу лишенную связи въ войско подъ предводительствомъ одного вождя, облеченнаго властью жизни и смерти для установленія дисциплины. Когда натуралистъ Марціусъ путешествовалъ по одному бразильскому лѣсу съ однимъ мираханскимъ вождемъ, они подошли къ одному фиговому дереву, къ стволу котораго посредствомъ веревокъ, свитыхъ изъ ползучихъ растеній, былъ привязанъ скелетъ человѣка; вождь угрюмо объяснилъ, что это былъ

одинъ изъ его солдатъ, ослушавшійся его приказанія пригласить сосѣднее племя на помощь противу вторгнувшихся умауа; за это онъ былъ привязанъ здѣсь и разстрѣлянъ стрѣлами. Въ варварскихъ странахъ иногда можно встрѣтить рядомъ племеннаго вождя и военнаго вождя; но когда сила лука и копья однажды заявила себя, она оказывается склонною развиваться далѣе. Чрезъ всю исторію война даетъ первенство смѣлымъ и способнымъ предводителямъ, которое номинально можетъ прекращаться съ войною, но которое стремится переходить въ пожизненную диктатуру. Военное правленіе въ гражданскихъ дѣлахъ фактически представляетъ деспотизмъ, и если военный предводитель можетъ такимъ образомъ сдѣлаться тираномъ собственной страны, то въ странѣ завоеванной его власть еще скорѣе можетъ быть жестокою. Негритянское королевство Дагоме, результатъ двухъвѣковаго варварскаго военнаго управленія, представляетъ изумительный примѣръ того, насколько народъ можетъ подчиниться деспоту, котораго онъ считаетъ чѣмъ-то въ родѣ божества; подданные приближаются къ владыкѣ, пресмыкаясь на четвереньках и посыпая себѣ головы пылью; вся нація—его рабы, жизнь у которыхъ онъ отнимаетъ, когда пожелаетъ; ему принадлежатъ всѣ женщины, и онъ можетъ дарить ихъ или продавать; ему принадлежитъ вся страна, и никто не владѣетъ ничѣмъ иначе какъ по его высочайшему соизволенію. Цари азіатскихъ народовъ теоретически были столь же неограничены, какъ и дагомейскіе, но на практикѣ, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, царь даетъ или санкціонируетъ законы, которые связываютъ его и его преемниковъ, дѣлая общество болѣе прочнымъ, и жизнь — болѣе сносною. Равнымъ образомъ, какъ скоро религія становится въ государствѣ силою, она соединяется или смѣшивается съ гражданскимъ и военнымъ управленіемъ. Такъ, у негровъ первосвященникъ и военноначальникъ могутъ быть двумя главами правительства, между тѣмъ какъ перуанскіе инки, въ качествѣ потомковъ и представителей божественнаго солнца, управляли своимъ народомъ съ отеческимъ деспотизмомъ, устанавливая для своихъ подданныхъ, что̀ они должны дѣлать, и ѣсть, и носить, и съ кѣмъ вступать въ бракъ. Въ подобномъ государствѣ царское достоинство должно быть наслѣдственнымъ въ божественномъ семействѣ правителей. По своей

сущности монархическая власть, какимъ бы образомъ она ни была пріобрѣтена, стремится сдѣлаться наслѣдственною, и преимущественно военные похитители престоловъ основываютъ династіи по образцу патріархальныхъ вождей. Такимъ образомъ, верховная власть можетъ быть выборною, наслѣдственною, военною, духовною, и какъ ни трудно прослѣдить развитіе государствъ, въ нихъ всегда можно указать дѣйствіе той или другой комбинаціи этихъ элементовъ.

У путешественниковъ, которымъ удавалось видѣть, какъ какое-нибудь варварское племя приготовляется къ вторженію въ непріятельскую область, или къ защитѣ своихъ собственныхъ границъ, можно найти описаніе вліянія войны на сплачиваніе слабо связанной общественной группы. Провіантъ и имущество сносятся въ общій запасъ; воины подчиняютъ свою непостоянную волю предводителю, и частныя ссоры поглощаются болѣе широкимъ патріотическимъ чувствомъ. Отдаленные кланы родичей сходятся для борьбы противу общаго врага, и сосѣднія племена, между которыми не существуетъ такой естественной связи, заключаютъ союзъ, при чемъ ихъ вожди подчиняются одному предводителю, избираемому ими всѣми. Здѣсь мы видимъ, въ наипростѣйшихъ формахъ, два изъ величайшихъ фактовъ въ исторіи — организованную армію, гдѣ отдѣльные отряды руководятся ихъ собственными начальниками подъ общимъ предводительствомъ одного главнокомандующаго, и союзъ племенъ подобный тому, который въ высшей цивилизаціи вызываетъ образованіе политическихъ федерацій государствъ, какъ въ Греціи и въ Швейцаріи. Изъ подобныхъ союзовъ племенъ, когда они продолжаютъ существовать и послѣ войны, возникаютъ націи, причемъ часто глава самаго сильнаго племени становится царемъ союза, какъ это было въ древней Мехикѣ. Соединяющіяся такимъ образомъ племена бываютъ обыкновенно одной расы и говорятъ на сходныхъ нарѣчіяхъ, такъ какъ это повсюду представляетъ естественную связь людей; и когда они соединились въ одну націю и начинаютъ носить общее имя, въ родѣ дорійцевъ или эллиновъ, они охотно обращаются къ древнимъ патріархальнымъ представленіямъ и начинаютъ воображать себя болѣе родственными или болѣе принадлежащими къ одной *націи* или «роду» нежели они суть въ дѣйствительности, и даже создаютъ, какъ мы видѣли (стр. 386), вымышленнаго національ-

наго предка. Событія принимаютъ иное теченіе, но приводятъ къ довольно сходному результату, когда какой-нибудь кафрскій предводитель покоряетъ другія окружающія племена; подчинивъ ихъ себѣ, принуждаетъ побѣжденныхъ вождей нести ему дань и приводить воиновъ для участія въ его войнахъ. Здѣсь, въ малыхъ размѣрахъ и съ грубою обстановкою, мы имѣемъ имперію, основанную на тѣхъ же началахъ, какъ имперія какого-нибудь Цезаря или Наполеона. Отсюда становится понятнымъ, почему въ ранней исторіи народовъ такъ безнадежно трудно опредѣлять, въ какой мѣрѣ данный народъ развился: изъ одного племени несмѣшаннаго съ другими, или сложился путемъ союза и завоеванія. Какъ должно было совершаться такое сліяніе національностей, показываетъ многочисленность и разнообразіе ихъ боговъ. Пока какое нибудь племя развивается самостоятельно, имена и культъ однихъ и тѣхъ же племенныхъ боговъ являются соединительною связью для всѣхъ клановъ, и даже когда они переселяются куда-нибудь вдаль, они иногда предпринимаютъ паломничество къ алтарямъ своей прежней родины. Но когда народы сливаются, то удерживаются и ихъ отдѣльные боги, какъ это произошло, напримѣръ, у перуанцевъ, которые дали мѣсто богамъ покоренныхъ племенъ, поставивъ на высшее мѣсто свои собственныя великія божества. Каждый округъ въ древнемъ Египтѣ свидѣтельствуетъ своею разнообразною комбинаціею боговъ, какъ много мелкихъ государствъ и мѣстныхъ религій вошло въ составъ этого великаго деспотическаго государства и этой великой іерархіи. Очевидно, что высшая цивилизація человѣческаго рода возникла путемъ этого роста національностей, совершавшагося неопредѣленно-долгое время до начала исторіи. Разсѣянныя семейства варваровъ въ странѣ, гдѣ есть еще достаточно простора, могутъ жить и безъ сильнаго правительства; но когда люди живутъ многолюдными націями и образуютъ густонаселенные города, то долженъ установиться общественный порядокъ. Невозможно сомнѣваться, что этотъ политическій порядокъ развился изъ военнаго. Война не только вручила государю власть надъ цѣлымъ союзомъ, но его армія служила ему образцомъ, по которому организовалась эта нація. Тотъ фактъ, что путемъ военной дисциплины человѣчество научилось подчиняться власти и дѣйствовать массами по повелѣнію одного чело-

вѣка, является однимъ изъ самыхъ ясныхъ уроковъ исторіи. Египетъ и Вавилонъ, съ ихъ военнымъ строемъ, распространявшимся не только на настоящее войско, но и на всѣ разряды жрецовъ и гражданъ, развили болѣе всѣхъ промышленность и богатство въ древнемъ мірѣ и были настоящими основателями литературы и науки. Они воздвигли для будущихъ вѣковъ строй общественнаго управленія, которому мы, болѣе свободные люди новаго времени, подчиняемся по собственной волѣ и ради нашего собственнаго блага. Конституціонное правленіе, будетъ ли оно называться республиканскимъ или монархическимъ, представляетъ такое устройство, при которомъ нація управляется сама собою при помощи механизма военнаго деспотизма.

По мѣрѣ того, какъ общество у племенъ и народовъ становилось болѣе сложною системою, оно начало уже рано дѣлиться на классы или разряды. Если мы будемъ искать примѣра для знаменитаго основнаго принципа Соединенныхъ Штатовъ, «что всѣ люди созданы равными», то на самомъ дѣлѣ врядъ ли найдемъ подобное равенство гдѣ либо, за исключеніемъ развѣ дикихъ охотниковъ и обитателей лѣсовъ—да и тамъ далеко не всегда. Самое крупное изъ всѣхъ подраздѣленій—на свободныхъ и рабовъ—получаетъ начало съ той минуты, когда воинъ-варваръ щадитъ жизнь своего побѣжденнаго врага и приводитъ его къ себѣ, чтобы заставить работать на себя и воздѣлывать землю. На какой низкой ступени цивилизаціи начинается подобное явленіе, видно изъ того, что каста рабовъ, которой запрещается носить оружіе, составляетъ часть многихъ изъ низшихъ американскихъ племенъ. Какимъ существеннымъ элементомъ древняго общества признавалось рабство, можно видѣть изъ того, въ какой формѣ оно входило въ еврейскій патріархальный строй, гдѣ рабъ и рабыня упоминаются въ числѣ имущества человѣка какъ разъ передъ его воломъ и осломъ. Не иначе было и по римскому закону, какъ это очевидно изъ самаго слова *familia* = «семья», которое сначала означало не дѣтей, а рабовъ (*famulus*). Мы живемъ въ тѣ дни, когда среди высшихъ націй исчезаютъ послѣдніе остатки рабства; но хотя цивилизованный міръ и переросъ это древнее учрежденіе, выгоды, доставленныя имъ древнему обществу, несомнѣнные. Именно благодаря труду рабовъ увеличивались земледѣліе и про-

мышленность, накоплялись богатства и получили досугъ жрецы, писатели, поэты, философы—для того, чтобы повысить уровень человѣческой мысли Вѣроятно, изъ рабства выросъ позднѣйшій обычай наемной работы или службы, самое названіе которой (service) происходящее отъ «раба»=(*servus*), сообщаетъ намъ исторію великой соціальной перемѣны. Господинъ сначала заставлялъ своихъ рабовъ трудиться для его пользы, а затѣмъ и свободные люди нашли выгоднымъ брать работу для своей собственной пользы, вслѣдствіе чего развился огромный классъ лицъ, живущихъ заработной платою, — классъ, численность котораго и вліяніе обозначаютъ столь рѣзкую разницу между древнимъ и новымъ обществомъ. Во всѣхъ обществахъ, кромѣ самыхъ мелкихъ и самыхъ простыхъ, свободные люди подраздѣляются на разряды. Древніе норманны дѣлили людей на три класса: «ярлы, кеорлы и трэлы» [1]), что, въ грубыхъ чертахъ подходитъ къ тому, что мы теперь называемъ дворянами, свободными людьми и рабами. Дворяне, въ свою очередь, распадаются на различные разряды; въ частности, тѣ, кто можетъ заявлять притязанія на происхожденіе отъ королевскаго рода, составляютъ разрядъ князей и смотрятъ свысока на главъ и должностныхъ лицъ въ войскѣ, въ государственномъ управленіи и въ церкви, которыя образуютъ низшіе разряды дворянства.

По мѣрѣ того, какъ націи развиваются въ отношеніи многолюдства, богатства и умственныхъ силъ, механизмъ управленія долженъ подвергаться улучшеніямъ. Старинные грубые методы перестаютъ соотвѣтствовать цѣли, и къ политическимъ учрежденіямъ приходится прилагать принципъ раздѣленія труда. Такъ одною изъ первоначальныхъ обязанностей вождя была обязанность отправлять судъ. Спеціальное дѣло кафрскаго вождя заключается въ рѣшеніи тяжбъ между его подданными; каждая сторона приводитъ ему въ даръ воловъ. На высшихъ ступеняхъ цивилизаціи восточный монархъ сидитъ у «вратъ правосудія»; также было и у древнихъ германцевъ, гдѣ король сидѣлъ въ коронѣ и произносилъ приговоры въ своемъ собственномъ судѣ. У насъ судъ остается еще королевскимъ, но дѣйствительное отправленіе право-

[1]) См. миѳъ о ихъ происхожденіи въ «пѣсни о Ригрѣ» (Rigsmeàl) древней Эдды. *Прим ред.*

судія уже давно перешло въ руки спеціальныхъ судей. Тоже совершалось и въ другихъ отрасляхъ управленія. Къ тому времени, когда цивилизація поднялась до уровня древняго Египта и Вавилона, общественныя дѣла вѣдались чиновниками, распредѣленными по степенямъ, какъ въ арміи; они собирали налоги, надзирали за общественными работами, наказывали проступки и творили судъ между людьми. Было только-что замѣчено, въ какой сильной степени въ новыхъ націяхъ сохранилась система должностей, сходная съ системою древнихъ, и какъ мы (англичане), принадлежащіе въ сущности къ числу самыхъ свободныхъ изъ всѣхъ народовъ, сохраняемъ формы неограниченной монархіи, гдѣ верховная власть отправляется черезъ слугъ короны вплоть до акцизныхъ сборщиковъ и полицейскаго служителя. Очертанія цивилизованной системы правленія уже выступаютъ на видъ въ политическихъ учрежденіяхъ дикарей и варваровъ. Мы видѣли, какъ у такихъ грубыхъ племенъ появляется вождь или царь, который въ той или другой формѣ удерживаетъ свое мѣсто и у высшихъ народовъ. Даже консулъ или президентъ республики представляетъ нѣчто въ родѣ временнаго выборнаго царя. Не меньшею древностью отличается и сенатъ. Старики, сидящіе на корточкахъ вокругъ костра совѣта какого-нибудь индѣйскаго племени на преріяхъ, имѣютъ въ своемъ родѣ бо́льшее вліяніе нежели сенаторы цивилизованныхъ націй, такъ какъ тамъ, гдѣ отсутствуютъ писанныя свидѣтельства и книги, старики представляютъ самые источники и сокровищницы мудрости. У націй всего міра мѣста въ такихъ совѣтахъ даются мудрымъ старикамъ, духовнымъ лицамъ, чиновникамъ высшихъ степеней, и главамъ важнѣйшихъ семействъ страны, такъ что оба термина *Senate* и *House of Lords* (палата лордовъ) имѣютъ свое настоящее значеніе, и въ нихъ болѣе или менѣе соединяются оба требованія—мудрости и сана. Съ самаго начала политической жизни появляется также и народное собраніе. Въ мелкихъ племенахъ сходится вмѣстѣ вся община или, по крайней мѣрѣ, всѣ свободные люди. Хотя бы это было собраніе какого-нибудь лѣсного племени въ Бразиліи, созваннаго по приглашенію вождя, чтобы рѣшить вопросъ въ родѣ экспедиціи для ловли сѣтью дикихъ птицъ или для нападенія на сосѣднее племя; тѣмъ не менѣе на немъ соблюдаются нѣкоторыя торжественныя формы. Присутствую-

щіе хранятъ молчаніе во время рѣчей ораторовъ, и если собраніе одобряетъ ихъ, то оно подъ конецъ восклицаетъ: «хорошо», или «быть по сему». Болѣе цивилизованныя формы народнаго собранія можно найти у Фримана, когда онъ сравниваетъ агору ахеянъ, описанную во второй книгѣ Иліады, съ «великимъ митингомъ», происходившимъ въ Лондонѣ при Эдуардѣ Исповѣдникѣ. Даже въ наше время великія народныя собранія еще не исчезли въ Европѣ. До сихъ поръ еще можно видѣть удивительное зрѣлище, какъ народъ какого-нибудь швейцарскаго кантона собирается на широкомъ лугу или на торговой площади, чтобы вотировать *да* или *нѣтъ* по важнымъ вопросамъ, рѣшаемымъ верховною властью народа. Съ разростаніемъ народонаселенія, собранія цѣлаго народа, вообще никогда не представляющія удобствъ для надлежащаго обсужденія, вскорѣ становятся невозможными уже по числу участниковъ въ нихъ; но существуетъ средство поддержанія власти народа въ менѣе неудобной формѣ; это, когда граждане, не будучи въ состояніи сходиться сами на собраніе, посылаютъ на него избранныхъ представителей, поручая имъ дѣйствовать вмѣсто избирателей. Это, съ перваго взгляда, довольно простой пріемъ, и въ сущности, первое дикое племя, которое когда-либо выбрало разсудительнаго оратора, поручивъ ему переговоры о мирѣ или войнѣ, уже напало на понятіе о политическомъ представительствѣ. Но на самомъ дѣлѣ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ пунктовъ въ политической исторіи является выработка принципа народнаго представительства въ Англіи со времени знаменитаго парламента Симона де-Монфора въ XIII столѣтіи. Можно предоставить историкамъ обсуждать, какъ рыцари и горожане, явившіеся дать королю средства, перешли въ нижнюю палату парламента, какова она теперь; слѣдуетъ лишь отмѣтить ту перемѣну, которая произошла, когда, въ то время какъ огромное собраніе всего народа сократилось въ аристократическую верхнюю палату, у насъ возникло новое выборное народное собраніе, house of commons или палата общинъ. Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что никакое событіе въ англійской исторіи не имѣло столь великаго вліянія на опредѣленіе дальнѣйшаго хода новѣйшей цивилизаціи. Въ общемъ, присматриваясь къ формѣ, которую получаетъ правленіе среди наиболѣе просвѣщенныхъ народовъ, мы уви-

димъ, что оно достигаетъ своихъ цѣлей не столько путемъ устраненія пріемовъ употреблявшихся нашими отдаленными варварскими предками, сколько путемъ улучшенія этихъ пріемовъ и сообщенія имъ большей правильности. Система администраціи государства во имя верховной власти, контроль сената и отнесеніе источника политической власти къ волѣ самого народа—всѣ эти три элемента дѣйствуютъ совмѣстно и сдерживаютъ другъ друга такимъ образомъ, чтобы каждый изъ нихъ въ надлежащей мѣрѣ осуществлялъ свои полезныя стороны и нейтрализовалъ излишества двухъ другихъ, между тѣмъ какъ конституція заключаетъ въ себѣ способность къ постоянному развитію, вслѣдствіе чего правительственный механизмъ можетъ постоянно приспособляться къ своему дѣлу въ рядѣ непрерывныхъ измѣненій.

Этимъ мы можемъ заключить нашъ очеркъ антропологіи. Изслѣдованіе древности человѣка на землѣ, строенія его тѣла и разновидностей его по расѣ и по языку — привели насъ къ разсмотрѣнію исторіи его мысли и его общественныхъ формъ. Въ его много сторонней жизни можно ясно прослѣдить нѣкоторое развитіе, которое, не смотря на долгіе періоды остановки, и частые возвраты назадъ, въ общемъ привело цивилизованнаго человѣка новаго времени къ гораздо высшей и болѣе счастливой жизни, нежели та, какую вели его грубые предки. Слѣдя за этимъ развитіемъ, предшествующія главы показали различіе между низшими и высшими націями, различіе, которое остается только выставить передъ читателемъ, какъ практическое нравоученіе изъ всего повѣствованія о цивилизаціи. Справедливо, что прогрессъ въ культурѣ происходитъ какъ у дикихъ, такъ и у цивилизованныхъ народовъ; но онъ происходитъ не при одинаковыхъ условіяхъ. Дикарь ни въ какомъ случаѣ не живетъ съ намѣреніемъ собрать болѣе знанія и создать лучшіе законы нежели тѣ, которые были въ распоряженіи его отцовъ. Напротивъ, онъ склоненъ думать, что его предки передали ему совершенную мудрость, въ которой было бы нечестиво производить хотя бы малѣйшее измѣненіе. Отсюда у низшихъ расъ существуетъ упорное сопротивленіе самымъ желательнымъ реформамъ, и прогрессъ среди нихъ можетъ пролагать себѣ путь только съ такой медленностью и затрудненіемъ, какихъ мы, люди этого вѣка, почти не можемъ себѣ вообра-

зить. Разсматривая состояніе грубаго человѣка, мы можемъ видѣть, что его отвращеніе отъ перемѣнъ не всегда было не разумно и, въ сущности, часто могло возникнуть изъ вѣрнаго инстинкта. При незнаніи другой жизни, кромѣ собственной, для него было бы безумно разомъ отказаться отъ стараго испытаннаго механизма общества для того, чтобы ринуться въ революціонную перемѣну, которая могла разрушить наличныя блага, не поставивъ на ихъ мѣсто ничего лучшаго. Если бы опытъ древнихъ людей былъ шире, они могли бы усмотрѣть, какъ быстрѣе двигаться по пути цивилизаціи. Но мы, люди новой цивилизаціи, обладаемъ именно тѣмъ, болѣе широкимъ знаніемъ, котораго не доставало грубымъ древнимъ людямъ. Зная событія и ихъ послѣдствія имѣвшія мѣсто во всемъ мірѣ, мы въ состояніи направлять свой собственный путь съ большею увѣренностью въ возможность усовершенствованія. Словомъ, человѣчество переходитъ отъ періода безсознательнаго къ періоду сознательнаго прогресса. Читателямъ, дошедшимъ до этихъ строкъ, нѣтъ нужды подробно указывать на то, что уже должны были вызвать въ ихъ умѣ самые факты—на то, что изученіе человѣка и его цивилизаціи представляетъ не только предметъ научнаго интереса, но сразу же переходитъ въ практическое житейское дѣло. Въ этомъ изученіи намъ дано средство понимать нашу собственную жизнь и наше положеніе въ мірѣ — понимать, правда, только смутно и несовершенно, но во всякомъ случаѣ гораздо яснѣе нежели было возможно для всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній. Знаніе хода жизни человѣчества, отъ отдаленнаго прошлаго до настоящаго, не только помогаетъ намъ предсказывать будущее, но и можетъ руководить нами при исполненіи нашей обязанности—оставлять міръ лучшимъ чѣмъ онъ былъ, когда мы вступили въ него.

КОНЕЦЪ.

ИЗБРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Физическая и описательная антропологія:

Waitz, Anthropologie der Naturvölker.
Topinard, Anthropologie.
D rwin, Descent of Man.
Huxley, Man's Place in Nature; Geographical Distribution of Mankind (въ *Journ. of Ethnological Society*, томъ II, 1870).
Vogt, Vorlesungen über den Menschen.
Prichard, Natural History of Man.
Wood, Natural Hisrory: Man.
Peschel, Völkerkunde.
Quatrefages, Espêce humaine.
Flower, Hunterian Lectures on «The Comparative Anatomy of Man». *Nature*, іюль 1879 и май и іюль 1880.
Broca, Instructions Craniologiques.
Anthropological Notes and Queries for Travellers etc. (Британская Ассоціація).
Journal of the Anthropological Institute (Лондонъ).
Revue d'Anthropologie (Парижъ).
Zeitschrift für Ethnologie (Берлинъ).
Отчеты о расахъ, доставленные путешественниками и миссіонерами, каковы: *Catlin*, North American Indians; *Ellis*, Polynesian Researches; *Wallace*, Travels on the Amazon, and Malay Archipelago; *Burton*, Lake Regions of Central Africa; J. L. *Wilson*, Western Africa; *Grey*, Travels in Australia; и т. д.

Геологія и археологія:

Lubbock, Prehistoric Times.
Lyell, Antiquity of Man.
Dawkins, Cave-hunting; Early Man in Britain.
Evans, Ancient Stone Implements of Great Britain.

Fergusson, Rude Stone Monuments.
Keller and *Lee*, Lake Dwellings of Switzerland (первоначальный трудъ Кэллера на нѣмецкомъ языкѣ).
Nilsson, Primitive Inhabitants of Scandinavia (оригиналъ на шведскомъ языкѣ).
Wilson, Prehistoric Man.

Филологія:

Max Müller, Lectures on the Science of Language.
Sayce, Comparative Philology; Introduction to the Science of Language.
Whitney, Language and the Study of Language.
Hovelacque and Vinson, The Science of Language.
Pictet, Origines Indo-Européennes.
Steinthal, Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues

Цивилизація:

Maine, Ancient Law.
Lubbock, Origin of Civilisation.
Bagehot, Physics and Politics.
Freeman, Comparative Politics; Historical Essays.
Draper, Intellectual Development of Europe.
Me Lennan, Studies in Ancient History.
Morgan, Ancient Society.
Spencer, Principles of Sociology.
Klemm, Allgemeine Culturgeschichte; Culturwissenchaft.
Tylor, Early History of Mankind; Primitive Culture.

ОПЕЧАТКИ:

Стр.	*Строка.*	*Напечатано*	*Должно быть.*
186	5 сн.	пруть	прута
196	15 св.	скатываніе ихъ	вскатываніе ихъ вверхъ
200	4 »	держали	дергали
201	12 сн.	странное	старинное
207	6 св.	Тамаріи	Татаріи
208	6 сн.	схватывалъ и съѣдалъ	схватываетъ и съѣдаетъ
211	8 »	рыбныхъ	рыбьихъ
219	2 »	распологая	располагая ихъ
220	6 »	войну	войны
229	16 св.	приходилось	приходится
241	7—6 сн.	съ ея руками обмотанными	обматываетъ руки
264	14 »	omophagoi	ömophagoi
265	16 »	корингійскій	каринтійскій
301	1 св.	Южной Африкѣ	Африкѣ
302	3 сн.	создова	создавать
312	14 »	помножать	помножить
313	12 »	черешка	ореха
316	16 »	*elbon*	*elbow*
318	13 св.	усовершенствованіи	усовершенствованію,

